ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА—ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1962

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ

25

часть
II

К. МАРКС

КАПИТАЛ

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ТОМ ТРЕТИЙ

КНИГА III: ПРОЦЕСС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА, ВЗЯТЫЙ В ЦЕЛОМ

Часть вторая (главы XXIX—LII)

ИЗДАН ПОД РЕДАКЦИЕЙ ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ
ДЕЛЕНИЕ ПРИБЫЛИ НА ПРОЦЕНТ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ДОХОД. КАПИТАЛ, ПРИНОСЯЩИЙ ПРОЦЕНТЫ
(продолжение)

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ
СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ БАНКОВСКОГО КАПИТАЛА

Теперь мы должны рассмотреть подробнее, из чего состоит банковский капитал.

Мы только что видели, что Фуллартон и другие превращают различие между деньгами как средством обращения и деньгами как средством платежа (а также мировыми деньгами, поскольку принимается в расчет отлив золота) в различие между средством обращения (currency) и капиталом.

Своеобразная роль, которую здесь играет капитал, приводит к тому, что с такой же старательностью, с какой «просвещенная» политическая экономия пыталась внушить, что деньги не капитал, — с такой же старательностью эта банкирская политическая экономия внушает, что деньги в действительности представляют собой капитал par excellence[*].

В дальнейшем исследовании мы покажем, что денежный капитал здесь смешивается с moneyed capital[**] в смысле капитала, приносящего проценты, тогда как в первом смысле денежный капитал означает всегда лишь переходную форму капитала, рассматриваемую в отличие от других форм капитала:

от товарного капитала и производительного капитала.

Банковский капитал состоит: 1) из наличных денег, золота или банкнот; 2) из ценных бумаг. Эти последние мы можем снова разделить на две части: торговые бумаги, то есть текущие векселя, для которых время от времени истекает срок и в учете которых состоит собственно деятельность банкира;

---

[*] — по преимуществу. *Ред.*
[**] — денежным капиталом. *Ред.*

и публичные ценные бумаги, как, например, государственные облигации, казначейские свидетельства, всякого рода акции, — короче, бумаги, приносящие проценты, но существенно отличающиеся от векселей. Сюда могут быть причислены также ипотеки. Капитал, составляющийся из этих вещественных составных частей, разделяется опять-таки на капитал, вложенный самим банкиром, и депозиты, составляющие его banking capital, или заемный капитал. В банках с банкнотной эмиссией сюда относятся также и банкноты. Депозиты и банкноты мы пока оставим в стороне. Ясно во всяком случае, что действительные составные части банкирского капитала — деньги, векселя, процентные бумаги — нисколько не изменяются от того, представляют ли эти различные элементы собственный капитал банкира или же депозиты, то есть капитал других людей. Разделение капитала на части остается неизменным, независимо от того, ведет ли банкир свое дело только при помощи собственного капитала или же только при помощи капитала, депонированного у него.

Форма капитала, приносящего проценты, приводит к тому, что каждый определенный и регулярный денежный доход представляется процентом на капитал независимо от того, возникает ли этот доход из капитала или нет. Сначала денежный доход превращается в процент, а затем, раз есть процент, найдется уж и капитал, из которого денежный доход возникает. Равным образом, когда есть капитал, приносящий проценты, всякая сумма стоимости представляется капиталом, раз она не расходуется как доход, — представляется именно основной суммой (principal), в противоположность возможному или действительному проценту, который она может приносить.

Суть дела проста: пусть средняя процентная ставка 5% в год. Следовательно, сумма в 500 ф. ст., превращенная в капитал, приносящий проценты, давала бы ежегодно 25 фунтов стерлингов. Каждый фиксированный ежегодный доход в 25 ф. ст. рассматривается поэтому как процент на капитал в 500 фунтов стерлингов. Однако это — чисто иллюзорное представление, за исключением того случая, когда источник дохода в 25 ф. ст. — есть ли он простой титул собственности, или долговое требование, или же действительный элемент производства, как, например, земельный участок, — может быть непосредственно передан или же приобретает форму, в которой он способен к передаче. Возьмем для примера государственный долг и заработную плату.

Государство должно ежегодно выплачивать своим кредиторам определенный процент за капитал, который оно получает

Das Kapital.

Kritik der politischen Oekonomie.

Von

Karl Marx.

Dritter Band, zweiter Theil.

Buch III:
Der Gesammtprocess der kapitalistischen Produktion.
Kapitel XXIX bis LII.

Herausgegeben von **Friedrich Engels.**

Hamburg
Verlag von Otto Meissner.
1894.

Титульный лист первого немецкого издания
II части III тома «Капитала»

взаймы. Здесь кредитор не может требовать от должника погашения долга, он может только продать свое долговое требование, свой титул собственности. Самый капитал потреблен, израсходован государством. Он больше не существует. Что касается кредитора государства, то он: 1) обладает долговым обязательством государства, скажем, на 100 фунтов стерлингов; 2) получает в силу этого обязательства право на известную часть годовых доходов государства, то есть на известную часть годовых налогов в размере, скажем, 5 ф. ст. или 5%; 3) может продать это долговое обязательство на 100 ф. ст. всякому другому лицу. Если процентная ставка 5% и если платежеспособность государства не вызывает сомнений, то владелец *A* может, вообще говоря, продать долговое обязательство *B* за 100 ф. ст., потому что для *B* совершенно безразлично, ссужает ли он 100 ф. ст. из 5% годовых или же путем уплаты 100 ф. ст. обеспечивает себе ежегодную дань со стороны государства в размере 5 фунтов стерлингов. Но во всех этих случаях капитал, отпрыском (процентом) которого считаются платежи государства, остается иллюзорным, фиктивным капиталом. И не только потому, что сумма, данная в ссуду государству, вообще уже не существует. Сумма эта никогда вообще не предназначалась для того, чтобы ее затратить, вложить как капитал, а между тем только применение ее в качестве капитала могло бы превратить ее в самосохраняющуюся стоимость. Для первоначального кредитора *A* причитающаяся ему доля ежегодных налогов представляет собой процент на его капитал, — так же, как для ростовщика процентом на капитал представляется причитающаяся ему часть имущества мота, хотя в обоих случаях денежная сумма, данная взаймы, была израсходована не как капитал. Возможность продать долговое обязательство государства представляет для *A* возможность вернуть основную сумму. Что касается *B,* то с его частной точки зрения капитал его вложен как капитал, приносящий проценты. По существу же дела *B* только стал на место *A* и купил принадлежащее последнему долговое требование к государству. Как бы ни умножались сделки этого рода, капитал государственного долга остается чисто фиктивным, и с того момента, как долговые свидетельства перестали бы находить себе покупателей, исчезла бы даже видимость этого капитала. Тем не менее, как мы сейчас увидим, этот фиктивный капитал обладает своим собственным движением.

Теперь в противоположность капиталу государственного долга, где в качестве капитала выступает отрицательная величина, — так как вообще капитал, приносящий проценты,

порождает всякие извращенные формы, то и долги в представлении банкира могут казаться товарами, — мы рассмотрим рабочую силу. Заработная плата принимается здесь как процент, а следовательно, рабочая сила — как капитал, приносящий эти проценты. Если, например, годовая заработная плата = 50 ф. ст., а ставка процента — 5%, то рабочая сила, функционирующая в течение года, считается равной капиталу в 1000 фунтов стерлингов. Нелепость капиталистического способа представления достигает здесь своего апогея; вместо того чтобы объяснять эксплуатацией рабочей силы увеличение стоимости капитала, наоборот, производительность рабочей силы объясняется тем, что сама рабочая сила является этой таинственной вещью, капиталом, приносящим проценты. Во второй половине XVII века (например, у Петти) это было излюбленным представлением, но и в наши дни оно со всей серьезностью используется отчасти вульгарными экономистами, отчасти же и главным образом немецкими статистиками[1]. К сожалению, имеются два обстоятельства, неприятным образом опрокидывающих это безмозглое представление: во-первых, рабочий должен работать, чтобы получать эти проценты, и, во-вторых, он не может обратить в звонкую монету капитальную стоимость своей рабочей силы путем ее передачи другому. Более того, годовая стоимость его рабочей силы равна его средней годовой заработной плате, и своим трудом он должен возместить для покупателя его рабочей силы именно эту стоимость плюс прибавочную стоимость, то есть ее прирост. При системе рабства работник имеет капитальную стоимость, именно покупную цену. И если его отдают внаем, то наниматель должен, во-первых, уплатить процент на его покупную цену и, кроме того, возмещать ежегодный износ капитала.

Образование фиктивного капитала называют капитализацией. Капитализируется каждый регулярно повторяющийся доход, причем его исчисляют по средней процентной ставке как доход, который приносил бы капитал, отданный в ссуду из этого процента; если, например, годовой доход = 100 ф. ст. и ставка процента = 5%, то 100 ф. ст. составляли бы годовой процент на 2000 ф. ст., и эти 2000 ф. ст. будут считаться теперь капитальной стоимостью юридического титула собственности

[1] «Рабочий имеет капитальную стоимость, величина которой определится, если мы будем рассматривать денежную стоимость его ежегодного заработка как процентный доход... Если... капитализировать из 4% средний дневной заработок, то получится средняя стоимость одного сельскохозяйственного рабочего мужского пола: для немецкой Австрии — 1500 талеров, для Пруссии — 1500, для Англии — 3750, для Франции — 2000, для Центральной России — 750 талеров» (*Von Reden* «Vergleichende Kultur-Statistik etc.». Berlin, 1848, S. 434).

на ежегодный доход в 100 фунтов стерлингов. Для того, кто купил этот титул собственности, 100 ф. ст. годового дохода действительно представляют процент на его капитал, вложенный из 5%. Таким образом всякая связь с действительным процессом возрастания капитала исчезает бесследно, и представление о капитале как о стоимости, самовозрастающей автоматически, окончательно упрочивается.

Даже там, где долговое свидетельство — ценная бумага — не представляет чисто иллюзорный капитал, как в случае с государственными долгами, капитальная стоимость этой бумаги чисто иллюзорная. Мы видели выше*, каким образом кредит создает акционерный капитал. Бумаги служат титулами собственности, представляющими этот капитал. Акции железнодорожных, горных, пароходных и других обществ являются представителями действительного капитала, именно капитала, вложенного и функционирующего в этих предприятиях, или денежной суммы, авансированной участниками с целью израсходовать ее в этих предприятиях как капитал. При этом отнюдь не исключено, что акции могут представлять также и чистое мошенничество. Однако данный капитал не существует вдвойне, — один раз как капитальная стоимость титула собственности, акций, и другой раз как капитал, действительно вложенный или подлежащий вложению в упомянутые предприятия. Капитал существует лишь в этой последней форме, и акция есть лишь титул собственности, pro rata**, на реализуемую им прибавочную стоимость. *A* может продать титул *B*. *B* может продать его *C*. Такие сделки ничего не меняют в существе дела. *A* или *B* превращает в таком случае свой титул в капитал, а *C* свой капитал — в простой титул собственности на прибавочную стоимость, ожидаемую от акционерного капитала.

Самостоятельное движение стоимости этих титулов собственности — не только государственных ценных бумаг, но и акций — поддерживает иллюзию, будто они образуют действительный капитал наряду с тем капиталом или с тем притязанием, титулами которых они, может быть, являются. А именно, они становятся товарами, цена которых имеет особое движение и особым образом устанавливается. Их рыночная стоимость получает отличное от их номинальной стоимости определение, не связанное с изменением стоимости действительного капитала (хотя и связанное с увеличением этой стоимости). С одной стороны, рыночная стоимость их колеблется вместе с высотой и обеспеченностью доходов, на которые они дают право.

---

* См. настоящий том, часть I, стр. 479—480. *Ред.*
** — пропорционально. *Ред.*

Если номинальная стоимость акции, то есть действительно затраченная сумма, которую она первоначально представляла, есть 100 ф. ст. и если предприятие вместо 5% приносит 10%, то рыночная стоимость акции при прочих равных условиях и при процентной ставке в 5% поднимается до 200 ф. ст., потому что, капитализированная из 5%, она представляет теперь фиктивный капитал в 200 фунтов стерлингов. Тот, кто покупает ее за 200 ф. ст., получает 5% дохода с этой затраты капитала. Обратное имеет место, если доход предприятия уменьшается. Рыночная стоимость этих бумаг отчасти спекулятивна, так как она определяется не только действительным доходом, но и ожидаемым, заранее исчисленным. Но при том условии, если увеличение стоимости действительного капитала является постоянным, или же, где, как в случае государственного долга, никакого капитала не существует, если ежегодный доход фиксирован законом и вообще достаточно обеспечен, цена этих ценных бумаг будет подниматься и падать в направлении, обратном движению ставки процента. Если процентная ставка повышается с 5% до 10%, то ценная бумага, обеспечивающая доход в 5 ф. ст., будет представлять капитал только в 50 фунтов стерлингов. Если же процентная ставка понижается до $2^1/_2$%, — та же самая ценная бумага представляет капитал в 200 фунтов стерлингов. Ее стоимость есть всегда лишь капитализированный доход, то есть доход, исчисленный на иллюзорный капитал в соответствии с существующей процентной ставкой. Таким образом, во время затруднений на денежном рынке эти ценные бумаги падают в цене в силу двоякого рода причин: во-первых, потому что повышается процентная ставка, и, во-вторых, потому что их массами выбрасывают на рынок с целью реализовать в деньгах. Это падение цен имеет место и в том случае, когда доход, обеспечиваемый этими бумагами их владельцу, остается постоянным, как у держателей государственных ценных бумаг, и в том случае, когда возрастание действительного капитала, представляемого ценными бумагами, будет затронуто нарушениями процесса воспроизводства, — как это бывает с промышленными предприятиями. В последнем случае к вышеупомянутому обесценению присоединяется только еще новое. После того как буря миновала, курс ценных бумаг снова достигает своего прежнего уровня, если они не представляют предприятий, потерпевших крах или дутых. Их обесценение во время кризиса действует как мощное средство централизации денежного имущества[2)].

[2)] {Непосредственно после февральской революции, когда в Париже товары и ценные бумаги были в высшей степени обесценены и совершенно не находили покупателей, один швейцарский купец в Ливерпуле, г-н Р. Цвильхенбарт (рассказавший этот случай моему отцу), обратив в деньги все, что можно было, отправился с этой наличностью в Париж и сделал Ротшильду предложение совместно предпринять аферу. Ротшильд пристально посмотрел на него, а затем, приблизившись к нему, положил руки на плечи и спросил: «Avez vous de

Поскольку обесценение или повышение стоимости этих бумаг не зависит от движения стоимости действительного капитала, который они представляют, богатство нации после такого обесценения или повышения стоимости остается таким же, каким оно было до него.

«К 23 октября 1847 г. государственные фондовые бумаги и акции каналов и железных дорог обесценились уже на 114752225 ф. ст.» (Моррис, управляющий Английским банком, показание в отчете «Commercial Distress» 1847—1848 [№ 3800]).

Поскольку их обесценение не выражало действительного застоя производства и перевозок по железным дорогам и каналам, или прекращения уже работающих предприятий, или бесполезной затраты капитала на предприятия, действительно ничего не стоящие, нация не стала беднее ни на грош от того, что лопнули эти мыльные пузыри номинального денежного капитала.

В действительности все эти бумаги суть не что иное, как накопленные притязания, юридические титулы на будущее производство, денежная или капитальная стоимость которых либо вовсе не представляет никакого капитала, как в случае государственных долгов, либо регулируется независимо от стоимости действительного капитала, который они представляют.

Во всех странах капиталистического производства в этой форме существует огромная масса так называемого приносящего проценты капитала, или moneyed capital. И под накоплением денежного капитала большей частью подразумевается только накопление этих притязаний на производство, накопление рыночной цены, иллюзорной капитальной стоимости этих притязаний.

И вот часть банкирского капитала вложена в эти так называемые процентные бумаги. Это — собственно часть резервного капитала, который не функционирует в собственно банковском деле. Наиболее значительная часть этих бумаг состоит из векселей, то есть платежных обязательств промышленных капиталистов или купцов. Для денежного кредитора векселя эти являются процентными бумагами, то есть, покупая эти бумаги, он вычитает проценты за время, остающееся до срока

---

l'argent sur vous?» — «Oui, M. le baron!» — «Alors vous etes mon homme!» [«А у вас есть деньги?» — «Да, г-н барон!» — «Ну, тогда вы тот, кто мне нужен!»]. — И оба они сделали блестящую аферу. — *Ф. Э.*}

платежа. Это и есть то, что называют учетом. Таким образом, величина вычета из суммы, представляемой векселем, зависит от высоты процентной ставки в данное время.

Наконец, последняя часть капитала банкира состоит из его денежного резерва в золоте или банкнотах. Вклады, если только договором не обусловлен более или менее длительный срок, во всякий момент могут быть истребованы вкладчиком. Они находятся в состоянии постоянных приливов и отливов. Но на смену извлеченных вкладов поступают новые, так что в период нормального хода дел их средняя величина мало изменяется.

В странах с развитым капиталистическим производством резервные фонды банков всегда выражают в среднем количество денег, существующих в качестве сокровища, причем часть этого последнего опять-таки состоит из бумаг, из простых свидетельств на получение золота, которые, однако, не имеют никакой собственной стоимости. Поэтому большая часть банкирского капитала совершенно фиктивна и состоит из долговых требований (векселей), государственных бумаг (представляющих прошлый капитал) и акций (свидетельств на получение будущего дохода). При этом не следует забывать, что денежная стоимость того капитала, который представлен этими бумагами, находящимися в сейфах банкиров, является совершенно фиктивной даже в том случае, если они суть свидетельства на обеспеченный доход (как государственные бумаги) или служат титулом собственности на действительный капитал (как акции), и что денежная стоимость эта регулируется независимо от стоимости действительного капитала, который упомянутые бумаги, по крайней мере отчасти, представляют; если же они представляют не капитал, а простое требование на доходы, то требование на один и тот же доход выражается в постоянно изменяющемся фиктивном денежном капитале. Сюда присоединяется еще то обстоятельство, что этот фиктивный капитал банкира представляет большей частью не собственный его капитал, а капитал публики, которая вкладывает его в банк под проценты или без них.

Вклады производятся всегда деньгами, золотом или банкнотами, или свидетельствами на их получение. За исключением резервного фонда, который в зависимости от потребностей действительного обращения то сокращается, то расширяется, вклады эти на деле всегда находятся в руках, с одной стороны, промышленных капиталистов и купцов, которые за счет вкладов учитывают свои векселя и получают ссуду; с другой стороны, в руках торговцев ценными бумагами (биржевых маклеров) или в руках частных лиц, продавших свои ценные бумаги,

или в руках правительства (в случаях со свидетельствами казначейства и новыми займами). Самые вклады играют двоякую роль. С одной стороны, они, как было уже упомянуто, даются в ссуду в качестве капитала, приносящего проценты, и, следовательно, не находятся в кассах банков, а лишь фигурируют в их книгах как сумма, причитающаяся вкладчикам. С другой стороны, они функционируют только как такие простые записи в книгах, поскольку взаимные требования вкладчиков выравниваются посредством чеков на вклады и взаимно списываются со счетов; при этом совершенно безразлично, находятся ли вклады у одного и того же банкира, так что этот последний осуществляет взаимное выравнивание счетов, или же это выполняется различными банками, которые взаимно обмениваются своими чеками, уплачивая лишь разницу.

С развитием капитала, приносящего проценты, и кредитной системы всякий капитал представляется удвоенным, а в некоторых случаях даже утроенным вследствие разных способов, благодаря которым один и тот же капитал или даже одно и то же долговое требование появляется под различными формами в различных руках[3)]. Бо́льшая часть этого «денежного капитала» совершенно фиктивна. Все вклады, за исключением резервного фонда, представляют не что иное, как долговые обязательства банкира, и никогда не существуют в наличности. Поскольку они служат для жирооборота, они функционируют как капитал для банкиров, после того как эти последние отдадут их в ссуду. Банкиры расплачиваются друг с другом свидетельствами на несуществующие вклады, взаимно списывая со счетов эти долговые требования.

[3)] {Это удвоение и утроение капитала за последние годы развилось значительно шире благодаря, например, финансовым трестам, занимающим уже в лондонских биржевых отчетах особую рубрику. Образуется общество для приобретения известного рода процентных бумаг, скажем, иностранных государственных ценных бумаг, английских городских или американских государственных облигаций, железнодорожных акций и т. д. Капитал, скажем в 2 млн. ф. ст., собирается путем подписки на акции; дирекция приобретает соответственные ценности или же более или менее энергично спекулирует на них и распределяет годовые проценты за вычетом издержек между акционерами в качестве дивиденда. Далее, у некоторых акционерных обществ вошло в обыкновение разделять обыкновенные акции на два класса: preferred и deferred [привилегированные и второочередные]. Акции preferred приносят фиксированный процент, скажем 5%, конечно, при том условии, что это допускает общая прибыль предприятия; если сверх того остается некоторый избыток, он распределяется по акциям deferred. Таким путем «солидные» вложения капитала в preferred более или менее изолируются от спекуляции в собственном смысле слова, оперирующей с deterred. Но так как отдельные крупные предприятия не желают подчиняться этой новой моде, то начали образовываться общества, которые, вложив один или несколько миллионов фунтов стерлингов в акции этих предприятий, выпускают затем на номинальную стоимость этих акций новые акции, но уже наполовину preferred, наполовину deferred. В таких случаях первоначально выпущенные акции удваиваются, так как они служат основанием для нового выпуска акций. — *Ф. Э.*}

А. Смит говорит следующее относительно той роли, которую играет капитал при денежных ссудах:

«Даже в денежно-ссудном деле деньги играют роль как бы свидетельства, при помощи которого капиталы, не находящие себе применения у своего владельца, передаются из рук в руки. Эти капиталы могут почти неограниченно превышать по своей величине денежную сумму, служащую орудием их передачи; те же самые деньги последовательно служат при многих различных займах, точно так же, как и при многих различных покупках. Например, *А* ссужает *W* 1 000 ф. ст., на которые *W* тотчас же покупает у *В* товаров на 1000 фунтов стерлингов. Так как *В* не находит применения для денег, он ссужает те же деньги *X,* а *X* при их помощи опять-таки немедленно покупает у *С* товаров на 1000 фунтов стерлингов. Таким же образом и на том же основании *С* ссужает свои деньги *Y*, который снова покупает на них товары у *D.* Таким образом, одни и те же деньги, золотые или бумажные, могут в течение немногих дней служить посредниками для трех различных займов и трех различных покупок, причем каждая из этих сделок по своей стоимости равна всей сумме этих денег. Владельцы денег *А, В и С* передали трем заемщикам *W, X* и *Y* только власть совершить эти покупки. В этой власти состоит как ценность, так и польза этих займов. Капитал, данный в ссуду тремя капиталистами, равен стоимости товаров, которые могут быть на него куплены, и втрое больше, чем стоимость денег, при помощи которых совершаются эти покупки. Тем не менее все эти ссуды могут быть вполне обеспечены, так как товары, купленные должниками на занятые деньги, употребляются таким способом, что со временем они возвращают свою стоимость с прибылью в золотых или бумажных деньгах. И подобно тому как одни и те же деньги могут служить средством для различных займов, превышающих в общей сложности стоимость этих денег в три или даже в тридцать раз, равным образом они могут последовательно служить средством для возврата этих займов» ([A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». Vol. I, London, 1776] Book II, ch. IV [p. 428—429]).

Так как одни и те же деньги, в зависимости от скорости их обращения, могут совершать несколько различных покупок, то они могут также совершать несколько различных займов, потому что купля передает их из одних рук в другие, а заем есть не что иное, как передача денег из рук в руки, неопосредствуемая куплей. Для каждого из продавцов деньги представляют превращенную форму его товара; в настоящее время, когда всякая стоимость принимает вид капитальной стоимости, деньги в различных займах представляют поочередно различные капиталы, что является лишь иным выражением того установленного выше положения, что деньги могут последовательно реализовывать различные товарные стоимости. Наряду с этим деньги служат средством обращения, с помощью которого происходит перемещение вещественного капитала из одних рук в другие. При ссуде деньги переходят из рук в руки не как средство обращения. Пока они остаются в руках кредитора, они в его руках не средство обращения, а форма существования

стоимости его капитала. И в этой форме он передает их при ссуде третьему лицу. Если бы *А* ссудил деньги *В,* а *В* ссудил их *С* без посредства купли, то данная сумма денег представляла бы не три капитала, а один, только одну капитальную стоимость. Сколько капиталов деньги действительно представляют, зависит от того, насколько часто они функционируют как форма стоимости различных товарных капиталов.

То, что А. Смит говорит о ссудах вообще, приложимо и к вкладам, которые суть лишь особое название ссуд, предоставляемых публикой банкиру. Одни и те же деньги могут служить в качестве орудия для любого числа вкладов.

«Бесспорная истина, что 1000 ф. ст., которые вы сегодня депонировали у *А,* завтра будут снова выданы и составят вклад у *В.* Послезавтра они могут быть снова выданы *В,* депонированы у *С* и так далее до бесконечности. Следовательно, одна и та же сумма денег в 1000 ф. ст. может посредством ряда передач умножиться до абсолютно неограниченной суммы вкладов. Поэтому возможно, что девять десятых всех вкладов в Англии существуют только в виде соответствующих записей в бухгалтерских книгах банкиров... Так, в Шотландии, где находящиеся в обращении деньги никогда не превышают 3 млн. ф. ст., вклады составляют 27 миллионов. Пока не наступит всеобщее истребование вкладов, одна и та же тысяча фунтов стерлингов, странствуя туда и сюда, может с такой же легкостью покрыть столь же неопределенную сумму. Так как те же 1000 ф. ст., которыми я плачу сегодня мой долг коммерсанту, завтра покроют его долг другому купцу, а послезавтра долг банку и так далее до бесконечности, то одни и те же 1000 ф. ст. могут переходить из рук в руки, от банка к банку, покрывая самую крупную сумму вкладов» («The Currency Theory Reviewed etc.» [Edinburgh, 1845], p. 62—63).

И так как в этой кредитной системе все удваивается, утраивается и превращается в простой призрак, то это справедливо и по отношению к «резервному фонду», в котором надеются, наконец, нащупать нечто реальное.

Послушаем опять г-на Морриса, управляющего Английским банком:

«Резервные фонды частных банков находятся в руках Английского банка в форме вкладов. Отлив золота, по-видимому, сначала касается лишь Английского банка; в действительности, однако, отлив золота в такой же степени затронул бы и резервы других банков, так как он означал бы отлив части резервов, которые они имеют в нашем Банке. Совершенно такое же влияние оказал бы он на резервы всех провинциальных банков» («Commercial Distress» 1847—1848 [№№ 3639—3642]).

Итак, в конце концов эти резервные фонды растворяются в резервном фонде Английского банка[4)]. Но и этот резервный фонд существует опять-таки в двоякой форме. Резервный фонд

[4)] {Насколько широкое развитие получила с тех пор эта практика, доказывают следующие заимствованные из «Daily News»[1] от 15 декабря 1892 г. официальные данные относительно резервов в пятнадцати крупнейших лондонских банках в ноябре 1892 года.

банкового отделения равняется избытку количества банкнот, которое Банк имеет право выпустить, сверх их количества, находящегося в обращении. Установленный законом максимум банкнотной эмиссии =14 миллионам (для которых не требуется металлического обеспечения; это соответствует приблизительно величине государственного долга Банку) плюс сумма банковского запаса благородного металла. Таким образом, если этот запас = 14 млн. ф. ст., то Банк имеет право выпустить на 28 млн. ф. ст. банковых билетов, и если из этой суммы 20 миллионов находятся в обращении, то резервный фонд банкового отделения = 8 миллионам. Эти 8 миллионов банкнотами составляют в таком случае законный банкирский капитал, которым Банк может распоряжаться, и в то же время резервный фонд для его вкладов. Если теперь наступит отлив золота, уменьшающий металлический запас на 6 миллионов, — а в связи с этим на такую же сумму должны быть уничтожены и банкноты, — то резерв банкового отделения упадет с 8 миллионов до 2 миллионов. С одной стороны, Банк повысил бы значительно свою учетную ставку, с другой стороны, зна-

Название банка	Пассив	Наличные резервы	Отношение наличных резервов к пассиву (в %%)
City…………………………	9 317 629 ф. ст.	746 551 ф. ст.	8,01
Capital and Counties......…..	11 392 744 » »	1 307 483 » »	11,47
Imperial	3 987 400 » »	447 157 » »	11,22
Lloyds ....…...........	23 800 937 » »	2 966 806 » »	12,46
London and Westminster....…………….	24 671 559 » »	3 818 885 » »	15,50
London and S. Western	5 570 268 » »	812 353 » »	14,58
London Joint Stock	12 127 993 » »	1 288 977 » »	10,62
London and Midland	8814499 » »	1 127 280 » »	12,79
London and County	37 111 035 » »	3 600 374 » »	9,70
National	11 163 829 » »	1 426 225 » »	12,77
National Provincial………..	41 907 384 » »	4 614 780 » »	11,01
Parrs and the Alliance……...	12 794 489 » »	1 532 707 » »	11,98
Prescott and C°……………	4 041 058 » »	538 517 » »	13,07
Union of London………….	15 502 618 » »	2 300 084 » »	14,84
Williams, Deacon, and Manchester, and C°.............	10 452 381 » »	1 317 628 » »	12,60
Итого………………..	232 655 823 ф. ст.	27 845 807 ф. ст.	11,97

Из этих почти 28 миллионов резерва по меньшей мере 25 миллионов депонированы в Английском банке, и самое большее 3 миллиона имеются наличными в кассах самих 15 банков. Между тем наличный резерв банкового отделения Английского банка в том же ноябре 1892 г. ни разу не достигал полных 16 миллионов! — *Ф. Э.*}

чительно уменьшился бы резервный фонд, обеспечивающий вклады банков и других вкладчиков. В 1857 г. четыре крупнейших акционерных банка в Лондоне угрожали, что если Английский банк не добьется правительственного распоряжения о приостановке действия банковского акта 1844 г.[5] они потребуют назад свои вклады, что привело бы банковое отделение к банкротству. Таким образом, банковое отделение может, как в 1847 г., обанкротиться, в то время как в эмиссионном отделении лежат многие миллионы (например в 1847 г. — до 8 миллионов) в качестве обеспечения обратимости циркулирующих банкнот. Но и это последнее опять же иллюзорно.

«Большая часть вкладов, которые непосредственно не нужны самим банкирам, попадает в руки billbrokers» (буквально: вексельных маклеров, по существу дела — полу банкиров), «которые в качестве обеспечения данной им ссуды предлагают банкиру торговые векселя, уже учтенные ими для разных лиц в Лондоне или провинции. Billbroker ответственен перед банкиром за уплату этих money at call» (деньги, которые должны быть возвращены по первому требованию); «и этого рода операции совершаются в таких огромных размерах, что г-н Нив, нынешний управляющий» {Английским} «банком, говорит в своем свидетельском показании: «Нам известно, что один маклер имел 5 миллионов, и мы имеем основание предположить, что у другого было 8—10 миллионов; один имел 4, другой $3^1/_2$, третий более 8 миллионов. Я говорю о вкладах, перешедших в руки маклеров»» («Report of Committee on Bank Acts», 1858, p. V, № 8).

«Лондонские billbrokers вели свои колоссальные операции без всякого наличного резерва; они рассчитывали на поступления по имеющимся у них векселям, сроки которых постепенно истекают, или, в случае нужды, на возможность получить ссуду из Английского банка под обеспечение дисконтированных ими векселей» [там же, стр. VIII, № 17]. — «Две фирмы лондонских billbrokers приостановили платежи в 1847 году; обе впоследствии возобновили дело. В 1857 г. они снова приостановили платежи. Пассив одной фирмы в 1847 г. был в округленных цифрах 2683000 ф. ст. при капитале в 180000 фунтов стерлингов; ее пассив в 1857 г. был 5300000 ф. ст., в то время как капитал равнялся, по всей вероятности, не более чем одной четверти того, что она имела в 1847 году. Пассивы другой фирмы колебались в обоих случаях между 3 или 4 миллионами при капитале, не превышавшем 45000 фунтов стерлингов» (там же, стр. XXI, № 52).

[5] Приостановка действия банковского акта 1844 г. позволяет Банку выпускать любое количество банкнот, не заботясь о покрытии их находящимся в руках Банка золотым запасом, следовательно, позволяет создавать любые количества бумажного фиктивного денежного капитала и при помощи последнего давать ссуды банкам и вексельным маклерам, а через них и торговцам. *[Ф. Э.]*

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ
ДЕНЕЖНЫЙ КАПИТАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛ. — I

Единственно трудные вопросы в исследовании кредита, к которым мы теперь подходим, суть следующие:

Во-первых, накопление собственно денежного капитала. В какой мере оно является и в какой не является признаком действительного накопления капитала, то есть воспроизводства в расширенном масштабе? Есть ли так называемое plethora — избыток капитала, выражение, применяемое всегда только к капиталу, приносящему проценты, то есть к денежному капиталу, — лишь особый способ выражения промышленного перепроизводства, или же оно представляет собой особое явление наряду с этим последним? Совпадает ли это plethora, это избыточное предложение денежного капитала с наличностью денежных масс (слитков, золотых денег и банкнот), лежащих без движения, и можно ли рассматривать этот избыток действительных денег как выражение и форму проявления указанного plethora ссудного капитала?

И, *во-вторых,* в какой степени денежное затруднение, то есть недостаток ссудного капитала, выражает недостаток действительного капитала (товарного капитала и производительного капитала)? В какой степени, с другой стороны, оно совпадает с недостатком денег, как таковых, с недостатком средств обращения?

Поскольку мы рассматривали до сих пор специфическую форму накопления денежного капитала и денежного имущества вообще, мы видели, что эта форма накопления сводится к накоплению притязаний собственности на труд. Накопление капитала в виде обязательств государственного долга означает, как оказалось, лишь увеличение класса кредиторов государства, которые получают право присваивать себе известные суммы из общей массы налогов[6]. В том факте, что даже накопление

---

[6] «Государственные процентные бумаги суть не что иное, как иллюзорный капитал, представляющий часть ежегодного дохода, предназначенную для уплаты долга. Соответствующий капитал был растрачен; он опреде-

долгов может выступать как накопление капитала, со всей полнотой обнаруживается то извращение, которое имеет место в системе кредита. Эти долговые свидетельства, выданные за первоначально взятый взаймы и давно уже израсходованный капитал, эти бумажные дубликаты уничтоженного капитала функционируют для своих владельцев как капитал, поскольку они являются пригодными к продаже товарами и, следовательно, могут быть обратно превращены в капитал.

Правда, мы также видели, что титулы собственности на общественные предприятия, железные дороги, рудники и т. п. являются фактически титулами на действительный капитал. Однако они не дают возможности распоряжаться этим капиталом. Его нельзя извлечь. Эти титулы дают только юридическое право на получение части прибавочной стоимости, которая должна быть присвоена этим капиталом. Но эти титулы становятся также и бумажными дубликатами действительного капитала; дело происходит таким образом, как если бы накладная приобрела стоимость наряду с самим грузом и одновременно с ним. Они становятся номинальными представителями несуществующего капитала. Ибо действительный капитал существует наряду с ними и, конечно, не переходит в другие руки оттого, что эти дубликаты переходят из рук в руки. Они делаются формой капитала, приносящего проценты, не только потому, что обеспечивают известный доход, но и потому, что путем продажи за них можно получить обратно деньги как за капитальные стоимости. Поскольку накопление этих бумаг выражает накопление железных дорог, рудников, пароходов и т. п., оно выражает расширение действительного процесса воспроизводства, — совершенно так же, как увеличение налоговых требований, например, на движимое имущество свидетельствует о возрастании этой движимости. Но в качестве дубликатов, которые сами могут продаваться как товары, а потому обращаются как капитальные стоимости, они иллюзорны, и величина их стоимости может повышаться и падать совершенно независимо от движения стоимости действительного капитала, титулами на который они являются. Величина их

лил собой сумму займа, однако государственные процентные бумаги представляют не этот капитал, ибо он уже совершенно не существует. Между тем новые богатства должны быть созданы промышленным трудом; каждый год часть этих богатств заранее предназначается для тех, кто ссудил богатства, впоследствии уничтоженные; часть эта посредством налогов отнимается у производителей богатства, чтобы быть отданной кредиторам государства, причем, сообразно обычному для данной страны отношению между капиталом и процентом, предполагается иллюзорный капитал, эквивалентный тому, который мог бы порождать ежегодную ренту, причитающуюся кредиторам» (Sismondi. «Nouveaux principes». [Seconde édition, Paris, 1827] II, p. 229—230).

стоимости, то есть их биржевой курс, имеет обязательную тенденцию повышаться с падением ставки процента, поскольку последнее, независимо от специфического движения денежного капитала, является простым следствием тенденции нормы прибыли к понижению. Таким образом, уже в силу одной этой причины с развитием капиталистического производства это фиктивное богатство возрастает вследствие роста стоимости каждой из его пропорциональных частей, имеющих определенную первоначальную номинальную стоимость[7)].

Выигрыш и потеря благодаря колебаниям цен этих титулов собственности, как и их централизация в руках железнодорожных королей и т. п., по самой природе вещей все более и более становятся результатом игры, которая теперь выступает вместо труда, а также вместо прямого насилия, в качестве первоначального способа приобретения капиталистической собственности. Этот вид фиктивного денежного имущества, как мы уже отмечали, составляет весьма значительную часть не только денежного имущества частных лиц, но также и банкирского капитала.

Можно было бы, — мы упоминаем об этом лишь затем, чтобы поскорее покончить с этим вопросом, — под накоплением денежного капитала понимать также накопление богатства в руках банкиров (денежных кредиторов по профессии) как посредников между частными денежными капиталистами, с одной стороны, и государством, общинами и производительными заемщиками — с другой; причем все колоссальное расширение кредитной системы, вся система кредита эксплуатируется этими банкирами как их частный капитал. Эти молодцы имеют капиталы и доходы всегда в денежной форме или в форме прямых требований на деньги. Накопление состояний этими банкирами может совершаться в направлении, весьма отличном от действительного накопления, но во всяком случае доказывает, что они прибирают к рукам добрую долю последнего.

Ограничим этот вопрос более узкими рамками. Государственные процентные бумаги, равно как и акции и всякого рода иные ценные бумаги, суть сферы вложения для ссудного капитала, для капитала, предназначенного приносить про-

---

[7)] Часть накопленного денежного капитала, предназначенного для ссуд, в действительности является простым выражением промышленного капитала. Так, например, когда Англия в 1857 г. вложила в американские железные дороги и другие предприятия 80 млн. ф. ст., то это совершилось почти исключительно за счет вывоза английских товаров, которые американцам вовсе не пришлось оплачивать. Английские экспортеры выписывали взамен этих товаров векселя на Америку, которые раскупались английскими подписчиками на акции и посылались в Америку в качестве уплаты за стоимость акций.

центы. Они суть формы отдачи его в ссуду. Но сами они не представляют собой тот ссудный капитал, который в них вкладывается. С другой стороны, поскольку кредит играет прямую роль в процессе воспроизводства, необходимо иметь в виду следующее: когда промышленник или купец хочет дисконтировать вексель или получить ссуду, ему не нужны ни акции, ни государственные бумаги. Ему нужны деньги. Поэтому он закладывает или продает эти ценные бумаги, если он иным способом не может добыть себе денег. Вот о накоплении *этого-то* ссудного капитала у нас и идет речь, и притом специально о накоплении ссужаемого денежного капитала. Мы не говорим здесь о ссуде домов, машин и иного основного капитала. Мы не говорим также о тех ссудах, которые промышленники и торговцы предоставляют друг другу товарами и в рамках процесса воспроизводства, хотя и этот пункт нам предварительно придется еще рассмотреть подробнее; мы говорим исключительно о денежных ссудах, которые банкиры, как посредники, предоставляют промышленникам и купцам.

Итак, проанализируем сначала коммерческий кредит, то есть кредит, который оказывают друг другу капиталисты, занятые в процессе воспроизводства. Он образует основу кредитной системы. Его представителем является вексель, долговое свидетельство с определенным сроком платежа, document of deferred payment*. Каждый дает кредит одной рукой и получает кредит другой. Отвлечемся пока от банкирского кредита, который образует совершенно иной, существенно отличный момент. Поскольку эти векселя в свою очередь обращаются среди самих купцов как средство платежа, при помощи передаточных надписей от одного к другому, без посредствующего учета, то происходит лишь перенесение долгового требования *с A на B,* совершенно не изменяющее связи в целом. Одно лицо только ставится на место другого. Но даже и в этом случае погашение долгов может иметь место без вмешательства денег. Например, прядильщик *A* должен уплатить по векселю хлопковому маклеру *B,* а этот последний — импортеру *C.* Если *C* в то же время экспортирует пряжу, что случается довольно часто, то он может в обмен на вексель купить у *A* пряжи, а прядильщик *A* погашает свой долг маклеру *B* его же векселем, полученным *A* в счет платежа от *C,* причем деньгами придется уплатить самое большее только сальдо. Результатом всей этой

* — документ об отсрочке платежа. *Ред.*

сделки является лишь обмен хлопка на пряжу. Экспортер представляет только прядильщика, хлопковый маклер — производителя хлопка.

Относительно кругооборота этого чисто коммерческого кредита необходимо отметить два момента:

Во-первых: погашение этих взаимных долговых требований зависит от обратного притока капитала, то есть от акта *Т — Д,* который только отсрочен. Если прядильщик получил вексель от фабриканта ситца, то последний сможет уплатить, если он до срока уплаты успеет продать свой ситец, находящийся на рынке. Если спекулянт хлебом выдал вексель на своего агента, то агент сможет уплатить деньги, если тем временем ему удастся продать хлеб по ожидаемой цене. Таким образом, эти уплаты зависят от бесперебойности воспроизводства, то есть процесса производства и процесса потребления. Но так как кредит носит взаимный характер, то платежеспособность одного зависит в то же время от платежеспособности другого; ибо векселедатель, выдавая свой вексель, может рассчитывать или на возврат капитала в его собственном предприятии или на возврат капитала в предприятии третьего лица, которое в течение данного срока должно уплатить ему по векселю. Если оставить в стороне расчеты на возврат капитала, платеж может состояться только за счет резервного капитала, которым располагает векселедатель для выполнения своих обязательств в случае замедленного возврата капитала.

Во-вторых: эта кредитная система не устраняет необходимости уплаты наличными. Прежде всего, значительная часть затрат должна всегда производиться наличными: заработная плата, налоги и т. д. Далее, пусть, например, *В,* получивший от *С* вместо платежа вексель, сам должен до истечения срока этого векселя уплатить *D* по векселю, для которого уже наступил срок платежа, а для этого ему нужны наличные деньги. Такой совершенный кругооборот воспроизводства, какой выше предположен между производителем хлопка и прядильщиком, и наоборот, может составить только исключение; в действительности кругооборот постоянно прерывается во многих местах. При рассмотрении процесса воспроизводства («Капитал», кн. II, отдел III[2]) мы видели, что производители постоянного капитала частично обмениваются постоянным капиталом между собой. Вот почему векселя могут более или менее взаимно покрываться. То же самое имеет место в восходящей линии производства, где, например, торговец хлопком выписывает вексель на прядильщика, прядильщик — на фабриканта ситца, этот последний — на экспортера, экспортер — на импортера (быть

может, опять-таки на импортера хлопка). Однако здесь нет кругооборота сделок, а следовательно, нет и замыкающегося круга требований. Например, требование прядильщика ткачу не компенсируется требованием поставщика угля машиностроителю; прядильщик на своем предприятии никогда не может создать встречного требования машиностроителю, так как его продукт, пряжа, не входит в качестве элемента в процесс воспроизводства машин. Поэтому такие требования должны погашаться деньгами.

Границы этого коммерческого кредита, если их рассматривать сами по себе, таковы: 1) богатство промышленников и купцов, то есть резервный капитал, находящийся в их распоряжении на случай замедленного обратного притока капитала; 2) самый этот обратный приток. Последний может замедлиться на некоторое время, или товарные цены могут в течение данного периода времени упасть, или вдруг может оказаться, что товар вследствие застоя на рынке не находит сбыта. Чем долгосрочнее вексель, тем больше, во-первых, должен быть резервный капитал и тем значительнее возможность уменьшения и запоздания обратного притока вследствие падения цен или переполнения рынка. И далее, возврат тем менее обеспечен, чем более первоначальная сделка обусловливалась спекуляцией на повышение или падение товарных цен. Ясно, однако, что с развитием производительной силы труда, а следовательно, и производства в крупном масштабе: 1) рынки расширяются и удаляются от места производства, 2) кредит поэтому должен стать более долгосрочным, а следовательно, 3) все сильнее должен господствовать в сделках спекулятивный элемент. Производство в крупном масштабе и для отдаленных рынков бросает весь продукт в сферу торговли; однако немыслимо такое удвоение капитала нации, при котором торговцы сами по себе были бы в состоянии закупать на свой собственный капитал весь национальный продукт и затем снова продавать его. Следовательно, кредит здесь неизбежен — кредит, объем которого возрастает вместе с ростом стоимости производства и сроки которого удлиняются по мере увеличивающейся отдаленности рынков сбыта. Здесь имеет место взаимодействие. Развитие процесса производства расширяет кредит, а кредит приводит к расширению промышленных и торговых операций.

Если рассматривать этот кредит отдельно от банкирского кредита, то очевидно, что он растет вместе с размерами самого промышленного капитала. Ссудный капитал и промышленный капитал здесь тождественны; капиталы, предоставленные в ссуду, суть товарные капиталы, предназначенные или для

окончательного индивидуального потребления или для возмещения постоянных элементов производительного капитала. Следовательно, то, что здесь выступает в виде ссудного капитала, всегда есть капитал, находящийся в определенной фазе процесса воспроизводства, но переходящий посредством купли и продажи из одних рук в другие, причем эквивалент за него уплачивается покупателем лишь позднее, в заранее условленный срок. Так, например, хлопок в обмен на вексель переходит в руки прядильщика, пряжа в обмен на вексель — в руки фабриканта ситца, ситец в обмен на вексель переходит в руки купца, из рук которого в обмен на вексель попадает к экспортеру, последний, в обмен на вексель, передает его купцу в Индии, который продает его, покупая взамен индиго и т. д. В течение этого перехода из одних рук в другие хлопок совершает свое превращение в ситец, ситец в конце концов транспортируется в Индию, обменивается на индиго, которое привозится в Европу и там снова вступает в процесс воспроизводства. Различные фазы процесса воспроизводства опосредствуются здесь кредитом, так что прядильщик не оплачивает наличными хлопка, фабрикант ситца — пряжи, купец — ситца и т. д. В первых актах процесса товар-хлопок проходит различные фазы производства и переход этот опосредствуется кредитом. Но как только хлопок получил в производстве свою окончательную форму как товар, этот самый товарный капитал проходит еще лишь через руки различных купцов, которые транспортируют его на отдаленный рынок и последний из которых продает его в конце концов потребителю, покупая вместо того другой товар, входящий или в процесс потребления или в процесс воспроизводства. Следовательно, здесь надо различать два периода: в течение первого кредит опосредствует действительные последовательные фазы в производстве данного предмета; в течение второго — лишь переход его из рук одного купца в руки другого, куда включается и транспортировка, то есть осуществляется акт *Т — Д*. Но и здесь товар все же находится по крайней мере в акте обращения, следовательно, в одной из фаз процесса воспроизводства.

Итак, то, что здесь ссужается, отнюдь не является незанятым капиталом, — это капитал, который в руках своего владельца должен изменить свою форму, который существует в такой форме, когда он для своего владельца является просто товарным капиталом, то есть капиталом, который должен совершить обратное превращение, а именно, он в первую очередь должен по крайней мере превратиться в деньги. Итак, здесь кредит опосредствует метаморфоз товара: не только *Т — Д*,

но также *Д — Т* и действительный процесс производства. Если оставить в стороне банкирский кредит, то обилие кредита в пределах воспроизводственного кругооборота отнюдь не означает того, что имеется большой незанятый капитал, который предлагается в ссуду и ищет прибыльного приложения, — оно означает занятость большого количества капитала в процессе воспроизводства. Итак, кредит опосредствует здесь: 1) поскольку речь идет о промышленных капиталистах, — переход промышленного капитала из одной фазы в другую, связь между взаимно соприкасающимися и вторгающимися одна в другую сферами производства; 2) поскольку речь идет о купцах, — транспортировку и переход товаров из одних рук в другие до их окончательной продажи за деньги или их обмена на другой товар.

Максимум кредита означает здесь наиболее полное вовлечение промышленного капитала в производство, то есть крайнее напряжение его воспроизводительной силы, независимо от границ потребления. Эти границы потребления раздвигаются напряжением самого процесса воспроизводства; с одной стороны, оно увеличивает потребление доходов рабочими и капиталистами, с другой стороны, оно тождественно с напряжением производительного потребления.

Пока процесс воспроизводства протекает бесперебойно, а потому обратный приток капитала остается обеспеченным, этот кредит поддерживается и расширяется, причем расширение его опирается на расширение самого процесса воспроизводства. Как только наступает застой вследствие замедления обратного притока, переполнения рынков, понижения цен, появляется избыток промышленного капитала, но в такой форме, в какой последний не в состоянии выполнять свои функции. Налицо масса товарного капитала, но он не находит сбыта. Налицо масса основного капитала, но вследствие застоя воспроизводства он большей частью бездействует. Кредит сокращается: 1) потому что этот капитал не занят, то есть остановился в одной из фаз своего воспроизводства, потому что он не может совершить своего метаморфоза, 2) потому что подорвана вера в возможность бесперебойного течения процесса воспроизводства, 3) потому что уменьшается спрос на этот коммерческий кредит. Прядильщику, который сокращает свое производство и имеет на складе массу непроданной пряжи, незачем покупать хлопок в кредит. Купцу незачем покупать в кредит товары, так как их у него и без того более чем достаточно.

Итак, если нарушается это расширение или хотя бы только нормальное напряжение процесса воспроизводства, то вместо

с тем появляется и недостаток в кредите; становится труднее получить товары в кредит. Требование платежа наличными и осторожность при продаже в кредит в особенности характерны для той фазы промышленного цикла, которая следует непосредственно за крахом. Во время же самого кризиса, когда каждый стремится, но не может продать и в то же время должен продать, чтобы заплатить, масса капитала — не свободного и ищущего приложения, а стесненного в процессе своего воспроизводства — наиболее значительна как раз тогда, когда всего сильнее нехватка кредита (и потому всего выше учетная ставка при банкирском кредите). Капитал, уже вложенный в дело, в это время действительно остается сплошь и рядом незанятым, так как приостановился процесс воспроизводства. Фабрики стоят, сырье накопляется, готовые продукты переполняют товарный рынок. В высшей степени неправильно поэтому приписывать такое положение дел нехватке производительного капитала. Как раз в этот период имеется избыток производительного капитала частью по сравнению с нормальным, но в данный момент сокращенным масштабом воспроизводства, частью по сравнению с уменьшенным потреблением.

Представим себе, что все общество состоит только из промышленных капиталистов и наемных рабочих. Далее, оставим в стороне изменения цен, которые препятствуют значительным частям всего капитала возмещаться согласно своим средним нормам и неизбежно должны вызывать временно всеобщий застой при той всеобщей связи между различными частями процесса воспроизводства, какая развивается в особенности благодаря кредиту. Оставим в стороне также фиктивные предприятия и спекулятивные обороты, поощряемые кредитом. Тогда кризис можно было бы объяснить только несоразмерностью производства в различных отраслях и несоразмерностью между потреблением самих капиталистов и их накоплением. Но при данном положении вещей возмещение капиталов, вложенных в производство, зависит главным образом от потребительной способности непроизводительных классов, тогда как потребительная способность рабочих ограничена частью законами заработной платы, частью тем, что рабочие лишь до тех пор находят себе занятие, пока они могут быть использованы с прибылью для класса капиталистов. Конечной причиной всех действительных кризисов остается всегда бедность и ограниченность потребления масс, противодействующая стремлению капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества.

О действительном недостатке производительного капитала, по крайней мере у капиталистически развитых наций, речь может идти лишь в случае общего неурожая либо главных продуктов питания, либо важнейшего промышленного сырья.

Но к этому коммерческому кредиту присоединяется собственно денежный кредит. Взаимное кредитование промышленников и купцов переплетается с денежными ссудами, которые они получают от банкиров и денежных кредиторов. При дисконтировании векселя ссуда является лишь номинальной. Фабрикант продает свой продукт под вексель и дисконтирует последний у billbroker*. В действительности последний ссужает лишь кредит своего банкира, который, в свою очередь, ссужает ему денежный капитал своих вкладчиков, каковыми являются сами промышленники и купцы, а также и рабочие (при посредстве сберегательных касс), равно как и получатели земельной ренты и прочие непроизводительные классы. Таким образом, для каждого индивидуального фабриканта или купца устраняется как необходимость иметь солидный резервный капитал, так и зависимость от действительного обратного притока капитала. Но с другой стороны, частью благодаря дутым векселям, частью же благодаря товарным сделкам с единственной целью фабрикации векселей, весь процесс настолько усложняется, что видимость очень солидного предприятия с бесперебойным обратным притоком капиталов может спокойно сохраняться долгое время и после того, когда в действительности обратный приток достигается лишь за счет частью обманутых денежных кредиторов, частью обманутых производителей. Потому-то непосредственно перед крахом предприятие всегда имеет почти чрезмерно здоровый вид. Лучшее доказательство этому дают, например, «Reports on Bank Acts» 1857 и 1858 гг., согласно которым все директора банков, купцы, словом, все приглашенные в качестве экспертов, с лордом Оверстоном во главе, поздравляли друг друга с цветущим и здоровым развитием дел, — как раз за месяц до того, как в августе 1857 г. разразился кризис. И Тук в своей работе «History of Prices» поразительным образом также впадает в эту иллюзию при изложении истории каждого отдельного кризиса. Предприятия кажутся все еще в высшей степени здоровыми, и дела идут самым блестящим образом, пока вдруг не разражается крах.

Теперь мы возвратимся к накоплению денежного капитала.

---

* — вексельного маклера. *Ред.*

Не всякое увеличение ссудного денежного капитала указывает на действительное накопление капитала или расширение процесса воспроизводства. Яснее всего это обнаруживается в той фазе промышленного цикла, которая непосредственно следует за пережитым кризисом, когда ссудный капитал массами бездействует. В те моменты, когда процесс производства сокращается (в английских промышленных округах после кризиса 1847 г. производство сократилось на одну треть), когда цены товаров достигают своей низшей точки, когда дух предпринимательства парализован, в такие моменты господствует низкая процентная ставка, которая в данном случае указывает лишь на увеличение ссудного капитала как раз вследствие сокращения и парализованности промышленного капитала. При падении товарных цен, уменьшении оборотов, сокращении капитала, вложенного в заработную плату, требуется, конечно, меньше средств обращения; с другой стороны, после того как ликвидированы заграничные долги частью благодаря отливу золота, частью благодаря банкротствам, отпадает надобность в добавочных деньгах для функции мировых денег; наконец, объем операций по учету векселей сокращается вместе с сокращением числа и общей суммы самих этих векселей, — все это очевидно само собой. Спрос на ссудный денежный капитал — и как на средство обращения и как на средство платежа — поэтому уменьшается (о новых затратах капитала пока нет речи), и поэтому наступает относительное изобилие этого капитала. Но в то же время, как будет показано впоследствии, и предложение ссудного денежного капитала при таких обстоятельствах положительно увеличивается.

Так, после кризиса 1847 г. имело место «сокращение оборотов и большое изобилие денег» («Comm. Distress» 1847—1848. Evidence № 1664), ставка процента была очень низкой вследствие «почти полного отсутствия торговли и почти полного отсутствия возможности поместить деньги» (там же, стр. 45 [№ 231]. Показание Ходжсона, директора ливерпульского королевского банка). Какие нелепости сочиняют эти господа (а Ходжсон еще один из лучших среди них), чтобы объяснить себе это, видно из следующей фразы:

«Угнетение» (1847 г.) «возникло вследствие действительного уменьшения денежного капитала в стране, которое было вызвано отчасти необходимостью оплачивать золотом ввоз из всех стран света, отчасти превращением оборотного капитала (floating capital) в основной» [там же, стр. 39, № 466].

Каким образом превращение оборотного капитала в основной может уменьшить денежный капитал страны, совершенно

нельзя понять; ибо, например, при строительстве железных дорог, куда в то время главным образом вкладывался капитал, ни золото, ни бумажные знаки не употребляются как материал для строительства виадуков или изготовления рельсов, а деньги за железнодорожные акции, поскольку они депонировались при покупке этих акций, функционировали, как и всякие другие депонированные в банке деньги, и, как было показано выше*, даже увеличивали на некоторое время количество ссудного денежного капитала; поскольку же деньги действительно затрачивались на строительство, они циркулировали в стране как покупательное и платежное средство. Денежный капитал мог бы быть затронут превращением оборотного капитала в основной лишь постольку, поскольку основной капитал не является предметом, пригодным для экспорта, так что вследствие невозможности вывоза отпадает и свободный капитал, который образуется от поступлений за вывезенные предметы, а следовательно, отпадают и поступления наличными деньгами или слитками. Но в рассматриваемый период и предметы английского экспорта массами лежали в складах на заграничных рынках, не находя покупателей. У купцов и фабрикантов Манчестера и других мест, вложивших часть нормального капитала своих предприятий в железнодорожные акции и потому оказавшихся в дальнейшем ведении своего дела в зависимости от заемного капитала, floating capital действительно был закреплен, последствия чего и пришлось им испытать. Но результат получился бы тот же самый, если бы капитал, принадлежащий их предприятиям, но извлеченный из них, они вложили не в железные дороги, а, например, в горное дело, продукты которого — железо, уголь, медь и т. д. — сами представляют floating capital. — Действительное уменьшение свободного денежного капитала вследствие неурожая, ввоза зерна и вывоза золота, само собой разумеется, было фактом, не имевшим никакого отношения к железнодорожным спекуляциям.

«Почти все торговые фирмы начали более или менее свертывать свою деятельность, помещая часть своего торгового капитала в железные дороги» [там же, стр. 42]. — «Ссужая такие огромные суммы железным дорогам, эти торговые фирмы, в свою очередь, были вынуждены брать у банков посредством учета векселей очень много капитала с тем, чтобы на эти деньги продолжать ведение своего собственного дела» (тот же Ходжсон, там же, стр. 67). «В Манчестере в результате железнодорожных спекуляций многие потерпели громадные убытки» (Р. Гарднер, неоднократно цитированный в «Капитале», кн. I, гл. XIII, 3, c[3] и других местах; показание № 4884, там же).

* См. настоящий том, часть II, стр. 9. *Ред.*

Главной причиной кризиса 1847 г. было колоссальное переполнение рынка и безграничная спекуляция в торговле ост-индскими товарами. Но и другие обстоятельства привели к краху очень богатые фирмы этой отрасли:

«Они располагали большими средствами, но эти средства были ликвидны. Весь их капитал был вложен в земельную собственность на острове Маврикий или в фабрики индиго и сахарные заводы. Когда они затем взяли на себя обязательства в размере 500000—600000 ф. ст., у них не оказалось никаких свободных средств для оплаты своих векселей, и в конце концов выяснилось, что для оплаты своих векселей они всецело должны рассчитывать на кредит» (Ч. Тёрнер, крупный ост-индский купец в Ливерпуле, № 730, там же).

Далее мы имеем показания Гарднера (№ 4872, там же):

«Тотчас же по заключении китайского договора для страны открылись столь широкие перспективы колоссального расширения нашей торговли с Китаем, что вдобавок ко всем нашим уже существующим фабрикам многие крупные фабрики были построены специально с целью изготовлять наиболее ходкие на китайском рынке хлопчатобумажные ткани. — 4874. Чем же все это кончилось? — Величайшим разорением, не поддающимся описанию; я не думаю, чтобы за весь вывоз 1844—1845 гг. в Китай было получено обратно более $^{2}/_{3}$ всей суммы; так как чай является основным предметом обратного экспорта и так как нас сильно обнадеживали, то мы, фабриканты, с уверенностью рассчитывали на крупное понижение пошлины на чай».

И вот перед нами наивно выраженное характерное кредо английских фабрикантов:

«Наша торговля на иностранном рынке не ограничивается способностью последнего покупать товары, но она ограничена здесь, в нашей стране, нашей способностью потреблять продукты, которые мы получаем взамен наших промышленных изделий».

(Сравнительно бедные страны, с которыми ведет торговлю Англия, могли бы, естественно, оплатить и потребить любое количество английских товаров, а вот богатая Англия, к сожалению, не способна потребить продукты, полученные в обмен за ее экспорт.)

«4876. Я сначала вывез некоторые свои товары, которые были проданы с убытком около 15%; при этом я был вполне убежден, что агенты мои закупят чай по такой цене, при которой перепродажа здесь даст прибыль, достаточно большую для покрытия этого убытка; но вместо прибыли я терпел порой убыток в 25% и даже 50%. — 4877. Экспортируют ли фабриканты за свой счет? — Преимущественно; купцы, как видно, быстро убедились, что из этого дела ничего не выходит, и больше поощряли фабрикантов к самостоятельной отправке продуктов, чем сами принимали в ней участие».

Напротив, в 1857 г. убытки и банкротства выпали преимущественно на долю купцов, так как на этот раз фабриканты

предоставили им возможность переполнять чужие рынки «за собственный счет».

Денежный капитал может увеличиться благодаря тому, что с расширением банковского дела (см. ниже пример о районе Ипсуича, где в течение немногих лет непосредственно перед 1857 г. вклады фермеров учетверились*) то, что раньше было сокровищем частного лица или монетным запасом, превращается на определенный срок в ссудный капитал. Такое возрастание денежного капитала не выражает собой рост производительного капитала, как, например, и увеличение вкладов в лондонских акционерных банках, после того как эти банки начали платить проценты по вкладам, не выражает возрастания денежного капитала. Пока масштаб производства остается неизменным, это возрастание вызывает лишь обилие ссудного денежного капитала по сравнению с производительным. Отсюда низкая ставка процента.

Если процесс воспроизводства достигает снова состояния расцвета, предшествующего чрезмерному напряжению, то коммерческий кредит достигает чрезвычайно сильного расширения, которым в свою очередь действительно создается «здоровый» базис для облегченного обратного притока капиталов и расширения производства. При таком состоянии дел ставка процента все еще низка, хотя и превышает свой минимум. Фактически это *единственный* период, когда можно сказать, что низкая ставка процента и, следовательно, относительное обилие ссудного капитала совпадает с действительным расширением промышленного капитала. Легкость и регулярность обратного притока капитала, в связи с расширением коммерческого кредита, обеспечивает, несмотря на усилившийся спрос, предложение ссудного капитала и препятствует повышению ставки процента. С другой стороны, только теперь начинают играть заметную роль те рыцари наживы, которые ведут дела без запасного, а то и вообще без всякого капитала и потому оперируют всецело при помощи денежного кредита. К этому присоединяется еще значительный рост основного капитала во всех его формах и открытие массы новых крупных предприятий. Процент повышается теперь до своей средней высоты. Своего максимума он достигает опять тогда., когда разражается новый кризис, когда кредит внезапно прекращается, платежи приостанавливаются, процесс воспроизводства парализуется и за

---

* См. настоящий том, часть II, стр. 40. *Ред.*

упомянутыми выше исключениями наряду с почти абсолютным недостатком ссудного капитала наступает избыток бездеятельного промышленного капитала.

Следовательно, движение ссудного капитала, как оно выражается в колебаниях процентной ставки, в целом протекает в направлении, обратном движению промышленного капитала. Фаза, в которой низкая, но превышающая свой минимум ставка процента совпадает с «улучшением» и с растущим по окончании кризиса доверием, и в особенности фаза, когда эта ставка достигает своей средней величины — одинаково удаленной и от минимума и от максимума, — только эти два момента выражают совпадение обилия ссудного капитала с большим расширением промышленного капитала. Но в начале промышленного цикла низкая ставка процента совпадает с сокращением, а в конце цикла высокая ставка совпадает с избытком промышленного капитала. Низкая ставка процента, сопровождающая «улучшение», свидетельствует о том, что коммерческий кредит лишь в небольшой степени нуждается в банковском кредите, так как он все еще стоит на своих собственных ногах.

С этим промышленным циклом дело обстоит так, что, раз дан первый толчок, один и тот же кругооборот должен периодически воспроизводиться[8)]. В состоянии депрессии производство падает ниже той ступени, которой оно достигло в предшествующем цикле и для которой теперь заложен технический базис.

[8)] {Как я уже упоминал в другом месте [см. настоящее издание, том 23, стр. 33— 34], со времени последнего большого всеобщего кризиса в этом отношении наступил некоторый поворот. Острая форма периодического процесса с ее до сих пор десятилетним циклом уступила, по-видимому. Место более хронической, затяжной, затрагивающей различные промышленные страны в различное время смене сравнительно короткого, слабого улучшения дел и сравнительно продолжительного угнетенного состояния. Возможно, однако, что мы имеем перед собой лишь увеличение продолжительности цикла. В период детства мировой торговли, в 1815—1847 гг., наблюдался примерно пятилетний цикл; с 1847 по 1867 г. цикл был определенно десятилетним. Не живем ли мы в период подготовки нового мирового краха неслыханной силы? В пользу такого предположения говорит ряд фактов. Со времени последнего всеобщего кризиса 1867 г. произошли крупные изменения. Колоссальный рост средств сообщения — океанские пароходы, железные дороги, электрические телеграфы, Суэцкий канал — впервые создал действительно мировой рынок. Наряду с Англией, которая раньше монополизировала промышленность, выступил целый ряд конкурирующих промышленных стран; для вложения избыточного европейского капитала во всех частях света стали доступны несравненно более обширные и разнообразные области, так что капитал распределяется гораздо шире и местная чрезмерная спекуляция преодолевается легче. Благодаря всему этому большинство старых очагов кризиса или поводов к кризису устранено или сильно ослаблено. Вместе с тем конкуренция на внутреннем рынке отступает назад перед картелями и трестами, в то время как на внешнем рынке она ограничивается запретительными пошлинами, которыми оградили себя все крупные промышленные страны, кроме Англии. Но сами эти запретительные пошлины суть не что иное, как вооружение для неизбежной всеобщей промышленной войны, которая должна решить вопрос о господстве на мировом рынке. Таким образом, каждый из элементов, противодействующих повторению кризисов старого типа, носит в себе зародыш гораздо более грандиозного будущего кризиса. — *Ф. Э.*}

При процветании — среднем периоде — производство развивается далее на этом базисе. В период перепроизводства и мошенничеств производительные силы напрягаются в самой высокой степени, даже за пределы капиталистических границ производственного процесса.

Очевидно само собой, что в период кризиса недостает средств платежа. Обратимость векселей заступает место метаморфоза самих товаров, и как раз в такое время тем более, чем больше торговых фирм вели операции только в кредит. Невежественное и нелепое банковское законодательство — вроде законов 1844—1845 гг. — может усилить этот денежный кризис. Но никакое банковское законодательство не может устранить кризиса.

При такой системе производства, где все связи процесса воспроизводства покоятся на кредите, в том случае, когда кредит внезапно прекращается и силу имеет только платеж наличными, должен очевидно наступить кризис, должна наступить необычайная погоня за средствами платежа. Поэтому на первый взгляд весь кризис представляется только кредитным кризисом и денежным кризисом. И в самом деле, вопрос заключается только в том, как превратить векселя в деньги. Но эти векселя представляют в большинстве случаев действительные купли и продажи, расширение которых далеко за пределы общественной потребности лежит в конце концов в основе всего кризиса. Однако наряду с этим громадная масса этих векселей представляет просто дутые операции, которые теперь обнаруживают свой истинный характер и лопаются; далее, она представляет спекуляции, предпринятые с чужим капиталом и потерпевшие крушение; наконец, товарные капиталы, которые обесценены или даже вовсе не могут быть проданы; или обратный приток капиталов, который никогда уже не может осуществиться. Всю эту искусственную систему насильственного расширения процесса воспроизводства нельзя, конечно, оздоровить тем, что какой-либо банк, например Английский банк, при помощи своих бумаг снабдит всех спекулянтов недостающим им капиталом и купит все обесцененные товары по их прежней номинальной стоимости. Впрочем, здесь все представляется в извращенном виде, так как в этом «бумажном» мире нигде не выступают реальная цена и ее реальные моменты, а фигурируют лишь слитки, металлические деньги, банкноты, векселя, ценные бумаги. Это извращение особенно сказывается в центрах, где скучены денежные предприятия страны, каков, например, Лондон; весь процесс становится непонятным; уже в меньшей степени это наблюдается в центрах производства.

Впрочем, относительно чрезмерного изобилия промышленного капитала, обнаруживающегося во время кризисов, следует заметить: товарный капитал потенциально является в то же время и денежным капиталом, то есть определенной суммой стоимости, выраженной в цене товара. Как потребительная стоимость он есть определенное количество определенных предметов потребления, и последние в момент кризиса оказываются в избытке. Но как денежный капитал в себе, как потенциальный денежный капитал он подвержен постоянным расширениям и сокращениям. Накануне кризиса и во время его товарный капитал в своем качестве потенциального денежного капитала сокращается. Для своих владельцев и их кредиторов (а также в качестве обеспечения векселей и займов) он представляет меньше денежного капитала, чем в тот период, когда он был куплен и когда совершались основанные на нем учетные и залоговые операции. Если именно таков смысл утверждения, что денежный капитал страны в период угнетения уменьшается, то это тождественно с констатированием того, что цены товаров упали. Впрочем, такое падение цен только уравновешивает их прежнее разбухание.

Доходы непроизводительных классов и всех тех, кто живет за счет фиксированных доходов, остаются по большей части неизменными в период разбухания цен, идущего рука об руку с перепроизводством и чрезмерной спекуляцией. Поэтому их потребительная способность относительно понижается, а вместе с тем понижается и способность возмещать ту часть общей суммы воспроизводства, которая нормально должна была бы войти в их потребление. Даже в том случае, если номинально спрос их остается неизменным, в действительности он понижается.

Относительно ввоза и вывоза необходимо заметить, что одна за другой все страны втягиваются в кризис, и тогда обнаруживается, что все они, за немногими исключениями, слишком много экспортировали и импортировали и, следовательно, *платежный баланс неблагоприятен для всех* и что, таким образом, причина кризиса заключается в действительности не в платежном балансе. Например, Англия страдает от отлива золота. Она слишком много импортировала. Но в то же время все другие страны переполнены английскими товарами. Следовательно, они также слишком много ввезли или в них ввезли слишком много. (Конечно, есть разница между страной, которая вывозит в кредит, и странами, которые мало или вовсе не вывозят в кредит. Но последние зато ввозят в кредит; это не имеет места лишь в том случае, если товары посылаются

туда на консигнацию[4].) Прежде всего кризис может разразиться в Англии, в стране, которая больше всего дает кредит и меньше всего берет его, ибо платежный баланс, баланс платежей, которым наступает срок и которые немедленно должны быть погашены, для нее *неблагоприятен,* хотя общий торговый баланс *благоприятен.* Это последнее обстоятельство объясняется отчасти оказываемым ею кредитом, отчасти массой ссуженных ею за границу капиталов, вследствие чего имеет место большой обратный приток товаров независимо от обратного притока, обусловленного собственно торговыми операциями. (Иногда кризис начинался также в Америке, стране, которая больше всех других пользуется английским кредитом, — торговым кредитом и кредитом капитала.) Крах в Англии, начинающийся и сопровождающийся отливом золота, выравнивает платежный баланс Англии частью благодаря банкротству ее импортеров (о чем ниже), частью благодаря тому, что за границу по дешевым ценам выбрасывается часть ее товарного капитала, частью благодаря продаже иностранных ценных бумаг, купле английских бумаг и т. д. Но вот настает черед какой-либо другой страны. Платежный баланс для нее в данный момент был благоприятен; но существующий в обычное время разрыв между платежным и торговым балансом теперь отпадает или, во всяком случае, сокращается благодаря кризису: все платежи должны быть произведены сразу. Та же история повторяется теперь здесь. В Англию теперь приливает золото, а из другой страны — отливает. То, что в одной стране проявляется как избыточный ввоз, в другой оказывается избыточным вывозом, и наоборот. Но избыточный ввоз и избыточный вывоз имел место во всех странах (мы говорим здесь не о неурожаях и т. п., а о всеобщем кризисе), то есть имело место перепроизводство, которому способствовал кредит и сопровождающее последний всеобщее разбухание цен.

В 1857 г. кризис разразился в Соединенных Штатах. Произошел отлив золота из Англии в Америку. Но как только разбухание цен в Америке прекратилось, последовал кризис в Англии и отлив золота из Америки в Англию. То же самое произошло между Англией и континентом. Платежный баланс в период всеобщего кризиса неблагоприятен для каждой нации, по крайней мере для каждой коммерчески развитой нации, но обнаруживается он всегда, как при поочередном ведении огня, сначала у одной нации, а вслед затем у другой, по мере того как доходит очередь платежа, и кризис, лишь только он разразился в какой-либо стране, например в Англии, сжимает эти сроки в очень короткий период времени. Тогда-то

и выясняется, что все эти страны одновременно и слишком много вывезли (следовательно, перепроизвели) и слишком много ввезли (следовательно, переторговали), что у всех у них цены чрезмерно разбухли, а кредит перенапряжен. И везде происходит одинаковый крах. Явление отлива золота обнаруживается затем во всех странах поочередно и своей всеобщностью доказывает, в частности: 1) что отлив золота представляет собой лишь проявление кризиса, а не причину его, 2) что последовательность, в которой он наступает у различных наций, лишь показывает, когда для каждой из них приходит очередь свести свои счеты с небом, когда у них наступает срок кризиса и скрытые элементы его созревают для взрыва.

Для английских экономистов характерно, — а заслуживающая упоминания экономическая литература с 1830 г. сводится главным образом к литературе о currency*, кредите, кризисах, — что они рассматривают вывоз благородных металлов в период кризиса, несмотря на изменение вексельного курса, исключительно с точки зрения Англии как чисто национальное явление и совершенно закрывают глаза на тот факт, что когда их банк в период кризиса повышает процентную ставку, то и все другие европейские банки делают то же самое, и что если сегодня в Англии раздаются вопли по поводу отлива золота, то завтра они прозвучат в Америке, послезавтра — в Германии и Франции.

В 1847 г. «нужно было погасить текущие обязательства Англии» {главным образом за хлеб}. «К несчастью, они по большей части погашались путем банкротства». {Благодаря банкротству богатая Англия развязала себе руки по отношению к континенту и Америке.} «А поскольку с обязательствами не было покончено благодаря банкротству, их погашали вывозом благородных металлов» («Report of Committee on Bank Acts», 1857).

Итак, поскольку кризис в Англии обостряется банковским законодательством, законодательство это является средством для того, чтобы в период голода надувать нации, вывозящие хлеб, сначала на хлебе, а потом на деньгах за хлеб. Таким образом, запрещение вывоза хлеба в такое время является для стран, которые сами более или менее страдают от дороговизны, очень рациональным средством борьбы с этим планом Английского банка «погашать обязательства», вызванные ввозом хлеба, «посредством банкротства». Гораздо лучше, если производители хлеба и спекулянты потеряют часть своей прибыли к выгоде страны, чем если они потеряют свой капитал к выгоде Англии.

* — денежном обращении. *Ред.*

Из сказанного видно, что товарный капитал во время кризиса и вообще во время застоя в делах в значительной степени теряет свое свойство представлять потенциальный денежный капитал. То же самое приходится сказать и о фиктивном капитале, процентных бумагах, поскольку они сами обращаются на бирже как денежные капиталы. При повышении процента цена их падает. Она падает, далее, вследствие общего недостатка кредита, который заставляет их собственников массами выбрасывать их на рынок, чтобы добыть себе денег. Наконец, цена акций падает, частью вследствие уменьшения доходов, удостоверениями на получение которых они являются, частью вследствие того, что предприятия, которые они представляют, довольно часто имеют дутый характер. Во время кризиса этот фиктивный денежный капитал чрезвычайно уменьшается, а вместе с тем для его владельцев уменьшается возможность получать под него деньги на рынке. Все же понижение курса этих ценных бумаг совершенно не затрагивает того действительного капитала, который они представляют, и, напротив, весьма сильно затрагивает платежеспособность его владельцев.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ
ДЕНЕЖНЫЙ КАПИТАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛ. — II (продолжение)

Мы все еще не покончили с вопросом, в какой степени накопление капитала в форме ссудного денежного капитала совпадает с действительным накоплением, с процессом расширенного воспроизводства.

Превращение денег в ссудный денежный капитал — история гораздо более простая, чем превращение денег в производительный капитал. Но нам следует здесь различать две вещи:

1) простое превращение денег в ссудный капитал;

2) превращение капитала или дохода в деньги, которые превращаются в ссудный капитал.

Только при условии, указанном в последнем пункте, может иметь место положительное накопление ссудного капитала, совпадающее с действительным накоплением промышленного капитала.

1) ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В ССУДНЫЙ КАПИТАЛ

Мы уже видели, что возможно скопление, сверхизобилие ссудного капитала, лишь постольку связанное с производительным накоплением, поскольку оно находится к этому последнему в обратном отношении. Это имеет место в двух фазах промышленного цикла, а именно, во-первых, в тот период, когда промышленный капитал в обеих формах — производительного и товарного капитала — сокращается, следовательно, в начале цикла после кризиса; и, во-вторых, в период, когда началось улучшение, но коммерческий кредит еще мало прибегает к банковскому кредиту. В первом случае денежный капитал, раньше применявшийся в производстве и торговле, выступает как свободный ссудный капитал; во втором случае он выступает как капитал, находящий применение в возрастающих размерах, но по очень низкой процентной ставке, так как теперь промышленный и торговый капиталисты диктуют условия денежному

капиталисту. Избыток ссудного капитала в первом случае выражает бездействие промышленного капитала, во втором случае — относительную независимость коммерческого кредита от банковского кредита, покоящуюся на наличии обратного притока денег, кратких сроках кредита и на ведении дела по преимуществу с собственным капиталом. Спекулянты, рассчитывающие на чужой ссудный капитал, еще не выступили в поход; люди, ведущие дело на собственный капитал, еще далеки от ведения операций почти целиком за счет кредита. В первой фазе избыток ссудного капитала выражает прямую противоположность действительного накопления. Во второй фазе он совпадает с новым расширением процесса воспроизводства, сопровождает его, однако не является его причиной. Избыток ссудного капитала уже уменьшается, он только относителен, то есть пока является таковым лишь по сравнению со спросом. В обоих случаях расширению действительного процесса накопления благоприятствует то обстоятельство, что низкий процент, который в первом случае совпадает с низкими ценами, во втором — с медленно растущими ценами, увеличивает ту часть прибыли, которая превращается в предпринимательский доход. В еще большей степени это имеет место при повышении процента до его среднего уровня в период максимального расцвета, так как тут хотя процент и возрастает, но не в такой степени, как прибыль.

С другой стороны, мы видели, что накопление ссудного капитала может быть достигнуто без всякого действительного накопления, при помощи чисто технических средств, каковы расширение и концентрация банковского дела, экономное использование резерва обращения или также резервного фонда принадлежащих частным лицам платежных средств, которые вследствие этого постоянно превращаются на короткие сроки в ссудный капитал. Хотя этот ссудный капитал, который потому и называется также текучим капиталом (floating capital), сохраняет всегда лишь на короткие периоды форму ссудного капитала (и точно так же лишь на короткие периоды может послужить для дисконтных операций), но он зато постоянно приливает и отливает. Если один извлекает его, то другой его доставляет. Таким образом масса ссудного денежного капитала (мы говорим здесь вообще не о ссудах на годы, но лишь о краткосрочных ссудах под векселя и под залог) на самом деле растет совершенно независимо от действительного накопления.

B. C. 1857. Вопрос 501. «Что вы понимаете под floating capital?» {Г-н Уэгелин, управляющий Английским банком:} «Это капитал, употребляемый для денежных ссуд на короткие сроки... (502) банкноты

Английского банка... провинциальных банков и сумма денег, имеющихся в стране». — {Вопрос:} [503.] «Если вы под floating capital понимаете активное обращение» {именно обращение банкнот Английского банка}, «то, судя по тем показаниям, которыми располагает по этому поводу комиссия, в этом активном обращении не происходит, по-видимому, очень значительных колебаний?» {Однако очень большая разница — кто именно авансировал это активное обращение, денежный кредитор или сам промышленный капиталист. — Ответ Уэгелина:} «Я включаю в floating capital резервы банкиров, подверженные значительным колебаниям».

Это значит, следовательно, что имеют место значительные колебания той части вкладов, которую банкиры не употребили для ссуд, но которая фигурирует как их резерв, а большей частью как резерв Английского банка, куда они вложены. Наконец, тот же самый господин говорит, будто floating capital есть bullion, то есть слитки и металлические деньги (503[a]). Поразительно вообще, насколько искажается смысл и форма всех категорий политической экономии в этой кредитной тарабарщине денежного рынка. Floating capital является здесь обозначением для circulating capital*, тогда как в действительности это, конечно, совершенно разные вещи, и money** — это capital, и bullion — тоже capital, и банкноты — circulation***, и капитал — а commodity****, и долги — commodities*****, и fixed capital****** — деньги, вложенные в трудно реализуемые бумаги!

«Лондонские акционерные банки ... увеличили свои вклады с 8850774 ф. ст. в 1847 г. до 43100724 ф. ст. в 1857 году... Данные и показания, имеющиеся в комиссии, позволяют сделать заключение, что значительная часть этой громадной суммы взята из источников, которые раньше не могли быть использованы для этой цели, и что обычай открывать счет у банкира и помещать у него деньги распространился на многочисленные классы, которые раньше не применяли своего капитала (!) таким образом. Г-н Родуэлл, президент ассоциации провинциальных частных банков» {в отличие от акционерных банков}, «делегированный ею, чтобы давать показания перед комиссией, сообщает, что в районе Ипсуича среди фермеров и мелких торговцев этого округа практика эта в последнее время увеличилась раза в четыре; что почти все фермеры, даже те из них, которые уплачивают всего 50 ф. ст. годовой арендной платы, имеют теперь вклады в банках. Масса этих вкладов находит, конечно, себе путь к употреблению в дело и тяготеет в особенности к Лондону, центру коммерческой деятельности, где она прежде всего находит применение в учете векселей и других ссудах клиентам лондонских банкиров. Большая часть вкладов, которые непосредственно не нужны самим банкирам, попадает в руки billbrokers, которые в качестве обеспечения данной им ссуды

* — обращения капитала. *Ред.*
** — деньги. *Ред.*
*** — средства обращения. *Ред.*
**** — товар. *Ред.*
***** — товары. *Ред.*
****** — основной капитал. *Ред.*

предлагают банкиру торговые векселя, уже учтенные ими для разных лиц в Лондоне или провинции» (B. C. 1858, р. V).

Банкир, выдавая ссуду вексельному маклеру под векселя, которые тот уже раз учел, фактически переучитывает их еще раз, но в действительности многие из этих векселей уже были переучтены самими вексельными маклерами, и на те же самые деньги, которыми банкир переучитывает векселя маклера, последний переучитывает новые векселя. А это приводит вот к чему:

«Расширение фиктивного кредита было создано учетом дружеских векселей и бланковым кредитом, что значительно облегчалось практикой провинциальных акционерных банков, которые учитывали такие векселя и переучитывали их затем у вексельных маклеров на лондонском рынке, причем полагались исключительно на кредитоспособность банка и совершенно оставляли без внимания все прочие качества векселей» (там же, стр. XXI).

Относительно этого переучета и поощрения кредитных спекуляции при помощи такого чисто технического увеличения ссудного денежного капитала интересным является следующее место из «Economist»[5]:

«В течение ряда лет в некоторых округах страны накопление капитала» {именно ссудного денежного капитала} «шло быстрее, чем он мог найти применение, в то время как в других округах возможности его применения росли быстрее, чем сам капитал. В то время как в земледельческих округах банкиры лишены были возможности прибыльно и надежно вложить свои депозиты, у банкиров промышленных округов и торговых городов спрос на их капитал был больше, чем они могли предложить. Результатом этих различных условий в различных округах явилось за последние годы возникновение и стремительно быстрое расширение нового типа фирм, занятых распределением капитала, — фирм, которые, хотя и называются обыкновенно фирмами вексельных маклеров, в действительности являются банками крупнейшего масштаба. Фирмы эти занимаются тем, что, взяв на определенный срок и за определенные проценты избыточный капитал у банкиров таких округов, где капитал этот не находит себе применения, а также средства акционерных обществ и крупных торговых домов, временно бездействующие, ссужают полученные таким образом деньги под более высокий процент банкам тех округов, где спрос на капитал значительнее, обыкновенно путем переучета векселей их клиентов... Таким образом, Ломбард-стрит[6] стала крупным центром перемещения бездействующего капитала из одного района страны, где он не может найти прибыльного применения, в другой, где существует на него спрос; причем это относится как к различным районам страны, так и к отдельным лицам, находящимся в аналогичном положении. Первоначально эти предприятия ограничивались почти исключительно ссудами и займами под обычное банковское обеспечение. Но по мере того, как капитал страны быстро возрастал и все более и более экономизировался благодаря учреждению банков, фонды, находящиеся в распоряжении этих учетных фирм, стали настолько велики, что указанные фирмы начали выдавать ссуды сначала под квитанции на товары, хранящиеся в доках, а потом и под накладные, представляющие товары, которые еще вовсе не получены, но под которые тем не менее зачастую, хотя и не всегда,

уже выписывались векселя на товарных маклеров. Такая практика скоро изменила весь характер английской коммерции. Облегчения, предоставляемые таким образом со стороны Ломбард-стрит, чрезвычайно усилили положение товарных маклеров на Минсинг-Лейн[7]; товарные маклеры, в свою очередь, предоставили все преимущества купцам-импортерам; эти последние пользовались ими настолько широко, что если 25 лет тому назад ссуда под накладную или хотя бы под квитанции на товары, хранящиеся в доках, совершенно подорвала бы кредит данного купца, то теперь такая практика приняла настолько всеобщий характер, что она является уже правилом, а не редким исключением, как это было 25 лет тому назад. Мало того, система эта распространилась настолько широко, что на Ломбард-стрит крупные суммы выдаются на векселя, выписанные под находящийся еще на корню урожай отдаленных колоний. В результате таких облегчений кредита купцы-импортеры расширили свои заграничные операции и поместили свой текущий капитал, при помощи которого они до сих пор вели дело, в самые ненадежные из всех предприятий, в колониальные плантации, которые они могут лишь в ничтожной степени или даже вовсе не могут контролировать. Мы видим, таким образом, непосредственное сцепление кредитов. Капитал страны, накопленный в наших земледельческих округах, вносится в качестве вкладов мелкими суммами в провинциальные банки и централизуется для употребления в дело на Ломбард-стрит. Но использовался он, во-первых, для расширения дела в наших горных и промышленных округах путем переучета векселей в тамошних банках; во-вторых, для обеспечения больших льгот импортерам заграничных продуктов при помощи ссуд под квитанции на товары, хранящиеся в доках, и накладные, вследствие чего «законный» капитал торговых фирм в заграничных и колониальных предприятиях высвобождается и, таким образом, может получить самое нежелательное применение на заокеанских плантациях» («Economist», [20 ноября] 1847 г., стр. 1334).

Таково это «прекрасное» сцепление кредитов. Сельскому вкладчику кажется, что он дает вклад лишь своему банкиру, ему кажется, далее, что если банкир дает ссуду, то лишь известным ему частным лицам. Но он не имеет ни малейшего представления о том, что его банкир отдает его вклады в распоряжение лондонского вексельного маклера, операции которого совершенно ускользают от контроля их обоих.

Мы уже видели, как крупные общественные предприятия, например железнодорожное строительство, могут на время увеличивать ссудный капитал, оставляя в течение известного времени вносимые акционерами суммы, до их действительного применения, в распоряжении банкиров.

Впрочем масса ссудного капитала совершенно отлична от количества средств обращения. Под количеством средств обращения мы понимаем здесь сумму всех находящихся и обращающихся в стране банкнот и металлических денег, включая слитки благородных металлов. Часть этого количества составляет непрерывно изменяющийся по величине резерв банков.

«12 ноября 1857 г.» {дата временной приостановки действия банковского акта 1844 г.} «запас Английского банка и его филиалов составлял в общей сложности всего 580751 ф. ст., сумма вкладов равнялась в то же время $22^1/_2$ млн. ф. ст., из которых около $6^1/_2$ млн. принадлежало лондонским банкирам» (B. A. 1858, р. LVII).

Колебания ставки процента (оставляя в стороне изменения, совершающиеся за более продолжительные промежутки времени, и различия ставки процента в различных странах; первые обусловлены изменениями общей нормы прибыли, вторые — различиями в нормах прибыли и в развитии кредита) зависят от предложения ссудного капитала (предполагая равными все прочие обстоятельства, как, например, степень доверия и т. п.), то есть капитала, который ссужается в форме денег, металлических денег и банкнот; в отличие от промышленного капитала, который как таковой, в товарной форме, ссужается посредством коммерческого кредита между самими агентами воспроизводства.

И все-таки масса этого ссудного денежного капитала отлична и независима от массы обращающихся денег.

Если, например, 20 ф. ст. будут предоставлены в ссуду пять раз в день, то будет ссужен денежный капитал в 100 фунтов стерлингов. Это означало бы в то же время, что эти 20 ф. ст. по меньшей мере 4 раза функционировали как покупательное или платежное средство; ибо, если бы не посредствующая роль купли и платежа, благодаря которым 20 ф. ст. представляли бы по меньшей мере четыре раза превращенную форму капитала (товара, включая сюда и рабочую силу), то они составили бы не капитал в 100 ф. ст., а лишь пять требований на 20 ф. ст. каждое.

Для стран с развитым кредитом мы можем допустить, что весь денежный капитал, который может быть употреблен для ссудных операций, существует в форме вкладов в банках и у денежных кредиторов. По крайней мере это справедливо для дела в общем и целом. К тому же в периоды хорошего положения дел, пока еще не разразилась спекуляция в собственном смысле слова, при легкости кредита и возрастающем доверии большая часть функций обращения выполняется просто с помощью кредита, без посредства металлических или бумажных денег.

Простая возможность иметь большую сумму вкладов, при сравнительно небольшом количестве средств обращения, зависит исключительно от:

1) числа покупок и платежей, выполняемых одними и теми же деньгами;

2) числа их обратных возвращений в банк в качестве вклада, причем их повторная функция платежного и покупательного средства опосредствуется превращением их снова во вклад. Например, розничный торговец еженедельно вкладывает у своего банкира 100 ф. ст. деньгами; банкир выплачивает ими часть вклада фабриканта; последний платит ими своим рабочим; рабочие платят ими розничному торговцу, который снова вносит их в банк. Вложенные розничным торговцем 100 ф. ст. послужили таким образом, во-первых, для уплаты вклада фабриканту, во-вторых, для оплаты рабочих, в-третьих, для того чтобы заплатить самому розничному торговцу, в-четвертых, для того чтобы вложить в банк новую часть денежного капитала того же самого розничного торговца; таким образом, если он сам не будет пользоваться вложенными им в банк деньгами, то по истечении 20 недель его вклад при посредстве одних и тех же 100 ф. ст. достигнет 2000 фунтов стерлингов.

В какой степени этот денежный капитал остается незанятым, показывает лишь прилив и отлив резервного фонда банков. Отсюда г-н Уэгелин, в 1857 г. управляющий Английским банком, делает заключение, что золото в Английском банке является «единственным» резервным капиталом:

«1258. По моему мнению, учетная ставка фактически определяется количеством незанятого капитала, имеющегося в стране. Количество незанятого капитала представлено резервом Английского банка, который фактически является золотым резервом. Поэтому, когда золото отливает, уменьшается количество незанятого капитала в стране, и вследствие этого повышается стоимость остальной его части». — [Ньюмарч] «1364. Золотой запас Английского банка есть в действительности центральный запас, или запас наличных денег, на основе которого ведутся все дела страны... На этом-то запасе, или резервуаре, всегда сказывается изменение заграничного вексельного курса» («Report on Bank Acts», 1857).

Масштаб накопления действительного, то есть производительного и товарного, капитала показывает статистика вывоза и ввоза. И тут всегда обнаруживается, что для английской промышленности (1815—1870), развитие которой происходит десятилетними циклами, максимум последнего периода расцвета *перед* кризисом каждый раз оказывается минимумом ближайшего следующего периода расцвета, а затем наступает новый, гораздо более высокий максимум.

Действительная или объявленная стоимость продуктов, вывезенных из Великобритании и Ирландии в 1824 г., который был годом расцвета, составляла 40396300 фунтов стерлингов.

С наступлением кризиса 1825 г. размер вывоза падает ниже этой суммы и колеблется между 35 и 39 миллионами в год. При новом расцвете в 1834 г. он превосходит предыдущий высший уровень, поднимаясь до 41649191 ф. ст., и в 1836 г. достигает нового максимума в 53368571 фунт стерлингов. В 1837 г. он снова падает до 42 миллионов, так что новый минимум стоит уже выше старого максимума и колеблется затем между 50 и 53 миллионами. Новый период расцвета поднимает затем в 1844 г. размеры вывоза до $58^1/_2$ миллиона, что опять-таки далеко превышает максимум 1836 года. В 1845 г. вывоз достигает 60111082 ф. ст., затем падает до 57 и более миллионов в 1846 г., составляет почти 59 млн. в 1847 г., 53 млн. в 1848 г., повышается в 1849 г. до $63^1/_2$ млн., в 1853 г. до 99 млн., в 1854 г. составляет 97 млн., в 1855 г. — $94^1/_2$ млн., в 1856 г. — почти 116 млн. и в 1857 г. достигает максимума в 122 миллиона. В 1858 г. вывоз падает до 116 млн., но уже в 1859 г. повышается до 130 млн., в 1860 г. до 136 млн., в 1861 г. составляет всего 125 миллионов (здесь новый минимум опять выше предшествующего максимума), в 1863 г. — $146^1/_2$ миллиона.

То же самое могло бы быть, конечно, доказано и по отношению к ввозу, который является показателем расширения рынка; здесь мы имеем дело лишь с масштабом производства. {Само собой разумеется, это справедливо по отношению к Англии лишь в эпоху фактической промышленной монополии; но это справедливо также по отношению ко всем вообще странам с современной крупной промышленностью в условиях, пока мировой рынок еще расширяется. — *Ф. Э.*}

2) ПРЕВРАЩЕНИЕ КАПИТАЛА ИЛИ ДОХОДА В ДЕНЬГИ, ПРЕВРАЩАЮЩИЕСЯ В ССУДНЫЙ КАПИТАЛ

Мы рассматриваем здесь накопление денежного капитала. поскольку оно не выражает застоя в движении коммерческого кредита или же экономного использования как действительно функционирующих средств обращения, так и резервного капитала агентов, занятых в воспроизводстве.

Кроме обоих этих случаев, накопление денежного капитала может возникнуть благодаря необычному притоку золота, как это имело место в 1852 и 1853 гг. вследствие открытия новых золотых приисков в Австралии и Калифорнии. Это золото вкладывали в Английский банк. Вкладчики брали вместо него банкноты, которые непосредственно вслед затем не вкладывались ими в банки. Таким образом чрезвычайно увеличилось

количество средств обращения. (Показания Уэгелина, B. C. 1857, № 1329.) Банк старался использовать эти вклады, понизив учетную ставку до 2%. Накопленная в банке масса золота в течение шести месяцев 1853 г. возросла до 22—23 миллионов.

Накопление у всех капиталистов, ссужающих деньги, происходит, само собой разумеется, непосредственно в денежной форме, в то время как действительное накопление промышленного капитала совершается обыкновенно, как мы уже видели, путем увеличения элементов самого производительного капитала. Таким образом, развитие кредита и колоссальная концентрация денежно-ссудного дела в руках крупных банков должны уже сами по себе ускорять накопление ссудного капитала как отличную от действительного накопления форму. Это быстрое развитие ссудного капитала потому есть результат действительного накопления, что оно является следствием развития процесса воспроизводства, а прибыль, образующая источник накопления для таких денежных капиталистов, есть лишь часть прибавочной стоимости, выколачиваемой капиталистами, занимающимися воспроизводством (и в то же время присвоение части процентов на *чужие* сбережения). Ссудный капитал накопляется одновременно за счет промышленников и купцов. Мы видели, что в неблагоприятных фазах промышленного цикла ставка процента может подняться настолько высоко, что будет полностью поглощать прибыль некоторых отраслей, поставленных в особенно невыгодные условия. Вместе с тем падают цены государственных процентных бумаг и других ценных бумаг. Это тот момент, когда денежные капиталисты массами скупают обесцененные бумаги, которые в дальнейших фазах снова быстро поднимаются в цене до своего нормального уровня и выше. Тогда бумаги эти снова сбываются, и таким образом присваивается часть денежного капитала публики. Та часть бумаг, которая остается на руках скупивших их капиталистов, приносит им более высокие проценты, так как эти бумаги были куплены по пониженной цене. Но всю прибыль, получаемую денежными капиталистами и превращаемую обратно в капитал, они превращают прежде всего в ссудный денежный капитал. Следовательно, накопление последнего как отличное от действительного накопления, хотя и порожденное им, выступает уже, раз мы рассматриваем только денежных капиталистов, банкиров и т. д., как накопление этого особого класса капиталистов. И оно должно расти при всяком расширении кредитного дела, сопровождающем действительное расширение процесса воспроизводства.

Если ставка процента низка, то это обесценение денежного капитала затрагивает главным образом вкладчиков, а не банки. До возникновения акционерных банков в Англии $^{3}/_{4}$ всех вкладов были беспроцентными. Если в настоящее время за них и уплачивается процент, то последний по меньшей мере на 1 пункт ниже процентной ставки данного дня.

Что касается накопления денег остальными капиталистами, то мы оставим в стороне ту часть, которая вкладывается в процентные бумаги и накопляется в этой форме. Мы рассматриваем только ту часть, которая выбрасывается на рынок как ссудный денежный капитал.

Здесь мы имеем прежде всего ту часть прибыли, которая не расходуется как доход, а предназначена для накопления, но для которой не находится на первых порах употребления в предприятии самих промышленных капиталистов. Прибыль эта существует непосредственно в товарном капитале, часть стоимости которого она составляет, и вместе с ним реализуется в деньгах. Если она (купца мы пока оставляем в стороне, о нем будем говорить особо) не превращается обратно в элементы производства товарного капитала, то в течение некоторого времени она должна оставаться в форме денег. Масса эта растет вместе с массой самого капитала, даже при уменьшающейся норме прибыли. Часть, которая должна быть израсходована как доход, мало-помалу потребляется, но в промежутке образует в качестве вклада ссудный капитал банкира. Таким образом, даже рост части прибыли, расходуемой как доход, выражается в постепенном, постоянно совершающемся накоплении ссудного капитала. То же самое надо сказать и о другой части, предназначенной для накопления. Итак, с развитием кредита и его организации даже рост дохода, то есть потребления промышленных и торговых капиталистов, получает выражение как накопление ссудного капитала. И это верно по отношению ко всем доходам, поскольку они потребляются постепенно, следовательно, по отношению к земельной ренте, заработной плате в ее высших формах, доходу непроизводительных классов и т. д. Все они в известное время принимают форму денежного дохода и, следовательно, могут быть превращены во вклады, а тем самым и в ссудный капитал. По отношению ко всякому доходу, предназначен ли он для потребления или для накопления, раз он существует в какой бы то ни было денежной форме, верно то положение, что доход есть превращенная в деньги часть стоимости товарного капитала, а следовательно — выражение и результат действительного накопления, а не сам производительный капитал. Если прядильщик обменял свою

пряжу на хлопок, а часть, составляющую доход, — на деньги, то действительное бытие его промышленного капитала — это пряжа, перешедшая теперь в руки ткача или, быть может, индивидуального потребителя, и притом пряжа — предназначена ли она для воспроизводства или для потребления — есть бытие как капитальной стоимости, так и прибавочной стоимости, которая в ней заключается. Величина прибавочной стоимости, превратившейся в деньги, зависит от величины прибавочной стоимости, заключающейся в пряже. Но раз прибавочная стоимость превратилась в деньги, последние являются лишь стоимостным бытием этой прибавочной стоимости. И как таковое они становятся моментом ссудного капитала. Для этого требуется только, чтобы они были превращены во вклад, если только они уже не выданы в ссуду самим их собственником. Напротив, чтобы превратиться обратно в производительный капитал, сумма их должна достигнуть сначала определенного минимума.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ
ДЕНЕЖНЫЙ КАПИТАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛ. — III (окончание)

Таким образом, масса денег, которая превращается обратно в капитал, является результатом массового процесса воспроизводства, но рассматриваемая сама по себе, как ссудный денежный капитал, она не является массой производительного капитала.

Самый важный из выводов предшествующего исследования состоит в том, что расширение части дохода, предназначенной для потребления (причем мы оставляем в стороне рабочего. так как его доход = переменному капиталу), прежде всего проявляется как накопление денежного капитала. Следовательно, в накопление денежного капитала входит один момент, существенно отличающийся от действительного накопления промышленного капитала, потому что часть годового продукта, предназначенная для потребления, вовсе не становится капиталом. Другая часть годового продукта *возмещает* капитал, а именно, постоянный капитал производителей предметов потребления. Но поскольку она действительно превращается в капитал, она существует в натуральной форме дохода производителей этого постоянного капитала. Те же самые деньги, которые представляют доход, которые служат простыми посредниками потребления, регулярно превращаются на некоторое время в ссудный денежный капитал. Поскольку деньги эти представляют заработную плату, они являются в то же время денежной формой переменного капитала; а поскольку они возмещают постоянный капитал производителей предметов потребления, они являются денежной формой, которую временно принимает постоянный капитал, и служат для закупки элементов этого подлежащего возмещению постоянного капитала в натуре. Ни в той, ни в другой форме они сами по себе не выражают накопления, хотя масса их и растет с расширением процесса воспроизводства. Однако временно они

выполняют функции ссужаемых денег, то есть денежного капитала. Следовательно, с этой стороны накопление денежного капитала всегда должно отражать в себе более значительное накопление капитала, чем то, которое совершается в действительности, так как расширение индивидуального потребления, благодаря тому, что оно осуществляется при посредстве денег, выступает как накопление денежного капитала, доставляя денежную форму для действительного накопления, для денег, открывающих новые сферы приложения капитала.

Итак, накопление ссудного денежного капитала отчасти выражает лишь тот факт, что всякие деньги, в которые превращается промышленный капитал в процессе своего кругооборота, принимают форму не денег, которые *авансируют* агенты воспроизводства, а денег, которые они *занимают;* таким образом, то авансирование денег, которое происходит в процессе воспроизводства, представляется авансированием заемных денег. В действительности на основе коммерческого кредита один ссужает другому те деньги, которые ему нужны для процесса воспроизводства. Но это принимает такую форму, что банкир, которому часть агентов воспроизводства ссужает деньги, в свою очередь ссужает их другой части агентов воспроизводства, причем банкир этот кажется благодетелем; в то же время распоряжение этим капиталом оказывается полностью в руках банкира как посредника.

Нам остается лишь указать некоторые особые формы накопления денежного капитала. Капитал высвобождается, например, вследствие понижения цены элементов производства, сырых материалов и т. д. Если промышленник не может расширить непосредственно свой процесс воспроизводства, то часть его денежного капитала, как избыточная, выталкивается из кругооборота и превращается в ссудный денежный капитал. Но кроме того, капитал высвобождается в денежной форме, особенно у купца, когда наступают перерывы в ходе дела. Если купец совершил ряд сделок и вследствие таких перерывов может начать новый ряд сделок лишь позднее, то реализованные деньги представляют для него лишь сокровище, избыточный капитал. Однако в то же время они непосредственно представляют накопление ссудного денежного капитала. В первом случае накопление денежного капитала выражает повторение процесса воспроизводства при более благоприятных условиях, действительное высвобождение части ранее связанного капитала, следовательно, возможность расширения процесса воспроизводства при-тех же самых денежных средствах. Во втором случае — простой перерыв потока сделок. Но в обоих случаях деньги пре-

вращаются в ссудный денежный капитал, представляют накопление этого последнего, оказывают влияние в одинаковой степени на денежный рынок и ставку процента, хотя в первом случае в этом находят себе выражение более благоприятные условия, во втором — препятствия для действительного процесса накопления. Наконец, на накопление денежного капитала влияет количество людей, которые, основательно упрочив свое положение, удаляются от сферы воспроизводства. Чем больше прибыли создается в течение промышленного цикла, тем больше число таких людей. Тут накопление ссудного денежного капитала служит выражением, с одной стороны, действительного накопления (в его относительном размере), с другой стороны, оно выражает собой лишь размеры превращения промышленных капиталистов в чисто денежных капиталистов.

Что касается остальной части прибыли, не предназначенной для потребления в качестве дохода, то она превращается в денежный капитал лишь в том случае, если она не может быть непосредственно употреблена на расширение дела в той сфере производства, в которой она создана. Последнее может происходить по двум причинам. Или потому, что данная сфера производства уже насыщена капиталом. Или потому, что накопленная сумма, для того чтобы функционировать как капитал, должна сначала достигнуть известных размеров, определяемых количественными отношениями новых вложений капитала в данном определенном предприятии. Поэтому накопленная сумма превращается сначала в ссудный денежный капитал и служит для расширения производства в других сферах. При прочих равных условиях масса прибыли, предназначенная для обратного превращения в капитал, зависит от массы всей произведенной прибыли и, следовательно, от расширения самого процесса воспроизводства. Если же это новое накопление наталкивается в своем применении на трудности, на недостаток сфер приложения, если, следовательно, имеет место переполнение отраслей производства и избыточное предложение ссудного капитала, то такой избыток ссудного денежного капитала указывает лишь на ограниченность *капиталистического* производства. Последующий кредитный ажиотаж показывает, что не существует никаких положительных препятствий для применения этого избыточного капитала. Но существуют препятствия, возникающие в силу законов возрастания капитала, из-за тех границ, в которых капитал может возрастать как капитал. Избыток денежного капитала как такового не выражает необходимо перепроизводства или хотя бы только недостатка сфер приложения капитала.

Накопление ссудного капитала состоит просто в том, что деньги осаждаются как деньги, предназначенные для ссуд. Этот процесс весьма отличен от действительного превращения денег в капитал; это только накопление денег в такой форме, в которой они могут быть превращены в капитал. Но накопление это может, как было показано, выражать моменты, весьма отличные от действительного накопления. При постоянном расширении действительного накопления это расширение накопления денежного капитала отчасти может быть его результатом, отчасти результатом моментов, сопровождающих его, но совершенно от него отличных, отчасти, наконец, даже результатом приостановки действительного накопления. Уже потому, что накопление ссудного капитала расширяется под влиянием таких независимых от действительного накопления, но все же сопровождающих его моментов, в известных фазах цикла должен всегда иметь место избыток денежного капитала, и этот избыток увеличивается по мере развития кредита. Вместе с этим избытком, следовательно, должна также усиливаться необходимость расширить процесс производства за его капиталистические границы, то есть возникают избыточная торговля, перепроизводство, избыточный кредит. В то же время это неизбежно совершается в формах, вызывающих обратное движение.

Что касается накопления денежного капитала из земельной ренты, заработной платы и т. п., то здесь излишне останавливаться на этом вопросе. Следует подчеркнуть лишь тот момент, что благодаря разделению труда в ходе развития капиталистического производства дело действительного сбережения и воздержания (собирателями сокровищ), поскольку оно доставляет элементы накопления, выпадает на долю тех, которые получают минимальное количество этих элементов и зачастую еще теряют свои сбережения, как, например, рабочие при крахе банков. С одной стороны, промышленный капиталист не сам «сберегает» свой капитал, а распоряжается чужими сбережениями в количестве, пропорциональном величине своего капитала; с другой стороны, денежный капиталист делает чужие сбережения своим капиталом, а кредит, который оказывают друг другу капиталисты, занятые в процессе воспроизводства, и который дает им публика, превращает в источник своего личного обогащения. Вместе с тем рушится последняя иллюзия капиталистической системы, будто капитал порождается собственным трудом и сбережением. Не только прибыль состоит в присвоении чужого труда, но и капитал, при помощи которого этот чужой труд приводится в движение и эксплуатируется,

состоит из чужой собственности, которую денежный капиталист предоставляет в распоряжение промышленного капиталиста и за которую он эксплуатирует последнего в свою очередь.

Нам остается сделать еще несколько замечаний относительно ссудного капитала.

Насколько часто одни и те же деньги могут фигурировать в качестве ссудного капитала, это всецело зависит, как было показано выше, от того,

1) насколько часто они реализуют товарные стоимости в процессе продажи или платежа, перенося таким образом капитал, и от того, далее, насколько часто они реализуют доход. Насколько часто они переходят в другие руки в качество реализованной стоимости, все равно капитала или дохода, это зависит, очевидно, от размеров и числа действительных оборотов;

2) это зависит от экономии платежей и от развития и организации кредитного дела;

3) наконец, от взаимного сцепления и быстроты действия кредитов, благодаря которым деньги, осев в одном месте в виде вклада, тотчас же снова выплывают в другом — в виде ссуды.

Если даже предположить, что формой существования ссудного капитала является исключительно форма действительных денег, золота или серебра — товаров, вещество которых служит мерой стоимостей, — то и в этом случае значительная часть этого денежного капитала неизбежно будет фиктивной, то есть простым титулом стоимости, чем-то вроде знаков стоимости. Поскольку деньги функционируют в кругообороте капитала, они, хотя в известный момент и образуют денежный капитал, однако, не превращаются в ссудный денежный капитал, а или обмениваются на элементы производительного капитала, или же ими расплачиваются как средством обращения при реализации дохода и, следовательно, они не могут опять превратиться в ссудный капитал для своего владельца. Поскольку же они превращаются в ссудный капитал и одна и та же сумма денег повторно представляет ссудный капитал, ясно, что они лишь в одном пункте существуют как металлические деньги; во всех других пунктах они существуют лишь в форме притязаний на капитал. Накопление этих притязаний, согласно предположению, проистекает из действительного накопления, то есть из превращения стоимости товарного капитала и т. д. в деньги; и тем не менее накопление этих притязаний или титулов стоимости, как таковое, отлично и от действительного накопления, которым оно порождается, и от будущего

накопления (нового процесса производства), которое опосредствуется выдачей денег в ссуду.

Prima facie* ссудный капитал всегда существует в форме денег[9)], а позже как притязание на деньги, ибо деньги, в виде которых он первоначально существует, находятся теперь в руках заемщика в действительной денежной форме. Для кредитора ссудный капитал превратился в право на получение денег, в титул собственности. Одна и та же масса действительных денег может поэтому представлять весьма различные массы денежного капитала. Просто деньги, представляют ли они реализованный капитал или реализованный доход, становятся ссудным капиталом благодаря одному акту ссуды, благодаря превращению их в депозит, если рассматривать общую форму при развитой кредитной системе. Вклад есть денежный капитал для вкладчика. Однако в руках банкира он может быть лишь потенциальным денежным капиталом, лежащим без движения в его кассе вместо того, чтобы лежать в кассе собственника этого капитала[10)].

* — Сначала. *Ред.*

9) В. А. 1857. Показание банкира Туэлса: «4516. Как банкир, ведете ли вы операции с капиталом или с деньгами? — Мы торгуем деньгами. — 4517. Как вносятся вклады в ваш банк? — Деньгами. — 4518. Как выплачиваются они? — Деньгами. — [4519.] Итак, можно ли сказать, что они представляют нечто отличное от денег? — Нет».

Оверстон (см. гл. XXVI) постоянно путает «капитал» и «деньги». «Стоимость денег» означает у него также процент, но лишь постольку, поскольку последний определяется массой денег; «стоимость капитала» должна обозначать процент, поскольку он определяется спросом на производительный капитал и приносимой им прибылью. Он говорит: «4140. Слово «капитал» следует употреблять с осторожностью. — 4148. Вывоз золота из Англии означает уменьшение количества денег в стране, что должно, конечно, вообще говоря, вызывать увеличенный спрос на денежном рынке» {следовательно, по его мнению, не на рынке капитала}. — «4112. По мере того как деньги уходят из страны, количество их в стране уменьшается. Это уменьшение количества денег, остающихся в стране, вызывает повышение стоимости этих денег» {первоначально, по его теории, это означало повышение стоимости денег как денег сравнительно со стоимостью товаров, вызванное сокращением средств обращения, причем это повышение стоимости денег равняется, следовательно, понижению стоимости товаров. Но так как в дальнейшем даже для него стало несомненным, что масса обращающихся денег *не* определяет цен, то теперь уменьшение количества денег как средства обращения должно повысить их стоимость как капитала, приносящего проценты, и, следовательно. должно повысить ставку процента}. «И это возрастание стоимости еще остающихся денег задерживает дальнейший отлив их и продолжается до тех пор, пока оно не привлечет обратно такое количество денег, какое необходимо для восстановления равновесия». Продолжение о противоречиях, в которые впадает Оверстон, — ниже.

10) Здесь-то и выступает путаница, состоящая в том, что «деньгами» является и то и другое: и вклад как требование на платеж со стороны банкира, и депонированные деньги в руках банкира. Банкир Туэлс, давая показания перед банковской комиссией 1857 г., приводит следующий пример: «Я начинаю свое дело с 10000 фунтов стерлингов. На 5000 ф. ст. я покупаю товары и отправляю их на свой склад. Остальные 5000 ф. ст. в виде вклада я помещаю у банкира, чтобы пользоваться ими по мере надобности. Но я все-таки рассматриваю всю сумму как мой капитал, хотя из нее 5000 ф. ст. находятся в форме вклада или денег (4528)». Отсюда возникают следующие занятные дебаты: «4531. Следовательно, вы передали ваши 5000 ф. ст. в банкнотах кому-то другому? — Да. — 4532. Тогда этот другой имеет вклад в 5000 фунтов стерлингов? — Да, конечно. — 4533. Но и вы имеете вклад в 5000 фунтов стерлингов? — Совершенно верно. — 4534. Он имеет 5000 ф. ст. деньгами, и вы имеете

С ростом вещественного богатства растет класс денежных капиталистов; с одной стороны, растет число и богатство капиталистов, отошедших от дел, рантье; а во-вторых, усиливается развитие кредитной системы, а вместе с тем растет число банкиров, кредиторов, финансистов и т. п. С развитием свободного денежного капитала увеличивается, как было показано выше, масса ценных бумаг, государственных процентных бумаг, акций и т. д. Но вместе с тем увеличивается и спрос на свободный денежный капитал, причем биржевики, спекулирующие этими бумагами, начинают играть главную роль на денежном рынке. Если бы все покупки и продажи этих бумаг были лишь выражением действительных вложений капитала, то мы имели бы право сказать, что они не могут влиять на спрос ссудного капитала, так как если *А* продает свои бумаги, то он извлекает при этом ровно столько же денег, сколько *В* вкладывает в бумаги. Между тем даже там, где бумага хотя и существует, но уже не существует того капитала (по крайней мере как денежного капитала), который она первоначально представляла, она всегда вызывает pro tanto новый спрос на такой денежный капитал. Но во всяком случае это тот денежный капитал, которым раньше располагал *В,* а теперь располагает *А*.

В. А. 1857. № 4886: «Будет ли это, по вашему мнению, правильным указанием причин, определяющих учетную ставку, если я скажу, что она регулируется количеством находящегося на рынке капитала, который может быть употреблен для учета торговых векселей, в отличие от других видов ценных бумаг?» — {Чапмен:} «Нет; я придерживаюсь того взгляда, что на ставку процента влияют все легко превращаемые в деньги ценные бумаги (all convertible securities of a current character); было бы неправильно ограничивать вопрос только учетом векселей, потому что если

5000 ф. ст. деньгами? — Да. — 4535. Но в конце концов это только деньги? — Нет». — Путаница происходит здесь отчасти по следующей причине: *А*, который депонировал 5000 ф. ст., может выписывать на них требования, распоряжаться ими совершенно так же, как если бы эти деньги находились еще у него. В этом смысле они функционируют для него как потенциальные деньги. Но каждый раз, когда он пользуется ими, он pro tanto [соответственно] уменьшает сумму своего вклада. Если он берет из банка действительные деньги, причем его деньги уже отданы в новую ссуду, то ему платят не его собственными деньгами, но деньгами, вложенными в банк кем-либо другим. Если он уплачивает *В* долг чеком на своего банкира, причем *В* вкладывает этот чек у своего банкира, и банкир вкладчика *А* также имеет чек на банкира вкладчика *В,* так что оба банкира только обмениваются чеками, то деньги, вложенные *А*, дважды выполнили денежную функцию: во-первых, в руках того, кто получил деньги, вложенные *А*, и, во-вторых, в руках самого *А*. Другая функция состояла в погашении долговых требований (долговое требование А на своего банкира и долговое требование последнего на банкира *В)* без посредничества денег. Здесь вклад дважды функционирует как деньги, именно один раз как действительные деньги и другой раз — как право на получение денег. Простое право на получение денег может замещать деньги лишь путем взаимного погашения долговых требований.

существует большой спрос на деньги под» {залог} «консолей или даже под свидетельства казначейства, как это в большой мере имело место в последнее время, и притом под проценты, значительно превышающие коммерческую процентную ставку, то было бы абсурдно сказать, что наш торговый мир не затрагивается этим; он весьма существенно затрагивается этим. — 4890. Если на рынке имеются хорошие и ходкие ценные бумаги, признаваемые банкирами как таковые, и если собственники хотят получить под них деньги, то это, без всякого сомнения, окажет влияние на торговые векселя; я не могу, например, ожидать, что мне дадут под торговый вексель деньги из 5%, если эти деньги можно в данное время ссудить под консоли и т. п. из 6%; такое же влияние это оказывает и на нас; никто не может требовать от меня, чтобы я учел его вексель из $5^1/_2$%, раз я могу ссудить мои деньги из 6%. — 4892. Относительно людей, которые на 2000 ф. ст., 5000 ф. ст. или 10000 ф. ст. покупают ценные бумаги, считая это надежным вложением капитала, мы не скажем, что они оказывают существенное влияние на денежный рынок. Если вы меня спрашиваете о процентной ставке на ссуды под» {залог} «консолей, то я имею в виду людей, которые совершают операции на сотни тысяч, так называемых джобберов, которые подписываются на публичные займы на большие суммы или покупают их на рынке, а затем вынуждены держать эти бумаги, пока можно будет сбыть их с прибылью; эти люди должны для этой цели занимать деньги».

С развитием кредитного дела создаются крупные концентрированные денежные рынки вроде Лондона, которые в то же время являются главными пунктами торговли этими бумагами. Банкиры предоставляют в распоряжение шайки таких торговцев громадные суммы денежного капитала публики, и благодаря этому растет это отродье игроков. «На фондовой бирже деньги обыкновенно дешевле, чем где бы то ни было», говорил в 1848 г. [Джемс Моррис] тогдашний управляющий Английским банком, давая показания перед секретной комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (C. D. 1848/1857, № 219).

При рассмотрении капитала, приносящего проценты, было уже показано, что средняя ставка процента для более или менее длинного ряда лет, при прочих равных условиях, определяется средней нормой прибыли, — не предпринимательского дохода, который сам есть не что иное, как прибыль минус процент*.

Было также указано, что и для колебаний коммерческого процента — процента, устанавливаемого в торговом мире денежными кредиторами, занимающимися учетными и ссудными операциями, — в ходе промышленного цикла наступает фаза, когда ставка процента превосходит свой минимум и достигает средней высоты (которую она впоследствии превышает), причем движение это является результатом повышения прибыли, — и это было уже упомянуто и обстоятельнее будет исследовано впоследствии.

* См. настоящий том, часть I, стр. 401. *Ред.*

Однако здесь необходимо сделать два замечания.

Во-первых: если ставка процента в течение продолжительного времени держится высоко (мы говорим о ставке процента в определенной стране, например в Англии, где средняя процентная ставка дается для более или менее продолжительного периода и выражается также в том проценте, который уплачивается за ссуды на более продолжительный период и который можно назвать частным процентом), то это prima facie доказывает, что за этот период норма прибыли стоит высоко, хотя это еще вовсе не показатель того, что высока и норма предпринимательского дохода. Это последнее различие более или менее отпадает для капиталистов, которые работают преимущественно с собственным капиталом; они реализуют высокую норму прибыли, так как сами выплачивают себе процент. Возможность устойчивой высокой ставки процента, — мы не говорим здесь о фазе угнетения в собственном смысле, — дается высокой нормой прибыли. Возможно, однако, что эта высокая норма прибыли за вычетом высокой ставки процента оставляет лишь низкую норму предпринимательского дохода. Последняя может уменьшаться, в то время как высокая норма прибыли продолжает существовать. Это возможно потому, что однажды пущенные предприятия продолжают дальше функционировать. В этой фазе дело ведется в значительной мере за счет чисто заемного (чужого) капитала; и высокая норма прибыли иногда может быть чисто спекулятивной, предвосхищающей виды на будущее. Высокая ставка процента может выплачиваться при высокой норме прибыли, но уменьшающемся предпринимательском доходе. Она может выплачиваться, — и это отчасти имеет место в периоды спекуляции, — не из прибыли, а из самого заемного чужого капитала, и этот факт может иметь место длительное время.

Во-вторых: положение, что спрос на денежный капитал, а стало быть, и ставка процента, растет вследствие того, что норма прибыли высока, не тождественно с тем, что ставка процента высока потому, что растет спрос на промышленный капитал.

В периоды кризиса спрос на ссудный капитал, а вместе с тем и ставка процента, достигает своего максимума; норма прибыли, а вместе с ней и спрос на промышленный капитал снижается почти до нуля. В такое время каждый прибегает к кредиту лишь для того, чтобы платить, чтобы выполнить уже принятые на себя обязательства. Напротив, в периоды нового оживления после кризиса ссудный капитал требуется для того, чтобы покупать и чтобы превращать денежный капитал в производительный или торговый капитал. В это время ссудный

капитал требуют или промышленный капиталист или купец. Промышленный капиталист расходует его на средства производства и на рабочую силу.

Растущий спрос на рабочую силу сам по себе отнюдь еще не является основой для повышения ставки процента, поскольку последняя определяется нормой прибыли. Более высокая заработная плата никогда не бывает причиной более высокой прибыли, хотя в известные фазы промышленного цикла она может быть одним из ее последствий.

Спрос на рабочую силу может повышаться вследствие того, что эксплуатация труда совершается при особо благоприятных условиях, но повышающийся спрос на рабочую силу и, следовательно, на переменный капитал сам по себе не увеличивает прибыли, а уменьшает ее pro tanto. И тем не менее благодаря этому может возрастать спрос на переменный капитал, а потому и спрос на денежный капитал, что способно повышать ставку процента. Рыночная цена рабочей силы поднимается тогда выше своей средней величины, работу находит более чем среднее число рабочих, и одновременно растет ставка процента, так как при таких обстоятельствах повышается спрос на денежный капитал. Повышающийся спрос на рабочую силу удорожает этот товар, как и всякий другой, повышает цену рабочей силы, но не повышает прибыли, которая основывается главным образом на относительной дешевизне как раз этого товара. Но в то же время — при предположенных обстоятельствах — он повышает ставку процента, потому что повышает спрос на денежный капитал. Если бы денежный капиталист, вместо того чтобы давать свои деньги в ссуду, превратился в промышленника, то сам по себе тот факт, что ему пришлось бы платить дороже за труд, не повысил бы его прибыли, а понизил бы pro tanto. Общая конъюнктура могла бы сложиться так, что прибыль его все-таки возрастет, но отнюдь не потому, что он дороже оплачивал бы труд. Однако последнего обстоятельства, поскольку оно повышает спрос на денежный капитал, достаточно для того, чтобы повысить ставку процента. Если бы по каким-либо причинам повысилась заработная плата при конъюнктуре, в прочих отношениях неблагоприятной, то рост заработной платы понизил бы норму прибыли, но повысил бы ставку процента в той мере, в какой он увеличил бы спрос на денежный капитал.

То, что Оверстон называет «спросом на капитал», если оставить в стороне труд, состоит лишь в спросе на товары. Спрос на товары повышает их цену как в том случае, если спрос этот поднимается выше средней, так и в том случае, если предложение падает ниже средней. Если, например, промышленный

капиталист или купец должен уплатить теперь 150 ф. ст. за ту же массу товаров, за какую он раньше платил 100 ф. ст., то ему придется занять 150 ф. ст. вместо обычных 100 ф. ст. и, следовательно, при 5% придется платить $7\frac{1}{2}$ ф. ст. в качестве процента вместо прежних 5 фунтов стерлингов. Сумма, уплачиваемая им в качестве процента, увеличится, так как увеличится масса занятого капитала.

Попытка г-на Оверстона всецело сводится к тому, чтобы интересы ссудного и промышленного капитала представить тождественными, между тем как его банковский акт рассчитан именно на то, чтобы использовать различие этих интересов к выгоде денежного капитала.

В том случае, если предложение товаров падает ниже среднего уровня, спрос на товары может и не поглощать денежного капитала больше, чем прежде. Приходится уплачивать ту же самую, быть может, даже меньшую сумму за общую стоимость товаров, но за ту же сумму получают теперь меньшее количество потребительных стоимостей. В этом случае спрос на ссудный денежный капитал остается неизменным, и, следовательно, ставка процента не повышается, хотя спрос на товар по сравнению с его предложением, а потому и цена товара повышается. Ставка процента может быть затронута лишь в том случае, если возрастает общий спрос на ссудный капитал, а при вышеуказанных предположениях это не имеет места.

Возможен, однако, и такой случай, что предложение известного товара падает ниже среднего уровня, как это бывает, например, при неурожае зерновых, хлопка и т. п., но спрос на ссудный капитал растет, потому что имеет место спекуляция на еще большее повышение цен, а простейшее средство повысить цены состоит в том, чтобы временно устранить с рынка часть предложения. Для того же чтобы оплатить купленный товар, не продавая его, добываются деньги при помощи коммерческих «вексельных операций». В таком случае возрастает спрос на ссудный капитал, и ставка процента может повыситься в результате такой попытки искусственно помешать доступу товара на рынок. Более высокая ставка процента выражает тогда искусственное уменьшение предложения товарного капитала.

С другой стороны, спрос на известный продукт может возрасти вследствие того, что возросло его предложение и его цена упала ниже своего среднего уровня.

В этом случае спрос на ссудный капитал может остаться неизменным или даже упасть, так как на ту же самую сумму денег может быть приобретено большее количество товаров. Может, однако, появиться и спекулятивное образование

запасов, частью чтобы использовать благоприятный момент для целей производства, частью в ожидании позднейшего повышения цен. В этом случае спрос на ссудный капитал может возрасти, и повышенная ставка процента будет свидетельствовать о затратах капитала на образование избыточных запасов элементов производительного капитала. Мы рассматриваем здесь лишь спрос на ссудный капитал, поскольку на него влияют спрос и предложение товарного капитала. Уже ранее было показано, каким образом меняющееся в фазах промышленного цикла состояние процесса воспроизводства влияет на предложение ссудного капитала. Тривиальное положение, что рыночная ставка процента определяется предложением и спросом (ссудного) капитала, Оверстон хитро валит в одну кучу со своим собственным предположением, согласно которому ссудный капитал тождествен с капиталом вообще, и старается таким образом превратить ростовщика в единственного капиталиста, а его капитал — в единственный вид капитала.

В период угнетения спрос на ссудный капитал есть спрос на средство платежа и ничего более; это отнюдь не спрос на деньги как покупательное средство. Ставка процента может подняться при этом очень высоко независимо от того, имеется реальный капитал — производительный и товарный — в избытке или же его мало. Поскольку купцы и производители могут доставить надежное обеспечение, спрос на средства платежа есть просто спрос на то, что может быть превращено в *деньги;* поскольку же этого нет, поскольку, следовательно, ссуда средств платежа доставляет капиталистам не только *денежную форму,* но и недостающий им для платежей *эквивалент* в какой бы то ни было форме, постольку спрос на средства платежа есть спрос на *денежный капитал.* Это тот пункт, в котором в вопросе о кризисах одинаково правы и неправы сторонники двух противоположных мнений ходячей теории. Все те, кто утверждает, что существует лишь недостаток в средствах платежа, или имеют в виду только лиц, владеющих bona fide* обеспечением, или же настолько глупы, что приписывают банкам силу и обязанность превращать путем выпуска бумажек всех обанкротившихся спекулянтов в солидных, платежеспособных капиталистов. Те, кто говорит, что существует просто недостаток в капитале, или занимаются простой игрой слов, так как в действительности в такое время, вследствие избыточного ввоза и перепроизводства, имеется всегда обилие капитала, *не могущего превратиться в деньги,* или же они

* — надежным. *Ред.*

говорят лишь о тех рыцарях кредита, которые действительно попадают в условия, когда они больше не получают чужого капитала, чтобы хозяйствовать при его помощи, и потому требуют, чтобы банк не только помог им возвратить утраченный капитал, но и дал возможность продолжать спекулятивные сделки.

Основу капиталистического производства составляет то, что деньги как самостоятельная форма стоимости противостоят товару; другими словами, меновая стоимость должна получить самостоятельную форму в деньгах, а это возможно лишь благодаря тому, что определенный товар становится материалом, в стоимости которого измеряются все другие товары, что он именно поэтому становится всеобщим товаром, товаром par excellence* в противоположность всем другим товарам. Это должно обнаруживаться в двояком направлении, и особенно у капиталистически развитых наций, которые в широких размерах замещают деньги, с одной стороны, кредитными операциями, с другой стороны, — кредитными деньгами. В периоды угнетения, когда кредит сокращается или совершенно прекращается, деньги внезапно абсолютно противопоставляются всем другим товарам как единственное средство платежа и истинное бытие стоимости. Отсюда всеобщее обесценение товаров, трудность, даже невозможность превратить их в деньги, то есть в их собственную чисто фантастическую форму. Но, с другой стороны, сами кредитные деньги суть деньги лишь постольку, поскольку они в сумме своей номинальной стоимости абсолютно замещают действительные деньги. Вместе с отливом золота становится проблематичной их обратимость в деньги, то есть их тождество с действительным золотом. Отсюда принудительные меры, повышение процентной ставки и т. д. с целью обеспечить условия обмена на золото. Это может быть доведено до крайности при помощи фальшивого законодательства, покоящегося на ложных теориях денег и навязанного нации в своих интересах торговцами деньгами, — Оверстонами и компанией. Но основа [кредитных денег] дана с основой самого способа производства. Обесценение кредитных денег (конечно, не их мнимое обесценение) расшатало бы все существующие отношения. Поэтому стоимость товаров приносится в жертву, чтобы обеспечить фантастическое и самостоятельное бытие этой стоимости в деньгах. Как денежная стоимость она обеспечена вообще лишь до тех пор, пока обеспечены сами деньги. Ради нескольких миллионов в деньгах должны быть поэтому принесены в жертву

* — по преимуществу. *Ред.*

многие миллионы в товарах. Это неизбежно при капиталистическом производстве и образует одну из его прелестей. При прежних способах производства этого не наблюдается, так как на том узком базисе, на котором совершается их движение, не получают развития ни кредит, ни кредитные деньги. Пока *общественный* характер труда выступает как *денежная форма существования* товаров, то есть как *вещь,* существующая вне действительного производства, неизбежны денежные кризисы, независимые от действительных кризисов или являющиеся их обострением. С другой стороны, ясно, что, пока не поколеблен кредит банка, этот последний в таких случаях путем увеличения количества кредитных денег смягчает панику, а путем изъятия их увеличивает панику. Вся история современной промышленности показывает, что если бы производство внутри страны было организовано, то металл требовался бы только для того, чтобы выплачивать разницу по балансу международной торговли, когда равновесие ее в данный момент нарушено. Что внутри страны уже теперь не требуется металлических денег, показывает приостановка размена банкнот со стороны так называемых национальных банков, к которой прибегают во всех крайних случаях как к единственному спасению.

Имея в виду двух лиц, было бы смешно говорить, что оба они между собой имеют неблагоприятный платежный баланс. Если каждый из них является и должником и кредитором по отношению к другому и если требования их не погашаются взаимно, то ясно, что в конце концов лишь один оказывается должником другого на сумму разницы. Но дело обстоит иначе, когда речь идет о нациях. И что оно обстоит иначе, признают все экономисты, выдвигая положение, согласно которому платежный баланс данной нации может быть благоприятен и неблагоприятен для нее, несмотря на то, что ее торговый баланс в конце концов должен уравновеситься. Платежный баланс тем отличается от торгового баланса, что он есть торговый баланс, платеж по которому приходится на определенное время. Кризисы же сводят разницу между торговым и платежным балансом к короткому промежутку времени; и известные явления, развивающиеся в стране, которая охвачена кризисом и для которой теперь, следовательно, наступает время платежей, — эти явления уже сами по себе вызывают сокращение периода, в течение которого должно быть произведено погашение платежей. Во-первых, вывоз благородных металлов, затем распродажа консигнированных товаров, экспорт товаров с целью сбыть их или добыть под них денежную ссуду внутри страны, повышение ставки процента, востребование кредитов,

падение курса ценных бумаг, распродажа иностранных ценных бумаг, привлечение иностранного капитала для вложения в эти обесцененные бумаги, наконец, банкротство, погашающее массу требований. При этом зачастую металл отправляется в страну, в которой разразился кризис, так как векселя на нее ненадежны и наиболее верным представляется платеж звонкой монетой. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что по отношению к Азии все капиталистические нации, в большинстве случаев одновременно, оказываются ее прямыми или косвенными должниками. Как только эти различные обстоятельства окажут свое полное влияние на другую заинтересованную нацию, — у нее начинается экспорт золота и серебра, короче, наступает период платежей, и повторяются те же самые явления.

При коммерческом кредите процент, как разница между ценой в кредит и ценой на наличные деньги, лишь постольку входит в цену товаров, поскольку сроки векселей продолжительнее обыкновенных сроков. В противном случае это не имеет места. Объясняется это тем, что каждый одной рукой получает такой кредит, а другой оказывает его. {Это не согласуется с моими наблюдениями. — *Ф. Э.*} Поскольку же в цену товаров входит дисконт, то он регулируется не коммерческим кредитом, а денежным рынком.

Если бы спрос и предложение денежного капитала, определяющие ставку процента, были тождественны со спросом и предложением действительного капитала, как это утверждает Оверстон, то процент должен был бы одновременно быть и низким и высоким в зависимости от того, какой товар имеется в виду, или по отношению к одному и тому же товару в различных стадиях (сырой материал, полуфабрикат, готовый продукт). В 1844 г. учетная ставка Английского банка колебалась между 4% (от января до сентября) и $2^1/_2$—3% от ноября до конца года. В 1845 г. она была $2^1/_2$%, $2^3/_4$%, 3% от января до октября, между 3% и 5% в последние месяцы. Средняя цена хлопка fair Orleans* была в 1844 г. $6^1/_4$ пенса, а в 1845 г. — $4^7/_8$ пенса. 3 марта 1844 г. запас хлопка в Ливерпуле составлял 627042 кипы, а 3 марта 1845 г. — 773800 кип. Если судить по низкой цене хлопка, то в 1845 г. учетная ставка должна была бы быть низкой, что фактически и наблюдалось в течение большей части этого периода. Но если судить по цене пряжи, то процент должен был бы быть высоким, так как цены были относительно, а прибыли абсолютно высоки. Из хлопка по 4 пенса за фунт при издержках прядения в 4 пенса в 1845 г. можно было

* Сорт хлопка. *Ред.*

выпрясть пряжу (№ 40 хороший secunda mule twist*), которая прядильщику обошлась бы таким образом в 8 пенсов и которую он в сентябре и октябре 1845 г. мог бы продать по $10^1/_2$ или $11^1/_2$ пенса за фунт. (См. ниже показания Уайли.)

Весь вопрос разрешается следующим образом:

Спрос и предложение ссудного капитала были бы тождественны со спросом и предложением капитала вообще (хотя последняя фраза нелепа: для промышленника или купца товар есть форма его капитала, тем не менее он никогда не нуждается в капитале как таковом, но всегда лишь в специальном товаре как таковом, покупает и оплачивает его как товар — хлеб или хлопок — независимо от той роли, которую товар сыграет в кругообороте его капитала) лишь в том случае, если бы вовсе не существовало денежных кредиторов, но зато ссужающие капиталисты владели бы машинами, сырыми материалами и т. п. и отдавали бы эту свою собственность в ссуду или в наем, — подобно тому как теперь сдаются дома, — промышленным капиталистам, которые сами являются собственниками части этих предметов. При таких обстоятельствах предложение ссудного капитала было бы тождественно с предложением элементов производства промышленным капиталистам или товаров купцам. Но совершенно ясно, что в этом случае распределение прибыли между кредитором и заемщиком всецело определялось бы в первую очередь отношением между капиталом, данным в ссуду, и капиталом, составляющим собственность того, кто его применяет к делу.

По словам г-на Уэгелина (В. А. 1857), процентная ставка определяется «массой незанятого капитала» (252); есть «лишь показатель массы незанятого капитала, ищущего приложения» (271); позже этот незанятый капитал называется у него floating capital (485), причем под последним он понимает «банкноты Английского банка и другие средства обращения в стране, например, банкноты провинциальных банков и имеющуюся в стране монету... я включаю в floating capital также запасы банков» (502, 503), а позже он сюда же относит золото в слитках (503). Тот же Уэгелин утверждает, что Английский банк оказывает сильное влияние на процентную ставку в те периоды, «когда мы» {Английский банк} «фактически имеем в своих руках большую часть незанятого капитала» (1198), между тем как, согласно выше цитированным показаниям г-на Оверстона, Английский банк — «не место для капитала». Далее Уэгелин говорит:

* Сорт пряжи. *Ред.*

«По моему мнению, учетная ставка определяется количеством незанятого капитала в стране. Количество незанятого капитала представлено резервом Английского банка, который фактически является золотым резервом. Таким образом, если запас благородного металла уменьшается, то это уменьшает количество незанятого капитала в стране и, следовательно, повышает стоимость остальной его части» (1258).

Дж. Стюарт Милль говорит (2102):

«Для поддержания платежеспособности своего банкового отделения Банк вынужден делать все возможное, чтобы пополнить резерв этого отделения; поэтому, как только он замечает, что наступает отлив, он должен обеспечить себе резерв и либо сократить учетные операции, либо продавать ценные бумаги».

Резерв, поскольку речь идет только о банковом отделении, есть резерв исключительно для вкладов. По мнению Оверстонов, банковое отделение должно действовать просто как банкир, не считаясь с «автоматическим» выпуском банкнот. Но в периоды действительного угнетения Английский банк независимо от запаса в банковом отделении, состоящего исключительно из банкнот, очень зорко следит за состоянием металлического запаса и должен следить, если он не хочет потерпеть крах. Ибо в той же самой степени, в какой исчезает металлический запас, исчезает и запас банкнот, и г-ну Оверстону, который столь мудро устроил это своим банковским актом 1844 г., это должно бы быть известно лучше, чем кому-либо другому.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ
СРЕДСТВА ОБРАЩЕНИЯ ПРИ КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЕ

«Кредит есть великий регулятор скорости обращения... Отсюда понятно, почему период сильного угнетения на денежном рынке обыкновенно совпадает с наполнением до отказа каналов обращения» («The Currency Theory Reviewed etc.», p. 65).

Это следует понимать двояко. С одной стороны, все методы экономного использования средств обращения основываются на кредите. Но с другой стороны: возьмем для примера банкноту в 500 фунтов стерлингов. *A* отдает ее сегодня *B* в уплату по векселю; *B* вносит ее в тот же день своему банкиру в качестве вклада; банкир в тот же самый день дисконтирует при помощи ее вексель для *C; C* уплачивает ее своему банку, банк отдает ее вексельному маклеру в виде ссуды и т. д. Скорость, с которой обращается здесь банкнота, обслуживая покупки и платежи, обусловливается той скоростью, с которой она все снова и снова возвращается к кому-либо в форме вклада и затем опять переходит в другие руки в форме ссуды. Простая экономия средств обращения достигает наивысшего развития в Расчетной палате в простом обмене векселей, которым истек срок, и когда преобладает функция денег как средства платежа только для погашения излишков. Но само существование этих векселей покоится опять-таки на кредите, который оказывают друг другу промышленники и купцы. Если уменьшается этот кредит, то уменьшается число векселей, в особенности долгосрочных, а следовательно, и действенность этого метода сбалансирования платежей. Только двумя способами может осуществляться такого рода экономия, состоящая в устранении денег из обращения и всецело основанная на функции денег как средства платежа, покоящейся, в свою очередь, на кредите (мы здесь оставляем в стороне большее или меньшее развитие техники концентрации таких платежей): встречные долговые требования, представленные векселями или чеками, либо погашаются одним и тем же банкиром, который только переписывает

требование со счета одного на счет другого, либо различные банкиры погашают их в своих расчетах между собой[11]. Концентрация 8—10 миллионов векселей в руках одного вексельного маклера, например фирмы Оверенд, Гёрни и К°, была одним из главных средств местного расширения масштаба такого погашения платежей. Посредством этой экономии повышается эффективность средств обращения, поскольку требуется меньшее их количество, поскольку они требуются исключительно для уплаты балансовой разницы. С другой стороны, скорость движения денег, функционирующих как средство обращения (чем также достигается экономия), зависит всецело от потока покупок и продаж, а также от сцепления платежей, поскольку эти последние совершаются один за другим при помощи денег. Но кредит опосредствует и тем самым повышает скорость обращения. Так, например, отдельная монета может обслужить лишь пять оборотов и, функционируя как простое средство обращения без посредства кредита, дольше остается в каждых отдельных руках, если *A,* ее первоначальный владелец, делает покупку у *B, B* у *C, C* у *D, D* у *E, E* у *F,* и, следовательно, ее переход из одних рук в другие вызывается лишь действительными покупками и продажами. Если же *B* помещает деньги, уплаченные ему *A,* у своего банкира в виде вклада, а банкир выдает их *C,* учитывая его вексель, *C* делает покупку у *D, D* снова вносит деньги в виде вклада своему банкиру, последний ссужает их *E,* который совершает покупку у *F,* то сама скорость движения денег в качестве простого средства обращения (покупательного средства) обусловлена здесь несколькими кредитными операциями: депозитной операцией *B* у его банкира, учетной операцией последнего для *C,* депозитом *D* у его банкира и учетной операцией последнего для *E,* — следовательно, четырьмя кредитными операциями. Без этих кредитных операций данная монета не была бы в состоянии совершить в течение данного времени одну за другой пять

[11] Среднее число дней, в течение которых находилась в обращении банкнота:

Годы	Банкнота в 5 ф. ст.	Банкнота в 10 ф. ст.	Банкнота в 20—100 ф. ст.	Банкнота в 200—500 ф. ст.	Банкнота в 1 000 ф. ст.
1792 …….	?	236	209	31	22
1818……..	148	137	121	18	13
1846...........	79	71	34	12	8
1856…….	70	58	27	9	7

(Подсчеты кассира Английского банка Маршалла в «Report on Bank Acts», 1857, part II, Appendix, p. 300—301.)

отдельных покупок. Благодаря тому, что данная единица денег переходила из рук в руки — в качестве вклада и при учете векселей — без посредства действительных покупок и продаж, ускорился ее переход из рук в руки в ряде действительных торговых актов купли-продажи.

Мы только что видели, что одна и та же банкнота может образовывать вклады у различных банкиров. Равным образом она может образовывать различные вклады у одного и того же банкира. Банкир учитывает вексель *B* банкнотой, вложенной *A, B* уплачивает *C, C* вносит в виде вклада ту же самую банкноту тому же самому банкиру, который ее выдал.

При рассмотрении простого денежного обращения («Капитал», кн. I, гл. III, 2) было уже показано, что количество действительно обращающихся денег, предполагая скорость обращения и степень экономии в платежах величинами данными, определяется ценами товаров и количеством сделок[8]. Тот же самый закон действителен и для обращения банкнот.

В следующей таблице (B. A. 1858, p. XXVI) указана среднегодовая сумма обращающихся банкнот Английского банка, поскольку они находились в руках публики, причем показаны суммы 5-, 10-фунтовых банкнот, 20-, 100-фунтовых и банкнот высшего, 200-, 1000-фунтового достоинства; равным образом приведено процентное отношение суммы банкнот каждого достоинства к общему количеству обращающихся банкнот. Суммы даны округленно в тысячах фунтов стерлингов.

Годы	Банкноты в 5—10 ф. ст.	Процентное отношение	Банкноты в 20—100 ф. ст.	Процентное отношение	Банкноты в 200—1000 ф. ст.	Процентное отношение	Всего ф. ст.
1844	9 263 ф. ст.	45,7	5 735 ф. ст.	28,3	5 253 ф. ст.	26,0	20 241 ф. ст.
1845	9 698 » »	46,9	6082 » »	29,3	4 942 » »	23,8	20 722 » »
1846	9918 » »	48,9	5 778 » »	28,5	4 590 » »	22,6	20 286 » »
1847	9591 » »	50,1	5 498 » »	28,7	4 066 » • »	21,2	19 155 » »
1848	8732 » »	48,3	5 046 » »	27,9	4 307 » »	23,8	18 085 » »
1849	8 692 » »	47,2	5 234 » »	28,5	4 477 » »	24,3	18 403 » »
1850	9 164 » »	47,2	5 587 » »	28,8	4 646 » »	24,0	19 398 » »
1851	9362 » »	48,1	5 554 » »	28,5	4 557 » »	23,4	19 473 » »
1852	9 839 » »	45,0	6 161 » »	28,2	5 856 » »	26,8	21 856 » »
1853	10 699 » »	47,3	6393 » »	28,2	5 541 » »	24,5	22 653 » »
1854	10 565 » »	51,0	5 910 » »	28,5	4 234 » »	20,5	20 709 » »
1855	10628 » »	53,6	5 706 » »	28,9	3 459 » »	17,5	19 793 » »
1856	10 680 » »	54,4	5 645 » »	28,7	3 323 » »	16,9	19 648 » »
1857	10 659 » »	54,7	5 567 » »	28,6	3241 » »	16,7	19 467 » »

Итак, за период с 1844 по 1857 г. общая сумма обращающихся банкнот положительно уменьшилась, несмотря на то, что торговый оборот, как показывают цифры ввоза и вывоза, более чем удвоился. Сумма мелких банкнот в 5 ф. ст. и в 10 ф. ст. увеличилась, как видно из таблицы, с 9263000 ф. ст. в 1844 г. до 10659000 ф. ст. в 1857 году. И это одновременно с тем значительным увеличением золотого обращения, которое как раз имело тогда место. Напротив, сумма банкнот более высоких достоинств (в 200—1000 ф. ст.) упала с 5856000 в 1852 г. до 3241000 ф. ст. в 1857 году. Следовательно, произошло уменьшение более чем на $2^1/_2$ миллиона фунтов стерлингов. Это объясняется следующим образом:

«8 июня 1854 г. частные лондонские банкиры допустили к участию в работе Расчетной палаты акционерные банки, и вскоре после этого Английский банк стал производить окончательные безналичные расчеты. Ежедневные расчеты совершаются теперь путем переводов на счета, которые различные банки имеют в Английском банке. Благодаря введению этой системы стали излишними банкноты крупных купюр, которыми раньше банки пользовались для взаимного погашения счетов» (B. A. 1858, p. V).

К какому минимуму сводится применение денег в оптовой торговле, видно из таблицы, которая напечатана в «Капитале», кн. I, гл. III, прим. 103[9] и которая была предоставлена комиссии палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству фирмой Моррисон, Диллон и К°, одной из тех крупнейших лондонских фирм, где розничный торговец может закупить весь нужный ему запас товаров всякого рода.

Согласно показанию У. Ньюмарча перед комиссией палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству (B. A. 1857) № 1741, экономии средств обращения способствовали еще и другие обстоятельства: почтовый сбор в 1 пенс, железные дороги, телеграфы, словом, улучшение средств сообщения; поэтому Англия может в настоящее время почти при том же самом обращении банкнот делать в пять и шесть раз большие обороты, чем раньше. Те же самые причины в значительной степени способствовали вытеснению из сферы обращения банкнот более чем 10-фунтового достоинства. Здесь же Ньюмарч видит естественное объяснение того, что в Шотландии и Ирландии, где обращаются даже билеты в 1 ф. ст., обращение банкнот возросло почти на 31% (1747). Сумма всех обращающихся в Соединенном королевстве банкнот, включая и банкноты в 1 ф. ст., составляет, по его словам, 39 миллионов фунтов стерлингов (1749). Сумма обращающегося золота = 70 миллионам фунтов

стерлингов (1750). В Шотландии в 1834 г. было в обращении банкнот на 3120000 фунтов стерлингов; в 1844 г. — на 3020000 фунтов стерлингов; в 1854 г. — на 4050000 фунтов стерлингов (1752).

Уже отсюда следует, что увеличение количества обращающихся банкнот, которые могут быть во всякое время обменены на деньги, отнюдь не зависит от произвола эмиссионных банков. {О необратимых в золото бумажных деньгах здесь вообще нет речи; необратимые в золото банкноты лишь в том случае могут стать всеобщим средством обращения, если они фактически обеспечиваются государственным кредитом, как, например, в настоящее время в России. Они подпадают таким образом под действие указанных выше («Капитал», кн. I, гл. III, 2, с: монета, знак стоимости) законов, управляющих движением необратимых в золото казначейских бумажных денег. — *Ф. Э.*}

Количество обращающихся банкнот подчиняется в своем движении потребностям оборота, и каждая лишняя банкнота тотчас же возвращается к выпустившему ее учреждению. Так как в Англии только билеты Английского банка имеют всеобщее хождение как законное средство платежа, то мы можем здесь совершенно пренебречь незначительным и исключительно местным обращением билетов провинциальных банков.

В своих показаниях перед комиссией палаты общин 1858 г. по банковскому законодательству (B. A. 1858) г-н Нив, управляющий Английским банком, говорит:

«№ 947. (Вопрос:) Какие бы меры вы ни принимали, количество банкнот в руках публики остается, по вашим словам, тем же самым, то есть приблизительно 20 миллионов фунтов стерлингов? — В обычное время для нужд публики необходимо, по-видимому, приблизительно 20 миллионов. В известные, периодически повторяющиеся времена года сумма эта повышается на 1 или $1^1/_2$ миллиона. Если публике требуется больше, то она может, как я сказал, всякий раз получить их из Английского банка. — 948. Вы сказали, что во время паники публика не позволяла вам уменьшать сумму банкнот; не соблаговолите ли вы объяснить это? — В периоды паники публика, как мне кажется, имеет полную возможность получать банкноты; и, конечно, пока Банк имеет обязательства, публика может по этим обязательствам извлекать из Банка банкноты. — 949. Таким образом, по-видимому, неизменно существует потребность приблизительно в 20 млн. ф. ст. банкнотами Английского банка? — 20 млн. ф. ст. банкнотами на руках у публики; сумма эта меняется. Бывает $18^1/_2$, 19, 20 миллионов и т. д.; но в среднем 19—20 миллионов».

Показание Томаса Тука перед комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (C. D. 1848/57):

№ 3094. «Банк не может произвольно увеличивать количество банкнот, находящихся на руках публики; он может уменьшить количество

банкнот на руках публики, но лишь при посредстве весьма насильственной операции».

И. Ч. Райт, в течение 30 лет банкир в Ноттингеме, обстоятельно выяснив, что провинциальные банки совершенно не в состоянии держать в обращении большее количество банкнот, чем то, в котором нуждается и которого хочет публика, говорит о билетах Английского банка (C. D. 1848/57):

№ 2844. «Мне неизвестны какие-либо пределы» (выпуска банкнот) «для Английского банка, но всякий избыток средств обращения перейдет во вклады и, таким образом, примет иную форму».

То же самое относится и к Шотландии, где обращаются почти исключительно бумажные деньги, так как здесь, как и в Ирландии, допущены билеты однофунтового достоинства и так как «the scotch hate gold»*. Кеннеди, управляющий одного шотландского банка, заявляет, что банки не в состоянии сократить обращение своих банкнот, и

«придерживается того взгляда, что, пока сделки внутри страны требуют для своего осуществления банкнот или золота, банкиры должны доставлять столько средств обращения, сколько нужно для этих сделок, — по требованию ли своих вкладчиков, или как-либо иначе... Шотландские банки могут ограничить свои операции, но они не в состоянии контролировать выпуск банкнот» (там же, №№ 3446, 3448).

В том же духе высказывается Андерсон, управляющий Union Bank of Scotland (там же, № 3578).

«Препятствует ли система взаимного обмена банкнотами» {между шотландскими банками} «чрезмерному выпуску банкнот со стороны какого-либо отдельного банка? — Конечно, но мы имеем в своих руках средство более действенное, чем обмен банкнотами» {который в действительности не имеет к указанной цели никакого отношения, хотя и обеспечивает обращение билетов каждого отдельного банка по всей Шотландии}, «и это обычная практика в Шотландии — иметь счет в банке; каждый, имеющий какие бы то ни было деньги, имеет также и счет в каком-либо банке и ежедневно вносит туда все деньги, в которых он не нуждается сам в данный момент, так что к концу каждого делового дня в банках оказываются все деньги за исключением тех, которые каждый имеет в кармане».

Так же обстоит дело и в Ирландии (см. показания перед той же самой комиссией управляющего Ирландским банком Мак-Доннелла и директора провинциального банка Ирландии Марри).

* — «шотландцы ненавидят золото». *Ред.*

Обращение банкнот, не завися от воли Английского банка, является в такой же степени независимым и от состояния того золотого запаса в кладовых Банка, который обеспечивает размен этих банкнот.

«18 сентября 1846 г. имелось в обращении билетов Английского банка на сумму 20900000 ф. ст., а его металлический запас составлял 16273000 фунтов стерлингов; 5 апреля 1847 г. сумма обращающихся билетов составляла 20815000 ф. ст., металлический запас — 10246000 фунтов стерлингов... Следовательно, несмотря на вывоз 6 млн. ф. ст. благородного металла, обращение банкнот нисколько не сократилось» (J. G. Kinnear. «The Crisis and the Currency». London, 1847, p. 5).

Однако само собой разумеется, что это верно лишь при условиях, господствующих в настоящее время в Англии, да и там лишь постольку, поскольку законодательство не установит иного отношения между выпуском банкнот и металлическим запасом.

Следовательно, влияние на количество обращающихся денег — банкнот и золота — оказывают лишь потребности самого хода дел. Здесь прежде всего следует принять во внимание периодические колебания, повторяющиеся ежегодно, каково бы ни было общее положение дел, так что в течение последних 20 лет

«в один месяц обращение достигает высокого уровня, в другой месяц низкого, в третий же месяц оно стоит на средней точке» (Ньюмарч, B. A. 1857, № 1650).

Так, каждый год в августе несколько миллионов фунтов стерлингов, по большей части золотом, уходит из Английского банка во внутреннее обращение в связи с расходами по уборке урожая; так как здесь речь главным образом идет о выдаче заработной платы, то в Англии банкноты в данном случае мало применимы. К концу года эти деньги снова притекают в Банк. В Шотландии вместо соверенов обращаются почти исключительно банкноты однофунтового достоинства; поэтому здесь в соответствующих случаях, именно два раза в год, в мае и ноябре, обращение банкнот увеличивается с 3 до 4 млн. фунтов стерлингов; спустя 14 дней начинается уже обратный приток, и в течение месяца он почти заканчивается (Андерсон, C. D. 1848/57, № 3595—3600).

Обращение банкнот Английского банка испытывает, кроме того, четыре раза в год преходящие колебания в связи с тем, что каждую четверть года уплачиваются «дивиденды», то есть проценты по государственному долгу, для чего банкноты

сначала извлекаются из обращения,. а потом снова выбрасываются; но очень скоро они опять притекают обратно. Уэгелин (В. А. 1857, № 38) определяет размеры вызываемого этим колебания в обращении банкнот в $2^1/_2$ миллиона. Напротив, г-н Чапмен, представитель пресловутой фирмы Оверенд, Гёрни и К°, оценивает вызываемое этим нарушение на денежном рынке значительно выше.

«Если вы извлекаете из обращения 6 или 7 миллионов в виде государственных доходов, чтобы выплатить ими дивиденды, то должен же быть кто-нибудь, кто доставил бы на данный промежуток времени соответственную сумму» (В. А. 1857, № 5196).

Гораздо значительнее и продолжительнее те колебания в размерах обращающихся средств, которые соответствуют различным фазам промышленного цикла. Вот что говорит об этом другой компаньон той же фирмы, достопочтенный квакер Самюэл Гёрни (С. D. 1848/57, № 2645).

«В конце октября (1847 г.) на руках у публики имелось банкнот на 20800000 фунтов стерлингов. В то же время можно было лишь с большим трудом получить банкноты на денежном рынке. Причиной этого являлось всеобщее опасение, что вследствие ограничений банковского акта 1844 г. нельзя будет приобрести банкноты в достаточном количестве. В настоящее время» {март 1848 г.} «на руках публики находится банкнот... 17700000 ф. ст., но так как теперь нет никакой коммерческой паники, то это гораздо больше, чем нужно. В Лондоне нет ни одного банкира или торговца деньгами, который не имел бы банкнот больше, чем он может использовать. — 2650. Сумма банкнот... находящихся вне Английского банка, является совершенно недостаточным показателем активного состояния обращения, если наряду с этим не принять во внимание... состояние торговли и кредита. — 2651. Если в настоящее время чувствуется, что при данных размерах обращения на руках публики имеется избыток банкнот, то это в значительной степени объясняется нынешним состоянием большого застоя. При высоких ценах и оживлении дел эти же 17700000 ф. ст. вызывали бы у нас ощущение недостаточности денег в обращении».

{Пока положение дел таково, что выданные авансы возвращаются регулярно и, следовательно, кредит непоколеблен, расширение и сокращение обращения регулируются просто нуждами промышленников и купцов. Так как золото, по крайней мере в Англии, не играет роли в оптовой торговле и так как обращение золота, если оставить в стороне сезонные колебания, может рассматриваться как величина весьма постоянная в течение более или менее продолжительного времени, то обращение билетов Английского банка является достаточно точным показателем масштаба этих перемен. В период затишья после кризиса размеры обращения всего меньше; с новым оживлением спроса возрастает также потребность в средствах

обращения, увеличивающаяся вместе с расцветом; высшей точки количество средств обращения достигает в период чрезмерного напряжения и чрезмерной спекуляции, — тогда разражается кризис и разом исчезают с рынка еще накануне имевшиеся в таком обилии банкноты, а вместе с ними дисконтеры векселей, кредиторы под залог ценных бумаг, покупатели товаров. Английский банк призывается на помощь, но и его силы скоро истощаются, банковский акт 1844 г. принуждает его ограничить обращение его банкнот как раз в такой момент, когда все вопят, требуя банкнот, когда товаровладельцы не могут продать и все же обязаны платить, а потому готовы на всякие жертвы, только бы раздобыть банкнот.

«Во время паники», — говорит упомянутый выше банкир Райт (там же, № 2930), — «стране требуется средств обращения вдвое больше, чем в обычное время, так как банкиры и другие лица создают себе запасы средств обращения».

Как только разражается кризис, речь идет лишь о средствах платежа. Но так как в поступлении этих средств платежа каждый зависит от других и никто не знает, будут ли в состоянии другие уплатить в назначенный срок, то наступает всеобщая погоня за средствами платежа, находящимися на рынке, то есть за банкнотами. Каждый припрятывает столько банкнот, сколько ему удается получить, и, таким образом, банкноты исчезают из обращения именно тогда, когда потребность в них всего острее. Для октября 1847 г. Самюэл Гёрни (C. D. 1848/57, № 1116) оценивает количество таких банкнот, находившихся под замком в момент паники, в 4—5 миллионов фунтов стерлингов. — *Ф. Э.*}

В этом отношении особенно интересны показания компаньона Гёрни, упомянутого выше Чапмена, перед комиссией палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству (B. A. 1857). Я передаю основное содержание их в данной связи, хотя некоторые затронутые в показаниях вопросы будут исследованы нами позднее.

Показание г-на Чапмена гласит:

«4963. Я без малейшего колебания заявляю также, что не считаю правильным, чтобы денежный рынок находился во власти какого-либо отдельного капиталиста (каких немало в Лондоне), имеющего возможность вызвать колоссальный недостаток в деньгах и стесненное положение как раз в то время, когда размеры обращения очень невелики... Возможно... имеется не один капиталист, который для своих целей в состоянии извлечь из сферы обращения 1 или 2 млн. ф. ст. банкнотами, если это ему выгодно».

4965. Крупный спекулянт может продать на 1 или 2 миллиона консолей и таким образом изъять деньги с рынка. Нечто

подобное имело место недавно, результатом чего явилось «в высшей степени сильное угнетение».

4967. В таком случае банкноты, конечно, непроизводительны.

«Но это не важно, раз достигается великая цель — падение цены фондовых бумаг, безденежье, и крупный спекулянт имеет полную возможность достигнуть этого».

Вот пример: однажды на фондовой бирже обнаружился сильный спрос на деньги, никто не знал причины, кто-то обратился к Чапмену с просьбой ссудить 50000 ф. ст. из 7%. Чапмен был поражен: его процентная ставка была гораздо ниже; он согласился. Немедленно вслед за этим тот же человек явился снова, взял еще 50000 ф. ст. из $7^1/_2$%, затем 100000 ф. ст. из 8% и изъявил желание занять еще более крупную сумму из $8^1/_2$%. Тогда даже Чапменом овладели опасения. Впоследствии обнаружилось, что значительная сумма денег была внезапно изъята с рынка. Однако, рассказывает Чапмен,

«я все же ссудил значительную сумму из 8%; идти дальше я опасался; я не знал, что из этого может выйти».

Хотя от 19 до 20 млн. ф. ст. банкнот более или менее постоянно находится будто бы в руках публики, тем не менее не следует забывать, что постоянно и значительно изменяется отношение между той частью этих банкнот, которая действительно обращается, и той их частью, которая как резерв лежит неподвижно в банках. Если этот резерв велик и, следовательно, уровень действительного обращения низок, то, с точки зрения денежного рынка, это означает, что каналы обращения заполнены (the circulation is full, money is plentiful); если резерв мал, следовательно, каналы действительного обращения наполнены, то с точки зрения денежного рынка это состояние называется низким уровнем обращения (the circulation is low, money is scarce), то есть незначительные размеры имеет та часть, которая представляет незанятый ссудный капитал. Действительное, независимое от фаз промышленного цикла расширение или сокращение обращения, — причем, однако, сумма, которая требуется публикой, остается неизменной, — имеет место лишь вследствие чисто технических причин, например во время уплаты налогов или процентов по государственному долгу. Когда уплачиваются налоги, банкноты и золото притекают в Английский банк сверх обычной меры и фактически сокращают обращение независимо от потребностей в последнем. Обратное происходит, когда выплачиваются дивиденды по государственному долгу. В первом случае делаются займы в банке с тем, чтобы иметь средства обращения. Во втором

случае процентная ставка в частных банках падает вследствие временного увеличения их резервов. Это нисколько не затрагивает абсолютную сумму средств обращения; дело касается только банкирской фирмы, которая пускает эти средства в обращение; для нее этот процесс представляет отчуждение ссудного капитала, и она, следовательно, кладет в карман прибыль от этой операции.

В одном случае происходит просто временное перемещение обращающихся средств, и Английский банк уравновешивает его таким образом, что незадолго до срока платежа налогов за четверть года или выдачи дивидендов за такой же срок выдает краткосрочные ссуды по пониженному проценту; эти выпущенные таким образом сверх обычного банкноты сначала восполняют тот недостаток, который получается вследствие уплаты налогов, между тем как погашение указанных ссуд немедленно возвращает банку излишек банкнот, попавший в руки публики благодаря выплате дивидендов.

В другом случае низкий или высокий уровень обращения означает всегда лишь иное распределение той же самой массы средств обращения между активным обращением и вкладами, то есть орудием займов.

С другой стороны, если, например, благодаря притоку золота в Английский банк соответственно увеличивается количество выпущенных банкнот, то эти последние облегчают учет вне банка и притекают обратно в виде платежей по займам, так что абсолютная масса обращающихся банкнот увеличивается лишь на короткий срок.

Если уровень обращения является высоким вследствие расширения дел (что возможно и при сравнительно низких ценах), то ставка процента может быть сравнительно высокой благодаря спросу на ссудный капитал, обусловленному растущей прибылью и увеличением новых капиталовложений. Если уровень обращения низок вследствие сокращения дел или вследствие легкости получения кредита, то ставка процента может быть низкой даже и при высоких ценах. (См. показание Хаббарда*.)

Абсолютная величина обращения оказывает определяющее влияние на процентную ставку только в периоды застоя. При этом спрос на высокий уровень обращения (оставляя в стороне уменьшение скорости, с которой обращаются деньги и с которой одни и те же деньги снова и снова превращаются в ссудный капитал) выражает собой только спрос на средства образова-

* См. настоящий том, часть II, стр. 97—98. *Ред.*

ния сокровищ вследствие отсутствия кредита, как это было в 1847 г., когда приостановка действия банковского акта не вызвала расширения обращения, но оказалась достаточной для того, чтобы снова извлечь на свет божий припрятанные банкноты и бросить их в обращение. Или же при известных обстоятельствах может действительно потребоваться большее количество средств обращения, как в 1857 г., когда после приостановки действия банковского акта обращение на некоторое время действительно возросло.

В других же случаях абсолютная величина обращения не влияет на ставку процента, так как она, предполагая экономию и скорость обращения постоянными, во-первых, определяется ценой товаров, количеством сделок (причем обыкновенно один из этих моментов парализует действие другого) и, наконец, состоянием кредита, а отнюдь не определяет последнее, так как, во-вторых, цены товаров и процентная ставка не зависят друг от друга.

Во время действия акта о банковской рестрикции (1797— 1819)[10] имел место избыток средств обращения, ставка процента была всегда значительно выше, чем в то время, когда был восстановлен размен банкнот. Позже, с сокращением выпуска банкнот и повышением вексельных курсов, она быстро упала. В 1822, 1823, 1832 гг. общий уровень обращения был низок, процентная ставка была также низкой. В 1824, 1825, 1836 гг. отмечался высокий уровень обращения, ставка процента тоже повысилась. Летом 1830 г. обращение достигло высокого уровня, а ставка процента была низкой. После открытия новых месторождений золота денежное обращение расширилось во всей Европе, ставка процента повысилась. Ставка процента не зависит, таким образом, от количества обращающихся денег.

Различие между выпуском средств обращения и ссудой капитала обнаруживается лучше всего в действительном процессе воспроизводства. Мы видели («Капитал», кн. II, отдел III), каким образом обмениваются различные составные части производства. Например, переменный капитал вещественно состоит из жизненных средств рабочих, то есть из части их собственного продукта. Но он выплачивается им по частям в форме денег. Капиталист должен авансировать эти деньги, и от организации кредитного дела в значительной степени зависит, в состоянии ли он в ближайшую неделю выплатить новый переменный капитал теми же самыми деньгами, которыми он платил в предыдущую неделю. То же самое относится и к актам обмена между различными составными частями всего общественного капитала, например, между предметами потребления и средствами

производства предметов потребления. Деньги для их обращения, как мы видели, должны быть авансированы одной или обеими обменивающимися сторонами. Деньги остаются затем в сфере обращения, но по завершении обмена всегда снова возвращаются к тому, кто их авансировал, так как они были авансированы сверх его действительно занятого промышленного капитала (см. «Капитал», кн. II, гл. XX[11]). При развитом кредите, когда деньги концентрируются в руках банков, эти последние, по крайней мере номинально, ссужают деньги. Такая ссуда касается лишь денег, находящихся в обращении. Перед нами ссуда средств обращения, а не ссуда капиталов, обращающихся при помощи этих средств.

Чапмен: «5062. Может наступить период, когда банкноты в большом количестве находятся в руках публики и тем не менее их невозможно достать».

Деньги имеются и во время паники; но тогда каждый остерегается превращать их в ссудный капитал, в ссужаемые деньги; каждый удерживает их на случай действительной необходимости платить.

«5099. Отправляют ли банки сельских округов свои свободные остатки вам и другим лондонским фирмам? — Да. — 5100. С другой стороны, дисконтируют ли у вас векселя для своих коммерческих целей фабричные округа Ланкашира и Йоркшира? — Да. — 5101. Так что благодаря этому избыточные деньги одной части страны могут быть использованы для нужд другой части страны? — Совершенно верно».

Чапмен утверждает, что обычай банков употреблять избыточный денежный капитал на короткие сроки для покупки консолей и свидетельств казначейства стал практиковаться реже за последнее время, когда вошло в обычай ссужать эти деньги at call (до востребования в любое время). Сам он считает покупку такого рода бумаг для своего предприятия в высшей степени нецелесообразной. Поэтому он помещает деньги в надежные векселя, для части которых ежедневно наступает срок, так что он всегда знает, на какое количество свободных денег он может каждый день рассчитывать {5101—5105}.

Даже увеличение вывоза проявляется — более или менее во всякой стране, особенно же в стране, оказывающей кредит, — как растущий спрос на внутреннем денежном рынке, причем, однако, спрос этот начинает ощущаться как таковой лишь во времена застоя. В периоды, когда вывоз растет, британские фабриканты выписывают обычно под английские готовые изделия, отправленные за границу на консигнацию, долгосрочные векселя на экспортера-купца (5126).

«5127. Не существует ли договоренность время от времени возобновлять такого рода векселя?» — {Чапмен.} «Это они держат от нас в тайне; мы бы не приняли такого векселя... Конечно, это может случаться, но я о чем-либо подобном ничего не могу сказать». {Невинный Чапмен.} — «5129. Если имеет место большое увеличение вывоза, как, например, теперь, когда за один только прошлый год вывоз увеличился на 20 млн. ф. ст., не приводит ли оно само собой к увеличенному спросу на капитал для учета векселей, представляющих этот вывоз? — Несомненно. — 5130. Так как Англия, как правило, предоставляет загранице кредит на всю сумму своего экспорта, то не может ли это вызывать поглощения соответственного добавочного капитала на все время, пока длится этот кредит? — Англия оказывает огромный кредит, но взамен этого она получает в кредит необходимое ей сырье. Америка выписывает на нас всегда векселя на 60 дней, другие страны — на 90 дней. С другой стороны, мы оказываем кредит; когда мы отправляем товары в Германию, кредит этот длится 2 или 3 месяца».

Уилсон спрашивает Чапмена (5131), не выписываются ли векселя на Англию под это импортируемое сырье и колониальные товары уже одновременно с их погрузкой и не получаются ли они одновременно с накладными? Чапмен полагает, что это так, но не знает ничего об этих «купеческих» делах и рекомендует спросить более осведомленных людей. — При экспорте в Америку, говорит Чапмен, «товары символизируются в транзите»; эта тарабарщина должна означать, что английский экспортер-купец выписывает под товары четырехмесячный вексель на одну из крупных американских банкирских фирм в Лондоне, а покрытие банкирская фирма получает из Америки [5133].

«5136. Не ведутся ли, как правило, дела с отдаленными странами при помощи купцов, которые дожидаются возвращения своего капитала, пока не будут проданы товары? — Быть может, и существуют фирмы настолько богатые, что они могут вкладывать в товары свой собственный капитал, не прибегая к ссудам под товары; однако в большинстве случаев эти товары превращаются в ссуды при посредстве акцепта известных фирм. — 5137. Такие фирмы находятся в Лондоне, Ливерпуле и других местах. — 5138. Итак, безразлично, должен ли фабрикант затратить свои собственные деньги, или же он находит в Лондоне или Ливерпуле купца, который ссужает ему деньги; во всяком случае мы имеем дело с авансом, предоставленным в Англии? — Совершенно верно. Фабрикант лишь в немногих случаях имеет к этому какое-либо отношение» {между тем, в 1847 г. так было почти во всех случаях}. «Торговец готовыми товарами, например в Манчестере, закупает товары и отправляет их за море через посредство солидной лондонской фирмы; как только лондонская фирма убедилась, что погружено все, согласно условию, торговец выписывает на эту лондонскую фирму шестимесячный вексель под эти направляемые в Индию, Китай или другую страну товары; тогда в это дело включается банковский мир и дисконтирует ему этот вексель, так что к тому времени, когда торговец должен платить за купленные им товары, он уже имеет деньги, полученные путем учета этого векселя. — 5139. Но если он и имеет эти деньги, то банкиру все же пришлось их ссудить? — *Банкир имеет вексель; банкир купил вексель;* он применяет свой банковский капитал в этой форме, в форме

учета торговых векселей». {Следовательно, и Чапмен рассматривает учет векселей не как ссуду, а как куплю товара. — *Ф. Э.*} — «5140. Однако это все же составляет часть спроса на лондонском денежном рынке? — Без сомнения, в этом существенное назначение денежного рынка и Английского банка. Английский банк с такой же охотой принимает такие векселя, как и мы, так как он знает, что это хорошее применение денег. — 5141. По мере того как растет экспортное дело, растет и спрос на денежном рынке? — По мере того как возрастает процветание страны, и мы» {Чапмены} «принимаем в нем участие. — 5142. Итак, если эти различные области приложения капитала внезапно расширяются, то естественным следствием является рост ставки процента? — Несомненно».

5143. Для Чапмена «не совсем понятно, каким образом при нашем большом вывозе мы находили такое широкое применение для золота».

Достопочтенный Уилсон спрашивает:

5144. «Не может ли дело обстоять так, что мы даем большие кредиты по нашему вывозу, чем получаем кредитов по нашему ввозу? — Я лично сомневаюсь. Если кто-либо дает для акцепта вексель за манчестерский товар, направленный в Индию, то нельзя акцептовать на срок меньше чем 10 месяцев. Нам приходится — во всяком случае — платить Америке за ее хлопок несколько раньше, чем мы получаем платежи из Индии; но выяснить, какое влияние это оказывает, не так-то легко. — 5145. Если, как это было в прошлом году, вывоз промышленных товаров увеличился на 20 млн. ф. ст., то раньше мы должны были иметь очень значительное увеличение ввоза сырых материалов» {и уже в этом обнаруживается тождество избыточного вывоза и избыточного ввоза, перепроизводства и избыточной торговли}, «чтобы произвести это увеличенное количество товаров? — Несомненно. [5146] Мы должны были предварительно выплатить очень значительное сальдо, то есть неизбежно было, что в течение этого времени баланс был неблагоприятный; но в целом вексельный курс в сделках с Америкой оказывается в нашу пользу, и мы в течение довольно продолжительного времени получали из Америки значительное количество золота».

5148. Уилсон спрашивает архиростовщика Чапмена, не рассматривает ли он свой высокий процент как признак большого процветания и высоких прибылей. Чапмен, явно пораженный наивностью этого сикофанта, отвечает, разумеется, утвердительно, но в то же время он достаточно чистосердечен, чтобы сделать следующую оговорку:

«Для некоторых нет иного выхода; они имеют обязательства, которые они должны выполнить все равно, прибыльно ли это или нет; но если бы она» {высокая ставка процента} «оказалась устойчивой, то это свидетельствовало бы о процветании».

Оба забывают, что это может свидетельствовать и о том, что, как это было в 1857 г., странствующие рыцари кредита делают неустойчивым экономическое положение страны, что они могут платить высокие проценты, так как платят их из чужого кармана (однако при этом они способствуют определению общей процентной ставки) и пока что живут на широкую ногу за счет ожидаемых прибылей. Впрочем, как раз это может

дать фабрикантам и т. д. действительно очень прибыльное дело. Обратный приток капиталов благодаря системе ссуд становится совершенно обманчивым. Этим объясняются следующие явления, которые, поскольку дело касается Английского банка, не нуждаются ни в каком объяснении, так как Английский банк при высокой процентной ставке дисконтирует по более низкой ставке, чем другие.

«5156. Я могу смело сказать», — говорит Чапмен, — «что в настоящий момент, когда у нас в течение столь продолжительного времени была высокая процентная ставка, сумма нашего учета достигает своего максимума». {Это Чапмен говорил 21 июля 1857 г., за несколько месяцев до краха.} — «5157. В 1852 г.» {когда процент был низок} «она далеко не была так велика».

Так как в то время действительно дела еще шли несравненно нормальнее.

«5159. Если бы на рынке был большой избыток денег ... и учетная ставка была бы низка, у нас уменьшилось бы число векселей... в 1852 г. мы находились в совершенно иной фазе: вывоз и ввоз страны были тогда совершенно несравнимы с теперешними. — 5161. При этой высокой учетной ставке мы учли на такую же сумму, как и в 1854 году». {Когда процент был $5—5^1/_2$.}

В показаниях Чапмена в высшей степени забавно, что люди подобного сорта действительно считают деньги публики своей собственностью и уверены, что они имеют право во всякое время обменивать дисконтированные ими векселя на деньги. Наивность вопросов и ответов поразительна. Законодательству вменяется в обязанность обеспечить постоянный обмен на деньги векселей, акцептованных крупными фирмами; позаботиться о том, чтобы Английский банк при всяких обстоятельствах переучитывал их вексельным маклерам. А между тем в 1857 г. три таких маклера обанкротились приблизительно на 8 миллионов, причем их собственный капитал представлял по сравнению с этим долгом совершенно ничтожную величину.

«5177. Хотите ли вы этим сказать, что, по вашему мнению, они» {акцепты Берингов или Лойдов} «должны подлежать обязательному учету, вроде того, как в настоящее время банкноты Английского банка подлежат обязательному размену на золото? — Я думаю, что было бы весьма плачевно, если бы их нельзя было учитывать; было бы в высшей степени странно, если бы кто-нибудь вынужден был прекратить платежи только потому, что он имеет акцепты фирм Смит, Пейн и K° или Джонс, Лойд и K° и не в состоянии их учесть. — 5178. Но разве акцепт Беринга не есть обязательство уплатить известную сумму денег, когда истечет срок векселю? — Это совершенно верно; но господа Беринги, когда они принимают на себя такое обязательство, как и каждый купец, принимающий на себя обязательство этого рода, вовсе и не думают о том, что им придется оплатить его соверенами; они рассчитывают, что оплата произойдет

в Расчетной палате. — 5180. Полагаете ли вы, что следует придумать особого рода механизм, при помощи которого публика приобретала бы право получать деньги до истечения срока уплаты по векселю вследствие того, что кто-нибудь другой должен был бы учесть его? — Нет, не акцептант; но если вы хотите этим сказать, что мы не должны иметь возможности осуществлять учет торговых векселей, то мы должны изменить весь порядок вещей. — 5182. Итак, вы полагаете, что для него» {торгового векселя} «должно быть обеспечено превращение в деньги совершенно так же, как для банкноты Английского банка должен быть обеспечен размен на золото? — Именно так, при известных условиях. — 5184. Вы, значит, думаете, что денежное обращение должно быть так организовано, чтобы торговые векселя несомненной солидности во всякое время обменивались на деньги так же легко, как и банкноты? — Да, я так думаю. — 5185. Однако не считаете ли вы, что Английский банк или кого бы то ни было следует обязать законом обменивать их? — Я тем не менее считаю, что раз мы будем составлять закон, регулирующий денежное обращение, мы должны принять меры, которые предотвратили бы возможность наступления такого положения, когда безусловно солидные и правильные отечественные торговые векселя не могут быть обращены в деньги».

Это значит: размен торгового векселя по примеру размена банкноты.

«5190. Торговцы деньгами фактически представляют только публику», — это и впоследствии заявлял г-н Чапмен во время слушания дела Дейвидсона ассизами. См. «Great City Frauds»[12].

«5196. Каждую четверть года» {когда выплачиваются дивиденды} «абсолютно необходимо прибегать к содействию Английского банка. Если вы извлекаете из обращения 6 или 7 миллионов в виде государственных доходов, чтобы выплатить ими дивиденды, то должен же быть кто-нибудь, кто доставил бы на данный промежуток времени соответственную сумму». {Следовательно, в этом случае речь идет о предложении денег, а не капитала или ссудного капитала.}

«5169. Каждый, кто знаком с нашим торговым миром, должен знать, что при том состоянии дел, когда обязательства казначейства не находят покупателей, когда облигации Ост-Индской компании становятся совершенно бесполезными, когда самые лучшие торговые векселя не могут быть дисконтированы, в такой период крайне озабочены должны быть те, кого дела обязывают немедленно, по простому требованию, платить обычными средствами обращения, — а в таком положении находятся все банкиры. Результат получается тот, что каждый удваивает свои резервы. Представьте же теперь себе, как это отзовется на всей стране, если каждый провинциальный банкир, — а их имеется около 500, — должен будет поручить своему лондонскому корреспонденту перевести ему 5 000 ф. ст. банкнотами. Даже если взять за среднее эту малую сумму, — что уже само по себе абсурдно, — то и тогда мы получим $2^1/_2$ млн. ф. ст., которые должны быть извлечены из обращения. Каким образом возместить их?»

С другой стороны, частные капиталисты и т. п., располагающие деньгами, не отдают их ни за какой процент, потому что, по примеру Чапмена, они рассуждают:

«5195. Нам лучше не получать никаких процентов, нежели пребывать в сомнении, получим ли мы деньги, если они нам потребуются.

5173. Наша система такова: мы имеем на 300 млн. ф. ст. обязательств, уплата которых монетой, обращающейся в стране, может быть потребована в один какой-либо определенный момент. Между тем сумма этой монеты, даже если мы ее используем всю, составляет 23 млн. ф. ст. или что-нибудь в этом роде; разве такое состояние дел не угрожает нам ежеминутно потрясениями?»

Отсюда во время кризисов внезапное превращение кредитной системы в монетарную систему.

Оставляя в стороне панику внутри страны в период кризиса, о количестве денег речь может идти лишь постольку, поскольку имеется в виду металл, мировые деньги. Но как раз их исключает Чапмен, он говорит лишь о 23 миллионах *банкнотами.*

Тот же Чапмен:

«5218. Первоначальная причина расстройства на денежном рынке» {в апреле и позднее в октябре 1847 г.} «заключалась без сомнения в том, что для регулирования вексельного курса понадобилась, вследствие чрезвычайных размеров ввоза в этом году, большая масса денег».

Во-первых, этот запас денег мирового рынка был сведен тогда к своему минимуму. Во-вторых, он служил в то же время обеспечением размена кредитных денег, банкнот. Он выполнял, таким образом, сразу две совершенно различные функции, которые, однако, вытекают из природы денег, так как действительные деньги всегда являются деньгами мирового рынка, а кредитные деньги всегда опираются на деньги мирового рынка.

В 1847 г. без приостановки действия банковского акта 1844 года

«Расчетная палата была бы не в состоянии справиться со своим делом (5221)».

Чапмен имел все же некоторое предчувствие предстоящего кризиса.

«5236. Бывают известные положения на денежном рынке (и теперешнее положение не особенно далеко от этого), когда деньги очень трудно достать и приходится прибегать к услугам банка.

5239. Что касается сумм, взятых нами из банка в пятницу, субботу и понедельник, 19, 20 и 22 октября 1847 года ... то мы были бы лишь в высшей степени благодарны, если бы в ближайшую среду могли получить обратно векселя; деньги тотчас же стали приливать к нам обратно, как только миновала паника».

Во вторник, 23 октября, действие банковского акта было приостановлено, и тем самым развитие кризиса прекратилось.

Чапмен полагает (5274), что сумма текущих векселей на Лондон во всякий момент составляет 100—120 миллионов фунтов стерлингов. Сюда не включены местные векселя на провинциальные пункты.

«5287. Хотя в октябре 1856 г. сумма банкнот, находящихся на руках публики, возросла до 21155000 ф. ст., тем не менее было чрезвычайно трудно получить деньги; несмотря на то, что на руках публики их было очень много, мы не могли добыть их».

Именно вследствие тревоги, вызванной угнетенным положением, в котором некоторое время (март 1856 г.) находился Восточный банк.

5290. Как только паника миновала

«все банкиры, получающие свою прибыль из процента, немедленно начинают пускать в дело свои деньги».

5302. Чапмен объясняет беспокойство, вызываемое уменьшением банкового резерва, не страхом за вклады, а тем, что все те, кто внезапно может оказаться перед необходимостью уплатить крупные денежные суммы, прекрасно знают, что при заминках на денежном рынке они, быть может, окажутся вынужденными обратиться к банку как к последнему источнику помощи, и

«если у банка очень небольшой резерв, он отнюдь не будет рад этому нашему обращению, а наоборот».

Интересно, между прочим, как банковый резерв исчезает в качестве фактической величины. Банкиры держат частью у себя, частью в Английском банке минимальные суммы, необходимые для их текущих дел. Вексельные маклеры держат «свободные банковые деньги страны», не располагая резервом. И Английский банк имеет в обеспечение обязательств по вкладам лишь резерв банкиров и других вместе с общественными вкладами и т. д.; этот резерв сокращается до минимума, например, до 2 миллионов фунтов стерлингов. Таким образом, за исключением этих 2 млн. ф. ст. в бумагах, в периоды угнетения (а последнее уменьшает резерв, так как банкноты, поступающие взамен отливающего металла, необходимо аннулировать) вся эта махинация не обеспечена никаким иным резервом, кроме металлического запаса, и каждое уменьшение последнего вследствие отлива золота усиливает кризис.

«5306. Если бы не оказалось денег для того, чтобы уплатить разницу при расчетах в Расчетной палате, то, на мой взгляд, нам не оставалось бы ничего другого, как собраться вместе и произвести наши платежи первоклассными векселями, векселями на казначейство, на фирмы Смит, Пейн и K° и т. д. — 5307. Следовательно, в том случае, когда правительство не в состоянии будет снабдить вас средствами обращения, вы сами создали бы их для себя? — Что же мы можем сделать? Приходит публика и берет у нас из рук средство обращения; оно не существует более. — 5308. Итак, вы сделали бы в Лондоне лишь то, что ежедневно делается в Манчестере? — Вот именно».

Очень недурен ответ Чапмена на вопрос, который предложил ему Кейли (сторонник Атвуда из бирмингемской школы[13]), имея в виду оверстоновское представление о капитале:

«5315. Перед комиссией высказано было мнение, что в период угнетения, подобный тому, который имел место в 184Y г., люди ищут не деньги, а капитал; что вы думаете по этому поводу? — Я не понимаю вопроса; мы торгуем только деньгами; я не понимаю, что вы хотите сказать. — 5316. Если вы под этим» {под коммерческим капиталом} «понимаете сумму собственных денег предпринимателя, вложенных в предприятие, — если вы это называете капиталом, то я должен заметить, что он в большинстве случаев составляет лишь ничтожную долю тех денег, которыми распоряжается в своих делах предприниматель благодаря кредиту, который ему оказывает публика», то есть через посредство господ Чапменов.

«5339. Свидетельствует ли это о недостатке богатства, если мы приостанавливаем размен банкнот? — Отнюдь нет... у нас нет недостатка в богатстве, но мы движемся в рамках в высшей степени искусственной системы, и если мы имеем угрожающе (superincumbent) колоссальный спрос на наши средства обращения, то могут возникнуть обстоятельства, вследствие которых мы будем лишены возможности получить эти средства обращения. Неужели же вследствие этого должна быть парализована вся коммерческая деятельность страны? Неужели мы должны приостановить всякое производство? — 5338. Если бы возник вопрос, что мы должны сохранить: размен банкнот или промышленность страны, то я уж знал бы, чем следует пожертвовать».

Относительно накопления банкнот «с целью обострить стесненное положение и извлечь из последствий этого выгоду» {5358} он говорит, что такое явление свободно может иметь место. Трех крупных банков было бы достаточно для этого.

«5383. Не известно ли вам как человеку, близко знакомому с крупными оборотами нашей столицы, что капиталисты пользуются этими кризисами, чтобы извлечь огромные прибыли из разорения тех лиц, которые оказываются жертвой кризиса? — В этом не может быть сомнения».

И г-ну Чапмену в данном случае мы вполне можем поверить, хотя он в конце концов и сломал себе шею — в коммерческом смысле этого слова — при попытке «извлечь огромные прибыли из разорения жертв кризиса». Ибо если его компаньон Гёрни говорит: всякое изменение в ходе дел выгодно для сведущего человека, — то Чапмен говорит:

«Одна часть общества ничего не знает о другой; вот, например, фабрикант, экспортирующий на континент или импортирующий свой сырой материал, — он ничего не знает о том, кто оперирует с золотыми слитками» (5046).

Так и случилось, что в один прекрасный день сами Гёрни и Чапмен оказались «несведущими» и потерпели постыдное банкротство.

Мы уже видели выше, что выпуск банкнот не всегда означает ссуду капитала. Нижеследующее показание Тука перед

комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (С. D. 1848/57) доказывает только, что ссуда капитала даже в том случае, если она осуществляется банком при помощи выпуска новых банкнот, не означает еще непременно увеличения количества обращающихся банкнот.

«3099. Полагаете ли вы, что, например, Английский банк мог бы значительно расширить свои ссуды без того, чтобы это повлекло за собой увеличение выпуска банкнот? — Факты, доказывающие это, имеются в избытке. Один из наиболее ярких примеров имел место в 1835 г., когда банк использовал вест-индские вклады и заем у Ост-Индской компании[14] для того, чтобы увеличить ссуды публики; сумма банкнот, находящихся в руках публики, в это же время фактически несколько уменьшилась. Нечто аналогичное наблюдалось и в 1846 г., в то время когда вносились в банк железнодорожные вклады; ценные бумаги «учтенные и принятые в обеспечение» повысились приблизительно до 30 миллионов, что не оказало никакого заметного влияния на сумму банкнот в руках публики».

Но наряду с банкнотами оптовая торговля имеет другое и для нее гораздо более важное средство обращения: векселя. Г-н Чапмен показал нам, насколько существенно для правильного хода дел, чтобы надежные векселя принимались в уплату всегда и при всяких условиях:

««Таусфес-Ионтеф» не годится? Что ж годится? Караул!»[15]

Как же относятся друг к другу оба эти средства обращения?

Гилбарт говорит относительно этого:

«Сокращение размеров обращения банкнот регулярно увеличивает размеры обращения векселей. Эти векселя бывают двоякого рода: торговые векселя и банкирские векселя... раз в деньгах чувствуется недостаток, лица, ссужающие деньги, говорят ... «пишите на нас вексель, и мы акцептируем его», и если какой-либо провинциальный банкир дисконтирует вексель одному из своих клиентов, он выплачивает ему не наличными деньгами, а выдает свою собственную тратту на 21 день на своего лондонского агента. Эти векселя служат в качестве средства обращения» (J. W. Gilbart. «An Inquiry into the Causes of the Pressure etc.», [London, 1840] p. 31).

В несколько видоизмененной форме это подтверждает и Ньюмарч (В. А. 1857, № 1426):

«Не существует никакой зависимости между изменениями количества находящихся в обращении векселей и банкнот... единственный более или менее постоянный результат сводится к тому, что как только на денежном рынке наступает хотя бы небольшая заминка, обнаруживаемая повышением учетной ставки, размеры обращения векселей значительно увеличиваются, и обратно».

Однако векселя, выписанные в такие периоды, отнюдь ие являются исключительно краткосрочными банковыми век-

селями, о которых упоминает Гилбарт. Напротив: это по большей части «дружеские» векселя, не представляющие никакой действительной операции или представляющие операции, которые были предприняты только для того, чтобы можно было выписать под них вексель; мы дали достаточное количество примеров векселей того и другого рода. Поэтому «Economist» (Уилсон), сравнивая обеспеченность таких векселей и банкнот, пишет:

«Банкноты, оплачиваемые по предъявлении, никогда не могут оставаться в избытке вне банка, так как избыток неизбежно притекал бы обратно в банк для размена; между тем двухмесячные векселя могут быть выпущены в значительном избытке, так как нет средства контролировать их выпуск, пока не наступит срок платежа, а к этому моменту они могут быть уже снова замещены другими векселями. Для нас совершенно непонятно, почему нация должна признавать обеспеченность обращения векселей, подлежащих оплате в будущий срок, и в то же время подвергать сомнению обращение бумажных денег, размениваемых по предъявлении» («Economist», [22 мая] 1847 г., стр. 575).

Таким образом, количество обращающихся векселей, точно так же как и количество банкнот, определяется исключительно потребностями обращения; в 50-х годах в обычное время в Соединенном королевстве находилось в обращении, наряду с 39 миллионами в банкнотах, около 300 миллионов векселей, в том числе 100—120 миллионов только на один Лондон. Размер обращения векселей не оказывает никакого влияния на размер обращения банкнот и подчиняется влиянию последнего лишь в периоды недостатка денег, когда возрастает количество векселей и ухудшается их качество. Наконец, в момент кризиса вексельное обращение совершенно прекращается; никому не нужны обещания платежа, всякий требует платежа наличными; только банкнота сохраняет, по крайней мере до настоящего времени в Англии, способность к обращению, так как за спиной Английского банка стоит страна со всем своим богатством.

Мы видели, что даже г-н Чапмен, который в 1857 г. сам был магнатом денежного рынка, горько жалуется на то, что в Лондоне имеется много крупных денежных капиталистов, достаточно сильных для того, чтобы в известный момент привести в расстройство весь денежный рынок и таким постыднейшим способом обескровить более мелких торговцев деньгами. Так, имеется несколько таких крупных акул, которые в состоянии значительно обострить угнетенное положение, продав на 1—2 миллиона консолей и изъяв таким образом с рынка

соответственное количество банкнот (и вместе с тем свободного ссудного капитала). Достаточно совместного действия трех крупных банков, чтобы посредством подобного маневра угнетенное положение превратить в панику.

Крупнейшая сила капитала в Лондоне — это, конечно, Английский банк; но благодаря своему положению полугосударственного учреждения он не имеет возможности проявлять свое господство столь грубым образом. Однако и он — особенно со времени банковского акта 1844 г. — знает достаточно средств и путей для того, чтобы нагреть руки.

Английский банк имеет капитал в 14553000 ф. ст. и располагает, кроме того, приблизительно 3 млн. ф. ст. «остатков», то есть нераспределенных прибылей, равно как и всеми деньгами, которые поступают к правительству в виде налогов и т. д. и депонируются в Английском банке, пока не наступит нужда в них. Если причислить сюда еще сумму остальных вкладов (в обычное время около 30 млн. ф. ст.) и банкнот, выпускаемых без покрытия, то придется признать, что Ньюмарч дает еще сравнительно умеренную оценку, когда он утверждает следующее (B. A. 1857, № 1889):

«Я убедился, что общая сумма фондов, постоянно обращающихся на» {Лондонском} «денежном рынке, должна быть определена приблизительно в 120 миллионов фунтов стерлингов; и из этих 120 миллионов Английский банк располагает очень значительной частью, около 15—20%».

Поскольку Банк выпускает банкноты без покрытия металлическим запасом, находящимся в его подвалах, он создает знаки стоимости, которые образуют не только средства обращения, но и некоторый добавочный — хотя и фиктивный — капитал для него на сумму номинальной стоимости этих непокрытых банкнот. И этот добавочный капитал дает Банку добавочную прибыль. — Уилсон спрашивает Ньюмарча (B. A. 1857):

«1563. Не правда ли, обращение собственных банкнот какого-либо банка, то есть средняя сумма их, остающаяся в руках публики, образует добавление к действующему капиталу этого банка? — Совершенно верно.— 1564. Итак, вся та прибыль, которую извлекает банк из этого обращения, есть прибыль, происходящая от кредита, а не от капитала, которым банк действительно владеет? — Совершенно верно».

То же самое относится, конечно, и к тем частным банкам, которые выпускают банкноты. В своих ответах №№ 1866—1868 Ньюмарч рассматривает две трети всех этих выпускаемых частными банками банкнот (для одной трети эти банки обязаны иметь металлическое покрытие) как «создание равновеликого капитала», так как экономятся металлические деньги на такую

же сумму. Прибыль банкира вследствие этого может и не быть больше, чем прибыль других капиталистов. Но факт, что банкир извлекает прибыль из этой национальной экономии металлических денег. То обстоятельство, что национальное сбережение оказывается прибылью частного лица, нисколько не шокирует буржуазного экономиста, так как прибыль есть вообще присвоение национального труда. Может ли быть что-либо более нелепое, чем, например, Английский банк 1797—1819 гг., банкноты которого служили средством кредита лишь благодаря государству и который вместе с тем принуждал государство, стало быть, публику, оплачивать в форме процентов по государственным займам данную ему государством же силу превращать эти банкноты из бумаги в деньги и затем ссужать их государству?

Банки имеют, впрочем, и другие средства создавать капитал. По словам того же самого Ньюмарча, провинциальные банки имеют, как уже упомянуто выше, обыкновение посылать свои избыточные фонды (то есть банкноты Английского банка) лондонским вексельным маклерам, которые взамен этого отсылают им дисконтированные векселя. Этими векселями банк обслуживает своих клиентов, так как он придерживается правила не выпускать из своих рук векселей, полученных от его местных клиентов, чтобы деловые операции этих клиентов не были разглашены в их округе. Эти полученные из Лондона векселя служат не только для того, чтобы выдавать их клиентам, которым предстоит сделать прямые платежи в Лондоне, если они не предпочтут потребовать от Банка собственного перевода на Лондон; векселя служат также для производства платежей в провинции, так как передаточная надпись банкира обеспечивает им местный кредит. Таким образом они, например в Ланкашире, вытеснили из обращения все собственные банкноты местных банков и в значительной степени банкноты Английского банка (там же, 1568—1574).

Мы видим таким образом, как банки создают кредит и капитал: 1) путем выпуска собственных банкнот; 2) путем выдачи платежных приказов на Лондон сроком до 21 дня, причем, однако, они сами, выдавая эти приказы, получают немедленно наличными; 3) путем уплаты дисконтированными векселями, кредитоспособность которых прежде всего и преимущественно — по крайней мере для соответствующего округа — создается передаточной надписью банка.

Могущество Английского банка обнаруживается в том, что он регулирует рыночную ставку процента. В периоды нормального хода дел может случиться, что Английский банк не

в состоянии путем повышения учетной ставки[12] предотвратить умеренный отлив золота из своего металлического запаса, так как потребность в средствах платежа удовлетворяется частными и акционерными банками и вексельными маклерами, капитал и - сила которых возросли за последние 30 лет. Он вынужден будет в таких случаях прибегать к другим средствам. Но для критических моментов все еще верно то, о чем банкир Глин (из фирмы Глин, Милс, Карри и K°) говорил комиссии палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (C. D. 1848/57):

«1709. В периоды больших затруднений в стране Английский банк диктует процентную ставку. — 1710. В периоды чрезвычайного угнетения... когда учетные операции частных банков или маклеров сравнительно сокращаются, эти операции ложатся на Английский банк, и он тогда имеет силу устанавливать рыночную ставку процента».

Во всяком случае, он как общественное учреждение, пользующееся покровительством государства и государственными привилегиями, не может применять эту свою силу с такой беспощадностью, как это позволяют себе частные предприятия. Поэтому Хаббард и говорит перед комиссией палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству (B. A. 1857):

«2844. {Вопрос:} Не правда ли, когда учетная ставка достигает максимальной высоты, Английский банк оказывает услуги всего дешевле, когда же она спускается до минимума, всего дешевле берут маклеры?» — {Хаббард:} «Это действительно всегда так, потому что Английский банк никогда не понижает учетную ставку до такой степени, как его конкуренты, и когда ставка стоит на высшем уровне, никогда не поднимает ее так высоко, как они».

Тем не менее в деловой жизни является весьма серьезным событием, когда Английский банк в период угнетенного положения начинает, выражаясь ходячим языком, подвинчивать гайку, то есть поднимает еще больше ставку процента, уже стоящую выше средней.

«Как только Английский банк начинает подвинчивать гайку, прекращаются всякие закупки для вывоза за границу, экспортеры дожидаются, пока цены не достигнут низшей точки, и только тогда они покупают, но не раньше. Но когда эта точка достигнута, курс уже снова урегулирован, — золото перестает отливать за границу, причем еще до того как

---

[12] На общем собрании акционеров Union Bank of London 17 января 1894 г. председатель г-н Ричи сообщил, что Английский банк повысил в 1893 г. учетную ставку с $2^1/_2$% (в июле) до 3% и 4% (в августе) и затем, так как он, несмотря на это, потерял в течение 4 недель целые $4^1/_2$ млн. ф. ст. золотом, повысил еще до 5%, после чего золото стало притекать обратно, и банковая учетная ставка в сентябре была понижена до 4%, а в октябре до 3%. Но эта банковая учетная ставка не была признана на рынке. «Когда банковая учетная ставка была 5%, рыночная ставка была $3^1/_2$%, а ставка для денег $2^1/_2$%; когда банковая учетная ставка упала до 4%, учетный процент был $2^3/_8$% и денежная ставка $1^3/_4$%; когда банковая учетная ставка стала 3%, учетная ставка была $1^1/_2$%, денежная ставка немного ниже» («Daily News», 18 января 1894 года). — *Ф. Э.*

достигнута эта низшая точка падения цен. Закупки товаров для экспорта могут, быть может, вернуть назад часть посланного за границу золота, но они совершаются слишком поздно для того, чтобы воспрепятствовать отливу» (J. W. Gilbart. «An Inquiry into the Causes of the Pressure etc.» London, 1840, p. 35). «Другой результат регулирования средств обращения посредством вексельного курса состоит в том, что в периоды угнетенного положения он влечет за собой огромное повышение процентной ставки» (там же, стр. 40). «Издержки по восстановлению вексельного курса падают на производительную промышленность страны, между тем в течение этого процесса прибыль Английского банка действительно возрастает благодаря тому, что он продолжает свои операции с меньшим количеством благородного металла» (там же, стр. 52).

Но, говорит наш приятель Самюэл Гёрни,

«эти значительные колебания процентной ставки выгодны для банкиров и торговцев деньгами — всякие колебания в ходе дел выгодны для сведущих людей».

И хотя господа Гёрни снимают сливки беззастенчивой эксплуатацией деловых затруднений, тогда как Английский банк не может позволить себе такой свободы, тем не менее и на его долю выпадают очень недурные барыши, — не говоря уже о тех частных прибылях, которые сами плывут в руки господ директоров вследствие исключительно благоприятных возможностей, которые они имеют для получения сведений об общем состоянии дел. По данным комиссии палаты лордов в 1819 г. при возобновлении размена банкнот эти прибыли Английского банка за весь период 1797—1819 гг. составляли:

Тантьемы и возросшие дивиденды	7 451 136
Новые акции, распределенные между акционерами	7 276 500
Возросшая стоимость капитала	14 553 000
Итого	29 280 636

на капитал в 11 642 400 ф. ст. за 19 лет (D. Hardcastle. «Banks and Bankers». 2nd ed., London, 1843, p. 120).

Если мы по тому же принципу определим общую прибыль ирландского банка, который также приостановил платежи наличными в 1797 г., то получится следующий результат:

Ежегодные дивиденды по отчетам до 1821 г.	4 736 085
Объявленные тантьемы	1 225 000
Возросшие активы	1 214 800
Возросшая стоимость капитала	4 185 000
Итого	11 361 650

на капитал в 3 миллиона фунтов стерлингов (там же, стр. 363—364).

Вот она централизация! Кредитная система, имеющая своим центром так называемые национальные банки и группирующихся вокруг них крупных торговцев деньгами и ростовщиков, представляет собой гигантскую централизацию, и она дает этому классу паразитов сказочную силу не только периодически опустошать ряды промышленных капиталистов, но и самым опасным образом вмешиваться в действительное производство,— а между тем эта банда ничего не знает о производстве и не имеет с ним ничего общего. Акты 1844 и 1845 гг. служат доказательствами растущей силы этих бандитов, к которым примыкают финансисты и биржевые маклеры.

Но если кто-либо сомневается в том, что эти почтенные бандиты эксплуатируют национальное и интернациональное производство исключительно в интересах самого производства и самих эксплуатируемых, то он может получить истинное представление о деле из следующего экскурса в область высоких нравственных доблестей банкиров.

«Банки суть учреждения религиозно-нравственные. Как часто юный купец порывал с обществом шумливых и разгульных друзей из страха перед бдительным и неодобрительным взглядом банкира! Как старается он сохранить доброе мнение о нем банкира, быть всегда респектабельным! Нахмуренный лоб банкира оказывает на него более сильное влияние, чем все моральные проповеди его друзей; он трепещет при мысли, что к нему станут относиться подозрительно, если он окажется повинным в обмане или хотя бы малейшем уклонении от истины; он боится возбудить такое подозрение, так как в результате его кредит в банке может быть ограничен или даже совсем закрыт! Совет банкира для него важнее, чем совет священника» (Дж. М. Белл, управляющий банком в Шотландии. «The Philosophy of Joint Stock Banking». London, 1840, p. 46—47).

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
«ПРИНЦИП ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ» И АНГЛИЙСКОЕ БАНКОВСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО 1844 ГОДА

{В одной из прежних работ[13)] была исследована теория стоимости денег Рикардо в отношении к ценам товаров; поэтому мы можем здесь ограничиться лишь самым необходимым. По Рикардо, стоимость денег — металлических — определяется овеществленным в них рабочим временем, однако лишь до тех пор, пока количество денег находится в нормальном отношении к массе и цене обращающихся товаров. Если количество денег поднимается выше этого отношения, то падает их стоимость, товарные цены повышаются; если оно опускается ниже нормального отношения, то стоимость их повышается, а товарные цены падают — при прочих равных условиях. В первом случае страна, где имеется такой избыток золота, будет вывозить золото, упавшее ниже своей стоимости, и ввозить товары; во втором случае золото будет притекать в страны, в которых оно оценивается выше его стоимости, в то время как недооцененные товары направляются оттуда на другие рынки, где их можно продать по нормальным ценам. Так как при таких предпосылках «само золото, будь то в форме монеты или в форме слитков, может стать знаком большей или меньшей стоимости чем его собственная металлическая стоимость, то, разумеется, и находящиеся в обращении разменные банкноты разделяют ту же участь. Хотя банкноты разменны, и, следовательно, их реальная стоимость соответствует их номинальной стоимости, совокупная масса обращающихся денег, золота и банкнот (the aggregate currency consisting of metal and of convertible notes), может быть оценена выше или ниже своей стоимости, соответственно тому, поднимается ли общее их количество, по изложенным уже причинам, выше или падает ниже того уровня, который определяется меновой стоимостью обращающихся

[13)] *К. Маркс*. «К критике политической экономии». Берлин, 1859, стр. 150 и далее [см. настоящее издание, том 13, стр. 154—165].

товаров и металлической стоимостью золота... Это обесценение, — не бумажных денег по отношению к золоту, а золота и бумажных денег, вместе взятых, или совокупной массы средств обращения данной страны, — представляет собой одно из главных открытий Рикардо, которое лорд Оверстон и К° поставили себе на службу и сделали основным принципом банковского законодательства сэра Роберта Пиля 1844 и 1845 годов» (цит. соч., стр. 155).

Нам нет надобности повторять здесь приведенное там же доказательство ложности этой теории Рикардо. Нас интересует лишь тот способ, каким эти положения Рикардо были переработаны школой банковских теоретиков, продиктовавшей упомянутые банковские акты Пиля.

«Торговые кризисы XIX столетия, особенно большие кризисы 1825 и 1836 гг., не вызвали дальнейшего развития теории денег Рикардо, но вызвали новое ее применение. Теперь это были уже не единичные экономические явления, — как обесценение благородных металлов в XVI и XVII столетиях у Юма или обесценение бумажных денег в течение XVIII и в начале XIX столетий у Рикардо, — а великие бури мирового рынка, в которых разряжалось противоречие всех элементов буржуазного процесса производства; происхождение этих бурь и способы защиты от них искали в самой поверхностной и самой абстрактной сфере процесса, в сфере денежного обращения. Собственно теоретическая предпосылка, из которой исходит эта школа заклинателей экономических бурь, состоит в сущности не в чем ином, как в догме, будто Рикардо открыл законы чисто металлического обращения. Им оставалось лишь подвести под эти законы кредитное или банкнотное обращение.

Наиболее всеобщее и ощутительное явление торговых кризисов, это — внезапное всеобщее падение товарных цен, наступающее после довольно длительного всеобщего их повышения. Всеобщее падение товарных цен может быть выражено как повышение относительной стоимости денег по сравнению со всеми товарами, а всеобщее повышение цен, наоборот, — как падение относительной стоимости денег. В обоих способах выражения явление лишь названо, но не объяснено... различная фразеология точно так же не изменяет задачу, как не изменил бы ее перевод с немецкого языка на английский. Поэтому теория денег Рикардо пришлась необычайно кстати, ибо она придает тавтологии видимость причинного отношения. Отчего происходит периодическое всеобщее падение товарных цен? От периодического повышения относительной стоимости денег.

Отчего, наоборот, происходит всеобщее периодическое повышение товарных цен? От периодического падения относительной стоимости денег. С таким же правом можно было бы сказать, что периодическое повышение и падение цен происходит от их периодического повышения и падения... Если только согласиться с превращением тавтологии в причинное отношение, то все остальное получается очень легко. Повышение товарных цен происходит от падения стоимости денег, падение же стоимости денег, как мы узнаем от Рикардо, происходит от переполнения денежного обращения, то есть оттого что масса обращающихся денег превышает уровень, определяемый их собственной имманентной стоимостью и имманентной стоимостью товаров. Точно так же, наоборот, всеобщее падение товарных цен происходит от повышения стоимости денег выше их имманентной стоимости вследствие недостаточного количества их в обращении. Следовательно, цены периодически повышаются и падают потому, что периодически в обращении находится слишком много или слишком мало денег. Если же будет доказано, что повышение цен совпадало с сокращением денежного обращения, а падение цен — с расширением денежного обращения, то можно будет, несмотря на это, утверждать, что вследствие некоторого, хотя статистически и совершенно недоказуемого, уменьшения или увеличения находящейся в обращении товарной массы количество обращающихся денег, пусть не абсолютно, но относительно увеличилось или уменьшилось. Мы уже видели, что, по мнению Рикардо, эти всеобщие колебания цен должны иметь место и при чисто металлическом обращении, но они выравниваются благодаря своему чередованию, так например, недостаточное денежное обращение вызывает падение товарных цен, это падение товарных цен вызывает вывоз товаров за границу, этот вывоз влечет за собой прилив денег в страну, а последний вновь вызывает возрастание товарных цен. Обратное происходит при избыточном денежном обращении, когда ввозятся товары и вывозятся деньги. Хотя эти всеобщие колебания цен вытекают из самой природы металлического обращения, как его понимал Рикардо, однако их бурная и насильственная форма, форма кризисов, присуща периодам развитого кредита; поэтому становится совершенно ясно, что выпуск банкнот не регулируется точно по законам металлического обращения. Металлическое обращение обладает своим целебным средством в виде импорта и экспорта благородных металлов, которые немедленно в качестве монеты вступают в обращение и таким образом своим приливом или отливом вызывают падение или повышение товарных цен. Такое же действие на товарные цены

должны теперь искусственно оказывать банки путем подражания законам металлического обращения. Если золото притекает из-за границы, то это доказывает, что в обращении недостаточно денег, что стоимость денег слишком высока, а товарные цены — слишком низки; следовательно, банкноты должны быть брошены в обращение пропорционально количеству вновь ввозимого золота. И наоборот, они должны быть изъяты из обращения пропорционально количеству золота, отливающему из страны. Другими словами, выпуск банкнот должен регулироваться в соответствии с импортом и экспортом благородных металлов или с вексельным курсом. Ложная предпосылка Рикардо, будто золото есть только монета и поэтому все ввозимое золото увеличивает количество обращающихся денег и тем самым повышает цены, а все вывозимое золото уменьшает количество монеты и тем самым понижает цены, — эта теоретическая предпосылка становится здесь *практическим экспериментом, предписывающим выпускать в обращение столько монеты, сколько в данный момент имеется в наличности золота.* Лорд *Оверстон* (банкир Джонс Лойд), полковник Торренс, Норман, Клей, Арбатнот и множество других писателей, известных в Англии под названием школы «currency principle»*, не только проповедовали эту доктрину, но через посредство банковских актов сэра Роберта Пиля от 1844 и 1845 гг. сделали ее основой существующего английского и шотландского банковского законодательства. Позорное фиаско этой доктрины, как теоретическое, так и практическое, после экспериментов в самом крупном национальном масштабе, может быть изложено только в учении о кредите» (цит. соч., стр. 165—168).

Критика этой школы была дана Томасом Туком, Джемсом Уилсоном (в «Economist» 1844—1847 гг.) и Джоном Фуллартоном. Насколько недостаточно понимали и эти писатели природу золота, как смутно представляли они себе соотношение между деньгами и капиталом, мы видели уже неоднократно, особенно в главе XXVIII настоящей книги. Здесь мы приведем еще несколько данных из трудов комиссии палаты общин 1857 г. относительно действия банковских актов Пиля (B. G. 1857). — *Ф. Э.*}

Дж. Г. Хаббард, бывший управляющий Английским банком, показывает:

«2400. — Вывоз золота... абсолютно не влияет на товарные цены. Но вывоз золота оказывает весьма значительное влияние на курс ценных

* — «принцип денежного обращения». *Ред.*

бумаг, так как в той мере, в какой изменяется процент, неизбежно затрагивается и стоимость товаров, воплощающих этот процент».

Он приводит две таблицы, относящиеся к 1834—1843 и 1844—1853 гг., которые показывают, что движение цен пятнадцати наиболее важных предметов торговли происходило совершенно независимо от отлива и прилива золота и от ставки процента. Но зато они свидетельствуют о тесной зависимости между отливами и приливами золота, которое действительно является «представителем нашего капитала, ищущего приложения», и ставкой процента.

«В 1847 г. очень большая сумма американских ценных бумаг была вывезена обратно в Америку, точно так же русские ценные бумаги были вывезены обратно в Россию, а ценные бумаги других стран континента — в страны, из которых мы получаем наш хлеб» [2402].

Пятнадцать основных предметов торговли, положенные в основу приводимых ниже таблиц Хаббарда, — следующие: хлопок, хлопчатобумажная пряжа, хлопчатобумажные ткани, шерсть, сукно, лен, полотно, индиго, чугун, жесть, медь, сало, сахар, кофе, шелк.

I. С 1834 по 1843 г.

Время	Металлический запас Банка	Рыночная учетная ставка	Из 15 основных предметов торговли		
			Повысились в ценах	Упали в цене	Остались без изменения в цене
1834, 1 марта	9 104 000 ф. ст.	$2^3/_4$%	—	—	—
1835, 1 »	6 274 000 » »	$3^3/_4$%	7	7	1
1836, 1 »	7 918 000 » »	$3^1/_4$%	11	3	1
1837, 1 »	4 077 000 » »	5%	5	9	1
1838, 1 »	10 471 000 » »	$2^3/_4$%	4	11	—
1839, 1 сентября	2 684 000 » »	6%	8	5	—
1840, 1 июня	4 571 000 » »	$4^3/_4$%	5	9	1
1840, 1 декабря	3 642 000 » »	$5^3/_4$%	7	6	2
1841, 1 »	4 873 000 » »	5%	3	12	—
1842, 1 »	10 603 000 » »	$2^1/_2$%	2	13	—
1843, 1 июня	11 566 000 » »	$2^1/_4$%	1	14	—

II. С 1844 по 1853 г.

Время	Металлический запас Банка	Рыночная учетная ставка	Из 15 основных предметов торговли		
			Повысились в ценев	Упали в цене	Остались без изменения в цене
1844, 1 марта	16 162 000 ф. ст.	$2^1/_4$%	—	—	
1845, 1 декабря	13 237 000 » »	$4^1/_2$%	11	4	—
1846, 1 сентября	16 366 000 » »	3%	7	8	—
1847, 1 »	9 140 000 » »	6%	6	6	3
1850, 1 марта	17 126 000 » »	$2^1/_2$%	5	9	1
1851, 1 июня	13 705 000 » »	3%	2	11	2
1852, 1 сентября	21 853 000 » »	$1^3/_4$%	9	5	1
1853, 1 декабря	15 093 000 » »	5%	14	—	1

Хаббард делает к этим таблицам следующее примечание:

«Как за десятилетие с 1834 по 1843 г., так и за 1844—1853 гг. колебания золотой наличности Банка каждый раз сопровождались возрастанием или уменьшением ссудной стоимости денег, выдаваемых под учет; а с другой стороны, изменения товарных цен внутри страны обнаруживают полную независимость от количества средств обращения, как это можно видеть по колебаниям золотого запаса Английского банка» («Bank Acts Report», 1857, II, p. 290, 291).

Так как спросом и предложением товаров регулируются их рыночные цены, то здесь становится очевидным, насколько ошибочно оверстоновское отождествление спроса на ссудный денежный капитал (или скорее отклонений предложения от спроса), как он проявляется в учетной ставке, и спроса на действительный «капитал». Утверждение, что товарные цены регулируются колебаниями в количестве средств обращения, скрывается теперь за фразой, что колебания учетной ставки выражают собой колебания спроса на действительный вещественный капитал в отличие от денежного капитала. Мы видели, что и Норман и Оверстон действительно утверждали это перед той же самой комиссией; мы видели также, к каким жалким уверткам они вынуждены были при этом прибегать, в особенности Оверстон, пока наконец он совсем не запутался (гл. XXVI). В самом деле, это старый вздор, будто изменения в количестве

наличного золота, увеличивая или уменьшая массу средств обращения в стране, тем самым неизбежно должны повысить или понизить товарные цены в пределах этой страны. Если золото вывозится, то, согласно этой теории, цены товаров должны возрастать в той стране, куда направляется золото, и вместе с тем должна возрастать стоимость экспорта страны, вывозящей золото, на рынке страны, ввозящей золото; напротив, стоимость экспорта последней страны на рынке первой должна падать, в то время как стоимость экспортируемых товаров возрастает на их родине, куда приливает золото. На самом же деле уменьшение количества золота повышает лишь процентную ставку, тогда как увеличение его понижает последнюю; и если бы эти колебания процента не оказывали влияния при установлении издержек производства или на определение спроса и предложения, то товарные цены ими совершенно не затрагивались бы.

В том же отчете Н. Александер, глава одной крупной фирмы, ведущей дела в Индии, следующим образом высказывается относительно сильного отлива серебра в Индию и Китай, имевшего место в середине 50-х годов, частью вследствие гражданской войны в Китае[16], которая затруднила сбыт английских тканей в Китай, частью вследствие болезни шелковичных червей в Европе, значительно сократившей итальянское и французское шелководство.

«4337. Происходит ли отлив в Китай или в Индию? — Вы посылаете серебро в Индию и на значительную часть его покупаете опиум, который весь идет в Китай, чтобы образовать фонд для закупки шелка; а состояние рынков в Индии» (несмотря на накопление там серебра) «таково, что купцу выгоднее посылать туда серебро, чем ткани и другие английские изделия. — 4338. Не имел ли место крупный отлив из Франции, вследствие чего мы получили серебро? — Конечно, он был очень велик. — 4344. Вместо того чтобы вывозить шелк из Франции и Италии, мы посылаем его туда в значительных количествах — как бенгальский, так и китайский».

Итак, в Азию посылалось серебро — денежный металл этой части света — вместо товаров не потому, что цены этих товаров поднялись в стране, которая их производит (Англия), а потому, что они упали — упали из-за чрезмерного ввоза — в стране, куда товары импортируются; и это несмотря на то, что серебро получено Англией из Франции и частью должно было оплачиваться золотом. По теории «денежной школы», при таком импорте цены в Англии должны были бы упасть, а в Индии и Китае — повыситься.

Другой пример. Перед комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (C. D. 1848/1857) Уайли, один из первых ливерпульских купцов, дает следующие показания:

«1994. В конце 1845 г. не было более выгодного дела, которое давало бы столь же высокие прибыли» {чем бумагопрядение}. «Запас хлопка был велик, и хороший, пригодный к делу хлопок можно было получить по 4 пенса за фунт, причем из такого хлопка можно было выпрясть хороший secunda mule twist № 40* с затратой также в 4 пенса, следовательно, с общим расходом на прядильщика приблизительно в 8 пенсов. В сентябре и октябре 1845 г. эта пряжа продавалась большими массами и заключались столь же крупные контракты на поставку по $10^1/_2$ и $11^1/_2$ пенса за фунт, и в некоторых случаях прядильщики реализовали прибыль, равную покупной цене хлопка. — 1996. Дело оставалось прибыльным до начала 1846 года. — 2000. 3 марта 1844 г. запас хлопка» {627042 кипы} «более чем вдвое превышал его нынешнюю величину» {3 марта 1848 г., когда запас равнялся 301070 кипам} «и тем не менее цена была на $1^1/_4$ пенса дороже на фунт». {$6^1/_4$ против 5 пенсов.}

Вместе с тем цена пряжи — хорошего secunda mule twist № 40 — упала с $10^1/_2$ пенса в январе до $9^1/_2$ пенса за фунт в октябре и до $7^3/_4$ пенса в конце декабря 1847 года; пряжа продавалась по покупной цене хлопка, из которого она выпрядена (там же, №№ 2021, 2023). Это проливает истинный свет на своекорыстную мудрость Оверстона, согласно которой деньги «дороги» потому, что капитал «редок». 3 марта 1844 г. учетная ставка была 3%; в октябре и ноябре 1847 г. она достигла 8% и 9% и 3 марта 1848 г. еще была равна 4%. Цены хлопка вследствие полной приостановки сбыта и паники, с соответствующей ей высокой процентной ставкой, упали гораздо ниже той цены, которая соответствовала размерам предложения. Результатом этого было, с одной стороны, небывалое уменьшение ввоза в 1848 г. и, с другой стороны, уменьшение производства в Америке; отсюда новое повышение цен хлопка в 1849 году. По Оверстону, товары были слишком дороги потому, что в стране было слишком много денег.

«2002. Недавнее ухудшение состояния дел в хлопчатобумажной промышленности нельзя приписать недостатку сырья, так как цена понизилась, несмотря на то, что запасы хлопка-сырца значительно сократились».

До чего же милым образом Оверстон смешивает цену, соответственно стоимость, товара и стоимость денег, то есть процентную ставку. В своем ответе на вопрос 2026 Уайли высказывает свое общее мнение о теории «денежной школы», в соответствии с которой Кардуэлл и сэр Чарлз Вуд в мае 1847 г.

«настаивали на необходимости проводить банковский акт 1844 г. во всем его объеме. Эти принципы, помоему, таковы, что они должны придавать деньгам искусственно высокую стоимость, а всем товарам искусственную, разорительно низкую стоимость».

* Сорт пряжи. *Ред.*

Он говорит далее о влиянии этого банковского акта на общее состояние дел:

«Так как лишь с большими жертвами можно было учесть четырехмесячные векселя, которыми являются обычные тратты фабричных городов на купцов и банкиров за купленные и предназначенные для Соединенных Штатов товары, то выполнение заказов было в значительной мере затруднено вплоть до правительственного распоряжения от 25 октября» (приостановка действия банковского акта), «когда снова возможно стало учитывать эти четырехмесячные векселя» (2097).

Следовательно, и в провинции приостановка действия банковского акта ощущалась как избавление.

«2102. В прошлом октябре» {1847 г.} «почти все американские покупатели, закупающие здесь товары, немедленно сократили, насколько это возможно было, свои заказы; и когда в Америку пришло известие о вздорожании денег, все новые заказы прекратились. — 2134. Хлеб и сахар представляли особый случай. На хлебный рынок оказывали влияние виды на урожай, на сахар оказывали влияние огромные запасы и ввоз. — 2163. Из наших платежных обязательств по отношению к Америке... многие были ликвидированы путем принудительной продажи отправленных на консигнацию товаров и многие, боюсь, были аннулированы вследствие банкротств, которые здесь имели место. — 2196. Если память не изменяет мне, на нашей фондовой бирже *в октябре 1847 г. процентная ставка доходила до 70%».*

{Кризис 1837 г. с его продолжительными болезненными последствиями, к которым в 1842 г. присоединился еще развернутый добавочный кризис [vollstandige Nachkrise], и своекорыстное ослепление промышленников и купцов, которые ни за что не хотели признавать перепроизводства — ведь согласно вульгарной политической экономии — это нелепость и невозможность! — вызвали, наконец, ту путаницу в умах, которая позволила «денежной школе» применить свою догму на практике в национальном масштабе. Банковские законы 1844—1845 гг. были приняты парламентом.

Банковский акт 1844 г. делит Английский банк на эмиссионное и банковое отделение. Первое получает обеспечении — главным образом в виде свидетельств государственного долга — на 14 млн. ф. ст. и весь металлический запас, который может состоять из серебра не более чем на $^{1}/_{4}$, и выпускает на общую сумму того и другого банкноты. Поскольку эти последние не находятся в руках публики, они лежат в банковом отделении и образуют вместе с небольшим количеством необходимой для каждодневных нужд монеты (около одного миллиона) всегда готовый резерв банкового отделения. Эмиссионное отделение выдает публике банкноты за золото и золото за банкноты; остальные операции с публикой осуществляет банковое отделение.

Частные банки, имевшие в 1844 г. право выпускать собственные банкноты в Англии и Уэльсе, сохранили за собой это право, только выпуск их банкнот был лимитирован; если такой банк прекращает выпуск собственных банкнот, Английский банк имеет право увеличить сумму своих непокрытых банкнот на $^{2}/_{3}$ освободившегося лимита; таким путем сумма эта к 1892 г. повысилась с 14 до $16^{1}/_{2}$ млн. ф. ст., точнее до 16450000 фунтов стерлингов.

Итак, взамен каждых пяти фунтов золотом, уходящих из банкового резерва, в эмиссионное отделение поступает пятифунтовая банкнота и уничтожается там; взамен каждых пяти соверенов, поступивших в резерв, выпускается в обращение новая пятифунтовая банкнота. Этим практически осуществляется оверстоновское идеальное бумажное обращение, совершенно точно подчиненное законам металлического обращения, и благодаря этому, по утверждению сторонников «денежной школы», кризисы становятся навсегда невозможными.

В действительности разделение Банка на два независимых отделения лишало дирекцию возможности свободно располагать в решающие моменты всеми доступными ей средствами, так что могли наступить случаи, когда банковое отделение стояло перед банкротством, а эмиссионное отделение сохраняло в бездействии миллионы золотом, не считая 14 миллионов обеспечения. И притом подобное состояние дел могло наступать тем легче, что почти каждый кризис имеет период, когда происходит сильный отлив золота за границу, который надо покрывать главным образом за счет металлического запаса Банка. Но взамен каждых пяти фунтов, уходящих в этом случае за границу, из внутреннего обращения извлекается пятифунтовая банкнота, следовательно, количество средств обращения уменьшается как раз в тот момент, когда их требуется больше всего и потребность в них настоятельнее всего. Таким образом, банковский акт 1844 г. прямо толкает весь торговый мир к тому, чтобы в момент, когда разражается кризис, тотчас же припрятать запасы банкнот и, следовательно, ускорить и обострить кризис; таким наступающим в решающий момент искусственным повышением спроса на денежные ссуды, то есть на средства платежа, при одновременном ограничении их предложения, этот акт в период кризиса гонит процентную ставку до неслыханной высоты; итак, вместо того чтобы устранять кризисы, он их усиливает до такой степени, что должен потерпеть крах либо весь промышленный мир, либо банковский акт. Два раза, 25 октября 1847 г. и 12 ноября [1857 г.], кризис достигал этой высоты; тогда правительство освободило Банк от ограничений

в выпуске банкнот, приостановив действие акта 1844 г., и оба раза этого было достаточно для того, чтобы приостановить кризис. В 1847 г. достаточно было уверенности в возможности снова получать банкноты под первоклассное обеспечение, чтобы извлечь на свет и вернуть обращению накопленные запасы банкнот на 4—5 миллионов; в 1857 г. было выпущено без малого 1 миллион банкнотами свыше узаконенной нормы, но лишь на самое короткое время.

Необходимо, кроме того, упомянуть, что законодательство 1844 г. хранит еще следы памятного первого двадцатилетия нынешнего века — времени приостановки размена банкнот и обесценения последних. Опасение, что может быть потеряно доверие к банкнотам, проявляется здесь еще очень заметно; совершенно напрасное опасение, так как уже в 1825 г. выпуском имевшегося старого запаса однофунтовых банкнот, изъятых из обращения, был приостановлен кризис и тем самым было доказано, что даже в то время всеобщего и сильнейшего недоверия доверие к банкнотам не было поколеблено. И это вполне понятно: ведь фактически за этими знаками стоимости стоит вся нация со всем своим кредитом. — *Ф. Э.*}

Выслушаем теперь несколько показаний о влиянии банковского акта. Дж. Ст. Милль полагает, что банковский акт 1844 г. сдерживал спекуляцию. Сей мудрый муж по счастливой случайности выступал как раз 12 июня 1857 года. Четыре месяца спустя разразился кризис. Милль буквально поздравляет «директоров банка и коммерческую публику вообще» с тем, что они

«понимают теперь много лучше, чем раньше, природу торгового кризиса и тот очень большой вред, который они причиняют сами себе и публике, поддерживая чрезмерную спекуляцию» (B. C. 1857, № 2031).

Мудрый Милль полагает, что если выпускаются однофунтовые банкноты,

«как ссуды фабрикантам и др., выплачивающим заработную плату... то банкноты эти могут попасть в руки других лиц, которые затратят их на цели потребления, и в этом случае банкноты сами по себе создают спрос на товары и могут временно иметь тенденцию содействовать повышению цен» [2066].

Следовательно, г-н Милль допускает, что фабриканты будут выдавать более высокую заработную плату, если они будут расплачиваться бумагой вместо золота? Или же он думает, что если фабрикант получит свою ссуду стофунтовыми банкнотами и разменяет затем последние на золото, то заработная плата вызовет меньший спрос, чем в том случае, если бы она выдавалась прямо однофунтовыми банкнотами? И разве он не знает, что, например, в некоторых горных округах

заработная плата выдавалась банкнотами местных банков, так что несколько рабочих получали вместе одну пятифунтовую банкноту? Увеличивает ли это их спрос? Или, быть может, мелкими банкнотами банкиры легче дают фабрикантам ссуду и на большую сумму, чем крупными?

{Этот необычайный страх Милля перед однофунтовыми банкнотами был бы совершенно необъясним, если бы весь его труд по политической экономии не обнаруживал эклектизма, не останавливающегося ни перед какими противоречиями. С одной стороны, он во многом согласен с Туком против Оверстона, с другой стороны, верит в то, что товарные цены определяются количеством имеющихся денег. Следовательно, он отнюдь не убежден, что вместо каждой выпущенной банкноты — при прочих равных условиях — в запас банка поступает один соверен; он опасается, что масса средств обращения может увеличиться и вследствие этого обесцениться, то есть поднять товарные цены. Только это скрывается за приведенными выше опасениями и ничего больше. — *Ф. Э.*}

О разделении Банка на два отделения и чрезмерной заботливости относительно обеспечения размена банкнот Тук высказывается следующим образом перед комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (C. D. 1848/57):

Более крупные колебания процентной ставки в 1847 г. по сравнению с 1837 и 1839 гг. вызваны только разделением Банка на два отделения (3010). — Обеспеченность банкнот не была затронута ни в 1825, ни в 1837, ни в 1839 годах (3015). — Спрос на золото в 1825 г. имел целью лишь заполнить пустоту, образовавшуюся вследствие полной дискредитации однофунтовых банкнот провинциальных банков; эта пустота могла быть заполнена только золотом, пока Английский банк не выпустил, в свою очередь, одно фунтовые банкноты (3022). — В ноябре и декабре 1825 г. не наблюдалось ни малейшего спроса на золото для вывоза (3023).

«Что касается дискредитации Банка внутри страны и за границей, то приостановка выдачи дивидендов и вкладов имела бы гораздо более тяжелые последствия, чем приостановка размена банкнот (3028).

3035. Не думаете ли вы, что любое обстоятельство, угрожающее в конечном счете разменности банкнот, могло бы в момент коммерческого угнетения создать новые и серьезные затруднения? — Отнюдь нет.

В течение 1847 г. увеличенный выпуск банкнот, быть может, способствовал бы обратному наполнению золотого запаса Банка, как это имело место в 1825 году (3058)».

Перед комиссией палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству (B. A. 1857) Ньюмарч говорит:

«1357. Первое плохое последствие... этого разъединения двух отделений (Банка) и неизбежно вытекающего отсюда разделения золотого запаса состояло в том, что банковские операции Английского банка, то есть

вся та сфера его операций, которая приводит его в непосредственную связь с торговлей страны, могли вестись лишь с половинной суммой прежнего запаса. Вследствие этого разделения запаса сложилось такое положение вещей, что при малейшем уменьшении резерва банкового отделения Банк вынужден был повышать свою учетную ставку. Такое уменьшение резерва вызвало поэтому ряд скачкообразных изменений учетной ставки.— 1358. Таких изменений с 1844 г.» {до июня 1857} «было около 60, тогда как до 1844 г. за такой же период времени они едва ли составили дюжину».

Особенно интересны показания перед комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (C. D. 1848/57) Палмера, бывшего с 1811 г. директором и в течение некоторого времени управляющим Английского банка:

«828. В декабре 1825 г. в Банке оставалось золота приблизительно на 1100000 фунтов стерлингов. Он, несомненно, потерпел бы полное банкротство, если бы этот акт» {1844 г.} «существовал в то время. В декабре Банк выпустил, думается мне, в одну неделю на 5 или 6 миллионов банкнот, и это значительно смягчило тогдашнюю панику.

825. Первый момент» {после 1 июля 1825 г.}, «когда современное банковское законодательство потерпело бы крах, если бы Банк попытался довести до конца раз начатые операции, наступил 28 февраля 1837 года; Банк тогда имел от 3900000 до 4000000 ф. ст., и он сохранил бы всего 650000 ф. ст. в своем резерве. Другой период, подобный этому моменту, был в 1839 г. и продолжался с 9 июля до 5 декабря. — 826. Каковы были размеры резерва в этом случае? На 5 сентября резерв состоял из дефицита на сумму 200000 фунтов стерлингов (the reserve was minus altogether 200000 *£).* 5 ноября он возрос приблизительно до 1—$1^1/_2$ миллиона. — 830. Акт 1844 г. воспрепятствовал бы Банку в 1837 г. оказать поддержку торговле с Америкой. — 831. Три главнейших американских фирмы обанкротились... Почти все фирмы, торгующие с Америкой, лишились кредита, и если бы в то время Банк не пришел им на помощь, то я не думаю, что устояло бы более одной или двух фирм. — 836. Угнетенное состояние в 1837 г. нельзя сравнивать с угнетенным состоянием 1847 года. Действие первого ограничивалось почти исключительно американскими операциями». — 838. (В начале июня 1837 г. в дирекции Банка дискутировался вопрос, какими мерами облегчить угнетенное состояние.) «Некоторые отстаивали то мнение... что наиболее правильным принципом было бы повысить процентную ставку, вследствие чего упали бы товарные цены, словом, удорожить деньги и удешевить товары, что и дало бы возможность осуществить заграничные платежи (by which the foreign payment would be accomplished). — 906. Введение искусственного ограничения полномочий Банка актом 1844 г. вместо старой и естественной границы его полномочий, а именно действительных размеров его металлического запаса, создает искусственное затруднение в ходе дел и тем самым оказывает такое влияние на товарные цены, которого можно было бы избежать без этого акта. — 968. При действии акта 1844 г. нельзя в обычных условиях понизить металлический запас Банка значительно ниже $9^1/_2$ миллиона. Это оказало бы давление на цены и кредит, которое в свою очередь вызвало бы такое изменение вексельных курсов, что ввоз золота возрос бы и увеличил сумму золота в эмиссионном отделении. — 996. При теперешнем ограничении вы» {Банк} «лишены той возможности управлять движением серебра, которая необходима в моменты, когда серебро требуется для воздействия на заграничный курс. — 999. Какова была цель предписания,

ограничившего серебряный запас Банка $^{1}/_{5}$ общей суммы его металлического запаса? — На этот вопрос я не могу ответить».

Цель была удорожить деньги; та же самая цель, которая, независимо от теории «денежной школы», преследовалась при разделении Банка на два отделения и при установлении для шотландских и ирландских банков обязательства держать в резерве золото для покрытия банкнот, выпускаемых свыше известной нормы. Таким образом возникла децентрализация национального металлического запаса, которая ослабила его способность поправлять неблагоприятный вексельный курс. К повышению ставки процента направлены все следующие постановления: право Английского банка выпускать банкноты на сумму большую, чем 14 млн. ф. ст., не иначе как при покрытии их золотым запасом; управление банковым отделением, так же как и обычным банком, путем понижения процентной ставки в периоды избытка денег и повышения ее в периоды угнетения; ограничение серебряного запаса, главного средства для регулирования вексельного курса с континентом Европы и Азией; предписания относительно шотландских и ирландских банков, которые никогда не нуждаются в золоте* для экспорта и которые теперь должны хранить его в запасе под предлогом обеспечения в действительности совершенно иллюзорного размена банкнот. Факт тот, что акт 1844 г. впервые вызвал в 1857 г. штурм шотландских банков с требованием золота. Новое банковское законодательство не делает также никакого различия между отливом золота за границу и внутрь страны, хотя, само собой разумеется, последствия того и другого совершенно различны. Отсюда постоянные сильные колебания рыночной ставки процента. Отвечая на вопросы 992 и 994, Палмер дважды подчеркнул, что Английский банк может покупать на банкноты серебро лишь в том случае, если вексельный курс благоприятен для Англии и, следовательно, серебро в избытке; потому что:

«1003. Единственная цель, из-за которой можно держать значительную часть металлического запаса в серебре, состоит в стремлении облегчить заграничные платежи в период, когда вексельный курс неблагоприятен для Англии. — 1004. Серебро есть товар, который, являясь деньгами для всего остального мира, оказывается наиболее подходящим товаром... для этой цели» {заграничных платежей}. «Лишь Соединенные Штаты за последнее время принимали в уплату только золото».

По его мнению, в периоды угнетения Английскому банку не было надобности повышать учетную ставку выше старого уровня в 5%, пока неблагоприятный вексельный курс не отвле-

* В оригинале сказано: «деньгах»; исправлено на основе рукописи Маркса. *Ред.*

кает золото за границу. Если бы не было акта 1844 г., то банк мог бы без всякого затруднения учесть все первоклассные векселя (first class bills), которые были ему предложены {1018—1020}.

«Но при акте 1844 г. и при том положении, в котором находился *Банк* в октябре 1847 г., не было такого процента, которого Банк потребовал бы от кредитоспособных фирм и который они не были бы готовы уплатить, чтобы не прекращать платежей») [1022].

А высокая учетная ставка составляла как раз цель этого акта.

«1029. Я считаю необходимым строго различать влияние учетной ставки на заграничный спрос» {на благородные металлы} «и повышение процента с целью предотвратить нажим на Банк в период недостатка в кредите внутри страны. — 1023. До акта 1844 г., когда курс был благоприятен для Англии, а в стране царило беспокойство и даже положительная паника, не существовало никакой границы для выпуска банкнот, который один только мог облегчить это угнетенное состояние».

Так высказывается человек, который в течение 39 лет сидел в дирекции Английского банка. Послушаем теперь частного банкира Туэлса, с 1801 г. компаньона Спунера, братьев Атвуд и К°. Это единственный из всех свидетелей, опрошенных комиссией палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству (B. C. 1857), который дает возможность бросить взгляд на действительное состояние страны и который видит приближающийся кризис. В остальном он является представителем бирмингемской школы «little shilling men»[17], подобно своим компаньонам, братьям Атвуд, которые являются основателями этой школы (см. К. Маркс. «К критике политической экономии». Берлин [1859], стр. 59[18]). Он говорит:

«4488. Какое влияние, по вашему мнению, оказал акт 1844 года? — Если я должен отвечать как банкир, то я скажу, что акт оказал самое хорошее действие, так как банкирам и» {денежным} «капиталистам всякого рода он доставил богатую жатву. Но он имел очень плохие результаты для честных и усердных представителей делового мира, которые нуждаются в устойчивой процентной ставке, чтобы с уверенностью вести свои дела... акт сделал ссуду денег в высшей степени прибыльным занятием. — 4489. Он» {банковский акт} «позволяет лондонским акционерным банкам выплачивать акционерам 20—22%? — Один из них выплатил недавно 18%, а другой, насколько мне известно, 20%; они имеют все основания самым решительным образом защищать акт 1844 года. — 4490. Мелкие деловые люди и респектабельные купцы, не обладающие крупным капиталом... их он сильно ущемляет... Чтобы убедиться в этом, достаточно того, что я вижу поразительную массу их акцептов, остающихся неоплаченными. Эти акцепты всегда незначительны, приблизительно в 20—100 ф. ст., многие из них не оплачиваются и вследствие этого возвращаются назад во все части страны, что всегда служит признаком угнетенного положения... мелких торговцев».

4494. Он заявляет, что в настоящее время коммерция не приносит достаточной прибыли. Следующие его замечания важны потому, что он видел кризис в скрытом состоянии, когда никто еще не предчувствовал его.

«4494. Цены на Минсинг-Лейн еще более или менее держатся, но уже ничего не продается, нельзя продать ни за какую цену; цены держатся номинальные».

4495. Он рассказывает один случай: некий француз посылает маклеру на Минсинг-Лейн товары на сумму в 3000 ф. ст. для продажи по определенной цене. Маклер не может получить назначенной цены, француз не может продать дешевле. Товар остается без движения, но французу нужны деньги. Маклер ссужает ему поэтому 1000 ф. ст. таким способом, что француз под обеспечение товаров выписывает на маклера вексель на 1000 ф. ст. сроком на 3 месяца. По истечении 3 месяцев наступает срок платежа, а товары все еще не могут быть проданы. Маклер должен тогда оплатить вексель, и хотя он имел покрытие в 3000 ф. ст., он не был в состоянии реализовать его и вследствие этого попал в затруднительное положение. Таким образом один увлекает с собой на дно другого.

4496. «Что касается большого вывоза... если дела внутри страны находятся в угнетенном состоянии, то это неизбежно вызывает усиленный вывоз. — 4497. Полагаете ли вы, что потребление внутри страны уменьшилось? — *Очень значительно... чрезвычайно...* мелкие торговцы являются в этом отношении самым надежным авторитетом. — 4498. И все же ввоз очень велик; не указывает ли это на сильное потребление? — Конечно, *если только вы имеете возможность продать;* но многие товарные склады переполнены этими предметами; в том примере, который я только что приводил, товары на 3000 ф. ст. были импортированы и остались непроданными.

4514. Если деньги дороги, то не скажете ли вы, что в этом случае капитал дешев? — Да».

Следовательно, этот человек отнюдь не придерживается мнения Оверстона, что высокая процентная ставка — это то же самое, что дорогой капитал.

Как ведутся теперь дела:

4616. «Другие очень сильно увлекаются, делают с вывозом и ввозом гигантские дела, значительно более крупные, чем позволяет их капитал, — в этом не может быть ни малейшего сомнения. Они могут иметь удачу, благодаря какому-либо счастливому случаю они могут нажить большое состояние и со всеми расплатиться. Такова во многих случаях система, по которой в настоящее время ведется значительная часть дел. Такие люди охотно теряют 20%, 30% и 40% на одной отправке товара; следующая операция может вернуть им все потерянное. Но если они испытывают неудачу два раза подряд, тогда им конец; и как раз за последнее время мы очень часто наблюдали такие случаи; торговые фирмы терпят банкротство, не оставляя ни одного шиллинга в активе.

4791. Низкая процентная ставка» {за последние 10 лет} «во всяком случае неблагоприятна для банкиров, но без предъявления вам торговых книг мне было бы очень трудно объяснить, насколько нынешняя прибыль» {его собственная} «выше, по сравнению с прежним временем. Когда ставка процента низка вследствие чрезмерного выпуска банкнот, мы имеем значительную сумму вкладов; если ставка процента высока, это приносит нам прямую прибыль. — 4794. Если деньги можно получить по умеренной процентной ставке, мы имеем большой спрос на них; мы больше ссужаем; таков результат» {для нас, банкиров} «в этом случае. Если ставка процента повышается, мы получаем за ссуды больше, чем следует по справедливости; мы получаем больше, чем мы должны бы получать».

Мы уже видели, что все компетентные люди считают кредит банкнот Английского банка непоколебимым. Несмотря на это, банковский акт для обеспечения их размена абсолютно закрепляет от 9 до 10 миллионов золотом. Святость и неприкосновенность этого сокровища охраняется совершенно иначе, чем у собирателей сокровищ прежнего времени. У. Браун (Ливерпуль) показывает перед комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (C. D. 1848/57).

«2311. Что касается той пользы, которую эти деньги» {металлический запас эмиссионного отделения} «приносили тогда, то без ущерба для дела их можно было бы бросить в море; ведь даже ничтожнейшей части их нельзя было пускать в оборот, не нарушая парламентского акта».

Предприниматель строительной промышленности Э. Кэпс, уже цитированный нами выше, тот самый, из показаний которого заимствовано описание современной лондонской системы строительства («Капитал», кн. II, гл. XII[19]), следующим образом резюмирует свое мнение о банковском акте 1844 года (B. A. 1857).

«5508. Следовательно, в общем вы того мнения, что современная система» {банковского законодательства} «является очень искусным приспособлением для того, чтобы перекладывать периодически в кошелек ростовщиков прибыль промышленности? — Да, таково мое мнение. Я знаю, что в строительном деле влияние было таково».

Как уже было упомянуто, шотландские банки банковским актом 1845 г. были вынуждены принять систему, приближающуюся к английской. На них было возложено обязательство иметь золотое покрытие для выпуска банкнот свыше суммы, установленной для каждого банка. Какие последствия это имело, видно из приводимых ниже показаний перед комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (C. D. 1848/57).

Кеннеди, управляющий одним из шотландских банков, показывает:

«3375. Имелось ли до введения акта 1845 г. в Шотландии что-либо заслуживающее названия золотого обращения? — Ничего подобного. —

3376. А с того времени увеличилось ли количество золота в обращении? — Нисколько; публика не любит золота (the people dislike gold)».

3450. Приблизительно 900000 ф. ст. золотом, которые шотландские банки должны держать в запасе с 1845 г., по его мнению, приносят лишь вред, так как

«бесприбыльно поглощают значительную часть капитала Шотландии».

Далее идут показания Андерсона, управляющего Union Bank of Scotland:

«3588. Единственный случай сильного спроса на золото, предъявленного Английскому банку со стороны шотландских банков, имел место под влиянием иностранного вексельного курса? — Совершенно верно; и этот спрос не уменьшился оттого, что мы держим золото в Эдинбурге. — 3590. Пока мы имеем ту же самую сумму ценных бумаг в Английском банке» {или в частных банках Англии}, «у нас остается та же, что и раньше, возможность вызвать отлив золота из Английского банка».

В заключение процитируем еще одну статью (Уилсона) из журнала «Economist»:

«Шотландские банки держат свободную наличность у своих лондонских агентов; последние держат ее в Английском банке. Это дает шотландским банкам возможность в пределах этих сумм распоряжаться металлической наличностью Английского банка, и здесь она всегда готова к услугам, когда приходится производить заграничные платежи». Эта система была нарушена актом 1845 года. «В результате шотландского акта 1845 г. за последнее время имел место сильный отлив золотой монеты из Английского банка для удовлетворения всего лишь потенциального спроса в Шотландии, который в действительности, быть может, никогда не наступит... С этого времени значительная сумма неизменно закреплена в Шотландии, и другая значительная сумма постоянно путешествует туда и обратно между Лондоном и Шотландией. Если наступает время, когда шотландский банкир ждет повышенного спроса на свои банкноты, то из Лондона посылается ящик с золотом; раз это время миновало, тот же самый ящик, обыкновенно даже не вскрытый, отсылается обратно в Лондон» («Economist», 23 октября 1847 г. [стр. 1214—1215]).

{Что же говорит по поводу всего этого отец банковского акта, банкир Самюэл Джонс Лойд, alias* лорд Оверстон?

Он уже в 1848 г. повторил перед комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 г. (C. D. 1848/57), что

«стесненное положение с деньгами и высокая ставка процента, вызванные недостатком капитала, не могут быть облегчены путем усиленного выпуска банкнот» (1514),

хотя уже одного *разрешения* правительственным указом от 25 октября 1847 г. увеличить выпуск банкнот было достаточно, чтобы лишить кризис остроты.

* — иначе. *Ред.*

Он считает, что

«высокая ставка процента и угнетенное состояние фабричной промышленности являются неизбежным результатом уменьшения *вещественного* капитала, применяемого для промышленных и коммерческих целей» (1604).

А между тем угнетенное состояние фабричной промышленности в течение целого ряда месяцев выражалось как раз в том, что вещественный товарный капитал в избытке заполнял кладовые, не находя сбыта, и что именно поэтому вещественный производительный капитал целиком или наполовину бездействовал, чтобы не производить еще больше товарного капитала, не находящего покупателей.

А перед комиссией палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству он говорил следующее:

«Благодаря строгому и точному соблюдению основных положений акта 1844 г. все совершалось регулярно и легко, денежная система прочна и непоколебима, процветание страны неоспоримо, доверие общества к акту 1844 г. с каждым днем растет, и если комиссия желает дальнейших практических доказательств прочности принципов, на которых покоится этот акт, и тех благодетельных последствий, которые он обеспечивает, то верный и достаточный ответ таков: взгляните вокруг себя, посмотрите на нынешнее состояние дел в нашей стране, посмотрите на довольство народа, посмотрите на богатство и процветание всех классов общества. Последовав этому совету, комиссия будет в состоянии решить, должна ли она воспрепятствовать дальнейшему действию акта, при котором достигнуты такие успехи» (B. C. 1857, № 4189).

Ответом на этот дифирамб, который Оверстон пропел перед комиссией 14 июля, послужило письмо в дирекцию Банка от 12 ноября, которым правительство приостанавливало действие чудотворного закона 1844 г., дабы спасти то, что еще можно было спасти. — *Ф. Э.*}

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ
БЛАГОРОДНЫЙ МЕТАЛЛ И ВЕКСЕЛЬНЫЙ КУРС

I. ДВИЖЕНИЕ ЗОЛОТОГО ЗАПАСА

Относительно накопления банкнот в периоды угнетения следует заметить, что здесь повторяется образование сокровищ в виде благородного металла, которое наблюдалось в тревожные времена на самых ранних стадиях существования общества. Влияние акта 1844 г. представляет интерес потому, что акт этот стремится весь находящийся в стране благородный металл превратить в средства обращения; он хочет отождествить отлив золота с сокращением, прилив золота с расширением количества средств обращения. На опыте применения акта было доказано обратное. За единственным исключением, о котором мы сейчас упомянем, масса находящихся в обращении банкнот Английского банка после 1844 г. никогда не достигала того максимума, который Банк имел право выпускать. И кризис 1857 г. показал, с другой стороны, что при известных условиях этого максимума недостаточно. С 13 по 30 ноября 1857 г. в обращении было банкнот в среднем ежедневно на 488830 ф. ст. больше этого максимума (B. A. 1858, стр. XI). Законный максимум был тогда 14475000 ф. ст. плюс сумма металлического запаса в подвалах Банка.

Относительно прилива и отлива благородного металла необходимо заметить следующее:

Во-первых, надо различать, с одной стороны, движение металла в пределах области, не производящей золота и серебра, а с другой стороны, движение золота и серебра от источников их производства в различные другие страны и распределение этого добавочного металла между этими странами.

С начала нынешнего века — до тех пор, пока не сказалось влияние русских, калифорнийских и австралийских золотых приисков, — поступлений золота и серебра хватало лишь для возмещения изнашивающейся монеты, для обычного употребления этих металлов в производстве предметов роскоши и для вывоза серебра в Азию.

Однако с того времени с ростом азиатской торговли Америки и Европы чрезвычайно возрос, во-первых, вывоз серебра в Азию. Серебро, вывезенное из Европы, в значительной своей части замещалось добавочным золотом. Далее, часть вновь приливающего золота поглощалась внутренним денежным обращением. Считают, что до 1857 г. приблизительно 30 миллионов добавочного золота вступило во внутреннее обращение Англии[14]. Затем, после 1844 г. средний уровень металлических запасов во всех центральных банках Европы и Северной Америки повысился. В то же время рост внутреннего денежного обращения привел к тому, что после паники в следующий за ней период затишья банковский запас стал возрастать быстрее, так как увеличилась масса золотой монеты, вытолкнутой из внутреннего обращения и иммобилизованной. Наконец, после того как были открыты новые месторождения золота, поднялось потребление благородного металла для изготовления предметов роскоши вследствие возросшего богатства.

Во-вторых, между странами, не производящими золота и серебра, благородный металл постоянно циркулирует туда и обратно; одна и та же страна непрерывно ввозит золото и столь же непрерывно вывозит его. И лишь перевес движения в ту или другую сторону решает, в конечном счете, имеет ли место прилив или отлив, так как чисто колебательные и зачастую параллельные движения по большей части взаимно нейтрализуются. Но именно вследствие этого, поскольку обращают внимание на конечный результат, упускается из виду непрерывность и в общем параллельный ход обоих движений. Дело воспринимается всегда таким образом, как будто избыточный ввоз или избыточный вывоз благородного металла есть лишь результат и выражение соотношения между ввозом и вывозом товаров, тогда как он в то же время выражает соотношение между независимым от товарной торговли ввозом и вывозом самого благородного металла.

[14] Как подействовало это на денежный рынок, видно из следующего показания Ньюмарча: «1509. К концу 1853 г. среди публики имели место серьезные опасения; в сентябре Английский банк трижды, раз за разом, повышал учетную ставку... В первых числах октября обнаружились значительное беспокойство и паника среди публики. Эти опасения и это беспокойство были большей частью устранены к концу ноября и почти совершенно исчезли с прибытием 5000000 ф. ст. благородного металла из Австралии. То же самое повторилось осенью 1854 г., когда — в октябре и ноябре — поступило почти 6000000 ф. ст. благородного металла. То же самое повторилось осенью 1855 г., — как известно, это был период возбуждения и беспокойства, — в связи с поступлением в течение сентября, октября и ноября около 8000000 ф. ст. благородного металла; в конце 1856 г. мы видим опять то же самое. Одним словом, я вполне мог бы сослаться на опыт почти каждого члена комиссии в подтверждение того, что мы привыкли при каждом финансовом затруднении видеть естественное и радикальное средство помощи в прибытии корабля с золотом» [B. A. 1857].

В-третьих, преобладание ввоза над вывозом, и наоборот, измеряется в общем увеличением или уменьшением металлического запаса центральных банков. Большая или меньшая точность этого мерила зависит, конечно, прежде всего от того, насколько банковское дело вообще централизовано. Ибо от этого зависит, насколько благородный металл, накопленный в так называемом национальном банке, представляет вообще национальный запас металла. Но если даже это и так, указанное мерило все же не точно, так как при известных условиях добавочный ввоз поглощается внутренним обращением и растущим применением золота или серебра для изготовления предметов роскоши и так как, кроме того, без добавочного ввоза золото может извлекаться для внутреннего обращения и, следовательно, металлический запас может уменьшаться без одновременного увеличения вывоза.

В-четвертых, вывоз металла принимает форму отлива (drain), если движение в сторону уменьшения продолжается длительное время, так что уменьшение становится общей тенденцией движения и металлический запас банка падает значительно ниже среднего уровня, пока не достигнет своего среднего минимума. Этот последний устанавливается более или менее произвольно, поскольку законодательство, определяющее размер покрытия для размена банкнот и т. п., в различных случаях оказывается различным. Относительно количественных границ, которых такой отлив может достигнуть в Англии, Ньюмарч говорит перед комиссией палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству (B. A. 1857, № 1494):

«Если судить на основании опыта, то представляется в высшей степени неправдоподобным, чтобы отлив металла вследствие какого-либо колебания в сделках с заграницей мог превысить 3000000 или 4000000 фунтов стерлингов».

В 1847 г. самый низкий уровень золотого запаса в Английском банке, имевший место 23 октября, показывает по сравнению с 26 декабря 1846 г. уменьшение на 5198156 ф. ст., а по сравнению с наивысшим уровнем в 1846 г. (29 августа) уменьшение на 6453748 фунтов стерлингов.

В-пятых, назначение металлического резерва так называемого национального банка, назначение, которое служит отнюдь не единственным регулятором величины металлического запаса, ибо он может возрастать вследствие простой задержки в делах внутри или вне страны, является трояким: 1) Быть резервным фондом для международных платежей, короче, резервным фондом мировых денег. 2) Быть резервным фондом для внутреннего

металлического обращения, попеременно расширяющегося и сокращающегося. 3) Быть резервным фондом для платежей по вкладам и для размена банкнот, что связано с функцией банка и ничего общего не имеет с функциями денег как таковых. На металлический запас могут поэтому влиять те отношения, которые касаются каждой из этих трех функций; следовательно, он может испытать на себе влияние: как международный фонд — со стороны платежного баланса, какими бы причинами ни определялся этот последний и каково бы ни было его отношение к торговому балансу; как резервный фонд внутреннего металлического обращения он может испытать на себе влияние расширения или сокращения этого последнего. Третья функция, функция фонда обеспечения, не обусловливает, правда, самостоятельного движения металлического резерва, однако оказывает двоякое влияние. Если выпускаются банкноты, замещающие во внутреннем обращении металлические деньги (следовательно, также и серебряную монету в странах, где серебро является мерой стоимости), то отпадает функция резервного фонда, отмеченная в пункте 2. И часть благородного металла, служившая для этой цели, будет надолго уходить за границу. В этом случае металлические деньги не извлекаются из банка для целей внутреннего обращения и вместе с тем отпадает необходимость периодически увеличивать металлический запас путем иммобилизации части обращающихся металлических денег. Далее, если необходимо при всех обстоятельствах удерживать в резерве известный минимум металла для уплаты по вкладам и размена банкнот, то это особым образом сказывается на последствиях прилива и отлива золота; это влияет на ту часть резерва, которую банк обязан удерживать при всех обстоятельствах, или на ту его часть, от которой он в другое время стремился бы освободиться как от бесполезной. При чисто металлическом обращении и концентрации банковского дела банк также должен был бы рассматривать свой металлический резерв как гарантию для уплаты по своим вкладам и в случае отлива золота могла бы наступить паника, подобная той, какая имела место в 1857 г. в Гамбурге.

В-шестых, за исключением разве только 1837 г., действительный кризис всегда наступал уже после изменения вексельного курса, то есть в тот момент, когда ввоз благородного металла снова стал превышать вывоз.

В 1825 г. настоящий крах наступил после того, как прекратился отлив золота. В 1839 г. отлив золота имел место, не приведя к краху. В 1847 г. отлив золота прекратился в апреле, а крах наступил в октябре. В 1857 г. отлив золота за границу

прекратился с начала ноября, и лишь позднее, в ноябре, наступил крах.

Особенно отчетливо проявилось это в кризисе 1847 г., когда отлив золота прекратился уже в апреле, вызвав сравнительно легкий предварительный кризис, а затем лишь в октябре разразился собственно торговый кризис.

Приводимые ниже показания были даны перед секретной комиссией палаты лордов по торговому кризису 1847 года; показания свидетелей (evidence) были отпечатаны только в 1857 г. (раньше эти показания мы помечали: C. D. 1848/57).

Показания Тука:

В апреле 1847 г. возникло угнетенное состояние, которое, строго говоря, было равносильно панике, но продолжалось сравнительно короткое время и не сопровождалось сколько-нибудь значительными коммерческими банкротствами. В октябре угнетенное состояние было гораздо острее, чем в апреле, причем имело место почти неслыханное количество банкротств (2996). — В апреле вексельный курс — в особенности с Америкой — заставил нас экспортировать значительное количество золота для оплаты чрезвычайно большого импорта; только ценой крайне сильного напряжения Банк приостановил отлив золота и добился повышения курса (2997). — В октябре вексельный курс был благоприятен для Англии (2998). — Изменение вексельного курса началось на третьей неделе апреля (3000). — Колебания вексельного курса имели место в июле и августе; с начала августа он все время был благоприятен для Англии (3001). — Отлив золота в августе был вызван нуждами внутреннего обращения.

Дж. Моррис, управляющий Английским банком, показывает:

хотя с августа 1847 г. вексельный курс сделался благоприятным для Англии и вследствие этого имел место ввоз золота, тем не менее металлический запас Банка уменьшился.

«2200000 ф. ст. золотом ушли из Банка в обращение вследствие внутреннего спроса» (137). — Это объясняется, «с одной стороны, увеличением числа занятых рабочих на строительстве железных дорог... с другой стороны, желанием банкиров в период кризиса иметь собственный запас золота» (147).

Палмер, бывший управляющий и с 1811 г. директор Английского банка, показывает:

«684. За весь период с половины апреля 1847 г. до дня приостановки банковского акта 1844 г. вексельные курсы были благоприятны для Англии».

Следовательно, отлив металла в апреле 1847 г., вызвавший самостоятельную денежную панику, был здесь, как и везде, лишь предтечей кризиса и обратное движение наступило раньше, чем разразился этот последний. В 1839 г. при сильно угнетен-

ном состоянии дел имел место значительный отлив металла для уплаты за хлеб и т. п. — однако без кризиса и денежной паники.

В-седьмых, как только общий кризис заканчивается, золото и серебро — оставляя в стороне прилив новых количеств благородного металла из стран его производства — распределяются снова в тех соотношениях, в которых они существовали как особое сокровище различных стран в состоянии их равновесия. При прочих равных условиях относительная величина сокровища каждой страны определяется ее ролью на мировом рынке. Из страны, которая располагала благородными металлами в количестве, превышающем норму, они отливают в другие страны; эти движения прилива и отлива лишь восстанавливают первоначальное распределение сокровищ между различными нациями. Однако такое перераспределение осуществляется посредством влияния различных обстоятельств, которые будут упомянуты при рассмотрении вексельных курсов. Как только нормальное распределение снова восстановлено, то, начиная с этого момента, наступает сначала рост, затем новый отлив. {Это последнее положение, само собой разумеется, относится только к Англии как центру мирового денежного рынка. — *Ф. Э.*}

В-восьмых, отливы металла являются большей частью симптомами изменений в состоянии внешней торговли, а это изменение есть, в свою очередь, предвестник того, что назревает кризис[15].

В-девятых, платежный баланс может быть благоприятен для Азии и неблагоприятен для Европы и Америки[16].

Ввоз благородного металла имеет место преимущественно в два периода. С одной стороны, в первой фазе низкой процентной ставки, которая следует за кризисом и выражает собой сокращение производства; и затем во второй фазе, когда ставка

[15] По Ньюмарчу, отлив золота за границу может вызываться троякого рода причинами, а именно: 1) причинами чисто коммерческого характера, то есть вследствие превышения ввоза над вывозом, как это было между 1836 и 1844 гг. и затем снова в 1847 г. главным образом вследствие большого ввоза хлеба; 2) необходимостью создать средства для вложения английского капитала за границей, как например в 185 7 г. и для строительства железных дорог в Индии; и 3) безвозвратными расходами за границей, как например в 1853 и 1854 гг. для военных целей на Востоке.

[16] 1918. Ньюмарч. «Если вы возьмете Индию и Китай вместе, если вы примете во внимание обороты между Индией и Австралией и еще более важные обороты между Китаем и Соединенными Штатами, — а в этих случаях сделки являются трехсторонними и окончательные расчеты совершаются при нашем посредничестве... — тогда окажется правильным, что торговый баланс был не только против Англии, но также против Франции и Соединенных Штатов» (B. A. 1857).

процента повышается, но еще не достигает своего среднего уровня. Это та фаза, когда обратный приток капиталов совершается легко, коммерческий кредит достигает большого размаха и потому спрос на ссудный капитал возрастает медленнее, чем расширяется производство. В обеих фазах при сравнительном обилии ссудного капитала избыточный приток капитала в форме золота и серебра, то есть в такой форме, в которой он непосредственно может функционировать только как ссудный капитал, должен оказывать значительное влияние на ставку процента, а тем самым и на тонус всей деловой жизни.

С другой стороны, отлив, непрерывный значительный вывоз благородного металла, наступает, когда новых поступлений уже нет, рынки переполнены и мнимое процветание поддерживается только кредитом; когда, следовательно, уже существует очень сильный спрос на ссудный капитал и потому ставка процента достигает по меньшей мере своего среднего уровня. При этих условиях, выражающихся именно в отливе благородного металла, значительно усиливается влияние непрерывного ухода капитала в такой форме, в какой он непосредственно существует как ссудный денежный капитал. Это должно оказывать прямое влияние на ставку процента. Но вместо того чтобы ограничивать кредитные операции, повышение ставки процента расширяет их и приводит к перенапряжению всех их вспомогательных средств. Поэтому такой период предшествует краху.

Ньюмарчу ставят вопрос (В. А. 1857):

«1520. Итак, количество обращающихся векселей повышается вместе с процентной ставкой? — По-видимому, да. — 1522. В спокойные, обычные времена главная книга есть действительное орудие обмена; но когда наступают затруднения, когда, например, при обстоятельствах, указанных мной, поднимается банковская учетная ставка... тогда операции сами собой сводятся к выписыванию векселей; векселя эти не только более пригодны для того, чтобы служить законным доказательством заключенной сделки; они удобнее также для совершения дальнейших закупок и прежде всего применимы как кредитное средство приобретения капитала».

К этому присоединяется еще то обстоятельство, что раз банк при сколько-нибудь угрожающих условиях поднимает свою учетную ставку — в связи с чем в то же время становится вероятным, что банк ограничит сроки учитываемых им векселей — наступает всеобщее опасение, что это будет происходить crescendo*. Каждый, и прежде всего рыцарь кредита, стремится поэтому как бы учесть будущее и получить в данный

* — с возрастающей силой. *Ред.*

момент в свое распоряжение максимально возможное количество кредитных средств. Таким образом, из указанных выше причин вытекает, что одно только количество как ввезенного, так и вывезенного благородного металла оказывает влияние не само по себе; но что, с одной стороны, оно оказывает свое влияние благодаря специфическому характеру благородного металла как капитала в денежной форме, а с другой стороны, оно влияет, как перышко, которое, будучи прибавлено к грузу на чаше весов, оказывается достаточным, чтобы окончательно склонить ее в определенную сторону; оно влияет благодаря тому, что наступает при условиях, когда всякое прибавление в ту или другую сторону имеет решающее значение. Без этих причин было бы совершенно непонятно, каким образом может оказать сколько-нибудь заметное влияние отлив золота, скажем, на сумму в 5—8 млн. ф. ст., а как показывает опыт, эта граница до сих пор не переступалась; такое ничтожное увеличение или уменьшение капитала, совершенно незначительное даже по сравнению с 70 миллионами золота, циркулирующими в среднем в Англии, является, конечно, ничтожно малой величиной при размерах производства, подобных английским[17]. Но именно развитие кредитной и банковской системы, которая, с одной стороны, стремится поставить весь денежный капитал на службу производства (или, что сводится к тому же, стремится превратить всякий денежный доход в капитал) и, с другой стороны, на известной фазе цикла сводит металлический резерв к такому минимуму, что он уже не в состоянии выполнять выпадающие на его долю функции, — именно эта развитая кредитная и банковская система и создает чрезмерную чувствительность всего организма. На более низкой ступени развития производства увеличение или уменьшение металлического запаса по сравнению с его средней величиной оказывает относительно ничтожное влияние на производство. Равным образом даже очень значительный отлив золота оказывает относительно ничтожное влияние, раз он имеет место не в критический период промышленного цикла.

При данном объяснении мы отвлеклись от тех случаев, когда отлив металла наступает вследствие неурожая и т. д. Здесь значительное и внезапное нарушение равновесия производства,

[17] См., например, комичный ответ Уэгелина [B. A. 1857], который говорит, что отлив 5 миллионов золота означает уменьшение капитала на ту же сумму, и старается объяснить этим такие явления, которые *не* наступают при бесконечно более крупном повышении цен или обесценении, расширении или сокращении действительного промышленного капитала. Не менее комичной является, с другой стороны, попытка толковать эти явления как непосредственные симптомы расширения или сокращения массы реального капитала (рассматриваемого со стороны его вещественных элементов).

выражением которого является отлив золота, не нуждается в дальнейшем объяснении своих последствий. Последствия эти тем значительнее, чем больше такое нарушение совпадает с периодом, когда производство переживает высокую конъюнктуру.

Мы отвлеклись, кроме того, от функции металлического запаса как гарантии размена банкнот и оси всей кредитной системы. Центральный банк есть ось кредитной системы. А металлический запас есть в свою очередь ось банка[18)]. Превращение кредитной системы в монетарную систему неизбежно, как это уже было указано в «Капитале», кн. I, гл. III, при исследовании функции денег в качестве средства платежа[20]. И Тук и Лойд-Оверстон одинаково признают необходимость огромных жертв реальным богатством для того, чтобы в критический момент удержать металлический базис. Спор между ними сводится лишь к вопросу о некотором плюсе или минусе, к вопросу о том, какой образ действий следует считать более, а какой менее рациональным перед лицом этой неизбежности[19)]. Некоторое, по сравнению со всем производством, незначительное количество металла признается осью системы. Не говоря уже об ужасающем проявлении во время кризисов этого характера «оси», отсюда вытекает очень забавный теоретический дуализм. Пока «просвещенная» политическая экономия ex professo[*] трактует «о капитале», она с величайшим презрением взирает на золото и серебро как на форму капитала, которая фактически не представляет совершенно никакого интереса и является совершенно бесполезной. Как только она начинает говорить о банковском деле, то, наоборот, и золото с серебром становятся капиталом par excellence[**], для удержания которого следует приносить в жертву все другие формы капитала и труд. Чем же отличаются золото и серебро от других видов богатства? Не величиной стоимости, так как эта последняя определяется количеством овеществленного в них труда. Они отличаются

[18)] Ньюмарч (В. А. 1857): «1364. Металлический запас Английского банка есть в действительности центральный запас, или центральное металлическое сокровище, на основе которого строится вся деловая жизнь страны. Это, так сказать, ось, вокруг которой вращается вся деловая жизнь страны; все другие банки в стране рассматривают Английский банк как центральное сокровище, или резервуар, из которого им приходится черпать свои запасы звонкой монеты, и влияние заграничного вексельного курса отражается всегда как раз на этом сокровище и этом резервуаре».

[19)] «Таким образом практически оба они, и Тук и Лойд для устранения чрезмерного спроса на золото... прибегли бы к своевременному ограничению кредита путем повышения процентной ставки и уменьшения ссуд капитала... Только Лойд создает своими иллюзиями... тяжелые и даже опасные» (законодательные) «ограничения и предписания» («Economist», [11 декабря] 1847 г., стр. 1418).

[*] — специально. *Ред.*

[**] — по преимуществу. *Ред.*

лишь как самостоятельное воплощение, как выражение *общественного* характера богатства. {Богатство общества существует лишь как богатство отдельных лиц, являющихся его частными собственниками. Оно проявляется как общественное богатство лишь благодаря тому, что эти отдельные лица для удовлетворения своих потребностей обмениваются между собой качественно различными потребительными стоимостями. В условиях капиталистического производства они могут это делать лишь при посредстве денег. Таким образом, лишь при посредстве денег богатство отдельного лица осуществляется как общественное богатство; в деньгах, в этой вещи, воплощена общественная природа этого богатства. — *Ф. Э.*} Следовательно, это общественное бытие денег проявляется как нечто потустороннее, как вещь, предмет, товар, существующий рядом с действительными элементами общественного богатства и вне их. Пока производство идет бесперебойно, это забывается. Кредит, тоже как общественная форма богатства, вытесняет деньги и узурпирует их место. Именно доверие к общественному характеру производства является причиной того, что денежная форма продуктов кажется чем-то мимолетным и идеальным, простым представлением. Но как только кредит потрясен, — а эта фаза неизбежно наступает в современном промышленном цикле, — все реальное богатство вдруг должно быть действительно и немедленно превращено в деньги, в золото и серебро. Это требование безумное, однако оно неизбежно вырастает из самой системы. Между тем все золото и серебро, долженствующее удовлетворить эти чудовищные притязания, составляют сумму лишь в несколько миллионов, хранящихся в подвалах банка[20]. Таким образом, в воздействии отлива золота тот факт, что производство как общественное производство не подчинено в действительности общественному контролю, резко обнаруживается в том, что общественная форма богатства как *вещь* существует вне его. Это обстоятельство в действительности является общим для капиталистической системы и для более ранних систем производства, поскольку последнее покоились на товарной торговле и частном обмене. Однако лишь при капиталистической системе оно проявляется наиболее резко и притом в самой уродливой форме абсурдного противоречия

---

[20] «Вы совершенно согласны с тем, что для изменения спроса на золото не существует иного пути, кроме повышения процентной ставки? — Чапмен» {компаньон крупной маклерской фирмы Оверенд, Гёрни и К°}: «Да, таково мое мнение. Если запас нашего золота упадет до известного пункта, то мы лучше всего сделаем, если тотчас же ударим в набат и заявим; мы катимся под гору, а если кто-нибудь хочет отсылать золото за границу, пусть делает это на свой собственный риск» (B. A. 1857, № 5057).

и бессмыслицы, так как 1) при капиталистической системе производство менее всего является производством ради непосредственной потребительной стоимости, ради потребления самого производителя и, следовательно, богатство существует лишь как общественный процесс, выражающийся как сплетение производства и обращения; 2) так как с развитием кредитной системы капиталистическое производство непрерывно стремится уничтожить эту металлическую границу — эту одновременно и вещественную и фантастическую границу богатства и его движения, — но все снова и снова наталкивается на эту границу.

Во время кризиса возникает требование превратить сразу все векселя, ценные бумаги, товары в банковые деньги, а все банковые деньги, в свою очередь, в золото.

II. ВЕКСЕЛЬНЫЙ КУРС

{Барометром движения денежного металла в международном масштабе является, как известно, вексельный курс. Если Англия должна уплатить Германии больше, чем Германия Англии, то в Лондоне повышается цена марки, выраженная в стерлингах, а в Гамбурге и Берлине понижается цена фунта стерлингов, выраженная в марках. Если этот перевес платежных обязательств Англии перед Германией не выравнивается снова благодаря, например, преобладанию закупок Германии в Англии над закупками Англии в Германии, то выраженная в стерлингах цена векселей, выписанных в марках на Германию, должна повышаться до тех пор, пока не окажется выгодным послать из Англии в Германию вместо векселей металл — золотые деньги или слитки. Таков обычный ход дела.

Если этот вывоз благородного металла примет более значительные размеры и будет долго продолжаться, то это отразится на банковском резерве Англии, и английский денежный рынок, в первую очередь Английский банк, должен будет принять защитные меры. Последние, как мы уже видели, состоят главным образом в повышении процентной ставки. При значительном отливе золота на денежном рынке наступают обыкновенно затруднения, то есть спрос на ссудный капитал в денежной форме значительно превышает предложение, и высокая ставка процента вытекает отсюда сама собой; таким образом учетная ставка, декретированная Английским банком, соответствует положению вещей и осуществляется на рынке. Бывают, однако, случаи, когда отлив металла вызывается

иными, а не обычными комбинациями сделок (например, займами иностранных государств, вложением капитала за границей и т. д.) и когда положение на лондонском денежном рынке как таковом отнюдь не оправдывает существенного повышения ставки процента; в таком случае Английскому банку приходится сначала путем усиленных займов на «открытом рынке» «сделать деньги редкими», как принято выражаться, и таким образом искусственно создать положение, при котором повышение процента оправдывается или становится необходимым; маневр, который с каждым годом становится для этого Банка все затруднительнее. — *Ф. Э.*}

Как влияет повышение ставки процента на вексельный курс, видно из следующих показаний перед комиссией палаты общин 1857 г. по банковскому законодательству. (Цитировано как B. A. или B. C. 1857.)

Джон Стюарт Милль показывает:

«2176. Когда в делах наступают затруднения... происходит значительное падение курса ценных бумаг... иностранцы поручают покупать железнодорожные акции здесь, в Англии, или английские держатели иностранных железнодорожных акций продают их за границей... в соответствующих размерах прекращается отправка золота. — 2182. Многочисленный и богатый класс банкиров и торговцев ценными бумагами, при помощи которых достигается выравнивание ставки процента и показателей (pressure) коммерческого барометра между различными странами... всегда высматривают случай закупать ценные бумаги, обещающие повышение цены... Подходящим местом для их закупок окажется всегда страна, посылающая золото за границу. — 2184. Такие вложения капитала в 1847 г. производились в значительном масштабе, достаточном для того, чтобы уменьшить отлив золота».

Дж. Г. Хаббард, бывший управляющий и с 1838 г. директор Английского банка, показывает:

«2545. Имеются значительные количества европейских ценных бумаг... которые обращаются на самых различных европейских денежных рынках и, раз на одном рынке стоимость этих бумаг упала на 1% или 2%, они тотчас же скупаются для отсылки на другие рынки, где стоимость их еще держится. — 2565. Не находятся ли другие страны в большом долгу по отношению к английским купцам? — В очень большом. — 2566. Следовательно, одно получение этих долгов могло бы в достаточной степени объяснить весьма значительное накопление капитала в Англии? — В 1847 г. мы в конце концов восстановили наше положение тем, что ликвидировали столько-то миллионов прежней задолженности Америки и России нашей стране».

Англия в то время также была должна этим странам «столько-то миллионов» за хлеб и не преминула, в свою очередь, большую часть их «ликвидировать» при помощи банкротств

английских должников. См. выше отчет 1857 г. о банковском акте, в главе XXX, стр. 31*.

«2572. В 1847 г. курс между Англией и Петербургом стоял очень высоко. Когда было издано правительственное распоряжение, предоставившее Банку право выпускать банкноты» {без покрытия золотым запасом} «сверх узаконенного лимита в 14 миллионов, было поставлено условие, чтобы учетная ставка удерживалась на уровне 8 процентов. В такой момент и при такой учетной ставке было выгодно затребовать золото из Петербурга в Лондон и по его прибытии ссужать его из 8% до истечения срока трехмесячных векселей, которые выписывались за проданное золото. — 2573. При всяких операциях с золотом необходимо принимать во внимание различные моменты; речь идет о вексельном курсе и о процентной ставке, по которой можно до истечения срока векселя поместить деньги» {выданные под этот вексель}.

ВЕКСЕЛЬНЫЙ КУРС С АЗИЕЙ

Следующие моменты важны, так как, с одной стороны, они показывают, каким образом Англия при неблагоприятном вексельном курсе с Азией должна компенсировать себя за счет других стран, ввоз которых из Азии оплачивается при английском посредничестве. С другой стороны, так как г-н Уилсон опять делает здесь глупую попытку отождествить влияние вывоза благородного металла на вексельный курс с влиянием, оказываемым на вексельный курс вывозом капитала вообще, — причем в обоих случаях дело идет о вывозе не в качестве платежного или покупательного средства, а для капиталовложений. Прежде всего само собой понятно, что, если в Индию с целью вложения в железнодорожное строительство посылается столько-то миллионов фунтов стерлингов в виде ли благородного металла или в виде железнодорожных рельсов, — и то и другое представляет собой лишь различные формы перемещения известной суммы капитала из одной страны в другую; в частности, это такое перемещение, которое не входит в счет обычных торговых сделок и за которое экспортирующая страна не должна ожидать никаких иных поступлений, кроме получения годового дохода из выручки по эксплуатации этих железных дорог. Если такой экспорт совершается в форме благородного металла, то именно потому, что это благородный металл, следовательно, непосредственно пригодный для ссуды денежный капитал и базис всей денежной системы, такой экспорт — не обязательно при всяких условиях, но обязательно при условиях, указанных выше, — окажет прямое действие на денежный рынок, а значит и на процент-

* См. настоящий том, часть II, стр. 36. *Ред.*

ную ставку в стране, экспортирующей благородный металл. Столь же непосредственное действие окажет он и на вексельный курс. Благородный металл отсылается лишь тогда именно и постольку, когда и поскольку недостаточно предлагаемых на лондонском денежном рынке векселей, например, на Индию, для того чтобы осуществить такие экстраординарные переводы денег. Следовательно, имеет место спрос векселей на Индию, превышающий предложение, и, таким образом, в данный момент курс становится неблагоприятен для Англии не потому, что она в долгу перед Индией, а потому, что она должна послать в Индию экстраординарные суммы. Если такой вывоз благородного металла в Индию продолжается значительное время, то он приводит к увеличению индийского спроса на английские товары, так как косвенно повышает способность Индии потреблять европейские товары. Напротив, если капитал вывозится в форме рельсов и т. д., то это совершенно не может иметь влияния на вексельный курс, так как в этом случае Индии не приходится производить за это никаких возвратных платежей. По той же причине это не должно также оказывать никакого влияния на денежный рынок. Уилсон пытается доказать наличие такого влияния тем, что такие экстраординарные затраты вызывают якобы добавочный спрос на денежные ссуды и таким образом влияют на ставку процента. Это может случиться; но утверждать, что это должно иметь место при всяких обстоятельствах, было бы совершенно неправильно. Куда бы ни были посланы рельсы и где бы они ни были уложены, на английской или на индийской земле, они во всяком случае представляют лишь известное расширение английского производства в известной сфере. Утверждать, что увеличение производства, даже в очень широких пределах, не может совершиться без повышения ставки процента, было бы нелепо. Возможно, что будут возрастать денежные ссуды, то есть сумма тех сделок, в которые входят кредитные операции; но эти операции могут возрастать при неизменной ставке процента. Так действительно и было в Англии в 40-х годах во время железнодорожной горячки. Ставка процента не повысилась. И совершенно очевидно, что, поскольку речь идет о действительном капитале, то есть в данном случае о товарах, влияние, оказываемое на денежный рынок, будет совершенно одно и то же, предназначены ли эти товары для отправки за границу или для внутреннего потребления. Разница получилась бы лишь в том случае, если бы капиталовложения Англии за границей сокращали ее коммерческий экспорт,— экспорт, который должен быть оплачен и который, следовательно, вызывает обратный приток денег, — или если бы эти

капиталовложения уже вообще были симптомом крайнего напряжения кредита и начала спекулятивных операций.

В дальнейшем вопросы задает Уилсон, отвечает Ньюмарч:

«1786. Вы сказали раньше относительно спроса на серебро для Восточной Азии, что, по вашему мнению, вексельный курс с Индией благоприятен для Англии, несмотря на то, что в Восточную Азию непрерывно отсылаются значительные массы металлического резерва; имеете ли вы основания для этого? — Конечно... Я нахожу, что действительная стоимость вывоза Соединенного королевства в Индию в 1851 г. достигла 7420000 фунтов стерлингов. Сюда следует присоединить сумму векселей Индиа-хаус, то есть тех фондов, которые Ост-Индская компания переводит из Индии для покрытия своих собственных издержек. Эти тратты составляли в рассматриваемом году 3200000 ф. ст., так что весь вывоз Соединенного королевства в Индию равнялся 10620000 фунтов стерлингов. В 1855 году... действительная стоимость товарного экспорта возросла до 10350000 фунтов стерлингов; тратты Индиа-хаус составляли 3700000 фунтов стерлингов; следовательно, весь вывоз — 14050000 фунтов стерлингов. Для 1851 г. у нас, как мне кажется, нет возможности установить действительную стоимость ввоза товаров из Индии в Англию; но мы располагаем такими данными для 1854 и 1855 годов. В 1855 г. вся действительная стоимость ввоза товаров из Индии в Англию составляла 12670000 ф. ст., и эта сумма, при сравнении с 14050000 ф. ст. вывоза, дает в пользу Англии сальдо от непосредственной торговли между обеими странами в 1380000 фунтов стерлингов» [B. A. 1857].

Уилсон замечает на это, что на вексельный курс влияет также и косвенная торговля. Так, например, вывоз из Индии в Австралию и Северную Америку покрывается траттами на Лондон и влияет поэтому на вексельный курс совершенно таким же образом, как если бы товары шли непосредственно из Индии в Англию. Далее, если взять Индию и Китай вместе, то баланс окажется неблагоприятным для Англии, так как Китаю приходится постоянно производить значительные платежи Индии за опиум, а Англии приходится производить платежи Китаю, так что этим окольным путем суммы из Англии идут в Индию (1787, 1788).

1791. Уилсон спрашивает, не будет ли влияние на вексельный курс одинаковым как в том случае, если капитал

«вывозится в форме железнодорожных рельсов и локомотивов, так и в том случае, если он вывозится в форме металлических денег».

Ньюмарч отвечает на это совершенно правильно:

12 млн. ф. ст., посланные за последние годы в Индию для строительства железных дорог, послужили для покрытия годовой ренты, которую Индия должна уплачивать в определенные сроки Англии.

«Что же касается непосредственного влияния на рынок благородного металла, то затрата этих 12 млн. ф. ст. может оказать его лишь постольку,

поскольку металл приходилось вывозить для действительных расходов в виде денег» [1792].

1797. {Уэгелин спрашивает:} «Если в оплату за это железо» (рельсы) «не последует никаких поступлений, то как можно говорить, что оно влияет на вексельный курс? — Я не думаю, что та часть затрат, которая производится в форме вывоза товаров, влияет на состояние вексельного курса... на вексельный курс между двумя странами оказывает влияние — можно сказать, исключительно — количество облигаций или векселей, предлагаемых в одной стране, по сравнению с количеством, предлагаемым в то же самое время в другой стране; такова рациональная теория вексельного курса. Что касается перевода 12 миллионов... то эти 12 миллионов сначала были подписаны здесь; если бы сделка была такого рода, что все эти 12 миллионов осели бы в виде звонкой монеты в Калькутте, Бомбее или Мадрасе... то такой внезапный спрос оказал бы потрясающее действие как на цену серебра, так и на вексельный курс — совершенно так же, как если бы Ост-Индская компания заявила завтра, что она увеличивает свои тратты с 3 до 12 миллионов. Но половина этих 12 миллионов израсходована... на покупку товаров в Англии... железнодорожных рельсов, леса и других материалов... это — расход английского капитала в самой Англии на известный сорт товаров, который отправляется в Индию, и этим дело исчерпывается». — 1798. {Уэгелин:} «Но производство этих необходимых для железных дорог товаров, железа и лесоматериалов, вызывает значительное потребление заграничных товаров, а это последнее могло бы повлиять на вексельный курс? — Конечно».

Уилсон высказывает мнение, что железо представляет главным образом труд и что заработная плата, уплаченная за этот труд, представляет главным образом импортированные товары (1799), и затем спрашивает:

«1801. Но говоря вообще: если товары, произведенные при посредстве потребления этих импортированных товаров, вывозятся таким образом, что мы не получаем за них никакого возмещения, — в продуктах ли, или как-либо иначе, — не будет ли это иметь своим последствием неблагоприятный для нас курс? — Это общее положение как раз соответствует тому, что имело место в Англии во время усиленного железнодорожного строительства» {1845}. «В течение трех, четырех или пяти лет подряд вы вложили в железные дороги 30 млн. ф. ст., и почти вся эта сумма пошла на заработную плату. В продолжение трех лет вы содержали на строительстве железных дорог, локомотивов, вагонов и вокзалов больше народа, чем во всех фабричных районах, вместе взятых. Эти люди... тратили свою заработную плату на чай, сахар, спиртные напитки и другие иностранные товары; товары эти приходилось ввозить, и, однако, несомненно, что в течение всего времени, когда производились эти огромные затраты, вексельный курс между Англией и другими странами не претерпел существенных изменений. Отлива благородных металлов не наблюдалось, напротив, скорее имел место прилив их».

1802. Уилсон настаивает на том положении, что при равновесии торгового баланса и курсе al pari* между Англией и Индией экстраординарный вывоз железа и локомотивов «должен повлиять на вексельный курс с Индией». Ньюмарч не видит,

* — по паритету. *Ред.*

почему это должно быть так, ибо рельсы экспортируются как капитал и Индия не должна оплачивать их в той или другой форме; к этому он добавляет:

«Я согласен с тем положением, что ни одна страна не может продолжительное время иметь неблагоприятный вексельный курс со всеми странами, с которыми она ведет торговлю; неблагоприятный вексельный курс с одной страной неизбежно создает благоприятный курс с другой страной».

Этому Уилсон противопоставляет следующую тривиальность:

«1803. Но разве перемещение капитала зависит от того, в какой форме оно совершается? — Да, конечно, поскольку дело касается долговых обязательств. — 1804. Итак, посылаете ли вы благородный металл или товары, влияние железнодорожного строительства в Индии на здешний рынок капиталов будет одно и то же и повысит стоимость капитала совершенно так же, как если бы вся сумма была вывезена в виде благородного металла?»

Если цены железа не возросли, то это доказывает во всяком случае, что «стоимость» содержащегося в рельсах «капитала» не увеличилась. То, о чем здесь идет речь, это — стоимость денежного капитала, процентная ставка. Уилсон хотел бы отождествить денежный капитал и капитал вообще. Факт заключается просто в том, что в Англии по подписке на акции индийских железных дорог собрано 12 миллионов. Это обстоятельство вовсе не имеет прямого отношения к вексельному курсу, и на денежный рынок эти 12 миллионов опять-таки не могут повлиять. Если денежный рынок находится в благоприятном положении, то это вообще может не оказать никакого влияния, подобно тому как не затронула его подписка на акции английских железных дорог в 1844 и 1845 годах. Если же денежный рынок уже до известной степени стеснен, то это, конечно, могло бы повлиять на уровень процента, но лишь в сторону повышения, а по теории Уилсона это должно было бы сделать курс более благоприятным для Англии, то есть противодействовать тенденции к вывозу благородного металла, — если не в Индию, то в другие страны. Г-н Уилсон перескакивает от одного к другому. Отвечая на вопрос под № 1802, он утверждает, что должен быть затронут вексельный курс; в № 1804 — что затрагивается «стоимость капитала», — а это две совершенно различные вещи. Ставка процента может влиять на вексельный курс и вексельный курс на ставку процента, и тем не менее при изменяющемся курсе ставка процента, а при изменяющейся ставке процента курс могут оставаться постоянными. В голове Уилсона не укладывается мысль, что при вывозе капитала за границу такое различие влияния создает самая форма, в которой проис-

ходит этот вывоз, то есть столь важное значение имеет различие форм капитала и притом как раз денежная его форма, что совершенно противоречит воззрениям «просвещенных» экономистов. Ньюмарч отвечает Уилсону односторонне, поскольку совершенно не обращает внимания последнего на его внезапный и ничем не мотивированный переход от вексельного курса к ставке процента. Ньюмарч отвечает на указанный вопрос 1804 неуверенно и неопределенно:

«Раз требуется найти 12 миллионов, то, поскольку дело касается общей процентной ставки, без сомнения несущественно, пересылаются ли эти 12 миллионов в виде благородного металла или в виде материалов. Я все же думаю» {не дурно это «все же» в виде перехода к прямо противоположному утверждению}, «что это не совсем несущественно» {это несущественно, но все же не несущественно}, «так как в одном случае 6 млн. ф. ст. немедленно притекли бы обратно; в другом случае они не притекли бы так быстро. Поэтому до некоторой степени» {какая определенность!} «не все равно, будут ли эти 6 миллионов затрачены здесь в стране, или же они целиком будут экспортированы».

Что должно означать утверждение, что 6 миллионов тотчас же притекли бы обратно? Поскольку 6 млн. ф. ст. затрачены в Англии, они существуют в виде рельсов, локомотивов и т. п., которые должны быть отправлены в Индию, откуда они не вернутся назад, и стоимость их возвратится лишь посредством амортизации, то есть очень медленно, в то время как 6 миллионов благородного металла, быть может, гораздо скорее вернутся in natura*. Поскольку 6 миллионов затрачены на заработную плату, они съедены; но деньги, в виде которых они авансировались, по-прежнему обращаются в стране или составляют резерв. То же самое относится к прибыли производителей рельсов и той части 6 миллионов, которая возмещает их постоянный капитал. Итак, двусмысленная фраза о возврате капиталов употреблена Ньюмарчем лишь для того, чтобы не сказать прямо: деньги остались в стране и, поскольку они функционируют как ссудный денежный капитал, разница для денежного рынка (отвлекаясь от того, что обращение могло бы, быть может, поглотить большее количество металлических денег) заключается лишь в том, что они расходуются за счет *A,* а не *B*. Вложение подобного рода, при котором капитал вывозится в другие страны в виде товаров, а не в виде благородного металла, лишь постольку может оказать влияние на вексельный курс (и притом не на вексельный курс с той страной, куда вкладывается капитал), поскольку производство таких экспортируемых товаров требует добавочного импорта других

* — в натуральной форме. *Ред.*

иностранных товаров. В таком случае это производство не служит устранению этого добавочного импорта. Но то же самое имеет место при всяком экспорте в кредит, безразлично для чего — для новых капиталовложений или для обычных торговых целей. Кроме того, этот добавочный импорт может путем обратного влияния вызвать добавочный спрос на английские товары со стороны, например, колоний или Соединенных Штатов.

Раньше Ньюмарч говорил, что вследствие тратт Ост-Индской компании вывоз из Англии в Индию больше, чем ввоз. Сэр Чарлз Вуд подвергает его в этом пункте перекрестному допросу. Это превышение английского вывоза в Индию по сравнению с ввозом из Индии в действительности достигается благодаря такому ввозу из Индии, за который Англия не уплачивает никакого эквивалента: тратты Ост-Индской компании (в настоящее время ост-индского правительства) сводятся к дани, взимаемой с Индии. Возьмем для примера 1855 год: ввоз из Индии в Англию — 12670000 фунтов стерлингов; английский вывоз в Индию — 10350000 фунтов стерлингов. Баланс в пользу Индии — 2250000 фунтов стерлингов.

«Если бы этим дело исчерпывалось, то эти 2250000 ф. ст. пришлось бы в той или иной форме отправить в Индию. Но тут выступают на сцену требования со стороны Индиа-хаус. Индиа-хаус объявляет, что он в состоянии выдать тратты на различные президентства Индии в размере 3250000 фунтов стерлингов». {Эта сумма взималась для погашения лондонских издержек Ост-Индской компании и уплаты дивидендов акционерам.} «А это не только погашает торговый баланс в 2250000 ф. ст., но и дает миллион избытка» (1917). [B. A. 1857]

1922. {Вуд:} «Следовательно, влияние этих тратт Индиа-хаус сказывается не в возрастании вывоза в Индию, но в уменьшении его pro tanto*?»

{Это должно означать — в уменьшении необходимости покрывать ввоз из Индии такой же суммой вывоза туда.} Г-н Ньюмарч объясняет это тем, что англичане за эти 3700000 ф. ст. импортируют в Индию «хорошее управление» (1925). Вуд, в качестве министра по делам Индии очень хорошо знакомый с «хорошим управлением», которое ввозилось англичанами в Индию, делает следующее правильное и ироническое замечание (1926):

«В этом случае тот вывоз, который, по вашим словам, является результатом тратт Индиа-хаус, есть вывоз хорошего управления, а не товаров».

Так как Англия много экспортирует «таким образом» для «хорошего управления» и для вложения капиталов в других странах, — следовательно, осуществляет ввоз, совершенно

---

* — соответственно. *Ред.*

независимый от обычного хода дел, получает дань частью за экспортированное «хорошее управление», частью как доход с капиталов, вложенных в колониях и других странах, дань, за которую ей не приходится уплачивать никакого эквивалента, то ясно, что вексельный курс не отреагирует, если Англия просто съедает эту дань без встречного экспорта; ясно также, что курсы не затрагиваются и в том случае, если Англия опять помещает эту дань не у себя, а, производительно или непроизводительно, за границей: если, например, она за счет этой дани посылает боеприпасы и снаряжения в Крым. К тому же, поскольку ввоз из-за границы входит в доход Англии (оплачиваться он, конечно, должен или в виде дани, не требующей эквивалента, или путем обмена на эту неоплаченную дань, или обычным в торговле путем), Англия может его или потребить или снова вложить в дело в качестве капитала. Но ни то, ни другое на вексельный курс не влияет, и это упускает из виду мудрый Уилсон. Составляет ли известную часть дохода отечественный или иностранный продукт — причем последний случай предполагает лишь обмен отечественных продуктов на иностранные — потребление этого дохода, производительное или непроизводительное, нисколько не изменяет вексельного курса, хотя и оказывает влияние на общий масштаб производства. Это необходимо иметь в виду при оценке нижеследующего.

1934. Вуд спрашивает, каким образом отправка боеприпасов и снаряжения в Крым могла бы повлиять на вексельный курс с Турцией. Ньюмарч отвечает:

«Я не вижу, почему бы должна непременно отразиться на вексельном курсе простая отправка боеприпасов и снаряжения, но отправка благородного металла несомненно сказалась бы на курсе».

Следовательно, здесь он отличает капитал в денежной форме от других форм капитала. Но вот Уилсон задает следующий вопрос:

«1935. Если вы производите в широких размерах экспорт какого-либо товара, не получая взамен соответствующего импорта»

{г-н Уилсон забывает, что по отношению к Англии имеет место весьма значительный импорт, взамен которого никогда не было соответствующего экспорта, за исключением экспорта в форме «хорошего управления» или вывезенного раньше капитала для инвестиций; во всяком случае это не такой импорт, который входит в регулярный торговый оборот. Но предметы этого импорта снова обмениваются, например на американские продукты; и если американские продукты экспортируются без соответствующего импорта, это ничуть не изменяет того

обстоятельства, что стоимость этого импорта может быть потреблена без эквивалентного вывоза за границу; он осуществлен без соответствующего экспорта и, следовательно, может быть потреблен, не входя в торговый баланс},

«то вы не уплачиваете заграничного долга, который вы сделали благодаря вашему ввозу»

{Но если вы уже ранее оплатили этот импорт, например, посредством заграничного кредита, то при этом не будет сделано никакого долга, и вопрос не имеет ничего общего с международным балансом, — он сводится к производительной или непроизводительной затрате, причем совершенно безразлично, произведены ли потребленные продукты внутри страны или за границей}

«и потому такой сделкой вы повлияете на вексельный курс, так как заграничный долг не уплачивается вследствие того, что ваш экспорт не имеет соответствующего импорта. — Это справедливо по отношению к различным странам вообще».

Лекция Уилсона сводится к тому, что всякий экспорт без соответствующего импорта есть в то же время импорт без соответствующего экспорта, потому что в производство экспортированных товаров входят иностранные, следовательно, импортированные товары. Предполагается, что всякий такой экспорт основывается на неоплаченном импорте или создает его, — следовательно, предполагает или создает заграничный долг. Это ложно, даже если оставить в стороне следующие два обстоятельства: 1) Англия имеет даровой импорт, за который она не уплачивает никакого эквивалента; такова, например, часть ее индийского импорта. Она может обменять его предметы на предметы американского импорта, а предметы последнего экспортировать без соответствующего импорта; что касается стоимости, то Англия при этом во всяком случае экспортирует лишь то, что ей ничего не стоило. И 2) Англия, быть может, уже оплатила импорт, например, американский, который образует добавочный капитал; если она затем потребляет его непроизводительно, например в виде боеприпасов и снаряжения, то это не образует долга по отношению к Америке и не затрагивает вексельного курса с Америкой. Ньюмарч сам противоречит себе в показаниях 1934 и 1935, на что и указывает ему Вуд в вопросе 1938:

«Если ни одна часть товаров, употребляемых для изготовления тех предметов, которые мы вывозим без соответствующего возврата» {военные расходы}, «не получается из страны, куда экспортируются эти предметы,

то каким образом может это повлиять на вексельный курс с этой страной? Если допустить, что торговля с Турцией находится в обычном состоянии равновесия, каким образом вексельный курс между Англией и Турцией может быть подвержен влиянию вывоза боеприпасов и снаряжения припасов в Крым?».

Здесь Ньюмарч теряет душевное равновесие; он забывает, что в показании под № 1934 он уже правильно ответил на этот простой вопрос, и говорит:

«Мне кажется, что мы уже исчерпали практический вопрос, и мы вступаем теперь в очень возвышенную область метафизической дискуссии».

{Уилсон дает еще и иную формулировку своему утверждению, будто на вексельный курс влияет всякий вывоз капитала из одной страны в другую, совершается ли он в форме благородного металла или в форме товаров. Уилсон знает, конечно, что на вексельный курс влияет процентная ставка, а именно отношение между ставками процента тех двух стран, о взаимном вексельном курсе которых идет речь. Если ему удастся показать, что избыток капитала вообще, то есть прежде всего избыток товаров всякого рода, включая сюда и благородные металлы, оказывает в числе других обстоятельств определяющее влияние на ставку процента, то он уже делает шаг, приближающий его к цели; в самом деле, раз это так, вывоз значительной части этого капитала из одной страны в другую должен изменить ставку процента в обеих странах, а именно в противоположном направлении, и таким образом во вторую очередь должен воздействовать на вексельный курс между обеими странами. — *Ф. Э.*}

Он пишет в «Economist», редактором которого он в то время состоял ([22 мая] 1847 г., стр. 574):

«Очевидно, что такой избыток капитала, на который указывают большие запасы всякого рода, включая сюда и благородный металл, неизбежно должен повести не только к низким ценам на товары вообще, но и к более низкой ставке процента за пользование капиталом (1). Если мы имеем в наличности запас товаров, достаточный для страны в течение двух ближайших лет, то получить эти товары в свое распоряжение в течение известного периода можно по гораздо более низкой ставке, чем в том случае, если бы запаса едва хватило на два месяца (2). Всякие денежные займы, в какой бы форме они ни совершались, представляют лишь переход права распоряжаться товарами от одного лица к другому. Поэтому, если товары имеются в избытке, денежный процент должен быть низок, если товаров мало, он должен быть высок (3). Если приток товаров превышает их сбыт, то число продавцов по сравнению с числом покупателей будет увеличиваться, и в той мере, в которой количество товаров превышает нужды

непосредственного потребления, все большая и большая часть их должна сохраняться для позднейшего потребления (4). При таких обстоятельствах товаровладелец согласится продать их с отсрочкой платежа или в кредит на условиях менее для него выгодных, чем в том случае, если бы он был уверен, что весь его запас будет продан в течение немногих недель».

По поводу положения 1) необходимо заметить, что сильный *прилив* благородного металла может иметь место одновременно с *сокращением* производства, как это и наблюдается всегда непосредственно после кризиса. В следующей фазе благородный металл может притекать из стран, которые по преимуществу производят благородный металл, ввоз других товаров в этот период обыкновенно уравновешивается вывозом. В этих двух фазах ставка процента низка и лишь медленно повышается; почему это так, мы уже видели. Эта низкая процентная ставка во всех случаях объяснима помимо влияния каких бы то ни было «больших запасов всякого рода». И как могло бы иметь место такое влияние? Низкая цена, например, хлопка дает возможность прядильщикам и т. д. получать высокую прибыль. Почему же низка ставка процента? Конечно, не потому, что высока прибыль, получаемая при помощи взятого взаймы капитала. Но единственно и исключительно потому, что при существующих обстоятельствах спрос на ссудный капитал не растет пропорционально росту этой прибыли; следовательно, движение ссудного капитала отлично от движения промышленного капитала. Между тем «Economist» стремится доказать как раз противоположное: что движение его тождественно с движением промышленного капитала.

Положение 2), если даже нелепую предпосылку, что имеется запас, обеспечивающий потребление на два года вперед, мы смягчаем в такой степени, что она приобрела некоторый смысл, предполагает переполнение товарного рынка. При этом происходит понижение цен. За кипу хлопка надо будет платить теперь меньше, чем раньше. Но отсюда никоим образом не следует, что деньги для покупки кипы хлопка можно достать дешевле. Процентная ставка зависит от состояния денежного рынка. Если их можно достать дешевле, то только потому, что коммерческий кредит находится в таком положении, при котором к банковскому кредиту прибегают в меньшей мере, чем в обычное время. Товары, переполняющие рынок, представляют собой жизненные средства или средства производства. Низкая цена тех и других повышает прибыль промышленного капиталиста. По какой же причине понижается процент, если не вследствие противоположности — а отнюдь не тождества — между обилием промышленного капитала и спросом на денежные ссуды?

Обстоятельства складываются таким образом, что купцу и промышленнику легче оказывать друг другу кредит; вследствие такого облегчения коммерческого кредита и промышленник и купец менее нуждаются в банковском кредите; поэтому процентная ставка может быть низкой. Эта низкая процентная ставка не имеет ничего общего с приливом благородного металла, хотя и то и другое могут наблюдаться одновременно, и те же самые причины, которые вызывают понижение цен предметов ввоза, могут создать также избыток ввезенного благородного металла. Если бы рынок импорта был действительно переполнен, это указывало бы на уменьшение спроса на импортные товары, что при низких ценах могло бы быть объяснено лишь как результат сокращения отечественного промышленного производства; а это было бы, в свою очередь, необъяснимо при чрезмерном ввозе по низким ценам. Сплошные нелепости, цель которых — показать, что падение цен = падению процента. То и другое может происходить рядом в одно и то же время. По в таком случае это — выражение противоположности направлений, в которых совершается движение промышленного и движение ссудного денежного капитала, а не выражение их тождества.

Почему денежный процент, как это утверждает положение 3), должен быть низок, если товары имеются в избытке, опять-таки нельзя понять и после этих рассуждений. Раз товары дешевы, то для покупки определенного количества их мне нужно, скажем, 1000 ф. ст. вместо прежних 2000. Но, быть может, я и теперь затрачу 2000 ф. ст., куплю на них двойное по сравнению с прежним количество товаров и расширю мое предприятие, авансировав тот же самый капитал, который мне, допустим, пришлось взять взаймы. Я покупаю теперь, как и прежде, на 2000 фунтов стерлингов. Следовательно, мой спрос на денежном рынке остается неизменным, хотя мой спрос на товарном рынке с понижением цен повышается. Но если последний падает, то есть если производство — в противоречии со всеми законами «Economist» — не расширяется с падением товарных цен, то и спрос на ссудный денежный капитал должен был бы уменьшиться, хотя прибыль возрастала бы; однако эта возрастающая прибыль создала бы спрос на ссудный капитал. Впрочем, низкий уровень товарных цен может проистекать от трех причин. Во-первых, от недостаточного спроса. Тогда ставка процента низка потому, что производство слабое, а не потому, что товары дешевы, так как эта дешевизна лишь отражает указанное ослабление. Или причиной может послужить избыток предложения по сравнению со спросом. Это может иметь место

вследствие переполнения рынков и т. д., ведущего к кризису, и во время самого кризиса может совпадать с высокой процентной ставкой, или же это может произойти вследствие того, что упала стоимость товаров и, следовательно, тот же самый спрос может быть удовлетворен по более низким ценам. Почему в этом последнем случае должна падать ставка процента? Потому, что растет прибыль? Если потому, что теперь требуется меньше денежного капитала, чтобы получить тот же самый производительный или товарный капитал, то это доказывало бы лишь, что прибыль и процент стоят в обратном отношении друг к другу. Во всяком случае общее положение «Economist» ложно. Низкие денежные цены товаров и низкая процентная ставка не обязательно совпадают. В противном случае в наиболее бедных странах, где денежные цены продуктов самые низкие, и ставка процента должна бы быть самой низкой, а в наиболее богатых странах, где денежные цены продуктов земледелия самые высокие, и процентная ставка должна бы быть самой высокой. В общем и «Economist» соглашается, что если падает стоимость денег, то это не оказывает никакого влияния на уровень процента. 100 ф. ст. будут по-прежнему давать 105 фунтов стерлингов; если 100 ф. ст. стоят теперь меньше, то меньше стоят и 5 ф. ст. процента. Отношение не изменяется вследствие повышения стоимости или обесценения первоначальной суммы. Определенное количество товаров, рассматриваемое как стоимость, равно известной денежной сумме. Если его стоимость повышается, то оно равно большей денежной сумме; обратное имеет место при понижении стоимости. Если стоимость = 2000, то 5% = 100; если она = 1000, то 5% = 50. Но это нисколько не изменяет ставки процента. Правильно лишь одно, что требуются более крупные денежные ссуды, когда необходимы 2000 ф. ст. вместо 1000 ф. ст. для того, чтобы могло быть продано то *же* самое количество товаров. Но это обнаруживает в данном случае лишь обратное отношение между прибылью и процентом. Ибо прибыль растет с удешевлением элементов постоянного и переменного капитала, а процент падает. Однако может быть и зачастую бывает наоборот. Например, хлопок может быть дешев вследствие того, что нет спроса на пряжу и ткани; он может быть относительно дорог вследствие того, что большая прибыль в хлопчатобумажной промышленности вызывает большой спрос на него. С другой стороны, прибыль промышленников может быть высока именно потому, что цена хлопка низка. Таблица Хаббарда показывает, что движение ставки процента и движение товарных цен протекают совершенно независимо одно от другого, в то время как движение ставки

процента точно сообразуется с движением металлического запаса и вексельного курса*.

«Следовательно, если товары имеются в избытке, денежный процент должен быть низок», — говорит «Economist».

Как раз противоположное наблюдается во время кризисов; товары имеются в избытке, не могут быть превращены в деньги, и потому ставка процента высока; в другой фазе цикла имеет место усиленный спрос на товары, поэтому облегчен обратный приток капитала, но в то же время товарные цены повышаются, а вследствие легкости обратного притока денег ставка процента низка.

«Если их» {товаров} «мало, она должна быть высока».

Опять-таки как раз обратное происходит в периоды депрессии [Abspannung] вслед за кризисом. Товаров мало — абсолютно, а не по отношению к спросу, — а ставка процента низка.

К положению 4). Достаточно ясно, что при переполненном рынке владелец товаров уступит их дешевле, — если он вообще в состоянии их продать, — чем в том случае, когда предвидится быстрое истощение наличных запасов товаров. Менее ясно, почему при этом должна понижаться ставка процента.

Если рынок переполнен импортированными товарами, то ставка процента может повышаться вследствие возросшего спроса на ссудный капитал со стороны собственников, не желающих выбрасывать во что бы то ни стало товары на рынок. Она может понижаться вследствие того, что легкость коммерческого кредита поддержит на сравнительно низком уровне спрос на банковский кредит.

«Economist» упоминает о быстром воздействии на [вексельный] курс 1847 г., которое было оказано повышением процентной ставки и давлением иного рода на денежный рынок. Не следует, однако, забывать, что, несмотря на изменение курса, золото продолжало отливать до конца апреля; поворот наступил здесь лишь в начале мая.

«1 января 1847 г. металлический запас Банка составлял 15066691 фунт стерлингов; учетная ставка $3^1/_2$%; трехмесячный курс на Париж 25,75%; на Гамбург 13,10%; на Амстердам $12{,}3^1/_4$%. 5 марта металлический запас упал до 11595535 фунтов стерлингов; учетная ставка поднялась до 4%; вексельный курс на Париж упал до $25{,}67^1/_2$%, на Гамбург — до $13{,}9^1/_4$%, на Амстердам — до $12{,}2^1/_2$%. Отлив золота продолжался».

* См. настоящий том, часть II, стр. 97—98. *Ред.*

См. следующую таблицу [из той же статьи в журнале «Economist»]

1847 г.	Запас благородных металлов в Английском банке	Состояние денежного рынка	Наивысшая котировка трехмесячных векселей		
			Париж	Гамбург	Амстердам
20 марта	11 236 630 ф. ст.	Учетн. ставка 4%	25,67 1/2	13,9 3/4	12,2 1/2
3 апр.	10 246 410 » »	» » 5%	25,80	13,10	12,3 1/2
10 »	9 867 053 » »	Деньги очень редки	25,90	13,10 1/2	12,4 1/2
17 »	9 329 941 » »	Учетн. ставка ……………5 1/2%	26,02 1/2	13,10 3/4	12,5 1/2
24 »	9 213 890 » »	Угнетение	26,05	13,12	12,6
1 мая	9 337 716 » »	Возрастающее угнетение	26,15	13,12 3/4	12,6 1/2
8 »	9 588 759 » »	Наивысшая точка угнетения	26,27 1/2	13,15 1/2	12,7 3/4

В 1847 г. весь экспорт благородного металла из Англии составлял 8602597 фунтов стерлингов.

Из этой суммы вывезено в	Соединенные Штаты	3 226 411	ф. ст.
» » » » »	Францию	2 479 892	» »
» » » » »	Ганзейские города	958 781	» »
» » » » »	Голландию	247 743	» »

Несмотря на изменение курса в конце марта, еще целый месяц продолжается отлив золота; вероятно, в Соединенные Штаты.

«Здесь мы видим» {говорит «Economist», от 21 августа 1847 г., стр. 954}, «как быстро и решительно повышение процентной ставки и последовавшее за ним затруднение с деньгами исправило неблагоприятный курс и изменило движение золота, так что последнее стало снова приливать в Англию. Это действие было вызвано совершенно независимо от состояния платежного баланса. Повышенная ставка процента понизила курсы ценных бумаг, английских и иностранных, и дала повод к большим закупкам их за счет заграницы. Это увеличило сумму выписанных Англией векселей, между тем как, с другой стороны, при высокой ставке процента трудность добывать деньги была настолько велика, что спрос на эти векселя уменьшился, в то время как их сумма возросла. По той же причине заказы на иностранные товары были аннулированы, английские капиталы в иностранных ценных бумагах были реализованы и деньги были направлены для помещения в Англию. Так, например, мы читаем в «Rio de Janeiro Price Current» от 10 мая: «Вексельный курс» {на Англию} «испытал новое понижение, вызванное главным образом давлением, оказываемым на рынок спросом на римессы для выручки от значительных продаж государственных ценных бумаг» {бразильских} «за английский счет»».

Английский капитал, который вкладывался за границей в различные ценные бумаги, когда ставка процента здесь была очень низка, вернулся, таким образом, назад, когда ставка процента повысилась.

ТОРГОВЫЙ БАЛАНС АНГЛИИ

Одна Индия должна уплачивать около 5 миллионов дани за «хорошее управление», проценты и дивиденды на британский капитал и т. п., кроме тех сумм, которые ежегодно отправляются в Англию с целью помещения их там, частью чиновниками в виде сбережений из их жалованья, частью английскими купцами в виде доли их прибыли. По тем же причинам из каждой британской колонии непрерывно поступают значительные переводы денег. Большинство банков в Австралии, Вест-Индии, Канаде основаны на британском капитале, дивиденды должны уплачиваться в Англии. Кроме того, Англия обладает значительным количеством иностранных государственных бумаг — европейских, южно- и североамериканских, по которым она получает проценты. К этому присоединяется еще и ее участие в эксплуатации железных дорог, каналов, рудников и т. д. с соответствующими дивидендами. Платежи по всем этим статьям производятся почти исключительно продуктами, сверх суммы английского вывоза. Суммы, поступающие, с другой стороны, из Англии за границу к владельцам английских ценных бумаг, и суммы, потребляемые англичанами за границей, составляют по сравнению с этим ничтожную величину.

Вопрос этот, поскольку он касается торгового баланса и вексельного курса, является

«в каждый данный момент вопросом времени. Обыкновенно... Англия оказывает долгосрочный кредит под свой вывоз, в то время как ввоз она оплачивает наличными. В известный момент это различие в сроках платежей оказывает значительное влияние на курс. В периоды, когда наш вывоз значительно возрастает, как, например, в 1850 г., неуклонно увеличиваются вложения английского капитала... таким образом, получения за товары, экспортированные в 1849 г., могут поступать лишь в 1850 году. Но если в 1850 г. вывоз превысил вывоз 1849 г. на 6 миллионов, то практический результат был тот, что в этом году за пределы страны отправлено больше денег, чем их возвращено назад; и таким путем оказывается влияние на вексельный курс и на уровень процента. Но как только наши дела оказываются под угнетающим воздействием кризиса и наш вывоз сильно сокращается, получения за более крупный экспорт предшествующих лет начинают значительно превышать стоимость нашего импорта; курс в соответствии с этим обращается в нашу пользу, капитал быстро накопляется внутри страны и ставка процента падает» («Economist», 11 января 1851 г. [стр. 30]).

Заграничный вексельный курс может изменяться:

1) под влиянием платежного баланса в данный момент, какими бы причинами ни определялся этот баланс, — чисто торговыми, помещением капитала за границей или же государственными расходами на ведение войн и т. д., поскольку при этом производятся наличными деньгами платежи за границей.

2) Под влиянием обесценения в данной стране денег, — металлических или бумажных. В этом случае изменение курса чисто номинальное. Если 1 фунт стерлингов представляет в данный момент половину тех денег, которые он представлял раньше, то, само собой разумеется, его примут по 12½ франка вместо 25.

3) Если речь идет о вексельном курсе между двумя странами, из которых одна употребляет в качестве денег серебро, другая золото, то вексельный курс зависит от колебаний относительной стоимости обоих металлов, ибо такие колебания очевидно изменяют паритет между обоими металлами. Примером последнего могут служить курсы 1850 года; они были неблагоприятны для Англии, хотя ее экспорт чрезвычайно возрос; тем не менее не наблюдалось отлива золота. Это было результатом внезапного повышения стоимости серебра по сравнению со стоимостью золота. (См. «Economist», 30 ноября 1850 г. [стр. 1319—1320].)

Паритет вексельного курса за 1 фунт стерлингов: на Париж 25 франков 20 сантимов; на Гамбург 13 марок-банко 10½ шиллинга; на Амстердам 11 флоринов 97 центов. По мере того как вексельный курс на Париж поднимается выше 25,20, он становится все более благоприятным для английского должника Франции или для покупателя французских товаров. И тот и другой нуждаются теперь в меньшем количестве фунтов стерлингов для того, чтобы достигнуть своей цели. — В отдаленных странах, где благородный металл получить не легко, когда векселя редки и их не хватает для производства платежей Англии, естественным следствием является поднятие цен тех продуктов, которые обыкновенно вывозятся в Англию, так как на эти продукты возникает повышенный спрос с целью отправки их в Англию вместо векселей; это часто имеет место в Индии.

Неблагоприятный вексельный курс и даже отлив золота может иметь место в тот момент, когда в Англии наблюдается большой избыток денег, низкая ставка процента и высокие курсы ценных бумаг.

В течение 1848 г. Англия получила большое количество серебра из Индии, так как хорошие векселя были редки, а посредственные брались неохотно вследствие кризиса 1847 г.

и сильного упадка кредита в операциях с Индией. Все это серебро тотчас же по прибытии нашло себе дорогу на континент, где революция повсеместно обусловила усиленное образование сокровищ. В 1850 г. это же самое серебро совершало по большей части обратное путешествие в Индию, так как состояние вексельного курса теперь делало это выгодным.

Монетарная система по преимуществу — католическая, кредитная по преимуществу — протестантская. «The Scotch hate gold»[*]. В бумажных деньгах денежное бытие товаров является лишь общественным бытием. Лишь *вера* дает спасенье[21]. Вера в денежную стоимость как имманентный дух товаров, вера в способ производства и его предустановленный порядок, вера в отдельных агентов производства как простое олицетворение самовозрастающего по своей стоимости капитала. Но кредитная система столь же мало освободилась от базиса монетарной системы, как мало протестантизм освободился от основ католицизма.

---

[*] — «Шотландцы ненавидят золото». *Ред.*

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ
ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Капитал, приносящий проценты, или — как мы можем назвать его по его старинной форме — ростовщический капитал, вместе со своим близнецом, купеческим капиталом, принадлежит к допотопным формам капитала, которые задолго предшествуют капиталистическому способу производства и наблюдаются в самых различных общественно-экономических формациях.

Для существования ростовщического капитала необходимо, чтобы по крайней мере часть продуктов превратилась в товары и наряду с товарной торговлей получили развитие деньги в своих различных функциях.

Развитие ростовщического капитала связано с развитием купеческого капитала и особенно денежно-торгового капитала. В Древнем Риме со времени последних лет существования республики, где мануфактура стояла гораздо ниже среднего уровня развития в античном мире, купеческий капитал, денежно-торговый капитал и ростовщический капитал достигли — в пределах античных форм — высшего пункта развития.

Мы видели, каким образом деньги неизбежно приводят к образованию сокровищ[22]. Однако профессиональный собиратель сокровищ приобретает важное значение лишь тогда, когда он превращается в ростовщика.

Купец берет деньги взаймы для того, чтобы при их помощи делать прибыль, применять их как капитал, то есть затрачивать. Следовательно, и в прежних формах денежный кредитор противостоит ему совершенно так же, как современному капиталисту. Специфический характер этого отношения чувствовали уже католические университеты.

«Университеты Алькалы, Саламанки, Ингольштадта, Фрейбурга в Брейсгау, Майнца, Кёльна и Трира один за другим признали правомерность взимания процентов по торговым займам. Эти санкции со стороны

первых пяти университетов были занесены в архивы консулата города Лиона и напечатаны в приложении к «Traite de l'usure et des interets». Lyon, Bruyset-Ponthus» (M. Augier. «Du Credit public etc.». Paris, 1842, p. 206).

Во всех тех формах, в которых хозяйство, основанное на рабском труде (не патриархальное, а как оно сложилось в позднейшую греческую и римскую эпохи), существует как средство обогащения, где, следовательно, деньги служат средством присвоения чужого труда через куплю рабов, земли и т. д., — именно потому, что деньги могут быть затрачены таким способом, они приобретают способность применяться как капитал, начинают приносить проценты.

Однако характерные формы существования ростовщического капитала во времена, предшествовавшие капиталистическому способу производства, были две. Я говорю характерные формы. Эти же самые формы повторяются затем и на базисе капиталистического производства, но лишь как подчиненные формы. Здесь они уже не являются формами, определяющими характер капитала, приносящего проценты. Эти две формы следующие: *во-первых,* ростовщичество путем предоставления денежных ссуд расточительной знати, преимущественно земельным собственникам; *во-вторых,* ростовщичество путем предоставления денежных ссуд мелким, владеющим условиями своего труда производителям, к числу которых принадлежит ремесленник, но в особенности крестьянин, так как при докапиталистических отношениях, поскольку они вообще допускают существование мелких самостоятельных, индивидуальных производителей, огромное большинство последних составляет класс крестьян.

И то и другое, — как разорение богатых земельных собственников ростовщичеством, так и высасывание соков из мелких производителей, — приводит к образованию и концентрации крупных денежных капиталов. Как далеко заходит в связи с этим разложение старого способа производства, как, например, в современной Европе, и становится ли на его место капиталистический способ производства, — это зависит всецело от исторической ступени развития и от обусловленных ею обстоятельств.

Ростовщический капитал, как характерная форма капитала, приносящего проценты, соответствует преобладанию мелкого производства крестьян, живущих своим трудом, и мелких мастеров-ремесленников. Там, где — как при развитом капиталистическом способе производства — условия труда и продукт труда противостоят рабочему как капитал, рабочий в качество производителя не имеет нужды занимать деньги. Если же он

занимает деньги, то для своих личных нужд, как, например, в ссудной кассе. Но там, где работник является собственником — действительным или номинальным — условий своего труда и своего продукта, он как производитель находится в определенном отношении к капиталу денежного кредитора, противостоящему ему в качестве ростовщического капитала. Ньюмен выражает этот факт в пошлой форме, утверждая, что банкир пользуется почетом, а ростовщика ненавидят и презирают, потому что первый ссужает деньги богатым, второй — беднякам (F. W. Newman. «Lectures on Political Economy». London, 1851, p. 44). Он не замечает, что различие между банкиром и ростовщиком — это различие двух общественных способов производства и соответствующих им форм общественного строя и что вопрос этот не исчерпывается противоположностью между бедным и богатым. Более того, ростовщичество, высасывающее мелкого производителя, идет обыкновенно рука об руку с ростовщичеством, высасывающим богатого крупного землевладельца. Когда ростовщичество римских патрициев окончательно разорило римских плебеев, мелких крестьян, наступил конец этой форме эксплуатации и место мелкокрестьянского хозяйства заняло хозяйство чисто рабовладельческое.

В форме процента весь избыток сверх самых необходимых средств существования производителя (сверх суммы, составляющей позднее заработную плату) может быть здесь поглощен ростовщиком (что позже выступает как прибыль и земельная рента), и потому в высшей степени нелепо сравнивать высоту *этого* процента, отнимающего *всю* прибавочную стоимость, за исключением того, что приходится на долю государства, с высотой современной процентной ставки, когда процент — по крайней мере нормальный — образует лить часть этой прибавочной стоимости. При этом забывают, что наемный рабочий производит и отдает капиталисту, на которого он работает, прибыль, процент и земельную ренту, словом, всю прибавочную стоимость. Кэри делает это бессмысленное сравнение, чтобы показать, насколько выгодно для рабочего развитие капитала и сопровождающее его падение ставки процента. Далее, если ростовщик, не довольствуясь выжиманием прибавочного труда из своей жертвы, мало-помалу приобретает право собственности на самые условия ее труда — на землю, дом и т. д. — и постоянно старается экспроприировать ее таким путем, то не следует забывать, что полная экспроприация у работника условий его труда является не результатом, к которому стремится капиталистический способ производства, а готовой

предпосылкой, из которой он исходит. Наемный раб совершенно так же, как и настоящий раб, самим своим положением поставлен в условия, исключающие для него — по крайней мере в его качестве производителя — возможность сделаться рабом кредитора; он может сделаться им разве только в качестве потребителя. Ростовщический капитал в той форме, в которой он действительно присваивает себе весь прибавочный труд непосредственных производителей, не изменяя самого способа производства; в которой существенной предпосылкой является право собственности или владения производителя на условия его труда и соответствующее этому мелкое раздробленное производство; в которой капитал, следовательно, не подчиняет себе труд непосредственно и потому не противостоит ему как промышленный капитал, — такой ростовщический капитал приводит этот способ производства в бедственное состояние, парализует производительные силы вместо того, чтобы развивать их, и в то же время увековечивает те жалкие общественны» условия, при которых общественная производительность труда не развивается, как при капиталистическом производстве, за счет самого труда.

Итак, с одной стороны, ростовщичество подрывает и разрушает античное и феодальное богатство и античную и феодальную собственность. С другой стороны, оно подрывает и разоряет мелкокрестьянское и мелкобуржуазное производство, словом, все те формы, при которых производитель еще выступает как собственник своих средств производства. При развитом капиталистическом способе производства рабочий не является собственником условий производства — поля, которое он возделывает, сырого материала, который он обрабатывает, и т. д. Но этому отчуждению условий производства от производителя соответствует здесь действительный переворот в самом способе производства. Разрозненные рабочие объединяются в крупной мастерской для выполнения отдельных, внутренне связанных между собой функций; орудие труда становится машиной. Самый способ производства уже не допускает как связанного с мелкой собственностью распыления орудий производства, так и изолированности самих рабочих. При капиталистическом производстве ростовщичество уже не может отделять условия производства от производителя, потому что они уже отделены.

Ростовщичество централизует денежное имущество там, где средства производства распылены. Ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается к нему как паразит и доводит его до жалкого состояния. Оно высасывает его, истощает и приводит к тому, что воспроизводство совершается

при все более скверных условиях. Отсюда народная ненависть к ростовщикам, особенно сильная в античном мире, где собственность производителя на условия его производства являлась в то же время основой политических отношений, основой самостоятельности граждан.

Пока господствует рабство или пока прибавочный продукт проедается феодалами и его челядью и во власть ростовщика попадает рабовладелец или феодал, способ производства остается все тот же; он только начинает тяжелее давить на работника. Обремененный долгами рабовладелец или феодал высасывает больше, потому что из них самих больше высасывают. Или же в конце концов они уступают свое место ростовщику, который сам становится земельным собственником или рабовладельцем, как всадники в Древнем Риме. Место старого эксплуататора, у которого эксплуатация носила более или менее патриархальный характер, так как являлась главным образом орудием политической власти, занимает грубый, жадный до денег выскочка. Но самый способ производства не изменяется.

При всех докапиталистических способах производства ростовщичество оказывает революционизирующее действие лишь в том отношении, что оно разрушает и уничтожает те формы собственности, на прочном базисе и непрерывном воспроизводстве которых в одной и той же форме покоится политический строй. При азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции. Лишь там и тогда, где и когда имеются налицо остальные условия капиталистического способа производства, ростовщичество выступает как одно из средств образования нового способа производства, разоряя, с одной стороны, феодалов и мелких производителей, централизуя, с другой стороны, условия труда и превращая их в капитал.

«В средние века ни в одной стране не било общей процентной ставки. Церковь воспрещала вообще всякие сделки, приносящие процент. Законы и суды лишь в незначительной мере обеспечивали возврат долгов. Тем выше была процентная ставка в отдельных случаях. Ничтожное денежное обращение, необходимость производить большую часть платежей наличными деньгами вынуждали обращаться к денежным займам, я притом тем больше, чем слабее было развито вексельное дело. Имели место большие различия как в размере процента, так и в самом понимании ростовщичества. Во времена Карла Великого считалось ростовщичеством, если кто-либо взимал 100%. В Линдау на Боденском озере местные граждане взимали в 1344 г. $216^{2}/_{3}$%. В Цюрихе Совет определил как законный процент $43^{1}/_{3}$%. В Италии приходилось временами платить 40%, хотя *к* XII—XIV столетиях обычная ставка не превышала 20%. Верона уста-

новила $12^1/_2$% как законный процент. Император Фридрих II установил 10%, но только для евреев; о христианах он не хотел говорить. В Рейнской Германии 10% были обычной ставкой уже в XIII веке» (Hullmann. «Stadtewesen des Mittelalters». Zweiter Theil, Bonn, 1827, S. 55—57).

Ростовщический капитал обладает способом эксплуатации, характерным для капитала, без характерного для него способа производства. Это отношение повторяется и в условиях буржуазной экономики в отсталых отраслях промышленности или таких, которые сопротивляются переходу к современному способу производства. Если бы мы захотели, например, сравнить процентную ставку Англии с процентной ставкой в Индии, то нам следовало бы взять для этого не процентную ставку Английского банка, а, например, тот процент, который взимают с мелких производителей домашней промышленности те, кто ссужает им мелкие машины.

В противоположность потребляющему богатству ростовщичество исторически важно тем, что оно само есть процесс возникновения капитала. Ростовщический капитал и купеческое богатство служат образованию денежных средств, независимых от земельной собственности. Чем менее развит характер продукта как товара, чем меньше меновая стоимость подчинила себе производство во всю его ширину и глубину, тем в большей степени деньги представляются богатством в собственном смысле слова, богатством как таковым, всеобщим богатством, в противоположность его ограниченному способу выражения в потребительных стоимостях. На этом основывается образование сокровищ. Оставляя в стороне деньги как мировые деньги и как сокровище, деньги именно в форме средства платежа выступают как абсолютная форма товара. И именно функция их как средства платежа является той функцией, которая развивает процент, а вместе с тем и денежный капитал. Чего расточительное и развращающее богатство хочет, это денег как денег, денег как средства, на которое все можно купить. (А также платить долги.) Мелкому же производителю в первую очередь нужны деньги для платежа. (Превращение натуральных повинностей и оброков в пользу земельного собственника и государства в денежную ренту и денежные налоги играет здесь крупную роль.) В обоих случаях требуются деньги как таковые. С другой стороны — образование сокровищ становится реальным только при ростовщичестве и в ростовщичестве его мечта осуществляется. От собственника сокровища требуют не капитала, а денег как денег; однако благодаря проценту он превращает Для себя это денежное сокровище в капитал — в средство, при помощи которого он овладевает вполне или отчасти прибавочным

трудом, а также известной долей самих условий производства, хотя номинально последние и продолжают противостоять ему как чужая собственность. Ростовщичество живет как бы в порах производства, подобно тому как боги Эпикура жили в межмировых пространствах[23]. Деньги получить тем труднее, чем меньше товарная форма является всеобщей формой продукта. Ростовщик не знает поэтому никаких иных границ кроме дееспособности или способности к сопротивлению лиц, нуждающихся в деньгах. В мелкокрестьянском и мелкобуржуазном производстве деньги нужны в качестве покупательного средства преимущественно в тех случаях, когда вследствие случайности или каких-нибудь чрезвычайных потрясений работник лишается необходимых условий производства (как правило, при этих способах производства он еще является их собственником) или, по меньшей мере, они не могут быть возмещены обычным процессом воспроизводства. Жизненные средства и сырые материалы образуют главную часть этих условии производства. Вздорожание их может привести к невозможности возместить их из выручки за продукт, простой неурожай может помешать крестьянину возместить семена in natura*. Те самые войны, которыми римские патриции разоряли плебеев, принуждая последних нести военные повинности, мешавшие им воспроизводить условия их труда и потому превращавшие их в нищих (обнищание, то есть истощение или потеря условий воспроизводства являются при этом преобладающей формой), — наполняли амбары и кладовые патрициев добычей в виде меди — тогдашних денег. Вместо того чтобы прямо давать плебеям необходимые для них товары, — хлеб, лошадей, крупный рогатый скот, — они ссужали им эту бесполезную для них самих медь и пользовались своим положением для того, чтобы выжимать громадные ростовщические проценты, при помощи которых они превращали плебеев в своих должников — рабов. При Карле Великом франкские крестьяне также были разорены войнами, так что им не оставалось ничего другого, как из должников превратиться в крепостных. В Римской империи, как известно, нередко случалось, что голод заставлял свободных людей продавать своих детей и самих себя в рабство богатым. Таковы в общем поворотные пункты. Что касается отдельных случаев, то для мелких производителей сохранение или потеря условий производства зависят от тысячи случайностей; и каждая такая случайность или потеря равносильны обнищанию и представляют момент, когда может присосаться паразит-рос-

* — в натуральной форме. *Ред.*

товщик. Достаточно, чтобы у мелкого крестьянина пала корова, и он уже не в состоянии снова начать воспроизводство в своем хозяйстве в прежних размерах. Следовательно, он попадает в руки ростовщика и, раз попав к нему, никогда уже более не освободится.

Однако собственной, широкой и своеобразной ареной ростовщичества является функция денег как средства платежа. Всякие денежные повинности, приуроченные к определенному сроку, — арендная плата, подати, налоги и т. п., — сопряжены с необходимостью денежных платежей. Поэтому ростовщичество со времен Древнего Рима и до нашего времени в широком масштабе присоединяется к функции откупщиков, fermiers generaux, receveurs generaux*. Затем с развитием торговли и всеобщего характера товарного производства развивается разделение-во времени покупок и платежей. Деньги необходимо доставить к определенному сроку. Современные денежные кризисы доказывают, что это может создать такие условия, при которых еще и в наше время денежный капиталист и ростовщик сливаются воедино. Но то же самое ростовщичество становится главным средством дальнейшего развития потребности в деньгах как средстве платежа; все усиливая и усиливая задолженность производителя, ростовщичество лишает его обычных средств платежа, так как для него из-за тяжести одних только процентов становится невозможным регулярное воспроизводство. Здесь ростовщичество вырастает из денег как средства платежа и расширяет эту функцию, являющуюся его исконной ареной.

Развитие кредитного дела совершается как реакция против ростовщичества. Однако это отнюдь не следует понимать в том смысле, какой вкладывали сюда античные писатели, отцы церкви, Лютер или ранние социалисты. Это означает не более и не менее, как подчинение капитала, приносящего проценты, условиям и потребностям капиталистического способа производства.

В общем и целом капитал, приносящий проценты, при современной кредитной системе приспособляется к условиям капиталистического производства. Ростовщичество как таковое не только продолжает существовать, но у народов с развитым капиталистическим производством освобождается от тех границ, которые всегда ставило ему прежнее законодательство. Капитал, приносящий проценты, сохраняет форму ростовщического капитала, когда речь идет о таких лицах, классах или отношениях, которые исключают возможность займа

* — генеральных откупщиков, главных сборщиков податей. *Ред.*

в смысле, соответствующем капиталистическому способу производства; когда взаймы берут для личных нужд, как, например, в ломбарде; когда представители потребляющего богатства получают займы для расточительства, или когда производитель является производителем некапиталистическим, как, например, мелкий крестьянин, ремесленник и т. д., следовательно, является еще в качестве непосредственного производителя владельцем своих собственных условий производства; наконец, когда сам капиталистический производитель оперирует в столь ничтожном масштабе, что приближается к указанным выше производителям, которые работают сами.

Отличие капитала, приносящего проценты, поскольку он образует существенный элемент капиталистического способа производства, от ростовщического капитала отнюдь не лежит в самой природе или характере этого капитала. Различие это создают лишь изменившиеся условия его функционирования и обусловленный ими совершенно новый облик заемщика, противостоящего денежному кредитору. Даже человеку без средств предоставляют кредит как промышленнику или купцу, однако только в том случае, если есть уверенность, что он будет функционировать как капиталист, будет присваивать при помощи заемного капитала неоплаченный труд. Кредит оказывается ему как потенциальному капиталисту. И это столь восхищающее экономистов-апологетов обстоятельство, что человек без средств, по обладающий энергией, солидностью, способностями и знанием дела, чтобы таким образом превратиться в капиталиста, — ведь при капиталистическом способе производства оценка предпринимательских данных каждого производится более или менее правильно, — обстоятельство это, как ни сильно способствует оно появлению новых счастливчиков, весьма нежелательных для уже существующих капиталистов, укрепляет господство самого капитала, расширяет его базис и позволяет ему рекрутировать все новые и новые силы из низших слоев общества. Совершенно так же, как в средние века то обстоятельство, что католическая церковь создавала свою иерархию из лучших умов народа, не обращая внимания на сословие, происхождение и состояние, было главным средством укрепления господства попов и угнетения мирян. Чем более способен господствующий класс принимать в свою среду самых выдающихся людей из угнетенных классов, тем прочнее и опаснее его господство.

Поэтому вместо того, чтобы предавать анафеме приносящий проценты капитал вообще, инициаторы современной кредитной системы исходят, наоборот, из его решительного признания.

Мы не говорим здесь о действиях, которые были направлены к защите бедняков от ростовщичества, как это делали, например, Monts-de-piete (в 1350 г. в Сарлене во Франш-Конте, позднее, в 1400 и 1479 гг., в Перудже и Савоне в Италии)[24]. Эти учреждения замечательны лишь тем, что в них обнаружилась та ирония истории, когда благие намерения при их реализации превращаются в свою прямую противоположность. Английский рабочий класс платит по умеренной оценке 100% ломбардам, этим потомкам Monts-de-piete[21)]. Мы точно так же не говорим о кредитных фантазиях некоего доктора Хью Чемберлена или Джона Бриско, которые в последнее десятилетие XVII века хотели избавить английскую аристократию от ростовщичества при посредстве сельскохозяйственного банка, предоставляющего бумажные деньги под залог земельной собственности[22)].

Кредитные ассоциации, образовавшиеся в XII и XIV столетиях в Венеции и Генуе, были порождены потребностью морской торговли и основанной на этой последней оптовой торговли освободиться от господства старомодных ростовщиков и монополистов торговли деньгами. Если настоящие банки, основанные в этих городах-республиках, представляли в то же время учреждения общественного кредита, из которых государство получало ссуды под будущие налоговые поступления, то не следует забывать, что купцы, образовавшие эти ассоциации, сами были первыми людьми в этих государствах и были столь же заинтересованы в том, чтобы освободить от ростовщиков свое правительство, как и в том, чтобы освободить от них самих себя[23)]; этими мерами они рассчитывали еще сильнее и прочнее

[21)] «Процент, взимаемый в ломбардах, становится таким чрезмерным вследствие частых залогов и выкупов в течение одного и того же месяца или залогов одного предмета с целью выкупить другой, получив при этом небольшую разницу деньгами. В Лондоне имеется 240 зарегистрированных ломбардов и в провинции приблизительно 1450... Вложенный ими в дело капитал исчисляется примерно в 1 миллион; он оборачивается по крайней мере три раза в год, принося в среднем каждый раз $33^1/_2$%; таким образом низшие классы Англии ежегодно уплачивают 1 миллион за временную ссуду в 1 миллион, не считая потери вещей, не выкупленных в срок» (*J. D. Tuchett.* «A History of the Past and Present State of the Labouring Population». Vol. I, London, 1846, P. 114).

[22)] Даже в названиях своих трудов[25] они указывали как на основную свою цель «на общее благосостояние землевладельцев, большое повышение стоимости земли, освобождение знати, мелкого дворянства и т. п. от налогов, увеличение их годовых доходов» и т. д. Потерпели бы, по их словам, только ростовщики, эти злейшие враги нации, причинившие дворянству и йоменам[26] больше вреда, чем это могло бы сделать нашествие французской армии.

[23)] «Так, например, еще Карл II английский должен был уплачивать «золотых дел мастерам»» (предшественникам банкиров) «огромные ростовщические проценты и лаж, 20—30%. Столь выгодное дело побуждало «золотых дел мастеров» давать королю все новые и новые ссуды, предвосхищать все поступления от налогов, забирать в качестве обеспечения любые парламентские субсидии, как только они будут сделаны, а также соперничать между собой в покупке и принятии в залог векселей, чеков и налоговых документов, так что фактически все государственные доходы проходили через их руки» *(John Francis.* «History of the Bank of England». Third edition, vol. I, London, [1848] p. 31). «Учреждение Банка уже раньше предлагалось несколько раз. Наконец, оно стало необходимым» (там же, стр. 38). «Банк был нужен уже для одного того, чтобы дать возможность эксплуа-

подчинить себе государство. Поэтому-то, когда проектировалось основание Английского банка, тори возражали:

«Банки — учреждения республиканские. Процветающие банки существуют в Венеции, Генуе, Амстердаме и Гамбурге. Но кто слышал когда-либо о банке французском или испанском?»

Амстердамский банк, основанный в 1609 г., так же мало, как и Гамбургский банк (1619 г.), знаменует эпоху в развитии современного кредитного дела. Это был чисто депозитный банк. Боны, выпускавшиеся банком, были в действительности лишь расписками о получении вложенного в банк благородного металла, в монете или в слитках, и обращались только с передаточной надписью их владельца. Однако в Голландии с развитием торговли и мануфактуры развились коммерческий кредит и торговля деньгами, и капитал, приносящий проценты, в ходе этого процесса был подчинен промышленному и торговому капиталу. Это обнаруживалось уже в низкой ставке процента. Но Голландия в XVII веке считалась, подобно нынешней Англии, страной наиболее передовой в экономическом отношении. Монополия старомодного ростовщичества, базировавшегося на бедности, исчезла там сама собой.

В течение всего XVIII века громко раздаются голоса, — и законодательство действует в том же направлении, — требующие, ссылаясь на пример Голландии, насильственного понижения процентной ставки с той целью, чтобы капитал, приносящий проценты, подчинить торговому и промышленному капиталу, а не наоборот. Главным запевалой был сэр Джозая Чайлд, отец современного частного банкирского дела в Англии. Он разражается тирадами против монополии ростовщиков совершенно в том же духе, в каком фирма массового пошива готового платья Мозес и сын рекламирует себя в качестве борца с монополией «частных портных». Этот же Джозая Чайлд является в то же время отцом английских stock jobber[*]. Таким же образом, он, самодержец Ост-Индской компании, защищает ее монополию во имя свободы торговли. Против Томаса Манли («Interest of Maney mistaken»)[27] он пишет:

«В качестве поборника интересов трусливой банды ростовщиков он направляет огонь своей главной батареи против того пункта, который я

тируемому ростовщиками правительству получать деньги по сносным процентам под обеспечение парламентских субсидий» (там же, стр. 59—60).

[*] — торговцев ценными бумагами. *Ред.*

сам признал наиболее слабым... Он прямо отрицает как раз низкий уровень процента как причину богатства, и уверяет, что он есть всего лишь следствие богатства» («Traites sur le Commerce etc.». 1669. Traduits de l'anglois, Amsterdam et Berlin, 1754, p. 120). «Если торговля есть средство, обогащающее страну, и если уменьшение процента расширяет торговлю, то снижение процента, или ограничение ростовщичества, есть, без сомнения, главная плодотворная причина богатства нации. Нет вообще ничего нелепого в утверждении, что в одно и то же время одна и та же вещь может при известных условиях быть причиной, а при других условиях — следствием» (там же, стр. 155). «Яйцо есть причина курицы, а курица есть причина яйца. Снижение процента может вызывать увеличение богатства, а увеличение богатства может явиться причиной еще более сильного снижения процента» (там же, стр. 156). «Я — защитник трудолюбия, а мой противник защищает леность и праздность» (там же, стр. 179).

Эта яростная борьба с ростовщичеством, эти требования подчинить капитал, приносящий проценты, промышленному капиталу являются лишь предвестниками органических образований, осуществивших эти условия капиталистического производства в форме современного банковского дела, которое, с одной стороны, лишает ростовщический капитал его монополии, концентрируя и выбрасывая на денежный рынок все бездействующие денежные резервы, с другой стороны, ограничивает самое монополию благородных металлов путем создания кредитных денег.

В последнюю треть XVII и в начале XVIII века во всех английских сочинениях о банковском деле мы найдем такие же, как и у Чайлда, нападки на ростовщичество, требование эмансипировать от ростовщичества торговлю, промышленность и государство. Наряду с этим — колоссальные иллюзии насчет чудотворного влияния кредита, демонополизации благородных металлов, замещения их бумажными деньгами и т. п. Шотландец Уильям Патерсон, основатель Английского и Шотландского банков, имеет несомненное право на титул Ло Первый[28].

Против Английского банка ««все золотых дел мастера» и закладчики подняли яростный вой» (Macaulay. «The History of England». Vol. IV, London, 1855, p. 499).

«В течение первых десяти лет банку приходилось бороться с большими затруднениями; сильная вражда извне; его банкноты принимались значительно ниже номинальной стоимости... «золотых дел мастера» (в руках которых торговля благородными металлами служила базисом примитивного банковского дела) сильно интриговали против банка, так как благодаря последнему их операции сократились, их учетный процент понизился, а их операции с правительством перешли в руки этого их противника» (John Francis, цит. соч., стр. 73).

Еще до учреждения Английского банка, в 1683 г., возник план национального Кредитного банка, цель которого между прочим заключалась в том,

«чтобы деловые люди, если они имеют значительные массы товаров, могли при поддержке этого банка отдавать свои товары на хранение и получать кредит под свои лежащие без движения запасы, могли давать работу своим служащим и расширять свои предприятия, пока не найдут выгодного рынка, вместо того чтобы продавать с убытком»[29].

После долгих хлопот этот Кредитный банк был, нар;онец, открыт в Девоншир-хаус на Бишопсгейт-стрит. Он давал промышленникам и купцам ссуды векселями под залог товаров на сумму $^3/_4$ стоимости этих последних. Чтобы обеспечить таким векселям обращение, в каждой отрасли предпринимательства известное число лиц объединялось в общество, у которого всякий владелец векселей мог получать взамен их товары столь же легко, как если бы он платил наличными. Дела банка шли не блестяще. Механизм был слишком сложен, риск в случае обесценения товаров слишком велик.

Вдумываясь в действительное содержание этих сочинений, теоретически сопровождавших и поощрявших формирование современного кредитного дела в Англии, мы не найдем там ничего, кроме требования подчинить капиталистическому способу производства, в качестве одного из его условий, капитал, приносящий проценты, и вообще предоставляемые в ссуду разнообразные средства производства. Если же обратить внимание только на фразу, то сходство, вплоть до отдельных выражений, с банковыми и кредитными иллюзиями сен-симонистов зачастую поразительно.

Совершенно так же, как у физиократов cultivateur означает не действительного земледельца, а крупного арендатора, у Сен-Симона, а в некоторых случаях и у его учеников travailleur означает не рабочего, а промышленного и торгового капиталиста.

«Travailleur нуждается в помощниках, в сотрудниках, в *рабочих;* он ищет помощников разумных, искусных, преданных; он их ставит на работу, и труд их производителен» («Religion saint-simonienne. Economie politique et Politique». Paris, 1831, p. 104).

Не следует вообще забывать, что лишь в последней своей работе «Nouveau Christianisme» Сен-Симон прямо выступил как выразитель интересов рабочего класса и объявил его эмансипацию конечной целью своих стремлений. Все его более ранние произведения фактически представляют собой лишь прославление современного буржуазного общества в противоположность феодальному или прославление промышленников и банкиров в противоположность маршалам и фабриковавшим законы в наполеоновскую эпоху юристам. Как велико различие между этими работами и относящимися к тому же времени сочине-

ниями Оуэна![24] И у последователей Сен-Симона, как показывает только что цитированное место, промышленный капиталист остается travailleur par excellence*. Критически прочитав их сочинения, мы не будем удивляться тому, что реализацией их кредитных и банковских грез явился основанный экс-сенсимонистом Эмилем Перейром Crédit Mobilier[30], — форма, которая, впрочем, могла стать господствующей лишь в такой стране, как Франция, где ни кредитная система, ни крупная промышленность не развились еще до современного уровня. В Англии или Америке что-нибудь подобное было бы невозможно. — В следующих местах «Doctrine de Saint-Simon. Exposition. Première année. 1828—1829». 3-me éd., Paris, 1831 находится уже зародыш Crédit Mobilier. Очевидно, что банкир может оказывать более дешевый кредит, чем капиталист или частный ростовщик. Следовательно, эти банкиры

«могут доставлять промышленникам средства значительно дешевле, то есть за *более низкие проценты,* чем это могли бы сделать земельные собственники и капиталисты, которым легче ошибиться в выборе заемщика» (стр. 202).

Но сами авторы добавляют в примечании:

«Выгода, которая должна получиться из посредничества банкира между праздными и travailleurs, зачастую уравновешивается и даже уничтожается благодаря тому, что наше дезорганизованное общество позволяет эгоизму проявить себя в различных формах обмана и шарлатанства; банкиры вклиниваются нередко между праздными и travailieurs, чтобы эксплуатировать тех и других в ущерб обществу».

«Travailleur» стоит здесь вместо «промышленный капиталист». Совершенно неправильно впрочем рассматривать то средства, которыми располагают современные банки, исключительно как средства праздных людей. Во-первых, это та часть капитала, которую в данный момент промышленники и купцы держат свободной, в денежной форме, как денежный резерв или капитал, еще только ждущий применения, — это, следовательно,

[24] При переработке рукописи Маркс, несомненно, сильно изменил бы это место. Оно навеяно ролью экс-сен-симонистов, которую они играли при Второй империи во Франции, где — как раз в то время, когда Маркс писал эти строки, — кредитные фантазии этой школы, долженствующие спасти мир, реализовались по иронии истории в виде спекуляции неслыханного дотоле размаха. Впоследствии Маркс говорил о гении и энциклопедическом уме Сен-Симона исключительно с восторгом. Если последний в своих ранних произведениях игнорировал противоположность между буржуазией и едва нарождавшимся тогда во Франции пролетариатом, если он причислял часть буржуазии, занятую производством, к travailleurs, то это соответствует воззрению Фурье, стремившегося примирить капитал и труд, и объясняется экономическим и политическим положением тогдашней Франции. Если Оуэн в этом пункте был более глубоким, то лишь потому, что он жил в другой обстановке, в период промышленной революции и уже сильно обострившихся классовых противоположностей. — *Ф. Э.*

* — работником по преимуществу. *Ред.*

праздный капитал, но не капитал праздных. Во-вторых, сюда же относится та часть всяких вообще доходов и сбережений, которая окончательно или временно предназначена для накопления. И обе эти части существенны для определения характера банковской системы.

Однако отнюдь не следует забывать, во-первых, о том, что деньги — в форме благородных металлов — остаются основой, от которой кредитное дело по самой природе своей *никогда* не может освободиться. И, во-вторых, о том, что кредитная система предполагает монополию частных лиц на общественные средства производства (в форме капитала и земельной собственности), что сама кредитная система, с одной стороны, является имманентной формой капиталистического способа производства, с другой стороны — движущей силой его развития в высшую и последнюю из возможных для него форм.

Банковская система, по своей формальной организации и централизации, как отмечено еще в 1697 г. в сочинении «Some Thoughts of the Interest of England», представляет собой самое искусное и совершенное творение, к которому вообще приводит капиталистический способ производства. Отсюда колоссальная власть такого учреждения как Английский банк над торговлей и промышленностью, хотя действительное движение последних лежит совершенно вне круга его действия, и он относится к этому движению пассивно. В банковской системе, конечно, дана форма общественного счетоводства и распределения средств производства в общественном масштабе, но только форма. Как мы уже видели, средняя прибыль каждого отдельного капиталиста или каждого отдельного капитала определяется не тем прибавочным трудом, который непосредственно присваивает этот капитал, а количеством совокупного прибавочного труда, присваиваемого совокупным капиталом, откуда каждый отдельный капитал получает свой дивиденд в количестве, пропорциональном той части совокупного капитала, которую он представляет. Этот общественный характер капитала опосредствуется и осуществляется в полной мере лишь полным развитием кредитной и банковской системы. С другой стороны, последняя идет дальше. Она предоставляет в распоряжение промышленных и торговых капиталистов весь свободный и даже только еще потенциальный, не функционирующий еще активно капитал общества, так что ни кредитор, ни лицо, употребляющее этот капитал в дело, не являются его собственниками или производителями. Она снимает таким образом частный характер капитала и содержит в себе, но именно только в себе, уничтожение самого капитала. Банковское дело изымает из рук частных

капиталистов и ростовщиков распределение капитала как особое предприятие, как общественную функцию. Но благодаря этому банк и кредит становятся в одно и то же время и могущественнейшим средством, выводящим капиталистическое производство за его собственные пределы, и одним из самых мощных рычагов кризисов и надувательства.

Далее, банковская система, замещая деньги различными формами кредитного обращения, показывает, что деньги в действительности суть не что иное, как особое выражение общественного характера труда и его продуктов, причем, однако, характер этот, как находящийся в противоречии с базисом частного производства, должен в конце концов всегда выражаться в виде вещи, в виде особого товара наряду с другими товарами.

Не подлежит, наконец, никакому сомнению, что кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда, — однако лишь как элемент в связи с другими великими органическими переворотами в самом способе производства. Напротив, иллюзия относительно чудодейственной силы кредитного и банковского дела, в социалистическом смысле, вытекает из полного непонимания капиталистического способа производства и кредитного дела как одной из его форм. Раз средства производства перестали превращаться в капитал (что подразумевает также уничтожение частной земельной собственности), кредит как таковой не имеет уже никакого смысла, — это поняли, впрочем, даже сен-симонисты. С другой стороны, пока продолжает существовать капиталистический способ производства, продолжает существовать, как одна из его форм, и капитал, приносящий проценты, образуя фактически базис его кредитной системы. Лишь такой сенсационный писатель, как Прудон, который хотел сохранить товарное производство, уничтожив деньги[25)], был способен создать несусветную фантазию «дарового кредита»[31], эту мнимую реализацию мелкобуржуазных благих пожеланий.

В «Religion saint-simonienne. Economie politique et Politique». Paris, 1831, мы читаем на стр. 45:

«В обществе, где одни владеют орудиями промышленности, не имея ни способностей, ни желания применять их к делу, а другие, трудолюбивые люди, не владеют орудиями труда, кредит имеет своей целью перенести возможно более легким способом эти орудия из рук первых, их

[25)] *Карл Маркс.* «Нищета философии». Брюссель и Париж, 1847 [см. настоящее издание, том 4, стр. 65—185]. — *Карл Маркс.* «К критике политической экономии», стр. 64 [см. настоящее издание, том 13, стр. 70].

владельцев, в руки вторых, умеющих применить их к делу. Заметим, что, согласно этому определению, кредит есть следствие того способа, по которому конституирована *собственность».*

Следовательно, кредит отпадает вместе с данным конституированием собственности. Далее, стр. 98 гласит:

теперешние банки «считают своим назначением следовать тому движению, которое создается предприятиями, функционирующими независимо от них, но отнюдь не стремятся сами давать импульс этому движению; другими словами, банки играют роль капиталистов по отношению к тем travailleurs, которым они ссужают капиталы».

Мысль, что банки должны взять на себя руководство предприятиями и должны отличаться

«многочисленностью и полезностью управляемых ими учреждений и совершаемых по их инициативе работ» (стр. 101),

заключает уже в себе в скрытом виде Credit Mobilier. Константен Пеккёр также требует, чтобы банки (то, что сен-симонисты называют Systeme general des banques*) «управляли производством». Вообще Пеккёр по существу сен-симонист, хотя и много радикальнее. Он хочет, чтобы

«кредитное учреждение... управляло всем движением национального производства». — «Попробуйте создать национальное кредитное учреждение, которое ссужало бы средствами неимущих людей, обладающих талантами и заслугами, не связывая, однако, принудительно этих заемщиков строгой солидарностью в производстве и потреблении, но, напротив, предоставляя им самим определять свой обмен и свое производство. Этим путем вы достигнете лишь того, что уже теперь достигнуто частными банками: анархии, диспропорции между производством и потребленном, внезапного разорения одних и внезапного обогащения других; таким образом, ваше учреждение никогда не пойдет дальше того, чтобы создать для одних сумму благосостояния, равную сумме несчастия, выпадающего на долю других... Вы только дадите наемным рабочим, поддерживаемым нашими ссудами, возможность совершенно таким же образом конкурировать между собой, как это делают теперь их капиталистические хозяева» (C. Pecqueur. «Theorie nouvelle d'Economie sociale et Politique etc.». Paris, 1842, p. 433—434).

Мы уже видели, что купеческий капитал и капитал, приносящий проценты, являются старейшими формами капитала. Из самой природы дела вытекает, однако, что в народном представлении капитал, приносящий проценты, выступает как форма капитала par excellence**. В рамках купеческого капитала находит себе место посредническая деятельность, как бы она ни истолковывалась — как надувательство, как труд или как-либо иначе. Напротив, в капитале, приносящем проценты,

* — общей системой банков. *Ред.*
** — по преимуществу. *Ред.*

в чистом виде представлен самовоспроизводящий характер капитала, самовозрастающая стоимость, производство прибавочной стоимости как скрытое качество. От этого-то и происходит, что даже некоторые представители политической экономии, особенно в странах, где, как во Франции, промышленный капитал не достиг еще полного развития, считают капитал, приносящий проценты, основной формой капитала, рассматривают, например, земельную ренту лишь как его разновидность, так как и здесь преобладает форма ссуды. Вследствие этого внутренняя структура капиталистического способа производства понимается совершенно неправильно, совершенно упускается из виду, что земля, как и капитал, ссужается только капиталистам. Вместо денег могут быть, конечно, даны в ссуду средства производства in natura, например, машины, промышленные здания и т. д. Но они представляют тогда определенную денежную сумму, а если кроме процента уплачивается известная сумма для возмещения износа, то это вытекает из потребительной стоимости, из специфической натуральной формы этих элементов капитала. Решающим здесь опять-таки является вопрос, ссужаются ли они непосредственному производителю, что предполагает отсутствие капиталистического способа производства, по крайней мере в той сфере, где это имеет место, — или же они ссужаются промышленному капиталисту, что как раз предполагается на базисе капиталистического способа производства. Еще более неуместно и бессмысленно присоединение сюда ссуды домов и т. п. для индивидуального потребления. Что рабочий класс надувают и в этой форме, и притом в вопиющих размерах, факт общеизвестный, но то же самое совершает и мелкий торговец, снабжающий рабочего жизненными средствами. Это вторичная эксплуатация, сопровождающая первичную, которая осуществляется непосредственно в самом процессе производства. Разница между продажей и ссудой безусловно не имеет здесь значения и чисто формальна и, как было уже показано*, лишь при полном непонимании действительной связи явлений представляется существенной.

Ростовщичество, как и торговля, эксплуатирует данный способ производства, а не создает его, относится к нему внешним образом. Ростовщичество стремится просто его сохранить, чтобы иметь возможность эксплуатировать его снова и снова; оно консервативно и только доводит существующий способ

* См. настоящий том, часть I, стр. 379—385. *Ред.*

производства до более жалкого состояния. Чем менее элементы производства входят в процесс производства как товары и выходят из него как товары, тем более их происхождение из денег представляется обособленным актом. Чем незначительнее та роль, которую в общественном воспроизводстве играет обращение, тем больше расцветает ростовщичество.

Тот факт, что денежные средства развиваются как особые средства, означает в отношении ростовщического капитала, что последний владеет всеми своими требованиями в форме денежных требований. Ростовщический капитал развивается тем больше, чем больше производство данной страны в массе своей остается натуральным, следовательно, ограничивается потребительной стоимостью.

Поскольку ростовщичество выполняет двоякую роль: во-первых, вообще создает наряду с купеческим капиталом самостоятельные денежные средства, во-вторых, присваивает себе условия труда, то есть разоряет владельцев старых условий труда, — постольку оно является мощным рычагом для образования предпосылок промышленного капитала.

ПРОЦЕНТ В СРЕДНИЕ ВЕКА

«Но в средние века население было чисто земледельческим. А при таком населении и при феодальном режиме может иметь место лишь небольшая торговля, а потому и небольшая прибыль. Поэтому в средние века законы о ростовщичестве имели себе оправдание. К тому же в земледельческой стране человек редко стремится к тому, чтобы занимать деньги, за исключением тех случаев, когда он обеднел или попал в беду вследствие какого-либо несчастья... Генрих VIII ограничил процент 10 процентами, Яков I — 8 процентами, Карл II — 6 процентами, Анна — 5 процентами... В те времена заимодавцы, если не юридически, то фактически были монополистами, и потому необходимо было ограничивать их, как и других монополистов. В наше время норма прибыли регулирует ставку процента, тогда как в те времена ставка процента регулировала норму прибыли. Если кредитор обременял купца высокой ставкой процента, то купец бывал вынужден накидывать на. свои товары более высокую норму прибыли. Тем самым из карманов покупателей извлекалась большая сумма денег, чтобы положить ее в карман кредитора, ссудившего деньги купцу» (Gilbart. «The History and Principles of Banking». London, 1834, p. 163, 164,165).

«Мне говорят, что теперь ежегодно на Лейпцигской ярмарке взимают 10 гульденов, что составляет 30 на сто[32]; некоторые прибавляют еще сюда Наумбургскую ярмарку, так что получается 40 на сто; взимают ли где-нибудь еще больше этого, я не знаю. Позор, к чему же, черт возьми, ото, в конце концов, приведет!.. Кто имеет теперь в Лейпциге 100 флоринов, тот ежегодно получает 40, — это значит сожрать в один год крестьянина или горожанина. Если он имеет 1000 флоринов, то получает ежегодно 400, — это значит сожрать в один год рыцаря или богатого дворянина. Если он имеет 10000, то он ежегодно получает 4000, — это значит сожрать в один год богатого графа. Если он имеет 100000, как это и должно быть

у крупных купцов, то он ежегодно получает 40000, — это значит сожрать в один год крупного богатого князя. Если он имеет 1000000, то он ежегодно взимает 400000, — это значит сожрать в один год крупного короля. II не грозит ему за это никакая опасность, ни жизни его, ни добру. Он не выполняет никакой работы, сидит себе за печкой и печет яблоки. И этот разбойник в кресле, сидя у себя дома, может в 10 лет сожрать целый мир». («An die Pfarrherrn wider den Wucher zu predigen», 1540. In: Der sechste Theil der Bucher des ehrnwirdigen Herrn Doctoris Martini Lutheri. Wittembergk, 1589 [S. 312].)

«Пятнадцать лет тому назад я писал против ростовщичества, ибо уже тогда оно приобрело такую силу, что я но видел надежды на улучшение. С тех пор оно столь вознеслось, что не хочет уже считаться пороком, грехом и позором, а величается чистой добродетелью и честью, словно оно оказывает людям великую любовь и христианскую услугу. Где же искать избавления, раз позор стал честью и порок добродетелью?» («An die Pfarrherrn wider den Wucher zu predigen. Vermanung». Wittemberg, 1540).

«Евреи, ломбардщики, ростовщики и кровопийцы были нашими первыми банкирами, нашими первоначальными банковыми барышниками, их ремесло следует клеймить позором... К ним присоединились затем лондонские золотых дел мастера. В общем... наши первоначальные банкиры представляли собой... очень дурную компанию, они были жадными ростовщиками, бессердечными кровопийцами» (D. Hardcastle. «Banks and Bankers». 2nd ed., London, 1843, p. 19, 20).

«Показанный Венецией пример» (образования банка) «быстро нашел, таким образом, подражателей; все приморские города и вообще все города. составившие себе имя своей независимостью и своей торговлей, основали свои первые банки. Так как возвращения их кораблей приходилось зачастую дожидаться очень долго, то это по необходимости привело к обычаю кредитования, а открытие Америки и торговля с ней еще более усилили этот обычай». (Это главный пункт.) «Отправка судов с товарами принуждала делать крупные займы, что имело место уже в древности в Афинах и вообще в Греции. В 1308 г. в ганзейском городе Брюгге уже имелась страховая палата» (M. Augier. «Du Crédit public etc.». Paris, 1842, p. 202—203).

Насколько сильно в последней трети XVII столетия, когда еще не была развита современная кредитная система, даже в Англии преобладали ссуды земельным собственникам, следовательно, вообще представителям потребляющего богатства, видно, между прочим, из работы сэра Дадли Норса, бывшего не только одним из первых английских купцов, но и одним из самых значительных теоретиков-экономистов своего времени:

«Из тех денег, которые в нашей стране отдаются под проценты, едва ли одна десятая часть размещена среди торговых людей, использующих эти ссуды в своих предприятиях; в большинстве случаев деньги даются взаймы для поддержания роскоши, для покрытия расходов тех людей, которые хотя и владеют крупными имениями, однако тратят приносимые их имениями доходы быстрее, чем эти доходы к ним поступают, и, не желая продавать что-либо из своего имущества, предпочитают закладывать свои имения» («Discourses upon Trade». London, 1691, p. 6, 7).

В XVIII веке в Польше:

«Варшава производила крупные операции с векселями, что, однако, имело главным образом своей основой и задачей служение ростовщическим интересам варшавских банкиров. Чтобы достать себе деньги, которые они могли бы ссужать расточительной знати из 8 и более процентов, они искали и находили за границей вексельный кредит in Blanco, то есть кредит, в основе которого не лежало никакой товарной торговли; тем не менее заграничные трассаты терпеливо акцептовали эти векселя до тех пор, пока еще поступали платежи, созданные этими вексельными махинациями. За это они сильно поплатились, когда обанкротился такой банкир, как Теппер, и другие варшавские банкиры, пользовавшиеся большим доверием» (J. G. Busch. «Theoretisch-praktische Darstellung der Handlung etc.». 3. Aufl, Band II, Hamburg, 1808, S. 233).

ВЫГОДЫ ДЛЯ ЦЕРКВИ ОТ ЗАПРЕЩЕНИЯ ПРОЦЕНТА

«Взимать проценты церковь запретила; но она не запрещала продавать имущество, чтобы помочь себе в случае нужды; не запрещала даже отдавать заимодавцу это имущество на определенный срок до уплаты долга, чтобы последний мог располагать этим имуществом как обеспечением долга, а также, пользуясь им, мог, пока оно в его руках, получать вознаграждение за отданные в ссуду деньги... Сама церковь или принадлежащие к ней коммуны и pia corpora[*] извлекали отсюда большую выгоду, особенно во времена крестовых походов. Благодаря этому столь большая часть национального богатства попала во владение так называемой «мертвой руки», тем более, что евреи не могли вести ростовщичество этим способом, так как владения таким прочным залогом нельзя было утаить... Без запрещения процента церкви и монастыри никогда не сосредоточили бы в своих руках таких богатств» (там же, стр. 55).

[*] — благочестивые корпорации. *Ред.*

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ
ПРЕВРАЩЕНИЕ ДОБАВОЧНОЙ ПРИБЫЛИ В ЗЕМЕЛЬНУЮ РЕНТУ

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ
ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Анализ земельной собственности в ее различных исторических формах лежит за рамками этой работы. Мы занимаемся ею лишь постольку, поскольку часть прибавочной стоимости, произведенной капиталом, достается земельному собственнику. Следовательно, мы исходим из того предположения, что земледелие, — точно так же, как и промышленность, — подчинено капиталистическому способу производства, то есть сельское хозяйство ведется капиталистами, которые отличаются от других капиталистов в первую очередь только тем элементом, в который вкладывается их капитал и приводимый в движение этим капиталом наемный труд. С нашей точки зрения фермер производит пшеницу и т. д. точно так же, как фабрикант — пряжу или машины. Предположение, что капиталистический способ производства овладел сельским хозяйством, подразумевает, что он господствует во всех сферах производства буржуазного общества, что имеются, следовательно, налицо также и такие его условия, как свободная конкуренция капиталов, возможность перелива их из одной сферы производства в другую, одинаковый уровень средней прибыли и т. д. Рассматриваемая нами форма земельной собственности есть специфически историческая форма ее, *превращенная* воздействием капитала и капиталистического способа производства форма либо феодальной земельной собственности, либо мелкокрестьяпского земледелия, которое ведется крестьянином в целях пропитания и при котором *владение* землей является одним из условий производства для непосредственного производителя, а его *собственность* на землю — наиболее благоприятным условием, условием

процветания его способа производства. Если капиталистический способ производства вообще предполагает экспроприацию у рабочего условий его труда, то в земледелии он предполагает экспроприацию земли у сельских рабочих и подчинение их капиталисту, ведущему земледелие ради прибыли. Следовательно, для нашего исследования не важно, если, возражая нам, напомнят, что существовали или еще существуют другие формы земельной собственности и земледелия. Это может иметь значение только для тех экономистов, которые рассматривают капиталистический способ производства в сельском хозяйстве и соответствующую ему форму земельной собственности не как исторические, а как вечные категории.

Для нас необходимо изучение современной формы земельной собственности потому, что задача вообще сводится к изучению определенных отношений производства и обмена, которые возникают из приложения капитала к сельскому хозяйству. Без этого анализ капитала был бы неполным. Итак, мы ограничиваемся исключительно приложением капитала к собственно земледелию, то есть к производству основного растительного продукта, которым живет население. Мы могли бы сказать: пшеницы, потому что она — основное средство питания современных, капиталистически развитых народов. (Или вместо земледелия можно было бы взять рудники, потому что законы — те же самые.)

Одна из больших заслуг А. Смита заключается в том, что он показал, каким образом земельная рента с капитала, вложенного в производство других сельскохозяйственных продуктов, например льна, красильных трав, в самостоятельное животноводство и т. д., определяется той земельной рентой, которую приносит капитал, вложенный в производство основного продукта питания[33]. В самом деле, после него в этом отношении не было сделано ни единого шага вперед. Все, что мы могли бы напомнить для ограничения или дополнения, относится не сюда, а к самостоятельному рассмотрению земельной собственности. Что же касается земельной собственности, не имеющей отношения к той земле, которая предназначена для производства пшеницы, то мы не будем поэтому говорить о ней ex professo[*], но иногда будем касаться ее лишь в порядке иллюстрации.

Ради полноты следует заметить, что здесь под землей подразумевается и вода, поскольку она имеет собственника, является принадлежностью земли.

[*] — специально. *Ред.*

Земельная собственность предполагает монополию известных лиц распоряжаться определенными участками земли как исключительными, только им подчиненными сферами их личной воли[26]. При таком предположении дело сводится к тому, чтобы выяснить экономическое значение, то есть использование этой монополии на основе капиталистического производства. Юридическая власть этих лиц, их власть пользоваться участками земли и злоупотреблять ими, еще ничего не решает. Использование всецело зависит от экономических условий, не зависимых от воли этих лиц. Само юридическое представление означает лишь то, что земельный собственник может поступать с землей так, как всякий товаровладелец со своим товаром; и это представление — юридическое представление о свободной частной земельной собственности — появляется в древнем мире лишь в эпоху разложения органического общественного строя, а в современном мире лишь с развитием капиталистического производства. В Азию оно лишь в некоторые места импортировано европейцами. В главе о первоначальном накоплении

[26] Ничего не может быть комичнее рассуждений Гегеля о частной земельной собственности. Человек как личность должен сделать действительной свою волю как душу внешней природы, и потому должен взять во владение эту природу как свою частную собственность. Если таково определение *«личности»,* — человека как личности, — то отсюда следует, что каждый человек должен быть земельным собственником, чтобы осуществить себя как личность. Свободная частная собственность на землю — факт совсем недавнего происхождения — есть, по Гегелю, не определенное общественное отношение, а отношение человека как личности к «природе», абсолютное право человека на присвоение всех вещей *(Hegel.* «Grundlinien der Philosophie des Rechts». Berlin, 1840, S. 79). Ясно во всяком случае, что отдельная личность посредством одной только своей «воли» не может утвердить себя как собственника вопреки чужой воле, которая также желает воплотиться в том же самом клочке земли. Тут необходимы вещи совершенно иного порядка, чем добрая воля. Далее, абсолютно невозможно усмотреть, где полагает «личность» границу осуществления своей воли, реализуется ли бытие этой воли в целой стране или, быть может, необходима целая группа стран, чтобы путем присвоения их «манифестировать верховность моей воли по отношению к вещам». Здесь Гегель попадает в совершенный тупик. «Вступление во владение есть нечто спорадическое. Я не могу вступить во владение чем-то большим, чем то, к чему я прикасаюсь своим телом. Но из этого получается второе следствие, а именно, что внешние предметы имеют более широкое протяжение, чем то, которое я могу охватить. Вступая таким образом во владение каким-нибудь предметом, я нахожу, что с ним находится в связи также и нечто другое. Я осуществляю вступление во владение посредством руки, но сфера последней может быть расширена» (стр. 90— 91). Но с этим «другим» всегда находится в соединении еще что-нибудь другое, и таким образом исчезают пределы, в которых моя воля, как душа, должна излиться в землю. «Когда я владею чем-нибудь, рассудок тотчас же приходит к заключению, что моим является не только непосредственно владеемое, но и связанное с ним. Здесь должно делать свои постановления положительное право, ибо из понятия нельзя ничего больше выводить» (стр. 91). Это — в высшей степени наивное признание со стороны «понятия»; оно доказывает, что понятие, которое уже с самого начала заблуждается, считая абсолютным вполне определенное и принадлежащее буржуазному обществу юридическое представление о земельной собственности, вообще «ничего» не понимает в действительном характере этой земельной собственности. Вместе с тем здесь заключается признание, что с изменением потребностей общественного, то есть экономического, развития «положительное право» может и должно изменять свои постановления.

(«Капитал», кн. I, гл. XXIV) мы видели, что этот способ производства предполагает, с одной стороны, освобождение непосредственного производителя от роли простого придатка к земле (в форме вассала, крепостного, раба и т. д.), с другой стороны — экспроприацию земли у народных масс. В этом смысле монополия земельной собственности является исторической предпосылкой и остается постоянной основой капиталистического способа производства, как и всех прежних способов производства, основанных на эксплуатации масс в той или иной форме. Но та форма, в которой находит земельную собственность зарождающийся капиталистический способ производства, не соответствует этому способу. Соответствующая ему форма впервые создается им самим посредством подчинения земледелия капиталу; таким образом и феодальная земельная собственность, и клановая собственность, и мелкая крестьянская собственность с земельной общиной [Markgemeinschaft] превращаются в экономическую форму, соответствующую этому способу производства, как бы ни были различны их юридические формы. Один из великих результатов капиталистического способа производства состоит в том, что он, с одной стороны, превращает земледелие из эмпирического, механически передаваемого по наследству занятия самой неразвитой части общества в сознательное научное применение агрономии, поскольку это вообще возможно в условиях частной собственности[27)]; что он, с одной стороны, совершенно отделяет земельную собственность от

[27)] Совершенно консервативные агрохимики, как например, Джонстон, признают, что частная собственность повсюду создает для действительно рационального земледелия непреодолимые препятствия[34]. То же признают и авторы, являющиеся защитниками ex professo монополии частной собственности на землю, как, например, г-н Шарль Конт в двухтомной работе [«Traite de la propriete». Tome I. Paris, 1834, p. 2281, имеющей своей специальной целью защиту частной собственности. «Никакой народ», — говорит он, — «не может достигнуть той степени благосостояния и силы, которая соответствует его природе, если только каждая часть питающей его земли не получит назначения, наиболее согласного с общим интересом. Чтобы обеспечить широкое развитие его богатств, необходимо, чтобы по возможности единая и, самое главное, просвещенная воля взяла на себя распоряжение каждым отдельным участком его территории и добилась того, чтобы каждый участок служил для процветания всех остальных. Но существование такой воли... оказалось бы несовместимым с разделением земли на частные земельные участки... и с предоставленной всякому владельцу возможностью почти абсолютно по своему усмотрению распоряжаться своим имуществом». — Джонстон, Конт и др., встречаясь с противоречием собственности и рационального применения агрономии, обращают внимание лишь на необходимость возделывать землю данной страны как одно целое. Но и зависимость культуры отдельных земледельческих продуктов от колебания рыночных цен, и постоянное изменение этой культуры при таких колебаниях цен, и весь дух капиталистического производства, направленный на непосредственную, возможно быструю денежную выгоду, противоречат агрикультуре, которая должна обеспечить совокупность постоянных жизненных условий сменяющихся человеческих поколений. Яркий пример этого дает лесное хозяйство, которое лишь в тех случаях ведется до некоторой степени в соответствии с общественными интересами, когда лес не составляет частной собственности, а находится в ведении государства.

отношений господства и рабства, а с другой стороны, совершенно отделяет землю, как условие производства, от земельной собственности и от земельного собственника, для которого земля означает не что иное, как определенный денежный налог, взимаемый им, благодаря его монополии, с промышленного капиталиста, фермера; капиталистический способ производства настолько разрывает связь земельного собственника с землей, что последний может провести всю свою жизнь в Константинополе, между тем как его земельная собственность находится в Шотландии. Так собственность на землю получает свою чисто экономическую форму, освобождаясь от всех своих прежних политических и социальных покровов и примесей, короче, от всех тех традиционных придатков, на которые сами промышленные капиталисты, равно как и их теоретики, как мы увидим ниже, в пылу борьбы с земельной собственностью нападали как на бесполезное и нелепое излишество. С одной стороны, рационализация земледелия, впервые создающая возможность общественного ведения его, с другой стороны, сведение к абсурду земельной собственности — таковы великие заслуги капиталистического способа производства. Как и все свои другие исторические заслуги, он покупает и эту прежде всего ценой полного обнищания непосредственных производителей.

Прежде чем перейти к самому предмету, необходимо во избежание недоразумений сделать еще несколько предварительных замечаний.

Предпосылка капиталистического способа производства, стало быть, такова: действительные земледельцы суть наемные рабочие, запятые у капиталиста, арендатора, который ведет сельское хозяйство только как особую отрасль применения капитала, как приложение своего капитала к особой сфере производства. В определенные сроки, например ежегодно, этот капиталист-фермер уплачивает землевладельцу, собственнику эксплуатируемой им земли, установленную договором сумму денег (совершенно так же, как заемщик денежного капитала — определенный процент) за разрешение применить свой капитал в этой особой области производства. Эта денежная сумма называется земельной рентой, безразлично, уплачивается ли она с пахотной земли, строительного участка, руд-пиков, рыбных угодий, лесов и т. д. Она уплачивается за все время, на которое земельный собственник по договору ссудил, сдал землю арендатору. Следовательно, земельная рента здесь есть та форма, в которой земельная собственность экономически реализуется, приносит доход [verwertet]. Далее, мы имеем

здесь перед собой все три класса, которые в совокупности и в отношении друг к другу составляют остов современного общества: наемный рабочий, промышленный капиталист, земельный собственник.

Капитал может быть фиксирован в земле, вложен в нее или на относительно короткий срок, как при улучшениях химического свойства, применении удобрений и т. д., или на более длительный срок, как при строительстве осушительных каналов, оросительных сооружений, выравнивании поверхности почвы, возведении хозяйственных построек и т. д. В другом месте я назвал капитал, вложенный таким образом в землю, la terre-capital[28)]. Он относится к категории основного капитала. Процент за вложенный в землю капитал и за улучшения, таким образом произведенные в ней как в средстве производства, может составлять часть той ренты, которая уплачивается фермером собственнику земли[29)], но не это образует собственно земельную ренту, уплачиваемую за пользование землей как таковой, независимо от того, находится ли она в том состоянии, которое дано природой, или же она освоена. При систематическом изучении земельной собственности, что не входит в наш план, эту часть дохода земельного собственника нужно было бы рассмотреть подробно. Здесь же достаточно сказать несколько слов об этом. Краткосрочные затраты капитала, связанные с обычными производственными процессами в земледелии, все без исключения делаются фермером. Эти затраты, как и простое возделывание земли вообще, если только оно ведется до некоторой степени рационально, то есть не сводится к грубому истощению почвы, как было, например, у прежних американских рабовладельцев — против чего, однако, господа земельные собственники по контракту обеспечивают себе гарантию, — эти затраты улучшают почву[30)], увеличивают количество ее продукта и превращают землю из простой материи в землю-капитал. Возделанная земля больше стоит, чем невозделанная, обладающая такими же естественными свойствами. И основной капитал, вложенный в землю на более длительный срок, ис-

---

[28)] *Карл Маркс*. «Нищета философии». Брюссель и Париж, 1847 [см. настоящее издание, том 4, стр. 176]. Там я провожу различие между terre-matiere [земля-материя] и terre-capital [земля-капитал]. «Одним только новым вложением капиталов в участки земли, уже превращенные в средства производства, люди увеличивают землю-капитал без всякого увеличения материи земли, то есть пространства земли... Но земля-капитал не более вечна, чем всякий другой капитал... Земля-капитал есть основной капитал, но основной капитал так же изнашивается, как и оборотные капиталы».

[29)] Я говорю «может», потому что при известных обстоятельствах этот процент регулируется законом земельной ренты и потому, например в случае конкуренции новых земель, обладающих большим естественным плодородием, может исчезнуть.

[30)] См. Джемс Андерсон и Кэри[35].

пользуемый в течение сравнительно продолжительного времени, по большей части, а в некоторых сферах иногда исключительно, затрачивается также фермером. Когда же истекает определенный договором срок аренды, — и это одна из причин, почему с развитием капиталистического производства земельный собственник стремится по возможности сократить срок аренды, — тогда произведенные в земле улучшения достаются собственнику земли в качестве его собственности, как акциденции, неотделимые от субстанции, от земли. При заключении нового договора об аренде земельный собственник присоединяет к собственно земельной ренте процент на капитал, вложенный в землю, — безразлично, сдает ли он теперь землю тому самому фермеру, который произвел улучшение, или уже другому. Таким образом его рента разбухает; или если он намерен продать землю — мы сейчас увидим, как определяется ее цена, — теперь оказывается повышенной ее стоимость. Он продаст не просто землю, но улучшенную землю, вложенный в землю капитал, который ему ничего не стоил. Это одна из тайн — совершенно оставляя в стороне движение собственно земельной ренты — возрастающего с ходом экономического развития обогащения земельных собственников, постоянного разбухания их рент и возрастания денежной стоимости их земли. Так они кладут в свой частный карман то, что является результатом общественного развития, получающимся без содействия с их стороны, они как бы «fruges consumere nati»[36]. Но в то же время это — одна из величайших помех рациональному земледелию, потому что фермер избегает всяких улучшений и затрат, раз нельзя ожидать, что они целиком будут использованы до истечения срока его аренды; и мы видим, что на это обстоятельство, на эту помеху указывал в прошлом веке Джемс Андерсон, подлинный создатель современной теории ренты и в то же время фермер-практики видный для своей эпохи агроном[37], а в наши дни на это указывают противники современного строя земельной собственности в Англии.

А. А. Уолтон в работе «History of the Landed Tenures of Great Britain and Ireland». London, 1865 так говорит об этом (стр. 96—97):

«Все усилия многочисленных сельскохозяйственных ассоциаций в нашей стране не могут привести *к* значительному или действительно заметному прогрессу в области улучшения обработки земли, пока такие улучшения в гораздо большей степени увеличивают стоимость земельной собственности и размер ренты земельного собственника, чем улучшают положение фермера или сельскохозяйственного рабочего. В общем фермеры нисколько не хуже земельного собственника, его управляющего или даже президента сельскохозяйственной ассоциации знают, что хороший дренаж,

обильное удобрение и хорошее хозяйствование вместе с увеличенным применением труда для основательной расчистки и обработки земли дадут замечательные результаты как в отношении улучшения почвы, так и в отношении увеличения производства. Но все это требует значительных затрат, и фермеры не менее хорошо знают, что как бы ни улучшили они землю и ни повысили ее стоимость, с течением времени земельные собственники пожнут от этого главную выгоду в повышенной ренте и возросшей цене земли... Фермеры достаточно понятливы, чтобы заметить, что те ораторы» {земельные собственники и их управляющие, выступающие на сельскохозяйственных торжествах} «странным образом всегда забывают сказать им, что львиная доля всех улучшений, сделанных фермером, всегда, в конце концов, попадает в карман земельного собственника... как бы прежний арендатор ни улучшал арендованную землю, его преемник каждый раз будет находить, что земельный собственник повышает ренту соответственно повышению стоимости земли, достигнутому благодаря прежним улучшениям».

В собственно земледелии этот процесс проявляется еще не так ясно, как при использовании земли в качестве строительного участка. В Англии подавляющая часть земли под строительство не продается freehold*, а сдается земельными собственниками на 99 лет, или, если возможно, и на более короткий срок. По истечении этого срока строения вместе с самой землей достаются земельному собственнику.

«Они» {арендаторы} «обязуются, после того как они все время уплачивали вздутую земельную ренту, по истечении срока договора передать крупному земельному собственнику дом в хорошем, удобном для жилья состоянии. Едва истекает срок договора об аренде, как приходит агент или инспектор земельного собственника, осматривает ваш дом, заботится о том, чтобы вы привели его в хорошее состояние, потом вступает во владение им и присоединяет его к владениям своего лендлорда... Факт тот, что если полное действие этой системы будет сохранено еще на продолжительное время, все домовладение в королевстве, точно так же как земля в сельских округах, окажется в руках крупных земельных собственников. Почти весь Уэст-Энд[38] Лондона, к северу и югу от Темпл Бар[39], принадлежит примерно полдюжине крупных лендлордов, сдается в аренду, принося огромную земельную ренту, и там, где сроки договоров еще не совсем истекли, они быстро истекают один за другим. В большей или меньшей мере это относится и ко всем городам королевства. Но даже на этом не останавливается эта алчная система исключительности и монополии. Почти все доковые сооружения наших приморских городов вследствие такого же процесса узурпации находятся в руках крупных земельных левиафанов[40]» (там же, стр. 92—93).

При таких обстоятельствах очевидно, что если перепись 1861 г. для Англии и Уэльса при общей численности населения в 20066224 определяет число домовладельцев в 36032, то отношение числа собственников к числу домов и численности населения получило бы совершенно иной вид, если бы крупные собственники были указаны отдельно от мелких.

* — в собственность. *Ред.*

Этот пример собственности на строения важен, 1) потому что он ясно показывает различие между собственно земельной рентой и процентом на вложенный в землю основной капитал, — процентом, который может составлять придаток к земельной ренте. Пока продолжается срок арендного договора, процент на строение, как и на капитал, вкладываемый при обработке земли арендатором в землю, достается промышленному капиталисту — строительному спекулянту или фермеру — и сам по себе не имеет ничего общего с земельной рентой, которая должна уплачиваться ежегодно, в определенные сроки, за пользование землей; 2) потому что он показывает, как вместе с землей, в конце концов, достается земельному собственнику и вложенный в нее чужой капитал, и вследствие этого его рента возрастает на величину процента.

Некоторые авторы, отчасти как защитники земельной собственности против нападок буржуазных экономистов, отчасти стремясь превратить капиталистическую систему производства из системы противоречий в систему «гармонии», как, например, Кэри, старались представить, будто земельная рента, специфически экономическое выражение земельной собственности, тождественна с процентом. Тем самым стиралась бы противоположность между земельными собственниками и капиталистами. Обратный метод применялся в начале капиталистического производства. Тогда для ходячего представления земельная собственность была еще первоначальной и респектабельной формой частной собственности, между тем как процент на капитал подвергался нападкам как ростовщичество. Поэтому Дадли Норс, Локк и др. изображали процент на капитал как форму, аналогичную земельной ренте, — совершенно так же, как Тюрго из существования земельной ренты выводил оправдание процента. — Указанные авторы нового времени, совершенно оставляя в стороне тот факт, что земельная рента может существовать и существует в чистом виде, без всякой примеси процента на вложенный в землю капитал, забывают, что земельный собственник получает таким образом не только процент на чужой капитал, который ему ничего не стоил, но сверх того получает еще даром и чужой капитал в придачу. Оправдание земельной собственности, — как и всяких других форм собственности, соответствующих определенному способу производства, — заключается в том, что самый способ производства, а следовательно, и вытекающие из него отношения производства и обмена представляют собой историческую преходящую необходимость. Впрочем, как мы увидим ниже, земельная собственность отличается от остальных видов собственности тем,

что на известном уровне развития она представляется излишней и вредной, даже с точки зрения капиталистического способа производства*.

Земельная рента может быть смешана с процентом еще в одной форме, и в силу этого ее специфический характер может остаться непонятым. Земельная рента находит выражение к определенной сумме денег, которую земельный собственник ежегодно извлекает из сдачи в аренду известного участка земли. Мы видели, как всякий определенный денежный доход может капитализироваться, то есть рассматриваться как процент на воображаемый капитал. Если, например, средняя процентная ставка 5%, то годовая земельная рента в 200 ф. ст. может рассматриваться как процент на капитал в 4000 фунтов стерлингов. Капитализированная таким образом земельная рента и образует покупную цену, или стоимость, земли, категорию, которая prima facie** столь же иррациональна, как и цена труда, так как земля не есть продукт труда, следовательно, не имеет стоимости. Но с другой стороны, за этой иррациональной формой скрывается действительное производственное отношение. Если капиталист покупает за 4000 ф. ст. землю, приносящую годовую ренту в 200 ф. ст., то он получает средний годовой доход в 5% — совершенно так же, как если бы он вложил этот капитал в процентные бумаги или прямо отдал его в ссуду из 5%. Это — увеличение стоимости капитала в 4000 ф. ст. из 5%. При таком предположении в 20 лет он возместил бы покупную цену своего имения доходами с последнего. Поэтому в Англии покупная цена земель исчисляется по известному числу years' purchase***, что есть лишь иное выражение капитализации земельной ренты. В самом деле, это покупная цена — не земли, а той земельной ренты, которую она приносит, — исчисленная в соответствии с обычной процентной ставкой. Но эта капитализация ренты предполагает ренту, между тем как рента не может быть выведена и объяснена в обратном порядке, из ее собственной капитализации. Напротив, ее существование, независимо от продажи, является здесь предпосылкой, исходной точкой.

Из этого следует, что предполагая земельную ренту как постоянную величину, цена земли может повышаться и понижаться в обратном направлении с повышением и понижением ставки процента. Если бы обычная процентная ставка понизилась с 5% до 4%, то годовая земельная рента в 200 ф. ст.

* См. настоящий том, часть II, стр. 377—378. *Ред.*
** — на первый взгляд. *Ред.*
*** — годовых доходов, которыми окупится земля. *Ред.*

представляла бы годовой прирост стоимости капитала уже не в 4000 ф. ст., а в 5000 ф. ст., и таким образом цена того же самого участка земли повысилась бы с 4000 до 5000 ф. ст. или с 20 years' purchase до 25. В противоположном случае произошло бы обратное. Это — независимое от движения самой земельной ренты и регулируемое лишь процентной ставкой движение цены земли. Но так как мы видели, что в ходе общественного развития норма прибыли, а вместе с ней и процентная ставка, поскольку она регулируется нормой прибыли, имеет тенденцию понижаться; что, далее, даже оставляя в стороне норму прибыли, процентная ставка имеет тенденцию понижаться вследствие роста ссудного денежного капитала, — то из этого следует, что цена земли имеет тенденцию повышаться и независимо от движения земельной ренты и цены земельных продуктов, часть которой составляет рента.

Смешение самой земельной ренты с той формой процента, которую она принимает для покупателя земли, — смешение, основанное на полном непонимании природы земельной ренты, — необходимо приводит к удивительнейшим ложным заключениям. Так как земельная собственность во всех старых странах считается особо почтенной формой собственности, а купля земельной собственности — особо надежным вложением капитала, то процентная ставка, на основе которой покупается земельная рента, стоит в большинстве случаев ниже, чем процентная ставка при других капиталовложениях, рассчитанных на сравнительно продолжительное время, так что, например, покупатель земли получает на покупную цену всего 4%, между тем как он получил бы на тот же капитал при ином его вложении 5%; или, что сводится к тому же, он уплачивает за земельную ренту больше капитала, чем пришлось бы ему уплатить за такой же годовой денежный доход в других областях приложения капитала. Г-н Тьер в своей вообще совершенно дрянной работе о собственности (оттиске его речи против Прудона, произнесенной в 1848 г. во французском Национальном собрании)[41] делает из этого тот вывод, что земельная рента низка, между тем как это только доказывает, что покупная цена ее высока.

То обстоятельство, что капитализированная земельная рента представляется как цена земли, или стоимость земли, и что земля таким образом продается и покупается подобно всякому другому товару, служит для некоторых апологетов основанием для оправдания земельной собственности, так как покупатель платил за нее, как и за всякий другой товар, эквивалент, и бо́льшая часть земельной собственности перешла таким образом из рук в руки. Но в таком случае подобное соображение служили

бы оправданием и для рабства, потому что для рабовладельца, заплатившего за раба наличными, выручка от рабского труда представляет лишь процент на капитал, затраченный на его покупку. Вообще выводить из купли и продажи земельной ренты оправдание ее существования — это значит оправдывать ее существование ее существованием.

Как ни важно для научного анализа земельной ренты, — то есть самостоятельной, специфической экономической формы земельной собственности на базисе капиталистического способа производства, — как ни важно изучить ее в чистом виде, свободной от всех фальсифицирующих и затушевывающих ее примесей, не менее важно, с другой стороны, для понимания практических последствий земельной собственности и даже для теоретического познания массы фактов, которые противоречат понятию и природе земельной ренты и, однако, выступают как формы существования земельной ренты, — не менее важно познакомиться с элементами, которые приводят к этим затемнениям теории.

На практике все, что фермер платит земельному собственнику в форме арендных денег за разрешение возделывать землю, выступает, естественно, как земельная рента. Из каких бы составных частей ни складывалась эта дань, из каких бы источников она ни происходила, для нее с собственно земельной рентой обще то, что монополия на часть территории земли дает так называемому земельному собственнику силу взимать дань, налагать контрибуцию. Для нее с собственно земельной рентой обще то, что она определяет цену земли, которая, как показано выше, есть не что иное, как капитализированный доход от сдачи земли в аренду.

Мы уже видели, что процент на вложенный в землю капитал может образовать такую инородную составную часть земельной ренты, составную часть, которая с ходом экономического развития будет образовывать постоянно возрастающее дополнение к совокупной сумме ренты данной страны. Но даже оставляя этот процент в стороне, возможно, что в арендных деньгах частично, а в известных случаях исключительно, —при полном, следовательно, отсутствии собственно земельной ренты, когда земля поэтому в действительности ничего не стоит, — скрывается вычет из средней прибыли, или из нормальной заработной платы, или из той и другой одновременно. Эта часть — прибыли или заработной платы — выступает здесь в образе земельной ренты, потому что она не достается, как это бывает в нормальных случаях, промышленному капиталисту или наемному рабочему, а уплачивается в форме арендных денег земельному собст-

веннику. Ни та, ни другая часть не составляет земельной ренты в экономическом смысле этого слова; но практически она составляет доход земельного собственника, является экономической реализацией его монополии совершенно так же, как действительная земельная рента, и точно так же как последняя определяющим образом влияет на цену земли.

Мы не говорим здесь о таких отношениях, когда формально существует земельная рента, это соответствующее капиталистическому способу производства выражение земельной собственности, но когда нет самого капиталистического способа производства, когда сам фермер не является предпринимателем-капиталистом и характер его хозяйствования не является капиталистическим. Таково, например, положение в *Ирландии.* Фермер здесь в общем мелкий крестьянин. То, что он уплачивает в виде арендной платы земельному собственнику, зачастую поглощает не только часть его прибыли, то есть его собственного прибавочного труда, на который он имеет право как собственник орудий своего труда, но и часть нормальной заработной платы, которую он получал бы при других условиях за такое же количество труда. Кроме того, земельный собственник, который здесь совершенно ничего не делает для улучшения почвы, экспроприирует у арендатора его небольшой капитал, вложенный им в землю по большей части собственным трудом, — точно так же, как сделал бы ростовщик при аналогичных условиях. Но ростовщик рискует при подобных операциях, по крайней мере, своим собственным капиталом. Такое постоянное ограбление составляет предмет раздоров в области ирландского земельного законодательства, которое главным образом сводится к тому, чтобы заставить земельного собственника, прекращающего аренду, компенсировать арендатора за произведенные им улучшения почвы или за вложенный в землю капитал[42]. Пальмерстон обыкновенно давал на это циничный ответ:

«Палата общин является палатой земельных собственников».

Мы не говорим также о тех исключительных отношениях, когда даже в странах капиталистического производства земельный собственник может выжимать высокую арендную плату, которая не стоит ни в каком соответствии с продуктом земли, примером чего может служить в английских промышленных округах сдача мелких клочков земли в аренду фабричным рабочим под маленькие садики или для ведения любительского земледелия в часы досуга (см. «Reports of Inspectors of Factories»).

Мы говорим о земледельческой ренте в странах развитого капиталистического производства. Например, среди английских

фермеров имеется известное количество мелких капиталистов которые в силу воспитания, образования, традиции, конкуренции и других обстоятельств предназначены и вынуждены к тому, чтобы в качестве фермеров вкладывать свой капитал в земледелие. Они вынуждены довольствоваться прибылью меньшей, чем средняя, и отдавать часть ее в форме ренты собственнику земли. Только при этом условии им разрешается вкладывать свой капитал в землю, в земледелие. Так как земельные собственники повсюду оказывают значительное, в Англии даже преобладающее влияние на законодательство, то это влияние может быть использовано для того, чтобы обирать целый класс фермеров. Правда, например, хлебные законы 1815 г.[43], — налог на хлеб, которым обложили население страны откровенно с той целью, чтобы обеспечить для праздных земельных собственников дальнейшее существование доходов, непомерно возросших во время антиякобинской войны[44] — оказали, если не считать отдельных исключительно урожайных годов, то действие, что поддерживали цены сельскохозяйственных продуктов выше уровня, на котором они были бы при свободном ввозе хлеба. Однако эти законы не смогли поддерживать цены на уровне, который декретировался вершащими законодательство земельными собственниками в качестве нормальных цен, образующих законный предел для ввоза иностранного хлеба. Между тем арендные договоры заключались под влиянием этих нормальных цен. Когда иллюзии рассеялись, был составлен новый закон с новыми нормальными ценами, которые, однако, были столь же бессильным выражением фантазии алчных земельных собственников, как и старые. Таким способом фермеров обманывали с 1815 до 30-х годов. Отсюда agricultural distress[*] как постоянная тема на протяжении всего этого времени. Отсюда экспроприация и разорение целого поколения фермеров в течение этого периода и замещение их новым классом капиталистов[31)].

Но несравненно более общим и важным фактом является понижение заработной платы собственно земледельческих рабочих ниже нормального среднего уровня, так что часть заработной платы отнимается у рабочего, образует составную часть арендной платы и таким образом под видом земельной ренты достается земельному собственнику, а не рабочему. Например,

---

[*] — бедственное положение сельского хозяйства. *Ред.*

[31)] См. Anti-Corn-Law Prize-Essays[45]. Тем не менее хлебные законы все же поддерживали цены на искусственно повышенном уровне. Это благоприятствовало лучшим фермерским хозяйствам. Они выигрывали от застоя, в котором запретительные пошлины держали подавляющую массу фермеров, уповавших — имея для этого основания или нет, дело другое, — на исключительную среднюю цену.

в Англии и Шотландии, за исключением немногих графств, находящихся в благоприятном положении, это общее явление. Труды учрежденных перед введением хлебных законов в Англии парламентских следственных комиссий по вопросу о высоте заработной платы[46] — до сих пор самые ценные и почти совершенно неиспользованные материалы по истории заработной платы в XIX веке и в то же время позорный памятник, воздвигнутый английской аристократией и буржуазией самим себе, — с очевидностью, вне всякого сомнения, доказывают, что высокие рентные ставки и соответствующий им рост цены на землю во время антиякобинской войны являются отчасти результатом просто вычета из заработной платы и ее понижения даже ниже физического минимума, то есть результатом передачи некоторой части нормальной заработной платы земельному собственнику. Различные обстоятельства, между прочим обесценение денег, способ применения законов о бедных в земледельческих округах[47] и т. д., сделали возможной эту операцию в то самое время, когда доходы фермеров колоссально возрастали и земельные собственники сказочно обогащались. Ведь одним из главных аргументов как фермеров, так и земельных собственников в пользу введения хлебных пошлин был тот довод, что физически невозможно еще больше понизить заработную плату сельскохозяйственных батраков. Это положение не претерпело существенных изменений, и в Англии, как и во всех европейских странах, часть нормальной заработной платы попрежнему является составной частью земельной ренты. Когда граф Шефтсбери, в то время лорд Эшли, один из филантропов-аристократов, чрезвычайно обеспокоенный положением английских фабричных рабочих, во время кампании за десятичасовой рабочий день выступил их парламентским защитником, то в ответ защитники промышленников опубликовали статистические данные о заработной плате сельскохозяйственных рабочих в принадлежащих ему деревнях (см. «Капитал», кн. I, гл. XXIII. 5, е: «Британский сельскохозяйственный пролетариат»)[48], эти данные ясно показали, что часть земельной ренты этого филантропа получается просто от грабежа, который за него учиняют его арендаторы из заработной платы сельскохозяйственных рабочих. Эта публикация интересна еще и потому, что приведенные в ней факты могут быть смело поставлены рядом с самыми позорными фактами, которые были раскрыты комиссиями 1814 и 1815 годов[49]. Когда обстоятельства вынуждают к временному повышению заработной платы сельскохозяйственных рабочих, тотчас раздаются вопли фермеров, что повышение заработной платы до нормального уровня, как это имеет

место в других отраслях промышленности, вещь невозможная, что оно неизбежно разорит их, если не будет одновременно понижена земельная рента. Здесь, таким образом, заключается признание, что под маркой земельной ренты арендаторы делают вычет из заработной платы и выплачивают этот вычет земельному собственнику. Например, за 1849—1859 гг. заработная плата сельскохозяйственных рабочих в Англии повысилась благодаря следующим обстоятельствам, имевшим решающее значение: массовая эмиграция из Ирландии, прекратившая приток оттуда сельскохозяйственных рабочих, необычное поглощение сельского населения фабричной промышленностью, спрос на солдат для войны, необычная эмиграция в Австралию и Соединенные Штаты (в Калифорнию) и другие причины, на которых здесь не приходится останавливаться подробнее. В то же время в этот период, за исключением неурожайных 1854—1856 гг., средние цены на хлеб понизились более чем на 16%. Арендаторы подняли крик, требуя понижения размеров ренты. В отдельных случаях они достигли этого. Вообще же они с этим требованием потерпели неудачу. Они искали выхода в понижении издержек производства, между прочим, путем массового введения паровых локомобилей и новых машин, которые отчасти заменяли и вытесняли из хозяйства лошадей, отчасти же, высвобождая сельскохозяйственных рабочих, вызывали искусственное перенаселение, а потому и новое понижение заработной платы. И это происходило, несмотря на общее относительное, по сравнению с ростом всего населения, уменьшение сельского населения за это десятилетие и несмотря на абсолютное уменьшение этого населения в некоторых чисто земледельческих округах[32)]. Об этом же 12 октября 1865 г. Фосетт, тогда профессор политической экономии в Кембридже (умер в 1884 г., будучи генерал-почтмейстером), говорил на конгрессе социальных наук[51]:

> «Сельскохозяйственные рабочие начинают эмигрировать, и арендаторы начинают жаловаться, что они не в состоянии будут платить столь высокие ренты, как обыкновенно платили, потому что вследствие эмиграции труд становится дороже».

Следовательно, здесь высокая земельная рента прямо отождествляется с низкой заработной платой. И поскольку высота цены земли обусловливается этим обстоятельством, повышающим ренту, постольку повышение стоимости земли тождест-

---

32) *John Ch. Morton*. «On the Forces used in Agriculture». Доклад, прочитанный в лондонском Обществе искусств и ремесел[50] в 1859 г., основан на подлинных документах, полученных примерно от 100 арендаторов 12 шотландских и 35 английских графств.

венно с обесценением труда, а высокий уровень цены земли тождествен с низким уровнем цены труда. То же самое имеет место и во Франции.

«Арендная плата повышается, потому что на одной стороне повышается цена хлеба, вина, мяса, овощей и фруктов, а на другой стороне цена труда остается неизменной. Если бы старики сравнили счета их отцов, — что возвращает нас назад почти на 100 лет, — они нашли бы, что тогда цена рабочего дня в сельских округах Франции была точно такая же, как в настоящее время. Цена же мяса с того времени утроилась... Кто жертва этого переворота? Богач, являющийся собственником сдаваемой в аренду земли, или бедняк, который ее обрабатывает?.. Повышение арендной платы есть доказательство общественного бедствия» («Du Mecanisme de la Societe en France et en Angleterre». Par M. Rubichon. Nouvelle edit., Paris, 1837, p. 101).

Примеры ренты как следствия вычета из средней прибыли. с одной стороны, и из средней заработной платы, с другой:

Цитированный выше Мортон[52], земельный агент и сельскохозяйственный инженер, рассказывает, что, согласно сделанным во многих местах наблюдениям, ренты за крупные аренды ниже, чем за более мелкие, так как

«конкуренция из-за последних обычно больше, чем из-за первых, и так как мелкие арендаторы, которые редко имеют возможность заняться чем-либо иным, кроме сельского хозяйства, вынужденные в силу необходимости находить подходящее дело, часто соглашаются платить такую ренту, о которой они сами знают, что она слишком высока» (John L. Morton. «The Resources of Estates etc.». London, 1858, p. 116).

Однако, по его мнению, в Англии это различие постепенно стирается, чему, как он полагает, сильно содействует эмиграция как раз класса мелких арендаторов. Тот же Мортон приводит пример, когда в земельную ренту несомненно входит вычет из заработной платы самого фермера и, следовательно, еще несомненнее — из заработной платы рабочих, которых он нанял. В частности, это имеет место при арендах менее 70—80 акров (30— 34 гектара), когда невозможно держать пароконный плуг.

«Если арендатор сам не работает так же прилежно, как любой рабочий, он не может существовать за счет своей аренды. Если он предоставит выполнение работы своим людям, а сам ограничится исключительно надзором за ними, он, по всей вероятности, очень скоро убедится, что не в состоянии уплачивать свою ренту» (там же, стр. 118).

Из этого Мортон делает тот вывод, что если арендаторы в данной местности не очень бедны, то сдаваемые в аренду участки не должны быть менее 70 акров, так чтобы фермер мог держать 2—3 лошадей.

Необычайную мудрость обнаруживает г-н Леонс де Лавернь, член Института[53] и Национального центрального

сельскохозяйственного общества. В своем труде «Economie Rurale de l'Angleterre» (цитируется по английскому переводу, [The Rural Economy of England etc.»] London, 1855) он приводит следующие сравнения годовых выгод от крупного рогатого скота, который во Франции применяется на сельскохозяйственных работах, а в Англии не применяется, так как здесь эти работы выполняются при помощи лошадей (стр. 42):

Франция:	молоко	4 млн.ф. ст.		Англия:	молоко	16 млн.ф. ст.
	мясо	16 » » »			мясо	20 » » »
	работа	8 » » »			работа	—
		28 млн.ф. ст.				36 млн.ф. ст.

Более высокий показатель получается потому, что, согласно его собственным данным, молоко в Англии стоит вдвое дороже, чем во Франции, между тем как для мяса он предполагает одинаковые цены в обеих странах (стр. 35); следовательно, если стоимость молочного продукта в Англии сокращается до 8 млн. ф. ст., то стоимость всего продукта сократится до 28 млн. ф. ст., как во Франции. Действительно, это, пожалуй, слишком сильно, коль скоро г-н Лавернь вводит в свое вычисление одновременно и разные количества продукта и различие цен; так что если Англия производит известные продукты дороже, чем Франция,— что может означать лишь большую прибыль для арендаторов и земельных собственников, — то это представляется как преимущество английского сельского хозяйства.

Что г-н Лавернь знаком не только с экономическими показателями английского сельского хозяйства, но разделяет и предрассудки английских фермеров и земельных собственников, это он показывает на стр. 48:

«Крупная невыгода обыкновенно сопряжена с зерновыми культурами... они истощают почву, на которой произрастают».

Г-н Лавернь не только полагает, что другие растения этого не делают, — он полагает также, что кормовые травы и корнеплоды обогащают землю:

«Кормовые культуры получают главные элементы своего роста из атмосферы и возвращают почве больше, чем извлекают из нее; таким образом они двояко — и прямо и вследствие их превращения в навоз — содействуют возмещению вреда, причиненного зерновыми и другими истощающими культурами; отсюда правило, чтобы они по меньшей мере чередовались с кормовыми культурами; в этом состоит норфолкский севооборот» (стр. 50—51).

Не удивительно, что г-н Лавернь, веря этим сказкам английского сельского хозяина[54], верит ему также и в том, что после отмены хлебных законов заработная плата английских сель-

скохозяйственных рабочих утратила свой прежний ненормальный характер. См., что мы говорили об этом раньше, «Капитал», кн. I, гл. XXIII, 5, стр. 701—729[55]. Однако обратимся еще к речи г-на Джона Брайта, произнесенной в Бирмингеме 13 декабря 1865 года. Сказав о 5 миллионах семейств, вовсе не представленных в парламенте, он продолжает:

«Из них в Соединенном королевстве 1 миллион или, вернее, больше 1 миллиона занесены в злополучные списки нищих. Затем еще 1 миллион, которые пока еще держатся выше уровня пауперизма, но которым постоянно угрожает опасность тоже сделаться нищими. Их положение и их перспективы не лучше. Посмотрите же, наконец, на невежественные низшие слои этой части общества. Обратите внимание на их участь, как отверженных, на их бедность, их страдания, их полнейшую безнадежность. Даже в Соединенных Штатах, даже в южных штатах при господство рабства у всякого негра оставалась надежда, что и он когда-нибудь может получить свободу. Но у этих людей, у этой массы низших слоев нашей страны не существует, — я должен здесь прямо сказать это, — ни надежды на какое-либо улучшение, ни даже стремления к этому. Читали ли вы недавно в газетах заметку о Джоне Кроссе, сельскохозяйственном рабочем из Дорсетшира? Он работал по 6 дней в неделю, имел превосходный отзыв от своего хозяина, на которого он работал 24 года, получая в неделю по 8 шиллингов. На эту заработную плату Джон Кросс должен был содержать в своей хижине семью из 7 детей. Чтобы обогреть свою больную жену и грудного ребенка, он взял, — выражаясь языком закона, могут сказать украл, — деревянный плетень стоимостью в 6 пенсов. Мировые судьи приговорили его за этот проступок к 14 или 20 дням тюрьмы... Я могу сказать вам, что во всей стране можно найти многие тысячи таких случаев, как с Джоном Кроссом, особенно на юге, и что положение этих людей таково, что до сих пор самый внимательный наблюдатель не мог раскрыть тайны, как они сводят концы с концами. А теперь бросьте взгляд на всю страну и посмотрите на эти 5 миллионов семейств и на отчаянное положение, в каком находится этот слой населения. Не следует ли по совести сказать, что эта часть нации, лишенная избирательного права, мучится, вечно мучится на работе и почти совсем не знает отдыха? Сравните ее положение с положением господствующего класса — однако, если я стану говорить так, меня обвинят в коммунизме... Но сравните эту огромную, изнуряющую себя работой, лишенную избирательного права массу людей, с той частью населения, которую можно считать господствующими классами. Посмотрите на их богатство, их великолепие, их роскошь. Посмотрите на их усталость, — потому что и среди них наблюдается усталость, но это усталость от пресыщения, — посмотрите, как они мотаются с места на место, как будто весь смысл жизни в том, чтобы искать новые удовольствия» («Morning Star»[56], 14 декабря 1865 года).

Ниже будет показано, как прибавочный труд, а потому и прибавочный продукт вообще, смешивается с земельной рентой, этой частью прибавочного продукта, специфически определенной — по крайней мере на базисе капиталистического способа производства — с количественной и качественной стороны. Естественным базисом прибавочного труда вообще, то есть тем естественным условием, без которого он невозможен, является

то, что при затрате рабочего времени, не поглощающего всего рабочего дня, природа доставляет необходимые средства существования — в продуктах земли, растительных и животных, или в продуктах рыболовства и т. д. Эта естественная производительность земледельческого труда (куда в данной связи относится простое собирательство: охота, рыболовство, разведение скота) является основой всякого прибавочного труда, так как первоначально всякий труд в первую очередь направлен на присвоение и производство продуктов питания. (Но животные доставляют в то же время шкуру для защиты от холода в условиях холодного климата; кроме того, пещеры используются под жилье и т. д.)

Такое же смешение прибавочного продукта и земельной ренты, только в иных выражениях, встречается у г-на Дава[57]. Первоначально земледельческий труд и промышленный труд не отделены один от другого; последний примыкает к первому. Прибавочный труд и прибавочный продукт земледельческого племени, домашней общины или семьи заключает в себе как земледельческий, так и промышленный труд. Тот и другой идут рука об руку. Охота, рыболовство, земледелие невозможны без соответствующих орудий. Ткачество, прядение и т. д. сначала ведутся как подсобные при земледелии работы.

Раньше мы показали, что как труд отдельного рабочего распадается на необходимый и прибавочный труд, так и совокупный труд рабочего класса можно разделить таким образом, что часть, которая производит жизненные средства для всего рабочего класса (включая сюда и необходимые для этого средства производства), выполняет необходимый труд для всего общества. Труд, выполняемый всей остальной частью рабочего класса, можно рассматривать как прибавочный труд. Но необходимый труд заключает в себе отнюдь не только земледельческий труд, но также и тот труд, который производит все остальные продукты, необходимо входящие в среднее потребление рабочего. Кроме того, с общественной точки зрения одни выполняют только необходимый труд лишь потому, что другие выполняют только прибавочный труд, и наоборот. Это — лишь разделение труда между ними. Так же обстоит дело и с разделением труда между земледельческими и промышленными рабочими вообще. Чисто промышленному характеру труда на одной стороне соответствует чисто земледельческий на другой. Этот чисто земледельческий труд отнюдь не дан природой, он сам есть продукт общественного развития, притом продукт весьма новый, далеко не повсюду достигнутый, и соответствует вполне определенной ступени в развитии производства. Подобно

тому как часть земледельческого труда овеществляется в продуктах, которые или служат только предметами роскоши или образуют сырой материал для промышленности, но вовсе не входят в питание, не говоря уже о питании народных масс, — точно так же, с другой стороны, часть промышленного труда овеществляется в продуктах, которые служат необходимыми предметами потребления как сельскохозяйственных, так и несельскохозяйственных рабочих. Было бы ошибочно рассматривать этот промышленный труд как прибавочный труд — с общественной точки зрения. Он в известной части такой же необходимый труд, как и необходимая часть земледельческого труда. Да он и есть лишь обособившаяся форма известной части того промышленного труда, который раньше был естественно соединен с земледельческим трудом, необходимое взаимное дополнение отделившегося теперь от него чисто земледельческого труда. (Если рассматривать дело с чисто материальной стороны, то, например, 500 ткачей, работая при помощи механических станков, производят гораздо больше тканей, чем требуется для их собственной одежды.)

Наконец, рассматривая формы проявления земельной ренты, то есть рассматривая арендную плату, которая уплачивается под титулом земельной ренты собственнику земли за использование земли в целях производства или потребления, необходимо помнить, что цена предметов, которые сами по себе не имеют стоимости, то есть не являются продуктами труда, как, например, земля, или, по крайней мере, не могут быть воспроизведены трудом, как, например, памятники древности, художественные произведения определенных мастеров и т. д., может определяться весьма случайными обстоятельствами. Чтобы продать вещь, для этого не требуется ничего иного, как только чтобы она способна была сделаться объектом монополии и отчуждения.

При рассмотрении земельной ренты следует избегать трех главных ошибок, которые затемняют анализ.

1) Смешение различных форм ренты, соответствующих различным ступеням развития общественного процесса производства.

Какова бы ни была специфическая форма ренты, всем ее типам обще то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность, и что земельная рента, в свою очередь, предполагает земельную собственность, собственность определенных индивидуумов на определенные участки земли, будет ли собственником

лицо, являющееся представителем общины [Gemeinwesen], как в Азии, Египте и т. д., или эта земельная собственность будет лишь составной частью собственности определенных лиц на личность непосредственных производителей, как при системе рабства или крепостничества, или же это будет чисто частная собственность непроизводителей на природу, просто титул собственности на землю, или, наконец, это будет такое отношение к земле, которое, как у колонистов и мелкокрестьянских землевладельцев, представляется непосредственно как присвоение и производство продуктов на определенных участках земли непосредственными производителями, труд которых изолирован и социально не развит.

Это *общее* для различных форм ренты — то, что она есть экономическая реализация земельной собственности, юридической фикции, в силу которой различным индивидуумам принадлежит исключительное владение определенной земельной площадью, — это *общее* ведет к тому, что различия не замечаются.

2) Всякая земельная рента есть прибавочная стоимость, продукт прибавочного труда. В своей неразвитой форме, в форме натуральной ренты, она еще непосредственно является прибавочным продуктом. Отсюда то заблуждение, будто рента, соответствующая капиталистическому способу производства и являющаяся избытком над прибылью, то есть над той частью стоимости товара, которая сама состоит из прибавочной стоимости (прибавочного труда), — будто эта особая и специфическая составная часть прибавочной стоимости получит должное объяснение, раз будут объяснены общие условия существования прибавочной стоимости и прибыли вообще. Эти условия таковы: непосредственные производители должны работать больше того времени, которое требуется для воспроизводства их собственной рабочей силы, для воспроизводства их самих. Они вообще должны совершать прибавочный труд. Это — субъективное условие. Объективное же заключается в том, чтобы они *могли* совершать прибавочный труд; естественные условия должны быть таковы, чтобы *части* рабочего времени, которым располагают непосредственные производители, хватало для **их** воспроизводства и самосохранения как производителей, чтобы производство необходимых им жизненных средств не поглощало всей их рабочей силы. Естественное плодородие составляет здесь одну границу, одну исходную точку, одну основу. Другую же составляет развитие общественной производительной силы труда. Рассматривая вопрос еще подробнее, — так как производство продуктов питания является самым первым условием

жизни непосредственных производителей и всякого производства вообще, — труд, примененный в этом производстве, следовательно, земледельческий труд в самом широком экономическом смысле этого слова должен быть настолько плодотворен, чтобы производством продуктов питания для непосредственных производителей поглощалось не все возможное рабочее время, то есть чтобы был возможен земледельческий прибавочный труд, а потому и земледельческий прибавочный продукт. Далее: необходимо, чтобы весь земледельческий труд — необходимый и прибавочный труд — некоторой части общества был достаточен для того, чтобы производить необходимые продукты питания для всего общества, то есть и для неземледельческих рабочих; следовательно, чтобы было возможно это крупное разделение труда между работниками земледелия и промышленности, а также между теми из работников земледелия, которые производят продукты питания, и теми, которые производят сырые материалы. Хотя труд непосредственных производителей продуктов питания распадается для них самих на необходимый и прибавочный труд, однако, по отношению к обществу он представляет лишь необходимый труд, требующийся для производства продуктов питания. Впрочем, то же самое имеет место при всяком разделении труда внутри всего общества, в отличие от разделения труда внутри отдельной мастерской. Это — труд, необходимый для производства особого рода предметов, для удовлетворения особой потребности общества в этих особых предметах. Если это разделение пропорционально, то продукты различных групп продаются по их стоимостям (при дальнейшем развитии по их ценам производства) или же по ценам, которые суть модификации этих стоимостей, соответственно цен производства, определяемых общими законами. Закон стоимости в действительности проявляется не по отношению к отдельным товарам или предметам, но каждый раз по отношению ко всей совокупности продуктов отдельных обособившихся благодаря разделению труда общественных сфер производства; так что не только на каждый отдельный товар употреблено лишь необходимое рабочее время, но и из всего общественного рабочего времени на различные группы употреблено лишь необходимое пропорциональное количество. Ибо условием остается, чтобы товар представлял собой потребительную стоимость. Но если потребительная стоимость отдельного товара зависит от того, удовлетворяет ли он сам по себе какую-либо потребность, то потребительная стоимость известной массы общественных продуктов зависит от того, адекватна ли она количественно определенной общественной потребности в продукте каждого особого

рода и, следовательно, от того, пропорционально ли, в соответствии ли с этой общественной, количественно определенной потребностью распределен труд между различными сферами производства. (Следует остановиться на этом пункте в связи с распределением капитала между различными сферами производства.) Общественная потребность, то есть потребительная стоимость в общественном масштабе, — вот что определяет здесь долю всего общественного рабочего времени, которая приходится на различные особые сферы производства. Но это — все тот же закон, который обнаруживается уже по отношению к отдельному товару, а именно: что потребительная стоимость товара есть предпосылка его меновой стоимости, а потому и его стоимости. Этот пункт касается отношения между необходимым и прибавочным трудом лишь постольку, поскольку при нарушении этой пропорции не может быть реализована стоимость товара, а потому и заключающаяся в ней прибавочная стоимость. Пусть, например, хлопчатобумажных тканей произведено непропорционально много, хотя во всем этом продукте, в этих тканях реализовано лишь необходимое для этого при данных условиях рабочее время. Но вообще-то на эту особую отрасль затрачено слишком много общественного труда, то есть часть продукта бесполезна. Поэтому весь продукт удастся продать лишь так, как если бы он был произведен в необходимой пропорции. Эта количественная граница тех частей общественного рабочего времени, которые можно целесообразно затратить на различные особые сферы производства, есть лишь более развитое выражение закона стоимости вообще, хотя необходимое рабочее время приобретает здесь иной смысл. Для удовлетворения общественной потребности необходимо столько-то рабочего времени. Ограничение проявляется здесь при посредстве потребительной стоимости. Общество при данных условиях производства на такой-то продукт определенного рода может затратить лишь столько-то из своего совокупного рабочего времени. Но субъективные и объективные условия прибавочного труда и прибавочной стоимости вообще не имеют никакого отношения к конкретной, определенной форме как прибыли, так и ренты. Они имеют значение для прибавочной стоимости, как таковой, какие бы особые формы она ни принимала. Поэтому они не объясняют земельной ренты.

3) Как раз в экономической реализации земельной собственности, в развитии земельной ренты представляется особенно своеобразным то обстоятельство, что ее величина определяется отнюдь не ее получателем, а развитием общественного труда, независимым от ее получателя, совершающимся помимо него.

Поэтому легко принять за своеобразную особенность ренты (и вообще земледельческого продукта) то, что на основе товарного производства — и, точнее, капиталистического производства, которое во всем своем объеме есть товарное производство, — обще всем отраслям производства и всем их продуктам.

В ходе общественного развития величина земельной ренты (а вместе с ней и стоимость земли) развивается как результат совокупного общественного труда. С одной стороны, с общественным развитием возрастают рынок и спрос на продукты земли, с другой стороны — спрос непосредственно на самоё землю как непременное условие производства для всевозможных, даже и не земледельческих отраслей хозяйства. Точнее, если говорить только о собственно земледельческой ренте, рента, а вместе с ней и стоимость земли развиваются вместе с рынком для продукта земли и, следовательно, с ростом неземледельческого населения, с его потребностью и спросом отчасти на продукты питания, отчасти на сырые материалы. По самой своей природе капиталистический способ производства постоянно уменьшает земледельческое население сравнительно с неземледельческим, так как в промышленности (в узком смысле) возрастание постоянного капитала за счет переменного связано с абсолютным возрастанием переменного капитала, несмотря на его относительное уменьшение. Наоборот, в земледелии переменный капитал, требуемый для обработки данного участка земли, уменьшается абсолютно; следовательно, возрастание переменного капитала возможно лишь тогда, когда подвергается обработке новая земля, а это опять-таки предполагает еще большее возрастание неземледельческого населения.

В действительности это явление не представляет специфической особенности земледелия и его продуктов. Напротив, на основе товарного производства и его абсолютной формы, капиталистического производства, то же самое характерно и для всех других отраслей производства и продуктов.

Эти продукты лишь постольку являются товарами, то есть потребительными стоимостями, имеющими меновую стоимость, подлежащую реализации — превращению в деньги, — поскольку другие товары составляют эквивалент для них, поскольку другие продукты противополагаются им как товары и как стоимости; другими словами, постольку, поскольку эти продукты производятся не как непосредственные средства существования для тех, кто произвел их, а как товары, как продукты, превращающиеся в потребительные стоимости лишь посредством превращения в меновую стоимость (деньги),

посредством отчуждения. Рынок для этих товаров развивается вследствие общественного разделения труда; разделение производительных работ превращает их продукты взаимно в товары, в эквиваленты друг для друга, заставляя их служить один для другого рынком. Здесь нет совершенно ничего специфически характерного для земледельческих продуктов.

Рента может развиться как денежная рента лишь на основе товарного производства, точнее, капиталистического производства, и она развивается в той самой мере, в какой земледельческое производство становится товарным производством, следовательно, в той самой мере, в какой неземледельческое производство развивается как самостоятельное по отношению к нему производство, потому что в той же мере земледельческий продукт становится товаром, меновой стоимостью и стоимостью. В той самой мере, как с капиталистическим производством развивается товарное производство, а потому производство стоимости, — развивается производство прибавочной стоимости и прибавочного продукта. Но в той же мере, как развивается последнее, развивается и способность земельной собственности захватывать посредством своей монополии на землю все возрастающую часть этой прибавочной стоимости, а тем самым повышать стоимость своей ренты и цену самой земли. В развитии этой прибавочной стоимости и прибавочного продукта капиталист все же является еще самодеятельным агентом. Земельному же собственнику приходится только захватывать все возрастающую таким образом без его содействия долю прибавочного продукта и прибавочной стоимости. Вот в чем заключается характерная особенность его положения, а не в том, что стоимость продуктов земли, а потому и самой земли, все более возрастает в той мере, как расширяется рынок для них, растет спрос, а вместе с ним мир товаров, противостоящий продукту земли, то есть, говоря иными словами, в той мере, как растет масса неземледельческих товаропроизводителей и неземледельческого товарного производства. Но так как это происходит без содействия земельного собственника, то представляется какой-то его специфической особенностью то явление, что масса стоимости, масса прибавочной стоимости и превращение части этой прибавочной стоимости в земельную ренту зависят от общественного процесса производства, от развития товарного производства вообще. Поэтому Дав, например, хочет вывести ренту отсюда. Он утверждает, что рента зависит не от массы земледельческого продукта, а от его стоимости[58]; последняя же зависит от массы и производительности неземледельческого населения. Но ведь и для всякого другого продукта справед-

ливо, что он развивается как товар лишь в той мере, в какой возрастает масса и многообразие других товаров, образующих по отношению к нему эквиваленты. Это было показано уже в связи с общим изложением теории стоимости[59]. С одной стороны, способность известного продукта к обмену зависит вообще от того, насколько разнообразны товары, существующие помимо него. С другой стороны, от этого же зависит в особенности то количество, в котором этот продукт может быть произведен как товар.

Производитель — как в промышленности, так и в земледелии, — рассматриваемый изолированно, не производит стоимости или товара. Его продукт становится стоимостью и товаром лишь при определенной комбинации общественных отношений. Во-первых, поскольку он выступает как выражение общественного труда, следовательно, поскольку собственное рабочее время данного производителя является частью общественного рабочего времени вообще; во-вторых, этот общественный характер труда производителя проявляется в денежном характере его продукта и его общей обмениваемости, определяемой ценой, как общественный характер, свойственный его продукту.

Итак, если, с одной стороны, вместо того, чтобы объяснять ренту, занимаются объяснением прибавочной стоимости или, при еще более ограниченном понимании, объяснением прибавочного продукта вообще, то, с другой стороны, здесь делают ту ошибку, что характер, свойственный всем продуктам как товарам и стоимостям, приписывают исключительно земледельческим продуктам. Объяснение делается еще более поверхностным, когда от общего определения стоимости переходят к *реализации* определенной товарной стоимости. Всякий товар может реализовать свою стоимость лишь в процессе обращения. а реализует ли он ее и в какой мере реализует, это каждый раз зависит от условий рынка.

Итак, своеобразие земельной ренты заключается не в том, что земледельческие продукты развиваются в стоимости и как стоимости, то есть не в том, что они как товары противостоят другим товарам и неземледельческие продукты противостоят им как товары, или что они развиваются как особые выражения общественного труда. Своеобразие заключается в том, что вместе с условиями, при которых земледельческие продукты развиваются в стоимости (товары) и вместе с условиями реализации их стоимостей развивается и сила земельной собственности присваивать себе все растущую долю этих создаваемых без ее содействия стоимостей, все растущая доля прибавочной стоимости превращается в земельную ренту.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ
ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

При анализе земельной ренты мы прежде всего будем исходить из предположения, что продукты, с которых уплачивается такая рента, в которых часть прибавочной стоимости, а потому и часть всей цены превращается в ренту, — для целей нашего анализа достаточно иметь в виду земледельческие продукты или также продукты рудников, — следовательно, что продукты земли или рудников, подобно всем другим товарам, продаются по ценам их производства. То есть их продажные цены равны издержкам их производства (стоимости потребленного постоянного и переменного капитала) плюс прибыль, определяемая общей нормой прибыли, исчисляемая на весь авансированный капитал, потребленный и непотребленный. Итак, мы предполагаем, что средние продажные цены этих продуктов равны их ценам производства. И вот вопрос заключается в том, каким образом при этом предположении может образоваться земельная рента, то есть каким образом часть прибыли может превратиться в земельную ренту, а потому часть цены товара может достаться земельному собственнику.

Чтобы показать общий характер этой формы земельной ренты, предположим, что подавляющее большинство фабрик в известной стране приводится в движение паровыми машинами, а определенное меньшинство — естественными водопадами. Предположим, что в соответственных отраслях промышленности цена производства составляет 115 единиц за такую массу товаров, на которую капитала потребляется 100 единиц. Эти 15% прибыли исчисляются не только на потребленный капитал в 100, но на весь капитал, примененный в производстве этой товарной стоимости. Эта цена производства, как показано раньше*, определяется не индивидуальными издержками производства

* См. настоящий том, часть I, стр. 189—218. *Ред.*

каждого отдельного промышленного производителя, а теми издержками производства, которых товар требует в среднем при средних условиях для всего капитала, вложенного в данную сферу производства. Фактически это рыночная цена производства — средняя рыночная цена в отличие от ее колеблющихся величин. Природа стоимости товаров, определение стоимости не тем рабочим временем, которое индивидуально необходимо для производства определенного количества товаров или отдельных товаров определенному отдельному производителю, а общественно необходимым рабочим временем, тем рабочим временем, которое при данных средних общественных условиях производства необходимо для того, чтобы произвести все общественно необходимое количество различных товаров, находящихся на рынке, — эта природа стоимости, этот способ ее определения вообще находит себе выражение в форме рыночной цены и, далее, в форме регулирующей рыночной цены, или рыночной цены производства.

Так как в данной связи совершенно безразлично, какие определенные количественные отношения мы берем, то мы предположим далее, что издержки производства на фабриках, приводимых в движение силой воды, составляют всего 90 единиц вместо 100. Так как цена производства массы этих товаров, регулирующая рынок, вместе с прибылью в 15% = 115, то фабриканты, которые приводят свои машины в движение силой воды, тоже будут продавать по 115, то есть по средней цене, регулирующей рыночную цену. Поэтому их прибыль будет составлять 25 единиц вместо 15; регулирующая цена производства позволит им получать добавочную прибыль в $12\frac{7}{9}$% — не потому, что они продают свои товары выше цены производства, а потому, что они продают их по цене производства, потому, что их товары производятся, их капитал функционирует при исключительно благоприятных условиях, при условиях выше среднего уровня, преобладающего в этой сфере.

Тотчас же обнаруживаются двоякого рода обстоятельства:

Во-первых: добавочная прибыль производителей, применяющих естественный водопад в качестве двигательной силы, сначала имеет такой же характер, как всякая добавочная прибыль (а мы уже исследовали эту категорию, когда говорили о ценах производства[*]), которая не есть случайный результат сделок в процессе обращения, случайных колебаний рыночных цен. Итак, эта добавочная прибыль равна разности между индивидуальной ценой производства у этих производителей,

[*] См. настоящий том, часть I, стр. 216—218. *Ред.*

поставленных в более благоприятные условия, и общей, общественной ценой производства, регулирующей рынок всей этой сферы производства. Эта разность равна превышению общей цены производства товара над его индивидуальной ценой производства. Двумя границами, регулирующими это превышение, являются, с одной стороны, индивидуальные издержки производства, а потому индивидуальная цена производства, с другой стороны — общая цена производства. Стоимость товара, произведенного при помощи водопада, меньше потому, что для его производства требуется меньшее общее количество труда, именно меньше того труда, который входит в производство в овеществленной форме, как часть постоянного капитала. Труд, применяемый при этом, производительнее, его индивидуальная производительная сила больше, чем производительная сила труда, применяемого в большинстве фабрик такого же рода. Его большая производительная сила обнаруживается в том, что для производства той же массы товаров требуется меньшее количество постоянного капитала, меньшее количество овеществленного труда, чем на других фабриках, да кроме того требуется и меньшее количество живого труда, так как водяное колесо не нуждается в топке. Эта большая индивидуальная производительная сила применяемого труда уменьшает стоимость, а также издержки производства и, следовательно, цену производства товара. С точки зрения промышленника дело представляется таким образом, что для него издержки производства товара меньше. Ему приходится нести меньшие расходы на овеществленный труд, а также на заработную плату, потому что живой рабочей силы у него применяется меньше. Так как издержки производства его товара меньше, то и его индивидуальная цена производства меньше. Издержки производства для него составляют 90 единиц вместо 100. Следовательно, и его индивидуальная цена производства составляет вместо 115 всего $103^1/_2$ ($100:115 = 90:103^1/_2$). Разность между его индивидуальной ценой производства и общей ценой производства ограничена разницей между его индивидуальными издержками производства и общими издержками производства. Это — одна из величин, образующих пределы его добавочной прибыли. Другая из таких величин — это величина общей цены производства, в образовании которой участвует общая норма прибыли кик один из регулирующих факторов. Если бы уголь подешевел, то разность между его индивидуальными издержками производства и общими издержками производства уменьшилась бы, а потому уменьшилась бы и добавочная прибыль промышленника. Если бы ему пришлось продавать товар по его индивиду-

альной стоимости или по цене производства, определяемой его индивидуальной стоимостью, то разность отпала бы. Она является результатом, с одной стороны, того, что товар продается по своей общей рыночной цене, по цене, по которой конкуренция выравнивает индивидуальные цены, а с другой стороны, того, что большая индивидуальная производительная сила труда, приводимого им в движение, идет на пользу не рабочим, а, как вообще это бывает с производительной силой труда, тому, кто ее применяет; то есть она выступает как производительная сила капитала.

Так как одной границей этой добавочной прибыли служит уровень общей цены производства, одним из факторов которой является уровень общей нормы прибыли, то эта добавочная прибыль может возникнуть лишь из разности между общей и индивидуальной ценой производства, следовательно, из разности между индивидуальной и общей нормой прибыли. Избыток над этой разностью предполагает продажу продукта не по цене производства, регулируемой рынком, а дороже.

Во-вторых: до сих пор добавочная прибыль фабриканта, применяющего в качестве двигательной силы естественный водопад вместо пара, ничем не отличается от всякой другой добавочной прибыли. Всякая нормальная добавочная прибыль, то есть возникающая не в результате случайных операций по продаже или колебаний рыночной цены, определяется разностью между индивидуальной ценой производства товаров этого особого капитала и той общей ценой производства, которая регулирует рыночные цены товаров, производимых капиталом этой отрасли производства вообще, или, выражаясь иначе, рыночные цены товаров совокупного капитала, вложенного в эту сферу производства.

Но отсюда начинается различие.

Какому обстоятельству обязан фабрикант в данном случае своей добавочной прибылью, то есть тем избытком, который дает ему лично цена производства, регулируемая общей нормой прибыли?

В первую очередь — естественной силе, двигательной силе водопада, который дан природой и этим отличается от угля, который превращает воду в пар и который сам есть продукт труда, поэтому имеет стоимость, должен быть оплачен эквивалентом, стоит определенных издержек. Водопад — такой естественный фактор производства, на создание которого не требуется труда.

Но это не все. Фабрикант, работающий при помощи паровой машины, тоже применяет естественные силы, которые ему

ничего не стоят, но которые делают труд производительнее и, поскольку они благодаря этому удешевляют производство жизненных средств, необходимых для рабочих, увеличивают прибавочную стоимость, а потому и прибыль, которые, следовательно, совершенно так же монополизируются капиталом, как и общественные естественные силы труда, возникающие из кооперации, разделения труда и т. д. Фабрикант оплачивает уголь, но не способность воды изменять свое физическое состояние, переходить в пар, не упругость пара и т. д. Эта монополизация сил природы, то есть обусловливаемого ими повышения производительности рабочей силы, присуща всякому капиталу, применяющему паровые машины. Она может увеличить ту часть продукта труда, которая представляет прибавочную стоимость, по сравнению с той частью, которая превращается в заработную плату. Поскольку она оказывает такое действие, она повышает общую норму прибыли, но не создает добавочной прибыли, которая сводится именно к превышению индивидуальной прибыли над средней прибылью. Итак, если применение естественной силы, водопада, создает здесь добавочную прибыль, это не может быть результатом только того факта, что повышение производительной силы труда здесь вызвано применением естественной силы. Для этого необходимы еще дальнейшие модифицирующие обстоятельства.

Наоборот. Простое применение сил природы в промышленности может оказать влияние на уровень общей нормы прибыли, оказывая влияние на массу труда, требующегося для производства необходимых жизненных средств. Но оно само по себе не создает никакого отклонения от общей нормы прибыли, а как раз о нем и идет речь в данном случае. Далее: добавочная прибыль, которую в других случаях реализует индивидуальный капитал в какой-либо особой сфере производства, — принимая во внимание, что отклонения нормы прибыли в особых сферах производства непрерывно выравниваются в среднюю норму прибыли, — возникает, если оставить в стороне чисто случайные отклонения, в результате уменьшения издержек производства, расходов на производство. Последнее же, в свою очередь. обязано или тому обстоятельству, что капитал применяется в больших массах, чем средняя, и потому faux frais* производства уменьшаются, между тем как общие причины повышения производительной силы труда (кооперация, разделение труда и т. д.) получают возможность действовать в повышенной степени, с большей интенсивностью, так как они действуют на более

* — непроизводительные издержки. *Ред.*

широком поле труда; или же уменьшение издержек производства обязано тому обстоятельству, что, оставляя в стороне размер функционирующего капитала, применяются лучшие методы труда, новые изобретения, усовершенствованные машины, химические средства и т. д., короче, новые, усовершенствованные, стоящие выше среднего уровня средства производства и методы производства. Уменьшение издержек производства и получающаяся вследствие этого добавочная прибыль возникают здесь из того способа, каким применяется функционирующий капитал. Они возникают или вследствие того, что капитал в исключительно больших размерах концентрируется в одних руках, — обстоятельство, которое отпадает, когда в среднем применяются равновеликие массы капитала, — или вследствие того, что капитал определенной величины функционирует особо производительным способом, — обстоятельство, которое отпадает, когда исключительный способ производства приобретает всеобщее распространение или будет превзойден еще более производительным способом.

Причина добавочной прибыли кроется здесь, следовательно, в самом капитале (включая и приводимый им в движение труд), — или в различиях величины применяемого капитала, или же в более целесообразном способе его применения, — и, если рассматривать дело само по себе, нет никаких препятствий к тому, чтобы весь капитал в известной сфере производства применялся таким же способом. Конкуренция между капиталами имеет тенденцию, напротив, ко все большему выравниванию этих различий; определение стоимости общественно необходимым рабочим временем проявляет себя посредством удешевления товаров и принуждения производить товары при одинаково благоприятных условиях. Но с добавочной прибылью фабриканта, использующего водопад, дело обстоит иначе. Повышенная производительная сила применяемого им труда вытекает не из самого капитала и труда и не из простого факта применения естественной силы, отличной от капитала и труда, но присоединенной к капиталу. Она возникает из большей естественной производительной силы труда в связи с использованием естественной силы, но не такой естественной силы, которой, как, например, упругостью пара, может располагать всякий капитал в данной сфере производства, то есть не такой естественной силы, применение которой разумеется само собой, раз капитал вообще применяется в этой сфере, а такой естественной силы, которую можно монополизировать, которой, как водопадом, могут располагать лишь те, кто может располагать особыми участками земли вместе со всем тем, что находится

на их территории. Не от капитала зависит вызвать к жизни это естественное условие повышенной производительной силы труда, подобно тому как каждый капитал может воду превратить в пар. Это естественное условие встречается в природе лишь местами, и там, где его нет, его невозможно создать при помощи определенной затраты капитала. Оно связано не с продуктами, создаваемыми трудом, как машины, уголь и т. д., а с определенными природными условиями определенной части земли. Фабриканты, которым принадлежат водопады, не допускаю? фабрикантов, у которых нет водопадов, к применению этой естественной силы, так как земли — и тем более земли с источниками водяной силы, — ограничены. Это не исключает того, что, хотя количество естественных водопадов в известной стране ограничено, количество водяной силы, доступной для использования промышленностью, может быть увеличено. Водопад может быть искусственно отведен, чтобы полностью использовать его двигательную силу; водяное колесо может быть усовершенствовано, чтобы возможно больше использовать силу воды; там, где по характеру потока не годится обычное колесо, могут быть применены турбины и т. д. Владение этой естественной силой составляет монополию в руках ее владельца, то есть такое условие высокой производительной силы вложенного капитала, которое не может быть создано производственным процессом самого капитала[33)]; эта естественная сила, которая может быть таким образом монополизирована, всегда связана с землей. Такая естественная сила не относится ни к числу общих условий соответственной сферы производства, ни к числу таких ее условий, которые могут быть созданы как общие условия.

Теперь, если мы представим себе, что земля вместе с водопадами находится в руках тех лиц, которые считаются владельцами этих участков земли, земельных собственников, то мы увидим, что они не допускают применение капитала к водопаду, использование последнего посредством капитала. Они могут разрешить и не разрешить его использование. Но капитал не может создать водопад из себя. Поэтому добавочная прибыль, происходящая от этого пользования водопадом, возникает не из капитала, а из применения капиталом этой могущей быть монополизированной и фактически монополизированной естественной силы. При таких обстоятельствах добавочная прибыль превращается в земельную ренту, то есть она достается соб-

---

[33)] См. о добавочной прибыли «An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr, Malthus». London, 1821 (против Мальтуса).

ственнику водопада. Если фабрикант уплачивает последнему за его водопад 10 ф. ст. в год, то его прибыль составляет 15 фунтов стерлингов; 15% на те 100 ф. ст., которые теперь составляют сумму его издержек производства; и он оказывается теперь в совершенно таком же положении, может быть, в лучшем, чем все остальные капиталисты его сферы производства, работающие при помощи пара. Дело нисколько не изменилось бы, если бы капиталист сам был собственником водопада. Он по-прежнему получал бы добавочную прибыль в 10 ф. ст. не как капиталист, а как собственник водопада; и именно потому, что этот избыток происходит не от его капитала как такового, а от пользования естественной силой, отделимой от его капитала, могущей быть монополизированной, ограниченной в своих размерах, именно потому этот избыток превращается в земельную ренту.

Во-первых: очевидно, что эта рента всегда является дифференциальной рентой, потому что она не принимает участия в образовании общей цены производства товара, но предполагает ее. Она всегда возникает из разности между индивидуальной ценой производства, получающейся для отдельного капитала, который располагает монополизированной естественной силой, и общей ценой производства для капитала, вообще вложенного в соответственную сферу производства.

Во-вторых: эта земельная рента возникает не вследствие абсолютного повышения производительной силы примененного капитала или присваиваемого им труда, — что вообще могло бы лишь уменьшить стоимость товаров, а вследствие относительно большей производительности определенных отдельных капиталов, вложенных в известную сферу производства, по сравнению с теми капиталами, которые не могут воспользоваться такими исключительными, создаваемыми природой благоприятными условиями повышения производительной силы. Если бы, например, несмотря на то, что уголь имеет стоимость, а сила воды не имеет стоимости, пользование паром все же доставляло решающие преимущества, невозможные при использовании силы воды, и если бы эти преимущества с лихвой превосходили преимущества от использования силы воды, то сила воды не находила бы применения и не могла бы породить добавочной прибыли, а следовательно, и ренты.

В-третьих: сила природы — не источник добавочной прибыли, а лишь ее естественный базис, которым она служит будучи естественным базисом исключительно высокой производительной силы труда. Так и вообще потребительная стоимость — носитель меновой стоимости, а не ее причина. Если бы ту же

самую потребительную стоимость можно было получить без труда, она не имела бы никакой меновой стоимости, но по-прежнему сохраняла бы свою естественную полезность как потребительная стоимость. Но, с другой стороны, без потребительной стоимости, то есть без этого естественного носителя труда, вещь не имеет никакой меновой стоимости. Если бы различные стоимости не выравнивались в цены производства и различные индивидуальные цены производства не выравнивались в общую цену производства, регулирующую рынок, то простое повышение производительной силы труда вследствие использования водопада лишь понизило бы цену товаров, производимых при помощи водопада, но не повысило бы прибыли, заключающейся в этих товарах, — совершенно так же, как, с другой стороны, эта повышенная производительная сила труда вообще не превращалась бы в прибавочную стоимость, если бы капитал не присваивал себе производительную силу применяемого им труда, как естественную, так и общественную.

В-четвертых: земельная собственность на водопад сама по себе не имеет никакого отношения к созданию прибавочной стоимости (прибыли), а потому и вообще цены товара, который производится с помощью водопада. Эта добавочная прибыль существовала бы и в том случае, если бы не было никакой земельной собственности, если бы, например, земля, принадлежностью которой является водопад, использовалась фабрикантом как земля, не имеющая хозяина. Следовательно, земельная собственность не создает той части стоимости, которая превращается в добавочную прибыль, а лишь дает земельному собственнику, собственнику водопада, возможность переложить эту добавочную прибыль из кармана фабриканта в свой собственный. Земельная собственность — причина не создания этой добавочной прибыли, а ее превращения в форму земельной ренты, следовательно, присвоения этой части прибыли или цены товара собственником земли или водопада.

В-пятых: очевидно, прежде всего, что цена водопада, то есть цена, которую получил бы земельный собственник, если бы он продал его третьему лицу или самому фабриканту, не входит в цену производства товаров, хотя входит в индивидуальные издержки производства у данного фабриканта, потому что рента возникает здесь из регулируемой независимо от водопада цены производства товаров того же рода, производимых при помощи паровых машин. Но, далее, эта цена водопада вообще является иррациональным выражением скрывающегося за ним реального экономического отношения. Водопад, как и земля вообще, как и все силы природы, не имеет никакой стоимости, потому

что в нем не овеществлено никакого труда, а потому он не имеет и цены, которая нормально есть не что иное, как выраженная в деньгах стоимость. Там, где нет стоимости, там eo ipso* и нечего представлять в деньгах. Цена водопада есть не что иное, как капитализированная рента. Земельная собственность дает собственнику возможность присваивать разность между индивидуальной прибылью и средней прибылью; присваиваемая таким образом прибыль, которая возобновляется ежегодно, может быть капитализирована и тогда она выступает как цена самой силы природы. Если добавочная прибыль, которую доставляет фабриканту использование водопада, составляет 10 ф. ст. в год, а средний процент 5%, то эти 10 ф. ст. в год представляют проценты на капитал в 200 фунтов стерлингов; и эта капитализация годовых 10 ф. ст., которые водопад позволяет его собственнику взять у фабриканта, выступает тогда как капитальная стоимость самого водопада. Но что стоимостью обладает не сам водопад, что цена его есть простое отражение присваиваемой добавочной прибыли, капиталистически исчисленной, это сразу обнаруживается в том, что цена в 200 ф. ст. представляет лишь добавочную прибыль по 10 ф. ст. в течение 20 лет, хотя этот же водопад при прочих равных условиях дает собственнику возможность ежегодно присваивать эти 10 ф. ст. в течение неопределенного времени, 30, 100, *x* лет, и хотя, с другой стороны, если новый метод производства, не применимый при водяной силе, понизил бы издержки производства товаров, производимых при помощи паровой машины, с 100 до 90 ф. ст., то исчезла бы добавочная прибыль, а вместе с ней и рента, а вместе с тем и цена водопада.

Установив таким образом общее понятие дифференциальной ренты, мы переходим теперь к рассмотрению ее в собственно земледелии. То, что будет сказано о земледелии, в общем относится и к рудникам.

---

* — тем самым. *Ред.*

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ
ПЕРВАЯ ФОРМА ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ РЕНТЫ (ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА I)

Рикардо вполне прав, высказывая следующее положение:

«Ренту» {то есть дифференциальную ренту; он предполагает, что вообще не существует какой-либо иной ренты, кроме дифференциальной} «всегда составляет разница продукции, полученной при затрате двух одинаковых количеств капитала и труда» («On the Principles of Political Economy, and Taxation». London, 1821, p. 59).

Он должен был бы сказать еще: «на одинаковых по величине земельных участках», поскольку речь идет о земельной ренте, а не о добавочной прибыли вообще.

Иными словами: добавочная прибыль, если она создается нормально, а не благодаря случайным обстоятельствам процесса обращения, всегда производится как разность между продуктом двух одинаковых количеств капитала и труда, и эта добавочная прибыль превращается в земельную ренту, если одинаковые количества капитала и труда заняты на одинаковых по величине земельных участках и дают неодинаковые результаты. Впрочем, нет безусловной необходимости в том, чтобы эта добавочная прибыль получалась от неодинаковых результатов одинаковых количеств занятого капитала. В различных предприятиях могут быть заняты и различной величины капиталы; в большинстве случаев так и бывает; но одинаковые пропорциональные часты, например 100 ф. ст. каждого капитала, дают неодинаковые результаты, то есть норма прибыли различна. Это — общая предпосылка существования добавочной прибыли в любой отрасли приложения капитала вообще. Другое дело превращение этой добавочной прибыли в форму земельной ренты (вообще ренты как формы, отличной от прибыли); необходимо поэтому исследовать, когда, как и при каких обстоятельствах происходит это превращение.

Далее, Рикардо прав, высказывая следующее положение, поскольку оно ограничивается дифференциальной рентой:

«Все, что уменьшает разницу в продукте, полученном с той же или с новой земли, имеет тенденцию уменьшить ренту; а все, что увеличивает эту разницу, необходимо производит противоположное действие и имеет тенденцию ее увеличить» (там же, стр. 74).

К числу этих причин относятся, однако, не только общие (плодородие и местоположение), но и 1) распределение налогов, смотря по тому, влияет ли оно равномерно или нет; последнее всегда имеет место, когда налоги не централизованы, как, например, в Англии, и когда налог взимается не с ренты, а с земли; 2) различия, вытекающие из неодинакового развития земледелия в различных районах страны, ибо эта отрасль производства, благодаря своему традиционному характеру, труднее нивелируется, чем промышленность, и 3) неравномерное распределение капитала между арендаторами. Так как проникновение капиталистического способа производства в земледелие, превращение крестьянина из самостоятельного хозяина в наемного рабочего, является в действительности последним завоеванием этого способа производства вообще, то эти различия здесь более значительны, чем в какой-либо другой отрасли производства.

После этих предварительных замечаний я хочу в кратких чертах выяснить особенности моего понимания вопроса в отличие от Рикардо и др.

Мы рассмотрим сначала неодинаковые результаты одинаковых количеств капитала, примененных на различных земельных участках одинаковой величины, или на земельных участках неодинаковой величины, результаты, исчисленные по отношению к одинаковой земельной площади.

Две независимые от капитала общие причины этой неодинаковости результатов суть: 1) *Плодородие* (в связи с этим вопросом следует выяснить, что вообще и какие различные моменты подразумеваются под естественным плодородием земель). 2) *Местоположение* земельных участков. Последнее обстоятельство является решающим для колоний и вообще для последовательности, в которой могут вводиться в обработку земельные участки один за другим. Далее ясно, что эти два различных основания дифференциальной ренты, плодородие и местоположение, могут действовать в противоположном направлении. Земельный участок может быть очень хорошо расположен и быть весьма малоплодородным, и наоборот. Это обстоятельство важно, ибо оно объясняет нам, почему при распашке земли в данной стране переход может совершаться точно так же от лучшей земли к худшей, как и наоборот. Наконец, ясно, что прогресс общественного производства вообще действует, с одной

стороны, нивелирующим образом на местоположение [земельных участков] как на основание дифференциальной ренты, создавая местные рынки, создавая местоположение благодаря проведению путей сообщения; а, с другой стороны, усиливает различия в местоположении земельных участков как вследствие отделения земледелия от промышленности, так и вследствие образования крупных центров производства наряду с обратной стороной этого явления: усилением относительной обособленности деревни [relative Vereinsamung des Landes].

Но сначала мы оставим этот пункт, местоположение земельного участка, в стороне и рассмотрим лишь естественное плодородие. Помимо климатических и тому подобных моментов, различие в естественном плодородии обусловливается различием химического состава верхнего слоя почвы, то есть различным содержанием необходимых для растений питательных веществ. Однако два земельных участка с одинаковым химическим составом почвы и в этом смысле одинакового естественного плодородия могут быть различны по своему действительному. эффективному плодородию в зависимости от того, находятся ли эти питательные вещества в более или менее усвояемой форме, в зависимости от формы, которой определяется большая или меньшая непосредственная пригодность этих веществ для питания растений. Таким образом, отчасти от развития агрохимии, отчасти от развития механизации земледелия зависит, в какой степени на земельных участках одинакового естественного плодородия последнее может быть действительно использовано. Поэтому, хотя плодородие и является объективным свойством почвы, экономически оно все же постоянно подразумевает известное отношение — отношение к данному уровню развития химических и механических средств агрикультуры, а потому и изменяется вместе с этим уровнем развития. Как при помощи химических средств (например, применением жидких удобрений на плотной глинистой почве или же посредством известкования тяжелой глинистой почвы), так и при помощи механических средств (например, применением особых плугов для обработки тяжелых почв) могут быть устранены препятствия, делавшие одинаково плодородные почвы фактически менее плодородными (сюда же относится и дренаж почвы). Это может изменить и самое последовательность в обработке различных категорий почвы, как это наблюдалось, например, по отношению к легкой песчаной и тяжелой глинистой почвам в один из периодов развития английского земледелия. Это опять-таки показывает, каким образом исторически — с прогрессом земледельческой культуры — переход может совершаться как от более плодородных

земель к менее плодородным, так и обратно. Одинаковые результаты могут быть достигнуты также посредством искусственно произведенных улучшений в составе почвы или просто благодаря изменениям в методах земледелия. Наконец, тот же результат может получиться вследствие изменения типа почвы в силу различных условий подпочвы, раз последняя также вовлекается в обработку и присоединяется к пахотному горизонту. Обусловливается это отчасти применением новых земледельческих методов (например, возделыванием кормовых трав), отчасти применением механических средств, при помощи которых подпочва превращается в верхний слой почвы, или смешиваясь с ним, или же подвергается рыхлению, не перемещаясь на поверхность.

Все эти влияния на дифференциальное плодородие различных земель означают, что с точки зрения экономического плодородия степень производительности труда, в данном случае способность земледелия непосредственно использовать естественное плодородие почвы, — способность, которая различна на различных ступенях развития, — представляет собой такой же момент так называемого естественного плодородия почвы, как ее химический состав и другие ее природные свойства.

Итак, мы предполагаем определенную ступень развития земледелия. Мы предполагаем далее, что последовательность, в которой различного рода земли располагаются по своему достоинству, сообразуется с этой ступенью развития, как это, несомненно, всегда имеет место по отношению к затратам капитала, производимым на различных землях в одно и то же время. В таком случае дифференциальная рента может быть представлена по восходящей или нисходящей линии, потому что хотя порядок перехода дан для всей совокупности действительно возделываемых земель, однако никогда не прекращалось последовательное движение, в котором данный порядок складывался.

Представим четыре категории земли: *A, B, C, D.* Предположим далее, что цена квартера пшеницы = 3 ф. ст., или 60 шиллингам. Так как рента есть просто дифференциальная рента, то эта цена в 60 шилл. за квартер равняется на самой плохой почве цене производства [Produktionskosten][60], то есть равняется [затраченному] капиталу плюс средняя прибыль.

Пусть *A* будет этой самой плохой землей, которая на 50 шилл. затрат дает 1 квартер = 60 шилл., следовательно, прибыль составляет 10 шилл., или 20%.

Пусть земля *B* при тех же затратах дает 2 квартера = 120 шиллингам. Это дало бы 70 шилл. прибыли, или 60 шилл. добавочной прибыли.

Пусть земля *C* при тех же затратах дает 3 квартера = 180 шиллингам; вся прибыль = 130 шиллингам. Добавочная прибыль = 120 шиллингам.

Пусть земля *D* дает 4 квартера = 240 шилл., добавочная прибыль =180 шиллингам.

В таком случае мы имели бы такую последовательность.

ТАБЛИЦА I

Категория земли	Продукт		Авансированный капитал	Прибыль		Рента	
	квартеры	шиллинги		квартеры	шиллинги	квартеры	шиллинги
A...............	1	60	50	$^1/_6$	10		
B................	2	120	50	$1^1/_6$	70	1	60
C......……...	3	180	50	$2^1/_6$	130	2	120
D...............	4	240	50	$3^1/_6$	190	3	180
Итого.....	10 кварт.	600 шилл.	—	—	—	6 кварт.	360 шилл.

Соответственно рента была бы для *D* = 190 шилл. — 10 шилл., или разности между *D* и *A;* для *C* = 130 шилл. — 10 шилл., или разности между *C* и *A;* для *B* = 70 шилл. — 10 шилл., или разности между *B* и *A*; а совокупная рента для *B, C, D* = 6 квартерам = 360 шилл., что равняется сумме разностей между *D* и *A,C* и *A, B* и *A.*

Эта последовательность, представляющая данный продукт при данных условиях, может, если рассматривать дело абстрактно (а мы уже указали причины, по которым это может иметь место и в действительности), быть и по нисходящей линии (понижаясь от *D* к *A,* от плодородной земли ко все менее и менее плодородной), и по восходящей линии (восходящей от *A* к *D,* от относительно неплодородной ко все более плодородной земле) п, наконец, попеременно, то по нисходящей, то по восходящей линии, например, от *D* к *C,* от *C* к *A*, от *A* к *B.*

Процесс, совершавшийся по нисходящей линии, был следующим: цена квартера постепенно повышается, скажем, с 15 до 60 шиллингов. Как только четырех квартеров (под этим можно подразумевать и миллионы), произведенных на земле *D*, оказалось уже недостаточно, цена пшеницы стала подниматься до тех пор, пока земля *C* не получила возможности восполнить

недостаток предложения. То есть цена должна была подняться до 20 шилл. за квартер. Когда цена пшеницы поднялась до 30 шилл. за квартер, тогда в число обрабатываемых земель могла бы войти земля *B,* а поднимись она до 60 шилл., в число обрабатываемых земель могла бы войти и земля *A,* причем это не повело бы к тому, чтобы на затраченный для этого капитал пришлось довольствоваться нормой прибыли ниже 20%. Таким образом, для земли *D* образовалась бы рента сначала в 5 шилл. с квартера, что составило бы 20 шилл. на 4 квартера, которые эта земля производит; затем в 15 шилл. с квартера = 60 шилл., а затем в 45 шилл. с квартера = 180 шилл. за 4 квартера.

Если норма прибыли с *D* первоначально также равнялась 20%, то и вся прибыль с 4 квартеров была лишь 10 шилл., что, однако, при цене хлеба в 15 шилл. представляло большее количество хлеба, чем при цене в 60 шиллингов. Но так как хлеб входит в воспроизводство рабочей силы и из каждого квартера одна часть должна возмещать заработную плату, а другая — постоянный капитал, то при этом предположении прибавочная стоимость была бы выше, а следовательно, при прочих равных условиях выше была бы и норма прибыли. (Вопрос о норме прибыли подлежит еще особому и более детальному исследованию.)

Если, напротив, последовательность была обратная, если процесс начинался с *A*, то при вводе в оборот новой пашни цена квартера сначала поднялась бы выше 60 шиллингов; но так как необходимое предложение в 2 квартера было бы предъявлено со стороны *B,* то цена опять понизилась бы до 60 шиллингов; хотя земля *B* и производит квартер за 30 шилл., все же продается он за 60 шилл., так как его предложения хватило бы как раз только для того, чтобы покрыть спрос. Таким способом образовалась бы рента сначала в 60 шилл. для земли *B* и таким же путем для земель *C* и *D* при том же прежнем предположении, что хотя действительная стоимость, по которой оба они доставляют квартер пшеницы, равняется 20 и 15 шилл., рыночная цена все же остается 60 шилл., так как предложение одного квартера, доставляемого землей *A,* по-прежнему необходимо для удовлетворения всей потребности. В этом случае возрастание спроса сверх той величины потребности, которую сначала удовлетворяла земля *A,* затем земли *A* и *B,* могло бы повести не к последовательной обработке земель *B, C* и *D,* а к расширению площади обработки вообще, причем могло случиться, что более плодородные земли были бы введены в оборот лишь позднее.

В первом случае [по нисходящей линии] с увеличением цены рента стала бы повышаться, а норма прибыли уменьшаться. Это уменьшение могло бы совсем или отчасти парализоваться

противодействующими обстоятельствами; на этом пункте нам позже придется остановиться подробнее. Не следует забывать, что общая норма прибыли не определяется прибавочной стоимостью во *всех* отраслях производства равномерно. Не земледельческая прибыль определяет промышленную, а наоборот.

Но об этом дальше.

Во втором случае [по восходящей линии] норма прибыли на затраченный капитал осталась бы прежняя; масса прибыли выразилась бы в меньшем количестве хлеба, но относительная цена последнего по сравнению с другими товарами повысилась бы. Но увеличение прибыли, когда оно происходит, попадает не в карманы арендаторов-предпринимателей и выступает не как увеличение прибыли, а в форме ренты обособляется от прибыли. Цена же хлеба при данном предположении осталась бы неизменной.

Движение и рост дифференциальной ренты одинаковы как при неизменяющихся, так и при повышающихся ценах и как при непрерывном прогрессе от худших земель к лучшим, так и при непрерывном регрессе от лучших к худшим землям.

До сих пор мы предполагали: 1) что цена при одной последовательности повышается, при другой — остается неизменной и 2) что постоянно совершается переход от лучших земель к худшим или обратно, от худших к лучшим.

Но предположим, что потребность в хлебе увеличилась с первоначальных 10 до 17 квартеров; далее, что наихудшая земля *A* вытеснена другой землей *A,* которая при цене производства в 60 шилл. (50 шилл. издержек + 10 шилл., составляющих 20% прибыли) дает $1^1/_3$ квартера, так что цена производства 1 квартера = 45 шилл., или же предположим, что прежняя земля *A* улучшилась вследствие постоянной рациональной обработки, или что она при неизменности издержек стала производительнее обрабатываться, например, вследствие введения в севооборот клевера и т. д., так что при том же авансированном капитале продукт ее увеличился до $1^1/_3$ квартера. Предположим далее, что земли *B, C, D* по-прежнему производят одно и то же количество продукта, но обработке подверглись новые земли *A',* стоящие по своему плодородию между *A* и *B,* и далее *B'* и *B'',* стоящие по своему плодородию между *B* и *C;* в этом случае имели бы место следующие явления:

Во-первых: цена производства квартера пшеницы, или ее регулирующая рыночная цена, упала бы с 60 до 45 шилл., или на 25%.

Во-вторых: совершился бы одновременный переход от более плодородной земли к менее плодородной и от менее плодородной земли к более плодородной. Земля *A'* более плодородна, чем

земля *A,* но менее плодородна, чем обрабатывавшиеся до сих пор земли *B, C, D;* а земли *B', B''* более плодородны, чем земли *A, A'* и *B,* но менее плодородны, чем земли *C* и *D.* Следовательно, переход от одной земли к другой совершался *бы* в перекрещивающихся направлениях; обработке стала бы подвергаться не абсолютно неплодородная земля по сравнению с *A* и т. д., а относительно неплодородная по сравнению с землями *C* и *D,* которые до сих пор были наиболее плодородными; с другой стороны, переход совершился бы не к абсолютно более плодородной земле, а к относительно более плодородной по сравнению с землями *A,* — или землями *A* и *B,* — которые до сих пор были наименее плодородными.

В-третьих: произошло бы понижение ренты с земли *B,* а также с земель *C* и *D;* но общая сумма ренты, выраженная в хлебе, поднялась бы с 6 до $7^2/_3$ квартера; масса обрабатываемой и приносящей ренту земли увеличилась бы, а также увеличилась бы и масса продукта с 10 до 17 квартеров. Прибыль, хотя и осталась бы без перемены для земли A, однако выраженная в хлебе, она повысилась бы; возможно даже, что норма прибыли повысилась бы, так как повысилась бы относительная прибавочная стоимость. В этом случае вследствие удешевления жизненных средств уменьшилась бы заработная плата, следовательно, уменьшились бы расходы на переменный капитал, а потому и общие издержки. Вся сумма ренты, выраженная в деньгах, понизилась бы с 360 до 345 шиллингов.

Представим эту новую последовательность перехода.

ТАБЛИЦА II

Категория земли	Продукт		Затраты капитала	Прибыль		Рента		Цена производства за квартер
	квартеры	шиллинги		квартеры	шиллинги	квартеры	шиллинги	
A……………………..	$1^1/_3$	60	50	$^2/_9$	10	—	—	45 шилл.
A'……………….…..	$1^2/_3$	75	50	$^5/_9$	25	$^1/_3$	15	36 »
B …………………....	2	90	50	$^8/_9$	40	$^2/_3$	30	30 »
B'……………………	$2^1/_3$	105	50	$1^2/_9$	55	1	45	$25^5/_7$ »
B''....………………..	$2^2/_3$	120	50	$1^5/_9$	70	$1^1/_3$	60	$22^1/_2$ »
C............…...............	3	135	50	$1^8/_9$	85	$1^2/_3$	75	20 »
D ....….............	4	180	50	$2^8/_9$	130	$2^2/_3$	120	15 »
Итого ....…...	17	—	—	—	—	$7^2/_3$	345	—

Наконец, если бы по-прежнему продолжали возделываться только земли *A, B, C, D,* то их производительность возросла бы настолько, что земля *A* вместо 1 квартера давала бы 2, земля *B* вместо 2 квартеров — 4, земля *C* вместо 3 квартеров — 7 и земля *D* вместо 4 квартеров — 10, следовательно, если бы одни и те же причины различным образом повлияли бы на различного рода земли, то все производство повысилось бы с 10 до 23 квартеров. Если предположить, что спрос вследствие прироста населения и понижения цены поглотил бы эти 23 квартера, получился бы следующий результат:

ТАБЛИЦА III

Категория земли	Продукт		Затраты капитала	Цена производства квартера	Прибыль		Рента	
	квартеры	шиллинги			квартеры	шиллинги	квартеры	шиллинги
A....................	2	60	50	30	$^{1}/_{3}$	10	0	0
B....................	4	120	50	15	$2^{1}/_{3}$	70	2	60
C....................	7	210	50	$8^{4}/_{7}$	$5^{1}/_{3}$	160	5	150
D....................	10	300	50	6	$8^{1}/_{3}$	250	8	240
Итого..........	23	—	—	—	—	—	15	450

Цифры здесь, как и в остальных таблицах, произвольные, по предположения являются вполне рациональными.

Первое и основное предположение заключается в том, что улучшение в земледелии оказывает неравномерное действие на различные категории земли и в этом случае больше влияет на лучшие земли *C* и *D,* чем на земли *A* и *B.* Опыт показал, что, как правило, так и происходит, хотя может иметь место и обратный случай. Если бы улучшение больше влияло на худшие земли, чем на лучшие, то рента, получаемая с последних, понизилась бы, вместо того чтобы повыситься. — Но одновременно с абсолютным ростом плодородия всех категорий земли в таблице III предполагается сравнительно более высокий рост плодородия лучших категорий земель *C* и *D,* а потому увеличение разницы в продукте при той же затрате капитала, а потому и увеличение дифференциальной ренты.

Второе предположение заключается в том, что вместе с возрастанием всего продукта соответственно возрастает и общая потребность в нем. *Во-первых,* не следует представлять себе это

возрастание совершающимся внезапно; оно происходит постепенно до тех пор, пока не установится ряд III [таблица III]. *Во-вторых,* неверно, будто бы потребление необходимых жизненных средств не возрастает с их удешевлением. Отмена хлебных законов[61] в Англии (см. Ньюмен[62]) доказала обратное, и противоположное представление возникло лишь вследствие того, что большие и внезапные различия в урожаях, объясняющиеся только метеорологическими причинами, вызывают то несоразмерное понижение, то несоразмерное повышение цен хлеба. Если в этом случае удешевление настолько внезапно и кратковременно, что не успевает оказать полного влияния на расширение потребления, то обратное явление наблюдается в том случае, когда удешевление вытекает из уменьшения самой регулирующей цены производства, следовательно, имеет длительный характер. *В-третьих,* часть хлеба может быть потреблена в виде водки или пива. А возрастающее потребление обоих этих продуктов отнюдь не ограничено узкими пределами. *В-четвертых,* дело зависит отчасти от прироста населения, отчасти от того, что страна может быть экспортирующей хлеб, как Англия вплоть до середины XVIII века и позже, так что потребность регулируется границами не одного только национального потребления. *Наконец,* увеличение и удешевление производства пшеницы может иметь своим последствием то, что вместо ржи или овса основным средством питания массы народа сделается пшеница и уже вследствие одного этого рынок для нее возрастает подобно тому, как при уменьшении количества продукта и увеличении его цены может произойти обратное явление. — При этих предположениях, следовательно, и при взятых нами цифрах ряд III [таблица III] дает тот результат, что цена понижается с 60 до 30 шилл. за квартер, то есть на 50%; производство по сравнению с рядом I [таблица I] возрастает с 10 до 23 квартеров, то есть на 130%; рента, получаемая с земли *B,* остается без изменения; рента с земли *C* увеличивается на 25%, а с земли *D* — на $33^1/_3$%; общая сумма ренты повышается с 18 до $22^1/_2$ ф. ст., то есть на 25%.

Сравним три таблицы (причем ряд I следует брать двояко: по восходящей линии от *A* к *D* и по нисходящей от *D* к *A),* которые можно рассматривать или как данные ступени, существующие при данном состоянии общества — например, рядом одна с другой в трех различных странах, — или как ступени, следующие одна за другой в различные периоды развития одной и той же страны; из такого сравнения следует:

1) Что ряд в своем законченном виде — каков бы ни был ход процесса его образования — всегда представляется по

нисходящей линии; ибо при рассмотрении ренты всегда исходят сначала от земли, приносящей максимум ренты, и лишь в конце переходят к той земле, которая не приносит ренты.

2) Цена производства на наихудшей земле, не приносящей ренты, всегда является регулирующей рыночной ценой, хотя последняя в таблице I, отражающей восходящую линию, только потому остается неизменной, что в обработку вовлекается все время лучшая земля. В этом случае цена хлеба, произведенного на лучшей земле, становится регулирующей постольку, поскольку от количества продукта, произведенного на ней, зависит, в какой мере земля *A* остается регулирующей. Если бы производство на землях *B, C, D* превысило потребность, то земля *A* перестала бы играть регулирующую роль. Это и имел в виду Шторх, когда он признал лучшие земли регулирующими[63]. В этом смысле английские цены хлеба регулируются американскими.

3) Дифференциальная рента происходит из различия в естественном плодородии почвы (здесь еще не принимается в расчет местоположение земельного участка), данного для каждой данной ступени развития земледелия, следовательно, из ограниченности размера лучших земель и из того обстоятельства, что одинаковые капиталы приходится затрачивать на обработку неодинаковых земель, которые, следовательно, при затрате одинакового капитала дают неодинаковое количество продукта.

4) Дифференциальная рента и градация дифференциальной ренты могут возникать как по нисходящей линии вследствие перехода от лучшей земли к худшей, так и, наоборот, по восходящей линии в следствие перехода от худшей к лучшей, а также в меняющихся, перекрещивающихся направлениях. (Ряд I может образоваться посредством перехода как от *D к A,* так и от *A* к *D.* Ряд II [таблица II] охватывает оба рода движения.)

5) В зависимости от различных способов ее образования дифференциальная рента может возникать при постоянной, повышающейся и понижающейся цене земледельческого продукта. При понижающейся цене общее производство и общая сумма ренты могут повыситься, и на земельных участках, не приносивших до сих пор ренты, последняя может образоваться несмотря на то, что худшая земля *A* вытеснена лучшей или сама улучшилась и что рента с других лучших и даже наилучших категорий земли понижается (таблица II); этот процесс может быть также связан с понижением общей суммы ренты (выраженной в деньгах). Наконец, при понижении цен, обусловленном общим таким повышением культуры земледелия, когда количество и цена продукта с наихудшей земли умень-

шаются, рента с части лучших земель может остаться без изменений или уменьшиться, тогда как рента с наилучших земель может возрасти. Как бы то ни было, если разность масс продукта дана, дифференциальная рента со всякой земли, по сравнению с наихудшей землей, зависит от цены, например, квартера пшеницы. Но если дана цена, дифференциальная рента зависит от величины разности между массами продукта, и если при повышении абсолютного плодородия всей земли плодородие лучших видов ее повышается сравнительно больше, чем плодородие худших, то вместе с этим возрастает и величина этой разности. Так (таблица I), при цене в 60 шилл. рента с земли *D* определяется разницей в продукте по сравнению с продуктом земли *A,* то есть избытком в 3 квартера; поэтому рента = 3 × 60 = 180 шиллингам. Но в таблице III, где цена = 30 шилл., она определяется избытком продукта с земли *D* по сравнению с продуктом земли *A,* который равен 8 квартерам, что уже составляет ренту в 8 × 30 = 240 шиллингам.

Таким образом, отпадает та первая неверная предпосылка дифференциальной ренты, которая еще господствует у Уэста, Мальтуса, Рикардо, именно, что дифференциальная рента необходимо предполагает переход ко все худшей и худшей земле, или же постоянно уменьшающуюся производительность земледелия[64]. Дифференциальная рента, как мы видели, может иметь место при переходе ко все лучшей и лучшей земле; дифференциальная рента может иметь место, если низшую ступень занимает лучшая земля вместо прежней худшей; она может быть связана с растущим прогрессом земледелия. Ее условием является исключительно неравенство категорий земли. Поскольку дело касается развития производительности, — постольку дифференциальная рента предполагает, что повышение абсолютного плодородия всей сельскохозяйственной площади не уничтожает этого неравенства, а либо усиливает его, либо оставляет неизменным, либо же только уменьшает.

С начала и до середины XVIII века в Англии, несмотря на понижающуюся цену золота и серебра, происходило непрерывное падение цен хлеба одновременно (если рассматривать весь период) с ростом ренты, общей суммы ренты, размера обрабатываемой земельной площади, земледельческого производства и населения. Это соответствует таблице I, комбинированной с таблицей II по восходящей линии, но таким образом, что худшая земля *A* или подвергается улучшению или исключается из числа земель, находящихся под зерновыми культурами; это, конечно, не означает, что она не используется для других сельскохозяйственных или промышленных целей.

С начала XIX века (следует точнее обозначить время) до 1815 г. имело место непрерывное повышение хлебных цен одновременно с постоянным ростом ренты, общей суммы ренты, размера обрабатываемой земельной площади, земледельческого производства и населения. Это соответствует таблице I по нисходящей линии. (Здесь следует привести цитату относительно обработки худших земель в то время.)

В эпоху Петти и Давенанта наблюдаются жалобы сельского населения и землевладельцев по поводу улучшений и распашки целины; наблюдается понижение ренты с лучших земель, повышение общей суммы ренты вследствие расширения площади земли, приносящей ренту.

(К этим трем пунктам привести потом дальнейшие цитаты, а также данные о различии в плодородии различных частей возделываемой земли в стране.)

Когда мы говорим о дифференциальной ренте, то следует вообще заметить, что рыночная стоимость всегда превышает общую цену производства массы продуктов. Возьмем, например, таблицу I. 10 квартеров всего продукта продаются за 600 шилл., так как рыночная цена определяется ценой производства на земле Л, которая составляет 60 шилл. с квартера. Действительная же цена производства такова:

A	1 квартер	=	60 шилл.	1	квартер	=	60	шилл.
B	2 квартера	=	60 шилл.	1	квартер	=	30	шилл.
C	3 квартера	=	60 шилл.	1	квартер	=	20	шилл.
D	4 квартера	=	60 шилл.	1	квартер	=	15	шилл.
	10 квартеров	=	240шилл.	Средняя цена 1 квартера = 24 шилл.				

Действительная цена производства 10 квартеров равняется 240 шиллингам; они продаются за 600, то есть в $2^1/_2$ раза дороже. Действительная средняя цена 1 квартера равняется 24 шиллингам; рыночная цена равняется 60 шилл., то есть тоже в $2^1/_2$ раза дороже.

Перед нами определение [рыночной цены] рыночной стоимостью в том ее виде, как она на базисе капиталистического способа производства проявляет себя при посредстве конкуренции; эта последняя порождает ложную социальную стоимость. Это вытекает из закона рыночной стоимости, которому подчинены продукты земледелия. Определение рыночной стоимости продуктов, следовательно, и земледельческих продуктов, есть общественный акт, хотя и общественно бессознательный и

непреднамеренный, акт, необходимо покоящийся на меновой стоимости продукта, а не на качестве земли и различии в ее плодородии. Если представить себе, что капиталистическая форма общества уничтожена и общество организовано как сознательная и планомерная ассоциация, то эти 10 квартеров будут представлять собой количество самостоятельного рабочего времени, равное тому, которое содержится в 240 шиллингах. Следовательно, общество не стало бы приобретать этот земледельческий продукт в обмен на такое количество рабочего времени, которое в $2^1/_2$ раза превышает действительно содержащееся в этом продукте рабочее время; благодаря этому отпала бы основа существования класса собственников земли. Это оказало бы совершенно такое же влияние, как удешевление продукта на такую же сумму вследствие иностранного ввоза. Поэтому насколько справедливо утверждение, что — при условии сохранения современного способа производства, но при том предположении, что дифференциальная рента перейдет к государству, — цены земледельческих продуктов при прочих равных условиях остались бы прежние, настолько же ложно утверждение, что стоимость продуктов при замене капиталистического производства ассоциацией осталась бы прежняя. Одинаковость рыночной цены однородных товаров есть способ, посредством которого на базисе капиталистического способа производства и вообще производства, покоящегося на обмене товаров между отдельными лицами, проявляется общественный характер стоимости. То, что общество, рассматриваемое как потребитель, переплачивает за продукты земли, то, что составляет минус при реализации его рабочего времени в земледельческом продукте, — составляет теперь плюс для одной части общества, для земельных собственников.

Другое обстоятельство, важное для понимания того, что будет изложено в следующей главе при рассмотрении дифференциальной ренты II, таково:

Речь идет не только о ренте с акра или гектара, не только вообще о различии между ценой производства и рыночной ценой, или между индивидуальной и общей ценой производства на акр, но также и о том, сколько акров каждой категории земли подвергается обработке. Здесь непосредственно важна лишь величина общей суммы ренты, то есть совокупной ренты, получаемой со всей обрабатываемой площади; но это служит для нас в то же время переходом к исследованию того, как повышается *норма ренты,* когда не увеличиваются ни цены, ни различия в относительном плодородии различных категорий земли при понижающихся ценах. Выше у нас было:

ТАБЛИЦА I

Категория земли	Акры	Цена производства	Продукт	Хлебная рента	Денежная рента
A...................	1	3 ф. ст.	1 кварт.	0	0
B....................	1	3 » »	2 »	1 кварт.	3 ф. ст.
C...................	1	3 » »	3 »	2 »	6 » »
D...................	1	3 » »	4 »	3 »	9 » »
Сумма ..…	4 акра	—	10 кварт.	6 кварт.	18 ф. ст.

Предположим теперь, что обрабатываемая площадь по каждой категории удвоилась; в таком случае мы имеем:

ТАБЛИЦА Ia

Категория земли	Акры	Цена производства	Продукт	Хлебная рента	Денежная рента
A....................	2	6 ф. ст.	2 кварт.	0	0
B...................…	2	6 » »	4 »	2 кварт.	6 ф. ст.
C	2	6 » »	6 »	4 »	12 » »
D...................	2	6 » »	8 »	6 »	18 » »
Сумма…….	8 акров	—	20 кварт.	12 кварт.	36 ф. ст.

Предположим еще два случая: первый, когда производство расширяется на двух худших землях таким образом:

ТАБЛИЦА Ib

Категория земли	Акры	Цена производства		Продукт	Хлебная рента	Денежная рента
		на акр	всего			
A...............………	4	3 ф. ст.	12 ф. ст.	4 кварт.	0	0
B...............………..	4	3 » »	12 » »	8 »	4 кварт.	12 ф. ст.
C...............……….	2	3 » »	6 » »	6 »	4 »	12 » »
D ....……….	2	3 » »	6 » »	8 »	6 »	18 » »
Сумма….....	12 акров	—	36 ф. ст.	26 кварт.	14 кварт.	42 ф. ст.

и, наконец, тот случай, когда расширение производства и возделываемой площади по четырем категориям земли происходит неравномерно:

ТАБЛИЦА Ic

Категория земли	Акры	Цена производства		Продукт	Хлебная рента	Денежная рента
		на акр	всего			
A.....................	1	3 ф. ст.	3 ф. ст.	1 кварт.	0	0
B.....................	2	3 » »	6 » »	4 »	2 кварт.	6 ф. ст.
C.....................	5	3 » »	15 » »	15 »	10 »	30 » »
D	4	3 » »	12 »»	16 »	12 »	36 »»
Сумма......	12 акров	—	36 ф. ст.	36 кварт.	24 кварт.	72 ф. ст.

Прежде всего во всех этих случаях I, Ia, Ib, Ic рента с 1 акра остается одна и та же, так как фактически продукт одинаковой массы капитала на акр земли одной и той же категории остался неизменным; предположено только, — и это в каждый момент происходит в любой стране, — что земли различных категорий находятся в определенном отношении ко всей возделываемой земле; и предположено, — а это постоянно имеет место в двух странах при сравнении их одна с другой или в одной и той же стране в различные периоды ее развития, — что изменяется отношение, в котором вся возделываемая земельная площадь распределяется между различными категориями земли.

При сравнении таблиц Ia и I мы видим, что если обрабатываемая площадь земель всех четырех категорий возрастает в одинаковой пропорции, то с удвоением этой площади удваивается все производство, а также хлебная и денежная ренты.

Но при последовательном сравнении случаев Ib и Ic с I мы найдем, что в обоих случаях площадь обрабатываемой земли увеличивается втрое. В обоих случаях она увеличивается с 4 до 12 акров, но в Ib наибольшее увеличение происходит по категориям земли *A* и *B,* из которых земля *A* не приносит никакой ренты, а земля *B* — наименьшую дифференциальную ренту; из 8 вновь возделываемых акров на долю земли *A* и земли *B* приходится по 3, итого 6 акров, тогда как на землю *C* и землю *D* приходится лишь по 1 акру, всего 2. Другими

словами: $^3/_4$ прироста приходится на земли *A* и *B* и лишь $^1/_4$ на земли *C* и *D*. При таких данных в Ib по сравнению с I увеличению в три раза площади возделанной земли не соответствует такое же увеличение продукта, так как количество его увеличилось с 10 не до 30, а лишь до 26. С другой стороны, так как значительная часть прироста приходится на землю *A,* которая не приносит ренты, а большая часть прироста, совершившегося на лучших землях, приходится на землю *B,* то хлебная рента увеличилась лишь с 6 до 14 квартеров, а денежная рента — с 18 до 42 фунтов стерлингов.

Если мы, напротив, сравним Ic с I, то есть случай, когда площадь земли, не приносящей ренты, совсем не увеличивается в размере, земля, приносящая минимальную ренту, увеличивается по площади лишь незначительно, тогда как наибольший прирост падает на земли *C* и *D,* то мы увидим, что при увеличении площади возделанной земли в три раза производство возросло с 10 до 36 квартеров, то есть более чем в три раза; хлебная рента увеличилась с 6 до 24 квартеров, или в четыре раза, и во столько же раз увеличилась денежная рента: с 18 до 72 фунтов стерлингов.

Во всех этих случаях цена земледельческого продукта остается в сущности неизменной; во всех случаях общая сумма ренты возрастает с расширением обрабатываемой земли, поскольку оно происходит не исключительно за счет худшей земли, не приносящей никакой ренты. Но рост этот различен. В той мере, в какой расширение происходит за счет лучших категорий земли и, следовательно, масса продукта растет не только пропорционально увеличению земельной площади, но быстрее, в такой же мере увеличивается и хлебная и денежная ренты. В той мере, в какой расширение происходит преимущественно за счет наихудшей земли и на близких к ней категориях земли (причем предполагается, что категория наихудшей земли не претерпевает изменений), общая сумма ренты не увеличивается пропорционально расширению обрабатываемой площади. Следовательно, если даны две страны, в которых не приносящая ренты земля *A* одинакова по качеству, то сумма ренты будет находиться в обратном отношении к той соответственной доле, которую в общей площади возделанной земли составляют наихудшая и худшие категории почвы, а потому и в обратном отношении к массе продукта, получающейся при одинаковой затрате капитала на равновеликую общую площадь земли. Таким образом, отношение между количеством обрабатываемой земли наихудшего качества и количеством земли наилучшего качества в пределах всей

земельной площади страны оказывает на общую сумму ренты влияние, обратное тому, какое оказывает отношение между качеством наихудшей из возделываемых земель и качеством лучшей и наилучшей на ренту с акра и, следовательно, при прочих равных условиях и на сумму ренты. Смешение этих двух моментов дало повод к всевозможным нелепым возражениям против теории дифференциальной ренты.

Итак, общая сумма ренты возрастает уже вследствие одного расширения площади обрабатываемой земли и связанного с этим расширением увеличенного приложения капитала и труда к земле.

Но наиболее важным пунктом является такой: хотя, согласно предположению, отношение рент с различных категорий земли, в расчете на акр, не изменяется, а потому не изменяется и норма ренты по отношению к капиталу, затраченному на каждый акр, однако оказывается следующее: если мы сравним Ia с I — случай, когда обрабатываемая площадь и произведенная затрата капитала увеличились пропорционально, — то мы найдем, что так же, как общее производство возросло пропорционально увеличившейся площади возделанной земли — и то и другое удвоились, — возросла и общая сумма ренты. Она увеличилась с 18 до 36 ф. ст., совершенно так же, как число акров, увеличившееся с 4 до 8.

Если мы возьмем общую площадь в 4 акра, то общая сумма ренты с них составит 18 ф. ст., следовательно, средняя рента, принимая в расчет землю, которая не приносит ренты, составит $4^1/_2$ фунта стерлингов. Такой расчет мог бы сделать, например, какой-нибудь земельный собственник, которому принадлежали бы все 4 акра; и таким же образом статистика исчисляет среднюю ренту всей страны. Общая сумма ренты в 18 ф. ст. получается при применении капитала в 10 фунтов стерлингов. Отношение между обоими этими числами мы называем нормой ренты; в данном случае она составляет, следовательно, 180%.

Та же норма ренты получается в случае Ia, когда вместо 4 акров возделывается 8, но все категории земли в одинаковом отношении участвуют в приросте. Общая сумма ренты в 36 ф. ст. дает при 8 акрах и 20 ф. ст. затраченного капитала среднюю ренту в $4^1/_2$ ф. ст. с акра и норму ренты в 180%.

Если же мы, напротив, рассмотрим случай Ib, когда прирост произошел главным образом на двух худших категориях земли, то мы получим ренту в 42 ф. ст. с 12 акров, то есть среднюю ренту в $3^1/_2$ Ф. ст. с акра. Весь затраченный капитал = 30 ф. ст., следовательно, норма ренты = 140%. Таким образом, средняя рента с акра уменьшилась на 1 ф. ст., а норма

ренты упала со 180% до 140%. Следовательно, при возрастании общей суммы ренты с 18 до 42 ф. ст. здесь происходит понижение средней ренты, исчисляемой как на акр, так и на капитал; понижение параллельное, но не пропорциональное возрастанию производства. Это происходит несмотря на то, что рента по всем категориям земли, исчисленная как на акр, так и на затраченный капитал, остается прежняя. Причина заключается в том, что $^3/_4$ прироста приходится на землю *A,* не дающую ренты, и на землю *B,* дающую лишь минимальную ренту.

Если бы в случае Ib все расширение ограничилось лишь землей *A,* то мы имели бы 9 акров на земле *A*, 1 на земле *B,* 1 на земле *C* и 1 на земле *D.* Общая сумма ренты по-прежнему была бы 18 ф. ст., а следовательно, средняя рента с акра на этих 12 акрах равнялась бы $1^1/_2$ фунта стерлингов; 18 ф. ст. ренты на 30 ф. ст. затраченного капитала составляли бы норму ренты в 60%. Средняя рента, исчисленная как на акр, так и на затраченный капитал, сильно уменьшилась бы, тогда как общая сумма ренты не возросла бы.

Сравним, наконец, случаи Ic с I и Ib. По сравнению с I земельная площадь увеличилась втрое и так же увеличился затраченный капитал. Общая сумма ренты = 72 ф. ст. с 12 акров, то есть 6 ф. ст. с акра вместо $4^1/_2$ ф. ст. в случае I. Норма ренты на затраченный капитал (72 ф. ст.: 30 ф. ст.) составляет 240% вместо 180%. Весь продукт увеличился с 10 до 36 квартеров.

По сравнению с Ib земельная площадь, затраченный капитал и разность между возделанными категориями земли остались прежние, но распределение будет иное. Здесь продукт = 36 квартерам вместо 26 квартеров, средняя рента с акра = 6 ф. ст. вместо $3^1/_2$ и норма ренты по отношению ко всему авансированному капиталу той же величины = 240% вместо 140%.

Как бы мы ни стали рассматривать различные положения, изображенные в таблицах Ia, Ib, Ic, — как положения, одновременно существующие одно возле другого в различных странах, или как последовательные положения в одной и той же стране, — мы приходим к следующим выводам: при постоянной цене хлеба — постоянной потому, что продукт с наихудшей, не приносящей ренты земли остается тот же; при неизменяющемся различии в плодородии различных категорий возделываемой земли; следовательно, при соответственна одинаковом количестве продукта при равных затратах капитала на равной площади каждой из категорий обрабатываемой земли; при постоянном вследствие этого отношении между рентами с акра каждой категории земли и при одинаковой

норме ренты на капитал, вложенный в каждый участок земли одной и той же категории: *во-первых,* сумма ренты всегда возрастает с расширением возделываемой площади, а следовательно, с увеличением затраты капитала, за исключением того случая, когда весь прирост приходится на долю не приносящей ренты земли. *Во-вторых,* как средняя рента на акр (общая сумма ренты, деленная на все число обрабатываемых акров), так и средняя норма ренты (общая сумма ренты, деленная на весь затраченный капитал) могут весьма значительно изменяться, и притом в одном направлении, но в различной мере одна по отношению к другой. Если не принимать во внимание того случая, когда расширение происходит лишь за счет земли *А,* не приносящей ренты, то оказывается, что средняя рента на акр и средняя норма ренты на капитал, вложенный в земледелие, зависят от того, какую долю всей возделываемой земли составляют земли различных категорий; или, что сводится к тому же, от распределения всего затраченного капитала между землями различного плодородия. Много ли, мало ли земли обрабатывается в стране и в зависимости от этого (за исключением того случая, когда расширение приходится лишь на долю земли *А)* больше ли, меньше ли общая сумма ренты, — средняя рента на акр и средняя норма ренты на примененный капитал остаются без изменения до тех пор, пока не изменятся пропорции различных категорий земли во всей возделываемой площади. Несмотря на повышение и даже значительное повышение общей суммы ренты, совершающееся с расширением обрабатываемой площади и увеличением затраты капитала, средняя рента на акр и средняя норма ренты на капитал понижаются, если земельные участки, не приносящие ренты или приносящие лишь незначительную дифференциальную ренту, возрастают быстрее лучших, приносящих большую ренту земельных участков. Наоборот, средняя рента на акр и средняя норма ренты на капитал повышаются по мере того, как лучшие земли начинают составлять относительно большую долю всей площади и на их долю поэтому приходится относительно большая затрата капитала.

Таким образом, если рассматривать среднюю ренту на акр или гектар всей возделываемой земли, как это обычно делается в статистических работах при сравнении различных стран в одну и ту же эпоху или различных эпох в одной и той же стране, то оказывается, что средняя высота ренты на акр, а потому и общая сумма ренты в известной мере (хотя отнюдь не в той же, а в значительно большей мере) соответствует не относительному, а абсолютному плодородию земледелия

в стране, то есть соответствует массе продуктов, получаемых в среднем с одинаковой земельной площади. Ибо чем большую долю общей площади составляют лучшие категории почвы, тем больше масса продуктов при одинаковой затрате капитала с земельной площади одинаковой величины и тем больше средняя рента на акр. При противоположном условии имеет место обратное. Вследствие этого кажется, что рента определяется не отношением дифференциального плодородия, а абсолютным плодородием, и что таким образом закон дифференциальной ренты уничтожается. Поэтому некоторые явления отрицаются или их пытаются объяснить несуществующими различиями средних хлебных цен и дифференциального плодородия возделываемых участков земли, — явления, основанные просто на том, что отношение общей суммы ренты как ко всей площади обрабатываемой земли, так и ко всему капиталу, вложенному в землю, при одинаковом плодородии не приносящей ренты земли, а потому и при одинаковых ценах производства и при одинаковой разнице между различными категориями земли, определяется не только рентой, получаемой на акр, или нормой ренты на капитал, но также и отношением площади земли каждой категории к общей обрабатываемой площади, или, что сводится к тому же, распределением всего затраченного капитала между различными категориями земли. До сих пор на это обстоятельство странным образом совершенно не обращали внимания. Во всяком случае оказывается, и это важно для дальнейшего хода нашего исследования, что относительная высота средней ренты на акр и средняя норма ренты, или отношение общей суммы ренты ко всему вложенному в землю капиталу, могут увеличиваться или уменьшаться просто вследствие экстенсивного расширения обрабатываемой площади при неизменяющихся ценах, неизменяющемся различии в плодородии возделываемых участков земли и неизменяющейся ренте с акра, или норме ренты на капитал, затраченный на акр по каждой действительно приносящей ренту категории земли, то есть на весь капитал, действительно приносящий ренту.

Необходимо сделать еще следующие дополнения относительно той формы дифференциальной ренты, которая исследована у нас под рубрикой I; они отчасти имеют значение и для дифференциальной ренты II.

Во-первых: мы видели, как средняя рента с акра или средняя норма ренты на капитал может повыситься при расширении

площади обрабатываемой земли, постоянных ценах и неизменяющейся разнице в плодородии возделываемых земельных участков. Когда вся земля в какой-либо стране уже присвоена, капиталовложения в землю, культура и население достигли определенной высоты, — условия, наличность которых предполагается, раз капиталистический способ производства стал господствующим, подчинив себе и земледелие, — цена необработанной земли различного качества (предполагая существование лишь дифференциальной ренты) определяется ценой возделанных участков земли одинакового качества и одинаково удобных в смысле расположения. Цена этой земли такая же — за вычетом присоединяющихся к ней издержек по распашке, — хотя она и не приносит ренты. Конечно, цена земли есть не что иное, как капитализированная рента. Но и в цене возделанных земельных участков оплачиваются лишь будущие ренты, например, сразу уплачиваются вперед ренты за двадцать лет, если определяющая процентная ставка =5%. Раз продается земля, она продается как приносящая ренту, и перспективный характер ренты (которая рассматривается здесь как продукт земли, чем она является только по видимости) не делает разницы между невозделанной землей и возделанной. Цена невозделанных участков земли, как и рента с них, концентрированное выражение которой представляет цена земли, чисто иллюзорна, пока эти участки не будут действительно использованы. Но она определяется таким образом a priori[*] и реализуется, когда найдутся покупатели. Поэтому, если действительная средняя рента в известной стране определяется действительной средней годовой суммой ренты и отношением этой последней ко всей возделываемой площади, то цена невозделанной части земельной площади определяется ценой возделанной и является поэтому лишь отражением затраты капитала и ее результатов на возделанных земельных участках. Так как все категории земли, за исключением наихудшей, приносят ренту (а эта рента, как мы увидим при рассмотрении дифференциальной ренты II, возрастает вместе с массой капитала и соответствующей этой массе интенсивностью обработки), то благодаря этому образуется номинальная цена для невозделанных земель, которые таким образом становятся товаром, источником богатства для их владельцев. Этим же объясняется, почему возрастает цена земли всей области, включая сюда и невозделанную землю (Опдайк[65]). Земельная спекуляция, например в Соединенных Штатах Америки, основана лишь на

[*] — заранее. *Ред.*

этом отражении, которое капитал и труд отбрасывают на невозделанную землю.

Во-вторых: процесс расширения возделываемой земли вообще совершается или путем перехода к худшей земле или на различных имеющихся категориях земли в различных пропорциях в зависимости от того, что имеется в наличности. Переход к худшей земле, конечно, никогда не совершается по доброй воле, а может быть лишь, — предполагая капиталистический способ производства, — следствием повышения цен, а при всяком способе производства — лишь результатом необходимости. Но это не имеет безусловного значения. Худшей земле оказывается предпочтение перед относительно лучшей землей вследствие ее местоположения, которое имеет решающее значение при всяком расширении обрабатываемой площади в молодых странах; далее, вследствие того, что, хотя земля определенного района в целом принадлежит к числу более плодородных, все же местами встречаются земли лучшего и худшего качества, и худшую землю приходится обрабатывать уже по одному тому, что она находится в непосредственной близости к лучшей. Если худшая земля вклинивается отдельными участками в лучшую, то соседство с последней создает худшей земле преимущество по сравнению с землей более плодородной, но не прилегающей к обработанной или подлежащей обработке земле.

Так, штат Мичиган среди западных штатов начал вывозить хлеб одним из первых. Почва его в общем скудна. Но соседство со штатом Нью-Йорк и водное сообщение по озерам и каналу Эри сначала давали ему преимущество перед более плодородными от природы штатами, находящимися далее к западу. Пример этого штата по сравнению со штатом Нью-Йорк может также служить иллюстрацией перехода от лучшей к худшей земле. Почвы штата Нью-Йорк, в частности в его западной части, несравненно плодороднее, в особенности при культуре пшеницы. Хищнической обработкой эта плодородная земля была превращена в неплодородную, и почвы Мичигана оказались теперь плодороднее.

«В 1838 г. через Буффало перевозили по воде пшеничную муку на запад, главным образом из производящих пшеницу районов штата Нью-Йорк и Верхней Канады. В настоящее время, спустя лишь 12 лет, громадные запасы пшеницы и муки с запада привозят по озерам и каналу Эри через Буффало и соседнюю гавань Блэкрок для отправки водным путем на восток. Экспорт пшеницы и муки особенно стимулировался голодом в Европе в 1847 году. Вследствие этого пшеница на западе штата Нью-Йорк стала дешевле и возделывание ее сделалось менее выгодным; это побудило нью-йоркских фермеров больше заниматься животноводством, производ-

ством молочных продуктов, плодоводством и т. д., то есть такими отраслями, в которых, по их мнению, северо-запад будет не в состоянии непосредственно конкурировать с ними» (J. W. Johnston. «Notes on North America». Vol. I, London, 1851, p. 222—223).

В-третьих: неправильно предполагать, что земли в колониях и вообще в молодых странах, которые могут вывозить хлеб по более дешевой цене, непременно отличаются большим естественным плодородием. Хлеб продается в данном случае не только ниже его стоимости, но и ниже его цены производства, а именно ниже цены производства, определяемой средней нормой прибыли в более старых странах.

Если у нас, как говорит Джонстон (там же, стр. 223),

«с этими новыми штатами, из которых ежегодно подвозят в Буффало такие большие количества пшеницы, по привычке связывается представление о большом природном плодородии и беспредельном пространстве богатой земли»,

то это зависит прежде всего от экономических условий. Все население такого штата, как, например, Мичиган, занималось вначале почти исключительно сельским хозяйством и специально массовыми продуктами его, так как только их можно было обменивать на промышленные товары и на продукты из тропиков. Весь его избыточный продукт поэтому — исключительно хлеб. Уже этим прежде всего отличаются колонии, основанные на базе современного мирового рынка, от прежних и в особенности от колоний античного мира. Современные колонии получают через посредство мирового рынка готовыми те продукты, которые при других обстоятельствах им пришлось бы изготовлять самим, как то: одежду, орудия и т. д. Только на такой основе южные штаты Союза и могли сделать хлопок своим основным продуктом. Разделение труда на мировом рынке дает им эту возможность. Если поэтому *кажется,* что они, принимая во внимание их молодость и относительную малочисленность населения, производят очень большой избыточный продукт, то этим они обязаны не плодородию их почв и не плодотворности труда проживающих в них людей, а односторонней форме их труда, а следовательно, и того избыточного продукта, в котором этот труд представлен.

Далее, в относительно менее плодородной пахотной земле, но которая лишь недавно начала обрабатываться и еще не освоена в достаточной мере, при более или менее благоприятных климатических условиях бывает накоплено, во всяком случае в верхних слоях, настолько много легко растворимых веществ, необходимых для питания растений, что она долгое

время дает урожай, не требуя удобрений, даже при самой поверхностной обработке. Что касается западных прерий, следует добавить еще и то, что они почти не требуют никаких особых издержек на распашку целины, так как они пригодны для возделывания уже от природы[33a]. В менее плодородных областях этого рода избыток получается не благодаря высокому плодородию почвы, то есть не благодаря высокому урожаю на акр, а благодаря большим площадям, которые могут быть подвергнуты поверхностной обработке, так как сама эта земля или ничего не стоит возделывателю или, по сравнению со старыми странами, стоит чрезвычайно дешево. Например, там, где существует издольщина, как в некоторых районах штатов Нью-Йорк, Мичиган и в Канаде и т. д. Одна семья обрабатывает, скажем, 100 акров, и, хотя количество продукта, получаемого с акра, невелико, со 100 акров это дает значительный избыток для продажи. К этому присоединяется еще почти даровое содержание скота на естественных пастбищах, без искусственных лугов. Решающее значение имеет здесь не качество, а количество земли. Возможность такой поверхностной обработки естественно исчерпывается со временем, — тем медленнее, чем плодороднее новая земля, и тем быстрее, чем больше вывоз ее продукта.

«И все же такая земля дает превосходные первые урожаи, даже урожаи пшеницы; тот, кто снимает первые сливки с земли, может доставить на рынок большой избыток пшеницы» (там же, стр. 224).

В странах старой культуры отношения собственности, цена невозделанной земли, определяемая ценой возделанной и т. д., делают невозможным подобного рода экстенсивное хозяйство.

Следующие данные показывают, что, вопреки мнению Рикардо, эта земля не должна быть непременно очень плодородной, а также что нет необходимости в том, чтобы возделывались категории земли, одинаковые по своему плодородию: в штате Мичиган в 1848 г. было засеяно пшеницей 465900 акров и производилось 4739300 бушелей, или в среднем по $10^1/_5$ бушеля на акр; по вычете семян это дает менее 9 бушелей на акр. Из 29 округов штата 2 округа производили в среднем 7 буше-

[33a] {Быстро расширяющееся возделывание таких прерий и степных, земель как раз превратило в последнее время нашумевшее положение Мальтуса о том, что «население давит на средства существования»[66], в предмет детского смеха и в противоположность этому вызвало жалобы аграриев на то, что земледелие, а вместе с тем и Германия погибнут, если насильственными мерами не устранить жизненных средств, которые давят на население. Но обработка этих степей, прерий, пампасов, льяносов и т. д. едва лишь начинается; поэтому ее революционизирующее влияние на европейское сельское хозяйство будет со временем несравненно ощутительнее, чем оно было до сих пор. — *Ф. Э.*}

лей, 3—8, 2—9, 7—10, 6—11, 3—12, 4—13 бушелей и лишь 1 округ — 16 бушелей и еще 1—18 бушелей на акр (там же, стр. 225).

Для земледельческой практики большее плодородие почвы совпадает с возможностью более интенсивного немедленного использования этого плодородия. Такая возможность может быть больше у бедной от природы почвы, чем у почвы от природы богатой; колонист же прежде всего возьмется за ту почву, которая предоставляет такого рода возможность, и при недостатке капитала он вынужден будет именно так поступить.

Наконец, освоение все больших площадей новых земель — оставляя в стороне только что рассмотренный случай, когда приходится прибегать к земле худшего качества, чем та, которая до тех пор возделывалась, — освоение различных категорий земли, начиная с земли *A* и до земли *D,* то есть, например, освоение больших площадей земель *B и C,* отнюдь не предполагает предварительного повышения цен на хлеб, подобно тому как ежегодное расширение, например, хлопчатобумажной промышленности не требует постоянного повышения цен на пряжу. Хотя значительное повышение или понижение рыночных цен оказывает влияние на объем производства, однако, оставляя это в стороне, и при средних ценах, не оказывающих на производство ни задерживающего, ни особо оживляющего влияния, в земледелии (как и во всех других отраслях производства, которые ведутся капиталистическим способом) постоянно имеется налицо то относительное перепроизводство, которое само по себе тождественно с накоплением и которое при других способах производства непосредственно вызывается ростом населения, а в колониях — постоянной иммиграцией. Потребности постоянно возрастают, и в предвидении этого все новые и новые капиталы постоянно вкладываются в новые земли, хотя и, в зависимости от обстоятельств, быть может, для производства разных земледельческих продуктов, К этому само по себе приводит образование новых капиталов. Что касается отдельного капиталиста, то объем своего производства он соразмеряет с имеющимся в его распоряжении капиталом, поскольку он еще сам в состоянии управлять своим капиталом. Он стремится лишь к тому, чтобы занять как можно больше места на рынке. Если произведено слишком много, то он обвинит в этом не себя, а своих конкурентов. Отдельный капиталист может расширять свое производство, как овладевая сравнительно большей частью существующего рынка, так и расширяя самый рынок.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ
ВТОРАЯ ФОРМА ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ РЕНТЫ (ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА II). ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

До сих пор мы рассматривали дифференциальную ренту лишь как результат различной производительности одинаковых затрат капитала на равных земельных площадях различного плодородия, так что дифференциальная рента определялась разностью между продуктом капитала, вложенного в наихудшую, не приносящую ренты землю, и продуктом капитала, вложенного в лучшую землю. При этом мы предполагали, что капиталы затрачивались одновременно на различных участках земли, так что каждой новой затрате капитала соответствовал экстенсивный рост обработки земли, расширение возделываемой площади. Но по существу дифференциальная рента являлась в конце концов лишь результатом различной производительности равных капиталов, вложенных в землю. Рассмотрим теперь, будет ли какая-нибудь разница, если капиталы различной производительности вкладываются один после другого на одном и том же участке земли и если они вкладываются одновременно в различные участки земли, — если только предположить, что результаты одни и те же.

Прежде всего нельзя отрицать, что, поскольку речь идет об образовании добавочной прибыли, совершенно безразлично, дадут ли 3 ф. ст. цены производства на акр земли *A* продукт и 1 квартер, так что 3 ф. ст. будут ценой производства и регулирующей рыночной ценой 1 квартера, тогда как 3 ф. ст. цены производства на акр земли *B* дадут 2 квартера и, таким образом, добавочную прибыль в 3 ф. ст., а 3 ф. ст. цены производства на акр земли *C* дадут 3 квартера и 6 ф. ст. добавочной прибыли, и, наконец, 3 ф. ст. цены производства на акр земли *D* дадут 4 квартера и 9 ф. ст. добавочной прибыли; или же такой результат получится от того, что эти 12 ф. ст. цены производства, соответственно 10 ф. ст. капитала, будут затрачены с таким же успехом, в такой же последовательности на одном и том же

акре. И в том и в другом случае капитал = 10 ф. ст., и стоимость его последовательно затрачивается частями в $2^1/_2$ ф. ст., — или одновременно на 4 акрах земли различного плодородия или же одна после другой на одном и том же акре, — а из этих частей, так как продукт их различен, одна не дает добавочной прибыли, между тем как другие дают добавочную прибыль, соответствующую разности между их продуктом и продуктом той затраты, которая не приносит ренты.

Добавочные прибыли и различные нормы добавочной прибыли с различных частей капитала образуются в обоих случаях одинаково. Рента же есть не что иное, как форма этой добавочной прибыли, образующей ее субстанцию. Но во всяком случае второй способ [образования добавочной прибыли] сопряжен с трудностями при превращении добавочной прибыли в ренту, этом изменении формы, которое предполагает передачу дополнительной прибыли капиталистическим арендатором собственнику земли. Вот почему английские арендаторы оказывают такое упорное сопротивление официальной сельскохозяйственной статистике. Отсюда же борьба, которую они ведут с земельными собственниками из-за установления действительных результатов их капиталовложений (Мортон). Дело в том, что величина ренты устанавливается при аренде земель, и после этого добавочная прибыль, получаемая от последовательных затрат капитала, поступает в карман арендатора вплоть до окончания срока арендного договора. Отсюда борьба арендаторов за арендные договоры на длительный срок и, наоборот, увеличение числа ежегодно расторгаемых договоров (tenancies at will) вследствие превосходства сил земельных собственников.

Поэтому ясно с самого начала: если для закона образования добавочной прибыли безразлично, вложены ли равные капиталы с различными результатами одновременно в земельные участки равной величины или последовательно друг за другом в один и тот же участок земли, то для превращения добавочной прибыли в земельную ренту это имеет существенное значение. Последний способ заключает это превращение, с одной стороны, в более узкие, с другой — в менее устойчивые границы. Поэтому в странах интенсивной культуры (а в экономическом смысле под интенсивной культурой мы понимаем не что иное, как концентрацию капитала на одной и той же земельной площади, вместо распределения его между земельными участками, находящимися один возле другого) работа таксатора, как показывает Мортон в своей работе «Resources of Estates», становится очень важной, сложной и трудной

профессией. Поэтому при таких улучшениях земли, которые сохраняют свою силу в течение продолжительного времени, в случае, когда срок арендного договора истекает, искусственно повышенное дифференциальное плодородие земли совпадает с естественным, а потому и оценка размера ренты совпадает с определением ренты земель различного плодородия вообще. Напротив, в той мере, в какой образование добавочной прибыли определяется величиной капитала, вложенного в дело, величина ренты, достигаемая при определенном размере вложенного капитала, приплюсовывается к средней ренте страны, и поэтому земельные собственники заботятся о том, чтобы новый арендатор располагал капиталом, достаточным для последующей обработки земли с прежней степенью интенсивности.

При рассмотрении дифференциальной ренты II необходимо отметить еще следующие пункты.

Во-первых: ее основой и исходным пунктом не только исторически, но и, поскольку речь идет об ее движении во всякий данный момент, является дифференциальная рента I, то есть одновременное возделывание земельных участков, различных как по своему плодородию, так и по местоположению, то есть одновременное применение различных составных частей совокупного земледельческого капитала на землях различного качества.

Исторически это само собой разумеется. В колониях колонистам приходится затрачивать лишь незначительный капитал; главными агентами производства являются труд и земля. Каждый отдельный глава семьи старается создать для себя и своих родственников поле деятельности, независимое от поля деятельности его собратьев-колонистов. В собственно земледелии уже при докапиталистических способах производства дело должно было происходить вообще таким же образом. При овцеводстве и вообще животноводстве, когда они являются самостоятельными отраслями производства, земля эксплуатируется более или менее сообща, причем эксплуатация с самого начала носит экстенсивный характер. Капиталистический способ производства вырастает из прежних способов производства, при которых средства производства фактически или юридически составляют собственность самого земледельца, словом, из кустарного сельскохозяйственного производства. По сути дела из последнего лишь постепенно развивается концентрация средств производства и превращение их в капитал, противостоящий непосредственным производителям, превращенным

в наемных рабочих. Поскольку капиталистический способ производства выступает здесь со своими характерными чертами, это происходит в первую очередь в особенности в области овцеводства и животноводства; но проявляется это не в концентрации капитала на относительно небольшой площади земли, а в производстве в большом масштабе, благодаря чему достигается экономия на количестве лошадей и других издержках производства; в действительности здесь нет приложения большего капитала к одной и той же земле. Далее, в силу естественных законов земледелия при известной высоте культуры и соответствующем ей истощении почвы капитал, понимаемый здесь также в смысле уже произведенных средств производства, становится решающим элементом земледелия. Пока возделываемая земля составляет небольшую площадь сравнительно с невозделанной и почва еще не истощена (а таково положение при преобладании животноводства и мясной пищи в период, предшествующий периоду преобладания собственно земледелия и растительной пищи), возникающий новый способ производства противостоит крестьянскому производству именно по размеру земельной площади, обрабатываемой на средства одного капиталиста, то есть опять-таки по экстенсивной затрате капитала на земельной площади больших размеров. Таким образом, с самого начала следует иметь в виду, что дифференциальная рента I является той исторической основой, которая служит исходным пунктом. С другой стороны, движение дифференциальной ренты II в каждый данный момент начинается лишь в такой области, которая сама, в свою очередь, служит мозаичной основой для дифференциальной ренты I.

Во-вторых: при дифференциальной ренте в форме II к различию плодородия присоединяются различия в распределении капитала (и кредитоспособности) между фермерами. В собственно промышленности для каждой отрасли производства скоро определяется минимум размера предприятия и соответственно этому минимум капитала, без которого нельзя успешно вести отдельное предприятие. Точно так же в каждой отрасли производства образуется стоящий выше этого минимума нормальный средний размер капитала, которым должно располагать и располагает большинство производителей. Капитал большего размера может дать сверхприбыль; меньшего размера — не дает и средней прибыли. Капиталистический способ производства лишь медленно и неравномерно захватывает сельское хозяйство, как это можно наблюдать в Англии, классической стране капиталистического способа производства в области земледелия.

Поскольку не существует свободного ввоза хлеба или его влияние лишь ограничено, потому что размер ввоза ограничен, то рыночную цену определяют производители, работающие на худшей земле, то есть при условиях производства менее благоприятных, чем средние. Большая часть общей массы капитала, который применяется в сельском хозяйстве и которым оно вообще располагает, находится в их руках.

Верно, что крестьянин, например, затрачивает много труда на обработку своей маленькой парцеллы, но труда изолированного и лишенного объективных как общественных, так и материальных условий производительности.

Это обстоятельство приводит к тому, что настоящие капиталистические фермеры имеют возможность присваивать себе часть добавочной прибыли, что не имело бы места — по крайней мере, поскольку дело касается указанной причины, — если бы капиталистический способ производства был так же равномерно развит в сельском хозяйстве, как в промышленности.

Рассмотрим сначала только образование добавочной прибыли при дифференциальной ренте II, не касаясь условий, при которых может совершиться превращение этой добавочной прибыли в земельную ренту.

В таком случае ясно, что дифференциальная рента II является лишь другим выражением дифференциальной ренты I, а по существу совпадает с ней. Различие в плодородии различных земель влияет при дифференциальной ренте I лишь постольку, поскольку благодаря ему вложенные в землю капиталы дают неодинаковые результаты, неодинаковое количество продуктов на капиталы одинаковой величины или дают количество продуктов, не пропорциональное величине капиталов. Получается ли это неравенство для различных капиталов, затрачиваемых один за другим на одном и том же участке земли, или для капиталов, вкладываемых в несколько земельных участков различной по качеству земли, — это ничего не может изменить в различии плодородия земли или продукта, а потому и в образовании дифференциальной ренты с тех частей капитала, которые затрачены с большей продуктивностью. По-прежнему при равных затратах капитала земля обнаруживает различное плодородие, но только в данном случае одна и та же земля при последовательных затратах различных по величине частей капитала дает такие же результаты, какие при дифференциальной ренте I дают различные категории почвы при затрате одинаковой величины частей общественного капитала.

Предположим, что тот же капитал в 10 ф. ст., который затрачивался в таблице I [см. стр. 204] различными фермерами в виде самостоятельных капиталов по $2^1/_2$ ф. ст. на каждый акр четырех категорий земли *A, B, C* и *D,* вместо этого затрачивается последовательно на одном и том же акре земли *D* так, что первая затрата дала бы 4 квартера, вторая — 3, третья — 2 и последняя — 1 квартер (или же в обратной последовательности). В таком случае цена 1 квартера, получаемого от наименее доходной части капитала, равная 3 ф. ст., не приносила бы дифференциальной ренты, но определяла бы цену производства до тех пор, пока была бы еще необходимость в пшенице, цена производства которой = 3 фунтам стерлингов. А так как, согласно предположению, производство ведется капиталистически и, следовательно, цена в 3 ф. ст. заключает в себе среднюю прибыль, приносимую вообще капиталом в $2^1/_2$ ф. ст., то три остальные части по $2^1/_2$ ф. ст. будут приносить, в зависимости от различия в количестве продукта, добавочную прибыль, так как этот продукт продается не по его цене производства, а по цене производства наименее доходной затраты капитала в $2^1/_2$ фунта стерлингов, затраты, которая не приносит ренты, и цена продукта которой регулируется общим законом цен производства. Образование добавочной прибыли было бы такое же, как оно представлено в таблице I.

Здесь снова оказывается, что дифференциальная рента II предполагает дифференциальную ренту I. Минимум продукта, который приносит капитал в $2^1/_2$ ф. ст., то естъ капитал, вложенный в наихудшую землю, мы приняли здесь в 1 квартер. Следовательно, предполагается, что арендатор земли *D*, помимо тех $2^1/_2$ ф. ст., которые приносят ему 4 квартера, за что он уплачивает 3 квартера дифференциальной ренты, затрачивает на той же земле $2^1/_2$ ф. ст., которые приносят ему всего лишь 1 квартер, то есть столько же, сколько приносит капитал, вложенный в наихудшую землю *A*. В таком случае это была бы затрата капитала, не приносящая ренты, так как она принесла бы фермеру только среднюю прибыль. Здесь не было бы никакой добавочной прибыли, нечему было бы превращаться в ренту. Но, с другой стороны, это уменьшение продукта от второй затраты капитала на земле *D* не оказало бы никакого влияния на норму прибыли. Это было бы то же самое, как если бы $2^1/_2$ ф. ст. были вновь затрачены на какой-нибудь новый акр земли *A,* — обстоятельство, которое не оказало бы никакого влияния на добавочную прибыль, а следовательно, и на Дифференциальную ренту с земель *A, B, C, D.* Для фермера же эта дополнительная затрата $2^1/_2$ ф. ст. на земле *D* была бы

выгодна как раз в такой же мере, как, согласно нашему предположению, затрата первоначальных $2^1/_2$ ф. ст. на акр земли *D*, хотя она приносит 4 квартера. Если, далее, следующие две затраты капитала по $2^1/_2$ ф. ст. каждая дадут ему: первая — 3, а вторая — 2 квартера дополнительного продукта, то имело бы место новое уменьшение продукта по сравнению с продуктом, полученным от первой затраты в $2^1/_2$ ф. ст. на земле *D,* которая дала 4 квартера, а потому 3 квартера добавочной прибыли. Но это было бы лишь уменьшением величины добавочной прибыли и не оказало бы никакого влияния ни на среднюю прибыль, ни на регулирующую цену производства. Такое влияние имело бы место только в том случае, если бы дополнительное производство, которое приносит пониженную добавочную прибыль, сделало излишним производство на земле *A* и таким образом исключило бы землю *A* из числа обрабатываемых земель. В этом случае с понижением продуктивности дополнительной затраты капитала на акре земли *D* было бы связано уменьшение цены производства, например, с 3 до $1^1/_2$ ф. ст., если бы землей, не приносящей ренты и регулирующей рыночную цену, сделался акр земли *B*.

Продукт с земли *D* был бы теперь = 4 + 1 + 3 + 2 = 10 квартерам, тогда как прежде он был равен 4 квартерам. Но цена квартера, регулируемая ценой производства на земле *B,* уменьшилась бы до $1^1/_2$ фунта стерлингов. Разница между [продуктами земель] *D* и *B* была бы = 10 - 2 = 8 квартерам, что по $1^1/_2$ ф. ст. за квартер составило бы 12 ф. ст., тогда как денежная рента с земли *D* раньше была = 9 фунтам стерлингов. Это следует отметить. Если сделать расчет на акр, то рента поднялась на $33^1/_3$%, несмотря на уменьшившуюся норму добавочной прибыли с двух дополнительных капиталов по $2^1/_2$ ф. ст. каждый.

Отсюда видно, какие необычайно сложные комбинации может вызвать дифференциальная рента вообще и особенно в форме II вместе с формой I, тогда как Рикардо, например, трактует ее совершенно односторонне и как простую вещь. Бывают случаи, как приведенный выше, когда происходит понижение регулирующей рыночной цены и вместе с тем увеличение ренты на плодородных землях, так что возрастает как абсолютный продукт, так и абсолютный добавочный продукт. (При дифференциальной ренте I по нисходящей линии может возрастать относительный добавочный продукт, а потому и рента с акра, хотя абсолютный добавочный продукт с акра остается тот же или даже уменьшается.) Но в то же время

уменьшается продуктивность затрат капитала, которые делаются одна за другой на одной и той же земле, несмотря на то, что значительная часть их приходится на более плодородные земли. Если смотреть с одной точки зрения — с точки зрения количества продукта и цен производства — производительность труда возросла. Но с другой точки зрения она уменьшилась, так как норма добавочной прибыли и добавочный продукт на акр для различных затрат капитала на той же самой земле уменьшились.

Дифференциальная рента II при уменьшающейся продуктивности последовательных затрат капитала только в том случае была бы непременно связана с повышением цены производства и абсолютным понижением производительности, если бы эти затраты капитала могли быть произведены исключительно на худшей земле *А.* Если акр земли *А,* дававший при затрате капитала в $2^1/_2$ ф. ст. 1 квартер по цене производства в 3 ф. ст., дает при дальнейшей затрате в $2^1/_2$ ф. ст., то есть при общей затрате в 5 ф. ст., в общей сложности лишь $1^1/_2$ квартера, то цена производства этих $1^1/_2$ квартера = 6 ф. ст., а потому одного квартера = 4 фунтам стерлингов. Всякое понижение производительности при возрастающей затрате капитала было бы здесь относительным уменьшением продукта с акра, тогда как такое понижение производительности на земле лучших категорий есть лишь уменьшение дополнительного добавочного продукта.

Но по самой природе дела интенсивная агрикультура, то есть последовательные затраты капитала на одной и той же земле, развивается преимущественно или в более значительной степени на лучших землях. (Мы не говорим здесь о тех постоянно действующих улучшениях, посредством которых земли, до того времени непригодные, превращаются в пригодные.) Поэтому уменьшающаяся продуктивность последовательных затрат капитала будет сказываться преимущественно вышеуказанным образом. Лучшая земля выбирается при этом потому, что она дает наибольшие шансы прибыльного применения капитала, так как содержит в себе наибольшее количество естественных элементов плодородия, которые остается только использовать.

Когда после отмены хлебных законов агрикультура в Англии сделалась еще интенсивнее, масса земель, на которых прежде возделывалась пшеница, была использована для иных целей, а именно превращена в пастбища; напротив, плодородные земли, наиболее пригодные для возделывания пшеницы, были осушены и иным образом улучшены; капитал, применяемый

для возделывания пшеницы, был сконцентрирован на сравнительно меньшей площади земли.

В этом случае, — а все возможные нормы добавочной прибыли, находящиеся между наибольшим количеством добавочного продукта лучшей земли и количеством продукта земли *А,* не приносящей ренты, соответствуют здесь не относительному, а абсолютному увеличению добавочного продукта на акр, — вновь образовавшаяся добавочная прибыль (потенциальная рента) представляет не превратившуюся в ренту часть прежней средней прибыли (часть продукта, в которой раньше была представлена средняя прибыль), а дополнительную добавочную прибыль, которая из этой формы превращается в ренту.

Напротив, только в том случае, если бы спрос на хлеб увеличился настолько, что рыночная цена превысила бы цену производства на земле *А* и потому добавочный продукт с земель *А, В* или какой-либо другой категории земли можно было бы получать лишь по более высокой цене, чем 3 ф. ст., — только в этом случае уменьшение продукта от дополнительной затраты капитала на какой-либо из земель *А, В, С, D* было бы сопряжено с повышением цены производства и регулирующей рыночной цены. Поскольку такое положение установилось бы на сравнительно продолжительное время и не вызвало бы возделывания дополнительной земли *А* (по меньшей мере земли такого качества, как земля *А*) и вообще никакие другие влияния не привели бы к предложению хлеба по более дешевым ценам, заработная плата при прочих равных условиях повысилась бы вследствие вздорожания хлеба и соответственно этому понизилась бы норма прибыли. В этом случае было бы безразлично, удовлетворялся ли бы возросший спрос путем вовлечения в обработку земли худшего качества, чем земля *А,* или же путем дополнительной затраты капитала, все равно на какой из четырех категорий земли. Дифференциальная рента стала бы повышаться в связи с понижением нормы прибыли.

Этот один случай, когда убывающая продуктивность капиталов, дополнительно вкладываемых в земли, уже освоенные, может привести к повышению цены производства, понижению нормы прибыли и образованию более высокой дифференциальной ренты, — так как эта последняя при данных условиях повысилась, бы на всех категориях земли совершенно так же, как если бы худшая, чем *А,* земля стала теперь регулировать рыночную цену, — этот случай Рикардо превращает в единственный случай, в нормальный случай, к которому он сводит все образование дифференциальной ренты II.

Так оно и было бы в действительности, если бы обрабатывалась лишь земля *A* и если бы последовательные затраты капитала, производимые на ней, не сопровождались пропорциональным ростом продукта.

Таким образом, здесь, при дифференциальной ренте II, совершенно забывают дифференциальную ренту I.

За исключением этого случая, когда или предложение Продукта с уже возделываемых земель недостаточно, и потому рыночная цена в течение долгого времени превышает цену производства, пока не начнется возделывание новых, дополнительных, худших земель, или до тех пор пока весь продукт дополнительного капитала, затраченного на землях различных категорий, будет возможно сбывать по более высокой цене производства, чем прежде существовавшая, — за исключением этого случая относительное уменьшение производительности дополнительных капиталов не затрагивает регулирующей цены производства и норм прибыли. Вообще же говоря, возможны еще три следующих случая:

a) Если дополнительный капитал, вложенный в землю какого бы то ни было вида: *A, B, C, D,* дает лишь норму прибыли, определяемую ценой производства на земле *A,* то вследствие этого не образуется добавочной прибыли, а значит, и какой бы то ни было ренты, — не образуется точно так же, как если бы стала обрабатываться дополнительная земля *A.*

b) Если дополнительный капитал принесет большее количество продукта, то, само собой разумеется, образуется новая добавочная прибыль (потенциальная рента), если регулирующая цена остается прежней. Последнее не всегда имеет место, в частности, не имеет места в том случае, если это дополнительное производство исключает землю *A* из числа обрабатываемых, а вместе с тем и из числа конкурирующих категорий земли. Тогда регулирующая цена производства понижается. Норма прибыли повысилась бы, если бы с этим было сопряжено понижение заработной платы или если бы более дешевый продукт вошел как элемент в постоянный капитал. Если бы повышенная производительность дополнительных капиталов имела место на землях лучших категорий — *C* и *D,* то только от степени повышения производительности и от массы вновь вложенных капиталов зависело бы, насколько образование увеличенной Добавочной прибыли (а следовательно, и увеличенной ренты) было бы связано с понижением цены и повышением нормы прибыли. Эта последняя может повышаться и без понижения заработной платы, — вследствие удешевления элементов постоянного капитала.

c) Если дополнительная затрата капитала дает уменьшающуюся добавочную прибыль, но все же продукт этой затраты оставляет избыток по сравнению с продуктом такого же капитала, затраченного на земле *A,* то, если только увеличившееся предложение не исключит землю *A* из числа обрабатываемых земель, при всех обстоятельствах происходит образование новой добавочной прибыли, причем оно может произойти одновременно на землях *D, C, B, A.* Если же, напротив, из числа обрабатываемых земель будет вытеснена худшая земля *A,* то регулирующая цена производства понизится, и от отношения между уменьшившейся ценой 1 квартера и увеличившимся числом квартеров, образующих добавочную прибыль, зависит, повышается или понижается выраженная в деньгах добавочная прибыль, а следовательно, и дифференциальная рента. Но во всяком случае здесь обнаруживается то любопытное обстоятельство, что при уменьшении добавочной прибыли от последовательных затрат капитала цена производства может уменьшаться, вместо того чтобы обязательно повышаться, как это представляется с первого взгляда.

Эти дополнительные затраты капитала с убывающими добавочными продуктами как раз соответствуют такому случаю, когда на землях, стоящих по своему плодородию между землями *A* и *B,* землями *B* и *C,* землями *C* и *D,* были бы, например, затрачены четыре новых самостоятельных капитала по $2^1/_2$ ф. ст., которые приносили бы соответственно $1^1/_2$ квартера, $2^1/_3$, $2^2/_3$ и 3 квартера. На всех этих землях, на все четыре дополнительных капитала образовались бы добавочные прибыли, потенциальные ренты, хотя норма добавочной прибыли по сравнению с той, которую приносит равная затрата капитала на соответственно лучшей земле, и уменьшилась бы. При этом было бы совершенно безразлично, вложены ли эти четыре капитала в землю *D* и т. д. или же распределены между землями *D* и *A*.

Мы подходим теперь к существенному различию между обеими формами дифференциальной ренты.

Когда речь идет о дифференциальной ренте I, здесь при неизменяющейся цене производства и неизменяющихся разностях [между продуктами различных земель] вместе с общей суммой ренты может повыситься средняя рента на акр или средняя норма ренты на капитал. Но среднее — это лишь абстракция. Действительный уровень ренты, в расчете на акр или на капитал, здесь остается прежний.

Напротив, уровень ренты, при расчете на акр, при тех же условиях может повыситься, хотя норма ренты, вычисленная на вложенный капитал, остается прежней.

Предположим, что производство удваивается вследствие того, что на каждой из категорий земли *A, B, C, D* вкладывается капитала не по $2^1/_2$, а по 5 ф. ст., то есть в общем 20 ф. ст. вместо 10 ф. ст., причем относительное плодородие остается прежнее. Это было бы совершенно то же самое, как если бы вместо 1 акра каждой из этих категорий земли обрабатывалось 2 акра, причем издержки оставались бы те же. Норма прибыли не изменилась бы, равно как и ее отношение к добавочной прибыли или ренте. Если же земля *A* и стала бы приносить теперь 2 квартера, земля *B* — 4, земля *C* — 6, земля *D* — 8, то цена производства по-прежнему равнялась бы 3 ф. ст. за квартер, так как этот прирост был бы обязан своим происхождением не удвоившемуся плодородию при прежнем капитале. а прежнему плодородию при удвоившемся капитале. Эти 2 квартера с земли *A* стоили бы теперь 6 ф. ст., как раньше 1 квартер стоил 3 фунта стерлингов. Прибыль на всех четырех категориях земли удвоилась бы, но только потому, что удвоился вложенный капитал. И рента удвоилась бы, возросла бы в том же отношении; она равнялась бы 2 квартерам для земли *B* вместо 1 квартера, 4 квартерам для земли *C* вместо 2 и 6 квартерам для земли *D* вместо 3, и соответственно этому денежная рента для земель *B, C, D* равнялась бы 6 ф. ст., 12 ф. ст., 18 фунтам стерлингов. Как и продукт на акр, удвоилась бы и денежная рента при расчете на акр, а следовательно, цена земли, в которой капитализируется эта денежная рента. Согласно такому расчету, повышаются хлебная и денежная ренты, а следовательно, и цена земли, так как масштаб, которым измеряется последняя, акр, есть земельная площадь постоянной величины. Напротив, в норме ренты, то есть в отношении ренты к вложенному капиталу не произошло никакого изменения. Общая сумма ренты в 36 ф. ст. относится к вложенному капиталу в 20 ф. ст., как общая сумма ренты в 18 ф. ст. к вложенному капиталу в 10 фунтов стерлингов. То же самое справедливо и для отношения денежной ренты, получаемой с земли каждой категории, к вложенному в последнюю капиталу; так, например, 12 ф. ст. ренты с земли *C* относятся к 5 ф. ст. капитала, как раньше 6 ф. ст. ренты относились к $2^1/_2$ ф. ст. капитала. При этом не образуется новых различий между вложенными капиталами, но образуются новые добавочные прибыли только потому, что дополнительный капитал вкладывается в какую-либо из приносящих ренту земель или во все земли и дает при этом пропорционально своей величине прежний продукт. Если бы двойная затрата капитала была произведена, например, лишь на земле *C,* то дифференциальная рента между *C, B* и *D*

по отношению к капиталу осталась бы той же, потому что хотя масса ренты, полученная с земли *C,* и удвоилась бы, но удвоился бы и вложенный капитал.

Отсюда видно, что при неизменной цене производства, неизменной норме прибыли и неизменных разностях [между продуктами различных земель] (а потому при неизменной норме добавочной прибыли или ренты, взятой в отношении к капиталу) высота ренты, выраженной в продукте и в деньгах, получаемых с акра, а следовательно, и цена земли могут повыситься.

То же самое может произойти при уменьшающихся нормах добавочной прибыли, а потому и ренты, то есть при уменьшающейся производительности дополнительных затрат капитала, все еще приносящих ренту. Если бы вторичные затраты капитала в $2^1/_2$ ф. ст. не дали удвоенного продукта, а на земле *B* получилось бы лишь $3^1/_2$ квартера, на земле *C* — 5 и на земле *D* — 7 квартеров, то дифференциальная рента на земле *B* для второй затраты капитала в $2^1/_2$ ф. ст. равнялась бы лишь $^1/_2$ квартера вместо 1, на земле *C* — 1 квартеру вместо 2 и на земле *D* — 2 квартерам вместо 3. Отношение между рентой и капиталом для обеих последовательных затрат было бы следующее:

	Первая затрата						Вторая затрата					
B:	рента	3	ф. ст.,	капитал	$2^1/_2$	ф. ст.	Рента	$1^1/_2$	ф. ст.,	капитал	$2^1/_2$	ф. ст.
C:	»	6	» »	»	$2^1/_2$	» »	»	3	» »	»	$2^1/_2$	» »
D:	»	9	» »	»	$2^1/_2$	» »	»	6	» »	»	$2^1/_2$	» »

Несмотря на такое относительное понижение нормы производительности капитала, а потому и добавочной прибыли, взятой по отношению к капиталу, хлебная и денежная ренты повысились бы для земли *B* с 1 до $1^1/_2$ квартера (с 3 до $4^1/_2$ ф. ст.), для земли *C* — с 2 до 3 квартеров (с 6 до 9 ф. ст.) и для земли *D* — с 3 до 5 квартеров (с 9 до 15 фунтов стерлингов). В этом случае разности для дополнительных капиталов по сравнению с капиталом, вложенным в землю *A,* уменьшились бы, цена производства осталась бы прежняя, но рента на акр, а следовательно, и цена земли за акр увеличились бы.

Что же касается комбинаций дифференциальной ренты II, которая предполагает как свою основу дифференциальную ренту I, то они следующие.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ
ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА II. — ПЕРВЫЙ СЛУЧАЙ: ПОСТОЯННАЯ ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА

Это условие предполагает, что рыночная цена по-прежнему регулируется капиталом, вложенным в наихудшую землю *A*.

I. Если дополнительный капитал, вложенный в какую-либо из приносящих ренту земель *B, C, D,* производит лишь столько, сколько производит такой же капитал, вложенный в землю *A,* то есть если при регулирующей цене производства он приносит лишь среднюю прибыль, не давая, таким образом, никакой добавочной прибыли, то влияние, оказываемое им на ренту, равно нулю. Все остается по-старому. Это равносильно тому, как если бы любое число акров земли *A,* наихудшей земли, было присоединено к уже возделываемой земельной площади.

II. Дополнительные капиталы производят на землях всех категорий дополнительные продукты пропорционально величине этих капиталов, то есть производство возрастает в зависимости от специфического плодородия земли каждой категории, пропорционально величине дополнительного капитала. В XXXIX главе исходным пунктом нам служила следующая таблица I:

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
A...............	1	$2^1/_2$	$^1/_2$	3	1	3	3	0	0	0
B..............	1	$2^1/_2$	$^1/_2$	3	2	3	6	1	3	120%
C................	1	$2^1/_2$	$^1/_2$	3	3	3	9	2	6	240%
D................	1	$2^1/_2$	$^1/_2$	3	4	3	12	3	9	360%
Итого	4	10	—	12	10	—	30	6	18	—

Теперь из нее получается:

ТАБЛИЦА II

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
A...........	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	2	3	6	0	0	0
B………	1	$2^1/_2 + 2^1/_2= 5$	1	6	4	3	12	2	6	120%
C………	1	$2^1/_2+2^1/_2= 5$	1	6	6	3	18	4	12	240%
D………	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	8	3	24	6	18	360%
	4	20	—	—	20	—	60	12	36	—

В данном случае нет необходимости в том, чтобы капитал вкладывался в каждую из категорий земли в удвоенном размере, как это имеет место в таблице. Закон остается тот же, если только на какой-либо одной или нескольких категориях земли, приносящей ренту, затрачен дополнительный капитал в какой бы то ни было пропорции. Необходимо лишь, чтобы производство на всех этих землях увеличивалось в том же отношении, в каком увеличивается капитал. Рента повышается здесь исключительно благодаря увеличению вложенного в землю капитала и соразмерно с этим увеличением капитала. Такое увеличение продукта и ренты, являющееся следствием увеличения вложенного капитала и пропорциональное ему, ничем не отличается ни по количеству продукта, ни по величине ренты от того случая, когда увеличивается возделываемая площадь равных по качеству участков земли, приносящих ренту, и начинает возделываться с такой же затратой капитала, с какой совершалась раньше обработка земельных участков того же качества. В случае, изображенном таблицей II, например, результат был бы тот же, если бы дополнительный капитал в $2^1/_2$ ф. ст. на акр был затрачен на вторые акры земель *B, C* и *D.*

Этот пример не предполагает, далее, какого-либо более продуктивного применения капитала, а лишь применение

большего капитала к той же площади и с теми же результатами, как и до того времени.

Все относительные величины здесь остаются прежние. Конечно, если рассматривать не относительные различия, а чисто арифметические, то окажется, что дифференциальная рента, получаемая с различных категорий земли, может изменяться. Предположим, например, что дополнительный капитал был вложен лишь в земли *B* и *D*. В таком случае разница между продуктом земель *D* и *A* = 7 квартерам; прежде эта разница была = 3; между продуктом земель *B* и *A* = 3 квартерам; прежде была = 1; разница между продуктом земель *C* и *B* = — 1; прежде была = + 1 и т. д. Но эта арифметическая разница, имеющая решающее значение при дифференциальной ренте I, поскольку в ней выражается различие в производительности при одинаковом размере вложенного капитала, в данном случае не имеет никакого значения, так как является лишь следствием вложения различных дополнительных капиталов, причем разница для каждой равной части капитала на различных участках не изменяется.

III. Дополнительные капиталы приносят дополнительный продукт и образуют поэтому добавочные прибыли, но с понижающейся нормой, не пропорционально увеличению дополнительных капиталов.

ТАБЛИЦА III

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
A............	1	$2^1/_2$	$^1/_2$	3	1	3	3	0	0	0
B............	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	$2+1^1/_2=3^1/_2$	3	$10^1/_2$	$1^1/_2$	$4^1/_2$	90%
C	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	3+2 =5	3	15	3	9	180%
D............	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	$4+3^1/_2=7^1/_2$	3	$22^1/_2$	$5^1/_2$	$16^1/_2$	330%
	—	$17^1/_2$	$3^1/_2$	21	17	—	51	10	30	—

При этом третьем предположении опять-таки безразлично, приходятся или нет вторичные дополнительные равномерные

или неравномерные затраты капитала на земли разных категорий; в одинаковых или неодинаковых отношениях уменьшается производство добавочной прибыли; вкладывается дополнительный капитал в одну и ту же категорию земли, приносящую ренту, или распределяется, равномерно или неравномерно, между приносящими ренту землями различного качества. Все эти обстоятельства не имеют никакого значения для выводимого нами закона. Единственное предположение, которое мы делаем, заключается в том, что дополнительный капитал, вложенный в приносящую ренту землю какой бы то ни было категории, дает добавочную прибыль, но в уменьшающейся пропорции по сравнению со степенью увеличения капитала. Пределы этого уменьшения колеблются в примерах находящейся перед нами таблицы между 4 квартерами = 12 ф. ст., продуктом первой затраты капитала на наилучшей земле *D,* и 1 квартером = 3 ф. ст., продуктом такой же затраты капитала на наихудшей земле *A*. Продукт лучшей земли при затрате капитала I представляет максимальную границу, а продукт наихудшей земли *A,* не приносящей ренты, не дающей никакой добавочной прибыли при одинаковой затрате капитала, — минимальную границу продукта, получаемого от последовательных затрат капитала на приносящих добавочную прибыль землях, при убывающей производительности последовательных затрат капитала. Если предположение II соответствует тому случаю, когда новые одинаковые по качеству участки земли лучших категорий присоединяются к возделываемой земельной площади, когда увеличивается количество какой-либо категории возделанной земли, то предположение III соответствует тому случаю, когда возделываются дополнительные земельные участки, различные степени плодородия которых распределяются между землями *D и A,* между плодородием лучшей и худшей земли. Если последовательные затраты капитала производятся исключительно на земле *D,* то они могут заключать в себе различия, существующие между землями *D* и *A,* далее — различия между землями *D и C,* равно как и различия между землями *D* и *B*. Если же все они производятся на земле *C,* то лишь различия между землями *C* и *A* или *B;* если на земле *B,* то лишь различия между землями *B* и *A*.

Но закон таков: рента на землях всех этих категорий абсолютно возрастает, хотя и не пропорционально дополнительно вложенному капиталу.

Норма добавочной прибыли уменьшается как по отношению к дополнительному капиталу, так и по отношению ко всему вложенному в землю капиталу; но абсолютная величина

добавочной прибыли возрастает; совершенно так же, как уменьшение нормы прибыли на капитал вообще по большей части связано с увеличением абсолютной массы прибыли. Так, средняя норма добавочной прибыли, получаемой с капитала, вложенного в землю *B,* = 90% на капитал, тогда как при первой затрате капитала она была = 120%. Но совокупная добавочная прибыль увеличивается с 1 квартера до $1^{1}/_{2}$ и с 3 ф. ст. до $4^{1}/_{2}$. Вся рента, взятая сама по себе, а не по отношению к удвоившемуся размеру авансированного капитала, абсолютно возросла. Разница между рентами различных категорий земли и их отношение друг к другу могут здесь изменяться; но это изменение разницы является следствием, а не причиной увеличения рент по отношению друг к другу.

IV. Случай, когда дополнительные затраты капитала на лучших землях производят большее количество продукта, чем первоначальные затраты, не требует дальнейшего анализа. Само собой разумеется, что при этом предположении ренты, получаемые с акра, повышаются, и притом в большей пропорции, чем дополнительный капитал, в какую бы категорию земли он ни был вложен. В этом случае дополнительная затрата капитала соединяется с улучшением земли. Сюда же относятся случаи, когда дополнительная затрата меньшего капитала производит то же или большее действие, чем прежняя дополнительная затрата большего капитала. Случай этот не совсем тождествен с прежним, причем различие, существующее между ними, имеет важное значение при всех затратах капитала. Если, например, 100 единиц дают прибыль в 10 единиц, а 200 единиц, при определенной форме применения, дают прибыль в 40 единиц, то прибыль увеличилась с 10% до 20%, и постольку это равносильно тому, как если бы 50 единиц, при более целесообразной форме применения, дали прибыль в 10 единиц вместо 5 единиц. Мы предполагаем здесь, что увеличение прибыли связано с соответственным увеличением продукта. Но различие заключается в том, что в одном случае я должен удвоить капитал, тогда как в другом — я получаю удвоенный эффект при прежнем капитале. Отнюдь не безразлично, производится ли: 1) прежний продукт при половине прежнего количества живого и овеществленного труда или 2) удвоенный продукт при прежнем количестве труда, или 3) учетверенный продукт при удвоенном количестве труда. В первом случае труд — в живой или овеществленной форме — высвобождается и может быть употреблен иным способом; возможность располагать трудом и капиталом увеличивается. Высвобождение капитала (и труда) само по себе есть увеличение богатства; оно оказывает совершенно то же

действие, как если бы этот дополнительный капитал был получен путем накоплений, но оно сберегает труд накопления.

Положим, что капитал [создающий цену производства] в 100 единиц, произвел продукт в 10 метров. В 100 единицах содержится как постоянный капитал, так и живой труд и прибыль. Таким образом, метр стоит 10 единиц. Если теперь при помощи того же капитала в 100 единиц я могу произвести 20 метров, то метр будет стоить 5 единиц. Если, напротив, я могу с капиталом в 50 единиц произвести 10 метров, то метр будет также стоить 5 единиц, причем высвобождается капитал в 50 единиц, если только прежнее предложение товара является достаточным. Если я должен затратить капитал в 200 единиц, чтобы произвести 40 метров, то метр также будет стоить 5 единиц. Определение стоимости, равно как и цены, так же мало позволяет уловить здесь какое-либо различие, как и отношение массы продукта к авансированному капиталу. Но в одном случае высвобождается капитал; в другом случае — сберегается дополнительный капитал, когда требуется удвоение продукции; в третьем случае увеличенный продукт можно получить лишь при том условии, если увеличится авансированный капитал, хотя и не в такой пропорции, какая потребовалась бы, если бы большее количество продукта пришлось изготовлять при прежней производительной силе. (Относится к отделу I.)

С точки зрения капиталистического производства, имея в виду не увеличение прибавочной стоимости, а уменьшение издержек производства, — а сокращение издержек даже на элемент, образующий прибавочную стоимость, на труд, уменьшает капиталисту издержки производства и образует для него прибыль, пока регулирующей ценой производства остается прежняя, — применение постоянного капитала всегда дешевле, чем переменного. В действительности это предполагает соответствующее капиталистическому способу производства развитие кредита и обилие ссудного капитала. С одной стороны, я применяю 100 ф. ст. дополнительного постоянного капитала, если 100 ф. ст. составляют продукт 5 рабочих в течение года; с другой стороны — 100 ф. ст. в виде переменного капитала. Если норма прибавочной стоимости = 100%, то стоимость, произведенная 5 рабочими, = 200 фунтам стерлингов; напротив, стоимость 100 ф. ст. постоянного капитала = 100 ф. ст., а как капитала, быть может, она = 105 ф. ст., если процентная ставка = 5%. Одни и те же денежные суммы, в зависимости от того, авансированы ли они для производства как стоимость

постоянного или же как стоимость переменного капитала, выражают, если рассматривать их продукт, весьма различные стоимости. Что касается, далее, издержек производства товаров, с точки зрения капиталиста, то разница заключается еще в том, что из этих 100 ф. ст. постоянного капитала, поскольку они вложены в основной капитал, в стоимость товара входит лишь износ, тогда как 100 ф. ст., израсходованные на заработную плату, должны быть целиком воспроизведены.

У колонистов и вообще у самостоятельных мелких производителей, которые совсем не располагают капиталом или могут располагать им только из высоких процентов, часть продукта, соответствующая заработной плате, представляет их доход, тогда как для капиталистов она является авансированием капитала. Поэтому первый смотрит на эту затрату труда как на необходимое условие производства продукта труда, который прежде всего и имеется в виду. Что же касается прибавочного труда, затрачиваемого им сверх необходимого труда, то он, конечно, реализуется в прибавочном продукте; и поскольку он может продать или лично потребить его, этот продукт рассматривается им как продукт, который ничего ему не стоил, так как он не стоил овеществленного труда. Только расходование этого последнего имеет для него значение отчуждения богатства. Он естественно стремится продавать как можно дороже; но и продажа ниже стоимости и ниже капиталистической цены производства все еще имеет для него значение прибыли, если только эта прибыль не антиципирована задолженностью, ипотеками и т. д. Напротив, для капиталистов затрата как переменного, так и постоянного капитала в одинаковой мере является авансированием капитала. Относительно большее авансирование постоянного капитала уменьшает при прочих равных условиях издержки производства, как и действительную стоимость товаров. Поэтому, хотя прибыль возникает лишь из прибавочного труда, следовательно, лишь из применения переменного капитала, все же отдельному капиталисту может казаться, что живой труд является наиболее дорогим элементом издержек производства, который больше всего следует сводить к минимуму. Это лишь капиталистически извращенная форма той истины, что относительно большее применение прошлого труда, по сравнению с живым, знаменует повышение производительности общественного труда и увеличение общественного богатства. Вот в каком ложном виде, каким перевернутым на голову представляется все с точки зрения конкуренции.

При условии неизменных цен производства дополнительные затраты капитала могут быть сделаны с постоянной, возрастающей или с убывающей производительностью на лучших землях, то есть на всех землях, начиная с земли *B* и выше. На земле *A* предполагаемое нами сохранение неизмененных цен производства было бы возможно или только при прежней производительности, когда земля *A* по-прежнему не дает ренты, или же при условии возрастания производительности; в таком случае одна часть вложенного в землю *A* капитала приносила бы ренту, другая — нет. Но оно было бы невозможно при предположении, что производительная сила на земле *A* уменьшается, потому что в таком случае цена производства не осталась бы той же, а повысилась бы. Но при всех этих обстоятельствах, то есть будет ли приносимый дополнительными затратами добавочный продукт пропорционален их величине, будет ли он выше или ниже этой пропорции, — остается ли поэтому норма добавочной прибыли на капитал, при возрастании последнего та же самая, повышается она или понижается, — добавочный продукт и соответствующая ему добавочная прибыль с акра возрастает, а следовательно, может возрасти как хлебная рента, так и денежная. Возрастание просто массы добавочной прибыли, соответственно ренты, при расчете на акр, то есть увеличение массы добавочной прибыли на какую-нибудь постоянную единицу, в данном случае, следовательно, на какое-нибудь определенное количество земли, акр или гектар, получает здесь выражение как возрастающая пропорция. Поэтому рента с акра возрастает при этих условиях просто вследствие увеличения капитала, вложенного в землю. И притом это происходит при неизменяющихся ценах производства, а потому, напротив, безразлично, остается ли производительность дополнительного капитала прежняя, уменьшается ли она или увеличивается. Эти последние обстоятельства изменяют размер возрастания ренты на акр, но не самый факт этого возрастания. Это — явление, свойственное дифференциальной ренте II и отличающее ее от дифференциальной ренты I. Если бы дополнительные затраты капитала производились не одна за другой, последовательно во времени, на одной и той же земле, а последовательно в пространстве, одна рядом с другой, на новых дополнительных участках земли соответствующего качества, то увеличилась бы общая масса ренты, а также, как это показано раньше, средняя рента со всей возделываемой площади, но не высота ренты с акра. При неизменном результате, поскольку учитываются масса и стоимость всего производства и добавочного продукта, концентрация

капитала на земельной площади меньшего размера повышает размер ренты с акра, тогда как распыление того же капитала на земельной площади больших размеров при прочих равных условиях не оказывает такого действия. Но чем больше развивается капиталистический способ производства, тем больше концентрируется капитал на одной и той же земельной площади, тем больше, следовательно, повышается рента в расчете на акр. Таким образом, если мы возьмем две страны, в которых цены производства были бы одинаковы, различия между землями одинаковы и была бы вложена одинаковая масса капитала, но в одной стране преимущественно в виде последовательных затрат на ограниченной земельной площади, в другой — преимущественно в виде координированных затрат на более обширной площади, то рента с акра, а потому и цена земли была бы выше в первой и ниже во второй стране, хотя масса ренты в обеих странах была бы одинакова. Следовательно, различие в высоте ренты можно было бы объяснить здесь не различием естественного плодородия различных по качеству земель и не количеством затраченного труда, а исключительно различным способом затрат капитала.

Когда мы здесь говорим о добавочном продукте, то всегда под этим подразумевается соответственная часть продукта, в которой представлена добавочная прибыль. Вообще же под прибавочным продуктом или добавочным продуктом мы понимаем ту часть продукта, которая представляет всю прибавочную стоимость, а в единичных случаях — ту часть продукта, в которой представлена средняя прибыль. Специфическое значение, придаваемое этому понятию в тех случаях, когда речь идет о капитале, приносящем ренту, дает, как это было указано выше, повод к недоразумениям.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ
ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА II. — ВТОРОЙ СЛУЧАЙ: ПОНИЖАЮЩАЯСЯ ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА

Цена производства может понизиться, если дополнительные затраты капитала происходят при неизменяющейся, убывающей или повышающейся норме производительности.

I. При неизменяющейся производительности дополнительных затрат капитала.

Этот случай, следовательно, предполагает, что количество продукта на различных землях возрастает соответственно их качеству в той же мере, в какой возрастает вложенный в них капитал. Это предполагает, при неизменяющихся различиях между землями, возрастание добавочного продукта, пропорциональное возрастанию затраченного капитала. Следовательно, случай этот исключает всякие влияющие на дифференциальную ренту дополнительные затраты капитала на земле *A*. На ней норма добавочной прибыли = 0; следовательно, она остается = 0, так как мы предположили, что производительная сила дополнительного капитала, а потому и норма добавочной прибыли не изменяются.

Но регулирующая цена производства может при этих условиях понизиться только потому, что регулирующей становится не цена производства на земле *A,* а цена производства на ближайшей по качеству земле *B,* или вообще на какой-нибудь земле, лучшей, чем земля *A;* если бы цена производства на земле *C* сделалась регулирующей, то капитал был бы извлечен из земли *A* или даже из земель *A* и *B,* и таким образом вся земля, худшая, чем земля *C,* перестала бы конкурировать с землями, на которых возделывается пшеница. Условие, необходимое для этого при данных предположениях, заключается в том, чтобы дополнительный продукт, получаемый благодаря дополнительным затратам капитала, удовлетворял потребностям, и таким образом производство на худшей земле *A* и т. д. сделалось бы излишним для обеспечения предложения.

Итак, возьмем, например, таблицу II, но изменим ее таким образом, чтобы не 20 квартеров, а 18 удовлетворяли потребностям. В таком случае земля *A* отпала бы; земля *B,* а вместе с ней цена производства в 30 шилл. за квартер стала бы регулирующей. Дифференциальная рента принимает тогда следующую форму:

ТАБЛИЦА IV

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
B………	1	5	1	6	4	$1^1/_2$	6	0	0	0
C	1	5	1	6	6	$1^1/_2$	9	2	3	60%
D.....….......	1	5	1	6	8	$1^1/_2$	12	4	6	120%
Итого.....	3	15	3	18	18	—	27	6	9	—

Таким образом, вся рента по сравнению с таблицей II понизилась бы с 36 ф. ст. до 9, а хлебная — с 12 квартеров до 6; все производство сократилось бы лишь на 2 квартера, с 20 до 18. Норма добавочной прибыли, вычисленная по отношению к капиталу, понизилась бы втрое, с 180% до 60%. Следовательно, понижению цены производства здесь соответствует уменьшение хлебной и денежной рент.

По сравнению с таблицей I происходит уменьшение лишь денежной ренты; хлебная рента в обоих случаях равняется 6 квартерам, а денежная рента в одном случае = 18 ф. ст., в другом = 9 фунтам стерлингов. Для земли *C* хлебная рента по сравнению с таблицей I осталась прежняя. Благодаря тому, что добавочное производство, достигнутое применением дополнительного капитала равной производительности, вытеснило с рынка продукт земли *A* и вместе с тем устранило землю *A* из числа конкурирующих элементов производства, — благодаря этому в действительности образовалась новая дифференциальная рента I, для которой лучшая земля *B* играет ту же роль, какую раньше играла более плохая земля *A.* Вследствие этого, с одной стороны, отпадает рента с земли *B;* с другой стороны, согласно предположению, затрата дополнительного капитала ничего не изменила в различиях между землями *B,*

C и *D.* Поэтому часть продукта, превращающаяся в ренту, уменьшается.

Если бы результат, о котором говорится выше, — удовлетворение спроса при исключении земли *A* — был получен более чем двойной затратой капитала на землях *C* или *D* или на обеих вместе, то дело приняло бы другой оборот. Например, если бы третья затрата капитала была произведена на земле *C:*

ТАБЛИЦА IVa

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
B ………..	1	5	1	6	4	$1^1/_2$	6	0	0	0
C ….……...	1	$7^1/_2$	$1^1/_2$	9	9	$1^1/_2$	$13^1/_2$	3	$4^1/_2$	60%
D	1	5	1	6	8	$1^1/_2$	12	4	6	120%
Итого.......	3	$17^1/_2$	$3^1/_2$	21	21	—	$31^1/_2$	7	$10^1/_2$	—

Количество продукта с земли *C* увеличилось здесь по сравнению с таблицей IV с 6 до 9 квартеров, количество добавочного продукта — с 2 до 3 квартеров, денежная рента возросла с 3 до $4^1/_2$ фунта стерлингов. В сравнении же с таблицей II, где денежная рента = 12 ф. ст., и таблицей I, где она = 6 ф. ст., она, напротив, уменьшилась. Общая сумма хлебной ренты, равной 7 квартерам, уменьшилась по сравнению с таблицей II (12 квартеров), повысилась по сравнению с таблицей I (6 квартеров); денежная рента ($10^1/_2$ ф. ст.) уменьшилась по сравнению с обеими (18 ф. ст. и 36 фунтов стерлингов).

Если бы третий капитал в $2^1/_2$ ф. ст. был применен на земле *B,* то хотя это и изменило бы объем производства, но не коснулось бы ренты, так как, согласно предположению, последовательные затраты капитала на одной и той же земле не обусловливают никакого различия, а земля *B* ренты не приносит.

Напротив, если бы третья затрата капитала была произведена на земле *D* вместо земли *C,* то у нас получилась бы следующая картина:

ТАБЛИЦА IVb

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
B	1	5	1	6	4	$1^1/_2$	6	0	0	0
C	1	5	1	6	6	$1^1/_2$	9	2	3	60%
D	1	$7^1/_2$	$1^1/_2$	9	12	$1^1/_2$	18	6	9	120%
Итого	3	$17^1/_2$	$3^1/_2$	21	22	—	33	8	12	—

Здесь общее количество продукта = 22 квартерам, более чем удвоилось по сравнению с таблицей I, хотя авансированный капитал = лишь $17^1/_2$ ф. ст., по сравнению с 10 ф. ст., то есть не удвоился по сравнению с 10 фунтами стерлингов. Далее, общее количество продукта на 2 квартера превышает общее количество продукта таблицы II, хотя в последней авансированный капитал больше, а именно 20 фунтов стерлингов.

На земле *D* хлебная рента по сравнению с таблицей I возросла с 3 до 6 квартеров, тогда как денежная рента осталась по-прежнему 9 фунтов стерлингов. По сравнению с таблицей II хлебная рента с земли *D* осталась прежняя, 6 квартеров, но денежная рента понизилась с 18 до 9 фунтов стерлингов.

Если рассматривать общие суммы ренты, то хлебная рента таблицы IVb = 8 квартерам, больше, чем хлебная рента, представленная в таблице I, равная 6 квартерам, и в таблице IVa, равная 7 квартерам, и, напротив, меньше, чем общая сумма ренты в таблице II = 12 квартерам. Денежная рента таблицы IVb = 12 ф. ст. больше, чем денежная рента таблицы IVa = $10^1/_2$ ф. ст., и меньше денежной ренты таблицы I = 18 ф. ст. и таблицы II = 36 фунтам стерлингов.

Чтобы по отпадении ренты с земли *B,* при условиях таблицы IVb, общая сумма ренты была такая же, как в таблице I, мы должны получить еще на 6 ф. ст. добавочного продукта, то есть 4 квартера по $1^1/_2$ ф. ст., что является новой ценой производства. Тогда мы снова имеем общую сумму ренты в 18 ф. ст., как в таблице I. Величина требуемого на это дополнительного капитала будет различна в зависимости от того,

вложим ли мы его в землю *C* или землю *D* или распределим между обеими категориями земли.

На земле *C* капитал в 5 ф. ст. приносит 2 квартера добавочного продукта, следовательно, 10 ф. ст. дополнительного капитала дадут 4 квартера дополнительного добавочного продукта. На земле *D* было бы достаточно дополнительной затраты в 5 ф. ст., чтобы произвести 4 квартера дополнительной хлебной ренты при предположении, положенном здесь в основу, что производительность дополнительных затрат капитала остается без изменения. Таким образом, получаются следующие результаты.

ТАБЛИЦА IVc

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
B	1	5	1	6	4	$1^1/_2$	6	0	0	0
C	1	15	3	18	18	$1^1/_2$	27	6	9	60%
D	1	$7^1/_2$	$1^1/_2$	9	12	$1^1/_2$	18	6	9	120%
Итого ...	3	$27^1/_2$	$5^1/_2$	33	34	—	51	12	18	—

ТАБЛИЦА IVd

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
B	1	5	1	*6*	4	$1^1/_2$	6	0	0	0
C	1	5	1	6	6	$1^1/_2$	9	2	3	60%
D	1	$12^1/_2$	$2^1/_2$	15	20	$1^1/_2$	30	10	15	120%
Итого….	3	$22^1/_2$	$4^1/_2$	27	30	—	45	12	18	—

Общая сумма денежной ренты составила бы ровно половину общей суммы денежной ренты таблицы II, где дополнительные капиталы были затрачены при сохранении прежних цен производства.

Самое важное сравнить эти таблицы с таблицей I.

Мы видим, что при понижении цены производства наполовину, с 60 до 30 шилл. за квартер, общая сумма денежной ренты осталась прежняя = 18 ф. ст. и соответственно этому хлебная рента удвоилась, увеличилась с 6 до 12 квартеров. Рента с земли *B* отпала; с земли *C* денежная рента в таблице IVc увеличилась на 50%, но вдвое уменьшилась в таблице IVd; рента с земли *D* осталась прежняя = 9 ф. ст. в таблице IVc и поднялась с 9 до 15 ф. ст. в таблице IVd. Производство поднялось с 10 квартеров до 34 в таблице IVc и до 30 квартеров в таблице IVd; прибыль повысилась с 2 до $5^1/_2$ ф. ст. в таблице IVc и до $4^1/_2$ Ф. ст. в таблице IVd. Общая затрата капитала возросла в одном случае с 10 до $27^1/_2$ ф. ст., в другом — с 10 до $22^1/_2$ фунта стерлингов; следовательно, в обоих случаях более чем вдвое. Норма ренты, рента, исчисленная по отношению к авансированному капиталу, во всех таблицах с IV до IVd для каждой категории земли всюду одна и та же, что вытекает уже из предположения неизменности нормы производительности обеих последовательных затрат капитала на каждой категории земли. Однако по сравнению с таблицей I она понизилась, — понизилась в среднем как для всех категорий земли, так и для каждой отдельной категории. В таблице I она была равна 180% в среднем, в таблице IVc = $^{18}/_{271/2} \times 100 = 65^5/_{11}\%$ и в таблице IVd = $^{18}/_{221/2} \times 100 = 80\%$.

Средняя денежная рента с акра повысилась. Ее средняя величина прежде, в таблице I, равнялась $4^1/_2$ ф. ст. с акра для всех 4 акров, а теперь в таблице IVc и в таблице IVd равняется 6 ф. ст. с акра для 3 акров. Ее средняя величина для земли, приносящей ренту, равнялась прежде 6 ф. ст., а теперь равняется 9 ф. ст. на акр. Таким образом, денежная сумма ренты с акра повысилась и представляет теперь вдвое больше продукта, чем прежде; но 12 квартеров хлебной ренты теперь составляют меньше половины всего продукта — 34 и 30 квартеров, тогда как в таблице I шесть квартеров составляют $^3/_5$ всего продукта в 10 квартеров. Итак, хотя рента, если рассматривать ее как соответственную часть всего продукта, а также если взять ее в отношении к затраченному капиталу, и понизилась, однако ее денежная сумма при расчете на акр

увеличилась, а величина ее, выраженная в продуктах, выросла еще больше. Если мы возьмем землю *D* в таблице IVd, то фактическая цена производства = 15 ф. ст., из которых $12^1/_2$ ф. ст. составляют затраченный капитал. Денежная рента = 15 фунтам стерлингов. В таблице I цена производства на той же земле *D* была = 3 ф. ст., затраченный капитал = $2^1/_2$ ф. ст., денежная рента = 9 ф. ст., следовательно, последняя втрое больше цены производства и почти в четыре раза больше затраченного капитала. В таблице IVd для *D* денежная рента в 15 ф. ст. как раз равна цене производства и лишь на $^1/_5$ превышает затраченный капитал. При всем том денежная рента с акра на $^2/_3$ больше, составляет 15 ф. ст. вместо 9 фунтов стерлингов. В таблице I хлебная рента в 3 квартера = $^3/_4$ всего продукта, составляющего 4 квартера; в таблице IVd она = 10 квартерам, то есть половине всего продукта (20 квартеров), получаемого с акра земли *D*. Это показывает, что денежная и хлебная ренты с акра могут возрасти, хотя они и составляют относительно меньшую часть всего продукта и понизились по отношению к авансированному капиталу.

Стоимость всего продукта в таблице I = 30 фунтам стерлингов; рента = 18 ф. ст., то есть составляет больше половины этой стоимости. Стоимость всего продукта в таблице IVd = 45 ф. ст., из которых 18 ф. ст., то есть меньше половины, составляют ренту.

Причина же того, что, несмотря на понижение цены на $1^1/_2$ ф. ст. за квартер, то есть на 50%, и несмотря на уменьшение площади конкурирующей земли с 4 до 3 акров, общая сумма денежной ренты не изменяется, а хлебная рента удваивается, причем хлебная рента и денежная рента с акра повышаются, заключается в том, что произведено большее число квартеров добавочного продукта. Цена хлеба понижается на 50%, добавочный продукт возрастает на 100%. Но для достижения такого результата все производство, согласно нашим условиям, должно увеличиться втрое, а капитал, затраченный на лучших землях, должен более чем удвоиться. В каком отношении он должен увеличиться, зависит прежде всего от того, как распределяются дополнительные затраты капитала между лучшими и наилучшей по качеству землями, причем всегда предполагается, что производительность капитала на каждой категории земли возрастает пропорционально его величине.

Если бы понижение цены производства было менее значительным, то требовалось бы меньше дополнительного капитала, чтобы произвести ту же денежную ренту. Если бы предложение

хлеба, необходимое для того, чтобы исключить землю *A* из числа обрабатываемых земель, — а это зависит не только от количества продукта, получаемого с акра земли *A,* но также от того, какую часть всей возделываемой земельной площади составляет земля *A,* — итак, если бы необходимое для этого предложение было больше, следовательно, если бы потребовалась и большая масса капитала, дополнительно затрачиваемого, на земле, лучшей, чем *A,* то денежная и хлебная ренты при прочих равных условиях возросли бы еще больше, несмотря на то, что земля *B* перестала бы приносить денежную и хлебную ренты.

Если бы капитал, переставший функционировать на земле *A,* был = 5 ф. ст., то для этого случая следовало бы взять для сравнения таблицы II и IVd. Весь продукт увеличился бы с 20 до 30 квартеров. Денежная рента уменьшилась бы вдвое, была бы 18 ф. ст. вместо 36 фунтов стерлингов; хлебная рента осталась бы прежняя =12 квартерам.

Если бы можно было произвести на земле *D* 44 квартера продукта = 66 ф. ст. при затрате капитала в $27^1/_2$ ф. ст., соответственно прежней норме для земли *D* — 4 квартера на $2^1/_2$ ф. ст. капитала, то общая сумма [денежной] ренты опять поднялась бы до той высоты, которой она достигла в таблице II, и таблица приняла бы следующий вид:

Категория земли	Капитал ф. ст.	Продукт кварт.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.
B ....….	5	4	0	0
C …………...	5	6	2	3
D.…….........	$27^1/_2$	44	22	33
Итого	$37^1/_2$	54	24	36

Все производство составило бы 54 квартера против 20 квартеров в таблице II, а денежная рента осталась бы прежней = 36 фунтам стерлингов. Но весь капитал был бы $37^1/_2$ ф. ст., тогда как в таблице II он был = 20 фунтам стерлингов. Весь авансированный капитал почти удвоился бы, между тем как производство почти утроилось бы; хлебная рента увеличилась бы вдвое, денежная рента не изменилась бы. Следовательно, если цена при неизменяющейся производительности понижается вследствие затраты дополнительного денежного капитала на лучших землях, приносящих ренту, то есть на всех землях, которые по своему качеству лучше земли *A*, то весь

капитал обнаруживает тенденцию не увеличиваться в такой пропорции, в какой возрастают производство и хлебная рента; таким образом, возрастание хлебной ренты может уравновесить убыль в денежной ренте, вытекающую из понижения цены. Тот же закон проявляется и в том, что авансированный капитал должен быть больше в той мере, в какой он больше затрачивается на землю *C,* чем на землю *D,* — на землю, приносящую меньше ренты, чем на такую, которая приносит больше ренты. Это означает лишь следующее: чтобы денежная рента осталась без изменения или чтобы она повысилась, должно быть произведено определенное дополнительное количество добавочного продукта, а для этого требуется тем меньше капитала, чем плодороднее земли, приносящие добавочный продукт. Если бы разница между землями *B* и *C, C* и *D* была еще больше, то требовалось бы еще меньше дополнительного капитала. Определенное отношение зависит: 1) от отношения, в котором понижается цена, то есть от разницы между землей *B,* которая теперь не дает ренты, и землей *A,* которая раньше не давала ренты; 2) от отношения различий между лучшими, чем *B,* землями; 3) от массы вновь затрачиваемого дополнительного капитала и 4) от его распределения между землями различного качества.

Мы видим, что закон в действительности выражает не что иное, как то, что уже было показано при исследовании первого случая; именно, что при данной цене производства, какова бы ни была ее величина, рента может повышаться вследствие дополнительной затраты капитала. Ибо вследствие исключения земли *A* теперь получается новая дифференциальная рента I, причем уже земля *B* является теперь наихудшей землей, а $1^1/_2$ ф. ст. за квартер становятся новой ценой производства. Это одинаково имеет силу как для таблиц IV, так и для таблицы II. Закон все тот же, но исходной точкой берется земля *B* вместо земли *A* и цена производства в $1^1/_2$ ф. ст. вместо цены производства в 3 фунта стерлингов.

Все это важно здесь лишь в следующем отношении: если такое-то количество дополнительного капитала необходимо для того, чтобы отвлечь от земли *A* капитал и создать достаточное предложение без его участия, то оказывается, что это может сопровождаться неизменяющейся, повышающейся или убывающей рентой с акра, если не на всех землях, то, по крайней мере, на некоторых, и в среднем на всех возделываемых землях. Мы видели, что хлебная рента и денежная рента неодинаково изменяются. Только в силу традиции хлебная рента вообще все еще продолжает играть роль в экономике. С успехом можно было бы доказать, что, например, фабрикант на свою

прибыль в 5 ф. ст. может купить гораздо большее количество пряжи, чем раньше на прибыль в 10 фунтов стерлингов. Но во всяком случае это показывает, что господа земельные собственники, если они являются одновременно и владельцами или пайщиками текстильных предприятий, сахарных, винокуренных заводов и т. д., все же могут при понижении денежной ренты очень сильно выигрывать как производители сырых материалов для своих собственных предприятий[34].

II. При понижающейся норме производительности дополнительных капиталов.

Это не вызывает ничего нового постольку, поскольку цена производства здесь, как в только что рассмотренном случае, может лишь понизиться, если вследствие дополнительных затрат капитала на землях, лучших, чем земля А, продукт с земли А сделается излишним, и потому капитал будет отвлечен от земли А, или земля А будет применена для производства другого продукта. Случай этот уже исследован нами исчерпывающим образом. Мы показали, что хлебная и денежная ренты в расчете на акр могут при этом возрасти, уменьшиться или остаться без изменения.

Для удобства сравнения воспроизведем прежде всего таблицу I.

ТАБЛИЦА I

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
A	1	$2\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	3	1	0	0	0
B	1	$2\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	3	2	1	3	120%
C	1	$2\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	3	3	2	6	240%
D	1	$2\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	3	4	3	9	360%
Итого	4	10	—	—	10	6	18	180% средняя

[34] В вышеприведенных таблицах от IVa до IVd пришлось исправить сквозную погрешность в расчетах. Правда, эта погрешность не меняла теоретических положений, выведенных из данных таблиц, но порой приводила к невероятным количественным показателям производства в расчете на акр. Но и это по существу не имеет значения. Во всех топографических картах берут значительно больший масштаб для вертикалей, Чем для горизонталей. Тому же, кто все-таки чувствует себя уязвленным в своих аграрных чувствах, предоставляется умножить число акров на любое число. Можно также в таблице I заменить 1, 2, 3, 4 квартера с акра 10, 12, 14, 16 бушелями (8 буш. = 1 кварт.), причем цифры других таблиц, выведенные из этих чисел, останутся в пределах вероятности; это даст возможность убедиться, что результат — отношение увеличения ренты к увеличению капитала — сведется совершенно к тому же. Это делается в таблицах, даваемых редактором в следующей главе. — *Ф. Э.*

Если мы теперь предположим, что цифра 16, обозначающая [в таблице III] количество квартеров, полученных с *B, C, D,* при убывающей норме производительности, достаточна для того, чтобы исключить землю *A* из числа обрабатываемых земель, то таблица III превращается в следующую таблицу V.

ТАБЛИЦА V

Категория земли	Акры	Затрата капитала ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
B	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	$2+1^1/_2=3^1/_2$	$1^5/_7$	6	0	0	0
C	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	3+2 = 5	$1^5/_7$	$8^4/_7$	$1^1/_2$	$2^4/_7$	$51^3/_7$%
D	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	$4+3^1/_2=7^1/_2$	$1^5/_7$	$12^6/_7$	4	$6^6/_7$	$137^1/_7$%
Итого ...	3	15	—	16	—	$27^3/_7$	$5^1/_2$	$9^3/_7$	$94^2/_7$%* средняя

Здесь, при уменьшении нормы производительности дополнительных капиталов и при различной степени этого уменьшения на различного рода землях, регулирующая цена производства понизилась с 3 до $1^5/_7$, фунта стерлингов. Затрата капитала увеличилась наполовину [в сравнении с таблицей I] — с 10 до 15 фунтов стерлингов. Денежная рента уменьшилась почти вдвое — с 18 до $9^3/_7$ ф. ст., но хлебная рента — лишь на $^1/_{12}$, с 6 квартеров до $5^1/_2$. Весь продукт увеличился с 10 до 16 квартеров, или до 160%. Хлебная рента составляет немного больше $^1/_3$ всего продукта. Авансированный капитал относится к денежной ренте, как 15 : $9^3/_7$, тогда как раньше это отношение было 10 : 18.

III. При повышающейся норме производительности дополнительных капиталов.

Случай этот только тем отличается от варианта I, приведенного в начале этой главы, когда цена производства

* Земля, не приносящая ренты, здесь, как и в дальнейших таблицах VI, VII, VIII, IX и X, в расчет не принимается. *Ред.*

при неизменяющейся норме производительности понижается, что исключение из сельскохозяйственного оборота земли *А с* помощью известного дополнительного продукта происходит здесь быстрее.

Как при убывающей, так и при повышающейся производительности дополнительных затрат капитала последние могут оказывать различное влияние в зависимости от того, как они распределяются между различными категориями земли. В той мере, в какой это различное влияние будет нивелировать или увеличивать различие, дифференциальная рента с лучших земель, а вместе с тем и общая сумма ренты понизится или повысится, как это было уже в случае с дифференциальной рентой I. В остальном все зависит от величины земельной площади и капитала, приходившихся на землю *А,* и от относительного размера авансированного капитала, необходимого при повышающейся производительности для того, чтобы доставить дополнительный продукт для покрытия спроса.

Единственный вопрос, на исследовании которого здесь стоит остановиться и который вообще возвращает нас к исследованию того, как эта дифференциальная прибыль превращается в дифференциальную ренту, заключается в следующем.

В первом случае, когда цена производства не изменяется, дополнительный капитал, вложенный в землю *А,* не оказывает влияния на дифференциальную ренту как таковую, потому что земля *А* по-прежнему не приносит ренты, цена ее продукта не изменяется и продолжает регулировать рынок.

Во втором случае, вариант I, когда цена производства при неизменяющейся норме производительности понижается, земля *А* необходимо выпадает, и тем более она выпадает в варианте II (понижающаяся цена производства при убывающей норме производительности), так как в противном случае дополнительный капитал, вложенный в землю *А,* должен был бы повысить цену производства. Но здесь, в варианте III второго случая, когда цена производства понижается вследствие того, что производительность дополнительного капитала повышается, этот дополнительный капитал может быть при известных условиях вложен как в землю *А,* так и в земли лучшего качества.

Предположим, что дополнительный капитал в $2^1/_2$ ф. ст., вложенный в землю *А,* производит $1^1/_5$ квартера вместо 1 квартера.

ТАБЛИЦА VI

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
A	1	$2^1/_2+2^1/_2 = 5$	1	6	$1+1^1/_5=2^1/_5$	$2^8/_{11}$	6	0	0	0
B …........	1	$2^1/_2+2^1/_2 = 5$	1	6	$2+2^2/_5=4^2/_5$	$2^8/_{11}$	12	$2^1/_5$	6	120%
C	1	$2^1/_2+2^1/_2 =5$	1	6	$3+3^3/_5=6^3/_5$	$2^8/_{11}$	18	$4^2/_5$	12	240%
D ………	1	$2^1/_2 + 2^1/_2 =5$	1	6	$4+4^4/_5=8^4/_5$	$2^8/_{11}$	24	$6^3/_5$	18	360%
	4	20	4	24	22	—	60	$13^1/_5$	36	240%

Эту таблицу следует сравнить, кроме основной таблицы I, и с таблицей II, в которой удвоенная затрата капитала связана с неизменяющейся производительностью, пропорциональной затрате капитала.

Согласно предположению, регулирующая цена производства понижается. Если бы она не изменялась, то есть оставалась бы = 3 ф. ст., то наихудшая земля *A,* не приносившая раньше, при затрате капитала лишь в $2^1/_2$ ф. ст., никакой ренты, теперь стала бы приносить ренту, если даже и никакой новой еще худшей земли не было вовлечено в сельскохозяйственный оборот; это произошло бы вследствие того, что производительность на этой земле увеличилась, но лишь для части капитала, а не для первоначально вложенного капитала. При первой цене производства в 3 ф. ст. получают 1 квартер; при второй — $1^1/_5$ квартера, но весь продукт в $2^1/_5$ квартера продается теперь по его средней цене. Так как норма производительности возрастает с дополнительной затратой капитала, то этот случай предполагает улучшение земли. Оно может заключаться в том, что на акр затрачивается вообще больше капитала (больше удобрений, применяется более механизированный труд и т. д.), или же в том, что вообще лишь этот дополнительный капитал дает возможность осуществить качественно отличное более производительное капиталовложение. В обоих случаях при затрате 5 ф. ст. на акр получается продукт в $2^1/_5$ квартера, тогда как при затрате половины этого капитала, $2^1/_2$ ф. ст., получается продукт лишь в 1 квартер. Продукт земли *A,* оставляя

в стороне преходящие рыночные отношения, можно было бы по-прежнему продавать по более высокой цене производства, вместо новой средней цены, лишь при том условии, если значительная площадь земель категории *A* по-прежнему возделывалась бы с капиталом всего в $2^1/_2$ ф. ст. на акр. Но как только новая затрата в 5 ф. ст. капитала на акр и, вместе с тем, более совершенные методы хозяйства приобретут всеобщее распространение, регулирующая цена производства понизится до $2^8/_{11}$ фунта стерлингов. Разница между обеими частями капитала исчезла бы, и тогда акр земли *A,* обрабатываемый при помощи капитала в $2^1/_2$ ф. ст., возделывался бы в действительности ненормально, несоответственно новым условиям производства. Это уже было бы различие не между продуктом различных частей капитала, затраченных на одном и том же акре, а между достаточной и недостаточной общей затратой капитала на акр. Отсюда видно, *во-первых,* что недостаточность капитала в руках большого числа арендаторов (это число должно быть большое, потому что будь оно маленьким, этим арендаторам пришлось бы продавать свой продукт ниже его цены производства) оказывает совершенно такое же влияние, как дифференцирование самих земель по нисходящей линии. Худший способ обработки, примененный на худшей земле, увеличивает ренту с лучшей; он может даже создать ренту с лучше обрабатываемой земли такого же плохого качества, которая вообще ренты не приносит. Отсюда видно, *во-вторых,* что дифференциальная рента, возникающая из последовательной затраты капитала на одной и той же земельной площади, в действительности превращается в некую среднюю величину, в которой уже нельзя распознать и отличить влияний различных затрат капитала и которые поэтому не порождают ренты на наихудшей земле, а 1) среднюю цену всего продукта, скажем, с одного акра земли *A,* превращают в новую регулирующую цену и 2) представляются как изменение общего количества капитала на акр, которое при новых условиях требуется для удовлетворительной обработки земли и в котором отдельные последовательные затраты капитала и их соответственные влияния слиты настолько, что их нельзя различить. Точно так же обстоит дело и с единичными дифференциальными рентами с лучших земель. Они определяются в каждом случае различием среднего продукта данной категории земли по сравнению с продуктом наихудшей земли при увеличенной, ставшей теперь нормальной, затрате капитала.

Нет земли, которая приносила бы какой-нибудь продукт без затраты капитала. Так, даже при простой дифференциальной

ренте, при дифференциальной ренте I, когда говорят, что 1 акр земли *A,* то есть земли, регулирующей цену производства, дает столько-то продукта, по такой-то цене, и что земли *B, C, D,* которые лучше, дают столько-то дифференциального продукта, а потому при существующей регулирующей цене столько-то и столько-то денежной ренты, то при этом всегда предполагается, что затрачен определенный капитал, считающийся при данных условиях производства нормальным капиталом. Совершенно так же, как в промышленности для каждой отрасли требуется определенный минимум капитала для того, чтобы возможно было производить товары по их цене производства.

Если этот минимум изменяется вследствие последовательных затрат капитала на одной и той же земле, связанных с улучшениями, то это происходит постепенно. Пока такой дополнительный производительный капитал не будет приложен к известному числу акров, например, земли *A,* до тех пор то обстоятельство, что цена производства остается без изменения, будет создавать ренту на лучше обрабатываемых акрах земли А и повышать ренту на лучших землях *B, C, D.* Однако как только новый метод ведения хозяйства достигнет такого распространения, что сделается нормой, цена производства понизится; рента, которую дают лучшие участки земли, снова понизится, и с той части земли *A,* которая не располагает капиталом в размере, сделавшемся теперь средним, придется продавать продукты ниже их индивидуальной цены производства, следовательно, ниже уровня, обеспечивающего среднюю прибыль.

То же самое происходит и при понижающейся цене производства, даже при убывающей производительности дополнительного капитала, если вследствие увеличившейся затраты капитала весь необходимый продукт начинают доставлять лучшие категории земли и, таким образом, занятый в производстве капитал отвлекается, например, от земли *A,* так что земля *A* перестает конкурировать в производстве этого определенного продукта, например пшеницы. То количество капитала, которое теперь в среднем затрачивается на относительно лучшей земле *B,* сделавшейся регулирующей землей, становится теперь нормальным; и когда говорится о различном плодородии земельных участков, то предполагается, что на акр затрачивается капитал в этом новом нормальном размере.

С другой стороны, ясно, что этот средний размер затрачиваемого капитала, как, например, в Англии 8 ф. ст. на акр до 1848 г. и 12 ф. ст. после 1848 г.*, образует масштаб при заклю-

* См. настоящий том, часть II, стр. 282. *Ред.*

чении арендных договоров. Для арендатора, затрачивающего больше, добавочная прибыль, во время срока действия арендного договора, не превращается в ренту. Произойдет ли это по истечении арендного договора, будет зависеть от конкуренции арендаторов, которые в состоянии сделать такое же чрезвычайное авансирование. При этом речь не идет о постоянно действующих улучшениях почвы, которые при одинаковой или даже уменьшающейся затрате капитала продолжают обеспечивать увеличенный продукт. Хотя эти улучшения и являются продуктом капитала, однако, они оказывают совершенно такое же действие, как различие в природных качествах почвы.

Таким образом, мы видим, что при дифференциальной ренте II учитывается такой момент, который при дифференциальной ренте I как таковой не проявляет своего действия, потому что последняя может по-прежнему существовать независимо от какого бы то ни было изменения нормы капиталовложений на акр. С одной стороны, результаты различных затрат капитала на регулирующей земле *A* стираются, и продукт, получаемый с этой земли, представляется теперь просто нормальным средним продуктом с акра. С другой стороны, изменяется нормальный минимум, или средняя величина затраты капитала на акр, причем это изменение выступает как свойство земли. Наконец, различен и способ превращения добавочной прибыли в форму ренты.

Далее, сравнение таблицы VI с таблицами I и II показывает, что хлебная рента по сравнению с ее размерами в таблице I более чем удвоилась, в сравнении с ее размерами в таблице II увеличилась на $1^1/_5$ квартера, тогда как денежная рента по сравнению с ее размерами в таблице I удвоилась, а по сравнению с ее размерами в таблице II не изменилась. Она значительно возросла бы, если бы (при прочих равных условиях) большая часть дополнительного капитала пришлась на лучшие категории земли или если бы, с другой стороны, действие дополнительного капитала на земле *A* было менее значительным и, таким образом, регулирующая средняя цена квартера с земли *A* стояла бы выше.

Если бы увеличение плодородия, происходящее вследствие дополнительной затраты капитала, было различным на различного рода землях, это привело бы к изменению дифференциальных рент с этих земель.

Во всяком случае доказано, что при понижении цены производства, совершающемся вследствие повышения нормы производительности дополнительной затраты капитала, — то

есть когда эта производительность возрастает в большей пропорции, чем авансированный капитал, — рента с акра, например, при удвоившейся затрате капитала, может не только удвоиться, но и более чем удвоиться. Но она может и понизиться в том случае, если вследствие более быстрого возрастания производительности земли *A* цена производства упадет в еще большей мере.

Если бы мы предположили, что дополнительные затраты капитала увеличили производительность, например, земель *B* и *C* не в такой степени, как производительность земли *A,* так что для земель *B* и *C* пропорциональная разница уменьшилась и увеличившееся количество продукта не возместило бы понижения цены, то по сравнению с таблицей II [денежная] рента на земле *D* не изменилась бы, на землях *B* и *C* понизилась бы.

ТАБЛИЦА VIa

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Продукт с акра кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.
A	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	1 + 3 = 4	$1^1/_2$	6	0	0
B	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	$2+2^1/_2=4^1/_2$	$1^1/_2$	$6^3/_4$	$^1/_2$	$^3/_4$
C	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	3 + 5 = 8	$1^1/_2$	12	4	6
D	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	4 + 12 = 16	$1^1/_2$	24	12	18
Итого	4	20	—	$32^1/_2$	—	—	$16^1/_2$	$24^3/_4$

Наконец, денежная рента повысилась бы в том случае, если бы при том же пропорциональном повышении плодородия на лучшие земельные участки было затрачено больше дополнительного капитала, чем на земле *A,* или если бы дополнительные затраты капитала на лучшие земельные участки приводили к повышению нормы производительности. В обоих случаях разница стала бы возрастать.

Денежная рента понижается, если улучшение, происходящее вследствие дополнительной затраты капитала, уменьшая все разницы или часть их, оказывает большее влияние на землю *A*, чем на земли *B* и *C.* Она понижается тем больше, чем незначительнее повышение производительности лучших земельных участков. От того, насколько велика разница оказываемого влияния, зависит, повысится ли хлебная рента, понизится или останется без перемены.

Денежная рента, а равно и хлебная рента повышаются либо в том случае, если, при неизменяющейся относительной разнице в дополнительном плодородии различных земель, дополнительного капитала на землю, приносящую ренту, будет затрачено больше, чем на землю *A,* не приносящую ренты, и больше капитала будет вложено в землю, которая дает более высокую ренту, чем на землю, дающую более низкую ренту; либо же в том случае, если при одинаковом дополнительном капитале плодородие больше возрастает на лучшей и наилучшей земле, чем на земле *A,* а именно денежная рента и хлебная рента повышаются в соответствии с тем, в какой мере это увеличение плодородия высших категорий земли сильнее, чем увеличение плодородия более низких категорий.

Но, при всех обстоятельствах, рента относительно повышается, когда увеличение производительной силы является следствием дополнительной затраты капитала, а не просто следствием увеличившегося плодородия при неизменившейся затрате капитала. Это — абсолютная точка зрения, которая показывает, что в этом случае, как и во всех прежних, рента и увеличившаяся рента с акра (подобно тому, как при дифференциальной ренте I высота средней ренты на всю возделываемую площадь) есть следствие увеличившейся затраты капитала на землю, причем безразлично, функционирует ли эта дополнительная затрата с неизменившейся нормой производительности при неизменных или понизившихся ценах, или с убывающей нормой производительности при неизменных или понизившихся ценах, или с повысившейся нормой производительности при понизившихся ценах. Ибо наше предположение таково: постоянная цена при постоянной, понизившейся или повысившейся норме производительности дополнительного капитала, и понизившаяся цена при постоянной, понизившейся и повысившейся норме производительности, сводится к следующему: постоянная норма производительности добавочного капитала при постоянной или понижающейся цене, убывающая норма производительности при постоянной или понижающейся цене, повышающаяся норма производительности при постоянной и понижающейся цене. Хотя во всех этих случаях рента может остаться неизменной и может понизиться, она понизилась бы еще больше, если бы, при прочих равных обстоятельствах, условием повышения плодородия не была дополнительная затрата капитала. В таком случае дополнительная затрата капитала всегда является причиной относительной высоты ренты, хотя бы абсолютно она и понизилась.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ
ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА II. — ТРЕТИЙ СЛУЧАЙ: ПОВЫШАЮЩАЯСЯ ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА. ВЫВОДЫ

{Повышение цены производства предполагает, что производительность земли наихудшего качества, не приносящей ренты, убывает. Цена производства, принятая нами за регулирующую, может подняться выше 3 ф. ст. за квартер лишь в том случае, если $2^1/_2$ ф. ст., вложенные в землю *A,* будут производить меньше 1 квартера или если 5 ф. ст. будут производить меньше 2 квартеров, или если обработке будет подвергнута земля еще худшего качества, чем земля *A*.

При неизменной или даже повысившейся производительности второй затраты капитала это было бы возможно лишь в том случае, если бы производительность первой затраты капитала в $2^1/_2$ ф. ст. уменьшилась. Этот случай встречается довольно часто. Например, если истощенный при мелкой вспашке верхний слой почвы дает при старой системе хозяйствования все меньшие урожаи, а затем извлеченный на поверхность посредством более глубокой вспашки нижний слой благодаря более рациональной обработке начинает давать урожаи выше, чем они были раньше. Но этот специальный случай, строго говоря, сюда не относится. Уменьшение производительности *первой* затраты капитала в $2^1/_2$ ф. ст. обусловливает для лучших земель, даже если предполагать для них аналогичные отношения, понижение дифференциальной ренты I; однако здесь мы рассматриваем лишь дифференциальную ренту II. Но так как данный специальный случай не может иметь места, если не предполагается существование дифференциальной ренты II и так как он представляет в действительности отражение изменений дифференциальной ренты I на дифференциальной ренте II, то мы приведем пример, иллюстрирующий этот случай.

Денежная рента, как и продукт в денежном выражении остаются те же, что и в таблице II. Повысившаяся регулирую-

ТАБЛИЦА VII

Категория земли	Акры	Затрата капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма ренты
A ………	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}$	1	6	$\frac{1}{2}+1\frac{1}{4}=1\frac{3}{4}$	$3\frac{3}{7}$	6	0	0	0
B	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}$	1	6	$1+2\frac{1}{2}=3\frac{1}{2}$	$3\frac{3}{7}$	12	$1\frac{3}{4}$	6	120%
C	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}$	1	6	$1\frac{1}{2}+3\frac{3}{4}=5\frac{1}{4}$	$3\frac{3}{7}$	18	$3\frac{1}{2}$	12	240%
D ………	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}$	1	6	$2+5=7$	$3\frac{3}{7}$	24	$5\frac{1}{4}$	18	360%
	—	20	—	—	$17\frac{1}{2}$	—	60	$10\frac{1}{2}$	36	240%

щая цена производства в точности возмещает то, что потеряно на количестве продукта; так как эта цена и количество продукта изменились в обратном отношении, то само собой разумеется, что произведение их остается прежнее.

В вышеприведенном случае мы предполагали, что производительная сила второй затраты капитала выше, чем первоначальная производительность первой затраты. Дело не изменится, если для второй затраты капитала, как это показано в следующей таблице, мы предположим лишь такую же производительность, какой первоначально характеризовалась первая затрата.

И здесь увеличивающаяся в одинаковом отношении цена производства обусловливает то, что уменьшение производитель-

ТАБЛИЦА VIII

Категория земли	Акры	Затрата капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма добавочной прибыли
A ………	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$\frac{1}{2}+1=1\frac{1}{2}$	4	6	0	0	0
B ………	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$1+2=3$	4	12	$1\frac{1}{2}$	6	120%
C ………	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$1\frac{1}{2}+3=4\frac{1}{2}$	4	18	3	12	240%
D …......	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$2+4=6$	4	24	$4\frac{1}{2}$	18	360%
	—	20	—	—	15	—	60	9	36	240%

ности вполне уравновешивается как по стоимости продукта, так и по сумме денежной ренты.

В чистом виде третий случай выступает лишь при убывающей производительности второй затраты капитала, в то время когда производительность первой затраты не изменяется, как это было всюду принято для первого и второго случаев. Дифференциальная рента I здесь не претерпевает изменений, изменение совершается лишь с той частью ренты, которая составляет дифференциальную ренту II. Мы приводим два примера: в первом производительность второй затраты капитала предположена уменьшившейся на $^1/_2$, во втором — на $^3/_4$.

ТАБЛИЦА IX

Категория земли	Акры	Затрата капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма ренты
A	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	$1+{}^1/_2=1^1/_2$	4	6	0	0	0
B ………	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	2+1 =3	4	12	$1^1/_2$	6	120%
C	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	$3+1^1/_2=4^1/_2$	4	18	3	12	240%
D	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	4+2 = 6	4	24	$4^1/_2$	18	360%
	—	20	—	—	15	—	60	9	36	240%

Таблица IX та же, что и таблица VIII, но только в таблице VIII уменьшается производительность первой затраты капитала, в IX — второй.

ТАБЛИЦА X

Категория земли	Акры	Затрата капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Норма ренты
A	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	$1+{}^1/_4=1^1/_4$	$4^4/_5$	6	0	0	0
B	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	$2+{}^1/_2=2^1/_2$	$4^4/_5$	12	$1^1/_4$	6	120%
C	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	$3+{}^3/_4=3^3/_4$	$4^4/_5$	18	$2^1/_2$	12	240%
D	1	$2^1/_2+2^1/_2=5$	1	6	4+1=5	$4^4/_5$	24	$3^3/_4$	18	360%
	—	20	—	24	$12^1/_2$	—	60	$7^1/_2$	36	240%

В этой таблице продукт в денежном выражении, денежная рента и норма ренты тоже остаются такие же, как в таблицах II, VII и VIII, потому что продукт [ф. ст.] и продажная цена опять-таки изменились в обратном отношении, затрата же капитала осталась та же самая.

Но как обстоит дело в другом случае, возможном при повышающейся цене производства, а именно в том случае, когда худшая земля, которую до сих пор не стоило обрабатывать, теперь начинает возделываться?

Предположим, что такая земля, которую мы назовем *a,* вступает в число конкурирующих земель. В таком случае земля *A,* не приносившая до того времени ренты, начала бы давать ренту, и вышеприведенные таблицы VII, VIII и X приняли бы следующий вид:

ТАБЛИЦА VIIa

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Возрастание
a	1	5	1	6	$1\frac{1}{2}$	4	6	0	0	0
A	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}$	1	6	$\frac{1}{2}+1\frac{1}{4}=1\frac{3}{4}$	4	7	$\frac{1}{4}$	1	1
B	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}$	1	6	$1+2\frac{1}{2}=3\frac{1}{2}$	4	14	2	8	1+7
C ………	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}$	1	6	$1\frac{1}{2}+3\frac{3}{4}=5\frac{1}{4}$	4	21	$3\frac{3}{4}$	15	1+2×7
D	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}$	1	6	2 +5 =7	4	28	$5\frac{1}{2}$	22	1+3×7
	—	—	—	30	19	—	76	$11\frac{1}{2}$	46	—

ТАБЛИЦА VIIIa

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Возрастание
a …….....	1	5	1	6	$1\frac{1}{4}$	$4\frac{4}{5}$	6	0	0	0
A	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}$	1	6	$\frac{1}{2}+1=1\frac{1}{2}$	$4\frac{4}{5}$	$7\frac{1}{5}$	$\frac{1}{4}$	$1\frac{1}{5}$	$1\frac{1}{5}$
B	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}$	1	6	1 +2=3	$4\frac{4}{5}$	$14\frac{2}{5}$	$1\frac{3}{4}$	$8\frac{2}{5}$	$1\frac{1}{5}+7\frac{1}{5}$
C	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}$	1	6	$1\frac{1}{2}+3=4\frac{1}{2}$	$4\frac{4}{5}$	$21\frac{3}{5}$	$3\frac{1}{4}$	$15\frac{3}{5}$	$1\frac{1}{5}+2\times7\frac{1}{5}$
D ………	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}$	1	6	2 +4=6	$4\frac{4}{5}$	$28\frac{4}{5}$	$4\frac{3}{4}$	$22\frac{4}{5}$	$1\frac{1}{5}+3\times7\frac{1}{5}$
	5	—	—	30	$16\frac{1}{4}$	—	78	10	48	—

ТАБЛИЦА Xa

Категория земли	Акры	Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.	Возрастание
a	1	5	1	6	$1^1/_8$	$5^1/_3$	6	0	0	0
A	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	6	$1+{}^1/_4=1^1/_4$	$5^1/_3$	$6^2/_3$	$^1/_8$	$^2/_3$	$^2/_3$
B	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	6	$2+{}^1/_2=2^1/_2$	$5^1/_3$	$13^1/_3$	$1^3/_8$	$7^1/_3$	$^2/_3+6^2/_3$
C	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	6	$3+{}^3/_4=3^3/_4$	$5^1/_3$	20	$2^5/_8$	14	$^2/_3+2\times6^2/_3$
D	1	$2^1/_2+2^1/_2$	1	6	4+1=5	$5^1/_3$	$26^2/_3$	$3^7/_8$	$20^2/_3$	$^2/_3+3\times6^2/_3$
	—	—	—	30	$13^5/_8$	—	$72^2/_3$	8	$42^2/_3$	—

Присоединением земли *а* создается новая дифференциальная рента I, на этой новой основе образуется затем дифференциальная рента II, тоже в измененном виде. Земля *а* обладает в каждой из трех вышеприведенных таблиц различным плодородием: ряд пропорционально повышающихся степеней плодородия начинается лишь с земли *А*. В соответствии с этим располагается и ряд повышающихся рент. Рента, получаемая с наихудшей земли, приносящей ренту, а раньше ее не дававшей, образует постоянную величину, которая просто присоединяется ко всем более высоким рентам; лишь за вычетом этой постоянной величины с ясностью выступает для более высоких рент ряд разниц и его параллелизм с рядом, обозначающим плодородие различных по качеству земель. Во всех таблицах различные степени плодородия, начиная с земли Л и до земли *D,* относятся друг к другу, как 1 : 2 : 3 : 4, и соответственно этому относятся друг к другу ренты:

в VIIa, как 1:(1 + 7) : (1 + 2 × 7) : (1 + 3 × 7),

в VIIIa, как $1^1/_5 : 1^1/_5 + 7^1/_5) : (1^1/_5 + 2 \times 7^1/_5) : (1^1/_5 + 3 \times 7^1/_5)$,

в Xa, как $^2/_3 : (^2/_3 + 6^2/_3) : (^2/_3 + 2 \times 6^2/_3) : (^2/_3 + 3 \times 6^2/_3)$.

Короче говоря: если рента с земли *A = n,* а рента с земли непосредственно более высокого плодородия = *n + m,* то ряд будет такой: *n : (n + m) : (n + 2m) : (n + 3m)* и т. д. — *Ф. Э.*}

{Так как вышеприведенный третий случай в рукописи не был разработан, — там имеется лишь его заголовок, — то задачей редактора было по возможности восполнить это, как сделано выше. Кроме того, он должен еще сделать общие выводы, вытекающие из всего предшествующего исследования дифференциальной ренты II с ее тремя главными случаями и девятью производными. Но для этой цели приведенные в рукописи примеры мало пригодны. Во-первых, в них сравниваются участки земли, продукт [ф. ст.] которых с площадей одинаковой величины, относится как 1:2:3:4; следовательно, берется разница, которая уже с самого начала сильно преувеличена и которая при дальнейшем развитии сделанных на этом основании предположений и исчислений приводит к совершенно непомерным числовым отношениям. Во-вторых, они дают повод к совершенно неверному представлению. Если при степенях плодородия, относящихся друг к другу, как 1:2:3:4 и т. д., получаются ренты ряда 0:1:2:3 и т. д., то тотчас же возникает искушение вывести второй ряд из первого и объяснить удвоение, утроение и т. д. рент удвоением, утроением и т. д. всего продукта. Но это было бы совершенно ошибочно. Ренты относятся как 0:1:2:3:4 даже в том случае, когда степени плодородия относятся как $n : (n + 1) : (n + 2) : (n + 3) : (n + 4)$; ренты относятся одна к другой не как *степени* плодородия, а как *разности* плодородия; причем земля, не приносящая ренты, приравнивается к нулю.

Таблицы рукописи следовало привести для разъяснения текста. Но чтобы получить наглядную основу для приведенных ниже результатов исследования, я в дальнейшем даю новый ряд таблиц, в которых продукт дан в бушелях ($^1/_8$ квартера, или 36,35 литра) и шиллингах (= марке).

Первая таблица (XI) соответствует прежней таблице I. Она дает продукт [ф. ст.] и ренты для земель пяти различных категорий *A* — *E* при *первой* затрате капитала в 50 шилл., что вместе с 10 шилл. прибыли составляет 60 шилл. всей цены производства на акр. Количество получаемого хлеба взято небольшое: 10, 12, 14, 16, 18 бушелей с акра. Получающаяся при этом регулирующая цена производства = 6 шилл. за бушель.

Следующие 13 таблиц соответствуют трем случаям дифференциальной ренты II, рассмотренным в этой и двух предшествующих главах, причем *дополнительная* затрата капитала на той же земле предполагается равной 50 шилл. на акр, при постоянной, понижающейся и повышающейся цене производства. Каждый из этих случаев, в свою очередь, изображается как он

есть: 1) при неизменяющейся, 2) при понизившейся, 3) при повысившейся производительности второй затраты капитала сравнительно с первой. При этом получаются еще некоторые варианты, благодаря которым картина становится особенно наглядной.

В случае I — постоянная цена производства — мы имеем:

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты капитала (таблица XII).

» 2: Убывающая производительность. Это может произойти лишь при условии, что на земле *А* не делается второй затраты. При этом дело обстоит или

a) так, что земля *В* тоже не приносит ренты (таблица XIII), или

b) так, что земля *В* не становится землей, совершенно не приносящей ренты (таблица XIV).

» 3: Повышающаяся производительность (таблица XV).

И этот случай исключает вторую затрату капитала на земле *А*.

В случае II — понижающаяся цена производства — мы имеем:

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты (таблица XVI).

» 2: Убывающая производительность (таблица XVII). Оба эти варианта приводят к тому, что земля *А* перестает входить в число конкурирующих земель, земля *В* перестает приносить ренту и регулирует цену производства.

» 3: Повышающаяся производительность (таблица XVIII).

Здесь земля *А* остается регулирующей. В случае III — повышающаяся цена производства — возможны две модификации: земля *А* может остаться землей, не приносящей ренты и регулирующей цену, или же в конкуренцию вступает земля худшего качества, чем земля *А,* и начинает регулировать цену, так что земля *А* уже приносит ренту.

Первая модификация: Земля *А* остается регулирующей.

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты (таблица XIX). Это допустимо лишь при предположении, что производительность первой затраты уменьшается.

» 2: Убывающая производительность второй затраты (таблица XX). Это не исключает, что производительность первой затраты не изменится.

Вариант 3: Повышающаяся производительность второй затраты (таблица XXI). Это опять-таки обусловливает убывающую производительность первой затраты,

Вторая модификация: Земля худшего качества (обозначаемая буквой *a*) вступает в конкуренцию; земля *A* приносит ренту.

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты (таблица XXII).

» 2: Убывающая производительность (таблица XXIII).

» 3: Повышающаяся производительность (таблица XXIV).

Эти три варианта соответствуют общим условиям проблемы и не дают повода к каким-либо замечаниям. Теперь мы приведем таблицы:

ТАБЛИЦА XI

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
A …….	60	10	6	60	0	0
B ..…..	60	12	6	72	12	12
C	60	14	6	84	24	2×12
D	60	16	6	96	36	3×12
E	60	18	6	108	48	4×12
	—	—	—	—	120	10×12

При второй затрате капитала на той же земле:

Первый случай: При неизменяющейся цене производства.

Вариант 1: При неизменяющейся производительности второй затраты капитала.

ТАБЛИЦА XII

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
A	60+60=120	10+10=20	6	120	0	0
B …………	60+60=120	12+12=24	6	144	24	24
C	60+60=120	14+14=28	6	168	48	2×24
D	60+60=120	16+16=32	6	192	72	3×24
E	60+60=120	18+18=36	6	216	96	4×24
	—	—	—	—	240	10×24

Вариант 2: При убывающей производительности второй затраты капитала; на земле *A* не произведено второй затраты.

1) Когда земля *B* перестает приносить ренту,

ТАБЛИЦА XIII

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
A ………....	60	10	6	60	0	0
B ………....	60+60=120	12+ 8 =20	6	120	0	0
C	60+60=120	14+ $9^1/_3$=$23^1/_3$	6	140	20	20
D ....………	60+60=120	16+$10^2/_3$=$26^2/_3$	6	160	40	2×20
E	60+60=120	18+12 =30	6	180	60	3×20
	—	—	—	—	120	6×20

2) Когда земля *B* не совсем перестает приносить ренту.

ТАБЛИЦА XIV

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
A …………	60	10	6	60	0	0
B	60+60=120	12+ 9 =21	6	126	6	6
C …………	60+60=120	14+$10^1/_2$=$24^1/_3$	6	147	27	6+21
D …………	60+60=120	16+12 =28	6	168	48	6+2×21
E ………....	60+60=120	18+$13^1/_2$=$31^1/_2$	6	189	69	6+3×21
	—	—	—	—	150	4×6+6×21

Вариант 3: При повышающейся производительности второй затраты капитала; здесь на земле *A* тоже не производится второй затраты.

ТАБЛИЦА XV

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
A …………	60	10	6	60	0	0
B …………	60+60=120	12+15 =27	6	162	42	42
C	60+60=120	$14+17^1/_2=31^1/_2$	6	189	69	42+27
D …………	60+60=120	16+20=36	6	216	96	42+2×27
E …............	60+60=120	$18+22^1/_2=40^1/_2$	6	243	123	42+3×27
	—	—	—	—	330	4×42+6×27

Второй случай: При уменьшающейся цене производства.

Вариант 1: При неизменяющейся производительности второй затраты капитала; земля *A* исключается из числа конкурирующих земель, земля *B* перестает приносить ренту.

ТАБЛИЦА XVI

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
B	60+60=120	12+12=24	5	120	0	0
C ....…	60+60=120	14+14=28	5	140	20	20
D	60+60=120	16+16=32	5	160	40	2×20
E	60+60=120	18+18=36	5	180	60	3×20
	—	—	—	—	120	6×20

Вариант 2: При убывающей производительности второй затраты капитала; земля *A* исключается из числа конкурирующих земель, земля *B* перестает приносить ренту.

ТАБЛИЦА XVII

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
B	60+60=120	12+ 9 =21	$5^5/_7$	120	0	0
C	60+60=120	$14+10^1/_2=24^1/_2$	$5^5/_7$	140	20	20
D …….........	60+60=120	16+12 =28	$5^5/_7$	160	40	2×20
E …............	60+60= 120	$18+13^1/_2=31^1/_2$	$5^5/_7$	180	60	3×20
	—	—	—	—	120	6×20

Вариант 3: При повышающейся производительности второй затраты капитала; земля *A* продолжает конкурировать, Земля *B* приносит ренту.

ТАБЛИЦА XVIII

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
A …………	60+60=120	10+15=25	$4^4/_5$	120	0	0
B ………....	60+60=120	12+18=30	$4^4/_5$	144	24	24
C	60+60=120	14+21=35	$4^4/_5$	168	48	2×24
D	60+60=120	16+24=40	$4^4/_5$	192	72	3×24
E	60+60=120	18+27=45	$4^4/_5$	216	96	4×24
	—	—	—	—	240	10×24

Третий случай: При повышающейся цене производства. A. Когда земля *A* остается землей, не приносящей ренты и регулирующей цену.

Вариант 1: При неизменяющейся производительности второй затраты капитала, что обусловливает убывающую производительность первой затраты.

ТАБЛИЦА XIX

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
A	60+60=120	$7^1/_2$+10=$17^1/_2$	$6^6/_7$	120	0	0
B	60+60=120	9 +12=21	$6^6/_7$	144	24	24
C	60+60=120	$10^1/_2$+14= $24^1/_2$	$6^6/_7$	168	48	2×24
D	60+60=120	12 +16=28	$6^6/_7$	192	72	3×24
E	60+60=120	$13^1/_2$+18=$31^1/_2$	$6^6/_7$	216	96	4×24
	—	—	—	—	240	10×24

Вариант 2: При уменьшающейся производительности второй затраты капитала, что не исключает остающейся неизменной производительности первой затраты,

ТАБЛИЦА XX

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
A	60+60 =120	10+5=15	8	120	0	0
B	60+60=120	12+6=18	8	144	24	24
C	60+60=120	14+7=21	8	168	48	2×24
D	60+60=120	16+8=24	8	192	72	3×24
E	60+60-120	18+9=27	8	216	96	4×24
	—	—	—	—	240	10×24

Вариант 3: При повышающейся производительности второй затраты капитала, что при данных предположениях обусловливает убывающую производительность первой затраты.

ТАБЛИЦА XXI

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
A	60+60=120	$5+12^1/_2=17^1/_2$	$6^6/_7$	120	0	0
B	60+60=120	6+15 =21	$6^6/_7$	144	24	24
C	60+60=120	$7+17^1/_2=24^1/_2$	$6^6/_7$	168	48	2×24
D	60+60=120	8+20 =28	$6^6/_7$	192	72	3×24
E	60+60=120	$9+22^1/_2=31^1/_2$	$6^6/_7$	216	96	4×24
	—	—	—	—	240	10×24

B. Когда худшая (обозначаемая буквой *a*) земля становится землей, регулирующей цену, и потому земля *A* начинает приносить ренту. Этим допускается неизменяющаяся производительность второй затраты для всех вариантов.

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты капитала.

ТАБЛИЦА XXII

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
a	120	16	$7^1/_2$	120	0	0
A	60+60=120	10+10=20	$7^1/_2$	150	30	30
B	60+60=120	12+12=24	$7^1/_2$	180	60	2×30
C	60+60=120	14+14=28	$7^1/_2$	210	90	3×30
D	60+60=120	16+16=32	$7^1/_2$	240	120	4×30
E	60+60=120	18+18=36	$7^1/_2$	270	150	5×30
	—	—	—	—	450	15×30

Вариант 2: Убывающая производительность второй затраты капитала.

ТАБЛИЦА XXIII

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
a …………	120	15	8	120	0	0
A	60+60=120	10+ $7^1/_2$=$17^1/_2$	8	140	20	20
B	60+60=120	12+ 9 =21	8	168	48	20+28
C	60+60=120	14+$10^1/_2$=$24^1/_2$	8	196	76	20+ 2×28
D	60+60=120	16+12 =28	8	224	104	20+ 3×28
E …………	60+60=120	18+$13^1/_2$=$31^1/_2$	8	252	132	20+ 4×28
	—	—	—	—	380	5×20+10×28

Вариант 3: Повышающаяся производительность второй затраты капитала.

ТАБЛИЦА XXIV

Категория земли	Цена производства шилл.	Продукт в бушелях	Продажная цена шилл.	Продукт шилл.	Рента шилл.	Возрастание ренты
a …............	120	16	$7^1/_2$	120	0	0
A …………	60+60 = 120	10+$12^1/_2$=$22^1/_2$	$7^1/_2$	$168^3/_4$	$48^3/_4$	15+$33^3/_4$
B …............	60+60 = 120	12+15 =27	$7^1/_2$	$202^1/_2$	$82^1/_2$	15+ 2×$33^3/_4$
C	60+60 = 120	14+$17^1/_2$=$31^1/_2$	$7^1/_2$	$236^1/_4$	$116^1/_4$	15 + 3×$33^3/_4$
D...………..	60+60 = 120	16+20 =36	$7^1/_2$	270	150	15+ 4×$33^3/_4$
E	60+60 = 120	18+$22^1/_2$=$40^1/_2$	$7^1/_2$	$303^3/_4$	$183^3/_4$	15+ 5×$33^3/_4$
	—	—	—	—	$581^1/_4$	5×15+15×$33^3/_4$

Из этих таблиц, вытекает следующее:

Прежде всего, что ряд рент находится друг к другу точно в таком же отношении, как ряд различий в плодородии, принимая за нулевой пункт регулирующую землю, не приносящую ренты. Рента определяется не абсолютным размером продукта, а лишь разностью в размере продукта. Будут ли различного

рода земли приносить 1, 2, 3, 4, 5 бушелей или 11, 12, 13, 14, 15 бушелей продукта на акр, — рента в обоих случаях составит ряд: 0, 1, 2, 3, 4 бушеля или соответствующие суммы денег.

Но гораздо важнее результат, взятый по отношению ко всей ренте при вторичной затрате капитала на одной и той же земле.

В пяти случаях из исследованных тринадцати *удваивается,* вместе с затратой капитала и общая сумма ренты: вместо 12 шилл. × 10 она становится равной 24 шилл. × 10 = 240 шиллингам. Случаи эти следующие:

Случай I, постоянная цена, вариант 1: соответственное затратам увеличение производства (таблица XII).

Случай II, понижающаяся цена, вариант 3: возрастающее увеличение производства (таблица XVIII).

Случай III, повышающаяся цена, первая модификация, когда земля *A* остается регулирующей, во всех трех вариантах (таблицы XIX, XX, XXI).

В четырех случаях рента повышается *более чем вдвое,* а именно:

Случай I, вариант 3, постоянная цена, но возрастающее увеличение производства (таблица XV). Сумма рент повышается до 330 шиллингов.

Случай III, вторая модификация, когда земля *A* приносит ренту, во всех трех вариантах. (Таблица XXII, рента = 30 × 15 = 450 шиллингам; таблица XXIII, рента = 20 × 5 + 28 × 10 = 380 шиллингам; таблица XXIV, рента = 15 × 5 + $33^3/_4$ × 15 = $581^1/_4$ шиллинга.)

В одном случае она *повышается,* но не вдвое по сравнению с рентой, получаемой при первой затрате капитала:

Случай I, постоянная цена, вариант 2: убывающая производительность второй затраты при условиях, когда земля *B* все еще приносит ренту. (Таблица XIV, рента = 6 × 4 + 21 × 6 = 150 шиллингам.)

Наконец, только в трех случаях совокупная рента при второй затрате капитала для всех категорий земли остается на том же уровне, как при первой затрате (таблица XI); это те случаи, когда земля *A* перестает участвовать в конкуренции, а земля *B* становится регулирующей и, следовательно, не приносящей ренты землей. Таким образом, не только отпадает рента с земли *B,* но она убывает в каждом последующем звено ряда рент; этим обусловливается результат. Случаи эти следующие:

Случай I, вариант 2, когда условия таковы,что земля *A* исключается из конкуренции (таблица XIII). Сумма рент равняется 20 × 6, следовательно, 12 × 10 = 120, как и в таблице XI.

Случай II, варианты 1 и 2. Здесь, согласно предположениям, необходимо исключается из конкуренции земля *A* (таблицы XVI и XVII), и сумма рент опять равняется 20 × 6 = 12 × 10 = 120 шиллингам.

Таким образом, это значит: в громадном большинстве всех возможных случаев вследствие увеличенного вложения капитала в землю рента повышается как на акр земли, приносящей ренту, так и особенно в своей общей сумме. Лишь в трех случаях из исследованных тринадцати общая сумма ренты остается без изменения. Это те случаи, когда земля наихудшего качества, не приносившая до сих пор ренты и игравшая роль регулирующей земли, перестает участвовать в конкуренции, непосредственно следующая за ней лучшая по качеству земля становится на ее место, то есть перестает приносить ренту. Но в этих случаях ренты с земель лучшего качества повышаются сравнительно с теми рентами, которые обязаны своим происхождением первой затрате капитала; если рента на земле *C* понижается с 24 до 20 шилл., то для земель *D* и *E* она повышается с 36 и 48 до 40 и 60 шиллингов.

Понижение общей суммы рент ниже того уровня, которого она достигла при первой затрате капитала (таблица XI), было бы возможно лишь в том случае, если бы, кроме земли *A,* перестала участвовать в конкуренции и земля *B,* так что регулирующей и не приносящей ренты землей сделалась бы земля *C.*

Таким образом, чем больше капитала вкладывается в землю, чем выше развитие земледелия и цивилизации вообще в данной стране, тем выше поднимается рента — как с акра, так и вся сумма рент, тем колоссальнее та дань, которую платит общество крупным землевладельцам в форме добавочной прибыли, пока все категории земли, уже освоенные, сохраняют способность к конкуренции.

Этот закон объясняет удивительную живучесть класса крупных землевладельцев. Никакой другой класс общества не живет так расточительно, как этот, никакой другой не предъявляет такой претензии на традиционную, «положению соответствующую» роскошь, откуда бы ни получались для этого деньги, никакой другой класс не влезает с таким легким сердцем в долги. И тем не менее он всегда выходит из положения благодаря капиталу, который другие люди вложили в землю и который приносит ему ренту вне всякого соотношения с прибылями, извлекаемыми из земли капиталистом.

Но тот же закон объясняет, почему эта живучесть крупного земельного собственника постепенно иссякает.

Когда английские хлебные пошлины были отменены в 1846 г., то английские фабриканты думали, что они превратили этим земельную аристократию в пауперов. Вместо этого она стала еще богаче, чем была когда-либо прежде. Как это случилось? Очень просто. Во-первых, от фермеров стали требовать по договору, чтобы они вкладывали [капитала] по 12 ф. ст. вместо 8 ф. ст. на акр в год, а во-вторых, землевладельцы, имея очень много представителей в палате общин, добились себе крупной государственной субсидии для осушения своих земель и для других постоянно действующих улучшений. Так как полного вытеснения даже самой худшей земли нигде не было, а случалось — самое большее — лишь использование ее для других целей, да и то в большинстве случаев только временное, — то ренты поднялись пропорционально увеличенным вложениям капитала в землю, и земельная аристократия оказалась в еще лучших условиях, чем прежде.

Но ничто не вечно. Океанские пароходы, северо- и южноамериканские, а также индийские железные дороги дали возможность конкурировать на европейских хлебных рынках совершенно особенным землям. Это были, с одной стороны, североамериканские прерии, аргентинские пампасы, степи, уже от природы пригодные для пашни, девственная почва, которая долгие годы давала богатые урожаи даже при примитивной обработке и без удобрения. С другой стороны, это были земли русских и индийских коммунистических общин, которые должны были продавать часть своего продукта, притом все возрастающую часть, чтобы выручить деньги для уплаты налогов, которые выжимал из них, довольно часто посредством истязаний, беспощадный деспотизм государства. Эти продукты продаются безотносительно к ценам производства, продаются за цену, которую предлагает торговец, так как крестьянин к сроку платежа должен во что бы то ни стало добыть денег. И перед лицом этой конкуренции — конкуренции девственной степной земли и земли русских и индийских крестьян, задавленных непосильными податями, — европейский фермер и крестьянин не мог уже при старых рентах держаться. Часть земли в Европе окончательно оказалась не в силах конкурировать в производстве хлеба, ренты повсюду упали, для Европы стал общим правилом наш 2-й случай, 2-й вариант, именно: понижающаяся цена хлеба и понижающаяся производительность добавочных вложений капитала. Отсюда вопли аграриев от Шотландии до Италии и от Южной Франции до Восточной Пруссии. К счастью, еще далеко не все степные земли распаханы; их осталось еще достаточно для того, чтобы разорить

все европейское крупное землевладение, да и мелкое в придачу. — *Ф. Э.*}

Вопросы, по которым нужно исследовать ренту, таковы:

A. Дифференциальная рента.

1) Понятие дифференциальной ренты. Иллюстрация данными о силе воды. Переход к собственно земледельческой ренте.

2) Дифференциальная рента I, происходящая из различия в плодородии различных земельных участков.

3) Дифференциальная рента II, происходящая из последовательной затраты капитала на одной и той же земле. Дифференциальная рента II подлежит исследованию:

a) при постоянной,

b) при убывающей,

c) при повышающейся цене производства. И далее

d) превращение добавочной прибыли в ренту.

4) Влияние этой ренты на норму прибыли.

B. Абсолютная рента.

C. Цена земли.

D. Заключительные замечания о земельной ренте.

Как общий результат рассмотрения дифференциальной ренты получается вообще следующее:

Во-первых: образование добавочной прибыли может происходить различными путями. С одной стороны, на базисе дифференциальной ренты I, то есть на базисе затраты совокупного земледельческого капитала на земельной площади, состоящей из различных по плодородию земель. Далее, в виде дифференциальной ренты II, на базисе различной дифференциальной производительности последовательных затрат капитала на одной и той же земле, то есть на базисе большей производительности, выраженной, например, в квартерах пшеницы, чем та, которая достигается при той же затрате капитала на наихудшей земле, не приносящей ренты, но регулирующей цену производства. Но каким бы путем ни возникала эта добавочная прибыль, превращение ее в ренту, следовательно, ее переход из рук арендатора в руки земельного собственника всегда предполагает в качестве предварительного условия, что различные действительные индивидуальные цены производства (то есть независимо от общей регулирующей рынок цены производства) отдельных продуктов единичных последовательных затрат

капитала предварительно выравниваются в индивидуальную среднюю цену производства. Избыток общей регулирующей цены производства продукта одного акра над этой индивидуальной средней ценой образует и определяет величину ренты на акр. При дифференциальной ренте I различия результатов видны сами по себе, так как они получаются на различных участках земли, находящихся один вне другого и возле другого, — получаются при такой затрате капитала на акр, которая принимается за нормальную, и при соответствующем этой затрате нормальном возделывании. При дифференциальной ренте II различия результатов надо сделать прежде всего видимыми; в самом деле, их сначала приходится превратить обратно в дифференциальную ренту I, а это можно сделать лишь указанным способом. Возьмем, например, таблицу III, стр. 241.

Земля *B* дает в результате первой затраты капитала в $2^1/_2$ ф. ст. 2 квартера с акра, а в результате второй затраты, одинаковой по размеру, — $1^1/_2$ квартера, в общей сложности — $3^1/_2$ квартера с одного и того же акра. По этим $3^1/_2$ квартера, собранным с одной и той же земли, нельзя различить, какал часть является продуктом затраты капитала I и какая продуктом затраты капитала II. В действительности $3^1/_2$ квартера суть продукт всего капитала в 5 фунтов стерлингов; и фактически дело заключается лишь в том, что капитал в $2^1/_2$ ф. ст. принес 2 квартера, а капитал в 5 ф. ст. принес не 4, а $3^1/_2$ квартера. Дело ничуть не изменилось бы, если бы эти 5 ф. ст. дали 4 квартера, так что продукты обеих затрат капитала были бы одинаковы, или даже 5 квартеров, так что вторая затрата капитала дала бы избыток в 1 квартер. Цена производства первых 2 квартеров равняется $1^1/_2$ ф. ст. за квартер, а вторых $1^1/_2$ квартера — 2 ф. ст. за квартер. Все эти $3^1/_2$ квартера вместе стоят поэтому 6 фунтов стерлингов. Это индивидуальная цена производства всего продукта, составляющая в среднем 1 ф. ст. $14^2/_7$ шилл. за квартер, круглым счетом, скажем, $1^3/_4$ фунта стерлингов. При общей цене производства в 3 ф. ст., определяемой землей *A,* это дает добавочную прибыль в $1^1/_4$ ф. ст. за квартер и, следовательно, для всех $3^1/_2$ квартера — $4^3/_8$ фунта стерлингов. При средней цене производства на земле *B* это составит круглым счетом $1^1/_2$ квартера. Добавочная прибыль, получаемая с земли *B,* выражается, следовательно, в соответственной части продукта с земли *B,* в этих $1^1/_2$ квартера. которые образуют хлебную ренту и которые продаются по общей цене производства за $4^1/_2$ фунта стерлингов. Но, наоборот, избыточный продукт, получаемый с акра земли *B,* по сравнению с тем, который получается с акра земли *A*, нельзя считать

непосредственно добавочной прибылью, а потому и добавочным продуктом. Согласно предположению, акр земли *В* производит $3^1/_2$ квартера, акр земли *А* — лишь 1 квартер. Избыточный продукт с земли *В* представляет, следовательно, $2^1/_2$ квартера, а добавочный продукт — лишь $1^1/_2$ квартера; потому что в землю *В* вложен вдвое больший капитал, чем в землю *А,* и потому вся цена производства на этой земле вдвое больше. Если бы в землю *А* было также вложено 5 ф. ст. и норма производительности осталась без изменения, то продукт был бы равен 2 квартерам вместо 1, и таким образом стало бы ясным, что действительный добавочный продукт можно найти посредством сравнения не величин $3^1/_2$ и 1, а величин $3^1/_2$ и 2; что, следовательно, он равняется не $2^1/_2$, а всего $1^1/_2$ квартера. Но, далее, если бы на земле *В* была произведена третья затрата капитала в $2^1/_2$ ф. ст., которая дала бы лишь 1 квартер, так что этот квартер стоил бы 3 ф. ст., как квартер, произведенный на земле *А,* то его продажная цена в 3 ф. ст. покрыла бы только всю цену производства, дала бы лишь среднюю прибыль, но не принесла бы никакой добавочной прибыли, а следовательно, и ничего, что могло бы превратиться в ренту. Продукт с акра любой категории земли, по сравнению с продуктом с акра земли А, не показывает ни того, является ли он продуктом одинаковой или большей затраты капитала, ни того, покрывает ли добавочный продукт только цену производства, или же он обязан своим возникновением более высокой производительности дополнительного капитала.

Во-вторых: при убывающей норме производительности дополнительных затрат капитала, границей которых, — поскольку речь идет об образовании новой добавочной прибыли,— является такая затрата капитала, которая покрывает лишь цену производства, то есть производит квартер столь же дорого, как равная затрата капитала производит его на акре земли Л, то есть, согласно предположению, за 3 ф. ст., — предел, где вся затрата капитала на акр земли *В* перестает давать ренту, был бы, как следует из вышеизложенного, достигнут тогда, когда индивидуальная средняя цена производства продукта на акре земли *В* повысилась бы до уровня цены производства с акра земли *А.*

Если на земле *В* производятся такие дополнительные затраты капитала, которые лишь окупают цену производства и, следовательно, не образуют добавочной прибыли, а потому и новой ренты, то, хотя это и повышает индивидуальную среднюю цену производства квартера, тем не менее, не затрагивает добавочной прибыли, образовавшейся от прежних затрат капитала, следовательно, не затрагивает ренты, которая раньше

могла получаться. Ибо средняя цена производства всегда остается ниже цены производства на земле *A,* а если разница этих цен в расчете на квартер и уменьшается, то количество квартеров увеличивается в том же отношении, так что общее превышение цены остается без изменения.

В приведенном случае две первые затраты капитала в 5 ф. ст. на земле *B* производят $3^1/_2$ квартера, следовательно, согласно предположению, $1^1/_2$ квартера ренты = $4^1/_2$ фунта стерлингов. Если сюда присоединится третья затрата капитала в $2^1/_2$ ф. ст., производящая лишь один дополнительный квартер, то вся цена производства (включая 20% прибыли) $4^1/_2$ квартера = 9 фунтам стерлингов; следовательно, средняя цена за квартер = 2 фунтам стерлингов. Таким образом, средняя цена производства за квартер на земле *B* поднялась с $1^5/_7$ до 2 ф. ст., добавочная прибыль с квартера, по сравнению с регулирующей ценой земли *A,* упала следовательно с $1^2/_7$ до 1 фунта стерлингов. Но $1 \times 4^1/_2 = 4^1/_2$ фунта стерлингов, совершенно так же, как прежде, $1^2/_7 \times 3^1/_2 = 4^1/_2$ фунта стерлингов.

Если бы мы предположили, что на земле *B* были сделаны еще четвертая и пятая дополнительные затраты капитала по $2^1/_2$ ф. ст., затраты, производящие квартер лишь по его общей цене производства, то весь продукт с акра составлял бы теперь $6^1/_2$ квартера, а вся его цена производства составила бы 15 фунтов стерлингов. Средняя цена производства квартера снова повысилась бы на земле *B* с 2 до $2^4/_{13}$ ф. ст., а добавочная прибыль с квартера по сравнению с регулирующей ценой производства на земле *A* снова упала бы с 1 до $^9/_{13}$ фунта стерлингов. Но и эти $^9/_{13}$ ф. ст. пришлось бы теперь считать на $6^1/_2$ квартера, вместо прежних $4^1/_2$. Между тем $^9/_{13} \times 6^1/_2 = 1 \times 4^1/_2 = 4^1/_2$ фунта стерлингов.

Отсюда прежде всего следует, что при этих обстоятельствах не требуется никакого повышения регулирующей цены производства для того, чтобы сделать возможными дополнительные затраты капитала на землях, приносящих ренту, возможными даже в таком размере, что дополнительный капитал совсем перестает доставлять добавочную прибыль и дает лишь среднюю прибыль. Из этого следует далее, что здесь сумма добавочной прибыли на акр остается без изменения, как бы ни уменьшалась добавочная прибыль на квартер; это уменьшение всегда уравновешивается соответствующим увеличением квартеров, производимых на акре земли. Для того чтобы средняя цена производства поднялась до уровня общей цены производства (следовательно, достигла бы 3 ф. ст. на земле *B*), должны быть сделаны такие дополнительные затраты капитала, продукт которых обладал бы более высокой ценой производства, чем ре-

гулирующая цена в 3 фунта стерлингов. Но мы увидим, что этого одного тоже недостаточно, чтобы повысить среднюю цену производства квартера на земле *В* до уровня общей цены производства в 3 фунта стерлингов.

Предположим, что на земле *В* были произведены:

1) $3^1/_2$ квартера, цена производства которых, как и прежде, = 6 фунтам стерлингов; следовательно, две затраты капитала по $2^1/_2$ ф. ст. каждая, причем обе образуют добавочные прибыли, но в уменьшающемся размере.

2) 1 квартер за 3 фунта стерлингов; затрата капитала, при которой индивидуальная цена производства была бы равна регулирующей цене производства.

3) 1 квартер за 4 фунта стерлингов; затрата капитала, при которой индивидуальная цена производства на 33% выше регулирующей цены.

Мы имели бы тогда $5^1/_2$ квартера с акра за 13 ф. ст., при затрате капитала в $10^7/_{10}$ фунта стерлингов; первоначальная затрата капитала возросла бы в четыре раза, но продукт первой затраты капитала не увеличился бы и в три раза.

$5^1/_2$ квартера за 13 ф. ст. дают среднюю цену производства в $2^4/_{11}$ ф. ст. за квартер, следовательно, при регулирующей цене производства в 3 ф. ст., избыток в $^7/_{11}$ ф. ст. с квартера; этот избыток может превратиться в ренту. $5^1/_2$ квартера при продаже по регулирующей цене в 3 ф. ст. дают $16^1/_2$ фунта стерлингов. За вычетом всей цены производства в 13 ф. ст. остается $3^1/_2$ ф. ст. добавочной прибыли, или ренты; эти $3^1/_2$ ф. ст., считая по теперешней средней цене производства квартера на земле *В,* то есть по $2^4/_{11}$ ф. ст. за квартер, являются теперь представителем $1^{25}/_{52}$ квартера. Денежная рента понизилась бы на 1 ф. ст., хлебная рента — приблизительно на $^1/_2$ квартера, но несмотря на то, что четвертая дополнительная затрата капитала на земле *В* не только не производит добавочной прибыли, но дает меньше, чем среднюю прибыль, по-прежнему продолжает получаться добавочная прибыль и рента. Если мы предположим, что, кроме затраты капитала 3), и затрата 2) производит по цене, превышающей регулирующую цену производства, то все производство составит: $3^1/_2$ квартера за 6 ф. ст. + 2 квартера за 8 ф. ст., итого $5^1/_2$ квартера за цену производства в 14 фунтов стерлингов. Средняя цена производства квартера была бы = $2^6/_{11}$ ф. ст., что оставляло бы избыток в $^5/_{11}$ фунта стерлингов. Эти $5^1/_2$ квартера, проданные по 3 ф. ст., дают $16^1/_2$ фунта стерлингов; за вычетом 14 ф. ст. всей цены производства остается $2^1/_2$ ф. ст. на ренту. При теперешней средней цене производства на земле *В* это составило

бы $^{55}/_{56}$ квартера. Следовательно, рента все еще продолжает получаться, хотя и в меньшем размере, чем раньше.

Во всяком случае это показывает, что на лучших земельных участках при дополнительных затратах капитала, продукт которых обходится дороже регулирующей цены производства, рента, — по крайней мере в пределах, допустимых практикой,— не исчезает, а лишь уменьшается соответственно тому, с одной стороны, какую долю всего затраченного капитала составляет этот менее производительный капитал, а с другой стороны — соответственно уменьшению его производительности. Средняя цена производства его продукта все же была бы ниже регулирующей цены и потому все еще оставалась бы добавочная прибыль, которая могла бы превратиться в ренту.

Предположим теперь, что средняя цена производства квартера на земле *B* совпадает с общей ценой производства, что явилось следствием четырех последовательных затрат капитала ($2^1/_2$, $2^1/_2$, 5 и 5 ф. ст.) с убывающей производительностью.

Капитал ф. ст.		Прибыль ф. ст.	Продукт кварт.	Цена производства		Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Избыток для ренты	
				за кварт. ф. ст.	всего ф. ст.			кварт.	ф. ст.
1)	$2^1/_2$	$^1/_2$	2	$1^1/_2$	3	3	6	1	3
2)	$2^1/_2$	$^1/_2$	$1^1/_2$	2	3	3	$4^1/_2$	$^1/_2$	$1^1/_2$
3)	5	1	$1^1/_2$	4	6	3	$4^1/_2$	$-^1/_2$	$-1^1/_2$
4)	5	1	1	6	6	3	3	-1	-3
	15	3	6	—	18	—	18	0	0

В данном случае арендатор продает каждый квартер по его индивидуальной цене производства, и потому все количество квартеров продается им по их средней цене производства, совпадающей с регулирующей ценой в 3 фунта стерлингов. Он получает поэтому на свой капитал в 15 ф. ст. по-прежнему 20% прибыли = 3 фунтам стерлингов. Но рента исчезла. Куда же девался избыток при этом выравнивании индивидуальных цен производства каждого квартера с общей ценой производства?

Добавочная прибыль с первой затраты капитала в $2^1/_2$ ф. ст. равнялась 3 фунтам стерлингов; со второй в $2^1/_2$ ф. ст. она равнялась $1^1/_2$ фунта стерлингов; в общей сложности добавочная прибыль на $^1/_3$ авансированного капитала, то есть на 5 ф. ст., была $=4^1/_2$ ф. ст. = 90%.

При затрате капитала 3) 5 ф. ст. не только не приносят добавочной прибыли, но продукт ее в $1^1/_2$ квартера, проданный по общей цене производства, дает минус в $1^1/_2$ фунта стерлингов. Наконец, при затрате капитала 4), тоже в 5 ф. ст., продукт ее в 1 квартер, проданный по общей цене производства, дает минус в 3 фунта стерлингов. Следовательно, обе затраты капитала, взятые вместе, дают минус в $4^1/_2$ ф. ст., равный добавочной прибыли в $4^1/_2$ ф. ст., которая получилась от затрат капитала 1) и 2).

Добавочная прибыль и этот общий минус прибыли взаимно уничтожаются. Поэтому рента исчезает. Но в действительности это возможно лишь потому, что те элементы прибавочной стоимости, которые составляли добавочную прибыль или ренту, входят теперь в образование средней прибыли. Фермер получает эту среднюю прибыль в размере 3 ф. ст. на 15 ф. ст., или в размере 20% за счет ренты.

Выравнивание индивидуальной средней цены производства *B* с общей ценой производства *A,* регулирующей рыночную цену, предполагает, что разность между индивидуальной ценой продукта первых затрат капитала и превышающей ее регулирующей ценой все более и более уравновешивается и в конце концов уничтожается разницей, на которую цена продукта последующих затрат капитала начинает превышать регулирующую цену. Таким образом то, что представляется добавочной прибылью, пока продукт первых затрат капитала продается отдельно. становится постепенно частью средней цены производства и тем самым входит в образование средней прибыли, пока, наконец, не будет совсем поглощено последней.

Если бы вместо 15 ф. ст. капитала, вложенного в землю *B,* на этой земле было затрачено всего 5 ф. ст., а показанные в последней таблице дополнительные $2^1/_2$ квартера были произведены таким образом, что $2^1/_2$ акра земли *A* были бы возделаны вновь при помощи капитала в $2^1/_2$ ф. ст. на акр, то затраченный дополнительный капитал составил бы всего $6^1/_4$ ф. ст., а вся затрата на землях *A* и *B,* сделанная для производства этих 6 квартеров, составила бы всего $11^1/_4$ ф. ст. вместо 15 ф. ст., и вся цена их производства, включая и прибыль, составила бы $13^1/_2$ фунта стерлингов. Эти 6 квартеров по-прежнему продавались бы за 18 ф. ст., но затрата капитала уменьшилась бы на $3^3/_4$ ф. ст., и рента с земли *B* составляла бы, как и прежде, $4^1/_2$ ф. ст. на акр. Иначе обстояло бы дело, если бы для производства дополнительных $2^1/_2$ квартера пришлось прибегнуть к худшей, чем *A,* земле, к A_1, A_2, так что цена производства квартера для $1^1/_2$ квартера на земле A_1 = 4 ф. ст., а для

последнего квартера на земле A_2 = 6 фунтам стерлингов. В таком случае 6 ф. ст. сделались бы регулирующей ценой производства квартера. Эти $3^1/_2$ квартера с земли *B* были бы проданы за 21 ф. ст. вместо $10^1/_2$ ф. ст., что дало бы ренту в 15 ф. ст. вместо $4^1/_2$ ф. ст., а хлебная рента составила бы $2^1/_2$ квартера вместо $1^1/_2$ квартера. Точно так же один квартер с земли *A* теперь дал бы ренту в 3 ф. ст. = $^1/_2$ квартера.

Прежде чем заняться дальнейшим исследованием этою вопроса, сделаем одно замечание.

Средняя цена квартера с земли *B* выравнивается, совпадает с общей ценой производства в 3 ф. ст. для квартера, регулируемой землей Л/как только часть всего капитала, производящая дополнительные $1^1/_2$ квартера, уравновесится той частью всего капитала, которая недопроизводит $1^1/_2$ квартера. Когда именно это будет достигнуто или сколько капитала с недостаточной производительной силой должно быть для этого затрачено на земле *B,* это зависит при данной добавочной производительности первых затрат капитала от относительно недостаточной производительности последующих затрат капитала, — недостаточной по сравнению с производительностью равновеликой затраты капитала на наихудшей регулирующей земле *A*, или от индивидуальной цены производства продукта этих последующих затрат, по сравнению с регулирующей ценой.

Из предыдущего прежде всего следует:

Во-первых. До тех пор, пока дополнительные капиталы затрачиваются на одной и той же земле с относительно более высокой производительностью, пусть даже убывающей, рента с акра как хлебная, так и денежная, абсолютно возрастает, хотя относительно, по сравнению с авансированным капиталом (следовательно, как норма добавочной прибыли или ренты), она уменьшается. Пределом здесь служит тот дополнительный капитал, который приносит лишь среднюю прибыль или для продукта которого индивидуальная цена производства совпадает с общей ценой производства. Цена производства при этих условиях остается без изменения, если только производство на худших землях не станет излишним вследствие увеличившегося предложения. Даже при уменьшающихся ценах эти дополнительные капиталы могут в известных пределах все еще производить добавочную прибыль, хотя и менее значительную.

Во-вторых. Затрата дополнительного капитала, который производит только среднюю прибыль и добавочная производительность которого, следовательно, = 0, ничего не изменяет

в высоте образовавшейся добавочной прибыли, а потому и ренты. Индивидуальная средняя цена производства квартера на лучших землях вследствие этого возрастает, избыток, получаемый с квартера, уменьшается, но количество квартеров, дающих такой уменьшенный избыток, увеличивается, так что общий результат не изменяется.

В-третьих. Дополнительные затраты капитала, которые дают продукт с индивидуальной ценой производства, превышающей регулирующую цену, следовательно, добавочная производительность которых не только = 0, но ниже нуля, с минусом, то есть ниже, чем производительность равной затраты капитала на регулирующей земле *A,* — такая дополнительная затрата все больше приближает индивидуальную среднюю цену всего продукта на лучших землях к общей цене производства, следовательно, все больше уменьшает между ними разницу, которая образует добавочную прибыль, соответственно ренту. Все большая и большая часть того, что раньше составляло добавочную прибыль или ренту, входит в образование средней прибыли. Тем не менее, весь капитал, затраченный на акр земли *B,* продолжает приносить добавочную прибыль, хотя она уменьшается вместе с увеличением массы капитала недостаточной производительности и с увеличением степени этой недостаточной производительности. При возрастающем капитале и увеличивающемся производстве рента, получаемая с акра, уменьшается здесь абсолютно, а не только относительно, по сравнению с возрастающим размером затраченного капитала, как во втором случае.

Исчезнуть рента может только в том случае, если индивидуальная средняя цена производства всего продукта на лучшей земле *B* совпадает с регулирующей ценой, следовательно, если вся добавочная прибыль первых, более производительных затрат капитала войдет в образование средней прибыли.

Крайним пределом уменьшения ренты с акра является тот пункт, когда она вовсе исчезает. Но этот предел наступает не сразу после того, как дополнительные затраты капитала начинают производить с недостаточной производительностью, а после того, как дополнительная затрата капитала с недостаточной производительностью приобретает такие размеры, что ее влияние уничтожает более высокую производительность первых затрат капитала, и производительность всего затраченного капитала становится равной производительности капитала, вложенного в землю *A*, а потому индивидуальная средняя цена квартера с земли *B* становится равной индивидуальной средней цене квартера с земли *A*.

Но и в этом случае регулирующая цена производства в 3 ф. ст. с квартера не изменилась бы, хотя рента и исчезла бы. Только за этим пределом цена производства должна была бы повыситься вследствие увеличения либо степени недостаточной производительности дополнительного капитала, либо величины самого этого дополнительного капитала при той же степени недостаточной производительности. Если бы, например, в вышеприведенной таблице на стр. 288 на той же земле производилось по 4 ф. ст. $2^1/_2$ квартера, а не $1^1/_2$ квартера, то мы имели бы в общем 7 квартеров, вся цена производства которых равнялась бы 22 фунтам стерлингов; квартер стоил бы $3^1/_7$ фунта стерлингов; то есть он стоил бы на $^1/_7$ ф. ст. дороже общей цены производства, и последняя должна была бы повыситься.

Таким образом, еще долгое время можно было бы затрачивать дополнительный капитал с недостаточной и даже все понижающейся производительностью, пока индивидуальная средняя цена квартера на лучших земельных участках не станет равна общей цене производства, пока не исчезнет совершенно избыток последней над первой, а вместе с тем и не исчезнут совершенно добавочная прибыль и рента.

Даже и в этом случае с исчезновением ренты с лучших земель индивидуальная средняя цена их продукта только совпала бы с общей ценой производства, следовательно, все еще не потребовалось бы повышения этой последней.

В вышеприведенном примере на лучшей земле *B,* находящейся, однако, на последнем месте в ряду лучших или приносящих ренту земель, $3^1/_2$ квартера производятся при помощи капитала в 5 ф. ст., обладающего добавочной производительностью, и $2^1/_2$ квартера производятся при помощи капитала в 10 ф. ст., обладающего недостаточной производительностью, в общей сложности получается 6 квартеров, следовательно, $^5/_{12}$ этого количества производится при помощи этих последних частей капитала, затраченных с недостаточной производительностью. И только в этом пункте индивидуальная средняя цена производства 6 квартеров повышается до 3 ф. ст. за квартер, следовательно, совпадает с общей ценой производства.

Но в условиях собственности на землю последние $2^1/_2$ квартера не могли бы быть произведены подобным образом по 3 ф. ст. за квартер, исключая тот случай, когда они могли бы быть произведены на новых $2^1/_2$ акра земли *A.* Случай, когда дополнительный капитал производит уже только по общей цене производства, явился бы пределом. При этом дополнительные затраты капитала на такой земле прекращаются.

В самом деле, раз арендатору пришлось после двух первых затрат капитала заплатить $4^1/_2$ ф. ст. ренты, то он должен ее продолжать уплачивать, и каждая затрата капитала, которая произвела бы квартер дороже 3 ф. ст., вызвала бы сокращение его прибыли. Это препятствует, при недостаточной производительности, выравниванию индивидуальной средней цены.

Возьмем этот случай в прежнем примере, когда цена производства на земле *А* в 3 ф. ст. за квартер регулирует цену для земли *В*.

Капитал ф. ст.	Прибыль ф. ст.	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Цена производства за кварт.	Продажная цена		Добавочная прибыль ф. ст.	Убыток ф. ст.
					за кварт. ф. ст.	итого ф. ст.		
$2^1/_2$	$^1/_2$	3	2	$1^1/_2$	3	6	3	—
$2^1/_2$	$^1/_2$	3	$1^1/_2$	2	3	$4^1/_2$	$1^1/_2$	—
5	1	6	$1^1/_2$	4	3	$4^1/_2$	—	$1^1/_2$
5	1	6	1	6	3	3	—	3
15	3	18	—	—	—	18	$4^1/_2$	$4^1/_2$

Цена производства $3^1/_2$ квартера при двух первых затратах капитала тоже составляет для арендатора 3 ф. ст. за квартер, так как ему приходится уплачивать ренту в $4^1/_2$ ф. ст., причем разница между его индивидуальной ценой производства и общей ценой производства попадает таким образом не в его карман. Следовательно, избыток цены продукта двух первых затрат капитала не может ему послужить возмещением дефицита в цене продуктов третьей и четвертой затрат капитала.

$1^1/_2$ квартера от затраты капитала 3) стоят фермеру, включая и прибыль, 6 фунтов стерлингов; но при регулирующей цене в 3 ф. ст. за квартер он может продать их лишь за $4^1/_2$ фунта стерлингов. Следовательно, он потерял бы не только всю прибыль, но сверх того $^1/_2$ ф. ст., или 10% затраченного капитала в 5 фунтов стерлингов. Его потеря в прибыли и капитале при затрате капитала 3) равнялась бы $1^1/_2$ ф. ст., а при затрате капитала 4) — 3 ф. ст., итого $4^1/_2$ ф. ст., ровно столько, сколько составляет рента от более производительных затрат капитала; индивидуальная цена производства, получающаяся при этих более производительных затратах, именно потому не может оказать выравнивающего влияния на индивидуальную среднюю цену производства всего продукта земли *В,* что избыток ее приходится выплатить в виде ренты третьему лицу.

Если бы для удовлетворения спроса пришлось произвести дополнительные $1^1/_2$ квартера при помощи третьей затраты капитала, то регулирующая рыночная цена должна была бы подняться до 4 ф. ст. за квартер. Вследствие такого вздорожания регулирующей рыночной цены рента на земле *В* для первой и второй затрат капитала повысилась бы, а земля *А* начала бы давать ренту.

Итак, хотя дифференциальная рента есть лишь формальное превращение добавочной прибыли в ренту и хотя собственность на землю дает здесь собственнику лишь возможность переместить добавочную прибыль из рук арендатора в свои, тем не менее оказывается, что последовательная затрата капитала на одну и ту же земельную площадь или, что сводится к тому же, увеличение капитала, затраченного на одной и той же земельной площади, при убывающей норме производительности капитала и неизменяющейся регулирующей цене, гораздо скорее достигает предела; следовательно, достигает в действительности более или менее искусственной границы как раз вследствие этого формального превращения добавочной прибыли в земельную ренту, являющегося следствием земельной собственности. Таким образом, повышение общей цены производства, которое становится здесь необходимым, когда границы для него уже, чем обычно, не только служит здесь причиной повышения дифференциальной ренты, но само существование дифференциальной ренты как таковой является в то же время причиной того, что общая цена производства раньше и быстрее повышается, чтобы таким образом обеспечить ставшее необходимым увеличенное предложение продукта.

Необходимо далее заметить следующее:

Дополнительная затрата капитала на земле *В* не могла бы повысить регулирующей цены до 4 ф. ст., как в приведенном выше примере, если бы земля *А* в результате второй затраты капитала доставляла добавочный продукт дешевле 4 ф. ст.. или если бы в конкуренции стала участвовать новая, худшая, чем *А,* земля, цена производства на которой хотя и выше 3, по ниже 4 фунтов стерлингов. Таким образом, мы видим, что дифференциальная рента I является базисом для дифференциальной ренты II, вместе с тем они служат пределом друг для друга, благодаря чему то производится последовательная затрата капитала на одном и том же земельном участке, то производится затрата капитала одна рядом с другой на новой дополнительной земле. Точно так же они ограничивают друг друга и в иных случаях, когда, например, очередь доходит до лучших земель.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ
ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА ТАКЖЕ И С НАИХУДШЕЙ ИЗ ВОЗДЕЛЫВАЕМЫХ ЗЕМЕЛЬ

Предположим, что спрос на хлеб повышается и что предложение может быть покрыто лишь посредством последовательных вложений капитала с недостаточной производительностью в земли, приносящие ренту, или посредством дополнительных вложений капитала, тоже с убывающей производительностью, в землю *A,* или посредством вложений капитала в новые земли худшего качества, чем земля *A*.

Возьмем землю *B* в качестве примера земель, приносящих ренту.

Дополнительная затрата капитала требует повышения рыночной цены выше 3 ф. ст. за квартер, которые до сих пор были регулирующей ценой производства, чтобы на земле *B* возможно было дополнительное производство 1 квартера (который может представлять здесь 1 миллион квартеров, как каждый акр — 1 миллион акров). На землях *C* и *D* и т. д., на землях с наивысшей рентой, тоже может быть получен дополнительный продукт, цо лишь при убывающей добавочной производительной силе; однако предполагается, что 1 квартер с земли *B* необходим для удовлетворения спроса. Если этот один квартер можно дешевле произвести посредством дополнительного капитала на земле *B,* чем посредством равной затраты дополнительного капитала на земле *A* или на земле еще более низкой категории — A_1, которая, например, может произвести квартер лишь за 4 ф. ст., между тем как дополнительный капитал на земле *A* мог бы произвести квартер уже за $3^3/_4$ ф. ст., то дополнительный капитал, затраченный на земле *B*, стал бы регулировать рыночную цену.

Земля *A* по-прежнему произвела 1 квартер за 3 фунта стерлингов. Земля *B* тоже, как и раньше, произвела в общей сложности $3^1/_2$ квартера, индивидуальная цена производства которых составляет в итоге 6 фунтов стерлингов. Теперь, если бы на земле *B* потребовалась прибавка в 4 ф. ст. к цене производства

(включая и прибыль), чтобы произвести один новый квартер, между тем как на земле *A* его можно произвести при такой прибавке в $3^3/_4$ ф. ст., то, само собой разумеется, он был бы произведен на земле *A,* а не на земле *B.* Но предположим, что он может быть произведен на земле *B* при прибавке в $3^1/_2$ ф. ст. к цене производства. В этом случае $3^1/_2$ ф. ст. сделались бы регулирующей ценой для всего производства. Тогда с земли *B* продавался бы продукт в $4^1/_2$ квартера за $15^3/_4$ фунта стерлингов. Из этой суммы на цену производства первых $3^1/_2$ квартера приходится 6 ф. ст. и на последний квартер — $3^1/_2$ ф. ст., итого $9^1/_2$ фунта стерлингов. Остается добавочная прибыль для ренты = $6^1/_4$ ф. ст., между тем как раньше она была равна всего $4^1/_2$ фунта стерлингов. В этом случае акр земли *A* тоже принес бы ренту в $^1/_2$ ф. ст., но цену производства в $3^1/_2$ ф. ст. стала бы регулировать не наихудшая земля *A,* а сравнительно лучшая земля *B.* При этом, конечно, предполагается, что новая земля категории *A,* будучи расположенной так же, как земля, возделывавшаяся до сих пор, недоступна и что пришлось бы сделать вторую затрату капитала на уже возделываемом участке *A,* но при большей цене производства, или пришлось бы обратиться к еще худшей земле A_1. Как только последовательные затраты капитала начнут давать дифференциальную ренту II, пределы повышающейся цены производства могут регулироваться лучшей землей, и худшая земля, базис дифференциальной ренты I, может тогда тоже приносить ренту. Таким образом, принимая во внимание только дифференциальную ренту, все возделываемые земли стали бы тогда приносить ренту. В таком случае мы имели бы две следующие таблицы, в которых под ценой производства подразумевается сумма авансированного капитала плюс 20% прибыли, следовательно, на каждые $2^1/_2$ ф. ст. капитала по $^1/_2$ ф. ст. прибыли, итого 3 фунта стерлингов.

Категория земли	Акры	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.
A	1	3	1	3	3	0	0
B …..............	1	6	$3^1/_2$	3	$10^1/_2$	$1^1/_2$	$4^1/_2$
C	1	6	$5^1/_2$	3	$16^1/_2$	$3^1/_2$	$10^1/_2$
D	1	6	$7^1/_2$	3	$22^1/_2$	$5^1/_2$	$16^1/_2$
Итого...……	4	21	$17^1/_2$	—	$52^1/_2$	$10^1/_2$	$31^1/_2$

Таково положение вещей до новой затраты капитала [соответствующей цене производства] в $3^1/_2$ ф. ст. на земле *B,* приносящей только 1 квартер. После этой затраты дело обстоит таким образом:

Категория земли	Акры	Цена производства ф. ст.	Продукт кварт.	Продажная цена ф. ст.	Продукт ф. ст.	Хлебная рента кварт.	Денежная рента ф. ст.
A	1	3	1	$3^1/_2$	$3^1/_2$	$^1/_7$	$^1/_2$
B …..............	1	$9^1/_2$	$4^1/_2$	$3^1/_2$	$15^3/_4$	$1^{11}/_{14}$	$6^1/_4$
C	1	6	$5^1/_2$	$3^1/_2$	$19^1/_4$	$3^{11}/_{14}$	$13^1/_4$
D	1	6	$7^1/_2$	$3^1/_2$	$26^1/_4$	$5^{11}/_{14}$	$20^1/_4$
Итого........	4	$24^1/_2$	$18^1/_2$	—	$64^3/_4$	$11^1/_2$	$40^1/_4$

{Это опять не совсем верно вычислено. Арендатору *B* производство этих $4^1/_2$ квартера обходится, во-первых, в $9^1/_2$ ф. ст. цены производства и, во-вторых, в $4^1/_2$ ф. ст. ренты, итого в 14 фунтов стерлингов; в среднем за квартер = $3^1/_9$ фунта стерлингов. Эта средняя цена для всего его производства становится, таким образом, регулирующей рыночной ценой. Поэтому рента на земле *A* составила бы $^1/_9$ ф. ст. вместо $^1/_2$ ф. ст., а рента на земле *B* осталась бы попрежнему $4^1/_2$ фунта стерлингов; $4^1/_2$ квартера по $3^1/_9$ ф. ст. = 14 фунтам стерлингов; если из этой суммы вычесть $9^1/_2$ ф. ст. всей цены производства, то добавочная прибыль составила бы $4^1/_2$ фунта стерлингов. Итак, несмотря на то, что цифры должны быть изменены, пример показывает, как при посредстве дифференциальной ренты II относительно лучшая земля, уже приносящая ренту, может сделаться регулирующей цену и благодаря этому *вся* земля, в том числе и не приносившая до того времени ренты, может превратиться в приносящую ренту. — *Ф. Э.*}

Хлебная рента должна повыситься, раз повышается регулирующая цена производства хлеба, то есть коль скоро повышается цена производства квартера хлеба на регулирующей земле, или регулирующая затрата капитала на одной из земель. Это все равно, как если бы все земли сделались менее плодородными и производили бы, например, на каждые $2^1/_2$ ф. ст. новых затрат капитала всего по $^5/_7$ квартера вместо 1 квартера. Весь тот избыток хлеба, который они производят при той же затрате капитала, превращается в добавочный продукт, в котором

представлена добавочная прибыль, а потому и рента. Если предположить, что норма прибыли остается прежняя, то фермер мог бы купить на свою прибыль меньшее количество хлеба. Норма прибыли может остаться прежняя, если заработная плата не повысится, — потому ли, что ее снизили до физического минимума, то есть ниже нормальной стоимости рабочей силы, или потому что сравнительно дешевле стали другие предметы потребления рабочих, доставляемые промышленностью, или потому что рабочий день удлинен или сделался интенсивнее и вследствие этого норма прибыли в неземледельческих отраслях производства, регулирующая, однако, земледельческую прибыль, осталась прежняя, если не повысилась; или же потому что в земледелии по сравнению с промышленностью затрачивается относительно больше постоянного капитала и меньше переменного.

Итак, мы рассмотрели первый путь возникновения ренты на земле *A,* — которая до сих пор была наихудшей, — без того, чтобы к возделыванию была привлечена еще более худшая земля; именно, возникновение ренты, благодаря разнице индивидуальной цены производства на этой земле, которая до сих пор была регулирующей, по сравнению с той новой, более высокой ценой производства, по которой последний дополнительный капитал, затраченный с недостаточной производительной силой на сравнительно лучшей земле, доставляет необходимый дополнительный продукт.

Если бы дополнительный продукт пришлось произвести на земле A_1, которая может доставить квартер лишь за 4 ф. ст., то рента с акра на земле Л повысилась бы до 1 фунта стерлингов. Но в этом случае земля A_1 передвинулась бы на место *A,* как наихудшая из возделываемых земель, а земля *A* вступила бы как низшее звено в ряд земель, приносящих ренту. Дифференциальная рента I изменилась бы. Таким образом, этот случай лежит за пределами рассматриваемой здесь дифференциальной ренты II, которая возникает из различной производительности последовательных затрат капитала на одном и том же участке земли.

Но, кроме этого, дифференциальная рента на земле *A* может возникнуть еще двояким образом.

В том случае, когда при неизменяющейся цене, — какова бы она ни была, хотя бы это была понизившаяся по сравнению с прежней цена, — дополнительная затрата капитала создает добавочную производительность, что prima facie* до известной

* — прежде всего. *Ред.*

границы всегда должно иметь место как раз на наихудшей земле.

Во-вторых, в том случае, когда производительность последовательных затрат капитала на земле *А,* напротив, понижается.

В обоих случаях предполагается, что увеличение производства диктуется состоянием спроса.

Но здесь с точки зрения дифференциальной ренты выступает особое затруднение в связи с ранее выведенным законом, согласно которому общую цену производства для всей продукции (или для всей затраты капитала) всегда определяет индивидуальная средняя цена производства одного квартера. Ведь для земли *А,* в противоположность лучшим землям, цена производства, которая ограничивает для новых затрат капитала выравнивание индивидуальной цены производства с общей ценой производства, дана не извне. Ибо как раз индивидуальная цена производства на земле *А* и есть та самая общая цена производства, которая регулирует рыночную цену.

Предположим:

1) *При повышающейся производительной силе последовательных затрат капитала* на 1 акре земли *А,* авансировав капитал в 5 ф. ст., что соответствует 6 ф. ст. цены производства, можно произвести 3 вместо 2 квартеров. Первая затрата капитала в $2^1/_2$ ф. ст. доставляет 1 квартер, вторая — 2 квартера. В этом случае 6 ф. ст. всей цены производства дают 3 квартера, следовательно, квартер будет стоить в среднем 2 фунта стерлингов; таким образом, если 3 квартера будут проданы по 2 ф. ст., то земля *А* по-прежнему не принесет ренты, но изменится лишь основа дифференциальной ренты II; регулирующей ценой производства стали 2 ф. ст. вместо 3 фунтов стерлингов; на наихудшей земле капитал в $2^1/_2$ ф. ст. производит теперь в среднем $1^1/_2$ вместо 1 квартера, и это теперь официальное плодородие для всех земель более высокого качества при затрате в $2^1/_2$ фунта стерлингов. С этого времени часть их прежнего добавочного продукта входит в образование их необходимого продукта, подобно тому как часть их прежней добавочной прибыли — в образование средней прибыли.

Если, напротив, произвести расчет таким же способом, как он сделан на лучших землях, где средний расчет ничего не изменяет в абсолютной величине добавочной части, потому что для них общая цена производства дана как граница затраты капитала, то квартер от первой затраты капитала стоит 3 ф. ст., а 2 квартера от второй затраты — всего по $1^1/_2$ фунта стерлингов. Таким образом, на земле *А* возникла бы хлебная рента в 1 квартер, или денежная рента в 3 ф. ст., но эти 3 квартера продавались

бы по старой цене — за 9 фунтов стерлингов. Если бы последовала третья затрата капитала в $2^1/_2$ ф. ст. с такой же продуктивностью, как вторая, то были бы произведены теперь в общей сложности 5 квартеров при 9 ф. ст. цены производства. Если бы индивидуальная средняя цена производства на земле *А* осталась регулирующей, то квартер пришлось бы теперь продавать по $1^4/_5$ фунта стерлингов. Средняя цена опять понизилась бы не вследствие нового повышения производительности третьей затраты капитала, а лишь вследствие присоединения новой затраты капитала с такой же дополнительной производительностью, как вторая. Вместо того чтобы повысить ренту, как это было бы на землях, приносящих ренту, последовательные затраты капитала относительно более высокой, но неизменяющейся производительности, сделанные на земле *А,* соответственно понизили бы цену производства, а вместе с тем при прочих равных условиях и дифференциальную ренту на всех других категориях земли. Напротив, если бы первая затрата капитала, которая производит 1 квартер за 3 ф. ст. цены производства, осталась регулирующей сама по себе, то 5 квартеров были бы проданы за 15 ф. ст., и дифференциальная рента от позднейших затрат капитала на земле *А* составила бы 6 фунтов стерлингов. Присоединение дополнительного капитала к акру земли *А,* в какой бы форме ни совершилось оно, было бы в этом случае улучшением, и дополнительный капитал сделал бы более производительной и первоначальную часть капитала. Было бы бессмыслицей утверждать, что $^1/_3$ капитала произвела 1 квартер, а остальные $^2/_3$ произвели 4 квартера. 9 ф. ст. на акр все же производили бы 5 квартеров, между тем как 3 ф. ст. производят только 1 квартер. Возникла бы здесь рента, добавочная прибыль, или нет, — это всецело зависело бы от конкретных обстоятельств. Нормально регулирующая цена производства должна была бы понизиться. Так будет при том условии, если это улучшенное, а потому связанное с увеличенными издержками возделывание имеет место на земле *А* лишь потому, что оно имеет место и на сравнительно лучших землях, то есть если произойдет общая революция в земледелии; и если теперь идет речь о естественном плодородии земли *А,* то уже подразумевается, что на нее затрачено 6 или 9 ф. ст. вместо 3 фунтов стерлингов. Это в особенности бывает, когда обработке по новому методу подвергается большая часть земли *А,* доставляющая в данной стране основную массу продуктов. Но если бы улучшение охватило сначала лишь небольшую долю площади *А,* то эта лучше возделываемая часть стала бы доставлять добавочную прибыль, которую землевладелец, не теряя времени,

постарался бы превратить целиком или отчасти в ренту и фиксировать как ренту. Таким образом, если бы спрос повышался вместе с предложением, то постепенно, по мере того, как земля *A* на всей своей площади подвергается новому методу обработки, могла бы образоваться рента на всей земле *A,* и результаты добавочной производительности, целиком или отчасти, смотря по условиям рынка, оказались бы конфискованными. Следовательно, выравнивание цены производства на земле *A* по средней цене продукта, получаемого с земли *A* при увеличении затрат капитала, могло бы задерживаться фиксированием в форме ренты той добавочной прибыли, которая получается от этой увеличенной затраты капитала. В этом случае опять, как мы это видели раньше на лучших землях при убывающей производительной силе дополнительных капиталов, превращение добавочной прибыли в земельную ренту, то есть вмешательство земельной собственности, повысило бы цену производства, так что дифференциальная рента не была бы просто следствием различий между индивидуальной и общей ценами производства. Это воспрепятствовало бы совпадению обеих цен для земли *A*, потому что воспрепятствовало бы регулированию цены производства средней ценой производства на земле *A;* следовательно, оно удержало бы цену производства на более высоком уровне, чем это необходимо, и таким образом создало бы ренту. Такой результат мог бы сложиться или удержаться даже при свободном ввозе хлеба из-за границы, потому что той земле, которая, не принося ренты, могла бы выдержать конкуренцию в возделывании хлеба и в том случае, если цена производства определяется извне, фермеры теперь были бы вынуждены дать другое назначение, например отвести ее под выпас скота, и таким образом возделыванием хлеба были бы заняты лишь земли, приносящие ренту, то есть лишь земли, на которых индивидуальная средняя цена производства за квартер стоит ниже цены производства, определяемой извне. В общем можно принять, что в данном случае цена производства понизится, однако не до уровня средней цены, и будет стоять выше его, но ниже цены производства на хуже возделываемой земле *A*, так что конкуренции новой земли *A* ставится предел.

2) *При убывающей производительной силе дополнительных капиталов*.

Предположим, что земля A_1 могла бы произвести дополнительный квартер лишь за 4 ф. ст., а земля A — за $3^3/_4$, то есть дешевле, чем A_1, но на $^3/_4$ ф. ст. дороже, чем квартер, произведенный первой затратой капитала на земле A. В этом случае совокупная цена двух произведенных на земле A квартеров

была бы = $6^3/_4$ фунта стерлингов; следовательно, средняя цена за квартер = $3^3/_8$ фунта стерлингов. Цена производства повысилась бы, но всего на $^3/_8$ ф. ст., между тем как если бы дополнительный капитал был затрачен на новой земле, которая производит квартер за $3^3/_4$ ф. ст., она повысилась бы еще на $^3/_8$ ф. ст., до $3^3/_4$ ф. ст., и этим было бы вызвано соответствующее повышение всех остальных дифференциальных рент.

Цена производства в $3^3/_8$ ф. ст. за квартер на земле *A* таким образом выравнялась бы по средней цене производства на той же земле при увеличившейся затрате капитала и стала бы регулирующей; следовательно, здесь не получилось бы ренты, потому что не было бы добавочной прибыли.

Но если бы этот квартер, произведенный второй затратой капитала, был продан за $3^3/_4$ ф. ст., то земля *A* дала бы теперь ренту в $^3/_4$ ф. ст., и притом на все акры земли *A,* на которых не было бы сделано дополнительной затраты капитала и которые, следовательно, по-прежнему производят квартер за 3 фунта стерлингов. Пока существуют еще невозделанные участки земли *A,* цена могла бы лишь временно повыситься до $3^3/_4$ фунта стерлингов. Конкуренция новых участков земли *A* удерживала бы цену производства на 3 ф. ст., пока не была бы исчерпана вся та земля *A,* благоприятное положение которой позволяет производить квартер дешевле, чем за $3^3/_4$ фунта стерлингов. Следовательно, приходится делать это допущение, хотя когда один акр земли приносит ренту, собственник земли не уступит фермеру другого акра без ренты.

Опять-таки от большего или меньшего распространения второй затраты капитала на имеющейся земле *A* зависит, выравнивается ли цена производства по средней цене или же регулирующей будет индивидуальная цена производства при второй затрате капитала в $3^3/_4$ фунта стерлингов. Регулирующей ценой становится $3^3/_4$ ф. ст. только в том случае, если землевладелец успеет, пока не будет удовлетворен спрос, фиксировать в качестве ренты ту добавочную прибыль, которая получалась бы при цене в $3^3/_4$ ф. ст. за квартер.

О понижающейся производительности почвы при последовательных приложениях капитала смотри у Либиха[67]. Мы видели, что последовательное уменьшение добавочной производительной силы затрат капитала постоянно увеличивает ренту с акра, при неизменяющейся цене производства; и что оно может привести к этому даже при понижающейся цене производства.

Но вообще должно заметить следующее.

С точки зрения капиталистического способа производства всегда имеет место относительное удорожание продуктов, если для получения того же продукта делается затрата, если должно оплачиваться нечто такое, что прежде не оплачивалось. Ибо под возмещением капитала, потребленного в производстве, следует понимать только возмещение стоимостей, которые представлены в определенных средствах производства. Элементы природы, входящие в производство как агенты его, ничего не стоят, — эти элементы, какую бы роль ни играли они в производстве, входят в пего не как составные части капитала, а как даровая естественная сила капитала, то есть как даровая естественная производительная сила труда, которая на базисе капиталистического способа производства выступает, однако, подобно вообще всякой производительной силе, как производительная сила капитала. Следовательно, если в производстве принимает участие такая естественная сила, которая первоначально ничего не стоит, то она не входит в расчет при определении цены, пока продукт, изготовляемый при ее помощи, достаточен для удовлетворения потребности. Но если со временем потребуется больше продукта, чем можно изготовить с помощью этой естественной силы, то есть если придется производить дополнительный продукт без помощи этой естественной силы, или при содействии человека, человеческого труда, то в капитал войдет новый дополнительный элемент. Следовательно, для получения прежнего продукта будет сделана относительно большая затрата капитала. При прочих равных условиях произойдет вздорожание производства.

(Из тетради с пометкой «Начато в середине февраля 1876 года». *[Ф. Э.]*)

Дифференциальная рента и рента как всего лишь процент на вложенный в землю капитал.

Так называемые мелиоративные работы продолжительного действия, — которые изменяют физические, отчасти и химические свойства почвы посредством операций, стоящих затраты капитала, и которые могут рассматриваться как вложение капитала в землю, — почти все сводятся к тому, чтобы определенному участку земли, почве в определенном ограниченном месте придать такие свойства, которыми другая почва, в другом месте, зачастую совсем близко, обладает от природы. Поверхность одного массива земли является ровной от природы, поверхность другого — приходится выравнивать; один обладает

естественными стоками для воды, другой требует искусственного дренажа; один от природы обладает глубоким пахотным горизонтом, на другом его необходимо углубить искусственно; одна глинистая почва от природы смешана с надлежащим количеством песка, у другой еще необходимо искусственно создать надлежащее отношение; один луг орошается от природы или покрывается илом, на другом этого приходится достигать с помощью труда, или, говоря языком буржуазной политической экономии, с помощью капитала.

Поистине забавна теория, согласно которой в этом случае на одной земле, относительные преимущества которой искусственно созданы, рента есть процент, а на другой земле, которая обладает этими преимуществами от природы, не есть процент*. (На деле же вопрос извращается таким образом, что раз в одном случае рента действительно совпадает с процентом, ее и в других случаях, когда фактически этого нет, надо называть процентом, ложно изображать в виде процента.) Но после того как произведена затрата капитала, земля приносит ренту не потому, что в нее вложен капитал, а потому, что затрата капитала превратила землю в более производительную сферу вложений, чем до этого. Предположим, что вся земля известной страны требует такой затраты капитала; в таком случае каждому участку земли, на котором она еще не была сделана, предстоит пройти эту стадию, и рента (процент, который участок в данном случае приносит), которую дает земля, уже поглотившая такую затрату капитала, точно так же является дифференциальной рентой, как если бы эта земля от природы обладала этим преимуществом, а остальной земле приходилось бы приобретать его лишь искусственным способом.

И эта сводимая к проценту рента становится чистой дифференциальной рентой, как только затраченный капитал будет амортизирован. Иначе оказалось бы, что один и тот же капитал как капитал существует вдвойне.

Одно из самых забавных явлений заключается в том, что все противники Рикардо, оспаривающие определение стоимости исключительно трудом, выдвигают против объяснения дифференциальной ренты различием между землями то обстоятельство, что здесь стоимость определяется природой, а не трудом; и в то же время приписывают это определение местоположению или — и в еще большей мере — даже проценту на капитал, вложенный

* См. настоящий том, часть II, стр. 171. *Ред.*

в землю при ее обработке. Один и тот же труд придает одинаковую стоимость продукту, изготовленному в течение данного времени; но объем или количество этого продукта, а следовательно, и та часть стоимости, которая приходится на соответственную часть этого продукта, зависит при данном количестве труда единственно от количества продукта, а последнее, в свою очередь, от производительности данного количества труда, а не от абсолютной величины этого количества. Обязана ли эта производительность своим происхождением природе или обществу, совершенно безразлично. Только в том случае, когда она сама стоит труда, следовательно, капитала, она в той или иной мере увеличивает цену производства, тогда как природа этого не делает.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ
АБСОЛЮТНАЯ ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕНТА

При анализе дифференциальной ренты мы исходили из предположения, что наихудшая земля не приносит земельной ренты или, выражаясь в более общей форме, что земельную ренту приносит только такая земля, на которой индивидуальная цена производства ниже цены производства, регулирующей рынок, благодаря чему возникает добавочная прибыль, которая превращается в ренту. Необходимо прежде всего заметить, что закон дифференциальной ренты, как дифференциальной ренты, совершенно не зависит от правильности или неправильности этого предположения.

Если общую, регулирующую рынок цену производства мы обозначим буквой *P*, то *P* для продукта наихудшей земли *A* совпадает с индивидуальной ценой производства на этой земле; то есть цена оплачивает потребленный в производстве постоянный и переменный капитал плюс средняя прибыль (= предпринимательскому доходу плюс процент).

Рента в этом случае равна нулю. Индивидуальная цена производства на ближайшей по качеству земле категории $B = P'$, и $P>P'$; то есть *P* оплачивает более чем действительную цену производства продукта земли категории *B*. Пусть теперь $P—P' = d$; поэтому *d*, избыток *P* над *P'*, есть та добавочная прибыль, которую извлекает арендатор земли категории *B*. Это *d* превращается в ренту, которую приходится уплачивать собственнику земли. Пусть для земли третьей категории *C* действительной ценой производства будет *P''*, и пусть $P — P'' = 2d$; следовательно, эти $2d$ превращаются в ренту; точно так же для земли четвертой категории *D* индивидуальная цена производства пусть будет *P'''*, а $P — P''' = 3d$, которые превращаются в земельную ренту, и т. д. Будем считать теперь ошибочным предположение, что для земли категории *A* рента = 0, а потому цена ее продукта = *P* + 0. Пусть, напротив, и она

дает ренту = *r*. В этом случае мы имели бы результат двоякого рода.

Во-первых: цена продукта земли категории *A* не регулировалась бы ценой производства на этой земле, а содержала бы некоторый избыток над этой ценой, была бы равна $P + r$. Ибо раз предполагается нормальный ход капиталистического производства, то есть раз предполагается, что избыток *r,* уплачиваемый фермером земельному собственнику, не представляет вычета ни из заработной платы, ни из средней прибыли на капитал, то фермер может выплачивать его лишь благодаря тому, что его продукт продается дороже цены производства, что он, следовательно, дал бы ему добавочную прибыль, если бы не приходилось отдавать этот избыток в форме ренты земельному собственнику. В таком случае регулирующая рыночная цена всего находящегося на рынке продукта всех категории земли была бы не той ценой производства, которую дает капитал вообще во всех сферах производства, то есть не ценой, равной издержкам плюс средняя прибыль, но была бы ценой производства плюс рента, $P + r$, а не *P*. Ибо цена продукта земли категории *A* выражает вообще предел регулирующей общей рыночной цены, той цены, по которой может быть доставлен совокупный продукт, и постольку она регулирует цену этого совокупного продукта.

Однако, *во-вторых,* хотя общая цена продукта земли подверглась бы в этом случае существенной модификации, этим отнюдь не был бы снят закон дифференциальной ренты. Ибо, если цена продукта земли *A,* а тем самым и общая рыночная цена $= P + r$, то цена продукта земель *B, C, D* и т. д. тоже была бы $= P + r$. Но так как для земли *B* $P — P' = d$, то $(P + r) — (P' + r)$ тоже было бы $=d$, а для земли *C,* в свою очередь, $P — P'' = (P + r) — (P'' + r)$ было бы $=2d$, как, наконец, для земли *D,* $P — P''' = (P + r) — (P''' + r) = 3d$ и т. д. Итак, дифференциальная рента осталась бы прежняя и регулировалась бы все тем же законом, хотя рента заключала бы теперь в себе элемент, независимый от этого закона, и одновременно с ценой продукта земли подверглась бы общему повышению. Отсюда следует, что как бы ни обстояло дело с рентой наименее плодородных категорий земли, от этого не только не зависит закон дифференциальной ренты, но единственный способ понять самоё природу дифференциальной ренты заключается в том, чтобы ренты земли категории Л приравнять нулю. Действительно ли она = 0 или > 0, безразлично, поскольку речь идет о дифференциальной ренте и на деле не принимается в расчет.

Итак, закон дифференциальной ренты не зависит от результата дальнейшего исследования.

Теперь, если спросить далее, на чем основывается предположение, что продукт земли наихудшей категории *A* не дает ренты, то ответ необходимо будет таков: Если рыночная цена продукта земли, скажем хлеба, достигает такого уровня, что дополнительно авансированный капитал, вложенный в землю *A,* оплачивает обычную цену производства, то есть дает на капитал обычную среднюю прибыль, то этого условия достаточно для того, чтобы в землю *A* вкладывался дополнительный капитал. То есть для капиталиста достаточно этого условия, чтобы использовать нормальным способом новый капитал, получать обычную прибыль.

Здесь следует заметить, что ц в этом случае рыночная цена должна стоять выше, чем цена производства на земле *A*. Ибо как только возникнет дополнительное предложение, то изменится явно и соотношение спроса и предложения. Прежде предложение было недостаточно, теперь оно достаточно. Следовательно, цена должна понизиться. Но чтобы она могла понизиться, для этого требуется, чтобы она раньше стояла на Солее высоком уровне, чем цена производства на земле *A*. Но более низкое плодородие вновь обрабатываемой земли *A* приводит к тому, что цена не упадет снова до такого низкого уровня, как в то время, когда рынок регулировала цена производства продукта земли категории *B*. Цена производства на земле *A* образует границу не для временного, а для относительно постоянного повышения рыночной цены. — Напротив, если вновь возделываемая земля плодороднее, чем земля *A,* которая была до того времени регулирующей, и, однако, ее достаточно лишь для покрытия дополнительного спроса, то рыночная цена остается без изменений. Исследование вопроса, приносит ли ренту низшая категория земли, и в этом случае совпадает с тем, которым мы заняты теперь: и здесь предположение, что земля *A* не приносит ренты, объяснялось бы достаточностью рыночной цены как раз только для того, чтобы капиталистический фермер мог покрыть ею примененный капитал плюс средняя прибыль; короче говоря, такое предположение объяснялось бы тем, что рыночная цена дает ему цену производства его товара.

Во всяком случае капиталистический фермер, поскольку он должен действовать как капиталист, может при этих условиях возделывать землю *A*. Итак, условие для нормального использования капитала на земле *A* налицо. Но из той предпосылки, что капитал мог бы быть вложен фермером в землю *A*

в соответствии со средними условиями увеличения стоимости капитала, хотя он не мог бы платить ренту, отнюдь не следует вывод, что эта относящаяся к категории *A* земля будет немедленно предоставлена в распоряжение арендатора. То обстоятельство, что арендатор использует свой капитал с обычной прибылью, если ему не придется платить ренту, для земельного собственника вовсе не основание даром предоставлять свою землю арендатору и быть настолько филантропом по отношению к этому своему партнеру, чтобы предоставлять ему crédit gratuit*. Подобное предположение означает абстрагирование от земельной собственности, уничтожение земельной собственности, существование которой как раз и образует границу для затраты капитала и для свободного применения его к земле, — границу, которая отнюдь не рушится от одного простого соображения арендатора, что, если бы ему не пришлось уплачивать ренту, то есть если бы он мог на практике считать земельную собственность несуществующей, уровень хлебных цен позволил бы ему извлечь из своего капитала посредством эксплуатации земли *A* обычную прибыль. Но монополия земельной собственности, земельная собственность как граница для капитала, предполагается уже дифференциальной рентой, так как без этого добавочная прибыль не превратилась бы в земельную ренту и не досталась бы земельному собственнику вместо арендатора. И земельная собственность как граница продолжает существовать и там, где рента как дифференциальная рента не существует, то есть на земле *A*. Если мы рассмотрим случаи, когда в стране капиталистического производства капитал может вкладываться в землю без платежа ренты, то мы найдем, что все они предполагают, если не юридическое, то фактическое уничтожение земельной собственности, уничтожение, которое, однако, может произойти лишь при совершенно определенных и случайных по своему характеру обстоятельствах.

Во-первых, когда сам земельный собственник — капиталист, или сам капиталист — земельный собственник. Если рыночная цена поднялась достаточно для того, чтобы на той земле, которая является теперь землей *A,* можно было извлечь цену производства, то есть возместить капитал плюс среднюю прибыль, то он может в этом случае *сам вести хозяйство* на своем участке земли. Но почему? Потому что по отношению к нему земельная собственность не создает какой-либо границы для приложения его капитала. Он может распоряжаться землей просто как элементом природы и потому может руководствоваться

* — даровой кредит. *Ред.*

исключительно соображениями об использовании своего капитала, капиталистическими соображениями. Такие случаи встречаются на практике, но только как исключения. Так же, как капиталистическое возделывание земли предполагает разделение функционирующего капитала и земельной собственности, совершенно так же оно исключает, как правило, ведение хозяйства самим земельным собственником. Последний сам ведет хозяйство лишь в редких случаях. Если увеличившийся спрос на хлеб требует возделывания большего количества земли *A,* чем ее имеется у собственников, которые сами ведут хозяйство, то есть если часть земли *A* должна быть заарендована для того, чтобы она вообще могла обрабатываться, тогда тотчас же отпадает гипотетическое отсутствие* той границы, которую земельная собственность создает для приложения капитала. Получается абсурдное противоречие, когда исходят из соответствующего капиталистическому способу производства обособления капитала и земли, арендатора и земельного собственника, а потом, наоборот, предполагают, что, как правило, земельные собственники сами ведут хозяйство всюду там, где капитал, при отсутствии независимой от него и противостоящей ему земельной собственности, не извлекал бы из обработки земли никакой ренты. (См. у А. Смита место о ренте с рудников, цитированное значительно ниже**.) Это уничтожение земельной собственности имеет случайный характер. Оно может произойти и не произойти.

Во-вторых: среди арендуемых земель могут быть такие отдельные участки земли, которые при данном уровне рыночных цен не приносят ренты, следовательно, фактически сдаются даром, но которые земельный собственник не считает такими, потому что для него существует общая сумма ренты с земли, сдаваемой в аренду, а не особые ренты составляющих ее отдельных участков. В этом случае для фермера, поскольку принимаются во внимание те арендуемые участки земли, которые не приносят ренты, земельная собственность как граница приложения капитала отпадает и притом отпадает в силу самого договора с земельным собственником. Но он не платит ренты за эти участки только потому, что он платит ренту за землю, к которой они составляют придаток. В этом случае предполагается как раз такая комбинация, когда приходится прибегать к земле худшей категории *A* не как к самостоятельному, новому полю производства, с целью ликвидировать недостаток

* В оригинале сказано: «представление»; исправлено на основе рукописи Маркса. *Ред.*
** См. настоящий том, часть II, стр. 336. *Ред.*

предложения, а как такому, которое вклинивается в лучшую землю. Подлежащий исследованию случай как раз тот, когда приходится самостоятельно вести хозяйство на участках земли *A*, следовательно, когда они при наличии общих предпосылок капиталистического способа производства самостоятельно сдаются в аренду.

В-третьих: арендатор может затратить дополнительный капитал на свою прежнюю аренду, хотя при существующих рыночных ценах получаемый таким образом дополнительный продукт доставляет ему лишь цену производства, приносит обычную прибыль, но не дает возможности платить дополнительную ренту. Таким образом, с одной части капитала, вложенного в землю, он уплачивает земельную ренту, с другой — нет. Но насколько мало это предположение разрешает проблему, видно из следующего: если рыночная цена (а также плодородие земли) дает ему возможность получать на дополнительный капитал добавочный продукт, который, подобно старому капиталу, приносит ему кроме цены производства известную добавочную прибыль, то до истечения срока договора об аренде он берет эту добавочную прибыль себе. Но почему? Потому что пока продолжается срок арендного договора, отпадает образуемая земельной собственностью граница для приложения его капитала к земле. Однако то простое обстоятельство, что для обеспечения ему этой добавочной прибыли необходимо, чтобы дополнительная земля худшего качества самостоятельно подверглась возделыванию и была самостоятельно сдана в аренду, неопровержимо доказывает, что затраты дополнительного капитала на старой земле недостаточны для обеспечения требующегося повышенного предложения. Одно предположение исключает другое. Правда, теперь можно было бы сказать: сама рента с наихудшей земли *A* есть дифференциальная рента по сравнению либо с землей, которая возделывается самим собственником (однако это бывает лишь как случайное исключение), либо с дополнительной затратой капитала на тех старых арендных участках, которые не приносят ренты. Но это, во-первых, была бы такая дифференциальная рента, которая возникала бы не из различия плодородия различных земель и которая поэтому *не* предполагала бы, что земля *A* не приносит ренты и что продукт ее продается по цене производства. А, во-вторых, приносят ли или не приносят ренту дополнительные затраты капитала на том же арендуемом участке, так же совершенно безразлично для того обстоятельства, что вновь возделываемая земля категории *A* приносит или не приносит ренту, как, например, для учреждения нового самостоятельного промышленного

предприятия безразлично, вкладывает ли другой фабрикант той же отрасли производства в процентные бумаги часть своего капитала, которую он не может целиком использовать в своем предприятии, или же он предпринимает некоторое расширение своего предприятия, хотя это расширение не приносит ему полной прибыли, но все же дает больше, чем процент. Это для него дело второстепенное. Напротив, дополнительные новые предприятия должны приносить среднюю прибыль и учреждаются в надежде на среднюю прибыль. Конечно, дополнительные затраты капитала на старых арендах и дополнительное возделывание новой земли категории *A* образуют границы. Предел, до которого на старой аренде может затрачиваться дополнительный капитал при менее благоприятных условиях производства, определяется конкурирующими новыми затратами на земле *A; с* другой стороны, рента, которую может приносить земля этой категории, ограничивается конкурирующими дополнительными затратами капитала на старых арендах.

Однако все эти фальшивые увертки не разрешают проблемы, которая в простой постановке такова: предположим, что рыночная цена хлеба (который в этом исследовании представляет для нас продукт земли вообще) достаточна для того, чтобы возделывалась частично и земля *A* и чтобы капитал, затраченный на эти новые поля, выручил цену производства продукта, то есть возмещение капитала плюс средняя прибыль. Итак, предположим, что в наличности имеются условия для нормального применения капитала на земле категории *A*. Достаточно ли этого? Действительно ли можно в таком случае затратить этот капитал? Или же рыночная цена должна повыситься настолько, чтобы ренту приносила и наихудшая земля *A*? То есть налагает ли монополия земельного собственника такую границу затрате капитала, которой не было бы с чисто капиталистической точки зрения, если бы не существовало этой монополии? Уже из условий поставленного вопроса вытекает, что если, например, на старых арендах существуют дополнительные капиталовложения, которые при данной рыночной цене не приносят никакой ренты, а дают лишь среднюю прибыль, это обстоятельство нисколько не решает вопроса, может ли действительно быть вложен капитал в землю *A,* которая также приносила бы среднюю прибыль, но не давала бы ренты. Но в этом как раз и заключается вопрос. Что дополнительные затраты капитала, не приносящие ренты, не удовлетворяют спроса, это доказывается необходимостью привлечения для обработки новой земли *A*. Если дополнительное возделывание земли *A* имеет

место лишь постольку, поскольку она приносит ренту, следовательно, избыток над ценой производства, тогда возможны только два случая. Или рыночная цена должна стоять на таком уровне, чтобы даже последние дополнительные затраты капитала на старых арендах приносили добавочную прибыль, все равно будет ли последняя присвоена арендатором или земельным собственником. Это повышение цены и эта добавочная прибыль от последней дополнительной затраты капитала были бы следствием того, что земля *A* не может быть возделана, если она не даст ренты. Ибо если бы для возделывания было достаточно только цены производства, одной только средней прибыли, то цена не повысилась бы до такой степени и конкуренция новых участков земли уже началась бы, как только они стали бы приносить одни эти цены производства. В таком случае с дополнительными затратами капитала на старых арендах, не приносящими ренты, стали бы конкурировать затраты капитала на земле *A,* которые тоже не приносят ренты. — Или же последние затраты капитала на старых арендах не приносят ренты, но тем не менее рыночная цена поднялась достаточно высоко для того, чтобы земля *A* начала возделываться и приносить ренту. В этом случае дополнительная затрата капитала, не приносящая ренты, возможна лишь потому, что земля А не может возделываться, пока рыночная цена не позволит ей приносить ренту. Без последнего условия обработка ее началась бы уже при более низком уровне цены, и те позднейшие затраты капитала на старых арендуемых участках, которые, для того чтобы приносить обычную прибыль без ренты, требуют высокой рыночной цены, не могли бы иметь места. Ведь и при высокой рыночной цене они приносят лишь среднюю прибыль. Следовательно, при более низкой цене, которая при обработке земли *A* стала бы регулировать цену производства на ней, они не приносили бы этой прибыли, следовательно, при этом предположении вообще не могли бы быть произведены. Конечно, рента с земли *A* образовала бы таким образом дифференциальную ренту, по сравнению с этими затратами капитала на старых арендуемых участках, которые не приносят ренты. Но если участки земли *A* создают такую дифференциальную ренту, это лишь следствие того, что они вообще недоступны для возделывания, если только не станут приносить ренту, то есть следствие того, что возникает необходимость этой ренты, которая сама по себе не обусловливается различиями земель и которая создает границу для возможного приложения дополнительных капиталов на старых арендах. В обоих случаях рента с земли *A* была бы не простым следствием повышения цены хлеба,

а наоборот: то обстоятельство, что наихудшая земля должна приносить ренту для того, чтобы ее вообще возделывали, было бы причиной повышения цены хлеба до такого пункта, когда представилась бы возможность осуществить это условие.

Дифференциальная рента имеет ту особенность, что земельная собственность здесь лишь просто улавливает ту добавочную прибыль, которую иначе захватил бы и, при известных обстоятельствах, пока не истечет срок его арендного договора, действительно захватывает арендатор. Земельная собственность является здесь лишь причиной перенесения возникшей без содействия этой собственности (а скорее вследствие того, что цена производства, регулирующая рыночную цену, определяется конкуренцией) известной части цены товара, которая сводится к добавочной прибыли, — причиной перенесения этой части цены от одною лица к другому, от капиталиста к земельному собственнику. Но земельная собственность здесь не причина, которой *создается* эта составная часть цены или то повышение цены, которое является предпосылкой этой части цены. Напротив, если наихудшая земля категории *A* не может возделываться, — хотя возделывание ее принесло бы цену производства, — пока она не приносит известного избытка над этой ценой производства, известной ренты, то земельная собственность является причиной, создающей *это* повышение цены. *Собственность на землю сама создала ренту.* Дело нисколько не изменяется от того, что, как во втором разобранном случае, рента, уплачиваемая теперь с земли *A,* образует дифференциальную ренту, по сравнению с теми последними дополнительными затратами капитала на старых арендах, которые выручают лишь цену производства. Ибо только то обстоятельство, что земля *A* не может быть возделана, пока регулирующая рыночная цена не поднимется настолько высоко, что земля *A* будет в состоянии приносить ренту, — только это обстоятельство и является здесь причиной повышения рыночной цены до пункта, на котором последние затраты капитала на старых арендах выручают, правда, лишь свою цену производства, но такую цену производства, которая в то же время приносит ренту для земли *A.* То обстоятельство, что с последней вообще должна уплачиваться рента, является здесь причиной образования дифференциальной ренты между землей *A* и последними затратами капитала на прежних арендах.

Если мы вообще говорим, что, — предполагая регулирование цены хлеба ценой производства, — земля категории *A* не приносит ренты, то мы имеем в виду ренту в том значении этого слова, которое выражает сущность категории. Если

фермер уплачивает арендную плату, составляющую вычет то ли из нормальной заработной платы его рабочих, то ли из его собственной нормальной средней прибыли, то он не уплачивает никакой ренты, никакой самостоятельной составной части цены товара, отличной от заработной платы и прибыли. Уже раньше мы отмечали, что на практике это встречается постоянно. Если заработная плата сельскохозяйственных рабочих в данной стране вообще ниже в сравнении с нормальным средним уровнем заработной платы и потому вычет из заработной платы, определенная часть заработной платы входит, как общее правило, в состав ренты, то в этом отношении не будет исключением и арендатор наихудшей земли. В той самой цене производства, которая допускает возделывание наихудшей земли, эта низкая заработная плата уже является одной из составных статей, и потому продажа продукта по цене производства не дает возможности арендатору этой земли уплачивать ренту. Земельный собственник может также сдать свою землю в аренду какому-нибудь рабочему, который готов будет все или большую часть того, что доставляет ему продажная цена сверх заработной платы, уплатить в форме ренты. Однако во всех этих случаях отнюдь не уплачивается действительная рента, хотя уплачивается арендная плата. Но при существовании отношении, соответствующих капиталистическому способу производства, рента и арендная плата должны совпадать. А здесь мы и должны исследовать как раз это нормальное отношение.

Если даже рассмотренные выше случаи, когда в пределах капиталистического способа производства могут действительно иметь место капиталовложения в земли, не приносящие ренты,— если даже эти случаи ничего не дают для решения нашей проблемы, то еще меньше даст ссылка на колониальные отношения. Что делает колонию колонией, — мы говорим здесь лишь о собственно земледельческих колониях, — так это не только масса девственных плодородных земель. Колониями делает их скорее то обстоятельство, что эти земли не присвоены, не подчинены земельной собственности. Вот этим-то и определяется такое колоссальное различие между старыми землями и колониями, поскольку речь идет о земле: а именно, юридическим или фактическим отсутствием земельной собственности, как справедливо отметил Уэйкфилд[35)], и уже задолго до него открыли Мирабо-отец, физиократ, и другие старые экономисты. При этом совершенно безразлично, присваивают ли колонисты

[35)] *Wakefield,* «England and America». London, 1833. Ср. также «Капитал», кн. I, гл. XXV.

землю просто или же они под видом номинальной цены земли в действительности уплачивают государству всего лишь пошлину за приобретение юридического титула на землю. Безразлично также и то обстоятельство, что уже поселившиеся колонисты являются юридическими собственниками земля. Земельная собственность фактически не представляет здесь границы для приложения капитала, а также труда без капитала; захват части земли уже осевшими колонистами не исключает для новых пришельцев возможности превратить новую землю в сферу приложения их капитала или их труда. Поэтому, когда приходится исследовать, каким образом земельная собственность влияет на цены продуктов земли и на ренту в тех случаях, когда эта собственность ограничивает землю как сферу для приложения капитала, было бы в высшей степени нелепо ссылаться на свободные буржуазные колонии, где нет ни капиталистического способа производства в земледелии, ни соответствующей ему формы земельной собственности, которая вообще фактически здесь еще не существует. Так делает, например. Рикардо в главе о земельной ренте[68]. Вначале он говорит, что намерен исследовать влияние, оказываемое присвоением земли на стоимость продуктов земли, и непосредственно вслед затем берет в качестве иллюстрации колонии, причем предполагает, что земля существует там в сравнительно первобытном состоянии и ее эксплуатация не ограничивается монополией земельной собственности.

Одна лишь юридическая собственность на землю не создает земельной ренты для собственника. Но зато она наделяет его властью воздерживаться от эксплуатации своей земли до тех пор, пока экономические отношения не сделают возможным такое использование ее, которое принесет ему известный избыток, независимо от того, найдет ли земля применение для собственно земледелия или для иных производственных целей, как строения и т. д. Он не может увеличить или уменьшить абсолютные размеры этого поля деятельности, но может изменить то количество земли, которое находится на рынке. Отсюда, как это отмечал уже Фурье, характерный факт, что во всех цивилизованных странах сравнительно большая часть земли всегда пустует.

Итак, предполагая такой случай, когда спрос требует распашки новых земель, скажем, менее плодородных, чем возделывавшиеся до того времени, — станет ли земельный собственник сдавать эти земли в аренду даром потому, что рыночная цена продукта земли поднялась достаточно высоко, чтобы затрата капитала на эту землю приносила арендатору цену производ-

ства, а тем самым обычную прибыль? Отнюдь нет. Затрата капитала должна принести земельному собственнику ренту. Он сдает в аренду лишь при том условии, если ему будет уплачиваться арендная плата. Следовательно, рыночная цена должна подняться выше цены производства, до $P + r$, чтобы можно было уплачивать земельному собственнику ренту. Так как, согласно предположению, земельная собственность без сдачи земли в аренду ничего не приносит, не имеет в экономическом отношении никакой ценности, то небольшого повышения рыночной цены над ценой производства достаточно для того, чтобы пустить в продажу новую землю наихудшей категории.

Теперь встает такой вопрос: из того, что наихудшая земля приносит земельную ренту, которая не может быть выведена из различия плодородия, следует ли, что цена продукта земли необходимо является монопольной ценой в обычном значении слова, или ценой, в состав которой входит рента в такой же форме, как налог, с той только разницей, что этот налог взимает земельный собственник, а не государство? Что такой налог имеет свои определенные экономические границы, это само собой разумеется. Он ограничивается дополнительными затратами капитала на прежних арендах, конкуренцией заграничных продуктов земли — предполагается свободный ввоз их, — конкуренцией земельных собственников между собой, наконец, потребностью и платежеспособностью потребителей. Но здесь речь идет не об этом. Речь идет о том, входит ли рента, уплачиваемая с наихудшей земли, в цену ее продукта, которая, согласно предположению, регулирует общую рыночную цену — входит ли она таким же образом, как налог в цену товара, который обложен этим налогом, то есть как элемент, не зависимый от стоимости этого товара.

Это отнюдь не необходимый вывод и делался он лишь потому, что до сих пор не было понято различие между стоимостью товаров и их ценой производства. Мы видели, что цена производства известного товара отнюдь не тождественна с его стоимостью, хотя цены производства товаров, рассматриваемые в целом, регулируются только их совокупной стоимостью и хотя движение цен производства отдельных товаров, предполагая все прочие условия неизменными, определяется исключительно движением их стоимостей. Мы показали, что цена производства известного товара может быть выше или ниже его стоимости и лишь в виде исключения совпадает с его стоимостью. Поэтому тот факт, что продукты земли продаются выше их цены производства, отнюдь еще не доказывает, что они продаются выше их стоимости; как тот факт, что промышленные

товары продаются в среднем по их цене производства, отнюдь не доказывает, что они продаются по своей стоимости. Возможно, что земледельческие продукты продаются выше их цены производства и ниже их стоимости, как, с другой стороны, многие промышленные товары приносят цену производства только потому, что они продаются выше их стоимости.

Отношение цены производства известного товара к его стоимости определяется исключительно тем отношением, в котором переменная часть капитала, произведшего товар, находится к его постоянной части, или органическим строением капитала, которым произведен товар. Если строение капитала в известной сфере производства ниже, чем строение среднего общественного капитала, то есть если отношение его переменной составной части, затраченной на заработную плату, к его постоянной составной части, затраченной на вещественные условия труда, выше, чем для общественного среднего капитала, то стоимость его продукта должна стоять выше его цены производства. То есть такой капитал, применяя относительно больше живого труда, производит при одинаковой эксплуатации труда больше прибавочной стоимости, а потому больше прибыли, чем равновеликая соответственная часть среднего общественного капитала. Поэтому стоимость его продукта будет выше цены его производства, так как эта цена производства равна издержкам капитала плюс средняя прибыль, а средняя прибыль ниже, чем прибыль, произведенная в этом товаре. Прибавочная стоимость, производимая средним общественным капиталом, меньше прибавочной стоимости, производимой капиталом этого низкого строения. Обратное получается в том случае, когда капитал, вложенный в определенную сферу производства, более высокого строения, чем средний общественный капитал. Стоимость произведенных им товаров ниже их цены производства, что обычно характерно для продуктов наиболее развитых отраслей промышленности.

Если капитал в определенной сфере производства имеет более низкое строение, чем средний общественный капитал, то это прежде всего является лишь иным выражением того факта, что производительная сила общественного труда в этой особой сфере производства ниже среднего уровня, потому что достигнутая ступень производительной силы выражается в относительном преобладании постоянной части капитала над переменной, или в постоянном уменьшении той составной части данного капитала, которая затрачивается на заработную плату. Если, наоборот, капитал в определенной сфер» производства имеет более высокое строение, то это означает,

что развитие производительной силы превышает средний уровень.

Оставляя в стороне собственно художественные работы, рассмотрение которых по самому существу дела не относится к нашей теме, само собой, конечно, разумеется, что различные сферы производства требуют соответственно их техническим особенностям различного отношения между постоянным и переменным капиталом и что живой труд должен занимать в одних сферах большее место, в других — меньшее. Например, в добывающей промышленности, которую следует четко отличать от земледелия, совершенно отпадает сырой материал как элемент постоянного капитала, да и вспомогательный материал играет значительную роль лишь изредка. В горной промышленности, однако, значительную роль играет другая часть постоянного капитала — капитал основной. Но и здесь прогресс производства измеряется относительным ростом постоянного капитала по сравнению с переменным.

Если строение капитала в собственно земледелии ниже, чем строение среднего общественного капитала, то это prima facie[*] служит выражением того, что в странах развитого производства земледелие не продвинулось вперед в такой мере, как обрабатывающая промышленность. Такой факт, оставляя в стороне все другие и отчасти решающие экономические обстоятельства, объясняется уже более ранним и быстрым развитием механики и в особенности ее применением по сравнению с более поздним и отчасти совсем недавним развитием химии, геологии и физиологии и в особенности опять-таки по сравнению с их применением к земледелию. Впрочем несомненный и давно известный[36)] факт заключается в том, что прогресс самого земледелия постоянно выражается в относительном росте постоянной части капитала по сравнению с переменной. Ниже ли строение земледельческого капитала в определенной стране капиталистического производства, например, в Англии, по сравнению со средним общественным капиталом, — это вопрос, который можно решить лишь статистически и которым детально заниматься было бы излишне для нашей цели. Как бы то ни было, теоретически установлено, что только при этом предположении стоимость земледельческих продуктов может быть выше их цены производства, то есть, что прибавочная стоимость, производимая в земледелии капиталом определенной величины, или, что сводится к тому же, прибавочный труд

---

[*] — прежде всего. *Ред.*

[36)] См. Домбаль[69] и Р. Джонс[70].

(а следовательно, и прилагаемый живой труд вообще), приводимый им в движение и подчиненный ему, больше, чем при равновеликом капитале среднего общественного строения.

Итак, для той формы ренты, которую мы исследуем здесь и которая может получиться только при этом предположении, достаточно, если мы это предположение сделаем. Где оно отпадает, там отпадает и соответствующая ему форма ренты.

Однако один простой факт, что стоимость земледельческих продуктов выше их цены производства, сам по себе ни в какой мере недостаточен для того, чтобы объяснить существование земельной ренты, независимой от различия в плодородии различных категорий земли или последовательных затрат капитала на одной и той же земле, короче, такой ренты, которая и сущности отлична от дифференциальной ренты и которую мы можем назвать поэтому *абсолютной рентой.* Целый ряд промышленных продуктов обладает тем свойством, что их стоимость выше их цены производства, и несмотря на это они не приносят такою избытка над средней прибылью или такой добавочной прибыли, которая могла бы превратиться в ренту. Наоборот. Существование и понятие цены производства и предполагаемой последнею общей нормы прибыли покоятся на том, что отдельные товары продаются не по их стоимостям. Цены производства возникают из выравнивания товарных стоимостей, которое по возмещении соответственных капитальных стоимостей, потребленных в различных сферах производства, распределяет всю прибавочную стоимость пропорционально не тому, сколько ее произведено в отдельных сферах производства и сколько ее поэтому заключается в их продуктах, а пропорционально величине авансированных капиталов. Только таким образом возникает средняя прибыль и цена производства товаров, характерным элементом которой является средняя прибыль. Постоянная тенденция капиталов — производить посредством конкуренции это выравнивание в распределении прибавочной стоимости, созданной всем капиталом, и преодолевать все помехи этому выравниванию. Отсюда и тенденция их допускать только такие добавочные прибыли, которые при всяких обстоятельствах возникают не из различия между стоимостями и ценами производства товаров, а, напротив, из различия между общей, регулирующей рынок ценой производства и отличными от нее индивидуальными ценами производства; такие добавочные прибыли, которые получаются поэтому не из различия между двумя различными сферами производства, а в пределах каждой сферы производства; которые, следовательно, не затрагивают общих цен производства, складыва-

ющихся в различных сферах, то есть общей нормы прибыли, а, напротив, предполагают превращение стоимостей в цены производства и предполагают общую норму прибыли. Однако, как показано раньше*, это предположение основывается на постоянном изменении пропорций распределения всего общественного капитала между различными сферами производства, на постоянной иммиграции и эмиграции капиталов, на возможности перелива их из одной сферы в другую, короче, на свободе передвижения их между этими различными сферами производства, как между соответствующими свободными областями для приложения самостоятельных частей совокупного общественного капитала. При этом предполагается, что никакие барьеры, за исключением случайных или временных, не мешают конкуренции капиталов сводить стоимость к цене производства в такой, например, сфере производства, в которой стоимость товаров выше их цены производства или в которой производится прибавочная стоимость большая, чем средняя прибыль, и вместе с тем распределять избыточную прибавочную стоимость этой сферы производства пропорционально между всеми сферами, которые эксплуатируются капиталом. Но если встречается обратное, если капитал наталкивается на чуждую силу, которую он может преодолеть лишь отчасти или совсем не может преодолеть и которая ограничивает его приложение в особых сферах производства, допускает его лишь на условиях, вполне или отчасти исключающих упомянутое общее выравнивание прибавочной стоимости в среднюю прибыль, то, очевидно, в таких сферах производства благодаря превышению товарной стоимостью цены производства товаров возникает добавочная прибыль, которая может превратиться в ренту и как таковая обособиться от прибыли. И вот в качестве такой чуждой силы и преграды капиталу при его приложении к земле противостоит земельная собственность или капиталисту — земельный собственник.

Земельная собственность служит здесь барьером, который, если не уплачивается пошлина, то есть не взимается рента, не допускает никакой новой затраты капитала на невозделанной до того времени или не сданной в аренду земле, хотя земля, вновь привлекаемая к обработке, принадлежит к той категории земли, которая не приносит дифференциальной ренты и которая, если бы не существовало земельной собственности, могла бы возделываться уже при некотором незначительном повышении рыночной цены, когда регулирующая рыночная цена доставляла

* См. настоящий том, часть I, стр. 214—215. *Ред.*

бы возделывателю этой наихудшей земли лишь его цену производства. Между тем вследствие границы, которая ставится земельной собственностью, рыночная цена должна повыситься до такого пункта, когда земля может приносить избыток над ценой производства, то есть ренту. Но так как, согласно предположению, стоимость товаров, производимых земледельческим капиталом, выше их цены производства, то эта рента (за исключением того случая, который будет сейчас исследован) образует избыток стоимости над ценой производства или часть этого избытка. Равна ли рента всей разности между стоимостью и ценой производства или только большей или меньшей части этой разности, это всецело зависело бы от соотношения между спросом и предложением и от размера площади, вновь привлеченной к возделыванию. До тех пор, пока рента не была бы равна избытку стоимости земледельческих продуктов над их ценой производства, часть этого избытка во всяком случае принимала бы участие в общем выравнивании и пропорциональном распределении всей прибавочной стоимости между различными индивидуальными капиталами. Если бы рента была равна избытку стоимости над ценой производства, то вся эта часть, весь этот избыток прибавочной стоимости над средней прибылью не участвовал бы в этом выравнивании. Но равна ли эта абсолютная рента всему избытку стоимости над ценой производства или же равна лишь части его, и в том и в другом случае земледельческие продукты продавались бы по монопольной цене не потому, что их цена выше их стоимости, а потому, что она равна их стоимости, или потому, что она ниже их стоимости, по выше их цены производства. Их монопольное положение заключалось бы в том, что они, в отличие от промышленных продуктов, стоимость которых выше общей цены производства, не продавались бы по цене производства. Так как одна часть и стоимости и цены производства фактически является данной постоянной величиной, — именно, издержки производства, потребленный в производстве капитал, $= k$, — то различие между ними заключается в другой, переменной части, в прибавочной стоимости, которая в цене производства $= p$, прибыли, то есть равна совокупной прибавочной стоимости, которая в данном случае исчисляется на общественный капитал и на каждый отдельный капитал, как на его соответственную часть, но которая в стоимости товара равна действительной прибавочной стоимости, созданной этим отдельным капиталом, и образует составную часть произведенных им товарных стоимостей. Если стоимость товара выше его цены производства, то цена производства $= k + p$, стоимость $= k + p + d$, так что $p + d =$

содержащейся в нем прибавочной стоимости. Следовательно, разность между стоимостью и ценой производства = *d,* избытку прибавочной стоимости, произведенной этим капиталом, над той прибавочной стоимостью, которая выпадает на его долю в соответствии с общей нормой прибыли. Из этого следует, что цена земледельческих продуктов может быть выше их цены производства, не достигая размеров их стоимости. Из этого следует дальше, что до известного пункта может происходить длительное повышение цены земледельческих продуктов, прежде чем их цена достигнет уровня их стоимости. Из этого следует также, что только вследствие монополии земельной собственности избыток стоимости земледельческих продуктов над их ценой производства может стать моментом, определяющим их общую рыночную цену. Из этого следует, наконец, что в этом случае не вздорожание продукта является причиной ренты, а рента является причиной вздорожания продукта. Если цена продукта с единицы площади наихудшей земли = $P + r$, то все дифференциальные ренты увеличиваются соответствующими слагаемыми r, так как, согласно предположению, регулирующей рыночной ценой становится $P + r$.

Если бы среднее строение неземледельческого общественного капитала было = $85_c + 15_v$ и норма прибавочной стоимости = 100%, то цена производства была бы = 115 единицам. Если бы строение земледельческого капитала было = $75_c + 25_v$, то стоимость продукта, при той же норме прибавочной стоимости, и регулирующая рыночная цена были бы =125 единицам. Если бы земледельческий продукт выравнялся с не земледельческим по средней цене (для краткости мы предполагаем, что совокупные капиталы в той и другой отрасли производства равны), то вся прибавочная стоимость была бы = 40, то есть 20% на капитал в 200 единиц. Продукт как первого капитала, так и второго продавался бы за 120 единиц. Следовательно, при выравнивании по ценам производства средние рыночные цены неземледельческого продукта стояли бы выше, а земледельческого продукта ниже их стоимости. Если бы земледельческие продукты продавались по их стоимости, они были бы на 5 единиц дороже, а промышленные продукты на 5 единиц дешевле, чем после выравнивания. Если рыночные условия не позволяют продавать, земледельческие продукты по их стоимости, выручать весь избыток над ценой производства, то результат будет занимать среднее место между двумя крайними пунктами; промышленные продукты будут продаваться несколько выше их стоимости, а земледельческие продукты несколько выше их цены производства.

Хотя земельная собственность может взвинтить цену земледельческих продуктов выше их цены производства, однако не от нее, а от общего состояния рынка зависит, насколько рыночная цена, поднявшись над ценой производства, приближается к стоимости и, следовательно, в какой мере прибавочная стоимость, произведенная в земледелии сверх данной средней прибыли, либо превратится в ренту, либо же примет участие в общем выравнивании прибавочной стоимости в среднюю прибыль. Во всяком случае эта абсолютная, возникающая из избытка стоимости над ценой производства рента есть просто часть земледельческой прибавочной стоимости, превращение этой прибавочной стоимости в ренту, захват ее земельным собственником; совершенно так же, как дифференциальная рента возникает из превращения добавочной прибыли в ренту, из захвата добавочной прибыли земельной собственностью при общей регулирующей цене производства. Эти две формы ренты суть единственно нормальные. Рента, кроме этих форм, может покоиться лишь на собственно монопольной цене, которая определяется не ценой производства и не стоимостью товаров, а спросом и платежеспособностью покупателей, и рассмотрение которой относится к учению о конкуренции, где исследуется действительное движение рыночных цен.

Если бы вся земля известной страны, пригодная для земледелия, была уже сдана в аренду, — причем предполагается, как общее явление, капиталистический способ производства и нормальные отношения, — то не было бы такой земли, которая не приносит ренты, но могли бы существовать такие затраты капитала, отдельные части капитала, вложенного в землю, которые не приносят ренты; потому что, раз земля сдана в аренду, земельная собственность, как абсолютная граница для необходимого приложения капитала, перестает действовать. Как относительная граница, она продолжает еще действовать и после этого постольку, поскольку переход к земельному собственнику того капитала, который присоединен к земле, ставит здесь перед арендатором очень определенные границы. Только в этом случае вся рента превратилась бы в дифференциальную ренту, в дифференциальную ренту, определяемую не различиями в качестве земли, а различиями между добавочными прибылями, получающимися от последних затрат капитала на определенной земле, и рентой, которая уплачивалась бы за аренду земли наихудшего класса. Как абсолютная граница, земельная собственность действует лишь постольку, поскольку допущение к земле вообще как к сфере приложения капитала обусловливается данью земельному собственнику. Раз это

допущение состоялось, последний уже не может поставить каких бы то ни было абсолютных границ размерам затраты капитала на данном участке земли. Строительству домов вообще ставится граница земельной собственностью третьего лица на тот участок, на котором должен быть построен дом. Но раз эта земля арендована под строительство домов, от арендатора уже зависит, построит он на ней высокий или низкий дом.

Если бы среднее строение земледельческого капитала было таково, каково строение среднего общественного капитала или выше, то абсолютная рента — опять-таки в только что исследованном значении — отпала бы; то есть отпала бы рента, которая отличается как от дифференциальной ренты, так и от ренты, покоящейся на собственно монопольной цене. Тогда стоимость земледельческого продукта не была бы выше его цены производства и земледельческий капитал не приводил бы в движение больше труда, а следовательно, не реализовал бы больше прибавочного труда, чем неземледельческий капитал. То же самое произошло бы в том случае, если бы строение земледельческого капитала стало одинаковым со строением среднего общественного капитала в результате прогресса земледелия.

На первый взгляд кажется противоречием предполагать, что, с одной стороны, строение земледельческого капитала повышается, следовательно, повышается его постоянная часть по сравнению с переменной, а, с другой стороны, цена земледельческого продукта должна подняться настолько высоко, чтобы новая и более плохая, чем прежняя, земля могла приносить ренту, которая в этом случае может возникнуть лишь из избытка рыночной цены над стоимостью и ценой производства, короче, лишь из монопольной цены продукта.

Здесь необходимо проводить следующее различие.

Рассматривая образование нормы прибыли, мы прежде всего видели, что капиталы, техническое строение которых одинаково, то есть одинаковое количество машин и сырья приводится в движение одинаковым количеством труда, могут тем не менее иметь различное строение вследствие того, что постоянные части этих капиталов имеют неодинаковую стоимость. Сырье или машины могут быть в одном случае дороже, чем в другом. Чтобы привести в движение одинаковую массу труда (а это, согласно предположению, было бы необходимо для переработки одинаковой массы сырого материала), в одном случае пришлось бы авансировать больший капитал, чем в другом, потому что, например, с капиталом в 100 единиц я не могу привести в движение одинакового количества труда, если сырой материал, который приходится оплачивать из этих же

100, в одном случае стоит 40, в другом 20 единиц. Но что техническое строение этих капиталов одинаково, это немедленно обнаружилось бы, как только цена более дорогого сырья упадет до уровня более дешевого. Стоимостное отношение между переменным и постоянным капиталами сделалось бы одинаковым, хотя в техническом отношении между примененным живым трудом и массой и характером примененных условий труда не произошло никакого изменения, С другой стороны, если рассматривать дело исключительно с точки зрения стоимостного строения, капитал более низкого органического строения, вследствие простого повышения стоимостей его постоянных частей, может по видимости подняться на одинаковую ступень с капиталом более высокого органического строения. Возьмем капитал $= 60_c + 40_v$, — потому что он применяет много машин и сырого материала по сравнению с живым трудом, — и другой капитал $= 40_c + 60_v$, — потому что он применяет много живого труда (60%), мало машин (скажем, 10%) и по отношению к рабочей силе небольшое количество сырья, притом дешевого (скажем, 30%); вследствие одного только повышения стоимости сырых и вспомогательных материалов с 30 до 80 единиц, строение могло бы уравняться таким образом, что во втором капитале на 10 единиц, представленных в машинах, приходилось бы 80 единиц сырья и 60 единиц рабочей силы, то есть $90_c + 60_v$, что, выраженное в процентах, тоже было бы $= 60_c + 40_v$, причем не произошло бы никакой перемены в техническом строении. Следовательно, капиталы одинакового органического строения могут иметь различное стоимостное строение, и капиталы одинакового в процентах стоимостного строения могут занимать различные ступени органического строения, а потому служить выражением различных ступеней развития общественной производительной силы труда. Итак, одно то обстоятельство, что по стоимостному строению земледельческий капитал находился бы на общем уровне, еще не доказывало бы того, что общественная производительная сила труда достигла у него того же общего уровня. Оно могло бы свидетельствовать лишь о том, что собственный продукт этого капитала, образующий опять часть условий его производства, стал дороже или что теперь приходится привозить издалека вспомогательные материалы, как, например, удобрения, которые раньше были прямо под рукой, и т. п.

Но, оставляя это в стороне, необходимо принять во внимание своеобразный характер земледелия.

Предположим, что машины, сберегающие труд, химические вспомогательные средства и т, д. находят себе в земледелии

более широкое применение, что постоянный капитал, следовательно, возрастает в техническом отношении, то есть возрастает не только по стоимости, но и по массе, по отношению к массе применяемой рабочей силы; и в таком случае в земледелии (как и в горной промышленности) дело заключается не только в общественной, но также и в естественной производительности труда, которая зависит от естественных условий труда. Возможно, что увеличением общественной производительной силы в земледелии лишь компенсируется, или даже не полностью компенсируется, уменьшение естественной силы — эта компенсация во всяком случае может оказывать влияние лишь в течение некоторого времени, — так что, несмотря на технический прогресс, продукт не удешевляется, а лишь предотвращается еще большее его вздорожание. Возможно также, что при повышающейся цене хлеба абсолютная масса продукта уменьшается, между тем как относительный добавочный продукт возрастает; именно это возможно при относительном увеличении постоянного капитала, который состоит главным образом из машин или скота, причем приходится возмещать только износ и при соответствующем уменьшении переменной части капитала, которая затрачивается на заработную плату и которую постоянно приходится возмещать из продукта целиком.

Но возможно также, что вследствие прогресса земледелия потребуется лишь умеренное повышение рыночной цены над средней для того, чтобы могла поступить под обработку и в то же время приносить ренту такая земля худшего качества, которая при более низком уровне технических вспомогательных средств потребовала бы большего повышения рыночной цены.

То обстоятельство, что, например, в животноводстве, когда оно ведется в крупных размерах, масса применяемой рабочей силы очень мала по сравнению с постоянным капиталом в виде самого скота, могло бы казаться решающим аргументом против того положения, что земледельческий капитал, в процентном отношении, приводит в движение рабочей силы больше, чем неземледельческий средний общественный капитал. Но здесь следует отметить, что при рассмотрении ренты мы исходим, как из определяющей, из той части земледельческого капитала, которая производит основной растительный продукт питания, то есть для цивилизованных народов вообще основное жизненное средство. Уже А. Смит показал, — и в этом одна из его заслуг, — что в животноводстве и, вообще, в среднем, для всех капиталов, вложенных в землю не для производства основных жизненных средств, например хлеба, цена определяется

совершенно иначе. Именно, она определяется здесь таким образом, что цена продукта земли, которая, скажем, как искусственный луг, используется для животноводства, но которую с таким же успехом можно было бы превратить в пахотную землю определенных достоинств, — цена продукта должна повыситься настолько, чтобы могла получаться такая же рента, как с пахотной земли такого же качества; следовательно, рента с земли, на которой выращивается хлеб, принимает здесь участие в определении цены скота, почему Рамсей правильно отметил, что цена скота, таким образом, искусственно повышается рентой, этим экономическим выражением земельной собственности, следовательно, земельной собственностью[71].

«С развитием земледельческой культуры площадь естественных пастбищ становится недостаточной для животноводства, для удовлетворения спроса на мясо. Значительную часть обрабатываемой земли приходится использовать для выращивания и откорма скота, цена которого поэтому должна быть достаточной, чтобы оплатить не только труд, примененный в животноводстве, но также ренту и прибыль, которые эта земля, будучи использована как пашня, могла бы приносить земельному собственнику и арендатору. Скот, выращенный на совершенно необрабатываемых болотах, продается на данном рынке, соответственно своему весу и качеству, по той же цене, как и скот, выращенный на самых культурных землях. Владельцы таких заболоченных участков пользуются этим и повышают ренту со своих земель соответственно цене скота» (A. Smith. [«An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations».] Vol. I, [London, 1776] book I, ch. XI [p. 185]).

Итак, и здесь дифференциальная рента, в отличие от хлебной ренты, говорит в пользу сравнительно худшей земли.

Абсолютная рента объясняет некоторые явления, которые с первого взгляда позволяют думать, что рента обязана своим существованием монопольной цене. Чтобы быть поближе к примеру, который приводит А. Смит, представим, например, владельца такого леса, который растет без всякого содействия человека, следовательно, не как продукт лесоводства, скажем, в Норвегии. Если ему уплачивается рента капиталистом, который занимается рубкой леса, вследствие того, например, что на него существует спрос в Англии, или если владелец леса сам как капиталист производит рубку, то заготовленный лес, кроме прибыли на авансированный капитал, даст ему большую или меньшую ренту. По отношению к этому чистому продукту природы это представляется чисто монопольной надбавкой. Но в действительности капитал состоит здесь почти только из переменного капитала, затрачиваемого на труд, и потому он приводит в движение большее количество прибавочного труда, чем другой капитал равной величины. Следовательно, в стоимости заготовленного леса содержится больший

избыток неоплаченного труда, или прибавочной стоимости, чем в продукте капиталов более высокого строения. Поэтому за лесоматериалы может выручаться средняя прибыль, а значительный избыток в форме ренты может доставаться собственнику леса. Наоборот, при той легкости, с какой может расширяться рубка леса, то есть при быстроте увеличения этого производства, приходится предполагать, что необходимо очень значительное увеличение спроса для того, чтобы цена лесоматериалов сравнялась с их стоимостью и таким образом собственнику достался бы в форме ренты весь избыток неоплаченного труда (сверх той его части, которая достается капиталисту как средняя прибыль).

Мы предполагали, что вновь привлекаемая к обработке земля по качеству еще хуже, чем та, которая возделывалась в последнее время как наихудшая. Если она лучше, она приносит дифференциальную ренту. Но здесь мы исследуем как раз тот случай, когда рента не выступает как дифференциальная рента. Здесь возможны только два случая. Или вновь привлекаемая к обработке земля хуже или же она такого же качества, как последняя из возделываемых земель. Если она хуже, то этот случай мы уже исследовали. Таким образом, остается еще исследовать только тот случай, когда она такого же качества.

С прогрессом земледелия, как мы выяснили это уже при исследовании дифференциальной ренты, вновь привлекаться к возделыванию может одинаково как земля такого же качества и даже лучшего, так и земля худшего качества.

Во-первых, потому, что при дифференциальной ренте (и при ренте вообще, так как даже при недифференциальной ренте всегда встает вопрос, позволяет ли, с одной стороны, плодородие земли вообще, а с другой стороны, ее местоположение возделывать ее так, чтобы при регулирующей рыночной цене получалась прибыль и рента) действуют в обратном направлении двоякого рода условия, которые то взаимно парализуют друг друга, то берут перевес одно над другим. Повышение рыночной цены, — предполагая, что издержки возделывания не понизились, иными словами, что завоевания технического характера не образуют нового момента, обусловливающего расширение возделывания, — может привести к возделыванию более плодородной земли, которая раньше из-за своего местоположения исключалась из числа конкурирующих земель. Или же для менее плодородной земли это может настолько повысить преимущества местоположения, что ими компенсируется меньшая производительность. Или, и без повышения рыночной

цены, местоположение благодаря улучшению средств сообщения откроет возможность лучшим землям вступить в конкуренцию, что мы наблюдаем в огромном масштабе в тех штатах Северной Америки, на территории которых имеются прерии. Да и в странах старой цивилизации это совершается постоянно, хотя и не в таком масштабе, как в колониях, где, как справедливо отметил Уэйкфилд, решающая роль принадлежит местоположению[72]. Итак, во-первых, противоположные влияния местоположения и плодородия и, во-вторых, изменчивость фактора местоположения, который постоянно уравнивается, претерпевает постоянные прогрессивные изменения, направленные к уравнению, — вот причины, почему вновь вступают в конкуренцию с уже возделываемыми землями попеременно участки земли одинакового, лучшего и худшего качества.

Во-вторых. С развитием естественных наук и агрономии изменяется и плодородие земли, так как изменяются средства, при помощи которых элементы почвы делаются пригодными для немедленного использования. Так, во Франции и в восточных графствах Англии легкие почвы, которые раньше считались плохими, совсем недавно поднялись до категории первоклассных (см. Пасси[73]). С другой стороны, почва, которая считалась плохой не по своему химическому составу, но ставила известные механико-физические препятствия возделыванию, превращается в хорошую почву, как только открываются средства для преодоления этих препятствий.

В-третьих. Во всех странах старой цивилизации старые исторические и традиционные отношения, например в форме государственных земель, общинных земель и т. д., совершенно случайно ограждают крупные участки земли от возделывания, которому они подвергаются в силу этого лишь постепенно. Последовательность, с которой они подвергаются возделыванию, не зависит ни от их качества, ни от их местоположения, а лишь от совершенно внешних обстоятельств. Если бы мы проследили историю английских общинных земель, как они постепенно превращались законами об огораживании[74] в частную собственность и распахивались, то оказалось бы, что не может быть ничего более смешного, чем то фантастическое представление, будто выбором этой последовательности руководил какой-нибудь современный агрохимик, например Либих, что он одни поля благодаря химическим свойствам их почв намечал под культуру, а другие исключал. В действительности здесь решающую роль играл скорее случай, благоприятствующий воровству: представлявшаяся крупным лендлордам возмож-

ность присвоить ту или иную землю под более или менее благовидным юридическим предлогом.

В-четвертых. Не говоря о том, что достигнутая в каждый определенный момент ступень развития в росте населения и капитала ставит расширению земледелия известную, хотя и эластичную границу; не говоря о влиянии таких случайностей, которые временно воздействуют на рыночную цену, как, например, ряд благоприятных и неблагоприятных времен года, — пространственное расширение земледелия зависит от общего состояния рынка капиталов и положения дел в данной стране. Для того чтобы дополнительный капитал устремился в земледелие, в периоды нехватки капиталов недостаточно того условия, что невозделанная земля, — приносит ли она ренту или нет, — может дать арендатору среднюю прибыль. В периоды изобилия капитала он устремляется в земледелие, — даже если рыночная цена не повысится, — были бы только в остальном осуществлены нормальные условия. Земля лучшего качества, чем возделывавшаяся до того времени, в самом деле могла бы быть исключена из конкуренции только из-за неудобного местоположения, либо из-за непреодолимых до сих пор границ, которые делают ее недоступной для арендатора, или в силу чисто случайных факторов. Поэтому мы должны заниматься только теми категориями земли, которые по качеству одинаковы с последними из возделанных земель. Но между повой землей и последней из возделанных все еще остается разница издержек, которые требуются для того, чтобы сделать первую пригодной к возделыванию, и от состояния рыночных цен и отношений кредита зависит, будут ли они произведены или нет. Когда эта земля действительно примет участие в конкуренции, рыночная цена при прочих равных условиях опять понизится до своего прежнего уровня, после чего вновь вступившая земля будет приносить такую же ренту, как соответствующая ей старая. Предположение, будто она не будет приносить ренты, доказывается его сторонниками таким образом, что они просто принимают то, что требуется доказать, а именно: что последняя земля не принесла ренты. Таким способом можно было бы доказать, что последние из построенных домов, кроме самой платы за аренду дома, не приносят никакой ренты, хотя и сдаются внаем. Между тем факт таков, что они приносят ренту, еще не принося указанной платы, коль скоро они, часто в течение долгого времени, остаются незанятыми. Подобно тому, как последующие затраты капитала на известный участок земли могут приносить пропорциональный добавочный продукт, а потому и такую же ренту, как первые, —

совершенно также поля такого качества, как последние из возделанных, могут при равных издержках давать одинаковый продукт. Иначе вообще было бы непонятно, каким образом можно было бы поля одинакового качества возделывать последовательно, а не все разом, или же, вернее, не возделывать ни одного, чтобы не вызвать против себя всеобщей конкуренции, Земельный собственник всегда готов извлекать ренту, то есть получать нечто даром; но чтобы удовлетворить его желание, капитал нуждается в известных условиях. Поэтому взаимная конкуренция между землями зависит не от того, что земельный собственник хочет их конкуренции, но от того, найдется ли капитал, который захочет на новых полях конкурировать с другими.

Поскольку собственно земледельческая рента есть просто монопольная цена, последняя может быть весьма незначительной, как и абсолютная рента может быть здесь при нормальных условиях весьма незначительной, каков бы ни был избыток стоимости продукта над его ценой производства. Итак, существо абсолютной ренты заключается в следующем: равновеликие капиталы в различных сферах производства, при равной норме прибавочной стоимости, или одинаковой эксплуатации труда, производят, в зависимости от различий среднего строения, различные массы прибавочной стоимости. В промышленности эти различные массы прибавочной стоимости выравниваются в среднюю прибыль и равномерно распределяются между отдельными капиталами как соответственными частями общественного капитала. Земельная собственность, поскольку для производства — земледелия или добычи сырья — требуется земля, тормозит это выравнивание для капиталов, вложенных в землю, и улавливает известную часть прибавочной стоимости, которая иначе приняла бы участие в процессе выравнивания в общую норму прибыли. В таких случаях рента составляет часть стоимости, точнее, прибавочной стоимости товаров, но часть эта достается не классу капиталистов, который выжал ее из рабочих, а земельным собственникам, которые отбирают ее у капиталистов. При этом предполагается, что земледельческий капитал приводит в движение больше труда, чем равновеликая часть неземледельческого капитала. Насколько велико это отклонение или существует ли оно вообще, зависит от относительного развития земледелия по сравнению с промышленностью. По сути дела эта разница с прогрессом земледелия должна уменьшаться, если пропорция, в которой переменная часть капитала уменьшается по сравнению с постоянной, не окажется для промышленного капитала еще больше, чем для земледельческого.

Эта абсолютная рента играет еще более значительную роль в собственно добывающей промышленности, где один элемент постоянного капитала, сырой материал, совершенно отпадает и где, — за исключением отраслей, в которых часть, состоящая из машин и прочего основного капитала, очень значительна, — безусловно преобладает самое низкое строение капитала. И как раз здесь, где рента представляется обязанной своим происхождением исключительно монопольной цене, требуются исключительно благоприятные рыночные отношения для того, чтобы товары продавались по их стоимости или чтобы рента сделалась равной всему избытку прибавочной стоимости товара над его ценой производства. Таково положение, например, при ренте с рыбных угодий, каменоломен, дикорастущих лесов и т. д.[37)]

[37)] Рикардо разделывается с этим крайне поверхностно. См. место, направленное против А. Смита, о ренте с лесов в Норвегии, «Principles», гл. II, в самом начале [*D. Ricardo. «On* the Principles of Political Economy, and Taxation». London, 1821, p. 34—35].

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ
РЕНТА ЗА СТРОИТЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ. РЕНТА С РУДНИКОВ. ЦЕНА ЗЕМЛИ

Повсюду, где существует вообще рента, образуется дифференциальная рента и подчиняется она тем же законам, что и земледельческая дифференциальная рента. Повсюду, где силы природы могут быть монополизированы и обеспечивают применяющему их промышленнику добавочную прибыль, — будет ли то водопад, или богатый рудник, или богатая рыбой вода, или хорошо расположенное строительное место, — лицо, признаваемое в силу своего титула на часть земли собственником этих предметов природы, улавливает у функционирующего капитала эту добавочную прибыль в форме ренты. Что касается земли, предназначаемой для строительных целей, то А. Смит показал, каким образом рента с этой земли, как и с других неземледельческих участков, регулируется в своей основе собственно земледельческой рентой (A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». London, 1776, book I, ch. XI, 2 and 3). Эта рента характеризуется, во-первых, тем преобладающим влиянием, которое здесь на дифференциальную ренту оказывает местоположение (оно очень важно, например, при возделывании винограда и для строительных участков в больших городах); во-вторых, очевидной и полнейшей пассивностью собственника, активность которого заключается (в особенности по отношению к рудникам) просто в эксплуатации общественного прогресса, в который собственник ничего не привносит и в котором он ничем не рискует, — хотя бы в той мере, как промышленный капиталист; и, наконец, преобладанием монопольной цены во многих случаях, особенно в случаях самой бесстыдной эксплуатации бедности (потому что бедность — более богатый источник для ренты с домов, чем рудники Потоси[75] когда-либо были для Испании[38)]), и той чудовищной

[38)] Ленг, Ньюмен[76].

властью, которую дает эта земельная собственность, когда она, будучи соединена в одних руках с промышленным капиталом, практически позволяет промышленному капиталу устранять с земли, как места жительства, тех рабочих, которые вступают в борьбу из-за заработной платы[39)]. Одна часть общества требует в этом случае от другой дани за право жить на земле, как и вообще земельная собственность включает право собственников эксплуатировать землю, ее недра, воздух, а вместе с тем все необходимое для сохранения и развития жизни. Строительную ренту необходимо повышает не только рост населения и возрастающая вместе с ним потребность в жилищах, но и рост основного капитала, который или присоединяется к земле или размещен на ней, покоится на ней, как все промышленные строения, железные дороги, товарные склады, фабричные здания, доки и т. д. Смешение платы за наем, поскольку она представляет процент и амортизацию капитала, вложенного в дом, с рентой просто за землю невозможно здесь даже при всем добром желании Кэри, в особенности в тех случаях, когда, как в Англии, земельный собственник и строительный спекулянт суть совершенно разные лица. В этом случае следует принимать во внимание два момента: с одной стороны, эксплуатация земли в целях производства или добывающей промышленности, с другой — земля представляет собой пространство, которое необходимо как условие всякого производства и всякой человеческой деятельности. И в том и в другом случае земельная собственность требует своей дани. Спрос на строительные участки повышает стоимость земли как пространства и основы, и в то же время благодаря этому возрастает спрос на элементы земли, которые служат строительным материалом[40)].

В «Капитале», кн. II, гл. XII, в показаниях Эдуарда Кэпса, крупного лондонского строительного спекулянта, перед банковской комиссией 1857 г. приводится пример того, как в быстро развивающихся городах, особенно когда строительство ведется, как в Лондоне, фабричным способом, главным предметом строительной спекуляции становится собственно не дом, а земельная рента[77]. Кэпс говорит там, [B. A. 1857] .№ 5435:

«Я полагаю, что человек, желающий преуспевать, едва ли может рассчитывать, что он будет преуспевать, ведя только солидное дело (fair trade)... ему необходимо, кроме того, строить для спекуляции, и притом

[39)] Кроулингтонская стачка. *Энгельс.* «Положение рабочего класса в Англии», стр. 307 [см. настоящее издание, том 2, стр. 477—478].

[40)] «Настилка мостовых в Лондоне дала возможность собственникам голых скал на побережье Шотландии извлекать ренту из абсолютно бесполезной до того времени каменистой почвы» (A. *Smith.* «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». Vol. I, London, 1776. book I, ch. XI, p. 204—205).

в крупном масштабе; потому что предприниматель извлекает очень мало прибыли из самих зданий, свою главную прибыль он извлекает из повышения земельной ренты. Пусть, например, он арендует участок земли и уплачивает за него 300 ф. ст. в год; если он по тщательно разработанному проекту построит на этом участке дома надлежащей категории, то ему, быть может, удастся получать за это 400 или 450 ф. ст. в год, и его прибыль в несравненно большей мере заключалась бы в увеличении земельной ренты на 100 или 150 ф. ст. в год, чем в прибыли от строений, которую он во многих случаях едва ли даже принимает в расчет».

При этом не следует забывать, что по истечении срока договора об аренде, который составляется самое большее на 99 лет, земля со всеми находящимися на ней строениями и с земельной рентой, которая за это время обыкновенно повышается более чем в два-три раза, возвращается от строительного спекулянта или его правопреемника к последнему преемнику первоначального земельного собственника.

Собственно рента с рудников определяется совершенно так же, как земледельческая рента.

«Существуют такие рудники, продукта которых едва достаточно для того, чтобы оплатить труд и возместить затрачиваемый при их разработке капитал вместе с обычной прибылью. Они приносят некоторую прибыль предпринимателю, но не дают ренты земельному собственнику. Они могут разрабатываться с выгодой исключительно только земельным собственником, который, будучи сам предпринимателем, получает обычную прибыль на затраченный им капитал. Многие каменноугольные копи Шотландии разрабатываются таким именно образом и никаким другим способом не могут разрабатываться. Земельный собственник никому другому не разрешил бы эксплуатировать их без уплаты ренты, а платить ренту никто не был бы в состоянии» (A. Smith. [«An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». Vol. I, London, 1776] Book III, ch. XI [p. 207]).

Необходимо различать, вытекает ли рента из монопольной цены, потому что независимо от нее существует монопольная цена продуктов или самой земли, или же продукты продаются по монопольной цене, потому что существует рента. Говоря о монопольной цене, мы вообще имеем в виду ту цену, которая определяется только стремлением купить и платежеспособностью покупателей, независимо от цены, определяемой как общей ценой производства, так и стоимостью продуктов. Виноградник, из винограда которого производится вино совершенно исключительного качества, вино, которое вообще может производиться лишь в сравнительно небольшом количестве, дает монопольную цену. Вследствие этой монопольной цены, избыток которой над стоимостью продукта определяется единственно богатством и вкусами знатных потребителей вина, винодел мог бы реализовать значительную добавочную прибыль. Эта добавочная прибыль, которая вытекает в данном случае из монопольной цены, превращается в ренту и достается в этой форме

земельному собственнику в силу его титула на этот участок земли, наделенный особыми свойствами. Итак, здесь ренту создает монопольная цена. Наоборот, рента создала бы монопольную цену, если бы хлеб продавался не только выше цены производства, но и выше его стоимости, вследствие границы, которая ставится земельной собственностью безрентной затрате капитала на невозделанной землей. Что только титул собственности известного числа лиц на землю дает им возможность присваивать себе в качестве дани часть прибавочного труда общества, притом, по мере развития производства, присваивать в постоянно возрастающей мере, — это маскируется тем обстоятельством, что капитализированная рента, следовательно, именно эта капитализированная дань, выступает как цена земли, и потому последняя может продаваться подобно всякому другому предмету торговли. Поэтому покупателю кажется, что он получил свое право на ренту не даром, не без труда, риска и предпринимательского духа капитала, а уплатил за это соответствующий эквивалент. Рента, как отмечено уже раньше, кажется ему просто процентом на капитал, за который он купил землю и вместе с ней право на ренту. Совершенно так же рабовладельцу, купившему негра, представляется, что он приобрел свою собственность на негра не в силу существующего института рабства как такового, а в силу купли и продажи товара. Но ведь самый титул не порождается, а лишь переносится актом продажи. Титул должен быть налицо до того, как становится возможной его продажа, и как одна продажа, так и целый ряд таких продаж и их постоянное повторение не могут создать этого титула. Что вообще создало его, — так это производственные отношения. Когда последние достигают такого пункта, где им приходится переменить свою оболочку, отпадает получавший экономическое и историческое оправдание, возникший из процесса общественного производства жизни материальный источник титула и всех основывавшихся на нем сделок. С точки зрения более высокой экономической общественной формации частная собственность отдельных индивидуумов на землю будет представляться в такой же мере нелепой, как частная собственность одного человека на другого человека. Даже целое общество, нация и даже все одновременно существующие общества, взятые вместе, не есть собственники земли. Они лишь ее владельцы, пользующиеся ею, и, как boni patres familias*, они должны оставить ее улучшенной последующим поколениям.

---

* — добрые отцы семейств. *Ред.*

В дальнейшем исследовании цены земли мы оставляем в стороне все колебания конкуренции, всякую спекуляцию землей, а также мелкую земельную собственность, при которой земля представляет основное орудие производителей, так что они вынуждены покупать ее по любой цене.

I. Цена земли может повыситься, хотя рента не повышается; именно:

1) просто вследствие понижения ставки процента, благодаря чему рента продается дороже, а потому капитализированная рента, цена земли, возрастает;

2) потому что возрастает процент на капитал, присоединенный к земле.

II. Цена земли может повыситься потому, что увеличивается рента.

Рента может увеличиться потому, что повышается цена продуктов земли, в таком случае всегда повышается норма дифференциальной ренты, независимо от того, будет ли рента с наихудшей из возделываемых земель велика, мала или ее совсем не будет. Под нормой мы понимаем отношение той части прибавочной стоимости, которая превращается в ренту, к авансированному капиталу, производящему продукт земли. Оно отлично от отношения добавочного продукта ко всему продукту, потому что последний заключает в себе не весь авансированный капитал, именно не содержит в себе того основного капитала, который продолжает существовать наряду с продуктом. Зато здесь подразумевается, что на тех землях, которые приносят дифференциальную ренту, возрастающая часть продукта превращается в избыточный добавочный продукт. На наихудшей земле повышение цены земледельческого продукта создает сначала ренту, а отсюда и цену земли.

Но рента может увеличиться и в том случае, если цена земледельческого продукта не повышается. Последняя может остаться без изменения или даже понизиться.

Если она остается без изменения, то рента может возрасти потому только (оставляя в стороне монопольные цены), что при равновеликой затрате капитала на старых землях начинают возделываться новые земли лучшего качества, причем их будет достаточно только для того, чтобы покрыть увеличившийся спрос, так что регулирующая рыночная цена остается без изменений. В этом случае цена старых земель не повысится, но для земли, вновь введенной в сельскохозяйственный оборот, цена поднимется выше уровня цены старой земли.

Или же рента повысится потому, что при прежнем плодородии и прежней рыночной цене возрастает масса капитала,

эксплуатирующего землю. Поэтому, хотя рента по отношению к авансированному капиталу остается прежняя, ее масса, например, удвоится, так как сам капитал удвоился. Так как не произошло понижения цены, то вторая затрата капитала приносит, подобно первой, добавочную прибыль, которая по истечении срока аренды тоже превращается в ренту. Масса ренты здесь увеличивается потому, что увеличивается масса капитала, производящего ренту. Утверждение, будто различные последовательные затраты капитала на одном и том же участке земли могут произвести ренту лишь при том условии, если продукт их неодинаков, и потому возникает дифференциальная рента, равносильно утверждению, будто, если два капитала по 1000 ф. ст. затрачены на двух полях, одинаковых по своему плодородию, то лишь один из них может принести ренту, хотя оба эти поля принадлежат к той лучшей категории земли, которая приносит дифференциальную ренту. (Следовательно, общая масса ренты, вся рента данной страны, увеличивается с ростом массы затраченного капитала без того, чтобы цена единицы земельной площади или норма ренты или даже масса ренты на единицу площади обязательно возрастала; в этом случае масса всей ренты возрастает с расширением обрабатываемой площади. Это может быть сопряжено даже с понижением ренты на отдельных владениях.) Иначе это утверждение было бы равносильно другому утверждению, именно, что затрата капитала на двух различных участках земли, расположенных рядом, подчиняется иным законам, чем последовательная затрата капитала на одном и том же участке земли, между тем дифференциальную ренту выводят как раз из тождества закона в обоих случаях, из увеличения продуктивности затрат капитала как на одном и том же поле, так и на различных полях. Единственная модификация, которая существует здесь и которой не замечают, та, что последовательные затраты капитала в их применении к пространственно различным землям наталкиваются на границу земельной собственности, чего нет при последовательных затратах капитала на одну и ту же землю. Отсюда и то противоположное действие, благодаря которому эти различные формы затраты на практике взаимно ограничивают друг друга. При этом никогда не проявляются различия капитала. Если строение капитала остается то же самое, равно как и норма прибавочной стоимости, то норма прибыли остается неизменной, так что при удвоении капитала масса прибыли удваивается. Точно так же при предположенных отношениях норма ренты остается прежняя. Если капитал в 1000 ф. ст. приносит ренту в *x*, то капитал в 2000 ф. ст. при

предположенных обстоятельствах приносит ренту в *2x*. Но если взять ренту в отношении к площади земли, которая осталась без изменения, так как, согласно предположению, удвоенный капитал работает на прежнем поле, то окажется, что вследствие увеличения массы ренты повысился и ее уровень. Тот самый акр, который приносил 2 ф. ст. ренты, приносит теперь 4 фунта стерлингов[41)].

Отношение части прибавочной стоимости, денежной ренты, — потому что деньги суть самостоятельное выражение стоимости, — к земле само по себе нелепо и иррационально, потому что здесь измеряются одна другой несоизмеримые величины: с одной стороны, определенная потребительная стоимость, участок земли во столько-то квадратных футов, и стоимость, точнее прибавочная стоимость, — с другой. В действительности это является лишь выражением того, что при данных отношениях собственность на квадратные футы земли дает земельному собственнику возможность улавливать определенное количество неоплаченного труда, реализованного капиталом, который роется на этих квадратных футах, как свинья в картофеле {здесь в рукописи поставлено в скобках зачеркнутое потом: Либих}. Но prima facie[*] это выражение означает то же самое, как если бы мы вздумали говорить об отношении пятифунтовой банкноты к диаметру земли. Однако до опосредствующей роли тех иррациональных форм, в которых выступают и практически резюмируются определенные экономические отношения, практическим носителям этих отношений нет в их обыденной жизни никакого дела, а так как они привыкли вращаться в этих отношениях, то их ум нисколько не спотыкается о них. В том, что насквозь противоречиво, для них нет решительно ничего таинственного. В формах проявления, лишенных внутренней связи и нелепых, если их взять изолированно, они так же чувствуют себя, как рыба в воде. В этом случае справедливо

[41)] Одна из заслуг Родбертуса, к значительной работе которого о ренте[78] мы возвратимся в книге IV[79], заключается в том, что он исследовал этот вопрос. Он только впадает в ошибку, во-первых, предполагая, что для капитала рост прибыли всегда получает такое выражение, как будто возрос и капитал, так что при увеличении массы прибыли отношение остается прежнее. Это, однако, неверно, так как при изменении строения капитала норма прибыли, несмотря на неизменную эксплуатацию труда, может повыситься как раз потому, что относительная стоимость постоянной части капитала по сравнению с переменной понизилась. — Он впадает в ошибку, во-вторых, трактуя это отношение денежной ренты к количественно определенному участку земли, например, к одному акру, как нечто такое, что вообще предполагается классической политической экономией в ее исследованиях о повышении или понижении ренты. Это опять неверно. Она постоянно говорит о норме ренты, и поскольку она рассматривает последнюю в ее натуральной форме, в отношении к продукту, и поскольку она рассматривает ренту как денежную ренту, — в отношении к авансированному капиталу, ибо это — действительно рациональные выражения.

[*] — прежде всего. *Ред.*

то, что Гегель сказал относительно известных математических формул: то, что обыденный человеческий рассудок находит иррациональным, есть рациональное, а рациональное для него есть сама иррациональность[80].

Итак, увеличение массы ренты, рассматриваемое по отношению к самой площади земли, выражается совершенно так же, как увеличение нормы ренты; отсюда затруднение, когда условия, которые объяснили бы один случай, отсутствуют в другом случае.

Но цена земли может повыситься даже в том случае, когда цена продукта земли понижается.

В этом случае дифференциальная рента, а потому и цена лучших земель может вследствие дальнейшего дифференцирования увеличиться. Или же, если этого нет, то при возросшей производительной силе труда цена земледельческого продукта может понизиться, но таким образом, что это будет более чем компенсировано увеличением производства. Предположим, что квартер стоил 60 шиллингов. Если на том же акре при прежнем капитале будут произведены 2 квартера вместо одного, и цена квартера понизится до 40 шилл., то 2 квартера дадут 80 шилл., так что стоимость продукта прежнего капитала на прежнем акре повысится на одну треть, хотя цена квартера понизилась на одну треть. При исследовании дифференциальной ренты было показано, как это возможно без того, чтобы продукт продавался выше его цены производства или стоимости. В действительности это осуществляется только двумя способами. Или плохая земля перестает конкурировать, но цена лучшей земли повышается, когда дифференциальная рента увеличивается, следовательно, когда общее улучшение действует неравномерно на различные земли. Или же на наихудшей земле та же самая цена производства (и та же самая стоимость, если уплачивается абсолютная рента) вследствие повышения производительности труда получает выражение в увеличившейся массе продукта. Продукт представляет теперь ту же стоимость, что и раньше, но цена его составных частей понизилась, между тем как число этих частей увеличилось. Это невозможно, если применяется тот же самый капитал, потому что в этом случае в какой угодно массе продукта находит выражение все одна и та же стоимость. Но это возможно, если затрачен дополнительный капитал на гипс, гуано и т. д., словом, на такие улучшения, действие которых простирается на многие годы. Условие такого результата заключается в том, что хотя цена 1 квартера и понижается, однако не в том отношении, в каком увеличивается число квартеров.

III. Эти различные условия повышения ренты, а вследствие этого и цены земли могут как вообще, так и для отдельных категорий земли, отчасти конкурировать между собой, отчасти исключать друг друга и могут действовать лишь попеременно. Но из изложенного следует, что из повышения цены земли нельзя непосредственно делать вывода, что рента повысилась, и из повышения ренты, которое всегда влечет за собой повышение цены земли, нельзя непосредственно делать вывода, что продукт земли увеличился[42)].

Вместо того чтобы обратиться к рассмотрению действительных, естественных причин истощения земли, — причин, которые впрочем были неизвестны всем писавшим о дифференциальной ренте экономистам из-за состояния агрохимии в их время, — вместо этого прибегали к помощи того плоского соображения, что нельзя-де вложить любое количество капитала в пространственно ограниченный участок земли. Так, например, журнал «Edinburgh Review» возражал Ричарду Джонсу, что нельзя прокормить всю Англию обработкой Сохосквера[81]. Если это рассматривается, как особая невыгода земледелия, то верно как раз обратное положение. В земледелии могут быть продуктивно употреблены последовательные затраты капитала, потому что земля сама действует в качестве орудия производства, тогда как на фабрике, где земля служит лишь основой, местом расположения, территориальной операционной базой, на фабрике этого нет или это имеет место в очень узких пределах. Правда, можно концентрировать большое производство на маленьком по сравнению с раздробленным ремеслом пространстве, и крупная индустрия поступает именно таким образом. Но если дана известная ступень развития производительной силы, то всегда требуется и определенное пространство, а строительство вверх имеет также свои определенные практические границы. За этими границами расширение производства требует также расширения земельной площади. Основной капитал, затраченный на машины и т. п., не улучшается вследствие употребления, а, наоборот, изнашивается. Новые изобретения могут и здесь производить отдельные улучшения, но если взять данную ступень развития производительной силы, то машина может только ухудшаться. При быстром развитии производительной силы все старые машины должны быть заме-

[42)] О падении цен на землю при повышении ренты как о факте см. Пасси.

нены более выгодными, то есть должны быть совсем выброшены. Земля, напротив, постоянно улучшается, если правильно обращаться с ней. То преимущество земли, что последовательные затраты капитала могут давать прибыль без всякой потери предыдущих затрат, это преимущество включает также возможность различной производительности последовательных затрат капитала.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ
ГЕНЕЗИС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ

I. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Необходимо уяснить себе, в чем собственно заключается трудность трактовки земельной ренты с точки зрения современной политической экономии как теоретического выражения капиталистического способа производства. Этого еще не понимает огромное число даже новейших писателей, о чем свидетельствует всякая новая попытка объяснить земельную ренту «по-новому». Новизна в этих случаях почти всегда заключается в том, что возвращаются обратно к точке зрения, которая уже давно была преодолена. Трудность заключается не в том, чтобы вообще объяснить производимый земледельческим капиталом прибавочный продукт и соответствующую последнему прибавочную стоимость. Нет, этот вопрос разрешен анализом прибавочной стоимости, создаваемой всяким производительным капиталом, в какую бы сферу ни был он вложен. Трудность заключается в том, чтобы показать, откуда после того, как прибавочная стоимость выравнялась между различными капиталами в среднюю прибыль, в соответствующую их относительным величинам пропорциональную долю всей прибавочной стоимости, произведенной всем общественным капиталом во всех сферах производства, — откуда после этого выравнивания, после уже совершившегося очевидного распределения всей прибавочной стоимости, которая вообще может быть распределена, откуда же берется еще та избыточная часть этой прибавочной стоимости, которую капитал, вложенный в землю, уплачивает в форме земельной ренты земельному собственнику. Совершенно оставляя в стороне практические мотивы, которые побуждали современных экономистов как защитников промышленного капитала против земельной собственности к исследованию этого вопроса, — мотивы, которые мы изложим подробнее в главе об истории земельной ренты, — этот вопрос представлял для них как для теоретиков решающий интерес. При-

знать, что своим появлением рента на капитал, вложенный в земледелие, обязана особому действию самой сферы приложения, свойствам, принадлежащим земной коре как таковой, — это значило бы отказаться от самого понятия стоимости, следовательно, отказаться от всякой возможности научного познания в этой области. Уже то простое наблюдение, что рента выплачивается из цены продукта земли, — что имеет место даже в том случае, когда она уплачивается в натуральной форме, раз арендатор выручает свою цену производства, — показывало, насколько нелепо избыток этой цены над обычной ценой производства, следовательно, относительную дороговизну земледельческого продукта, объяснять избытком естественной производительности земледелия над производительностью других отраслей производства; так как, наоборот, чем производительнее труд, тем дешевле продукты труда, потому что тем больше будет масса потребительных стоимостей, в которой представлено то же количество труда, следовательно, та же стоимость.

Вся трудность анализа ренты заключалась, следовательно, в том, чтобы объяснить избыток земледельческой прибыли над средней прибылью, объяснить не прибавочную стоимость, а свойственную этой сфере производства избыточную прибавочную стоимость, следовательно, опять-таки не «чистый продукт», а избыток этого чистого продукта над чистым продуктом других отраслей производства. Сама средняя прибыль есть продукт, образование процесса общественной жизни, протекающего при вполне определенных исторических производственных отношениях, продукт, предполагающий, как мы видели, очень сложные посредствующие звенья. Для того чтобы вообще можно было говорить об избытке над средней прибылью, необходимо, чтобы сама эта средняя прибыль появилась в качестве масштаба и — как это имеет место при капиталистическом способе производства — в качестве регулятора производства вообще. Следовательно, при таких общественных формах, где еще нет капитала, который выполняет ту функцию, что принуждает к прибавочному труду и присваивает в первую очередь себе всю прибавочную стоимость, следовательно, где капитал еще не подчинил себе общественного труда или подчиняет его лишь спорадически, вообще не может быть речи о ренте в современном значении слова, о ренте как избытке над средней прибылью, то есть над пропорциональной долей всякого индивидуального капитала в прибавочной стоимости, произведенной всем общественным капиталом. И если, например, г-н Пасси (см. ниже) уже по отношению к первобытному строю говорит о ренте как об избытке над прибылью, как об избытке над исторически

определенной общественной формой прибавочной стоимости, так что, по г-ну Пасси, эта форма могла бы, пожалуй, существовать и без общества, — то это свидетельствует лишь о его наивности[82].

Для прежних экономистов, которые вообще лишь начинали анализ капиталистического способа производства, еще не развитого в их время, анализ ренты или вообще не представлял никаких затруднений или представлял затруднение совершенно иного рода. Петти, Кантильон, вообще авторы, ближе стоящие к эпохе феодализма, рассматривают земельную ренту как нормальную форму прибавочной стоимости вообще[83], между тем как прибыль для них еще неопределенно сливается с заработной платой или, самое большее, представляется той частью этой прибавочной стоимости, которую капиталист вырвал у земельного собственника. Следовательно, они исходят из такого состояния, когда, во-первых, сельское население составляет еще значительно преобладающую часть нации и когда, во-вторых, земельный собственник еще является тем лицом, которое, пользуясь монополией земельной собственности, присваивает прибавочный труд непосредственных производителей в первую очередь, когда, следовательно, земельная собственность все еще выступает как основное условие производства. Для них еще не могло существовать такой постановки вопроса, которая, с точки зрения капиталистического способа производства, имеет целью, наоборот, исследовать, каким образом земельная собственность достигает того, что отнимает у капитала часть произведенной им (то есть выжатой из непосредственных производителей) и первоначально уже присвоенной им прибавочной стоимости.

У *физиократов* затруднение уже иного свойства. Как действительно первые систематические истолкователи капитала, они стремились анализировать природу прибавочной стоимости вообще. Для них этот анализ совпадает с анализом ренты, единственной формы, в которой для них существует прибавочная стоимость. Поэтому капитал, приносящий ренту, или земледельческий капитал, для них есть единственный капитал, производящий прибавочную стоимость, и приводимый им в движение земледельческий труд есть единственный дающий прибавочную стоимость труд, а потому, что вполне правильно с капиталистической точки зрения, единственный производительный труд. Определяющим они совершенно правильно считают производство прибавочной стоимости. Им, помимо других заслуг, о которых речь будет в книге IV[84], принадлежит прежде всего та великая заслуга, что от торгового капитала, который функ-

ционирует только в сфере обращения, они обратились к производительному капиталу, в противоположность меркантилистской системе, которая по своему грубому реализму являлась настоящей вульгарной политической экономией той эпохи, перед практическими интересами которой были оттеснены совершенно на задний план зачатки научного анализа у Петти и его последователей. Между прочим, здесь, при критике меркантилистской системы, речь идет лишь о ее воззрениях на капитал и прибавочную стоимость. Уже раньше мы отмечали, что производство на мировой рынок и превращение продукта в товар, а потому в деньги, монетарная система справедливо провозгласила предпосылкой и условием капиталистического производства[85]. В ее продолжении, в меркантилистской системе, решающую роль играет уже не превращение товарной стоимости в деньги, а производство прибавочной стоимости, — но с бессодержательной [begriffslos] точки зрения сферы обращения — и притом таким образом, что эта прибавочная стоимость представлена в форме добавочных денег, в положительном сальдо торгового баланса. Вместе с тем поистине характерно для купцов и фабрикантов того времени и адекватно тому периоду капиталистического развития, который они представляют, то обстоятельство, что при превращении земледельческих феодальных обществ в промышленные и при соответствующей промышленной борьбе наций на мировом рынке все зависит от ускоренного развития капитала, которое достигается не так называемым естественным путем, а при помощи принудительных средств. Далеко не одно и то же, превращается ли национальный капитал в промышленный постепенно и медленно, или же это превращение ускоряется во времени посредством налогов, которыми они в форме запретительных пошлин облагали главным образом земельных собственников, средних и мелких крестьян и ремесленников, посредством ускоренной экспроприации самостоятельных непосредственных производителей, посредством насильственно ускоренного накопления и концентрации капиталов, короче, посредством ускоренного создания условий капиталистического способа производства. Точно так же этим обусловливается огромная разница в капиталистической и промышленной эксплуатации естественной национальной производительной силы. Поэтому национальный характер меркантилистской системы в устах ее защитников — не просто фраза. Под предлогом, будто их занимает только богатство нации и ресурсы государства, они в действительности объявляют интересы класса капиталистов и обогащение вообще конечной целью государства и прокламируют буржуазное общество

в противоположность старому неземному государству. Но в то же время имелось и сознание того, что развитие интересов капитала и класса капиталистов, капиталистического производства, сделалось базисом национальной силы и национального превосходства в современном обществе.

Далее, физиократы правы, что все производство прибавочной стоимости, а следовательно, и все развитие капитала, рассматриваемое со стороны естественной основы, действительно покоится на производительности земледельческого труда. Если люди вообще не в состоянии производить в течение одного рабочего дня больше жизненных средств, следовательно, в узком смысле больше земледельческих продуктов, чем требуется каждому работнику для его собственного воспроизводства, если дневной затраты всей его рабочей силы достаточно лишь на то, чтобы произвести жизненные средства, необходимые для его личного потребления, то вообще не может быть и речи ни о прибавочном продукте, ни о прибавочной стоимости. Производительность земледельческого труда, превышающая индивидуальную потребность работника, составляет базис всякого общества, и прежде всего базис капиталистического производства, которое все возрастающую часть общества отрывает от производства непосредственных жизненных средств и превращает ее, по выражению Стюарта, в «free hands»*, дает возможность располагать ею для эксплуатации в других сферах[86].

Но что сказать о новейших экономистах, которые, как Дэр, Пасси и др., на закате всей классической политической экономии, скорее в то время, когда она была уже на смертном одре, повторяют самые первоначальные представления об естественных условиях прибавочного труда и, следовательно, прибавочной стоимости вообще и воображают, будто они этим дают нечто новое и существенное о земельной ренте[87], после того как эта земельная рента уже давным-давно исследована как особая форма и специфическая часть прибавочной стоимости? Для вульгарной политической экономии как раз характерно, что то, что на определенной исторической ступени развития было ново, оригинально, глубоко и обоснованно, она повторяет в такое время, когда это плоско, отстало и ложно. Она обнаруживает тем самым, что ей чуждо даже представление о проблемах, занимавших классическую политическую экономию. Она путает эти проблемы с вопросами, которые могли ставиться лишь на более низкой ступени развития буржуазного общества. Так же обстоит дело и с ее неизменно самодоволь-

* — «свободные руки». *Ред.*

ным пережевыванием физиократических положений о свободе торговли. Как бы практически ни интересовали эти положения то или иное государство, они давным-давно утратили всякий теоретический интерес.

При собственно натуральном хозяйстве, когда земледельческий продукт совсем не входит в процесс обращения или входит в него лишь очень незначительная часть этого продукта и лишь сравнительно незначительная доля даже той части продукта, которая представляет доход земельного собственника, — как, например, во многих древнеримских латифундиях, равно как в имениях Карла Великого, а также (см. Vincard. «Histoire du travail») в большей или меньшей мере на всем протяжении средних веков, — продукт и прибавочный продукт крупных имений состоит отнюдь не только из продуктов земледельческого труда. Он охватывает также и продукты промышленного труда. Домашний ремесленный и мануфактурный труд как побочное производство при земледелии, образующем базис, является условием того способа производства, на котором покоится это натуральное хозяйство как в древней и средневековой Европе, так — еще до настоящего времени — и в индийской общине, где ее традиционная организация еще не разрушена. Капиталистический способ производства совершенно уничтожает эту связь; процесс, который в крупном масштабе наблюдался особенно в Англии в течение последней трети XVIII века. Умы, выросшие в более или менее полуфеодальных обществах, Херреншванд например, еще в конце XVIII века видят в этом обособлении земледелия и промышленности безумно смелую общественную авантюру, непостижимо рискованный способ существования. И даже в тех земледельческих хозяйствах древнего мира, в которых обнаруживается наибольшая аналогия с капиталистическим сельским хозяйством, в Карфагене и Риме, больше сходства с плантаторским хозяйством, чем с формой, соответствующей действительно капиталистическому способу эксплуатации[42a)]. Мы вообще не найдем в древности в континентальной Италии повода для формальной аналогии, — которая к тому же во всех существенных пунктах представляется сплошь обманчивой для всякого, кто понял капиталистический способ производства и кто не открывает подобно

[42a)] А. Смит показывает, что в его время (да и для нашего времени это остается в силе по отношению к плантаторскому хозяйству в тропических и субтропических странах) рента и прибыль еще не обособились[88], потому что земельный собственник есть в то же время и капиталист, каким был, например, Катон в своих имениях. Но это обособление — как раз предпосылка капиталистического способа производства, самой сущности которого вообще противоречит такой базис, как рабство.

г-ну Моммзену[43)] капиталистического способа производства уже во всяком денежном хозяйстве, — мы найдем ее, пожалуй, только в Сицилии, потому что последняя существовала как земледельческий данник Рима и потому земледелие в основном было нацелено на экспорт. Здесь встречаются арендаторы в современном значении слова.

Неправильное понимание природы ренты основывается на том обстоятельстве, что рента в натуральной форме перешла из натурального хозяйства средних веков, и в полном противоречии с условиями капиталистического способа производства в новейшее время выступает отчасти в виде церковной десятины, отчасти как диковина, увековеченная старинными договорами. Благодаря этому кажется, будто рента возникает не из цены земледельческого продукта, а из массы продукта, следовательно, не из общественных отношений, а из земли. Уже раньше мы показали, что, хотя прибавочная стоимость представлена в прибавочном продукте, однако, наоборот, прибавочный продукт в смысле простого увеличения массы продукта не [всегда] представляет прибавочную стоимость. Он может представлять минус стоимости. Иначе хлопчатобумажная промышленность 1860 г. по сравнению с 1840 г. должна была бы представлять огромную прибавочную стоимость, между тем как цена пряжи, напротив, понизилась. Вследствие неурожая в течение ряда лет рента может колоссально возрасти, потому что цена хлеба повышается, хотя эта прибавочная стоимость представлена в абсолютно уменьшившейся массе вздорожавшей пшеницы. Наоборот, вследствие хорошего урожая в течение ряда лет рента может понизиться, потому что цена падает, хотя понизившаяся рента будет представлена в большей массе сравнительно дешевой пшеницы. Теперь относительно продуктовой ренты следует прежде всего заметить, что она представляет перешедшую из отжившего способа производства, исчезающую традицию, противоречие которой с капиталистическим способом производства обнаруживается в том, что она сама собой исчезла из частных договоров и что там, где могло вмешаться законодательство, как в случае с церковными десятинами в Англии, она была насильственно сметена как нелепость[89]. Но, во-вторых, там, где она продолжает существовать на базисе капиталистического способа производства, она была и могла

[43)] В своей работе «Romische Geschichte» г-н Моммзен употребляет слово «капиталист» отнюдь не в смысле современной политической экономии и современного общества, а в духе популярного представления, которое все еще распространяется не в Англии или Америке, а на континенте как старинный пережиток исчезнувших отношений.

быть не чем иным, как по-средневековому замаскированным выражением денежной ренты. Пусть, например, цена квартера пшеницы стоит на уровне 40 шиллингов. Часть этого квартера должна возместить содержащуюся в нем заработную плату, должна быть продана, чтобы она могла быть авансирована снова; другую часть необходимо продать для того, чтобы уплатить приходящуюся на квартер долю налогов. Там, где развит капиталистический способ производства, а с ним разделение общественного труда, семена и даже часть удобрений входят в воспроизводство как товары, следовательно, должны быть куплены для возмещения; чтобы добыть денег на это, опять-таки приходится продать часть квартера. Поскольку же их в действительности не приходится покупать как товары, а напротив, они могут быть возмещены из самого продукта in natura*, чтобы снова войти как условия производства в его воспроизводство, — как это бывает не только в земледелии, но и во многих отраслях производства, которые производят постоянный капитал, — то они входят в счет, выраженные как счетные деньги, и вычитаются как составные части издержек производства. Износ машин и вообще основного капитала приходится возмещать деньгами. Наконец, прибыль исчисляется на эти издержки, выраженные в действительных или счетных деньгах. Эта прибыль представлена в известной доле валового продукта, которая определяется его ценой. А остальная часть образует ренту. Если продуктовая рента, установленная договором, больше этого остатка, определяемого ценой, то это будет уже не рента, а вычет из прибыли. Уже вследствие одной этой возможности продуктовая рента, которая не сообразуется с ценой продукта, следовательно, может составлять и больше и меньше действительной ренты, а потому может образовать вычет не только из прибыли, но и из тех составных частей, которыми возмещается капитал, — уже по одной этой причине такая рента представляет устаревшую форму. В действительности эта продуктовая рента, поскольку она является рентой не только по названию, но и по существу, определяется исключительно избытком цены продукта над его ценой производства. Дело только в том, что эта переменная величина предполагается ею как постоянная. А это сводится к напоминающему доброе старое время представлению, что продукта in natura должно быть достаточно для того, чтобы, во-первых, прокормить рабочих, далее, оставить капиталистическому арендатору больше продуктов питания, чем ему требуется, и что избыток над этим

* — в натуральной форме. *Ред.*

образует натуральную ренту. Совершенно так же, как если фабрикант производит 200000 аршин ситца. Этого ситца достаточно для того, чтобы не только одеть рабочих данного фабриканта и более чем одеть его жену и все его потомство и его самого, но оставить, кроме того, ситец на продажу и, наконец, уплачивать ситцем огромную ренту. Все так просто! Стоит только из 200000 аршин ситца вычесть цену их производства — и непременно останется избыток ситца в качестве ренты. Например, из 200000 аршин ситца вычесть цену их производства в 10000 ф. ст., не зная продажной цены ситца, из ситца вычесть деньги, из потребительной стоимости как таковой вычесть меновую стоимость и затем определить избыток аршин ситца над фунтами стерлингов, — это действительно наивное представление. Это хуже, чем квадратура круга, в основе которой все же лежит представление о пределе, за которым сливаются прямая линия и кривая. Но именно таков рецепт г-на Пасси. Вычтите деньги из ситца, прежде чем в голове или в действительности ситец превратился в деньги! Избыток составляет ренту, которая становится будто бы осязательной naturaliter* (см., например, Карла Арнда[90]), а не благодаря «софистической» чертовщине! К этой глупости, к вычету цены производства из стольких-то шеффелей пшеницы, к вычитанию денежной суммы из меры объема сводится вся реставрация натуральной ренты.

II. ОТРАБОТОЧНАЯ РЕНТА

Если мы рассмотрим земельную ренту в ее самой простой форме, в форме *отработочной ренты,* когда непосредственный производитель одну часть недели работает на земле, фактически принадлежащей ему, при помощи орудий производства (плуга, скота и пр.), принадлежащих ему фактически или юридически, а остальные дни недели работает даром в имении земельного собственника, работает на земельного собственника, то здесь дело еще совершенно ясно, рента и прибавочная стоимость здесь тождественны. Рента, не прибыль, — вот та форма, в которой здесь выражается неоплаченный прибавочный труд. В какой мере работник (self-sustaining serf) может получить здесь избыток над необходимыми средствами своего существования, то есть избыток сверх того, что при капиталистическом способе производства мы назвали бы заработной платой, это зависит при прочих равных условиях от того отношения, в котором его рабочее время делится на рабочее время для него

* — натурально. *Ред.*

самого и барщинное рабочее время для земельного собственника. Итак, этот избыток над необходимейшими средствами существования, зародыш того, что при капиталистическом способе производства является прибылью, здесь всецело определяется высотой земельной ренты, которая в этом случае не только есть непосредственно неоплаченный прибавочный труд, но и выступает как таковой; неоплаченный прибавочный труд для «собственника» условий производства, которые здесь тождественны с землей, а поскольку они отличны от нее, они считаются лишь ее принадлежностью. Что продукта крепостного должно быть здесь достаточно для того, чтобы, кроме средств его существования, возместить и условия его труда, — это обстоятельство остается тем же самым для всех способов производства, так как это результат не специфической формы последних, а естественное условие всякого непрерывного и производительного труда вообще, всякого длительного производства, которое всегда есть одновременно и воспроизводство, а следовательно, воспроизводство и условий своего собственного функционирования. Далее, ясно, что во всех формах, при которых непосредственный работник остается «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства. Согласно предположению, непосредственный производитель владеет здесь своими собственными средствами производства, предметными условиями труда, необходимыми для осуществления его труда и для производства средств его существования; он самостоятельно занят своим земледелием, как и связанной с ним сельской домашней промышленностью. Эта самостоятельность не снимается тем, что, как, например, в Индии, эти мелкие крестьяне соединены в более или менее естественно выросшую производственную общину, так как здесь идет речь о самостоятельности только по отношению к номинальному земельному собственнику. При таких условиях прибавочный труд для номинального земельного собственника можно выжать из них только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее[44)]. Данная форма тем и отличается от рабовладельческого или плантаторского хозяйства, что раб

[44)] После завоевания страны ближайшей задачей для завоевателей всегда становилось присвоение и людей. Ср. Ленге[91]. См. также Мёзер[92].

работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно. Итак, необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней, необходима крепостная зависимость в подлинном смысле этих слов. Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. При таких обстоятельствах отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству. Государство здесь — верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей.

Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и порабощения, каким оно вырастает непосредственно из самого производства, и, в свою очередь, оказывает на последнее определяющее обратное воздействие. А на этом основана вся структура экономического строя [Gemeinwesen], вырастающего из самых отношений производства, и вместе с тем его специфическая политическая структура. Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства. Это не препятствует тому, что один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств.

Что касается отработочной ренты, наиболее простой и первоначальной формы ренты, то очевидно одно: рента является здесь первоначальной формой прибавочной стоимости и совпадает с ней. Но совпадение прибавочной стоимости с неоплаченным чужим трудом не нуждается здесь в анализе, потому что оно существует здесь еще в своей очевидной, осязательной форме, так как труд непосредственного производителя на самого себя здесь еще отделен в пространстве и времени от его труда на земельного собственника, и этот труд непосредственно выступает в грубой форме принудительного труда на другого. Точно так же «свойство» земли приносить ренту сводится здесь к осязательно раскрывающейся тайне, потому что к природе, которая приносит ренту, относится и прикованная к земле человеческая рабочая сила и отношение собственности, принуждающее владельца рабочей силы напрягать и тратить ее сверх той меры, которая требовалась бы для удовлетворения его собственных необходимых потребностей. Рента прямо состоит в присвоении земельным собственником этой избыточной затраты рабочей силы, потому что непосредственный производитель не уплачивает ему больше никакой ренты. Здесь, где не только тождественны прибавочная стоимость и рента, но и прибавочная стоимость еще осязательно имеет форму прибавочного труда, совершенно ясно выступают и естественные условия или границы ренты, потому что они суть естественные условия и границы прибавочного труда вообще. Непосредственный производитель должен 1) обладать достаточной рабочей силой, и 2) естественные условия его труда, то есть в первую очередь обрабатываемая земля, должны быть достаточно благоприятны, словом, естественная производительность его труда должна быть достаточно велика для того, чтобы у него оставалась возможность производить избыточный труд сверх труда, необходимого для удовлетворения его собственных необходимых потребностей. Эта возможность не создает ренты, ее создает лишь принуждение, превращающее возможность в действительность. Но самая возможность связана с субъективными и объективными естественными условиями. В этом тоже нет решительно ничего таинственного. Если рабочая сила незначительна и естественные условия труда скудны, то и прибавочный труд незначителен, но в таком случае незначительны, с одной стороны, потребности производителей, с другой стороны, относительно невелико число эксплуататоров прибавочного труда и, наконец, невелик прибавочный продукт, в котором реализуется этот мало производительный прибавочный труд на это относительно незначительное число эксплуатирующих собственников.

Наконец, при отработочной ренте ясно само собой, что, при прочих равных условиях, от относительных размеров прибавочного или барщинного труда всецело зависит, в какой мере у непосредственного производителя окажется возможность улучшать свое-положение, обогащаться, производить известный избыток сверх необходимых средств существования, или, если мы предвосхищаем капиталистический способ выражения, окажется ли у него и в какой мере возможность производить какую бы то ни было прибыль для себя самого, то есть избыток над его заработной платой, производимой им же самим. Рента здесь нормальная, все поглощающая, так сказать, легитимная форма прибавочного труда; она далека от того, чтобы являться избытком над прибылью, то есть в данном случае над каким-либо иным избытком сверх заработной платы; напротив, здесь не только размер такой прибыли, но и самое ее существование зависят, при прочих равных условиях, от размера ренты, то есть прибавочного труда, принудительно выполняемого для собственника.

Некоторые историки выразили свое удивление по поводу того, что, хотя непосредственный производитель не собственник, а лишь владелец, и весь его прибавочный труд на деле de jure* принадлежит земельному собственнику, при этих условиях может вообще совершаться самостоятельное увеличение имущества и, говоря относительно, богатства у обязанных нести барщину или крепостных. Между тем ясно, что при том примитивном и неразвитом состоянии, на котором покоятся это общественное производственное отношение и соответствующий ему способ производства, традиция должна играть решающую роль. Ясно далее, что здесь, как и повсюду, господствующая часть общества заинтересована в том, чтобы возвести существующее положение в закон и те его ограничения, которые даны обычаем и традицией, фиксировать как законные ограничения. Это же, — оставляя все другое в стороне, — делается впрочем само собой, раз постоянное воспроизводство базиса существующего состояния, лежащих в основе этого состояния отношений, приобретает с течением времени урегулированную и упорядоченную форму, и эти регулярность и порядок сами суть необходимый момент всякого способа производства, коль скоро он должен приобрести общественную устойчивость и независимость от простого случая или произвола. Урегулированность и порядок являются именно формой общественного упрочения данного способа производства

* — юридически. *Ред.*

и потому его относительной эмансипации от просто случая и просто произвола. Он достигает этой формы при застойном состоянии как процесса производства, так и соответствующих ему общественных отношений, посредством простого возобновления их воспроизводства. Если форма просуществовала в течение известного времени, она упрочивается как обычай и традиция и, наконец, санкционируется как положительный закон. Так как данная форма прибавочного труда, барщинный труд, покоится на неразвитости всех общественных производительных сил труда, на примитивности самого способа труда, то барщинный труд должен, естественно, отнимать у непосредственного производителя несравненно меньшую долю всего труда, чем при развитых способах производства и в особенности при капиталистическом производстве. Предположим, например, что барщинный труд на земельного собственника первоначально составлял два дня в неделю. Эти два дня барщинного труда в неделю, таким образом, прочно установились, являются постоянной величиной, законно урегулированной установившимся или писаным правом. Но производительность остальных дней в неделю, которыми может располагать сам непосредственный производитель, есть величина переменная, которая необходимо развивается с ростом его опыта, — совершенно так же, как новые потребности, которые у него возникают, совершенно так же, как расширение рынка для его продукта, возрастающая обеспеченность использования этой части его рабочей силы будут поощрять его к усиленному напряжению рабочей силы, причем не следует забывать, что применение этой рабочей силы отнюдь не ограничивается земледелием, но включает и сельскую домашнюю промышленность. Здесь дана возможность известного экономического развития, разумеется, в зависимости от более или менее благоприятных обстоятельств, от врожденных расовых черт характера и т. д.

III. ПРОДУКТОВАЯ РЕНТА

Превращение отработочной ренты в продуктовую ренту, если рассматривать дело с экономической точки зрения, ничего не изменяет в существе земельной ренты. Последнее при тех формах, которые мы рассматриваем здесь, состоит в том, что земельная рента есть единственная господствующая и нормальная форма прибавочной стоимости или прибавочного труда; а это, в свою очередь, выражается в том, что она представляет единственный прибавочный труд или единственный прибавочный продукт, какой непосредственный производитель, *владеющий*

условиями труда, необходимыми для его собственного воспроизводства, должен доставить *собственнику* того условия труда, которое в этом состоянии охватывает все, то есть собственнику земли; и что, с другой стороны, только земля и противостоит ему как находящееся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворенное в земельном собственнике. В какой бы мере продуктовая рента ни представляла господствующую и наиболее развитую форму земельной ренты, она все же постоянно в большей или меньшей мере сопровождается остатками предыдущей формы, то есть ренты, которая должна доставляться непосредственно в виде труда, следовательно, барщинным трудом, и при этом все равно, является ли земельным собственником частное лицо или государство. Продуктовая рента предполагает более высокую культуру производства у непосредственного производителя, следовательно, более высокую ступень развития его труда и общества вообще; и отличается она от предыдущей формы тем, что прибавочный труд должен выполняться уже не в его натуральном виде, а потому уже не под прямым надзором и принуждением земельного собственника или его представителя; напротив, непосредственный производитель должен выполнять его под свою собственную ответственность, подгоняемый силой отношений вместо непосредственного принуждения и постановлением закона вместо плети. Прибавочное производство, в смысле производства сверх необходимых потребностей непосредственного производителя, и производство на фактически ему самому принадлежащем поле производства, им самим эксплуатируемой земле, вместо производства в господском поместье около и вне своего хозяйства, как было раньше, здесь стали уже само собой разумеющимся правилом. При этом отношении непосредственный производитель, применяя свой труд, более или менее располагает всем своим рабочим временем, хотя часть этого рабочего времени, первоначально почти вся избыточная часть его, по-прежнему даром принадлежит земельному собственнику, с той только разницей, что последний уже получает его непосредственно не в его собственной натуральной форме, а в натуральной форме того продукта, в котором это время реализуется. Обременительные и в зависимости от регулирования барщинного труда являющиеся большей или меньшей помехой перерывы, обусловливаемые работой на земельного собственника (ср. «Капитал», кн. I, гл. VIII, 2 «Неутолимая жажда прибавочного труда. Фабрикант и боярин»), отпадают там, где продуктовая рента существует в чистом виде, или сводятся по крайней мере к немного-

численным коротким перерывам в течение года, если наряду с продуктовой рентой сохраняется известная барщинная повинность. Труд производителя на самого себя и его труд на земельного собственника уже не отделяются осязательно во времени и пространстве. Эта продуктовая рента в ее чистом виде, хотя ее остатки могут продержаться до более развитых способов производства и производственных отношений, по-прежнему предполагает натуральное хозяйство, то есть предполагает, что условия хозяйствования целиком или в подавляющей части производятся в самом хозяйстве, возмещаются и воспроизводятся непосредственно из его валового продукта. Она предполагает, далее, соединение сельской домашней промышленности с земледелием; прибавочный продукт, образующий ренту, есть продукт этого соединенного земледельческо-промышленного семейного труда, причем, как это часто наблюдалось в средние века, в продуктовую ренту могут входить в большей или меньшей мере промышленные продукты или же она доставляется лишь в форме собственно земледельческого продукта. При этой форме ренты, когда прибавочный труд представлен в продуктовой ренте, рента может и не исчерпывать всего избыточного труда деревенской семьи. Напротив, производителю дается здесь, по сравнению с отработочной рентой, больший простор для того, чтобы найти время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему самому совершенно так же, как продукт его труда, удовлетворяющий его необходимейшие потребности. Вместе с этой формой появятся более крупные различия в хозяйственном положении отдельных непосредственных производителей. По крайней мере, является возможность этого и даже возможность того, что этот непосредственный производитель приобретает средства для того, чтобы в свою очередь непосредственно эксплуатировать чужой труд. Однако это, поскольку мы рассматриваем чистую форму продуктовой ренты, здесь нас не касается; как и вообще, мы не можем разбирать бесконечные различные комбинации, в которых различные формы ренты могут сочетаться, искажаться и сливаться. Благодаря связанной с определенным характером продукта и самого производства форме продуктовой ренты, благодаря необходимому при ней соединению сельского хозяйства и домашней промышленности, благодаря тому, что при ней крестьянская семья приобретает почти совершенно самодовлеющий характер вследствие своей независимости от рынка, от изменений производства и от исторического движения стоящей вне ее части общества, словом, благодаря характеру натурального хозяйства вообще, эта форма как нельзя более

пригодна для того, чтобы служить базисом застойных общественных отношений, как это наблюдается, например, в Азии», Здесь, как и при более ранней форме отработочной ренты, земельная рента является нормальной формой прибавочной стоимости, а потому и прибавочного труда, то есть всего избыточного труда, который непосредственный производитель принужден даром, фактически, следовательно, по принуждению, выполнять на собственника существеннейшего условия его труда, на собственника земли, — хотя это принуждение уже не противостоит ему в старой грубой форме. Прибыль, — если мы, позволив себе ложную антиципацию, так назовем ту частицу избытка труда непосредственного производителя над необходимым трудом, которую он присваивает сам себе, — столь мало влияет на продуктовую ренту, что скорее она появляется за спиной последней и находит свою естественную границу в размере этой ренты. Последняя может достигать таких размеров, при которых она является серьезной угрозой воспроизводству условий труда, самих средств производства, делает более или менее невозможным расширение производства и принуждает непосредственного производителя довольствоваться физически необходимым минимумом жизненных средств. Так бывает в особенности в том случае, когда эту форму находит готовой и использует торговая нация-завоеватель, как, например, англичане в Индии.

IV. ДЕНЕЖНАЯ РЕНТА

Под денежной рентой мы понимаем здесь — в отличие от промышленной или коммерческой земельной ренты, покоящейся на капиталистическом способе производства и представляющей собой лишь избыток над средней прибылью — земельную ренту, возникающую из простого превращения формы продуктовой ренты, как и она сама, в свою очередь, была лишь превращенной отработочной рентой. Непосредственному производителю приходится здесь уплачивать своему земельному собственнику (будет ли то государство или частное лицо) вместо продукта цену продукта. Следовательно, уже недостаточно получить избыток продукта в его натуральной форме, этот избыток необходимо превратить из натуральной формы в денежную форму. Хотя непосредственный производитель по-прежнему продолжает производить сам, по крайней мере наибольшую часть своих средств существования, однако часть его продукта должна теперь быть превращена в товар, произведена как товар. Следовательно, характер всего способа производства более

или менее изменяется. Он утрачивает свою независимость, свою отрешенность от связи с обществом. Отношение издержек производства, в которые теперь входят в большей или меньшей мере денежные затраты, приобретает решающее значение; во всяком случае приобретает решающее значение избыток той части валового продукта, которую предстоит превратить в деньги, над той частью, которая должна послужить, с одной стороны, опять как средство воспроизводства, с другой стороны, как непосредственное средство существования. Тем не менее базис этого рода ренты, хотя он и идет здесь навстречу своему разложению, все еще остается тот же, как при продуктовой ренте, образующей исходный пункт. Непосредственный производитель по-прежнему является наследственным или вообще традиционным владельцем земли, который должен отдавать земельному собственнику как собственнику существеннейшего условия его производства избыточный принудительный труд, то есть неоплаченный, выполняемый без эквивалента труд в форме прибавочного продукта, превращенного в деньги. Собственность на условия труда, отличные от земли, земледельческие орудия и прочую движимость, сначала фактически, а потом и юридически превращается в собственность непосредственных производителей уже при предшествующих формах, и тем более приходится предполагать это для такой формы, как денежная рента. Сначала спорадическое, потом все более и более совершающееся в национальном масштабе превращение продуктовой ренты в денежную ренту предполагает уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения. Оно предполагает далее рыночную цену продуктов и то, что они продаются более или менее близко к своей стоимости, чего может и не быть при прежних формах. На востоке Европы мы можем еще отчасти и теперь наблюдать процесс этого превращения. Насколько это неосуществимо без известного развития общественной производительной силы труда, свидетельствуют имевшие место при римских императорах различные потерпевшие неудачу попытки этого превращения и возвраты к натуральной ренте после того, как хотели превратить в денежную ренту хотя бы ту часть натуральной ренты, которая взималась в виде государственного налога. Об этой же трудности перехода свидетельствуют, например, фальсификация и слияние денежной ренты с остатками ее прежних форм накануне революции во Франции.

Денежная рента как превращенная форма продуктовой ренты, и в противоположность ей, есть последняя форма

и в то же время форма разложения того рода земельной ренты, который мы рассматривали до настоящего времени, именно земельной ренты как нормальной формы прибавочной стоимости и неоплаченного прибавочного труда, который приходится отдавать собственнику условий производства. В своей чистой форме эта рента, как и отработочная рента и продуктовая рента, не представляет какого-либо избытка над прибылью. По своему понятию она поглощает последнюю. Поскольку прибыль возникает фактически лишь как особая часть избыточного труда наряду с рентой, денежная рента, как и рента в ее прежних формах, все еще остается нормальной границей этой эмбриональной прибыли, которая может развиваться лишь с появлением возможности эксплуатации или своего собственного избыточного труда или чужого избыточного труда, который совершается по выполнении прибавочного труда, воплощенного в денежной ренте. Если прибыль действительно возникает наряду с этой рентой, то не прибыль является границей ренты, а, наоборот, рента является границей прибыли. Но, как уже сказано, денежная рента есть в то же время форма разложения рассматривавшейся до сих пор земельной ренты, совпадающей prima facie* с прибавочной стоимостью и прибавочным трудом, земельной ренты как нормальной и господствующей формы прибавочной стоимости.

В своем дальнейшем развитии денежная рента необходимо приводит, — оставляя в стороне все промежуточные формы, как, например, форму мелкокрестьянских арендаторов, — или к превращению земли в свободную крестьянскую собственность или к форме капиталистического способа производства, к ренте, уплачиваемой капиталистическим арендатором.

При денежной ренте традиционное обычно-правовое отношение между зависимым непосредственным производителем, владеющим частью земли и обрабатывающим ее, и земельным собственником необходимо превращается в договорное, определяемое точными нормами положительного закона, чисто денежное отношение. Поэтому возделыватель-владелец фактически становится простым арендатором. Это превращение при наличии прочих благоприятствующих общих отношений производства, с одной стороны, используется для того, чтобы постепенно экспроприировать старых крестьян-владельцев и заменить их капиталистическим арендатором; с другой стороны, оно ведет к тому, что прежний владелец выкупает свое оброчное обязательство и превращается в независимого крестьянина

* — прежде всего. *Ред.*

с полной собственностью на возделываемую им землю. Далее, превращению натуральной ренты в денежную не только непременно сопутствует, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги. В течение периода их возникновения, когда этот новый класс появляется лишь спорадически, у лучше поставленных обязанных оброком [rentepflichtigen] крестьянских хозяйств развивается по необходимости обыкновение эксплуатировать за свой счет сельских наемных рабочих, — совершенно так же, как уже в эпоху феодализма более состоятельные зависимые крестьяне, в свою очередь, держали крепостных. Таким образом у них складывается мало-помалу возможность накоплять известное состояние и самим обратиться в будущих капиталистов. Среди самих прежних владельцев земли, которые сами ее обрабатывали, возникает таким образом рассадник капиталистических арендаторов, развитие которых зависит от общего развития капиталистического производства вне пределов сельского хозяйства и которые расцветают с особенной быстротой, если им способствуют, как в XVI веке в Англии, особо благоприятные обстоятельства вроде тогдашнего возрастающего обесценения денег, обогащавшего их при традиционных долгосрочных арендных договорах за счет земельных собственников.

Далее: когда рента принимает форму денежной ренты и вместе с тем отношение между крестьянином, уплачивающим ренту, и земельным собственником принимает форму договорного отношения — превращение, возможное вообще лишь при уже данном относительно высоком уровне развития мирового рынка, торговли и промышленности, — необходимо начинается и предоставление земли в аренду капиталистам, которые до того времени стояли далеко от земледелия и которые теперь переносят в деревню и в сельское хозяйство нажитый в городе капитал и уже развившийся в городах капиталистический способ ведения хозяйства, производство продукта только как товара и только как средства для присвоения прибавочной стоимости. Общим правилом эта форма может стать лишь в странах, которые при переходе от феодального к капиталистическому способу производства господствовали на мировом рынке. С появлением капиталистического арендатора между земельным собственником и действительно работающим земледельцем разрываются все отношения, возникшие из прежнего способа производства в деревне. Арендатор становится действительным командиром этих сельскохозяйственных рабочих и действительным эксплуататором их прибавочного труда, между тем как земельный собственник стоит теперь в прямом

отношении, именно просто денежном и договорном отношении, только к этому капиталистическому арендатору. Вместе с тем претерпевает превращение и природа ренты, — не только фактически и случайно, как отчасти наблюдалось уже при прежних формах, а нормально, в ее признанной и господствующей форме. От нормальной формы прибавочной стоимости и прибавочного труда она низводится до избытка этого прибавочного труда над той его частью, которая присваивается в форме прибыли эксплуатирующим капиталистом; равно как он же теперь непосредственно извлекает весь прибавочный труд, — прибыль и избыток над прибылью, — захватывает его в форме всего прибавочного продукта и превращает в деньги. В качестве ренты он отдает земельному собственнику теперь только избыточную часть этой прибавочной стоимости, которую он, благодаря своему капиталу, извлек непосредственной эксплуатацией сельских рабочих. Много или мало он отдает земельному собственнику, это определяется в среднем, как предел, той средней прибылью, которую капитал приносит в неземледельческих сферах производства, и регулируемыми ею неземледельческими ценами производства. Итак, из нормальной формы прибавочной стоимости и прибавочного труда рента теперь превратилась в характерный для этой особой сферы производства, для земледельческой сферы, избыток над той частью прибавочного труда, на которую капитал претендует как на часть, с самого начала и нормально причитающуюся ему. Вместо ренты нормальной формой прибавочной стоимости сделалась теперь прибыль, и рента имеет теперь значение лишь обособившейся при особых обстоятельствах формы не прибавочной стоимости вообще, а определенного ее ответвления, добавочной прибыли. Нет необходимости дольше останавливаться на том, как этому превращению соответствует постепенное превращение в самом способе производства. Это видно уже из того, что нормальным для этого капиталистического арендатора является производство земледельческого продукта как товара и что, если раньше в товар превращался лишь избыток над его средствами существования, то теперь относительно лишь ничтожная доля этих товаров непосредственно превращается в средства существования для него. Уже не земля, а капитал непосредственно подчиняет теперь себе и своей производительности земледельческий труд.

Средняя прибыль и регулируемая ею цена производства образуются вне земледелия как такового, в сфере городской торговли и промышленности. Прибыль оброчного крестьянина не принимает участия в выравнивании прибылей, потому что

его отношение к земельному собственнику не есть капиталистическое отношение. Поскольку он получает прибыль, то есть реализует — собственным ли трудом или эксплуатацией чужого труда — избыток над необходимыми средствами своего существования, это совершается вне нормального отношения и при прочих равных условиях высота этой прибыли не определяет ренту, а, наоборот, сама она определяется рентой как своей границей. Высокая норма прибыли в средние века обязана своей высотой не только низкому строению капитала, в котором преобладает переменный, затрачиваемый на заработную плату элемент. Она обязана своей высотой практикуемому в деревне надувательству, присвоению части ренты земельного собственника и дохода подвластного ему населения. Если в средние века деревня эксплуатирует город политически повсюду, где феодализм не был сломлен исключительным развитием городов, как в Италии, то город повсюду и без исключений эксплуатирует деревню экономически своими монопольными ценами, своей системой налогов, своим цеховым строем, своим прямым купеческим обманом и своим ростовщичеством.

Можно было бы вообразить, что простой факт вступления капиталистического арендатора в сельскохозяйственное производство служит доказательством того, что цена земледельческих продуктов, с которых в той или иной форме искони уплачивалась рента, должна бы стоять выше цен производства в промышленности по крайней мере в эпоху этого вступления, — потому ли, что она достигла уровня монопольной цены, или же потому, что она повысилась до уровня стоимости земледельческих продуктов, а их стоимость действительно выше цены производства, регулируемой средней прибылью. Потому что в противном случае капиталистический арендатор при тех ценах земледельческих продуктов, которые он застал, не мог бы сначала реализовать из цены этих продуктов среднюю прибыль, а потом из той же самой цены уплатить еще в форме ренты избыток над этой прибылью. Из этого можно было бы заключить, что общая норма прибыли, которую капиталистический арендатор имеет в виду при заключении договора с земельным собственником, образовалась без включения ренты и потому, начиная играть регулирующую роль в сельском хозяйстве, находит этот избыток готовым и уплачивает его земельному собственнику. Таким традиционным способом объясняет себе дело, например, г-н Родбертус[93]. Но:

Во-первых. Это проникновение капитала в земледелие как самостоятельной и ведущей силы совершается не разом и не повсюду, а постепенно и в особых отраслях производства. Он

захватывает сначала не собственно земледелие, а такие отрасли производства, как животноводство, особенно овцеводство, основной продукт которого, шерсть, при подъеме промышленности дает на первых порах постоянный избыток рыночной цены над ценой производства, что выравнивается лишь впоследствии. Так было в Англии в XVI веке.

Во-вторых. Так как это капиталистическое производство сначала выступает лишь спорадически, то ничего нельзя возразить против предположения, что оно сначала овладевает лишь такими комплексами земель, которые вследствие своего особого плодородия или вследствие особо благоприятного местоположения могут в общем приносить дифференциальную ренту.

В-третьих. Предположим даже, что при появлении этого способа производства, предполагающего фактически возрастание удельного веса городского спроса, цены земледельческого продукта были выше цены производства, как это без сомнения было, например, в последнюю треть XVII века в Англии, — даже и в этом случае, раз этот способ производства до известной степени выйдет из простого подчинения земледелия капиталу и как только произойдет необходимо связанное с его развитием улучшение в земледелии и понижение издержек производства, это превышение цен земледельческого продукта над ценами производства выровняется благодаря известной реакции — падению цен земледельческих продуктов, как это было в первой половине XVIII века в Англии.

Итак, этим традиционным способом невозможно объяснить ренту как избыток над средней прибылью. При каких бы исторически данных условиях ни выступила рента впервые, — раз она пустила корень, она может иметь место лишь при ранее указанных современных условиях.

В заключение, говоря о превращении продуктовой ренты в денежную ренту, следует еще заметить, что при этой последней становится существенным моментом капитализированная рента, цена земли, а следовательно, ее отчуждаемость и отчуждение, и что благодаря этому не только прежние оброчные крестьяне могут превратиться в независимых крестьян-собственников, но и городские и прочие денежные люди могут покупать участки земли с той целью, чтобы сдавать их крестьянам или капиталистам и пользоваться рентой как формой процента на свой таким способом употребленный капитал; что, следовательно, и это обстоятельство способствует преобразованию прежнего способа эксплуатации, отношения между собственником и действительным земледельцем, а также самой ренты.

V. ИЗДОЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО И КРЕСТЬЯНСКАЯ ПАРЦЕЛЛЯРНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Здесь мы подошли к концу ряда ступеней развития земельной ренты.

Во всех этих формах земельной ренты — отработочная рента, продуктовая рента, денежная рента (как просто превращенная форма продуктовой ренты) — плательщик ренты всегда предполагается действительным земледельцем и владельцем земли, неоплаченный прибавочный труд которого непосредственно идет к собственнику земли. Даже при последней форме, при денежной ренте, — поскольку она выступает в чистом виде, то есть как просто превращенная форма продуктовой ренты,— это не только возможно, но и действительно так бывает.

Как переходную форму от первоначальной формы ренты к капиталистической ренте можно рассматривать Metairie-System, или систему издольного хозяйства, при которой земледелец (арендатор), кроме труда (собственного или чужого), доставляет часть производительного капитала, а земельный собственник, кроме земли, — остальную часть этого капитала (например, скот), и продукт делится в определенных, различных для различных стран пропорциях между издольщиком и земельным собственником. С одной стороны, у арендатора здесь нет достаточного капитала для вполне капиталистического хозяйствования. С другой стороны, та доля, которую получает здесь земельный собственник, не обладает чистой формой ренты. Фактически в ней может заключаться процент на авансированный земельным собственником капитал и избыточная рента. Она может фактически также и поглотить весь прибавочный труд арендатора или же оставить ему большую или меньшую часть этого прибавочного труда. Но существенное заключается в том, что рента здесь уже не выступает как нормальная форма прибавочной стоимости вообще. С одной стороны, издольщик, применяет ли он только собственный или же и чужой труд, предъявляет притязание на известную часть продукта не потому, что он работник, а потому, что он владелец части орудий труда, капиталист сам для себя. С другой стороны, земельный собственник предъявляет притязание на свою долю не только в силу собственности на землю, но и как лицо, ссудившее капитал[44a)].

Остаток старой общинной собственности на землю, сохранившийся после перехода к самостоятельному крестьянскому

[44a)] Ср. Бюре, Токвиль, Сисмонди[94].

хозяйству, например в Польше и Румынии, послужил там предлогом для того, чтобы осуществить переход к более низким формам земельной ренты. Часть земли принадлежит отдельным крестьянам и обрабатывается ими самостоятельно. Другая обрабатывается сообща и образует прибавочный продукт, который служит отчасти для покрытия расходов общины, отчасти как резерв на случай неурожаев и т. д. Эти две последних части прибавочного продукта, а в конце концов и весь прибавочный продукт вместе с землей, на которой он вырастает, мало-помалу узурпируются государственными чиновниками и частными лицами, и первоначально свободные крестьяне — земельные собственники, для которых сохраняется повинность совместной обработки этой земли, превращаются таким образом в обязанных нести барщину или обязанных к платежу продуктовой ренты, между тем как узурпаторы общинной земли превращаются в собственников не только узурпированной общинной земли, но и самих крестьянских участков.

Здесь нам нет надобности более подробно останавливаться на собственно рабовладельческом хозяйстве (которое тоже проходит ряд ступеней — от патриархальной системы, рассчитанной преимущественно на собственное потребление, до собственно плантаторской системы, работающей на мировой рынок) и на помещичьем хозяйстве, в котором земельный собственник ведет обработку за собственный счет, владеет всеми орудиями производства и эксплуатирует труд батраков, — несвободных или свободных, оплачиваемых натурой или деньгами. Земельный собственник и собственник орудий производства, а потому и непосредственный эксплуататор рабочих, относящихся к числу этих элементов производства, здесь совпадают. Точно так же совпадают рента и прибыль, обособление различных форм прибавочной стоимости не имеет места. Собственник всех орудий производства, к которым относится земля, а при первоначальной форме рабства и сами непосредственные производители, прямо выжимает из работников весь прибавочный труд, который здесь представлен в прибавочном продукте. Там, где господствуют капиталистические представления, как на американских плантациях, вся эта прибавочная стоимость рассматривается как прибыль; там, где не существует самого капиталистического способа производства и куда еще не перепесен соответствующий ему способ представления из капиталистических стран, она представляется рентой. Во всяком случае эта форма не представляет никаких затруднений. Доход земельного собственника, какое название ни давали бы ему, присваиваемый им наличный прибавочный продукт является

здесь той нормальной и господствующей формой, в которой непосредственно присваивается весь неоплаченный прибавочный труд, и земельная собственность образует базис этого присвоения,

Далее *парцеллярная собственность.* Крестьянин здесь одновременно и свободный собственник своей земли, которая является основным средством его производства, необходимым полем приложения его труда и капитала. При этой форме не уплачивается никакой арендной платы, следовательно, рента не выступает в качестве обособленной формы прибавочной стоимости, хотя в странах, где вообще получил развитие капиталистический способ производства, она при сравнении с другими отраслями производства представляется добавочной прибылью, но такой добавочной прибылью, которая, как вообще вся выручка от труда, достается крестьянину.

Эта форма земельной собственности предполагает, что, как и при прежних, более древних формах земельной собственности, сельское население численно значительно преобладает над городским, что, следовательно, хотя капиталистический способ производства вообще и господствует, но относительно он развит слабо, а потому и в других отраслях производства концентрация капитала движется в узких пределах, преобладает раздробление капиталов. По существу дела сами производители, крестьяне, должны потреблять здесь преобладающую долю сельскохозяйственного продукта как непосредственное средство существования, и лишь избыток над этой долей может как товар входить в торговлю с городами. Как бы ни регулировалась здесь средняя рыночная цена земледельческого продукта, дифференциальная рента, избыточная часть цены товаров с лучших или лучше расположенных земель, очевидно, должна существовать здесь точно так же, как при капиталистическом способе производства. Даже в тех случаях, когда эта форма существует на такой ступени общественного развития, когда еще вообще не развилась общая рыночная цена, существует эта дифференциальная рента; она тогда выступает в виде избыточного прибавочного продукта. Но попадает она в карман того крестьянина, труд которого совершается при более благоприятных естественных условиях. Как раз при этой форме, где цена земли входит элементом в фактические издержки производства для крестьянина, потому ли, что с дальнейшим развитием этой формы земля достается при разделе наследства взамен известной денежной стоимости, или потому, что при постоянных переходах всей собственности или части ее сам земледелец покупает землю, причем деньги он добывает по

большей части под ипотеку; где, следовательно, цена земли, представляющая не что иное, как капитализированную ренту, есть элемент, предполагаемый заранее, и где поэтому кажется, что рента существует независимо от каких бы то ни было различий в плодородии и местоположении земли, — как раз при этой форме приходится в общем предполагать, что абсолютной ренты не существует и что, следовательно, наихудшая земля не приносит никакой ренты; потому, что абсолютная рента или предполагает, что реализуется избыток стоимости продукта над его ценой производства, или предполагает избыточную монопольную цену, превышающую стоимость продукта. Но так как сельское хозяйство ведется здесь главным образом ради непосредственных средств существования и так как земля представляет для большинства населения необходимое поле приложения его труда и капитала, то регулирующая рыночная цена продукта лишь при исключительных обстоятельствах достигнет размеров его стоимости; стоимость же эта вследствие преобладания элемента живого труда будет, как правило, выше цены производства, хотя этот избыток стоимости над ценой производства ограничивается, в свою очередь, тем, что в странах преобладающего парцеллярного хозяйства и неземледельческий капитал имеет низкое строение. Пределом эксплуатации для парцеллярного крестьянина не является, с одной стороны, ни средняя прибыль на капитал, поскольку сам этот крестьянин мелкий капиталист, ни необходимость ренты, с другой стороны, поскольку сам он земельный собственник. Абсолютной границей для него как для мелкого капиталиста является лишь заработная плата, которую он, за вычетом собственно издержек, уплачивает сам себе. Пока цена продукта покрывает заработную плату для него, он будет возделывать свою землю, — часто вплоть до тех пор, когда покрывается лишь физический минимум заработной платы. Что касается его как земельного собственника, то для него отпадает граница, полагаемая собственностью, которая может проявиться лишь по отношению к обособленному от нее капиталу (включая и труд), препятствуя его приложению. Конечно, процент на цену земли, который притом обыкновенно приходится уплачивать третьему лицу, ипотечному кредитору, является границей. Но этот процент может уплачиваться как раз из той части прибавочного труда, которая при капиталистических отношениях образовала бы прибыль. Следовательно, рента, антиципированная в цене земли и уплачиваемом на последнюю проценте, не может быть чем-либо иным, как лишь частью капитализированного прибавочного труда крестьянина, избытка над трудом, необходи-

мым для его существования, хотя этот прибавочный труд не реализуется в части стоимости товара, равной всей средней прибыли, и тем более в избытке над реализованным в средней прибыли прибавочным трудом, в добавочной прибыли. Рента может быть вычетом из средней прибыли или даже единственной частью ее, которая и реализуется. Итак, для того чтобы владеющий парцеллой крестьянин обрабатывал свою землю или купил землю для возделывания, нет необходимости в том, чтобы, как это имеет место при нормальном капиталистическом способе производства, рыночная цена земледельческого продукта поднялась настолько высоко, чтобы приносить ему среднюю прибыль, а тем более избыток над этой средней прибылью, фиксированный в форме ренты. Следовательно, нет необходимости в том, чтобы рыночная цена повысилась до уровня стоимости или до уровня цены производства продукта парцеллярного крестьянина. Здесь — одна из причин того, что в странах с преобладанием парцеллярной собственности цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталистическим способом производства. Часть прибавочного труда крестьян, работающих при самых неблагоприятных условиях, предоставляется обществу даром и не принимает участия в регулировании цен производства или в образовании стоимости вообще. Следовательно, такая низкая цена есть следствие бедности производителей, а ни в коем случае не результат производительности их труда.

Эта форма свободной парцеллярной собственности крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство, в качестве преобладающей, нормальной формы, с одной стороны, образует экономическое основание общества в лучшие времена классической древности, с другой стороны, мы встречаем ее у современных народов как одну из форм, проистекающих из разложения феодальной земельной собственности. Таковы йомены в Англии, крестьянское сословие в Швеции, французское и западногерманское крестьянство. О колониях мы здесь по говорим, так как независимый крестьянин развивается там при иных условиях.

Свободная собственность крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство, есть очевидно самая нормальная форма земельной собственности для мелкого производства, то есть для такого способа производства, в котором обладание землей есть условие принадлежности работнику продукта его труда и в котором земледелец, свободный собственник или подданный, производит всегда сам себе средства к жизни независимо, как обособленный работник со своей семьей. Собственность на

землю так же необходима для полного развития этого способа производства, как собственность на инструмент для свободного развития ремесленного производства. Она образует здесь базис для развития личной самостоятельности. Она является необходимой переходной ступенью для развития самого земледелия. Причины, по которым эта собственность гибнет, раскрывают ее пределы.. Они таковы: уничтожение сельской домашней промышленности, образующей нормальное дополнение к ней, вследствие развития крупной промышленности; постепенное обеднение и истощение почвы в условиях мелкого производства; узурпация крупными земельными собственниками общинной собственности, которая повсюду образует второе дополнение парцеллярного хозяйства и только и дает ему возможность содержать скот; конкуренция крупного сельского хозяйства, ведется ли оно как плантаторское хозяйство или как капиталистическое. Ее гибели содействуют также, как это было в Англии в первой половине XVIII века, улучшения в земледелии, которые приводят, с одной стороны, к понижению цен земледельческих продуктов, а с другой стороны, требуют увеличения затрат и более значительных вещественных условий производства.

Мелкая земельная собственность по самой своей природе исключает развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, животноводство в крупных размерах, прогрессивное применение науки.

Ростовщичество и система налогов должны вести ее повсюду к гибели. Употребление капитала на покупку земли отнимает этот капитал от агрикультуры. Бесконечное раздробление средств производства и обособление самих производителей. Безмерное расточение человеческой силы. Прогрессивное ухудшение условий производства и вздорожание средств производства — необходимый закон мелкой собственности. Для этого способа производства урожайные годы — несчастье[45)].

Один из специфических недостатков мелкого земледелия там, где оно связано со свободной собственностью на землю, проистекает из того, что земледелец затрачивает капитал на покупку земли. (То же относится и к переходной форме, при которой крупный землевладелец затрачивает капитал, во-первых, на покупку земли и, во-вторых, на то, чтобы в качестве ее арендатора вести на ней хозяйство.) При той подвижности, которую приобретает здесь земля как простой товар, возрастает

[45)] См. у Тука тронную речь французского короля[95].

число меняющихся владельцев ею[46], так что для каждого нового поколения, с каждым разделом наследства, земля, с точки зрения крестьянина, снова выступает в виде капитальной затраты, то есть становится купленной им землей. Цена земли образует здесь преобладающий элемент индивидуальных непроизводительных издержек производства или издержек производства продукта индивидуальных производителей.

Цена земли есть не что иное, как капитализированная и поэтому антиципированная рента. Если земледелие ведется капиталистически, так что земельный собственник получает только ренту, арендатор же ничего не платит за землю, кроме этой ежегодной ренты, то ясно, что хотя капитал, затраченный самим земельным собственником на покупку земли, является для него капиталом, приносящим проценты, он тем не менее не имеет ничего общего с капиталом, затраченным на само земледелие. Он не составляет элемента ни функционирующего в земледелии основного, ни оборотного капитала[47], напротив, он только доставляет покупателю титул на получение ежегодной ренты, но не имеет решительно никакого отношения к производству этой ренты. Ведь покупатель земли отдает капитал как раз тому, кто продает землю, и взамен продавец отказывается от своей собственности на землю. Следовательно, как капитал покупателя этот капитал уже не существует; у покупателя его уже нет; следовательно, он не относится к тому капиталу, который каким-либо способом можно было бы вложить в самую землю. Дорого или дешево покупатель купил землю, или получил ее даром, — это ничего не изменяет ни в том капитале, который арендатор затрачивает на ведение хозяйства, ни в ренте, а влияет лишь на то, представляется ли рента для него процентом или нет, соответственно, представляется она высоким или низким процентом.

Возьмем, например, рабовладельческое хозяйство. Цена, уплачиваемая здесь за раба, есть не что иное, как антиципированная и капитализированная прибавочная стоимость или прибыль, которая со временем будет выжата из него. Но капитал,

[46] См. Мунье и Рюбишон[96].

[47] Г-н д-р H. Maron («Extensiv oder Intensiv?» {других данных об этой брошюре Маркс не приводит}) исходит из ложного предположения тех, с кем он борется. Он предполагает, что капитал, затрачиваемый на покупку земли, есть «Anlagekapital», и потом начинает спорить относительно соответствующих определений понятий Anlagekapital и Betriebskapital, то есть основной капитал и оборотный капитал. Его совершенно ученические представления о капитале вообще — извинительные, впрочем, для неэкономиста вследствие состояния немецкой «науки о народном хозяйстве» — скрывают от него, что этот капитал не есть ни основной, ни оборотный капитал; точно так же, как капитал, который кто-нибудь затрачивает на бирже на покупку акций или государственных ценных бумаг и который для этого человека представляет вложение капитала, в действительности не «вкладывается» в какую-либо из отраслей производства.

уплаченный при покупке раба, не входит в состав того капитала, посредством которого из раба извлекается прибыль, прибавочный труд. Наоборот. Это — капитал, отчужденный рабовладельцем, вычет из того капитала, которым он располагает в действительном производстве. Он перестал существовать для рабовладельца, — совершенно так же, как капитал, затраченный на покупку земли, перестал существовать для земледелия. Это лучше всего доказывается тем, что он вновь начнет существовать для рабовладельца или собственника земли лишь в том случае, если они снова продадут раба или землю. Но тогда этот капитал перестает существовать для этого покупателя. Оттого что он купил раба, он еще не в состоянии сразу эксплуатировать раба. Эту возможность даст ему лишь дальнейший капитал, который будет помещен им в само рабовладельческое хозяйство.

Один и тот же капитал не существует вдвойне: и в руках продавца и в руках покупателя земли. Из рук покупателя он переходит в руки продавца, и этим дело закончено. У покупателя теперь нет капитала, но у него имеется зато участок земли. То обстоятельство, что ренту, получаемую от действительного приложения капитала к этому участку земли, новый земельный собственник считает теперь процентом на капитал, который он не вложил в землю, а потратил на приобретение земли, решительно ничего не изменяет в экономической природе фактора земли, — как то обстоятельство, что кто-нибудь уплатил 1000 ф. ст. за трехпроцентные консоли, не имеет никакого отношения к тому капиталу, из дохода которого выплачиваются проценты по государственному займу.

Деньги, затраченные на покупку земли, как и деньги, израсходованные на покупку государственных ценных бумаг, есть в действительности капитал лишь *в себе,* как всякая сумма стоимости на базисе капиталистического способа производства есть капитал в себе, потенциальный капитал. Что уплачивается за землю, как и за государственные ценные бумаги, как и за другой покупаемый товар, — это известная сумма денег. Она капитал в себе, потому что она может быть превращена в капитал. От того употребления, которое продавец сделает из полученных им денег, зависит, превратятся ли они действительно в капитал или нет. Для покупателя они уже не могут функционировать как капитал, — подобно всяким другим деньгам, которые им окончательно израсходованы. В его расчетах они фигурируют для него как капитал, приносящий проценты, потому что доход, получаемый в виде ренты с земли или процента по государственному займу, исчисляется им как процент

на деньги, которых стоила ему покупка права на этот доход. Он может реализовать их как капитал только посредством перепродажи. Но тогда другой, новый покупатель окажется в таком же положении, в котором был первый, и никакими перемещениями из рук в руки затраченные таким образом деньги не могут превратиться в действительный капитал для того, кто их затратил.

При мелкой земельной собственности еще больше упрочивается та иллюзия, будто сама земля имеет стоимость и потому входит как капитал в цену производства продукта, подобно машине или сырому материалу. Но мы видели, что рента, а потому и капитализированная рента, цена земли, только в двух случаях может принимать участие в определении цены земледельческого продукта. Во-первых, когда вследствие строения земледельческого капитала, — капитала, который не имеет ничего общего с капиталом, затраченным на покупку земли, — стоимость земледельческого продукта выше его цены производства, и отношения рынка дают собственнику земли возможность использовать эту разницу. Во-вторых, когда имеет место монопольная цена. И то и другое реже всего встречается при парцеллярном хозяйстве и мелкой земельной собственности, потому что как раз здесь производство в очень большой мере служит для удовлетворения потребностей самого земледельца и совершается независимо от регулирования общей нормой прибыли. Даже в тех случаях, когда парцеллярное хозяйство ведется на арендованной земле, арендная плата здесь в несравненно большей мере, чем при каких бы то ни было иных отношениях, заключает в себе часть прибыли и даже вычет из заработной платы; в таком случае это — рента лишь номинально, это не рента как самостоятельная категория в противоположность заработной плате и прибыли.

Итак, затрата денежного капитала на покупку земли вовсе не представляет собой вложение земледельческого капитала. Напротив, она означает соответственное уменьшение того капитала, которым могут располагать в своей сфере производства мелкие крестьяне. Она уменьшает соответствующим образом размер их средств производства и поэтому суживает экономическую базу воспроизводства. Она подчиняет мелкого крестьянина ростовщичеству, так как в этой области вообще реже встречаются настоящие кредитные отношения. Она представляет собой помеху земледелию также и в том случае, когда ее предпринимают крупные хозяйства. Она на самом деле противоречит капиталистическому способу производства, для которого в целом безразлична задолженность земельного

собственника, все равно, унаследовал ли он свой участок земли или купил его. Сам ли он забирает ренту, или же должен, в свою очередь, отдать ее ипотечному кредитору, — это само по себе ничего не изменяет в ведении хозяйства в арендованном имении.

Мы видели, что при данной земельной ренте цена земли регулируется ставкой процента. Если последняя низка, то цена земли высока, и наоборот. Итак, при нормальных условиях высокая цена земли и низкая ставка процента должны бы идти рука об руку, так что, если бы крестьянин вследствие низкой ставки процента дорого заплатил за землю, то эта же самая низкая ставка процента должна была бы обеспечить ему на благоприятных условиях в кредит капитал для ведения хозяйства. В действительности при господстве парцеллярной собственности дело обстоит иначе. Прежде всего, к крестьянам не относятся общие законы кредита, так как они предполагают, что производитель является капиталистом. Во-вторых, там, где преобладает парцеллярная собственность — о колониях здесь нет речи — и парцеллярный крестьянин образует основу нации, образование капитала, то есть общественное воспроизводство, сравнительно слабо и еще слабее образование ссудного денежного капитала в ранее изложенном смысле. Оно предполагает концентрацию и существование класса богатых праздных капиталистов (Масси[97]). В-третьих, в том случае, где собственность на землю составляет жизненное условие для большей части производителей и необходимую сферу для приложения их капитала, цена земли повышается независимо от ставки процента, а часто вместе с ней в силу превышения спроса на земельную собственность над предложением. За землю, продаваемую парцеллами, часто получают здесь гораздо более высокую цену, чем при продаже крупными массивами, так как здесь число мелких покупателей огромно, а число крупных покупателей мало («черные банды»[98], Рюбишон[99]; Ньюмен[100]). По всем этим причинам здесь цена земли повышается при относительно высокой ставке процента. Относительно низкому проценту, который крестьянин извлекает здесь из капитала, затраченного на покупку земли (Мунье[101]), на противоположной стороне здесь соответствует высокая ростовщическая процентная ставка, которую сам крестьянин должен уплачивать ипотечному кредитору. Ирландская система обнаруживает то же самое, только в иной форме.

Поэтому цена земли, этот элемент, сам по себе чуждый производству, может достигать здесь такой высоты, что производство становится невозможным (Домбаль).

То обстоятельство, что цена земли играет такую роль, что купля и продажа земли, обращение земли в качество товара, развивается до таких масштабов, практически является следствием развития капиталистического способа производства, при котором товар становится всеобщей формой всех продуктов и всех средств производства. С другой стороны, эти явления развиваются только там, где капиталистический способ производства получил лишь ограниченное развитие и не раскрыл все свои особенности; так как эти явления покоятся именно на том, что земледелие уже не подчинено — или еще не подчинено — капиталистическому способу производства, а подчинено способу производства, сохранившемуся от погибших форм общества. Следовательно, вредные стороны капиталистического способа производства с его зависимостью производителя от денежной цены его продукта совпадают здесь с вредом, проистекающим от недостаточного развития капиталистического способа производства. Крестьянин становится купцом и промышленником без тех условий, при которых он мог бы производить свой продукт в виде товара.

Конфликт между ценой земли как элементом издержек производства для производителя и неэлементом цены производства продукта (даже если рента принимает определяющее участие в образовании цены земледельческого продукта, такого участия отнюдь не принимает капитализированная рента, которая авансируется на 20 и более лет) есть лишь одна из форм, в которых вообще выражается противоречие между частной собственностью на землю и рациональным земледелием, нормальным общественным пользованием землей. Но, с другой стороны, частная собственность на землю, следовательно, экспроприация земли у непосредственных производителей — частная собственность одних, которая подразумевает отсутствие собственности на землю у других, — есть основа капиталистического способа производства.

Здесь, при мелком земледелии, цена земли, эта форма частной собственности на землю и результат такой собственности, выступает сама как ограничение производства. При крупном земледелии и при крупной земельной собственности, основывающейся на капиталистическом способе хозяйства, собственность тоже является ограничением, так как она стесняет фермера в производительных затратах капитала, приносящих выгоду в последнем счете не ему, а земельному собственнику. При обеих формах на место сознательного рационального возделывания земли, как общей вечной собственности, неотчуждаемого условия существования и воспроизводства

постоянно сменяющих друг друга человеческих поколений, выступает эксплуатация и расточение сил земли (не говоря уже о том, что эксплуатация ставится в зависимость не от достигнутого обществом уровня развития, а от случайных неодинаковых обстоятельств отдельных производителей). При мелкой собственности это происходит от недостатка средств и знаний, необходимых для применения общественной производительной силы труда. При крупной собственности — вследствие эксплуатации этих средств для возможно быстрейшего обогащения арендаторов и собственников. И в том и в другом случае — вследствие зависимости от рыночной цены.

Вся критика мелкой земельной собственности в конечном счете сводится к критике частной собственности как границы и помехи для земледелия. К этому же сводится и вся противоположная критика крупной земельной собственности. Конечно, мы здесь для обоих случаев оставляем в стороне побочные политические соображения. Эта граница и эта помеха, которую всякая частная собственность на землю ставит земледельческому производству и рациональному возделыванию, сохранению и улучшению самой почвы, развивается и здесь и там только в различных формах, и в спорах об этих специфических формах зла забывается его основная причина.

Мелкая земельная собственность предполагает, что громадное большинство населения живет в деревнях, что преобладает не общественный, а изолированный труд; что, следовательно, при этом исключается разнообразие и развитие воспроизводства, то есть и материальных, и духовных условий его, исключаются условия рациональной культуры. С другой стороны, крупная земельная собственность сокращает сельское население до постоянно понижающегося минимума и противопоставляет ему все возрастающее, концентрирующееся в больших городах промышленное население; тем самым создаются условия, которые вызывают непоправимую брешь в процессе общественного и диктуемого естественными законами жизни обмена веществ, вследствие чего сила почвы расточительно растрачивается, а эта расточительная растрата при посредство торговли распространяется далеко за пределы собственной страны (Либих[102]).

Если мелкая земельная собственность создает класс варваров, который наполовину стоит вне общества, который соединяет в себе всю грубость первобытных общественных форм со всеми страданиями и всей нищетой цивилизованных стран, то крупная земельная собственность подрывает рабочую силу в той последней области, в которой находит убежище ее при-

родная энергия и в которой она хранится как резервный фонд для возрождения жизненной силы наций — в самой деревне. Крупная промышленность и предпринимательское ведение крупного земледелия действуют рука об руку. Если первоначально они различаются тем, что первая истощает и разрушает больше рабочую силу, а следовательно, естественную силу человека, между тем как второе более непосредственно опустошает и разоряет естественную силу земли, то позже, с ходом развития, они подают друг другу руку: предпринимательская система и в деревне истощает рабочего, а промышленность и торговля, в свою очередь, создают для земледелия средства истощения почвы.

ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ
ДОХОДЫ И ИХ ИСТОЧНИКИ

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ
ТРИЕДИНАЯ ФОРМУЛА

I[48)]

Капитал — прибыль (предпринимательский доход плюс процент), земля — земельная рента, труд — заработная плата: вот триединая формула, которая охватывает все тайны общественного процесса производства.

Далее, поскольку процент, как это показано раньше[*], выступает как специфический, характерный продукт капитала, а предпринимательский доход в противоположность проценту — как независимая от капитала заработная плата, то указанная триединая формула точнее сводится к следующей:

Капитал — процент, земля — земельная рента, труд — заработная плата; в этой формуле прибыль, форма прибавочной стоимости, специфически характеризующая капиталистический способ производства, благополучно устраняется.

При ближайшем рассмотрении этого экономического триединства мы находим следующее:

Во-первых, мнимые источники богатства, которым можно располагать каждый год, относятся к совершенно различным сферам и не имеют ни малейшего сходства между собой. Они относятся друг к другу примерно так же, как нотариальные пошлины, свекла и музыка.

Капитал, земля, труд! Но капитал — это не вещь, а определенное, общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение, которое представлено в вещи и придает этой вещи специфический

---

48) Следующие три отрывка находятся в различных местах рукописи отдела VI. — *Ф. Э.*
* См. настоящий том, часть I, глава XXIII. *Ред.*

общественный характер. Капитал — это не просто сумма материальных и произведенных средств производства. Капитал — это превращенные в капитал средства производства, которые сами по себе столь же мало являются капиталом, как золото или серебро сами по себе — деньгами. Монополизированные определенной частью общества средства производства, обособившиеся по отношению к живой рабочей силе продукты и условия приведения в действие самой этой рабочей силы, — вот что в силу этой противоположности персонифицируется в капитале. Не только продукты рабочих, превратившиеся в самостоятельные силы, продукты как поработители и покупатели своих производителей, но также и общественные силы и будущая... {? неразборчиво}[*] форма этого труда противостоят им как свойства их продукта. Следовательно, мы имеем здесь определенную, на первый взгляд весьма мистическую, общественную форму одного из факторов исторически сложившегося общественного процесса производства.

А теперь рядом с этим земля, неорганическая природа как таковая, «rudis indigestaque moles»[103], то есть во всей ее первозданности. Стоимость — это труд. Поэтому земля не может создать прибавочной стоимости. Абсолютное плодородие почвы не приводит к чему-либо другому, кроме как к тому, что известное количество труда дает известный, обусловливаемый естественным плодородием почвы, продукт. Различие в плодородии почвы приводит к тому, что одни и те же количества трудами капитала, следовательно, одна и та же стоимость, выражаются в различных количествах земледельческих продуктов; следовательно, эти продукты имеют различные индивидуальные стоимости. Выравнивание этих индивидуальных стоимостей в рыночные стоимости приводит к тому, что

> «преимущества более плодородных земель по сравнению с менее плодородными... переходят от земледельца или потребителя к земельному собственнику» (D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». [London, 1821, p. 62]).

И, наконец, в качестве «третьего в союзе»[104] фигурирует простой призрак — труд [«die» Arbeit], который есть не что иное, как абстракция, и как таковой вообще не существует или, если мы возьмем... {неразборчиво}[**] — производительная

[*] Более поздняя расшифровка рукописи в этом месте читается так: «общественные силы их труда и обобществленная форма этого труда» («die gesellschaftlichen Krafte und zusammenhangende Form dieser Arbeit»). *Ред.*

[**] Более поздняя расшифровка рукописи в этом месте читается так: «если мы возьмем то, что под этим скрывается» («wenn wir das Gemeinte nehmen»). *Ред.*

деятельность человека вообще, посредством которой он осуществляет обмен веществ с природой, не только лишенная всякой общественной формы и определенного характера, но выступающая просто в ее естественном бытии, независимо от общества, отрешенно от каких бы то ни было обществ и, как выражение жизни и утверждение жизни, общая еще для необщественного человека и человека, получившего какое-либо общественное определение.

II

Капитал — процент; земельная собственность, частная собственность на землю, и именно современная, соответствующая капиталистическому способу производства, — рента; наемный труд — заработная плата. Итак, в этой форме должна заключаться связь между источниками дохода. Как капитал, так и наемный труд и земельная собственность есть исторически определенные общественные формы, одна — труда, другая — монополизированной земли, и к тому же обе есть формы, соответствующие капиталу и принадлежащие одной и той же экономической общественной формации.

Первое, что бросается в глаза в этой формуле, заключается в том, что рядом с капиталом, рядом с этой формой одного элемента производства, принадлежащей определенному способу производства, определенной исторической структуре общественного процесса производства, рядом с элементом производства, слившимся с определенной общественной формой и представляемым в ней, непосредственно ставятся: земля — с одной стороны, труд — с другой, два элемента реального процесса труда, которые в этой вещественной форме являются общими для всех способов производства, являются вещественными элементами всякого процесса производства и не имеют никакого отношения к его общественной форме.

Во-вторых. В формуле: «капитал — процент, земля — земельная рента, труд — заработная плата» капитал, земля, труд соответственно выступают как источники процента (вместо прибыли), земельной ренты и заработной платы, являющихся их продуктами, плодами; первые — основание, вторые — следствие, первые — причина, вторые — результат; причем каждый отдельный источник относится к своему продукту, как к чему-то выделенному и произведенному им. Все три вида доходов, процент (вместо прибыли), рента, заработная плата, есть три части стоимости продукта, следовательно, вообще части стоимости, или, в денежном выражении, известные денежные

части, части цены. Хотя формула: капитал — процент есть самая бессодержательная формула капитала, но тем не менее это — его формула. Но каким образом земля может создать стоимость, то есть общественно определенное количество труда да еще именно ту особую часть стоимости ее собственных продуктов, которая образует ренту? Земля служит фактором производства известной потребительной стоимости, известного материального продукта, например пшеницы. Но она не имеет никакого отношения к производству *стоимости пшеницы.* Поскольку в пшенице представлена стоимость, пшеница рассматривается лишь как определенное количество овеществленного общественного труда, совершенно независимо от особого вещества, в котором представлен этот труд, или от особой потребительной стоимости этого вещества. Это не противоречит тому, что 1) при прочих равных условиях дешевизна или дороговизна пшеницы зависит от производительности земли. Производительность земледельческого труда связана с природными условиями, и в зависимости от производительности последних одно и то же количество труда бывает представлено в большем или меньшем количестве продуктов, потребительных стоимостей. Как велико количество труда, представленное в одном шеффеле, это зависит от того, какое количество шеффелей доставляется данным количеством труда. От производительности земли здесь зависит, в каких количествах продукта представлена стоимость; но эта стоимость дана независимо от такого распределения. Стоимость представлена в потребительной стоимости; а потребительная стоимость есть условие созидания стоимости; но глупо делать противопоставление там, где на одной стороне стоит потребительная стоимость, земля, а на другой стороне — стоимость, и притом еще особая часть стоимости. 2) {Здесь рукопись обрывается.}

III

Вульгарная политическая экономия в действительности не делает ничего иного, как только доктринерски истолковывает, систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства, захваченных отношениями этого производства. Поэтому нас не может удивлять то обстоятельство, что как раз имея дело с отчужденной формой проявления экономических отношений, в которой они prima facie*

* — прежде всего. *Ред.*

принимают нелепый характер и полны противоречий, — а если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня, — что именно здесь вульгарная политическая экономия чувствует себя совсем как дома и что эти отношения представляются ей тем более само собой разумеющимися, чем более скрыта в них внутренняя связь, хотя для обыденного представления они кажутся привычными. Поэтому она нисколько не понимает, что триединство, из которого она исходит: земля — рента, капитал — процент, труд — заработная плата или цена труда, есть prima facie три невозможных компонента. Прежде всего перед нами потребительная стоимость, *земля,* которая не имеет стоимости, и меновая стоимость, *рента:* таким образом общественное отношение, взятое как вещь, поставлено в отношение пропорциональности к природе; то есть выходит, что в известное отношение друг к другу ставятся две несоизмеримые величины. Затем *капитал — процент.* Если под капиталом понимается определенная сумма стоимости, самостоятельно представленная в деньгах, то prima facie является бессмыслицей то, что стоимость есть большая стоимость, чем она стоит. Как раз в формуле «капитал — процент» отпадает всякое опосредствоваяне, и капитал сводится к своей самой общей, но потому и не объяснимой из себя самой и абсурдной формуле. Именно потому вульгарный экономист и предпочитает формулу «капитал — процент», с таинственным свойством стоимости быть неравной себе самой, формуле «капитал — прибыль», что последняя уже ближе подходит к действительному капиталистическому отношению. А потом, сознавая, что 4 не есть 5 и потому 100 талеров не могут быть 110 талерами, вульгарный экономист ищет спасения от капитала как стоимости в вещественной субстанции капитала, в его потребительной стоимости как условии производства, в машинах, сыром материале и т. д. Таким образом, вместо непонятного первого отношения, при котором 4 = 5, опять выводят совершенно несообразное отношение между потребительной стоимостью, вещью, с одной стороны, и определенным общественным производственным отношением, прибавочной стоимостью, с другой стороны, как и в случае с земельной собственностью. Как только вульгарный экономист доходит до этих несообразностей, ему все становится ясным, он уже не чувствует потребности раздумывать дальше. Ибо он дошел как раз до «рационального» в буржуазном представлении. Наконец, *труд — заработная плата,* цена труда, как показано в «Капитале», кн. I, есть выражение, которое prima facie противоречит понятию стоимости, равно как и понятию цены,

которая вообще сама есть лишь определенное выражение стоимости[105]; «цена труда» столь же иррациональна, как и «желтый логарифм». Но как раз этим-то больше всего и удовлетворяется вульгарный экономист, потому что он тут дошел до глубокого воззрения буржуа, который находит, что он платит деньги за труд, и так как именно противоречие формулы понятию стоимости снимает с него обязанность понять последнюю.

———

Мы[49)] видели, что капиталистический процесс производства есть исторически определенная форма общественного процесса производства вообще. Этот последний есть одновременно и процесс производства материальных условий существования человеческой жизни, и протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства процесс производства и воспроизводства самих производственных отношений, а тем самым, и носителей этого процесса, материальных условий их существования и взаимных их отношений, то есть определенной общественно-экономической формы последних. Ибо совокупность этих отношений, в которых носители этого производства находятся к природе и друг к другу и при которых они производят, — эта совокупность как раз и есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры. Капиталистический процесс производства, подобно всем его предшественникам, протекает в определенных материальных условиях, являющихся, однако, в то же время носителями определенных общественных отношений, в которые вступают индивидуумы в процессе воспроизводства своей жизни. Как те условия, так и эти отношения являются, с одной стороны, предпосылками, с другой стороны — результатами и продуктами капиталистического процесса производства; они производятся и воспроизводятся последним. Далее мы видели: капитал, — а капиталист есть лишь персонифицированный капитал и функционирует в процессе производства лишь как носитель капитала — итак, капитал выкачивает в соответствующем ему общественном процессе производства из непосредственных производителей, или рабочих, определенное количество прибавочного труда, который он получает без эквивалента и который по своей сущности всегда остается принудительным трудом, хотя бы он и казался результатом свободного договорного соглашения. Этот прибавочный труд выражается в прибавочной стоимости, и эта прибавочная стоимость существует в прибавочном продукте. Прибавочный труд

[49)] Начало главы XLVIII по рукописи. *[Ф. Э.]*

вообще, как труд сверх меры данных потребностей, всегда должен существовать. Но при капиталистической, как и при рабовладельческой системе и т. д., он имеет только антагонистическую форму и дополняется полной праздностью известной части общества. Определенное количество прибавочного труда требуется для страхового фонда от разного рода случайностей для обеспечения необходимого, соответствующего развитию потребностей и росту населения прогрессивного расширения процесса воспроизводства, что с капиталистической точки зрения называется накоплением. Одна из цивилизаторских сторон капитала заключается в том, что он принуждает к этому прибавочному труду таким способом и при таких условиях, которые для развития производительных сил, общественных отношений и для создания элементов высшей новой формы [hohere Neubildung] выгоднее, чем при прежних формах рабства, крепостничества и т. д. Он приводит таким образом, с одной стороны, к ступени, на которой отпадают принуждение и монополизация общественного развития (включая сюда его материальные и интеллектуальные выгоды) одной частью общества за счет другой; с другой стороны, эта ступень создает материальные средства и зародыш для отношений, которые при более высокой форме общества дадут возможность соединить этот прибавочный труд с более значительным ограничением времени, посвященного материальному труду вообще. Потому что в зависимости от развития производительной силы труда прибавочный труд может быть велик при общей небольшой продолжительности рабочего дня и относительно мал при общей большой продолжительности рабочего дня. Если необходимое рабочее время = 3 часам и прибавочный труд = 3 часам, то весь рабочий день = 6 часам и норма прибавочного труда = 100%. Если необходимый труд = 9 часам и прибавочный труд = 3 часам, то весь рабочий день =12 часам, а норма прибавочного труда = только $33^1/_3$%. Таким образом, от производительности труда зависит, сколько потребительной стоимости производится в течение определенного времени, а следовательно, также и в течение определенного прибавочного рабочего времени. Следовательно, действительное богатство общества и возможность постоянного расширения процесса его воспроизводства зависит не от продолжительности прибавочного труда, а от его производительности и от большей или меньшей обеспеченности тех условий производства, при которых он совершается. Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно

лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие.

Эта прибавочная стоимость или этот прибавочный продукт распределяется в капиталистическом обществе между капиталистами, — если мы оставим в стороне случайные колебания распределения и будем рассматривать его регулирующий закон, его нормирующие границы, — как дивиденд пропорционально той доле, которая принадлежит каждому в общественном капитале. В этом виде прибавочная стоимость выступает как средняя прибыль, достающаяся капиталу, средняя прибыль, которая, в свою очередь, делится на предпринимательский доход и процент и которая в форме этих двух категорий может достаться различного рода капиталистам. Это присвоение и распределение прибавочной стоимости, соответственно прибавочного продукта, капиталом имеет, однако, свою границу в земельной собственности. Как функционирующий капиталист выкачивает из рабочего прибавочный труд, а тем самым в форме прибыли прибавочную стоимость и прибавочный продукт, так земельный собственник, согласно ранее изложенным законам, в свою очередь, выкачивает у капиталиста часть этой прибавочной стоимости или прибавочного продукта в форме ренты.

Итак, когда мы говорим здесь о прибыли как о достающейся капиталу доле прибавочной стоимости, то мы имеем в виду среднюю прибыль (равную предпринимательскому доходу

плюс процент), которая уже ограничена в своем размере вычетом ренты из всей прибыли (по своей массе тождественной со всей прибавочной стоимостью); то есть предполагается вычет ренты. Следовательно, прибыль на капитал (предпринимательский доход плюс процент) и земельная рента есть не что иное, как особые составные части прибавочной стоимости, категории, в которых последняя становится различной в зависимости от того, достается ли она капиталу или земельной собственности, что, однако, ничего не изменяет в ее сущности. Сложенные вместе, прибыль на капитал и земельная рента образуют сумму общественной прибавочной стоимости. Капитал выкачивает прибавочный труд, представленный в прибавочной стоимости и прибавочном продукте, непосредственно из рабочих. Следовательно, в этом смысле он может рассматриваться как производитель прибавочной стоимости. Земельная собственность не имеет никакого отношения к действительному процессу производства. Ее роль ограничивается тем, что она перемещает часть произведенной прибавочной стоимости из кармана капитала в свой собственный. Тем не менее, земельный собственник играет роль в капиталистическом процессе производства не только благодаря тому давлению, которое он оказывает на капитал, и также не просто потому, что крупная земельная собственность является предпосылкой и условием капиталистического производства, так как она является предпосылкой и условием экспроприации условий труда у работников, но особенно потому, что земельный собственник выступает как персонификация одного из существеннейших условий производства.

Наконец, рабочий, как собственник и продавец своей личной рабочей силы, под названием заработной платы получает часть продукта, где представлена часть его труда, которую мы называем необходимым трудом, то есть трудом, необходимым для сохранения и воспроизводства этой рабочей силы, каковы бы ни были условия этого сохранения и воспроизводства: беднее или богаче, благоприятнее или неблагоприятнее.

Какими бы несравнимыми вообще ни казались эти отношения, в них есть одно общее: капитал из года в год приносит капиталисту прибыль, земля земельному собственнику — земельную ренту, и рабочая сила, — при нормальных условиях и пока она применяется, — приносит заработную плату рабочему. Эти три части ежегодно производимой совокупной стоимости и соответствующие им части ежегодно производимого совокупного продукта могут, — накопление мы оставляем здесь пока в стороне, — ежегодно потребляться их соответствующими владельцами без того, чтобы иссяк источник их

воспроизводства. Они выступают как предназначенные для ежегодного потребления плоды многолетнего дерева или, вернее, трех деревьев; они образуют годовой доход трех классов: капиталиста, земельного собственника и рабочего, доходы, которые распределяются функционирующим капиталистом, так как он непосредственно выкачивает прибавочный труд и применяет труд вообще. Таким образом, капиталисту его капитал, земельному собственнику его земля и рабочему его рабочая сила или, скорее, самый его труд (так как он действительно продает рабочую силу только как себя проявляющую и цена рабочей силы, как показано раньше, на базисе капиталистического способа производства необходимо представляется ему ценой труда) представляются тремя различными источниками их специфических доходов: прибыли, земельной ренты и заработной платы. Они и действительно являются таковыми в том смысле, что капитал для капиталиста — постоянно действующий насос для выкачивания прибавочного труда, земля для земельного собственника — постоянно действующий магнит для притяжения части той прибавочной стоимости, которую выкачал капитал, и, наконец, труд — постоянно возобновляющееся условие и постоянно возобновляющееся средство для того, чтобы в форме заработной платы приобретать часть созданной рабочим стоимости, а следовательно, измеряемую этой частью стоимости часть общественного продукта — необходимые жизненные средства. Они являются, далее, таковыми в том смысле, что капитал фиксирует часть стоимости, а потому и продукта годового труда, в форме прибыли, земельная собственность — другую часть в форме ренты и наемный труд — третью часть в форме заработной платы, и как раз благодаря этому превращению эти части делаются доходами капиталиста, земельного собственника и рабочего, не создавая, однако, самой субстанции, превращающейся в эти различные категории. Напротив, распределение предполагает наличие этой субстанции, то есть совокупной стоимости годового продукта, которая есть не что иное, как овеществленный общественный труд. Однако агентам производства, носителям различных функций процесса производства дело представляется не в этой, а, напротив, в извращенной форме. Почему это происходит, мы увидим из дальнейшего хода исследования. Этим агентам производства капитал, земельная собственность и труд представляются тремя различными, независимыми источниками, из которых, как таковых, происходят три различные составные части ежегодно производимой стоимости, а следовательно, и продукта, в котором она существует, из которых, следовательно,

происходят не только различные формы этой стоимости, достающиеся в виде доходов отдельным факторам общественного процесса производства, но и сама эта стоимость, а тем самым и субстанция этих форм дохода.

{Здесь в рукописи недостает листа in folio*.}

... Дифференциальная рента связана с относительным плодородием земель, следовательно, со свойствами, которые возникают из почвы как таковой. Но поскольку она, во-первых, покоится на различии индивидуальных стоимостей продуктов различных категорий земли, это есть лишь то определение, которое мы только что упомянули; поскольку она, во-вторых, покоится на отличной от этих индивидуальных стоимостей регулирующей общей рыночной стоимости, это будет общественный, осуществляющийся при посредстве конкуренции закон, который не имеет никакого отношения ни к земле, ни к различным степеням ее плодородия.

Может показаться, что по крайней мере в формуле «труд — заработная плата» выражено рациональное отношение. Но этого здесь нет так же, как в формуле «земля — земельная рента». Поскольку труд образует стоимость и представлен в стоимости товаров, он не имеет никакого отношения к распределению этой стоимости между различными категориями. Поскольку же он имеет специфически общественный характер наемного труда, он не образует стоимости. Вообще уже раньше было показано, что заработная плата, или цена труда, есть лишь иррациональное выражение стоимости или цены рабочей силы; и определенные общественные условия, при которых продается эта рабочая сила, не имеют никакого отношения к труду, как к всеобщему фактору производства. Труд овеществляется и в той составной части стоимости товара, которая в качестве заработной платы образует цену рабочей силы; он создает эту часть точно так же, как другие части продукта; но он овеществляется в этой части не более и не иначе, чем в частях, которые образуют ренту или прибыль. И вообще раз труд нами фиксируется, как созидатель стоимости, мы рассматриваем его не в его конкретной форме, как условие производства, а в его общественной определенности, которая отлична от общественной определенности наемного труда.

Даже выражение «капитал — прибыль» здесь неправильно. Если капитал берется в том единственном отношении, в котором он производит прибавочную стоимость, именно в том его отношении к рабочему, в котором он выжимает прибавочный

* — форматом в $^1/_2$ печатного листа. *Ред.*

труд принуждением, оказываемым на рабочую силу, то есть на наемного рабочего, то ведь эта прибавочная стоимость заключает в себе кроме прибыли (предпринимательский доход плюс процент) и ренту, короче, всю неразделенную прибавочную стоимость. Здесь, напротив, капитал как источник дохода ставится в отношение только к той части, которая достается капиталисту. А это не прибавочная стоимость, которую он вообще извлекает, а лишь та ее часть, которую он извлекает для капиталиста. Всякая связь отпадает еще более, если эта формула превращается в такую: «капитал — процент».

Если сначала мы рассматривали различие трех источников, то теперь мы видим, что их продукты, их порождения, доходы, напротив, все принадлежат к одной и той же сфере, к сфере стоимости. Однако это различие выравнивается тем (это отношение между не только несоизмеримыми величинами, но и между совершенно различными, никакого отношения друг к другу не имеющими и не сравнимыми вещами), что капитал, подобно земле и труду, берется в действительности просто в его вещественной субстанции, следовательно, просто как произведенное средство производства, причем абстрагируются от него как от отношения к рабочему и как стоимости.

В-третьих. В этом смысле, следовательно, формула: «капитал — процент (прибыль), земля — рента, труд — заработная плата» представляет одинаковое симметрическое несовпадение своих частей. В действительности, раз наемный труд представляется не как общественно определенная форма труда, но всякий труд по своей природе представляется наемным трудом (так представляет себе дело тот, кто опутан капиталистическими производственными отношениями), то и определенные, специфические общественные формы, которые принимают вещественные условия труда — произведенные средства производства и земля — по отношению к наемному труду (как и, наоборот, со своей стороны они предполагают наемный труд), — прямо совпадают с вещественным бытием этих условий труда, или с тем видом, который они вообще имеют в действительном процессе труда, независимо от каждой его конкретной, исторически определенной общественной формы и даже независимо от *любой* общественной формы. Отчужденная от труда, ставшая самостоятельной по отношению к нему и тем самым превращенной формой условий труда, в которой таким образом произведенные средства производства превращаются в капитал, а земля — в монополизированную землю, земельную собственность, эта принадлежащая определенному историческому периоду форма совпадает поэтому с бытием и функцией произведенных

средств производства и земли в процессе производства вообще. Эти средства производства оказываются капиталом сами по себе, от природы; капитал оказывается просто «экономическим наименованием» этих средств производства; и земля оказывается сама по себе, от природы, землей, монополизированной известным количеством земельных собственников. Как при капитале и капиталисте, — который в действительности есть не что иное, как персонифицированный капитал, — продукты становятся самостоятельной силой по отношению к производителям, так и в лице земельного собственника персонифицируется земля, которая тоже становится на дыбы и как самостоятельная сила требует своей доли в произведенном с ее помощью продукте; так что не земля получает принадлежащую ей часть продукта для восстановления и повышения ее производительности, а вместо нее земельный собственник получает долю этого продукта ее для расточения и мотовства. Ясно, что капитал предполагает труд как наемный труд. Но не менее ясно, что если исходить из труда как наемного труда, так что совпадение труда вообще с наемным трудом кажется само собой разумеющимся, то капитал и монополизированная земля должны также представляться естественной формой условий труда по отношению к труду вообще. Капитал представляется теперь естественной формой средств труда, а потому чисто вещным свойством, возникающим из их функций в процессе труда вообще. Таким образом капитал и произведенное средство производства становятся тождественными выражениями. Точно так же тождественными выражениями становятся земля вообще и земля, монополизированная частной собственностью. Поэтому средства труда как таковые, средства труда, которые являются капиталом от природы, становятся источником прибыли, а земля как таковая — источником ренты.

Труд как таковой в его простой определенности как целесообразная производительная деятельность ставится в отношение к средствам производства не в их общественной определенности формы, а в их вещественной субстанции, к средствам производства как к материалу и средству труда, различающимся между собой тоже лишь вещественно как потребительные стоимости: земля — как непроизведенное средство труда, остальные — как произведенные средства труда. Следовательно, если труд совпадает с наемным трудом, то та определенная общественная форма, в которой условия труда противостоят теперь труду, в свою очередь, совпадает с их вещественным бытием. В таком случае средства труда как таковые суть капитал, и земля как таковая есть земельная собственность. Тогда формальная само-

стоятельность этих условий труда по отношению к труду, та особая форма этой самостоятельности, которой они обладают по отношению к наемному труду, оказывается свойством, неотделимым от них как от вещей, как от материальных условий производства, оказывается характером, необходимо принадлежащим им, имманентно присущим им просто как элементам производства. Их обусловленный определенной исторической эпохой общественный характер в капиталистическом процессе производства оказывается их вещным, естественным и, так сказать, исконно врожденным характером их как элементов процесса производства. В таком случае должно казаться, что соответственное участие, которое земля как первоначальное поле приложения для труда, как царство сил природы, как найденный готовым арсенал всех предметов труда, и другое соответственное участие, которое произведенные средства производства (орудия, сырые материалы и т. д.) принимают в процессе производства вообще, находят себе выражение в соответственных долях, которые достаются им как капиталу и земельной собственности, — то есть их социальным представителям, — в форме прибыли (процента) и ренты, подобно тому, как для рабочего то участие, которое его труд принимает в процессе производства, выражается в заработной плате. Таким образом кажется, будто рента, прибыль, заработная плата порождаются той ролью, которую земля, произведенные средства производства и труд играют в простом процессе труда, даже если бы мы рассматривали этот процесс труда как процесс, происходящий просто между человеком и природой, и абстрагировались от всякой исторической определенности. Это опять то же самое, только в иной форме, когда говорят: продукт, в котором представлен труд наемного рабочего на себя самого, представлена его выручка, его доход, — это только заработная плата, та часть стоимости (а потому и общественного продукта, измеряемого этой стоимостью), которая представляет его заработную плату. Следовательно, если наемный труд совпадает с трудом вообще, то и заработная плата совпадает с продуктом труда, и та часть стоимости, которая представлена заработной платой, совпадает со стоимостью, вообще созданной трудом. Но благодаря этому и другие части стоимости, прибыль и рента, столь же самостоятельно противопоставляются заработной плате и, в свою очередь, должны возникать из собственных источников, специфически отличных и независимых от труда; они должны возникать из соучаствующих элементов производства, владельцам которых они достаются, следовательно, прибыль — из средств производства, вещественных

элементов капитала, а рента из земли или природы, представляемой земельным собственником (Рошер[106]).

Поэтому из источников дохода в том смысле, что капитал притягивает в форме прибыли к капиталисту часть той прибавочной стоимости, которую он извлекает из труда, монополия на землю притягивает к земельному собственнику другую часть в форме ренты, а труд доставляет в форме заработной платы последнюю еще остающуюся часть стоимости рабочему, — из источников, при посредстве которых одна часть стоимости превращается в форму прибыли, другая в форму ренты и третья в форму заработной платы, — земельная собственность, капитал и наемный труд превращаются в действительные источники. из которых возникают сами эти части стоимости и те соответственные части продукта, в которых существуют или на которые могут быть обменены эти части стоимости, в источники, из которых в конечном счете возникает сама стоимость продукта[50)].

Уже при рассмотрении простейших категорий капиталистического способа производства, и даже товарного производства, товара и денег, мы указали на мистифицирующий характер, превращающий общественные отношения, для которых вещественные элементы богатства при производстве служат носителями, в свойства самих этих вещей (товар), и, что еще ярче, превращающий само производственное отношение в вещь (деньги). Все общественные формы, поскольку дело доходит до товарного производства и денежного обращения, принимают участие в этом извращении. Но при капиталистическом способе производства и при капитале, который образует его господствующую категорию, его определяющее производственное отношение, этот заколдованный и извращенный мир получает несравненно большее развитие. Если мы будем рассматривать капитал прежде всего в непосредственном процессе производства — как силу, выкачивающую прибавочный труд, — то это отношение еще очень просто; и действительная связь еще прямо навязывается носителям этого процесса, самим капиталистам, и еще сознается ими. Это убедительно доказывается упорной борьбой из-за границ рабочего дня. Но даже в этой неопосредствованной сфере — сфере непосредственного процесса между трудом и капиталом — дело не является столь

50) «Заработная плата, прибыль и рента представляют собой три первичных источника всякого дохода, точно так же как и всякой меновой стоимости» (А. Смит)[107]. «Таким образом причины материального производства представляют собой в то же время источники всех существующих первичных доходов» *(Storch* [«Cours d'Economie Politique etc.». St.-Petersbourg, 1815], t. I, p. 259).

простым. С развитием относительной прибавочной стоимости при собственно специфически капиталистическом способе производства, развивающем общественные производительные силы труда, эти производительные силы и общественные связи труда в непосредственном процессе труда кажутся перенесенными с труда на капитал. Благодаря этому капитал уже становится весьма таинственным существом, так как все общественные производительные силы труда представляются принадлежащими ему, а не труду как таковому, и возникающими из его собственных недр. А затем вмешивается процесс обращения, в обмен веществ и в изменение форм которого втягиваются все части капитала, даже земледельческого капитала, в той самой мере, как развивается специфический капиталистический способ производства. Это — сфера, в которой отношения первоначального производства стоимости отступают совершенно на задний план. Уже в непосредственном процессе производства капиталист в то же время действует как товаропроизводитель, как руководитель товарного производства. Этот процесс производства поэтому отнюдь не представляется ему просто процессом производства прибавочной стоимости. Но какова бы ни была та прибавочная стоимость, которую капитал в непосредственном процессе производства выкачивает и воплощает в товарах, стоимость и прибавочная стоимость, заключающиеся в товарах, должны реализоваться лишь в процессе обращения. И дело представляется таким образом, будто стоимость, возмещающая стоимости, авансированные на производство, и в особенности прибавочная стоимость, заключающаяся в товарах, не просто реализуются в обращении, но возникают из него; эту иллюзию в особенности укрепляют два обстоятельства: во-первых, прибыль при отчуждении, которая зависит от обмана, хитрости, знания дела, ловкости и тысячи рыночных конъюнктур; затем то обстоятельство, что здесь наряду с рабочим временем выступает второй определяющий элемент, время обращения. Хотя оно функционирует только как отрицательпая граница образования стоимости и прибавочной стоимости, но получается такая внешняя видимость, будто оно — столь же положительная причина их образования, как сам труд, и будто оно привносит определение, происходящее из природы капитала, независимое от труда. В «Капитале», кн. II, нам, естественно, пришлось изображать эту сферу обращения лишь в ее отношении к определенным формам, которые она порождает, указывать на дальнейшее развитие форм капитала, которое совершается в этой сфере. Но в действительности эта сфера есть сфера конкуренции, в которой, если рассматривать

каждый отдельный случай, господствует случайность, в которой, следовательно, внутренний закон, прокладывающий себе дорогу через эти случайности и регулирующий их, становится видимым лишь тогда, когда они охватываются в больших массах, и в которой он остается поэтому невидимым и непонятным для самих отдельных агентов производства. Но, далее: действительный процесс производства, как единство непосредственного процесса производства и процесса обращения, порождает все новые формы, в которых все более теряется нить внутренней связи, отношения производства все более приобретают самостоятельное существование по отношению друг к другу, а составные части стоимости закостеневают в самостоятельные одна по отношению к другой формы.

Как мы видели, превращение прибавочной стоимости в прибыль определяется как процессом обращения, так и процессом производства. Прибавочная стоимость в форме прибыли относится уже не к затраченной на труд части капитала, из которой она происходит, а ко всему капиталу. Норма прибыли регулируется собственными законами, которые допускают и даже обусловливают ее изменение, при неизменной норме прибавочной стоимости. Это все больше и больше скрывает истинную природу прибавочной стоимости, а потому и действительный механизм капитала. В еще большей мере совершается это вследствие превращения прибыли в среднюю прибыль и стоимостей в цены производства, в регулирующие средние рыночных цен. Здесь вторгается сложный общественный процесс — процесс выравнивания капиталов, который отрывает относительные средние цены товаров от их стоимостей, и средние прибыли в различных сферах производства (совершенно не говоря уже об индивидуальных затратах капитала в каждой особой сфере производства) от действительной эксплуатации труда отдельными капиталами. Здесь не только так кажется, но и действительно средняя цена товаров отлична от их стоимости, следовательно, от реализованного в них труда, и средняя прибыль отдельного капитала отлична от прибавочной стоимости, которую этот капитал извлек из занятых им рабочих. Стоимость товаров проявляется непосредственно лишь в том влиянии, которое изменения производительной силы труда оказывают на понижение и повышение цен производства, на их движение, а не на их конечные пределы. Кажется, что прибыль определяется непосредственной эксплуатацией труда лишь побочно, постольку именно, поскольку последняя позволяет капиталисту при наличии регулирующих рыночных цен, кажущихся независимыми от этой эксплуатации, реализовывать

прибыль, отклоняющуюся от средней прибыли. Что же касается нормальных средних прибылей, они кажутся имманентными капиталу, независимыми от эксплуатации; кажется, что ненормальная эксплуатация, а также средняя эксплуатация при исключительно благоприятных условиях обусловливают лишь отклонения от средней прибыли, а не самую среднюю прибыль. Деление прибыли на предпринимательский доход и процент (не говоря уже о вмешательстве торговой и денежно-торговой прибыли, которые основаны на обращении и кажутся возникающими целиком из обращения, а не из процесса самого производства) завершает обособление формы прибавочной стоимости, закостенение ее формы по отношению к ее субстанции, ее сущности. Одна часть прибыли, в противоположность другой, совершенно отрывается от капиталистического отношения как такового и представляется возникающей не из функции эксплуатации наемного труда, а из наемного труда самого капиталиста. В противоположность этому, процент представляется возникающим независимо от наемного труда рабочего и от собственного труда капиталиста, а из капитала как своего собственного независимого источника. Если первоначально, на поверхности обращения, капитал казался капиталом-фетишем, стоимостью, порождающей стоимость, то теперь, в виде капитала, приносящего проценты, он представляется в наиболее отчужденной и наиболее своеобразной форме. А потому формула: «капитал — процент», как третье звено в формулах «земля — рента» и «труд — заработная плата», гораздо последовательнее, чем формула «капитал — прибыль», потому что в прибыли все еще сохраняется воспоминание о ее происхождении, которое в проценте не только исчезло, но фиксировано в форме, противоположной этому происхождению.

Наконец, наряду с капиталом как самостоятельным источником прибавочной стоимости выступает земельная собственность, как предел-средней прибыли и как фактор, передающий часть прибавочной стоимости такому классу, который сам не работает, не эксплуатирует рабочих непосредственно и не может предаваться, по примеру капитала, приносящего проценты, морально назидательным соображениям, например, о риске и жертвах при ссуде капитала. Так как здесь часть прибавочной стоимости кажется связанной непосредственно не с общественными отношениями, а с элементом природы, землей, то форма обособления и закостенения различных частей прибавочной стоимости одна по отношению к другой завершается, внутренняя связь окончательно разрывается, и ее источники совершенно маскируются именно взаимным обособлением отношении

производства, которые связываются с различными вещественными элементами процесса производства.

В формуле: «капитал — прибыль» или, еще лучше, «капитал — процент, земля — земельная рента, труд — заработная плата», в этом экономическом триединстве, изображающем связь составных частей стоимости и богатства вообще с его источниками, оказывается завершенной мистификация капиталистического способа производства, овеществление общественных отношений, непосредственное сращивание вещественных отношений производства с их исторически-общественной определенностью: получился заколдованный, извращенный и на голову поставленный мир, в котором monsieur le Capital* и madame la Terre** как социальные характеры в то же время непосредственно, как просто вещи, справляют свой шабаш. Великая заслуга классической политической экономии заключается в том, что она разрушила эту ложную внешнюю видимость и иллюзию, это обособление и закостенение различных общественных элементов богатства по отношению друг к другу, эту персонификацию вещей и овеществление производственных отношений, эту религию повседневной жизни, — тем, что она свела процент к части прибыли и ренту к избытку над средней прибылью, так что обе сливаются воедино в прибавочной стоимости; тем, что она представила процесс обращения как простой метаморфоз форм и, наконец, свела в непосредственном процессе производства стоимость и прибавочную стоимость товаров к труду. Однако даже лучшие из ее представителей, — да иначе оно и быть не может при буржуазной точке зрения, — в большей или меньшей мере остаются захваченными тем миром видимости, который они критически разрушили, и потому в большей или меньшей мере впадают в непоследовательность, половинчатость и неразрешимые противоречия. Столь же естественно, с другой стороны, что действительные агенты производства чувствуют себя совершенно как дома среди этих отчужденных и иррациональных форм: капитал — процент, земля — рента, труд — заработная плата, ибо они движутся в этих формах внешней видимости и постоянно имеют дело с ними. Не менее естественно поэтому, что вульгарная политическая экономия, которая представляет не что иное, как дидактическое, более или менее доктринерское истолкование обыденных представлений действительных агентов производства, и которая лишь вносит известный рациональный порядок в эти представления, что она именно в этом триединство, в котором

* — господин капитал. *Ред.*
** — госпожа земля. *Ред.*

стерта всякая внутренняя связь, находит естественный, стоящий выше всяких сомнений базис для своего пустого самодовольства. В то же время эта формула соответствует интересам господствующих классов, так как она прокламирует и возводит в догму естественную необходимость и вечное оправдание источников их дохода.

Описывая, как производственные отношения овеществляются и приобретают самостоятельность по отношению к агентам производства, мы не останавливаемся на том, каким образом эти взаимосвязи, благодаря мировому рынку, его конъюнктуре, движению рыночных цен, кредиту, циклам промышленности и торговли, смене фаз процветания и кризиса, представляются агентам производства как непреодолимые, стихийно господствующие над ними законы природы и проявляются по отношению к ним как слепая необходимость. Не останавливаемся потому, что действительное движение конкуренции лежит вне нашего плана и потому, что мы имеем целью представить внутреннюю организацию капиталистического способа производства лишь в его, так сказать, идеально среднем типе.

В прежних общественных формах эта экономическая мистификация выступает преимущественно по отношению к деньгам и приносящему проценты капиталу. По самой природе дела, она исключена, во-первых, там, где преобладает производство ради потребительной стоимости, для непосредственного собственного потребления; во-вторых, там, где, как в античную эпоху и в средние века, рабство или крепостничество образуют широкую основу общественного производства: господство условий производства над производителями замаскировывается здесь отношениями господства и порабощения, которые выступают и видимы как непосредственные движущие пружины производственного процесса. В первобытных общинах, в которых господствует первобытный коммунизм, и даже в античных городских общинах сама община с ее условиями выступает как базис производства, а воспроизводство общины — как конечная цель производства. Даже в средневековых цехах ни капитал, ни труд не являются несвязанными, напротив, их отношения определяются корпоративным строем, отношениями, которые с этим строем связаны, и представлениями о профессиональном долге, уровне мастерства и т. д., которые соответствуют этим отношениям. Только при капиталистическом способе производства...*

* Здесь рукопись обрывается. *Ред.*

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ
К АНАЛИЗУ ПРОЦЕССА ПРОИЗВОДСТВА

В исследовании, которое нам теперь предстоит, можно отвлечься от различия между ценой производства и стоимостью, так как различие это вообще отпадает, если, как в данном случае, рассматривать стоимость совокупного годового продукта труда, то есть продукта совокупного общественного капитала.

Прибыль (предпринимательский доход плюс процент) и рента есть не что иное, как своеобразные формы, которые принимают отдельные части прибавочной стоимости товаров. Величина прибавочной стоимости является пределом общей величины частей, на которые она может распадаться. Средняя прибыль плюс рента равняется поэтому прибавочной стоимости. Возможно, что часть заключающегося в товарах прибавочного труда, а потому и прибавочной стоимости, не входит прямо в выравнивание средней прибыли, так что часть товарной стоимости вообще не получает выражения в цене соответствующего товара. Но, во-первых, это компенсируется либо тем, что норма прибыли возрастает, если товар, проданный ниже его стоимости, образует элемент постоянного капитала, либо тем, что прибыль и рента представлены в большем продукте, если товар, проданный ниже его стоимости, входит в качестве предмета личного потребления в ту часть стоимости, которая потребляется как доход. А, во-вторых, эти отклонения цены от стоимости в среднем взаимно уничтожаются. Во всяком случае, если даже часть прибавочной стоимости, не получившая выражения в цене товара, оказывается потерянной для ценообразования, сумма средней прибыли плюс рента в своей нормальной форме никогда не может быть больше всей прибавочной стоимости, хотя и может быть меньше последней. Ее нормальная форма предполагает заработную плату, соответствующую стоимости рабочей силы. Даже монопольная рента, поскольку она не является вычетом из заработной платы, следовательно, не образует

особой категории, косвенно всегда неизбежно образует часть прибавочной стоимости; если она и не образует избытка цены над ценой производства того самого товара, составной частью которого является (как при дифференциальной ренте), или если она и не образует избыточной прибавочной стоимости того самого товара, составной частью которого она служит, над частью его собственной прибавочной стоимости, измеряемой средней прибылью (как при абсолютной ренте), то все же она образует часть прибавочной стоимости других товаров, то есть товаров, обмениваемых на этот товар, имеющий монопольную цену. — Сумма средней прибыли плюс земельная рента никогда не может превышать величины, частями которой являются эти прибыль и рента и которая уже дана до этого разделения. Поэтому для нашего исследования безразлично, реализуется ли в цене товаров вся прибавочная стоимость товаров, то есть весь заключающийся в товарах прибавочный труд, или нет. Прибавочный труд уже потому не реализуется целиком, чт(» при постоянном изменении количества труда, общественно необходимого для производства данного товара, — изменении, вытекающем из постоянного изменения производительной силы труда, — часть товаров всегда производится при ненормальных условиях, а потому их приходится продавать ниже их индивидуальной стоимости. Во всяком случае, прибыль плюс рента равны всей реализованной прибавочной стоимости (прибавочному труду), и для исследования, о котором здесь идет речь, реализованную прибавочную стоимость можно считать равной всей прибавочной стоимости, ибо прибыль и рента суть реализованная прибавочная стоимость, следовательно, та прибавочная стоимость, которая вообще входит в цену товаров, следовательно, практически вся та прибавочная стоимость, которая образует составную часть этой цены.

С другой стороны, заработная плата, образующая третью своеобразную форму дохода, всегда равна переменной составной части капитала, то есть той составной части, которая затрачивается не на средства труда, а на покупку живой рабочей силы, на оплату рабочих. (Труд, оплачивающийся при расходовании дохода, оплачивается из средств на заработную плату, из прибыли или ренты и потому не составляет части стоимости тех товаров, которыми он оплачивается. Следовательно, он не принимается во внимание при анализе стоимости товаров и составных частей, на которые она распадается.) Стоимость переменного капитала, а следовательно, и цена труда воспроизводится в части овеществленного рабочего дня рабочих, в той части товарной стоимости, в которой рабочий воспроизводит стоимость своей

собственной рабочей силы, или цену своего труда. Весь рабочий день рабочего распадается на две части. Одна часть та, в течение которой он выполняет количество труда, необходимое для воспроизводства стоимости его собственных жизненных средств: оплаченная часть всего его труда, то есть та часть, которая необходима для его собственного сохранения и воспроизводства. Остальная часть рабочего дня, все избыточное количество труда, которое он совершает сверх труда, реализованного в стоимости его заработной платы, есть прибавочный труд, неоплаченный труд, выраженный в прибавочной стоимости всей его товарной продукции (и потому в избыточном количестве товара), в прибавочной стоимости, которая, в свою очередь, распадается на части с различными наименованиями — на прибыль (предпринимательский доход плюс процент) и ренту.

Итак, часть совокупной стоимости товаров, в которой реализуется весь труд рабочих, присоединяемый в течение одного дня или одного года, стоимость совокупного годового продукта, которую создает этот труд, распадается на стоимость заработной платы, прибыли и ренты. Ибо весь этот труд распадается на необходимый труд, посредством которого рабочий создает ту часть стоимости продукта, которой он сам оплачивается, то есть заработную плату, и на неоплаченный прибавочный труд, посредством которого он создает ту часть стоимости продукта, которая представляет прибавочную стоимость и впоследствии распадается на прибыль и ренту. Кроме этого труда, рабочий не совершает никакого иного труда, и кроме стоимости продукта, которая принимает формы заработной платы, прибыли, ренты, он не создает никакой стоимости. Стоимость годового продукта, в которой выражается труд, вновь присоединенный им в течение года, равняется заработной плате, или стоимости переменного капитала, плюс прибавочная стоимость, которая, в свою очередь, распадается на формы прибыли и ренты.

Итак, часть совокупной стоимости годового продукта, создаваемая рабочим в течение года, выражается в годовой сумме стоимости трех доходов: стоимости заработной платы, прибыли и ренты. Очевидно поэтому, что в создаваемой за год стоимости продукта стоимость постоянной части капитала не воспроизводится, так как заработная плата равна лишь стоимости переменной части капитала, авансированной на производство, а рента и прибыль равны лишь прибавочной стоимости, произведенному избытку стоимости над всей стоимостью авансированного капитала, которая равна стоимости постоянного капитала плюс стоимость переменного капитала.

По отношению к тому затруднению, которое предстоит разрешить здесь, совершенно безразлично то обстоятельство, что часть прибавочной стоимости, превращенной в форму прибыли и ренты, не потребляется в качестве дохода, а служит для накопления. Та ее часть, которая сберегается как фонд накопления, служит для образования нового, дополнительного капитала, но не для возмещения старого капитала, — ни той составной части его, которая была израсходована на рабочую силу, ни составной части, которая была израсходована на средства труда. Следовательно, ради упрощения здесь можно принять, что доходы целиком пошли на личное потребление. Это затруднение двоякого рода. С одной стороны, стоимость годового продукта, в виде которого потребляются эти доходы, — заработная плата, прибыль, рента — содержит в себе известную часть стоимости, равную стоимости вошедшей в него постоянной части капитала. Она содержит в себе эту часть стоимости, помимо той части стоимости, которая сводится к заработной плате, и той части, которая разлагается на прибыль и ренту. Следовательно, стоимость годового продукта = заработной плате + прибыль + рента + *С,* причем *С* представляет постоянную часть его стоимости. Каким же образом произведенная за год стоимость, равная лишь заработной плате + прибыль + рента, может купить продукт, стоимость которого = (заработной плате + прибыль + рента) + *С?* Каким образом произведенная за год стоимость может купить продукт, обладающий большей стоимостью, чем она сама?

С другой стороны, если мы оставим в стороне ту часть постоянного капитала, которая не вошла в продукт и которая поэтому, хотя и с уменьшившейся стоимостью, продолжает существовать и после годового периода производства товаров, если мы, таким образом, на время абстрагируемся от примененного, но не потребленного основного капитала, то окажется, что постоянная часть авансированного капитала в форме сырых и вспомогательных материалов целиком вошла в новый продукт, тогда как одна часть средств труда потреблена целиком, а другая — лишь частично, то есть в производстве была потреблена только часть стоимости последних. Вся эта потребленная в производстве часть постоянного капитала должна быть возмещена in natura*. Предполагая, что все прочие условия, особенно производительная сила труда, не изменились, для ее возмещения потребуется то же самое количество труда, как и прежде, то есть она должна быть возмещена

* — в натуральной форме. *Ред.*

равновеликой стоимостью. В противном случае самое воспроизводство не может совершаться в прежнем масштабе. Но кто должен производить эти работы и кто их производит?

Что касается первого затруднения — кто должен оплатить заключающуюся в продукте постоянную часть стоимости и чем — то предполагается, что стоимость постоянного капитала, потребленного в производстве, снова появляется как часть стоимости продукта. Это не противоречит предпосылкам второго затруднения, так как уже в «Капитале», кн. I, гл. V «Процесс труда и процесс увеличения стоимости» было показано, каким образом посредством простого присоединения нового труда, хотя и не воспроизводящего старой стоимости, а создающего лишь добавление к ней, создающего лишь добавочную стоимость, одновременно сохраняется в продукте и старая стоимость; но в то же время было показано, что это достигается не постольку, поскольку труд производит стоимость, то есть является трудом вообще, а поскольку он функционирует в качестве определенного производительного труда. Таким образом, не требуется дополнительного труда для того, чтобы сохранить стоимость постоянной части в том продукте, на который расходуется доход, то есть вся созданная в течение года стоимость. Но, конечно, требуется новый дополнительный труд для того, чтобы возместить постоянный капитал, стоимость и потребительная стоимость которого были потреблены в истекшем году; без такого возмещения воспроизводство вообще невозможно.

Весь вновь присоединенный труд представлен во вновь созданной в течение года стоимости, которая, в свою очередь, целиком превращается в три вида дохода: заработную плату, прибыль и ренту. Стало быть, с одной стороны, не остается избыточного общественного труда для возмещения потребленного постоянного капитала, подлежащего восстановлению частью in natura и по стоимости, частью только по стоимости (поскольку речь идет просто об износе основного капитала). С другой стороны, стоимость, созданная годичным трудом и распадающаяся на заработную плату, прибыль и ренту, и в этих формах подлежащая расходованию, кажется недостаточной для того, чтобы оплатить или купить постоянную часть капитала, которая должна находиться в продукте сверх вновь созданной стоимости.

Мы видим, что поставленная здесь проблема уже решена при исследовании воспроизводства всего общественного капитала («Капитал», кн. II, отдел III). Здесь мы возвращаемся к этому предмету прежде всего потому, что там прибавочная

стоимость еще не была раскрыта в ее формах дохода: прибыль (предпринимательский доход плюс процент) и рента, — а потому и не могла быть рассмотрена в этих формах; затем также и по той причине, что как раз с анализом формы заработной платы, прибыли и ренты связана невероятная ошибка всей политической экономии, начиная с А. Смита.

Мы разделили там весь капитал на два больших подразделения: подразделение I, которое производит средства производства, и подразделение II, которое производит предметы индивидуального потребления. То обстоятельство, что некоторые продукты могут точно так же служить для индивидуального потребления, как и в качестве средств производства (лошадь, зерно и т. д.), отнюдь не опровергает абсолютной правильности этого разделения. Оно в самом деле не гипотеза, а лишь выражение факта. Возьмем годовой продукт какой-либо страны. Часть этого продукта, какова бы ни была ее способность служить в качестве средств производства, входит в индивидуальное потребление. Это — продукт, на который расходуется заработная плата, прибыль и рента. Продукт этот является продуктом определенного подразделения общественного капитала. Возможно, что этот же самый капитал производит и продукты, принадлежащие к подразделению I. Поскольку это так, то производительно потребляемые продукты подразделения I доставляются не той частью этого капитала, которая потреблена на продукт подразделения II, на такой продукт, который действительно достается на долю индивидуального потребления. Весь продукт подразделения II, который входит в индивидуальное потребление и на который поэтому тратится доход, представляет бытие потребленного на него капитала плюс произведенный избыток. Таким образом, это — продукт капитала, вложенного только в производство предметов потребления. И таким же образом подразделение I годового продукта, которое служит в качестве средства воспроизводства — сырого материала и орудий труда — какова бы ни была вообще способность этого продукта naturaliter* служить в качестве предмета потребления, является продуктом капитала, вложенного исключительно в производство средств производства. Несравненно большая часть продуктов, образующих постоянный капитал, находится и вещественно в такой форме, в которой они не могут войти в индивидуальное потребление. Поскольку же часть продуктов могла бы войти в индивидуальное потребление, поскольку, например, крестьянин мог бы съесть

* — натурально. *Ред.*

свое семенное зерно или забить для своего индивидуального потребления свой рабочий скот, то уже в силу самой экономической необходимости крестьянин вынужден обращаться с этой частью продуктов так, как если бы она существовала в форме, не пригодной для потребления.

Как уже сказано, при рассмотрении обоих подразделении мы абстрагируемся от основной части постоянного капитала, которая продолжает существовать in natura и по своей стоимости, независимо от годового продукта обоих подразделений.

В подразделении II, на продукты которого расходуются заработная плата, прибыль и рента, короче говоря, тратятся доходы, продукт по своей стоимости, в свою очередь, состоит из трех составных частей. Одна составная часть равна стоимости потребленной в производстве постоянной части капитала; другая составная часть равна стоимости той авансированной на производство переменной части капитала, которая затрачена на заработную плату; наконец, третья составная часть равна произведенной прибавочной стоимости, то есть = прибыли + рента. Первая составная часть продукта подразделения II, стоимость постоянной части капитала, не может быть потреблена ни капиталистами, ни рабочими подразделения II, ни земельными собственниками. Она не образует какой бы то ни было части их дохода, но должна быть возмещена in natura, а чтобы это могло произойти, она должна быть продана. Напротив, остальные две составные части этого продукта равны стоимости произведенных в этом подразделении доходов = заработной плате + прибыль + рента.

В подразделении I продукт состоит по форме из таких же составных частей. Но та часть, которая образует здесь доход, — заработная плата + прибыль + рента, короче, переменная часть капитала + прибавочная стоимость, — потребляется здесь не в натуральной форме продуктов этого подразделения I, а в форме продуктов подразделения II. Следовательно, стоимость доходов подразделения I должна быть потреблена в виде тон части продукта подразделения II, которая образует подлежащий возмещению постоянный капитал этого подразделения. Часть продукта подразделения II, которая должна возместить постоянный капитал этого подразделения, потребляется в ее натуральной форме рабочими, капиталистами и земельными собственниками подразделения I. Они расходуют свои доходы на этот продукт подразделения II. С другой стороны, продукт подразделения I, поскольку он представляет доход подразделения I, производительно потребляется подразделением II, постоянный капитал которого он возмещает in natura. Наконец,

потребленная постоянная часть капитала подразделения I возмещается собственными продуктами этого подразделения, которые состоят как раз из средств труда, сырых и вспомогательных материалов и т. д., возмещается частью посредством обмена капиталистов подразделения I между собой, частью же тем, что некоторые из этих капиталистов могут непосредственно применить свой собственный продукт снова как средства производства.

Возьмем прежнюю схему («Капитал», кн. II, гл. XX, II) простого воспроизводства[108]:

$$\left.\begin{array}{l} \text{I. } 4\,000_c + 1\,000_v + 1\,000_m = 6\,000 \\ \text{II. } 2\,000_c + 500_v + 500_m = 3\,000 \end{array}\right\} = 9\,000$$

Согласно этому, в подразделении II производителями и земельными собственниками потребляется как доход $500_c + 500_m = 1000$; остается возместить 2000_c. Эти 2000_c потребляются рабочими, капиталистами и получателями ренты подразделения I, доход которых $= 1000_v + 1000_m = 2000$. Продукт подразделения II потребляется как доход подразделением I, а доход подразделения I, представленный в продукте, который нельзя потребить [индивидуально], потребляется в качестве постоянного капитала подразделением II. Следовательно, остается дать отчет относительно 4000_c подразделения I. Они возмещаются из собственного продукта подразделения I = 6000 или, вернее, = 6000 — 2000, так как эти 2000 уже превращены в постоянный капитал для подразделения II. Следует заметить, что цифры, конечно, взяты произвольно, а потому и отношение между стоимостью дохода подразделения I и стоимостью постоянного капитала подразделения II кажется произвольным. Однако же очевидно, что если процесс воспроизводства совершается нормально и при неизменяющихся прочих условиях, следовательно, оставляя в стороне накопление, то сумма стоимости заработной платы, прибыли и ренты подразделения I должна равняться стоимости постоянной части капитала подразделения II. В противном случае либо подразделение II не сможет возместить свой постоянный капитал, либо у подразделения I не будет возможности превратить свой доход из непотребляемой в потребляемую форму.

Итак, стоимость годового товарного продукта, совершенно так же как и стоимость товарного продукта отдельной затраты капитала и стоимость каждого отдельного товара, распадается на две составные части: на *A* — часть, возмещающую стоимость авансированного постоянного капитала, и на *B*, часть, которая

в форме дохода выступает как заработная плата, прибыль и рента. Последняя составная часть стоимости, *В,* постольку представляет противоположность первой, *А,* поскольку А, при прочих равных условиях, 1) никогда не принимает формы дохода, 2) постоянно притекает обратно в форме капитала, а именно постоянного капитала. Однако и *В*, в свою очередь, в себе самой содержит противоположность. Прибыль и рента имеют то общее с заработной платой, что все три являются формами дохода. Несмотря на это, они существенно отличаются тем, что в прибыли и ренте представлена прибавочная стоимость, то есть неоплаченный труд, а в заработной плате — оплаченный труд. Часть стоимости продукта, которая представляет затраченную заработную плату, то есть возмещает заработную плату, и которая при нашем предположении, что воспроизводство совершается в том же масштабе и при тех же условиях, снова превращается в заработную плату, — эта часть притекает обратно прежде всего как переменный капитал, как составная часть капитала, который должен быть снова авансирован на воспроизводство. Эта составная часть функционирует двояким образом. Она существует сначала в форме капитала и обменивается как таковой на рабочую силу. В руках рабочего она превращается в доход, который он извлекает путем продажи своей рабочей силы, как доход обменивается на жизненные средства и потребляется. Этот двойной процесс проявляется при посредстве денежного обращения. Переменный капитал авансируется деньгами, выплачивается в виде заработной платы. Это — его первая функция как капитала. Он обменивается на рабочую силу и превращается в проявление этой рабочей силы, в труд. Таков процесс для капиталиста. Но, во-вторых, на эти деньги рабочие покупают часть своего товарного продукта, измеряемую этими деньгами, и потребляют ее как доход. Если мы мысленно отвлечемся от денежного обращения, то часть продукта рабочего находится в руках капиталиста в форме наличного капитала. Эту часть он авансирует как капитал, дает ее рабочему за новую рабочую силу, тогда как рабочий потребляет ее как доход непосредственно или посредством обмена ее на другие товары. Таким образом, часть стоимости продукта, предназначенная процессом воспроизводства для того, чтобы превратиться в заработную плату, в доход для рабочих, прежде всего притекает обратно в руки капиталиста в форме капитала, точнее, переменного капитала. То обстоятельство, что она притекает обратно в этой форме. является существенным условием постоянно возобновляющегося воспроизводства труда как наемного труда, средств произ-

водства как капитала и самого процесса производства как капиталистического процесса производства.

Чтобы не запутывать дела, создавая бесполезные затруднения, необходимо отличать валовую выручку и чистую выручку от валового дохода и чистого дохода.

Валовая выручка, или валовой продукт, есть весь воспроизведенный продукт. Оставляя в стороне примененную, но непотребленную часть основного капитала, стоимость валовой выручки, или валового продукта, равняется стоимости авансированного и потребленного в производстве капитала, постоянного и переменного, плюс прибавочная стоимость, которая распадается на прибыль и ренту. Или, если рассматривать продукт не отдельного капитала, а совокупного общественного капитала, валовая выручка равняется вещественным элементам, образующим постоянный и переменный капиталы, плюс вещественные элементы прибавочного продукта, в которых представлены прибыль и рента.

Валовой доход есть та часть стоимости и измеряемая ею часть валового продукта [Bruttoprodukts oder Rohprodukts], которая остается за вычетом части стоимости и измеряемой ею части всего произведенного продукта, возмещающей вложенный на производство и потребленный в нем постоянный капитал. Валовой доход равен, следовательно, заработной плате (или той части продукта, которая предназначена превратиться снова в доход рабочего) + прибыль + рента. Чистый же доход есть прибавочная стоимость, следовательно — прибавочный продукт, остающийся за вычетом заработной платы и представляющий собой реализованную капиталом и подлежащую разделу с земельным собственником прибавочную стоимость и измеряемый ею прибавочный продукт.

Мы видели, что стоимость каждого отдельного товара и стоимость всего товарного продукта каждого отдельного капитала распадается на две части: одну, которая просто возмещает постоянный капитал, и другую, которая, — хотя некоторая доля ее и притекает обратно как переменный капитал, стало быть, притекает обратно тоже в *форме* капитала, — тем не менее предназначена к тому, чтобы целиком превратиться в валовой доход и принять форму заработной платы, прибыли и ренты, сумма которых составляет валовой доход. Мы видели далее, что то же самое наблюдается и по отношению к стоимости совокупного годового общественного продукта. Различие между продуктом отдельного капиталиста и общественным продуктом заключается лишь в следующем: с точки зрения отдельного капиталиста чистый доход отличается от валового дохода, ибо

последний заключает в себе заработную плату, первый же исключает ее. Если же рассматривать доход всего общества, то национальный доход состоит из заработной платы плюс прибыль, плюс рента, то есть из валового дохода. Впрочем, и это является лишь абстракцией, так как все общество, при капиталистическом производстве, становится на капиталистическую точку зрения и считает чистым доходом только доход, распадающийся на прибыль и ренту.

Напротив, фантазия, как, например, у г-на Сэя, будто вся выручка, весь валовой продукт сводится для нации к чистой выручке или не отличается от нее, следовательно, будто различие это, с национальной точки зрения, перестает существовать, — эта фантазия есть лишь необходимое и крайнее выражение абсурдной догмы, проходящей через всю политическую экономию со времен А. Смита, будто вся стоимость товаров в конечном счете распадается на доходы: заработную плату, прибыль и ренту[51)].

Разумеется, легко понять, когда речь идет о каждом отдельном капиталисте, что часть его продукта должна снова превратиться в капитал (даже оставляя в стороне расширенное воспроизводство или накопление), и притом не только в переменный капитал, назначение которого, в свою очередь, опять превратиться в доход для рабочего, то есть в форму дохода, но и в постоянный капитал, который никогда не может превратиться в доход. Простейшее наблюдение процесса производства делает это очевидным. Затруднение начинается лишь тогда, когда процесс производства рассматривается в общем и целом. Стоимость всей части продукта, потребляемой как доход в форме заработной платы, прибыли и ренты (причем совершенно безразлично, будет ли то индивидуальное или производительное потребление), действительно целиком, как показывает анализ, покрывается суммой стоимости, составленной из заработной платы плюс прибыль, плюс рента, то есть всей стоимостью трех

[51)] Рикардо делает следующее весьма удачное замечание относительно пустоголового Сэя: «Вот что говорит г-н Сэй о чистом и валовом продукте: «Вся произведенная стоимость составляет валовой продукт; та же стоимость за вычетом из нее издержек производства составляет чистый продукт» (т. II, стр. 491)[109]. Таким образом, чистый продукт не может существовать, так как, согласно г-ну Сэю, издержки производства состоят из ренты, заработной платы и прибыли. На стр. 508 он говорит: «Стоимость продукта, стоимость производительных услуг, стоимость издержек производства — все это сходные стоимости, если дело предоставлено естественному ходу вещей». Отнимите от целого целое, и у вас ничего не останется» *(Ricardo.* «On the Principles of Political Economy, and Taxation». London, 1821, ch. XXXII, p. 512, note). Впрочем, как мы увидим далее, и Рикардо нигде не опроверг ошибочного анализа цены товаров у Смита, именно разложения этой цены на сумму стоимостей доходов. Рикардо не задумывается над ошибочностью этого анализа и в своем анализе принимает его за верный постольку, поскольку он «абстрагируется» от постоянной части стоимости товаров. Время от времени он возвращается к тому же способу представления.

доходов, хотя стоимость этой части продукта совершенно так же, как и той, которая не входит в доход, содержит часть стоимости = *C,* равную стоимости заключающегося в этих частях постоянного капитала, следовательно, prima facie* не может исчерпываться стоимостью дохода. Это обстоятельство, которое является, с одной стороны, практически бесспорным фактом, с другой стороны, столь же бесспорным теоретическим противоречием, представляет трудность, которую легче всего обойти, утверждая, что товарная стоимость лишь по видимости, с точки зрения отдельного капиталиста, заключает в себе какую-то другую часть стоимости, отличную от существующей в форме дохода. Фраза: «доход для одного становится капиталом для другого» избавляет от необходимости какого бы то ни было дальнейшего размышления. Если стоимость всего продукта может быть потреблена в виде доходов, то каким же образом становится возможным при этом возмещение старого капитала; и каким образом стоимость продукта каждого индивидуального капитала может быть равна сумме стоимости трех доходов плюс *C,* постоянный капитал, а вся сумма стоимости продуктов всех капиталов равна сумме стоимости трех доходов плюс 0, — все это, конечно, представляется при этом неразрешимой загадкой и потому все это можно объяснить тем, что такой анализ вообще не способен постигнуть простые элементы цены; более того, он вращается в порочном кругу и довольствуется тем, что отодвигает решение задачи до бесконечности. Таким образом, то, что представляется в виде постоянного-капитала, может быть разложено на заработную плату, прибыль, ренту, а товарные стоимости, в которых представлены заработная плата, прибыль, рента, в свою очередь, определяются заработной платой, прибылью, рентой, и так далее до бесконечности[52].

* — явно. *Ред.*

52) «Во всяком обществе цена каждого товара в конечном счете сводится к какой-либо одной из частей или же ко всем им трем вместе» {то есть заработной плате, прибыли, ренте} «... Пожалуй, к этим трем частям можно было бы прибавить некоторую четвертую часть, необходимую для возмещения капитала арендатора, то есть для возмещения износа его рабочего скота и других орудий земледелия. Но надо принять по внимание, что цена всякого орудия в этом хозяйстве, например рабочей лошади, сама состоит из тех же трех частей: ренты с земли, на которой лошадь была вскормлена, труда, затраченного на уход за ней и содержание ее, и прибыли арендатора, авансировавшего как эту ренту, так и заработную плату за этот труд. Поэтому, хотя цена хлеба и должна оплачивать цену и содержание лошади, тем не менее *полная* цена его разлагается, непосредственно или в конечном счете, на те же самые три части: ренту, труд» {следует сказать: заработную плату} «и прибыль» *(A. Smith.* [«An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». Vol. I, London, 1776, p. 60—61]). Мы покажем впоследствии, что А. Смит сам чувствует всю противоречивость и недостаточность этой увертки, ибо это только увертка, когда он отсылает нас от Понтия к Пилату, нигде не показывая нам той действительной затраты капитала, при которой цена продукта в конечном счете без остатка распадается на эти три части.

В корне ложная догма, будто стоимость товаров в конечном счете может быть разложена на заработную плату 4- прибыль + рента, получает еще и такое выражение, будто потребитель в конечном счете должен оплатить всю стоимость совокупного продукта; или еще — будто денежное обращение между производителями и потребителями в конечном счете должно равняться денежному обращению между самими производителями (Тук[110]); положения, которые столь же неверны, как и то основное положение, на которое они опираются.

Затруднения, которые приводят к этому ошибочному и prima facie абсурдному анализу, в кратких чертах таковы:

1) Непонимание основного отношения между постоянным и переменным капиталом, а потому и природы прибавочной стоимости, а вместе с тем и всего базиса капиталистического способа производства. Стоимость каждого отдельного продукта капитала, каждого единичного товара заключает в себе часть стоимости = постоянному капиталу, часть стоимости = переменному капиталу (превращенному в заработную плату для рабочих) и часть стоимости = прибавочной стоимости (позднее делящуюся на прибыль и ренту). Каким же образом возможно, чтобы рабочий на свою заработную плату, капиталист на свою прибыль, земельный собственник на свою ренту могли купить товары, из которых каждый содержит в себе не только одну из этих составных частей, но все три, и каким образом возможно, чтобы сумма стоимости заработной платы, прибыли и ренты, следовательно, трех источников дохода, вместе взятых, могла купить товары, составляющие все потребление получателей этих доходов, товары, которые, кроме этих трех составных частей стоимости, содержат в себе еще одну составную часть стоимости, а именно постоянный капитал? Как можно на стоимость из трех частей купить стоимость из четырех частей?[53)]

[53)] Прудон выражает свою неспособность понять это следующей ограниченной формулой: рабочий не может выкупить свой собственный продукт, потому что в него входит процент, присоединяющийся к себестоимости продукта[111]. Но вот как поучает его г-н Эжен Форкад: «Если бы возражение Прудона было правильно, оно касалось бы не только прибылей с капитала, но уничтожило бы самую возможность существования промышленности. Если рабочий принужден платить 100 за вещь, за которую он получил всего лишь 80, если заработная плата в состоянии выкупить в продукта лишь стоимость, вложенную в него ею самой, то это равносильно утверждению, ччо рабочий не может ничего выкупить, что заработная плата ничего не может оплатить. На самом деле в себестоимости всегда заключается нечто большее, чем заработная плата рабочего, а в продажной цене нечто большее, чем прибыль предпринимателя, например, цена сырого материала, часто уплаченная за границей... Прудон забыл о непрерывном росте национального капитала; он забыл, что этот рост проявляет себя для всех работников, как для предпринимателей, так и для рабочих» («Revue des deux Mondes», 1848, t. XXIV, p. 998—999). Мы имеем здесь перед собой образчик оптимизма буржуазного скудоумия в наиболее соответствующей ему мудрой форме. Во-первых, г-н Форкад полагает, что рабочий не мог бы жить, если бы не получал, помимо стоимости, которую производит, более высокой стоимости, тогда как на самом деле, наоборот, капиталистический способ производства был бы невозможен, если бы рабочий действительно получал стоимость, которую он производит. Во-вторых, он совершенно правильно обобщает то затруднение, которое Прудон выставил в такой ограниченной *форме.* Цепа товаров содержит в себе избыток не только над заработной платой, но также и над прибылью, а именно постоянную часть стоимости. Таким образом, и капиталист, согласно рассуж-

Анализ этого мы дали в «Капитале», кн. II, отдел III.

2) Непонимание того, как и почему труд, присоединяя новую стоимость, сохраняет старую стоимость в новой форме, не производя этой последней стоимости вновь.

3) Непонимание общей связи процесса воспроизводства, как она представляется не по отношению к отдельному капиталу, а по отношению к совокупному капиталу; непонимание затруднения, заключающегося в том, каким образом продукт, в котором реализуется заработная плата и прибавочная стоимость, то есть вся стоимость, созданная всем вновь присоединенным в течение года трудом, может возмещать свою постоянную часть стоимости и еще в то же время сводиться к стоимости, ограниченной доходами; каким образом, далее, потребленный при производстве постоянный капитал может быть вещественно и по стоимости возмещен новым, несмотря на то, что вся сумма вновь присоединенного труда реализуется лишь в заработной плате и в прибавочной стоимости и исчерпывающе представлена в сумме стоимости обеих. Главное затруднение как раз и заключается в этом, в анализе воспроизводства и отношения его различных составных частей со стороны как их вещественного характера, так и отношений их стоимости.

4) Но сюда присоединяется дальнейшее затруднение, которое еще усиливается, как только различные составные части прибавочной стоимости выступают в форме самостоятельных по отношению друг к другу доходов. Затруднение это заключается в том, что устойчивые определения дохода и капитала взаимно обмениваются и меняются местами, так что, с точки зрения отдельного капиталиста, кажутся лишь относительными определениями, которые, однако, исчезают при рассмотрении всего процесса производства. Например, доход рабочих и капиталистов подразделения I, производящего постоянный капитал, возмещает и вещественно и по стоимости постоянный капитал

дению Прудона, не мог бы выкупить товары на свою прибыль. Как же разрешает Форкад загадку? Бессмысленной фразой о росте капитала. Итак, постоянный рост капитала должен, между прочим, проявлять себя также и в том, что анализ товарной цены, невозможный для экономиста при капитале в 100, делается излишним при капитале в 10000. Что сказали бы о химике, который на вопрос: чем объясняется, что в земледельческом продукте содержится больше углерода, чем в самой почве? — ответил бы: это объясняется постоянным ростом земледельческого производства. Благонамеренное желание видеть в буржуазном мире лучший из всех возможных миров заменяет в вульгарной политической экономии всякую необходимость любви к истине и стремления к научному исследованию.

капиталистов подразделения II, производящего предметы потребления. Таким образом, можно обойти затруднение посредством такого представления: то, что для одного — доход, для другого — капитал, а потому эти определения не имеют никакого отношения к действительному обособлению составных частей стоимости товара. Далее, товары, в конечном счете предназначенные к тому, чтобы образовать вещественные элементы, на которые расходуется доход, то есть предметы потребления, например, шерстяная пряжа, сукно, проходят в течение года различные ступени. На одной ступени они образуют часть постоянного капитала, на другой — они потребляются индивидуально, следовательно, целиком входят в доход. Можно, следовательно, вместе с А. Смитом вообразить себе, что постоянный капитал есть лишь мнимый элемент товарной стоимости, исчезающий в общей связи. Таким же образом происходит, далее, обмен переменного капитала на доход. Рабочий покупает на свою заработную плату часть товаров, составляющую его доход. Этим самым он в то же время возмещает для капиталиста денежную форму переменного капитала. Наконец, часть продуктов, образующих постоянный капитал, возмещается или in natura или посредством обмена между самими производителями постоянного капитала, — процесс, к которому потребители не имеют никакого отношения. Когда это упускают из виду, то возникает ложное представление, что доход потребителей возмещает весь продукт, следовательно, и постоянную часть стоимости.

5) Помимо той путаницы, которую вносит превращение стоимостей в цены производства, возникает и другая вследствие превращения прибавочной стоимости в различные особые формы дохода, самостоятельные одна по отношению к другой и относящиеся к различным элементам производства вследствие превращения ее в прибыль и ренту. Забывают, что стоимости товаров являются основой и что распадение этой товарной стоимости на особенные составные части и дальнейшее развитие этих составных частей стоимости в формы дохода, их превращение в отношения различных владельцев различных факторов производства к этим отдельным составным частям стоимости, их распределение между этими владельцами сообразно определенным категориям и титулам, решительно ничего не изменяет в самом определении стоимости и в законе определения стоимости. Так же мало изменяется закон стоимости вследствие того обстоятельства, что выравнивание прибыли, то есть распределение всей прибавочной стоимости между различными капиталами, и препятствия, которые отчасти (в абсолютной ренте)

ставятся земельной собственностью на пути к этому выравниванию, обусловливают отклонение регулирующих средних цен товаров от их индивидуальных стоимостей. Это оказывает влияние опять-таки только на величину присоединения прибавочной стоимости к ценам различных товаров, но не снимает самой прибавочной стоимости и совокупной стоимости товаров. как источника этих различных составных частей цены.

Здесь перед нами quid pro quo*, которое мы рассматриваем в следующей главе и которое неизбежно связано с иллюзией, будто бы стоимость возникает из своих собственных составных частей. В частности, различные составные части стоимости товара приобретают в доходах самостоятельные формы, и в качестве таковых доходов их относят к отдельным вещественным элементам производства как к их источникам, вместо того чтобы отнести их, как к их источнику, к стоимости товара. Они действительно относятся к упомянутым особым источникам, но не как составные части стоимости, а как доходы, как составные части стоимости, достающиеся определенным категориям агентов производства: рабочему, капиталисту, земельному собственнику. Тем не менее можно вообразить, что эти составные части стоимости не происходят от разложения токарной стоимости, а, наоборот, лишь образуют ее посредством соединения; тогда-то и получается великолепный порочный круг: стоимость товаров возникает из суммы стоимости заработной платы, прибыли, ренты, а стоимость заработной платы, прибыли, ренты, в свою очередь, определяется стоимостью товаров, и т. д.[54].

* — смешение понятий (буквально: принятие одного за другое). *Ред.*

[54] «Оборотный капитал, затраченный на материалы, сырье и готовые изделия, сам состоит из товаров, необходимая цена которых составлена из тех же элементов, так что причислять эту часть оборотного капитала к элементам необходимой цены при рассмотрении всей совокупности товаров страны значило бы допустить двойной счет» *(Storch.* «Cours d'Économie Politique etc.», T. II, [St.-Petersbourg, 1815] p. 140). Под этими элементами оборотного капитала Шторх понимает (основной — это только измененная форма оборотного) постоянную часть стоимости. «Правда, что заработная плата рабочего, так же как и та часть прибыли предпринимателя, которая состоит из заработных плат, если рассматривать их как часть средств существования, в свою очередь, составляются из товаров, купленных по рыночной цене и тоже заключающих в себе заработные платы, ренты на капиталы, земельные ренты и предпринимательские прибыли... это соображение служит лишь для того, чтобы доказать невозможность разложить необходимую цену на ее простейшие элементы» (там же, примечание). В своей работе «Considerations sur la nature du revenu national» (Paris, 1824) Шторх в полемике с Сэем, правда, понимает всю нелепость, к которой приводит ошибочный анализ товарной стоимости, разлагающий ее только на доходы, и правильно оценивает всю бессмыслицу этих выводов — с точки зрения не отдельных капиталистов, а нации, — но сам он не делает ни шага вперед в анализе необходимой цены, относительно которой он заявляет в своей работе «Cours...», что необходимую цену нельзя разложить на ее действительные элементы, не отодвигая в мнимом движении вперед решения задачи до бесконечности. «Ясно, что стоимость годового продукта разлагается частью на капиталы, частью на прибыли и что каждая из этих частей стоимости годового продукта регулярно покупает продукты, в которых нуждается нация как для поддержания в сохранности своего капитала, так и для возобновления своего фонда потребления ([«Considerations sur la nature du revenu national». Paris, 1824] p. 134—135)... Может ли она (живущая своим трудом крестьянская семья) жить в своих амбарах и

При нормальном состоянии воспроизводства только часть вновь присоединенного труда употребляется на производство и, следовательно, на возмещение постоянного капитала; именно, как раз та часть, которая возмещает постоянный капитал, израсходованный для производства предметов потребления, вещественных элементов дохода. Это выравнивается тем, что указанная постоянная часть не стоит подразделению II добавочного труда. Но постоянный капитал, который (если рассматривать весь процесс воспроизводства, в который, следовательно, включено и вышеуказанное выравнивание подразделений I и II) не есть продукт вновь присоединенного труда, хотя этот продукт невозможно было бы произвести без него, — этот постоянный капитал подвергается во время процесса воспроизводства, в вещественном отношении, случайностям и опасностям, которые могут его уменьшить. (Далее, если рассматривать его со стороны стоимости, то и в этом отношении он может обесцениться вследствие изменения в производительной силе труда; однако это относится лишь к отдельным капиталистам.) В соответствии с этим часть прибыли, следовательно, прибавочной стоимости, а потому и прибавочного труда, в котором (если рассматривать его с точки зрения стоимости) представлен лишь вновь присоединенный труд, служит страховым фондом. При этом дело нисколько не изменяется от того, управляет ли этим страховым фондом страховое общество как отдельным предприятием или нет. Это — единственная часть дохода, которая не потребляется как доход и не служит обязательно фондом накопления. Служит ли она фактически фондом накопления или лишь покрывает пробелы воспроизводства, это зависит от случая. Это также единственная часть прибавочной стоимости и прибавочного продукта, а следовательно, и прибавочного труда, которая наряду с частью, служащей для накопления, следовательно, для расширения процесса воспроизводства, должна будет существовать и по уничтожении капиталистического способа производства. Конечно, это предполагает, что часть, регулярно

хлевах, проедать свой семенной фонд и предназначенный для скота корм, одеваться в шкуры своего рабочего скота, пользоваться своими земледельческими орудиями для развлечения? Согласно тезису г-на Сэя, пришлось бы ответить утвердительно на все эти вопросы (стр. 135—136)... Если признать, что доход нации равен ее валовому продукту, то есть, что из этого продукта не нужно вычитать никакого капитала, то следовало бы также признать, что нация может непроизводительно израсходовать всю стоимость своего годового продукта, не причинив ни малейшего ущерба своему будущему доходу (стр. 147). Продукты, составляющие капитал нации, не подлежат потреблению» (стр. 150).

потребляемая непосредственными производителями, не будет ограничена ее нынешним минимальным уровнем. За исключением прибавочного труда на тех, которые в силу своего возраста еще не могут или уже не могут принимать участие в производстве, отпадает какой бы то ни было труд на содержание тех, кто не работает. Если обратиться к начальному периоду истории человеческого общества, то мы увидим, что здесь нет еще произведенных средств производства, следовательно, нет постоянного капитала, стоимость которого входит в продукт и который при воспроизводстве в том же масштабе должен возмещаться in natura из продукта в размере, определяемом его стоимостью. Но здесь природа непосредственно дает жизненные средства и поначалу нет нужды их производить. Поэтому она оставляет дикарю, которому приходится удовлетворять лишь небольшие потребности, время не на то, чтобы использовать еще не существующие средства производства для нового производства, а на то, чтобы, кроме труда, которого стоит присвоение существующих в природе жизненных средств, затрачивать труд на превращение других продуктов природы г, средства производства: лук, каменный нож, лодку и т. д. Процесс этот, если рассматривать его только с вещественной стороны, у дикаря совершенно соответствует обратному превращению прибавочного труда в новый капитал, В процессе накопления постоянно совершается превращение такого продукта избыточного труда в капитал; и то обстоятельство, что всякий новый капитал происходит из прибыли, ренты или других форм дохода, то есть из прибавочного труда, ведет к ошибочному представлению, будто вся стоимость товаров возникает из дохода. Это обратное превращение прибыли в капитал при более тщательном анализе показывает, что добавочный труд, — который всегда выступает в форме дохода, — служит не для сохранения или воспроизводства прежней капитальной стоимости, а, поскольку он не потребляется как доход, для создания нового дополнительного капитала.

Все затруднение вытекает из того, что весь вновь присоединенный труд, поскольку созданная им стоимость не сводится к заработной плате, выступает как прибыль, понимаемая здесь как форма прибавочной стоимости вообще, то есть как стоимость, которая ничего не стоила капиталисту и которая поэтому, конечно, не должна возмещать ему ничего авансированного, никакого капитала. Поэтому такая стоимость существует в форме незанятого, добавочного богатства, короче, с точки зрения отдельного капиталиста, в форме его дохода. Но эту вновь созданную стоимость одинаково можно потребить как

производительно, так и индивидуально, одинаково и как капитал и как доход. Она частично уже по своей натуральной форме должна быть потреблена производительно. Таким образом, ясно, что ежегодно присоединяемый труд создает как капитал, так и доход; что и обнаруживается в процессе накопления. Но часть рабочей силы, затраченная на производство нового капитала (следовательно, по аналогии, та часть рабочего дня, которую дикарь употребляет не на то, чтобы присваивать продукты питания, а на то, чтобы изготовлять орудие, посредством которого он присваивает продукты питания), становится невидимой потому, что весь продукт прибавочного труда выступает прежде всего в форме прибыли, — определение, которое в действительности не имеет ничего общего с самим этим прибавочным продуктом, а касается только частного отношения капиталиста к инкассированной им прибавочной стоимости. В действительности прибавочная стоимость, создаваемая рабочим, распадается на доход и капитал, то есть на предметы потребления и добавочные средства производства. Но прежний, оставшийся от прошлого года, постоянный капитал (кроме той части, которая повреждена и, следовательно, pro tanto* уничтожена, стало быть, поскольку прежний капитал не должен быть воспроизведен, — а такие нарушения процесса воспроизводства подпадают под страхование), рассматриваемый со стороны его стоимости, не воспроизводится посредством вновь присоединенного труда.

Мы видим, далее, что часть вновь присоединенного труда постоянно поглощается в процессе воспроизводства и возмещения потребленного постоянного капитала, хотя этот вновь присоединенный труд распадается только на доходы: заработную плату, прибыль и ренту. Но при этом упускается из виду, 1) что часть стоимости продукта этого труда *не есть* продукт этого вновь присоединенного труда, а уже существовавший и потребленный постоянный капитал; что поэтому та часть продукта, в которой представлена эта часть стоимости, тоже не превращается в доход, а возмещает in natura средства производства этого постоянного капитала; 2) что часть стоимости, которая действительно представляет этот вновь присоединенный труд, не потребляется in natura как доход, а возмещает постоянный капитал в другой сфере, где он приобретает такую натуральную форму, в которой может быть потреблен как доход, но которая, в свою очередь, опять-таки не является исключительно продуктом вновь присоединенного труда.

* — соответственно. *Ред.*

Пока воспроизводство совершается в неизменном масштабе, каждый потребленный элемент постоянного капитала должен возмещаться in natura посредством нового экземпляра соответствующего рода, если не того же самого количества и формы, то такой же дееспособности. Если производительная сила труда остается прежней, то это натуральное возмещение будет в то же время и возмещением той стоимости, какую постоянный капитал имел в своей прежней форме. Если же производительная сила труда увеличивается так, что те же самые вещественные элементы можно воспроизвести меньшим трудом, то меньшая часть стоимости продукта может вполне возместить in natura постоянную часть. Избыток может в таком случае послужить для образования нового добавочного капитала, или можно будет большей части продукта придать форму предметов потребления, или же уменьшить прибавочный труд. Напротив, если производительная сила труда уменьшится, то на возмещение прежнего капитала потребуется более значительная часть продукта; прибавочный продукт уменьшится.

Обратное превращение прибыли или вообще какой бы то ни было формы прибавочной стоимости в капитал показывает, — если мы отвлечемся от исторически определенной экономической формы и будем рассматривать это превращение просто как образование новых средств производства, — что все еще сохраняется то положение, когда рабочий, кроме труда, направленного на приобретение непосредственных жизненных средств, затрачивает труд на производство средств производства. Превращение прибыли в капитал означает нечто иное, как применение части избыточного труда на образование новых, добавочных средств производства. Что это совершается в форме превращения прибыли в капитал, означает лишь, что не рабочий, а капиталист распоряжается избыточным трудом. Что этот избыточный труд должен сначала пройти стадию, в которой он выступает как доход (в то время как, например, у дикаря он выступает как избыточный труд, непосредственно направленный на производство средств производства), означает лишь, что этот труд или его продукт присваивается тем, кто не работает. Но что в действительности превращается в капитал, — это не прибыль как таковая. Превращение прибавочной стоимости в капитал означает лишь, что прибавочная стоимость и прибавочный продукт не потребляются капиталистом как доход, индивидуально. Что действительно превращается таким образом — это стоимость, овеществленный труд, или продукт, в котором непосредственно представлена эта стоимость или на который она обменивается после предварительного превращения в деньги.

И тогда, когда прибыль превращается в капитал, не эта определенная форма прибавочной стоимости, не прибыль составляет источник нового капитала. Прибавочная стоимость при этом только превращается из одной формы в другую. Но не это превращение формы делает ее капиталом. В качестве капитала теперь функционирует товар и его стоимость. Но то обстоятельство, что стоимость товара не оплачена, — а только вследствие этого она и становится прибавочной стоимостью, — совершенно безразлично для овеществления труда, для самой стоимости.

Недоразумение выражается в различных формах. Например, в том, что товары, из которых состоит постоянный капитал, также заключают в себе элементы заработной платы, прибыли и ренты. Или: то, что представляет для одного доход, для другого представляет капитал, и потому это — просто субъективные отношения. Так, пряжа прядильщика содержит часть стоимости, которая представляет для него прибыль. Следовательно, ткач, покупая пряжу, реализует прибыль прядильщика, для него же самого эта пряжа — лишь часть его постоянного капитала.

Кроме того, что уже раньше было сказано об отношении дохода и капитала, следует заметить: то, что, рассматриваемое как стоимость, входит с пряжей как составная часть в капитал ткача — это стоимость пряжи. Каким образом части этой стоимости распределяются для самого прядильщика на капитал и доход, иными словами, на оплаченный и неоплаченный труд, — это совершенно безразлично для определения стоимости самого товара (если отвлечься от изменений, обусловливаемых средней прибылью). Однако здесь таится еще представление, будто прибыль, вообще прибавочная стоимость, есть избыток над стоимостью товара, который образуется лишь благодаря надбавке, взаимному надувательству, прибыли от отчуждения. Если оплачивается цена производства или даже стоимость товара, то оплачиваются, конечно, и составные части стоимости товара, которые представляются продавцу последнего в форме дохода. О монопольных ценах здесь, разумеется, нет речи.

Во-вторых, совершенно верно, что составные части товаров, из которых состоит постоянный капитал, могут быть сведены, подобно всякой другой товарной стоимости, к частям стоимости, которые для производителей и собственников средств производства распадаются на заработную плату, прибыль и ренту. Это есть лишь капиталистическая форма выражения того факта, что всякая товарная стоимость есть лишь мера заключающегося в товаре общественно необходимого труда. Но уже

в «Капитале», кн. I было показано, что это ничуть не препятствует распадению товарного продукта всякого капитала на отдельные части, из которых одна представляет исключительно постоянную часть капитала, другая — переменную часть капитала и третья — только прибавочную стоимость.

Шторх выражает и мнение многих других, когда говорит:

«Продаваемые продукты, составляющие национальный доход, следует рассматривать в политической экономии с двух различных точек зрения: как стоимости по отношению к индивидуумам и как блага по отношению к нации; потому что доход нации определяется не так, как доход отдельного индивидуума, по его стоимости, а по его полезности или по тем потребностям, которые он может удовлетворить» («Considerations sur la nature du revenu national». Paris, 1824, p. 19).

Во-первых, это ложная абстракция рассматривать нацию, способ производства которой основан на стоимости, которая, далее, организована капиталистически, как целостный организм [Gesamtkorper], работающий только для удовлетворения национальных потребностей.

Во-вторых, по уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства определение стоимости остается господствующим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ
ВИДИМОСТЬ, СОЗДАВАЕМАЯ КОНКУРЕНЦИЕЙ

Уже было показано, что стоимость товаров, или регулируемая всей их стоимостью цена производства, распадается на:

1) Ту часть стоимости, которая возмещает постоянный капитал или представляет прошлый труд, потребленный в форме средств производства при изготовлении товара; иными словами, стоимость или цену средств производства, вошедших в процесс производства товара. Здесь мы имеем всегда в виду не отдельный товар, а товарный капитал, то есть ту форму, в которой представлен продукт капитала за определенный отрезок времени, например за год; отдельный товар образует лишь элемент товарного капитала, и стоимость его распадается на те же самые составные части, что и стоимость товарного капитала.

2) Ту часть стоимости, которая составляет переменный капитал, измеряющий собой доход рабочего и превращающийся для последнего в его заработную плату, которую рабочий, следовательно, воспроизвел в этой переменной части стоимости капитала; короче, часть стоимости, в которой представлена оплаченная часть труда, вновь присоединенного в производстве товара к первой, постоянной части стоимости.

3) Прибавочную стоимость, то есть ту часть стоимости товарного продукта, в которой представлен неоплаченный, или прибавочный, труд. Эта последняя часть стоимости принимает, и свою очередь, самостоятельные формы, которые в то же время являются формами дохода: форму прибыли на капитал (процент на капитал как таковой и предпринимательский доход с капитала как функционирующего капитала) и форму земельной ренты, которая достается собственнику земли, участвующей в процессе производства. Составные части 2) и 3), то есть та составная часть стоимости, которая всегда принимает форму дохода — в виде заработной платы (конечно, лишь после того, как послед-

няя предварительно прошла через форму переменного капитала), прибыли и ренты — отличается от постоянной составной части 1) тем, что к ней сводится вся та стоимость, в которой овеществляется труд, вновь присоединенный к этой постоянной части, к средствам производства товара. Если же оставить в стороне постоянную часть стоимости, то окажется верным утверждение, что стоимость товара, поскольку она, следовательно, представляет вновь присоединенный труд, всегда разлагается на три части, образующие три формы дохода — на заработную плату, прибыль и ренту[55)], соответствующие величины стоимости которых, то есть те соответственные доли, которые эти величины составляют от всей стоимости, определяются различными, специфическими, выведенными выше законами. Но было бы неверно обратное утверждение, что стоимость заработной платы, прибыль и рента образуют самостоятельные, конституирующие элементы стоимости, путем соединения которых получается, — если оставить в стороне постоянную составную часть, — стоимость товара; иными словами, неверно было бы утверждение, что они образуют слагаемые составные части товарной стоимости или цены производства[56)].

Не трудно увидеть, в чем тут разница.

Пусть стоимость продукта капитала, равного 500, будет $400_c + 100_v + 150_m = 650$; 150_m распадается, в свою очередь, на 75 единиц прибыли + 75 единиц ренты. Допустим, далее, во избежание ненужных затруднений, что это капитал среднего строения, так что его цена производства совпадает с его стоимостью; совпадение, всегда имеющее место, коль скоро продукт

[55)] При распадении стоимости, присоединенной к постоянной части капитала, на заработную плату, прибыль и земельную ренту получаются, само собой разумеется, части стоимости. Их можно, конечно, представить себе существующими непосредственно в продукте, в котором представлена эта стоимость, то есть непосредственно в продукте, который произвели рабочие и капиталисты данной особой сферы производства, например прядильной промышленности, следовательно, в пряже. Однако в действительности они представлены в этом продукте не больше и не меньше, чем в каком-либо другом товаре, чем в какой-либо другой составной части вещественного богатства той же самой стоимости. Ведь на практике заработная плата уплачивается деньгами, то есть в чистом выражении стоимости; то же верно по отношению к проценту и ренте. И в самом деле, для капиталиста превращение его продукта в чистое выражение стоимости имеет большое значение; оно уже предполагается при самом распределении. Превращаются ли эти стоимости обратно в тот же самый продукт, в тот же самый товар, из производства которого они возникли, покупает ли рабочий обратно часть непосредственно им произведенного продукта, или же он покупает продукт другого и качественно отличного труда — все это не имеет отношения к рассматриваемому вопросу. Г-н Родбертус проявляет совершенно бесполезное усердие по этому вопросу.

[56)] «Достаточно заметить, что то же самое общее правило, которое регулирует стоимость сырья и промышленных товаров, применимо также и к металлам; их стоимость зависит не от нормы прибыли, не от нормы заработной платы и не от ренты, уплачиваемой за рудники, а от всего количества труда, необходимого для получения металла и для доставки его на рынок» *(Ricardo.* «On the Principles of Political Economy, and Taxation». London, 1821, ch. III, p. 77).

этого отдельного капитала рассматривается как продукт соответствующей его величине части совокупного капитала.

Здесь заработная плата, измеряемая переменным капиталом, составляет 20% авансированного капитала; прибавочная стоимость, исчисленная на весь капитал, 30%, а именно 15% прибыли и 15% ренты. Вся та составная часть стоимости товара, в которой овеществлен вновь присоединенный труд, равна $100_v + 150_m = 250$. Величина ее не зависит от того, что она распадается на заработную плату, прибыль и ренту. Соотношение этих последних частей показывает нам, что рабочая сила, оплаченная сотней, скажем, фунтов стерлингов, доставила количество труда, выражающееся в сумме денег, равной 250 фунтам стерлингов. Мы видим отсюда, что рабочий выполнил прибавочного труда в $1^1/_2$ раза больше, чем труда для самого себя. Если рабочий день =10 часам, то он работал 4 часа на себя и 6 часов на капиталиста. Итак, труд рабочих, оплаченных 100 ф. ст., выражается в денежной стоимости 250 фунтов стерлингов. За исключением этой стоимости в 250 ф. ст. ничего не приходится делить между рабочим и капиталистом, между капиталистом и земельным собственником. Такова вся стоимость, вновь присоединенная к стоимости средств производства, равной 400. Поэтому произведенная указанным образом и определяемая количеством овеществленного в ней труда товарная стоимость в 250 составляет предел тех дивидендов, которые рабочий, капиталист и земельный собственник могут извлечь из этой стоимости в форме доходов: заработной платы, прибыли и ренты.

Пусть капитал с тем же самым органическим строением, то есть с тем же самым отношением между примененной живой рабочей силой и приведенным в движение постоянным капиталом, вынужден платить 150 ф. ст. вместо 100 ф. ст. за ту же самую рабочую силу, приводящую в движение постоянный капитал, равный 400; пусть, далее, прибавочная стоимость распадается также в новой пропорции на прибыль и ренту. Так как предполагается, что теперь переменный капитал в 150 ф. ст. приводит в движение ту же самую массу труда, какая раньше приводилась в движение капиталом в 100 ф. ст., то вновь произведенная стоимость была бы по-прежнему = 250 и стоимость всего продукта по-прежнему = 650, но мы имели бы тогда $400_c + 150_v + 100_m$; и эти 100_m распадались бы, скажем, на 45 единиц прибыли и 55 единиц ренты. Пропорция, в которой вся вновь произведенная стоимость распределяется теперь между заработной платой, прибылью и рентой, была бы совершенно иная; совершенно иной была бы также величина всего авансированного капитала, хотя он приводит в движение

ту же самую совокупную массу труда, что и раньше. Заработная плата составила бы $27^3/_{11}$%, прибыль — $8^2/_{11}$%, рента — 10% авансированного капитала; следовательно, вся прибавочная стоимость составила бы несколько больше 18%.

Вследствие повышения заработной платы изменилась *бы* величина неоплаченной части всего труда, а тем самым и величина прибавочной стоимости. При десятичасовом рабочем дне рабочему приходилось бы теперь 6 часов работать на себя и лишь 4 часа на капиталиста. Изменилось бы также отношение между прибылью и рентой; уменьшенная прибавочная стоимость делилась бы между капиталистом и земельным собственником в новой пропорции. Наконец, вследствие того, что стоимость постоянного капитала осталась неизменной, а стоимость авансированного переменного капитала возросла, уменьшенная прибавочная стоимость выражалась бы в еще более пониженной норме валовой прибыли, причем под последней мы понимаем здесь отношение всей прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу.

Изменение в стоимости заработной платы, в норме прибыли и норме ренты, каково бы ни было действие законов, регулирующих взаимоотношение этих частей, может совершаться лишь в пределах, определяемых величиной вновь созданной товарной стоимости = 250 единицам. Исключение имело бы место лишь в том случае, если бы рента покоилась на монопольной цене. Это нисколько не изменило бы закона, но лишь усложнило бы исследование. Ибо если бы мы в этом случае стали рассматривать только самый продукт, то изменение обнаружилось бы лишь в распределении прибавочной стоимости; если же мы стали бы рассматривать относительную стоимость этого продукта по сравнению с другими товарами, то мы нашли бы лишь то различие, что часть прибавочной стоимости последних переносится на этот специфический товар.

Повторяем вкратце:

Стоимость продукта	Новая стоимость	Норма прибавочной стоимости	Норма валовой прибыли
Первый случай: $400_c + 100_v + 150_m = 650$	250	150%	30%
Второй случай: $400_c + 150_v + 100_m = 650$	250	$66^2/_3$%	$18^2/_{11}$%

Прежде всего прибавочная стоимость понизилась на одну треть своей прежней величины, со 150 до 100. Норма прибыли

понизилась несколько более, чем на одну треть, с 30% до 18%, так как уменьшенная прибавочная стоимость исчисляется теперь на возросший авансированный совокупный капитал. Но и она упала далеко не в том отношении, как норма прибавочной стоимости. Эта последняя со $^{150}/_{100}$ упала до $^{100}/_{150}$ то есть со 150% до $66^2/_3$%, в то время как норма прибыли понизилась лишь со $^{150}/_{500}$ до $^{100}/_{550}$, или с 30% до $18^2/_{11}$ %. Таким образом, норма прибыли падает относительно больше, чем масса прибавочной стоимости, но меньше, чем норма прибавочной стоимости. Далее, мы видим, что стоимости, как и массы продуктов, остаются неизменными, раз применяется то же самое количество труда,- хотя авансированный капитал вследствие увеличения его переменной составной части увеличился. Это возрастание авансированного капитала отозвалось бы, конечно, очень чувствительно на капиталисте, начинающем новое предприятие. Но с точки зрения воспроизводства в целом возрастание переменного капитала означает лишь одно, — что большая часть стоимости, вновь созданной при помощи вновь присоединенного труда, превращается в заработную плату и, стало быть, прежде всего в переменный капитал, вместо того чтобы превращаться в прибавочную стоимость и прибавочный продукт. Следовательно, стоимость продукта остается неизменной, так как она ограничена, с одной стороны, постоянной капитальной стоимостью = 400, с другой стороны — цифрой 250, которой представлен вновь присоединенный труд. Но обе эти величины остались неизменными. Новый продукт, поскольку он сам снова входит в постоянный капитал, представляет в данной величине стоимости ту же, что и прежде, массу потребительной стоимости; следовательно, та же самая масса элементов постоянного капитала сохраняет ту же самую стоимость. Иначе обстояло бы дело в том случае, если бы заработная плата повысилась не потому, что рабочему стали давать большую долю стоимости продукта его собственного труда, но если бы он стал получать большую долго стоимости продукта своего собственного труда потому, что упала производительность труда. Тогда вся стоимость, в которой выражается то же самое количество труда — оплаченного и неоплаченного — осталась бы неизменной; но масса продукта, в которой представлено это количество труда, уменьшилась бы и, следовательно, возросла бы цена каждой соответственной части продукта, так как каждая такая часть, представляет теперь большее количество труда. Повышенная заработная плата в 150 единиц представляла бы не больше продукта, чем

прежняя заработная плата в 100; пониженная прибавочная стоимость в 100 единиц представляла бы лишь $^{2}/_{3}$ того продукта, $66^{2}/_{3}\%$ той массы потребительных стоимостей, которая прежде выражалась в 100. В этом случае вздорожал бы и постоянный капитал, поскольку в него входит этот продукт. Но это не было бы следствием повышения заработной платы, — а, наоборот, повышение заработной платы было бы следствием вздорожания товаров и следствием пониженной производительности того же самого количества труда. Здесь возникает иллюзия, будто повышение заработной платы удорожило продукт; в действительности повышение это является не причиной, а результатом изменения стоимости товаров вследствие понижения производительности труда.

Если, наоборот, при прочих равных условиях, когда, следовательно, прежнее количество затраченного труда было бы представлено, как и раньше, в 250 единицах, повысилась или упала бы стоимость примененных трудом средств производства, то и стоимость той же массы продукта повысилась бы или упала на ту же самую величину. $450_c + 100_v + 150_m$ составляет стоимость продукта = 700, тогда как $350_c + 100_v + 150_m$ дает для стоимости той же самой массы продукта лишь 600, вместо прежних 650 единиц. Следовательно, когда растет или уменьшается авансированный капитал, приводимый в движение тем же самым количеством труда, тогда, при прочих равных условиях, увеличивается или падает стоимость продукта, — раз увеличение или уменьшение авансированного капитала происходит вследствие изменения величины стоимости постоянной части капитала. Наоборот, она не изменяется, если увеличение или уменьшение авансированного капитала вызвано изменением величины стоимости переменной части капитала при неизменной производительной силе труда. Увеличение или уменьшение стоимости постоянного капитала не компенсируется никаким противоположным движением. Увеличение же или уменьшение стоимости переменного капитала при неизменяющейся производительности труда компенсируется обратным движением прибавочной стоимости, так что стоимость переменного капитала плюс прибавочная стоимость, то есть стоимость, вновь присоединенная трудом к средствам производства и вновь созданная в продукте, остается неизменной.

Напротив, если увеличение или уменьшение стоимости переменного капитала или заработной платы есть следствие вздорожания или понижения цены товаров, то есть следствие уменьшения или увеличения производительности труда, примененного при данном вложении капитала, то это отразится

на стоимости продукта. Но повышение или понижение заработной платы является здесь не причиной, а только следствием.

Если бы, напротив, в вышеприведенном примере, при неизменном постоянном капитале = 400_c, изменение $100_v + 150_m$ в $150_v + 100_m$, то есть возрастание переменного капитала явилось следствием понижения производительной силы труда не в данной отрасли производства, например в хлопчатобумажной, но, скажем, в земледелии, доставляющем рабочему продукты питания, — следовательно, явилось результатом вздорожания этих продуктов питания, то стоимость ее продукта не изменилась бы. Стоимость в 650 единиц теперь, как и прежде, была бы представлена в той же самой массе хлопчатобумажной пряжи.

Из вышеизложенного вытекает, далее, следующее: если благодаря экономии и т. п. уменьшаются затраты постоянного капитала в тех отраслях производства, продукты которых входят в потребление рабочего, то это в такой же степени, как и непосредственное возрастание производительности самого затрачиваемого труда, может привести к уменьшению заработной платы, так как удешевляет жизненные средства рабочего, — может привести, следовательно, к повышению прибавочной стоимости; так что норма прибыли возросла бы здесь по двум причинам: во-первых, потому что уменьшается стоимость постоянного капитала и, во-вторых, потому что увеличивается прибавочная стоимость. Рассматривая превращение прибавочной стоимости в прибыль, мы предполагали, что заработная плата не понижается, а остается постоянной, так как там мы должны были исследовать колебания нормы прибыли, независимо от изменения нормы прибавочной стоимости. Кроме того, выясненные нами там законы имеют общий характер, они применимы также и к тем капиталовложениям, продукты которых не входят в потребление рабочего, изменение стоимости продукта которых, следовательно, не оказывает влияния на заработную плату.

Итак, обособление и разложение стоимости, ежегодно присоединяемой вновь к средствам производства или к постоянному капиталу при помощи вновь применяемого труда, — обособление этой вновь созданной стоимости и разложение ее на различные формы дохода: на заработную плату, прибыль и ренту, нисколько не изменяет границы самой стоимости, той суммы стоимости, которая распределяется между этими различными категориями; совершенно так же, как изменение отношения между этими отдельными частями не может изменить их суммы,

этой данной величины стоимости. Данное число 100 остается всегда тем же самым, разложим ли мы его на 50+50, или на 20+70+10, или на 40+30+30. Та часть стоимости продукта. которая распадается на эти доходы, как и постоянная часть стоимости капитала, определяется стоимостью товаров, то есть количеством труда, овеществленного в них в каждом данном случае. Таким образом, во-первых, дана масса товарной стоимости, распределяющаяся между заработной платой, прибылью и рентой, — дана, следовательно, абсолютная граница суммы отдельных частей стоимости этих товаров. Во-вторых, что касается самих отдельных категорий, то их средние и регулирующие границы также даны. Заработная плата образует базис такого их ограничения. Она, с одной стороны, регулируется естественным законом; ее минимальная граница дана физическим минимумом жизненных средств, необходимых рабочему для сохранения и воспроизводства своей рабочей силы, — дана, следовательно, определенным количеством товаров. Стоимость этих товаров определяется рабочим временем, которое требуется для их воспроизводства, и, тем самым, той частью труда, вновь присоединяемого к средствам производства, или той частью каждого рабочего дня, которую рабочий употребляет для производства и воспроизводства эквивалента стоимости этих необходимых жизненных средств. Если, например, средняя стоимость его жизненных средств за день равняется 6 часам среднего труда, то он должен в среднем работать на себя 6 часов в день. Действительная стоимость его рабочей силы отклоняется от этого физического минимума; она бывает различна в зависимости от климата и уровня общественного развития; она зависит не только от физических, но и от исторически развившихся общественных потребностей, которые становятся второй природой. Но в каждой стране и в каждый данный период эта регулирующая средняя заработная плата является данной величиной. Таким образом, стоимость всех остальных доходов получает границу. Она всегда равна стоимости, в которой воплощается весь рабочий день (который здесь совпадает со средним рабочим днем, так как он охватывает всю массу труда, приведенную в движение совокупным общественным капиталом), минус та часть его, которая воплощается в заработной плате. Ее граница, следовательно, дана границей той стоимости, в которой выражается неоплаченный труд, то есть количеством этого неоплаченного труда. Если та часть рабочего дня, которую рабочий затрачивает на воспроизводство стоимости своей заработной платы, находит свою крайнюю границу в физическом минимуме заработной платы, то другая часть рабочего

дня — та, в которой представлен прибавочный труд, а следовательно, и та часть стоимости, которая выражает собой прибавочную стоимость, — находит свою границу в физически возможном максимуме рабочего дня, то есть в том совокупном количестве ежедневного рабочего времени, которое рабочий вообще может дать при условии сохранения и воспроизводства своей рабочей силы. Так как в настоящем исследовании речь идет о распределении той стоимости, в которой представлен весь труд, вновь присоединяемый в течение года, то рабочий день может рассматриваться здесь как величина постоянная, и предполагается как таковая, независимо от того, много или мало он отклоняется от своего физически возможного максимума. Абсолютная граница той части стоимости, которая образует прибавочную стоимость и распадается на прибыль и земельную ренту, таким образом, дана; она определяется величиной неоплаченной части рабочего дня, остающейся за вычетом оплаченной его части, следовательно, той частью стоимости всего продукта, в которой этот прибавочный труд воплощается. Если мы назовем, как я это сделал, прибылью прибавочную стоимость, ограниченную этими пределами и исчисленную на весь авансированный капитал, то прибыль эта, рассматриваемая со стороны ее абсолютной величины, равна прибавочной стоимости, и, следовательно, границы ее определены столь же закономерно, как и границы этой последней. Но высота нормы прибыли также есть величина, заключенная в известные границы, определяемые стоимостью товаров. Она есть отношение совокупной прибавочной стоимости к совокупному общественному капиталу, авансированному на производство. Если этот капитал = 500 (скажем, миллионов), а прибавочная стоимость = 100, то 20% образуют абсолютную границу нормы прибыли. Распределение общественной прибыли соответственно этой норме между капиталами, вложенными в различные сферы производства, создает отклоняющиеся от стоимостей товаров цены производства, которые и являются действительно регулирующими средними рыночными ценами. Но отклонение это не снимает ни определения цен стоимостями, ни закономерных границ прибыли. Если стоимость товара равна потребленному при его производстве капиталу *k* плюс заключающаяся в нем прибавочная стоимость, то цена производства товара равна потребленному при его производстве капиталу *k* плюс прибавочная стоимость, которая приходится на его долю соответственно общей норме прибыли, например 20% на капитал, авансированный для производства этого товара, как на действительно потребленный, так и просто примененный

капитал. Но эта надбавка в 20% сама определяется прибавочной стоимостью, созданной совокупным общественным капиталом, и ее отношением к стоимости капитала; именно поэтому она составляет 20%, а не 10% или 109%. Таким образом, превращение стоимостей в цены производства не снимает границ прибыли, но только изменяет распределение последней между различными отдельными капиталами, из которых состоит общественный капитал, — распределяет ее между ними равномерно, пропорционально той доле, какую каждый из них составляет по отношению к совокупному капиталу. Рыночные цены поднимаются выше и падают ниже этой регулирующей цены производства, но такие колебания взаимно уничтожаются. Если рассмотреть данные о ценах за продолжительный период, устранив те случаи, когда вследствие изменения производительной силы труда изменяется действительная стоимость товаров, а также те случаи, когда процесс производства нарушается какими-либо естественными или общественными бедствиями, то мы будем поражены прежде всего относительно узкими пределами отклонений и затем регулярностью, с которой такие отклонения уравновешиваются. Мы найдем здесь то господство регулирующих средних, которое Кетле указал для общественных явлений[112]. Если выравнивание товарных стоимостей в цены производства не наталкивается ни на какие препятствия, то рента сводится к дифференциальной ренте, то есть ограничивается выравниванием тех сверхприбылей, которые регулирующая цена производства доставила бы известной части капиталистов и которые теперь присваивает земельный собственник. Следовательно, здесь рента находит свою определенную границу стоимости в тех отклонениях индивидуальных норм прибыли, которые вызываются регулированием цен производства при посредстве общей нормы прибыли. Если земельная собственность ставит препятствия выравниванию товарных стоимостей в цены производства и присваивает себе абсолютную ренту, то эта последняя ограничена избытком стоимости земледельческих продуктов над их ценой производства, следовательно, избытком заключающейся в них прибавочной стоимости над прибылью, приходящейся на долю капиталов соответственно общей норме прибыли. Эта разница образует здесь границу ренты, которая опять-таки составляет лишь определенную часть данной и заключающейся в товарах прибавочной стоимости.

Наконец, если бы выравнивание прибавочной стоимости в среднюю прибыль встретило в различных сферах производства препятствие в виде искусственных или естественных монополий,

и в частности в виде монополии земельной собственности, так что сделалась бы возможной монопольная цена, превышающая цену производства и стоимость товаров, на которые распространяется действие монополии, все же границы, определяемые стоимостью товаров, этим не были бы сняты. Монопольная цена известных товаров лишь перенесла бы часть прибыли производителей других товаров на товары с монопольной ценой. Косвенным образом возникло бы местное нарушение в распределении прибавочной стоимости между различными сферами производства, но такое нарушение оставило бы границу самой прибавочной стоимости неизменной. Если бы товар с такой монопольной ценой входил в число необходимых предметов потребления рабочего, он повысил бы заработную плату и тем самым понизил бы прибавочную стоимость, раз рабочему по-прежнему выплачивали бы всю стоимость его рабочей силы. Такой товар мог бы понизить заработную плату ниже стоимости рабочей силы, но лишь поскольку заработная плата превышает границу своего физического минимума. Здесь монопольная цена уплачивалась бы путем вычета из реальной заработной платы (то есть из суммы потребительных стоимостей, получаемых рабочим благодаря данному количеству труда) и из прибыли других капиталистов. Границы, в пределах которых монопольная цена может нарушить нормальное регулирование товарных цен, были бы твердо определены и поддавались бы точному учету.

Итак, подобно тому, как распределение стоимости товаров, вновь присоединенной и вообще разлагающейся на доходы, находит свои данные и регулирующие границы в соотношении между необходимым и прибавочным трудом, заработной платой и прибавочной стоимостью, точно так же и деление самой прибавочной стоимости на прибыль и земельную ренту находит свои границы в законах, регулирующих выравнивание норм прибыли. Что касается деления прибыли на процент и предпринимательский доход, то пределы их обоих, вместе взятых, образует средняя прибыль. Она дает ту определенную величину стоимости, в границах которой это деление должно произойти и только может произойти. Определенная пропорция, в которой происходит деление, здесь носит случайный характер, то есть определяется исключительно отношениями конкуренции. В то время как в других случаях равновесие спроса и предложения уничтожает отклонения рыночных цен от регулирующих их средних цен, то есть уничтожает влияние конкуренции, здесь оно является единственно определяющим. Но почему? Потому что один и тот же фактор производства,

капитал, должен распределить достающуюся на его долю прибавочную стоимость между двумя владельцами этого самого фактора производства. Но то обстоятельство, что здесь нет определенной закономерной границы для деления средней прибыли, не снимает границ последней, как части товарной стоимости, — так же, как граница прибыли предприятия не затрагивается тем фактом, что два. его компаньона в силу каких-либо внешних обстоятельств делят между собой эту прибыль не поровну.

Если, следовательно, та часть товарной стоимости, в которой представлен труд, вновь присоединенный к стоимости средств производства, распадается на различные части, приобретающие затем в виде доходов самостоятельные по отношению друг к другу формы, то отсюда еще отнюдь не следует, что заработную плату. прибыль и ренту надо рассматривать как конституирующие элементы, из соединения, или суммы которых возникает регулирующая цена («natural price», «prix nécessaire»[*]) самих товаров; таким образом, не товарная стоимость — по вычете из нее постоянной части стоимости — была бы первоначальным единством, которое распадается на указанные три части, а, наоборот, цена каждой из этих трех частей определялась бы самостоятельно, и лишь из сложения этих трех независимых величин получалась бы цена товара. В действительности стоимость товара есть величина, заранее данная, это есть совокупность всей суммы стоимости заработной платы, прибыли и ренты, каковы бы ни были относительные величины этих последних. При указанном же ложном понимании заработная плата, прибыль и рента суть три самостоятельные величины стоимости, совокупная величина которых создает, ограничивает и определяет величину товарной стоимости.

Прежде всего ясно, что если бы заработная плата, прибыль и рента конституировали цену товаров, то это в равной степени должно было бы относиться как к постоянной части товарной стоимости, так и к другой ее части, в которой представлены переменный капитал и прибавочная стоимость. Эта постоянная часть может, следовательно, быть при этом оставлена без внимания, так как стоимость товаров, из которых она состоит, точно так же сводилась бы к сумме стоимости заработной платы, прибыли и ренты. Как уже было показано, этот взгляд отрицает даже само существование такой постоянной части стоимости.

Ясно, далее, что здесь отпадает всякое понятие стоимости. Остается только представление цены в том смысле, что

[*] — «естественная цена», «необходимая цена». *Ред.*

владельцам рабочей силы, капитала и земли уплачивается известная сумма денег. Но что такое деньги? Деньги — не вещь, а определенная форма стоимости, следовательно, они опять-таки предполагают стоимость. Итак, пусть определенное количество золота или серебра уплачивается за эти элементы производства или приравнивается этому количеству мысленно. Но ведь золото и серебро (а «просвещенный» экономист гордится тем, что он это уразумел) сами являются товарами, как всякие другие товары. Следовательно, цена золота и серебра также определяется заработной платой, прибылью и рентой. Следовательно, мы не можем заработную плату, прибыль и ренту определять тем, что они приравниваются известному количеству золота и серебра, так как стоимость этого золота и серебра, в которой они должны быть оценены, как в своем эквиваленте, должна раньше быть оценена как раз ими, независимо от золота и серебра, то есть независимо от стоимости всякого товара, которая сама как раз есть продукт указанных трех факторов. Итак, сказать, будто стоимость заработной платы, прибыли и ренты состоит в том, что они равны известному количеству золота и серебра, значило бы лишь сказать, что они равны известному количеству заработной платы, прибыли и ренты.

Возьмем прежде всего заработную плату. Ибо, и придерживаясь этой точки зрения, следует исходить из труда. Как же определяется регулирующая цена заработной платы, та цена, вокруг которой колеблются ее рыночные цены?

Скажем, спросом и предложением рабочей силы. Но о каком спросе на рабочую силу идет здесь речь? О спросе капитала. Следовательно, спрос на труд равносилен предложению капитала. Чтобы говорить о предложении капитала, мы должны знать прежде всего, что такое капитал. Из чего состоит капитал? Возьмем самое простое его проявление: из денег и товаров. Но деньги лишь форма товара. Значит, из товаров. Но стоимость товаров, по предположению, определяется, в первую очередь, ценой производящего их труда, заработной платой. Заработная плата является здесь предпосылкой и рассматривается как элемент, конституирующий цену товаров. Стало быть, эта цена должна быть определена отношением предложения труда к капиталу. Цена самого капитала равна цене товаров, из которых он состоит. Спрос капитала на труд равен предложению капитала. А предложение капитала равно предложению суммы товаров данной цены, а эта цена, в первую очередь, регулируется ценой труда, и цена труда опять-таки равна той части товарной цены, из которой состоит переменный капитал, выплачиваемый рабочему в обмен на его труд; а цена товаров,

из которых состоит этот переменный капитал, в первую очередь, определяется опять-таки ценой труда; ибо цена товаров определяется ценой заработной платы, прибыли и ренты. Следовательно, для того чтобы определить заработную плату, мы не можем исходить из капитала как из предпосылки, ибо стоимость самого капитала определяется при участии заработной платы.

Кроме того, привлечение к делу конкуренции нисколько не помогает нам. Конкуренция заставляет рыночные цены труда повышаться или падать. Но допустим, что спрос и предложение труда взаимно покрываются. Чем тогда будет определяться заработная плата? Конкуренцией. Но ведь мы как раз предположили, что конкуренция перестала действовать, что благодаря равновесию ее обеих противоположно направленных сил она перестает оказывать влияние. Ведь мы как раз хотим найти естественную цену заработной платы, то есть не ту цену труда, которая регулируется конкуренцией, а ту, которая, наоборот, регулирует ее.

Не остается ничего другого, как определить необходимую цену труда необходимыми жизненными средствами рабочего. Но эти жизненные средства представляют собой товары, имеющие цену. Следовательно, цена труда определяется ценой необходимых жизненных средств, а цена жизненных средств, как и всех других товаров, определяется в первую очередь ценой труда. Следовательно, цена труда, определяемая ценой жизненных средств, определяется ценой труда. Цена труда определяет самое себя. Другими словами, мы не знаем, чем определяется цена труда. Труд имеет здесь вообще цену, потому что он рассматривается как товар. Следовательно, чтобы говорить о цене труда, мы должны знать, что такое вообще цена. Но что такое цена вообще, мы этим путем как раз и не узнаем.

Но допустим, что столь утешительным способом мы определили необходимую цену труда. Как же обстоит дело с средней прибылью, с прибылью каждого капитала, которая при нормальных условиях образует второй элемент цены товара. Средняя прибыль должна определяться средней нормой прибыли; а как определяется эта последняя? Конкуренцией между капиталистами? Но конкуренция уже предполагает существование прибыли. Она предполагает различные нормы прибыли, а следовательно, и различные прибыли в тех же самых или различных отраслях производства. Конкуренция может влиять на норму прибыли лишь постольку, поскольку она влияет на цены товаров. Конкуренция может достигнуть лишь того, что производители в пределах одной и той же сферы производства будут продавать свои товары по одинаковым ценам,

а в пределах различных отраслей производства — по ценам, дающим им одинаковую прибыль, одинаковую пропорциональную надбавку к цене товара, уже определенной частично заработной платой. Конкуренция может поэтому лишь выравнивать различия в норме прибыли. Для того чтобы возможно было выровнять неодинаковые нормы прибыли, прибыль как элемент товарной цены должна уже быть налицо. Конкуренция ее не создает. Она повышает или понижает ее, но не создает того уровня, который устанавливается, раз равенство действительно наступило. И когда мы говорим о необходимой норме прибыли, мы хотим узнать как раз эту норму прибыли, которая не зависит от движения конкуренции, а, со своей стороны, регулирует конкуренцию. Средняя норма прибыли появляется при равновесии сил конкурирующих между собой капиталистов. Конкуренция может создать это равновесие, но не ту норму прибыли, которая выступает при этом равновесии. Почему, когда такое равновесие достигнуто, общая норма прибыли = 10% или 20% или 100%? Вследствие конкуренции? Но, как раз наоборот, конкуренция устранила причины, вызывавшие отклонения от 10% или 20% или 100%. Она привела к товарной цене, при которой каждый капитал дает одинаковую прибыль пропорционально своей величине. Но величина самой этой прибыли независима от конкуренции. Последняя лишь все снова и снова приводит все отклонения к данной величине. Один человек конкурирует с другими, и конкуренция заставляет его продавать свои товары по той же самой цене, как и эти другие. Но почему же эта цена составляет 10 или 20 или 100 единиц?

Следовательно, не остается ничего иного, как объяснять норму прибыли, а потому и прибыль, как непостижимым образом определяемую надбавку к цене товара, которая до этого пункта определялась заработной платой. Эта норма прибыли должна быть данной величиной — вот единственное, что говорит нам конкуренция. Но это мы знали и раньше, когда мы говорили об общей норме прибыли, о «необходимой цене» прибыли.

Совершенно нет нужды опять прослеживать этот бесплодный ход рассуждений в применении к земельной ренте. И без того ясно, что, проведенный сколько-нибудь последовательно, он обусловливает лишь то, что прибыль и рента кажутся просто надбавкой к цене товаров, определяемой совершенно непостижимыми законами, определяемой, в первую очередь, заработной платой. Короче, конкуренция должна объяснить все бессмыслицы экономистов, между тем как экономисты, наоборот, должны были бы объяснить конкуренцию.

Если оставить в стороне ту фантазию, будто прибыль и рента, как составные части цены, создаются обращением, то есть возникают из продажи, — хотя обращение не может дать ничего такого, что ему самому не было предварительно дано, — то дело сводится просто к следующему:

Пусть цена товара, определяемая заработной платой, = 100 единицам; норма прибыли составляет 10% на заработную плату и рента 15% на заработную плату. Тогда цена товара, определяемая суммой заработной платы, прибыли и ренты, = 125 единицам. Эти 25 единиц надбавки не могут возникнуть из продажи товара. Потому что все, продающие друг другу товары, продают за 125 единиц то, что каждому из них стоило 100 единиц заработной платы; результат получается тот же, как если бы все они продавали по 100. Следовательно, операция эта должна быть рассмотрена независимо от процесса обращения.

Если трое делят самый товар, который теперь стоит 125, — а дело нисколько не изменится, если капиталист сначала продаст товар за 125 единиц, а потом уплатит рабочему 100, себе самому 10 и получателю земельной ренты 15, — то рабочий получает $^4/_5$ = 100 единицам стоимости и продукта. Капиталист получает $^2/_{25}$ стоимости и продукта, а получатель земельной ренты — $^3/_{25}$. Продав за 125 единиц вместо 100, капиталист отдает рабочему лишь $^4/_5$ того продукта, в котором представлен труд последнего. Следовательно, результат получился бы тот же самый, если бы он дал рабочему 80, удержав 20, из которых 8 пришлось бы на его долю и 12 на долю получателя земельной ренты. Он тогда продал бы товар по его стоимости, так как в действительности надбавки к цене суть повышения, независимые от стоимости товара, которая при допущенном выше предположении определяется стоимостью заработной платы. Таким образом, окольным путем это свелось бы к тому, что, при данном представлении, слова «заработная плата», 100, означают стоимость продукта, то есть сумму денег, в которой представлено это определенное количество труда, но что стоимость эта все-таки отлична от реальной заработной платы п, следовательно, оставляет некоторый избыток. Только этот избыток улавливается путем номинальной надбавки к цене. Следовательно, если бы заработная плата была 110 вместо 100, то прибыль должна бы быть = 11, и земельная рента = $16^1/_2$, стало быть, цена товара = $137^1/_2$. Отношение осталось бы при этом без изменения. Но так как деление осуществлялось бы всегда путем номинальной надбавки определенных процентов к заработной плате, то цена повышалась бы и падала бы вместе с заработной платой. Заработная плата сначала приравнивается

здесь к стоимости товара и затем снова отделяется от этой последней. В действительности же дело сводится — окольным иррациональным путем — к тому, что стоимость товара определяется количеством содержащегося в нем труда, стоимость же заработной платы — ценой необходимых жизненных средств, а избыток стоимости над заработной платой образует прибыль и ренту.

Распадение стоимости товаров за вычетом стоимости потребленных при их производстве средств производства; распадение этой данной суммы стоимости, определенной количеством труда, овеществленного в товарном продукте, на три составные части, которые принимают затем в качестве заработной платы, прибыли и земельной ренты вид самостоятельных независимых друг от друга форм дохода, — это распадение представляется на поверхности капиталистического производства, а следовательно, и в представлениях захваченных ею агентов послед-пего, в совершенно извращенном виде.

Пусть вся стоимость какого-либо товара = 300, из которых 200 составляют стоимость потребленных при его производстве средств производства, или элементов постоянного капитала. Остаются, следовательно, 100 единиц как сумма новой стоимости, присоединенной к этому товару в процессе его производства. Эта новая стоимость в 100 единиц представляет собой всю ту сумму, которая может быть разделена между тремя формами дохода. Если заработная плата = x, прибыль = y, земельная рента = z, то в рассматриваемом случае сумма $x + y + z$ всегда будет равна 100. Но в представлении промышленников, купцов и банкиров, как и в представлении вульгарных экономистов, это происходит совсем не так. Для них не стоимость товара за вычетом стоимости потребленных на его изготовление средств производства дана равной 100, которые распадаются затем на x, y и z. Напротив, для них цена товара слагается просто из величин стоимости заработной платы, прибыли и ренты, которые определяются независимо от стоимости товара и друг от друга, так что x, y и z даны и определены каждый самостоятельно и лишь из суммы этих величин, которая может быть меньше и больше 100, получается величина стоимости товара как результат сложения этих составных частей, образующих его стоимость. Такое quid pro quo* неизбежно вследствие целого ряда причин:

Во-первых, составные части стоимости товара противостоят друг другу как самостоятельные доходы, которые относятся

* — смешение понятий (буквально: принятие одного за другое). *Ред.*

как таковые к трем совершенно отличным друг от друга факторам производства: труду, капиталу и земле, вследствие чего кажется, что они возникают из этих последних. Собственность на рабочую силу, капитал и землю есть причина того, что эти различные составные части стоимости товаров выпадают на долю соответствующих собственников и потому превращаются для них в доходы. Но стоимость не возникает из превращения чего-либо в доход, она должна быть уже налицо, прежде чем превратиться в доход, принять этот вид. Обратная видимость укрепляется тем больше, что определение относительной величины этих трех частей по отношению друг к другу совершается по разнородным законам, связь которых с самой стоимостью товаров и ограничение которых стоимостью отнюдь не обнаруживается на поверхности.

Во-вторых, как мы уже видели[*], общее повышение или понижение заработной платы, вызывая при прочих равных условиях движение общей нормы прибыли в противоположном направлении, изменяет цены производства различных товаров, повышает одни из них и понижает другие в зависимости от среднего строения капитала в соответственных сферах производства. Таким образом, здесь, по крайней мере в некоторых отраслях производства, опыт действительно показывает, что средняя цена товара повышается вследствие повышения заработной платы и понижается вследствие ее понижения. Но «опыт» не показывает, что независимая от заработной платы стоимость товаров скрыто регулирует эти изменения. Если, напротив, повышение заработной платы является локальным, если оно происходит лишь в отдельных отраслях производства под влиянием особых условий, то может иметь место соответственное номинальное повышение цен этих товаров. Такое повышение относительной стоимости одних товаров по сравнению с другими, для которых заработная плата остается неизменной, является тогда лишь реакцией против местного нарушения равномерности в распределении прибавочной стоимости между различными сферами производства, средством выравнивания особых норм прибыли в общую норму. «Опыт», который здесь получается, опять таков, что цена определяется заработной платой. Итак, опыт в обоих случаях показывает одно, — что заработная плата определяет товарные цены. Чего опыт не показывает, — это скрытой причины этой зависимости. Далее: средняя цена труда, то есть стоимость рабочей силы, определяется ценой производства необходимых жизненных средств.

---

[*] См. настоящий том, часть I, стр. 219—223. *Ред.*

Если повышается или понижается вторая, то повышается или понижается и первая. Опыт обнаруживает здесь опять-таки лишь существование связи между заработной платой и ценой товаров; но причина может представляться следствием, а следствие причиной, что и имеет место при движении рыночных цен, где повышение заработной платы выше средней соответствует связанному с периодом расцвета повышению рыночных цен выше цен производства, а следующее затем падение заработной платы ниже средней соответствует падению рыночных цен ниже цен производства. Если оставить в стороне колебательное движение рыночных цен, то зависимости цен производства от стоимости товаров должен бы соответствовать в непосредственном опыте prima facie* тот факт, что при повышении заработной платы понижается норма прибыли и наоборот. Но мы уже видели**, что норма прибыли может определяться изменениями в стоимости постоянного капитала, независимыми от изменений заработной платы; так что заработная плата и норма прибыли могут изменяться не в противоположном, а в одном и том же направлении, могут одновременно повышаться или падать. Если бы норма прибыли непосредственно совпадала с нормой прибавочной стоимости, это было бы невозможно. Равным образом при повышении заработной платы, вызванном ростом цен жизненных средств, норма прибыли может остаться неизменной или даже повыситься вследствие большей интенсивности труда или удлинения рабочего дня. Все эти данные опыта подтверждают иллюзию, вызванную самостоятельной, извращенной формой составных частей стоимости, будто одна заработная плата или заработная плата вместе с прибылью определяют стоимость товаров. Если вообще такая иллюзия имеет место по отношению к заработной плате, если кажется, что цена труда совпадает со стоимостью, произведенной трудом, то по отношению к прибыли и ренте это разумеется само собой. Их цены, то есть их денежные выражения, должны в этом случае регулироваться независимо от труда и созданной последним стоимости.

В-третьих, допустим, что стоимости или только по видимости независимые от последних цены производства в непосредственном опыте всегда совпадают с рыночными ценами товаров, вместо того чтобы проявляться лишь как регулирующие средние цены посредством постоянной компенсации непрерывных колебаний рыночных цен. Допустим, далее, что воспроизводство совершается всегда при одних и тех же неизменных условиях, так что производительность труда во всех

* — прежде всего. *Ред.*

** См. настоящий том, часть I, стр. 117—134. *Ред.*

элементах капитала остается постоянной. Допустим, наконец, что та часть стоимости товарного продукта, которая в каждой сфере производства образуется путем присоединения к стоимости средств производства нового количества труда, следовательно, новой стоимости, — распадается в неизменной пропорции на заработную плату, прибыль и ренту, так что действительно выплаченная заработная плата, фактически реализованная прибыль и фактическая рента всегда непосредственно совпадают: со стоимостью рабочей силы, с той частью всей прибавочной стоимости, которая в силу средней нормы прибыли причитается каждой самостоятельно функционирующей части всего капитала и с пределами, в которые normaliter* заключена земельная рента на данном базисе. Допустим, одним словом, что распределение произведенной обществом стоимости и регулирование цен производства совершается на капиталистическом базисе, но с устранением конкуренции.

Итак, при этих предположениях, когда стоимость товаров была бы и проявлялась бы как величина постоянная; когда часть стоимости товарного продукта, распадающаяся на доходы, оставалась бы постоянной величиной и именно таковой и представлялась бы; когда, наконец, эта данная и постоянная часть стоимости распадалась бы на заработную плату, прибыль и ренту всегда в неизменной пропорции, — даже при таких предположениях действительное движение неизбежно должно было бы представляться в извращенном виде: не как распадение заранее данной величины стоимости на три части, принимающие форму независимых друг от друга доходов, но, наоборот, как образование этой стоимости из суммы независимых, самостоятельно определяемых каждый сам по себе, составляющих ее элементов заработной платы, прибыли и земельной ренты. Такая видимость возникла бы неизбежно, так как в действительном движении отдельных капиталов и их товарных продуктов не стоимость товара предполагается как данная при распадении ее на составные части, а, наоборот, составные части, на которые она распадается, функционируют как предпосылка стоимости товаров. Прежде всего отдельному капиталисту, как мы уже видели, издержки производства товара кажутся величиной данной и в действительной цене производства всегда выступают в качестве такой величины. Но издержки производства равны стоимости постоянного капитала, авансированных средств производства, плюс стоимость рабочей силы, которая, однако, представляется агенту производства

* — нормально. *Ред.*

в иррациональной форме цены труда, так что заработная плата представляется в то же время доходом рабочего. Средняя цена труда есть величина данная, так как стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для ее воспроизводства. Что же касается той части стоимости товаров, которая составляет заработную плату, то она порождается не тем, что принимает эту форму заработной платы, не тем, что капиталист авансирует рабочему в форме заработной платы его долю в его собственном продукте, но тем, что рабочий производит эквивалент, соответствующий его заработной плате, то есть в течение известной части своего ежедневного или годового труда производит стоимость, содержащуюся в цене его рабочей силы. Но заработная плата устанавливается договором раньше, чем произведен соответствующий ей эквивалент стоимости. Как элемент цены, величина которого дана раньше, чем произведен товар и товарная стоимость, как составная часть издержек производства, заработная плата представляется не частью всей стоимости товара, которая отделилась в самостоятельную форму от совокупной стоимости товара, а, наоборот, величиной данной, определяющей собой заранее эту совокупную стоимость, то есть представляется фактором, образующим стоимость и цену. Роль, аналогичную той, какую заработная плата играет в издержках производства товара, средняя прибыль играет в цене его производства, ибо цена производства равна издержкам производства плюс средняя прибыль на авансированный капитал. Эта средняя прибыль входит практически в представления и расчеты самого капиталиста как регулирующий элемент, — и не только в том смысле, что она определяет собой перелив капитала из одной сферы приложения в другую, но и вообще при всяких покупках и договорах, охватывающих процесс воспроизводства за более или менее продолжительный период. Но поскольку это так, средняя прибыль является заранее данной величиной и действительно не зависит от стоимости и прибавочной стоимости, создаваемой в каждой данной отрасли производства, тем более при каждом отдельном вложении капитала в пределах каждой такой отрасли. Средняя прибыль в своем внешнем проявлении кажется не результатом расщепления стоимости, а, наоборот, величиной, независимой от стоимости товарного продукта, заранее данной в процессе производства товаров и определяющей самоё среднюю цену товаров, то есть фактором, образующим стоимость. При этом прибавочная стоимость вследствие распадения ее различных частей на совершенно независимые друг от друга формы представляется в еще более конкретной

форме предпосылкой образования стоимости товаров. Часть средней прибыли в форме процента самостоятельно противопоставляется функционирующему капиталисту как элемент, предпосланный производству товаров и их стоимости. Как бы ни колебалась величина процента, она тем не менее в каждый момент и для каждого капиталиста есть величина данная, которая для него, отдельного капиталиста, входит в состав издержек производства производимых им товаров. Такую же роль для земледельческого капиталиста играет земельная рента в форме, установленной договором арендной платы, а для других предпринимателей — в форме платы за аренду производственной площади. Так как эти части, на которые распадается прибавочная стоимость, для каждого отдельного капиталиста являются данными элементами его издержек производства, то кажется, будто они, наоборот, образуют прибавочную стоимость, образуют одну часть товарной цены, подобно тому, как заработная плата образует ее другую часть. Тайна, вследствие которой эти продукты разложения товарной стоимости всегда кажутся предпосылками образования стоимости, состоит просто в том, что капиталистический способ производства, как и всякий другой, непрерывно воспроизводит не только материальный продукт, но и общественные экономические отношения, экономические определенности формы его образования. Поэтому результат этого процесса производства столь же неизменно принимает вид его предпосылок, как его предпосылки — вид его результата. И как раз это непрерывное воспроизводство тех же самых отношений антиципируется отдельным капиталистом как само собой разумеющийся, не подлежащий никакому сомнению факт. Пока продолжает существовать капиталистическое производство как таковое, одна часть вновь присоединенного труда постоянно превращается в заработную плату, другая — в прибыль (процент и предпринимательский доход), третья — в ренту. При заключении договоров между собственниками различных факторов производства это является предпосылкой, и эта предпосылка правильна, как бы ни колебались в каждом отдельном случае относительные величины. Та определенная форма, в которой противостоят друг другу части стоимости, является предпосылкой, потому что она постоянно воспроизводится, и она постоянно воспроизводится, потому что является неизменной предпосылкой.

Впрочем, опыт и наблюдение показывают также, что, рассматриваемые со стороны их величины, рыночные цены, во влиянии которых капиталист действительно видит единственное определение стоимости, — что эти рыночные цены отнюдь

не зависят от указанных антиципаций, отнюдь не сообразуются с тем, высоки или низки процент или рента, предусмотренные договором. Но рыночные цены постоянны лишь в изменении, и их средняя за более или менее продолжительный период как раз и дает соответственные средние величины заработной платы, прибыли и ренты, как величины постоянные и, следовательно, в конечном счете господствующие над рыночными ценами.

С другой стороны, весьма простой кажется следующая мысль: если заработная плата, прибыль и рента образуют стоимость, потому что они представляются предпосылками производства стоимости и для отдельного капиталиста входят в качестве предпосылок в издержки производства и цену производства, то стоимость образуется и постоянной частью капитала, стоимость которой входит в производство каждого товара как величина данная. Но постоянная часть капитала есть не что иное, как сумма товаров и, следовательно, товарных стоимостей. Получается, таким образом, плоская тавтология, что товарная стоимость образует товарную стоимость и есть причина ее.

Однако если бы капиталист находил какой-либо интерес в том, чтобы поразмыслить над этим вопросом, — а его размышления как капиталиста определяются исключительно его интересами и своекорыстными мотивами, — то опыт тотчас покажет ему, что продукт, производимый им самим, входит в другие сферы производства как постоянная часть капитала, и продукты других сфер производства входят как постоянная часть капитала в его продукт. Так как для него, поскольку речь идет о его новой продукции, вновь образованная стоимость складывается, по видимости, из величин заработной платы, прибыли и ренты, — то это представление переносится им также и на постоянную часть, состоящую из продукции других капиталистов; таким образом, цена постоянной части капитала, а вместе с тем и вся стоимость товаров, сводится, правда, способом, в котором нельзя разобраться до конца, в конечном счете к сумме стоимости, получающейся от сложения самостоятельных, регулируемых различными законами, проистекающих из различных источников факторов стоимости: заработной платы, прибыли и ренты.

В-четвертых. Продаются ли товары по их стоимости или нет, для отдельного капиталиста совершенно безразлично, следовательно, для него совершенно безразлично само определение стоимости. Определение стоимости уже с самого начала есть нечто, совершающееся за его спиной в силу независимых от него условий, так как не стоимости товаров, а отличные от них цены производства образуют регулирующие средние цены

в каждой отрасли производства. Определение стоимости как таковое интересует отдельного капиталиста и служит для него и для капитала в каждой сфере производства определяющим моментом лишь постольку, поскольку уменьшение или увеличение количества труда, которое требуется для производства товаров при росте или падении производительной силы труда, в первом случае дает ему возможность получить при существующих рыночных ценах сверхприбыль, а в другом — принуждает его повышать цены товаров, так как теперь на каждую единицу продукта, или на каждый отдельный товар, падает больше заработной платы, больше постоянного капитала, а следовательно, большая сумма процента. Определение стоимости интересует его лишь постольку, поскольку оно повышает или понижает для него самого издержки производства товара, поскольку оно, следовательно, ставит его в исключительное положение.

Напротив, заработная плата, процент и рента представляются ему границами, регулирующими не только ту цену, по которой он может реализовать часть прибыли, — предпринимательский доход, — причитающуюся на долю его, как функционирующего капиталиста, но по которой он вообще должен продавать товары, чтобы возможно было продолжение процесса воспроизводства. Для него совершенно безразлично, реализует он или нет при продаже стоимость и прибавочную стоимость, заключающуюся в товаре, если только он при данной цене извлекает обычный или более чем обычный предпринимательский доход сверх издержек производства, индивидуально данных для него величиной заработной платы, процента и ренты. Поэтому, если оставить в стороне постоянную часть капитала, то заработная плата, процент и рента представляются ему ограничивающими, а потому созидающими, определяющими элементами товарной цены. Если ему удастся, например, понизить заработную плату ниже стоимости рабочей силы, то есть ниже ее нормальной высоты, получить капитал ло пониженному проценту и уплачивать арендную плату ниже нормального уровня ренты, то для него совершенно безразлично, будет ли он продавать товар ниже его стоимости, даже ниже общей цены производства, то есть будет ли отдавать даром часть содержащегося в товаре прибавочного труда. Это относится и к постоянной части капитала. Если, например, промышленник может купить сырой материал ниже его цены производства, то это гарантирует его от убытка даже и в том случае, когда ему приходится, в свою очередь, продавать этот материал в готовом продукте ниже цены производства. Его

предпринимательский доход может остаться неизменным и даже возрасти, если только остается неизменным или возрастает избыток товарной цены над теми ее элементами, которые должны быть оплачены, возмещены эквивалентом. Но кроме стоимости средств производства, которые входят в производство его товаров как данные элементы цены, как раз заработная плата, процент и рента являются теми ограничивающими и регулирующими элементами цены, которые тоже входят в это производство. Поэтому они представляются ему элементами, определяющими цену товаров. С этой точки зрения кажется, будто предпринимательский доход определяется или тем избытком, который имеется в рыночной цене, зависящей от случайных условий конкуренции, над имманентной стоимостью товаров, определяемой вышеуказанными элементами цены; или же, поскольку сам предпринимательский доход оказывает определяющее влияние на рыночные цены, он сам кажется, в свою очередь, зависящим от конкуренции между продавцами и покупателями.

Как в конкуренции между отдельными капиталистами, так и в конкуренции на мировом рынке данные и заранее предположенные величины заработной платы, процента и ренты входят в расчеты как величины постоянные и регулирующие, — постоянные но в том смысле, что величины эти не изменяются, а в том, что они в каждом отдельном случае даны и образуют постоянную границу для непрерывно колеблющихся рыночных цен. Так, например, при конкуренции на мировом рынке речь идет исключительно о том, можно ли при данной заработной плате, данном проценте и данной ренте продать товар по данной общей рыночной цене или ниже ее с выгодой, то есть реализуя при этом соответственный предпринимательский доход. Если в одной стране заработная плата и цена земли низки, а процент на капитал, наоборот, высок, так как капиталистический способ производства здесь вообще недостаточно развит, в то время как в другой стране заработная плата и цена земли номинально высоки, а процент на капитал низок, то капиталист в первой стране применяет больше труда и земли, во второй — сравнительно больше капитала. При учете того, насколько возможна конкуренция между обоими этими капиталистами, эти факторы входят как определяющие элементы. Таким образом, опыт показывает здесь теоретически, а своекорыстные расчеты капиталиста показывают практически, что цены товаров определяются заработной платой, процентом и рентой, ценой труда, капитала и земли и что эти элементы цены действительно являются регулирующими факторами ценообразования.

Само собой разумеется, при этом всегда остается один элемент, который является не предпосылкой, а результатом рыночной цены товаров, — именно избыток над издержками производства [Kostpreis], образующимися путем сложения указанных выше элементов — заработной платы, процента и ренты. Представляется, будто этот четвертый элемент определяется в каждом отдельном случае конкуренцией, а в среднем отдельных случаев — средней прибылью, которая опять-таки регулируется той же самой конкуренцией, но только за более продолжительный период.

В-пятых. На базисе капиталистического способа производства распадение стоимости, в которой представлен вновь присоединенный труд, на доходы в форме заработной платы, прибыли и земельной ренты становится настолько само собой разумеющимся, что этот метод применяется даже там, где совершенно отсутствуют сами условия существования этих форм дохода (мы не говорим уже о прошлых исторических периодах, откуда мы приводили примеры при исследовании земельной ренты). Это значит, что под данные формы дохода подводится все путем аналогии.

Если независимый работник — возьмем мелкого крестьянина, так как здесь применимы все три формы дохода, — работает на самого себя и продает свой собственный продукт, то он рассматривается, во-первых, как свой собственный работодатель (капиталист), который применяет самого себя в качестве рабочего; затем как свой собственный земельный собственник, который применяет самого себя в качестве арендатора. Как рабочему он выплачивает себе заработную плату, как капиталист он присваивает себе прибыль, как земельному собственнику платит себе ренту. Если предположить, что капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения являются всеобще общественным базисом, то такое допущение будет правильным постольку, поскольку независимый производитель не своему труду, а своей собственности на средства производства, — уже целиком принявшие здесь форму капитала, — обязан тем, что он в состоянии присвоить свой собственный прибавочный труд. И далее, поскольку он производит свой продукт в качестве товара и, следовательно, зависит от цены последнего (а если даже этого и нет, то цена все же может быть принята в расчет), масса прибавочного труда, которой он может воспользоваться, зависит не от ее собственной величины, а от общей нормы прибыли; равным образом некоторый избыток над долей прибавочной стоимости, определяемой общей нормой прибыли, зависит опять-таки не от количества затраченного

им труда, но может быть присвоен им лишь в силу того, что он — собственник земли. Так как подобного рода форма производства, не соответствующая капиталистическому способу производства, может быть подведена — и до известной степени не без основания — под капиталистические формы дохода, то тем сильнее упрочивается иллюзия, что капиталистические отношения являются естественными отношениями всякого способа производства.

Если свести заработную плату к ее общей основе, то есть к той части продукта собственного труда, которая входит в индивидуальное потребление рабочего; если освободить эту долю от капиталистических ограничений и расширить ее до того объема потребления, который, с одной стороны, допускается наличной производительной силой общества (то есть общественной производительной силой собственного труда рабочего как действительно общественного труда) и которого, с другой стороны, требует полное развитие индивидуальности; если далее свести прибавочный труд и прибавочный продукт к той мере, которая при условиях производства в данном обществе необходима, с одной стороны, для образования страхового и резервного фонда, с другой стороны, для непрерывного расширения воспроизводства в степени, определяемой общественной потребностью; если, наконец, включить в № 1 необходимый труд, и в № 2 — прибавочный труд, то количество труда, которое работоспособные члены общества постоянно должны затрачивать в пользу еще или уже неработоспособных его членов, то есть если снять с заработной платы, как и с прибавочной стоимости, с необходимого труда, как и с прибавочного, специфически капиталистический характер, то останутся уже не эти формы, но лишь их основы, общие всем общественным способам производства.

Впрочем, такого рода подведение было свойственно и прежним господствующим способам производства, например феодальному. Производственные отношения, совершенно не отвечающие ему, стоящие совершенно вне его, подводились под феодальные отношения, например, в Англии tenures in common socage* (в противоположность tenures on knight's service**), которые включали только денежные обязательства и лишь по названию были феодальными.

* — крестьянское держание земли. *Ред.*
** — рыцарскому держанию. *Ред.*

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ
ОТНОШЕНИЯ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Итак, стоимость, вновь присоединяемая ежегодно при помощи вновь присоединяемого труда, — а следовательно, и часть годового продукта, в которой представлена эта стоимость и которая может быть выделена из валовой стоимости продукта, — распадается на три части, принимающие формы трех различных доходов, формы, выражающие одну часть этой стоимости, как принадлежащую или достающуюся владельцу рабочей силы, другую — владельцу капитала, а третью — владельцу земельной собственности. Следовательно, это — отношения или формы распределения, так как они выражают те отношения, в которых вся вновь произведенная стоимость распределяется между владельцами различных факторов производства.

Согласно обычному взгляду, эти отношения распределения являются естественными отношениями, отношениями, вытекающими из природы всякого общественного производства, из законов человеческого производства вообще. Конечно, нельзя отрицать, что докапиталистические общества обнаруживают иные способы распределения, но эти последние истолковываются как неразвитые, несовершенные и замаскированные, не достигшие своего наиболее чистого выражения и высшей формы, как иначе окрашенные разновидности этих естественных отношений распределения.

В таком представлении правильно лишь одно: в любом общественном производстве (например, в естественно сложившихся индийских общинах или в более искусственно развившемся коммунизме перуанцев) всегда может быть проведено различие между той частью труда, продукт которой входит в непосредственное индивидуальное потребление производителей и членов их семьи и, — оставляя в стороне часть, идущую на производительное потребление, — другой частью труда, которая всегда есть прибавочный труд, продукт которой всегда служит

удовлетворению общих общественных потребностей, как бы ни распределялся этот прибавочный продукт и кто бы ни функционировал в качестве представителя этих общественных потребностей. Следовательно, тождество различных способов распределения сводится лишь к тому, что они тождественны, когда мы отвлекаемся от их различий и специфических форм и фиксируем внимание только на их единстве в противоположность различиям.

Ум, более развитой, более критический, признает[56а)], правда, исторически развивающийся характер отношений распределения, но с тем большим упорством держится за неизменный, вытекающий из человеческой природы, следовательно, независимый от всякого исторического развития характер самих производственных отношений.

Напротив, научный анализ капиталистического способа производства доказывает, что это способ производства особого рода, обладающий специфической исторической определенностью, что он, как и всякий другой определенный способ производства, предполагает данную ступень общественных производительных сил и форм их развития, как свое историческое условие, — условие, которое само есть исторический результат и продукт предшествующего процесса и из которого, как своей данной основы, исходит новый способ производства; что соответствующие этому специфическому, исторически определенному способу производства производственные отношения, — отношения, в которые вступают люди в своем общественном жизненном процессе, в производстве своей общественной жизни, — имеют специфический, исторический и преходящий характер; что, наконец, условия распределения, по сущности своей тождественные с условиями производства, составляют оборотную сторону этих последних, так что и те и другие носят одинаково тот же самый исторически преходящий характер.

При рассмотрении отношений распределения исходят в первую очередь из того мнимого факта, что годовой продукт распределяется как заработная плата, прибыль и земельная рента. Но выраженный таким образом этот факт неверен. Продукт распределяется, с одной стороны, на капитал, с другой стороны, на доходы. Один из этих доходов, собственно заработная плата, постоянно принимает только форму дохода, дохода рабочего, после того как он до этого противостоял тому же самому рабочему в *форме капитала.* Тот факт, что произведенные условия

[56а)] *J. Stuart Mill*. «Essays on some Unsettled Questions of Political Economy». London, 1844 [Essay II, p. 47—74].

труда и продукты труда противопоставляются вообще как капитал непосредственным производителям, уже заранее предполагает определенный общественный характер вещественных условий труда по отношению к рабочим и тем самым определенное отношение их к владельцам условий труда и друг к другу в самом производстве. Превращение этих условий труда в капитал предполагает, в свою очередь, экспроприацию земли у непосредственных производителей и тем самым определенную форму земельной собственности.

Если бы одна часть продукта не превращалась в капитал, то другая не принимала бы формы заработной платы, прибыли и ренты.

С другой стороны, если капиталистический способ производства предполагает эту определенную общественную форму условий производства, то он непрерывно воспроизводит ее. Он не только производит материальные продукты, но и непрерывно воспроизводит и те производственные отношения, при которых эти продукты производятся, воспроизводит тем самым и соответствующие отношения распределения.

Можно, конечно, сказать, что капитал (в который включается и земельная собственность как его противоположность) сам уже предполагает распределение: экспроприацию у работника условий его труда, концентрацию этих условий в руках меньшинства индивидуумов, исключительную собственность на землю для других индивидуумов, — одним словом, все те отношения, которые были исследованы в главе о первоначальном накоплении («Капитал», кн. I, гл. XXIV). Но это распределение совершенно отлично от того, что понимают под отношениями распределения, когда этим последним, в противоположность производственным отношениям, приписывают исторический характер. При этом имеют в виду различные права на долю продукта, предназначенную для индивидуального потребления. Напротив, эти отношения распределения являются основой особых общественных функций, выпадающих в пределах самого производственного отношения на долю определенных его агентов в противоположность непосредственным производителям. Они придают самим условиям производства и их представителям специфическое общественное качество. Они определяют весь характер и все движение производства.

Две характерные черты с самого начала отличают капиталистический способ производства.

Во-первых, он производит свои продукты как товары. Не самый факт производства товаров отличает его от других

способов производства, а то обстоятельство, что для его продуктов их бытие как товаров является господствующей и определяющей чертой. Это означает прежде всего то, что сам рабочий выступает лишь в качестве продавца товара, а потому в качестве свободного наемного рабочего, а следовательно, труд вообще выступает в качестве наемного труда. После всего того, что было выяснено нами до сих пор, излишне снова показывать, как отношение капитала к наемному труду определяет весь характер данного способа производства. Главные агенты самого этого способа производства, капиталист и наемный рабочий как таковые, сами являются лишь воплощениями, персонификациями капитала и наемного труда; это — определенные общественные характеры, которые накладывает на индивидуумов общественный процесс производства; продукт этих определенных общественных производственных отношений.

Характер 1) продукта как товара и 2) товара как продукта капитала уже включает все отношения обращения, то есть определенный общественный процесс, который должны проделать продукты и в котором они принимают определенные общественные черты, в то же время он включает столь же определенные отношения агентов производства, которыми определяется использование их продукта с целью увеличения стоимости и его обратное превращение в жизненные средства или в средства производства. Но даже оставляя это в стороне, из указанных выше двух характерных особенностей продукта как товара или товара как капиталистически произведенного товара вытекает все определение стоимости и регулирование стоимостью всего производства. В этой совершенно специфической форме стоимости труд имеет значение, с одной стороны, только как общественный труд; с другой стороны, распределение этого общественного труда и взаимное дополнение его продуктов труда, обмен веществ между продуктами этого труда, его подчинение общественному механизму и включение в этот последний — все это предоставлено случайным, взаимно уничтожающимся стремлениям отдельных капиталистических производителей. Так как эти последние противостоят друг другу лишь как товаровладельцы, причем каждый старается продать свой товар возможно дороже (и в регулировании самого производства действуют, как кажется, исключительно по своему произволу), то внутренний закон пробивает себе дорогу лишь через посредство их конкуренции, их взаимного давления друг на друга, благодаря которому взаимно уничтожаются отклонения. Лишь как внутренний закон, противостоящий отдельным агентам, как слепой закон природы выступает здесь закон

стоимости и прокладывает путь общественному равновесию производства среди его случайных колебаний.

Далее, уже в товаре и в еще большей степени в товаре как продукте капитала, заключены овеществление общественных определений производства и субъективизация материальных основ производства, характеризующие весь капиталистический способ производства.

Второе, что является специфическим отличием капиталистического способа производства, — это производство прибавочной стоимости как прямая цель и определяющий мотив производства. Капитал производит главным образом капитал и достигает этого лишь постольку, поскольку производит прибавочную стоимость. При исследовании относительной прибавочной стоимости и, далее, превращения прибавочной стоимости в прибыль мы видели, как на этом основывается характерный для капиталистического периода способ производства, — особая форма развития общественных производительных сил труда, принимающих, однако, по отношению к рабочему, характер самостоятельных сил капитала и находящихся поэтому в прямом противоречии с собственным его, рабочего, развитием. Производство ради стоимости и прибавочной стоимости предполагает, как показали наши дальнейшие исследования, постоянно действующую тенденцию к сокращению рабочего времени, необходимого для производства товара, то есть к уменьшению стоимости товара ниже существующей в данный момент общественной средней. Стремление свести издержки производства к их минимуму становится сильнейшим рычагом повышения общественной производительной силы труда, которое, однако, здесь представляется лишь непрерывным повышением производительной силы капитала.

Та власть, которую приобретает капиталист как олицетворение капитала в непосредственном процессе производства, та общественная функция, которую он выполняет как руководитель и властелин производства, существенно отличны от власти на базисе производства при помощи рабов, крепостных и т. д.

В то время как на базисе капиталистического производства массе непосредственных производителей противостоит общественный характер их производства в форме строго регулирующей власти и построенного как законченная иерархия общественного механизма процесса труда, — причем, однако, этой властью носители ее пользуются лишь в качестве олицетворения условий труда в противоположность самому труду, а не в качестве политических или теократических властителей, как это было

при более ранних формах производства, — среди самих носителей этой власти, среди самих капиталистов, которые противостоят друг другу лишь как товаровладельцы, господствует полнейшая анархия, в рамках которой общественная связь производства властно дает о себе знать индивидуальному произволу только как всесильный закон природы.

Только вследствие того, что даны как предпосылка труд в форме наемного труда и средства производства в форме капитала, — следовательно только вследствие такого специфически общественного характера этих двух основных факторов производства, — часть стоимости (продукта) выступает как прибавочная стоимость, а эта прибавочная стоимость — как прибыль (рента), доход капиталиста, добавочное, находящееся в его распоряжении, принадлежащее ему богатство. Но только потому, что часть стоимости выступает таким образом, как *его прибыль,* добавочные средства производства, предназначенные для расширенного воспроизводства и образующие часть прибыли капиталиста, выступают как новый добавочный капитал, и процесс расширенного воспроизводства вообще — как процесс капиталистического накопления.

Хотя форма труда как наемного труда имеет решающее значение для характера всего процесса и для специфического способа самого производства, тем не менее определение стоимости вытекает не из наемного труда. При определении стоимости речь идет об общественном рабочем времени вообще, о количестве труда, которым вообще может располагать общество и долей поглощения которого различными продуктами соответственно определяется их общественный удельный вес. Та определенная форма, в которой общественное рабочее время проявляется в стоимости товаров как фактор, определяющий последнюю, связана, конечно, с формой труда как наемного труда и соответствующей формой средств производства как капитала постольку, поскольку лишь на этом базисе товарное производство становится всеобщей формой производства.

Рассмотрим, однако, сами так называемые отношения распределения. Заработная плата предполагает наемный труд, прибыль — капитал. Эти определенные формы распределения предполагают, следовательно, определенные общественные черты условий производства и определенные общественные отношения агентов производства. Определенное отношение распределения есть, следовательно, лишь выражение исторически определенного отношения производства.

А теперь возьмем прибыль. Эта определенная форма прибавочной стоимости есть предпосылка того, что созидание новых

средств производства совершается в форме капиталистического производства; следовательно, это есть отношение, господствующее над воспроизводством, хотя отдельному капиталисту и кажется, что он собственно мог бы проесть всю свою прибыль в качестве дохода. Он наталкивается, однако, при этом на границы, которые встают перед ним в форме страхового и резервного фонда, закона конкуренции и т. д. и практически доказывают ему, что прибыль не есть просто категория распределения продукта, предназначенного для индивидуального потребления. Далее, весь капиталистический процесс производства регулируется при посредстве цены продуктов. Но регулирующие цены производства, в свою очередь, регулируются выравниванием норм прибыли и соответствующим ему распределением капитала между различными общественными сферами производства. Таким образом, прибыль является здесь главным фактором не распределения продукта, но самого его производства, фактором распределения капиталов и самого труда между различными сферами производства. Деление прибыли на предпринимательский доход и процент представляется разделением одного и того же дохода. Но оно порождается прежде всего развитием капитала как стоимости самовозрастающей, создающей прибавочную стоимость, — развитием этой определенной общественной формы господствующего процесса производства. Оно развивает из себя кредит и кредитные учреждения, и тем самым соответствующую форму производства. Процент и подобные проценту мнимые формы распределения входят в цену как определяющие производственные моменты.

Что касается земельной ренты, то могло бы показаться, что она является чисто распределительной формой, так как земельная собственность как таковая не выполняет в самом процессе производства никакой — по крайней мере никакой нормальной — функции. Но то обстоятельство, что 1) рента ограничивается избытком над средней прибылью, 2) что земельный собственник из руководителя и властелина процесса производства, а следовательно, и всего общественного жизненного процесса, низводится до роли простого сдатчика земли в аренду, земельного ростовщика, простого получателя ренты, — обстоятельство это есть специфически исторический результат капиталистического способа производства. То, что земля приобрела форму земельной собственности, служит исторической предпосылкой этого способа производства. То обстоятельство, что земельная собственность приобретает формы, допускающие капиталистический способ ведения сельского хозяйства, является продуктом специфического характера

этого способа производства. Доход земельного собственника и при других формах общества можно назвать рентой. Но он существенно отличен от ренты, какой она является при этом способе производства.

Следовательно, так называемые отношения распределения соответствуют исторически определенным, специфически общественным формам процесса производства и тем отношениям, в которые вступают между собой люди в процессе воспроизводства своей человеческой жизни, и возникают из этих форм и отношений. Исторический характер этих отношений распределения есть исторический характер производственных отношений, только одну сторону которых они выражают. Капиталистическое распределение отлично от тех форм распределения, которые возникают из других способов производства, и каждая форма распределения исчезает вместе с определенной формой производства, которой она соответствует и из которой проистекает.

То воззрение, которое рассматривает исторически лишь отношения распределения, но не отношения производства, с одной стороны, есть лишь воззрение зарождающейся, еще робкой критики буржуазной политической экономии. С другой же стороны, оно основано на смешении и отождествлении общественного процесса производства с простым процессом труда, который должен совершать и искусственно изолированный человек без всякой общественной помощи. Поскольку процесс труда есть лишь процесс между человеком и природой, — его простые элементы остаются одинаковыми для всех общественных форм развития. Но каждая определенная историческая форма этого процесса развивает далее материальные основания и общественные формы его. Достигнув известной ступени зрелости, данная историческая форма сбрасывается и освобождает место для более высокой формы. Наступление такого кризиса проявляется в расширении и углублении противоречий и противоположностей между отношениями распределения, — а следовательно, и определенной исторической формой соответствующих им отношений производства — с одной стороны, и производительными силами, производительной способностью и развитием ее факторов — с другой стороны. Тогда разражается конфликт между материальным развитием производства и его общественной формой[57)].

[57)] См. работу о Competition and Cooperation (1832?)[113].

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

КЛАССЫ

Собственники одной только рабочей силы, собственники капитала и земельные собственники, соответственными источниками доходов которых является заработная плата, прибыль и земельная рента, следовательно, наемные рабочие, капиталисты и земельные собственники образуют три больших класса современного общества, покоящегося на капиталистическом способе производства.

В Англии современное общество, с точки зрения его экономической структуры, получило бесспорно наиболее широкое, наиболее классическое развитие. Однако и здесь указанное классовое деление не выступает еще в чистом виде. Даже и здесь средние и переходные ступени везде затемняют строгие границы между классами (правда, в деревне несравненно меньше, чем в городах). Впрочем это безразлично для нашего исследования. Мы видели, что постоянная тенденция и закон развития капиталистического способа производства состоит в том, что средства производства все больше и больше отделяются от труда, что распыленные средства производства все больше концентрируются в большие группы, что, таким образом, труд превращается в наемный труд, а средства производства — в капитал. И этой тенденции соответствует, с другой стороны, самостоятельное отделение земельной собственности от капитала и труда[58)], то есть превращение всякой земельной собственности в форму земельной собственности, соответствующую капиталистическому способу производства.

[58)] Ф. Лист правильно замечает: «Преобладание самодовлеющего хозяйства в крупных поместьях свидетельствует только о недостаточном развитии цивилизации, средств сообщения, отечественной промышленности и богатых городов. Потому-то мы и находим его повсеместно в России, Польше, Венгрии, Мекленбурге. Прежде оно преобладало и в Англии; с развитием торговли и промышленности на его место приходит образование хозяйств и аренда» («Die Ackerverfassnng die Zwergwirthschaft und die Auswanderung». [Stuttgart und Tubingen] 1842, S. 10).

Ближайший вопрос, на который мы должны ответить, таков: что образует класс, — причем ответ этот получится сам собой, раз мы ответим на другой вопрос: благодаря чему наемные рабочие, капиталисты и земельные собственники образуют три больших общественных класса?

На первый взгляд, это — тождество доходов и источников дохода. Перед нами три большие общественные группы, компоненты которых — образующие их индивидуумы — живут соответственно на заработную плату, прибыль и земельную ренту, живут использованием своей рабочей силы, своего капитала и своей земельной собственности.

Но с этой точки зрения, врачи и чиновники, например, образовали бы два класса, так как они принадлежат к двум различным общественным группам, причем члены каждой из этих двух групп получают свои доходы из одного и того же источника. То же было бы верно и по отношению к бесконечной раздробленности интересов и положений, создаваемой разделением общественного труда среди рабочих, как и среди капиталистов и земельных собственников, — последние делятся, например, на владельцев виноградников, пахотной земли, лесов, рудников, рыбных угодий.

{Здесь рукопись обрывается.}

Ф. ЭНГЕЛЬС

ДОПОЛНЕНИЯ К ТРЕТЬЕМУ ТОМУ «КАПИТАЛА»[114]

Написано Ф. Энгельсом в мае — июне 1895 г.

Введение и первая статья впервые опубликованы в журнале «Die Neue Zeit», Bd. I, № 1, 1895—1896. Статья вторая впервые опубликована на русском языке в журнале «Большевик» № 23—24,1932 г.

Печатается по рукописи, сверенной с текстом журнала «Die Neue Zeit»

Перевод с немецкого

С тех пор как третий том «Капитала» передан на суд общественного мнения, он уже многократно подвергался самым разнообразным толкованиям. Иного нельзя было и ожидать. При его издании моей задачей было прежде всего подготовить возможно более аутентичный текст, передать новые результаты исследований Маркса по возможности его же собственными словами, ограничить мое личное вмешательство лишь абсолютно необходимым, причем и в таких случаях не оставлять у читателя ни малейшего сомнения в том, кто с ним говорит. Это порицалось; высказывалось мнение, что я должен был превратить имевшийся в моем распоряжении материал в систематически обработанную книгу, en faire un livre, как выражаются французы, другими словами — аутентичность текста принести в жертву удобству читателя. Но я не так понимал свою задачу. На такую переработку я не имел ни малейшего права: такой человек, как Маркс, имеет полное право на то, чтобы быть выслушанным самолично и передать потомству свои научные открытия в подлинном собственном изложении. Далее, у меня но было ни малейшего желания обращаться по своему усмотрению с наследием столь выдающегося человека; я бы это считал нарушением доверия. И, в-третьих, это было бы совершенно бесполезно. Вообще бессмысленно чем-либо поступиться для людей, которые не могут или не желают читать, для тех, которые уже в отношении первого тома потратили больше усилий на его неправильное толкование, чем это было необходимо для того, чтобы его правильно понять. Для тех же, кто стремится к действительному пониманию, самым важным был именно подлинник;

для них моя переработка в лучшем случае имела бы ценность комментария, и к тому же комментария к чему-то неизданному и недоступному. При первой же полемике, однако, пришлось бы привлечь подлинный текст, а при второй и третьей — издание его in extenso* стало бы неизбежным.

Такого рода полемика вполне естественна в отношении труда, дающего так много нового, и притом лишь в форме бегло набросанной первой обработки, местами не лишенной пробелов. Именно здесь мое вмешательство может быть действительно полезным для устранения трудностей в понимании, для того чтобы выдвинуть на первый план наиболее важные моменты, значение которых в тексте недостаточно сильно подчеркнуто, или сделать некоторые важные дополнения к написанному в 1865 г. тексту под углом зрения положения вещей в 1895 году. И действительно, уже в настоящее время имеются два таких пункта, краткое выяснение которых мне представляется необходимым.

* — в полном объеме. *Ред.*

I

ЗАКОН СТОИМОСТИ И НОРМА ПРИБЫЛИ

Следовало ожидать, что разрешение кажущегося противоречия между обоими этими факторами так же и после опубликования Марксова текста приведет к спорам, как они имели место и до его опубликования. Кое-кто ожидал настоящего чуда и считает себя разочарованным, увидев вместо предполагаемого жонглерства простое, рациональное и прозаически трезвое разрешение противоречия. Конечно, более всех приятно разочарован уже известный нам знаменитый Лориа. Он нашел, наконец, архимедову точку опоры, благодаря которой даже пигмей его калибра может поднять на воздух и взорвать прочно сооруженное гигантское здание, созданное Марксом. Как, восклицает он с негодованием, вот это и есть решение? Да тут чистейшая мистификация! Экономисты, когда они говорят о стоимости, имеют в виду такую стоимость, которая фактически устанавливается в обмене.

«А заниматься стоимостью, по которой товары не только не продаются, *но и не могут продаваться (пв possono vendersi mai),* этого не делал еще, да и никогда не сделает ни один экономист, сохранивший хотя бы следы рассудка... Когда Маркс утверждает, что стоимость, по которой товары *никогда* не продаются, определяется пропорционально содержащемуся в них труду, разве не повторяет он — только в обратной форме — положение правоверных экономистов, что стоимость, по которой товары продаются, не находится в пропорции с затраченным на них трудом?.. Ничуть не помогает и утверждение Маркса, что, несмотря на отклонение отдельных цен от отдельных стоимостей, сумма цен всех товаров всегда совпадает с их совокупной стоимостью или с количеством труда, содержащегося в совокупной массе товаров. Ведь так как стоимость есть не что иное, как отношение, в котором один товар обменивается на другой, то уже само понятие совокупной стоимости ость абсурд, бессмыслица... contradictio in adjecto*».

* — противоречие в определении. *Ред.*

В самом начале своего сочинения Маркс, дескать, заявляет, что обмен может приравнивать два товара только потому, что они содержат равные количества однородного элемента, а именно равное количество труда. Теперь же он торжественно отрекается от самого себя, утверждая, что товары обмениваются не пропорционально содержащимся в них количествам труда, а в совершенно иной пропорции.

«Видано ли, чтобы когда-нибудь доходили до такого абсурда, терпели такое теоретическое банкротство? Совершалось ли когда-либо научное самоубийство с большей помпой и торжественностью?» («Nuova Antologia»[115], Рим, третья серия, том LV, 1 февраля 1895 г., стр. 477—478, 479).

Как видите, наш Лориа вне себя от радости. Разве он не был прав, третируя Маркса, как такого же, как и он сам, заурядного шарлатана? Не угодно ли полюбоваться — Маркс издевается над своим читателем совершенно так же, как Лориа; он пробавляется мистификациями, точь-в-точь как ничтожнейший итальянский профессор политической экономии. Но в то время как этот Дулькамара[116] может позволить себе это, так как он владеет своим ремеслом, неуклюжий северянин Маркс на каждом шагу попадает впросак, говорит бессмыслицы, абсурд, так что в конце концов ему остается только торжественно покончить с собой.

Не будем пока касаться утверждения, что товары никогда не продавались и не могут продаваться по их стоимости. Остановимся здесь лишь на уверении г-на Лориа, что

«стоимость есть не что иное, как отношение, в котором один товар обменивается на другой, и что поэтому уже само понятие совокупной стоимости товаров есть абсурд, бессмыслица и т. д.».

Итак, отношение, в котором два товара обмениваются,— их стоимость — есть нечто совершенно случайное, приставшее к товарам извне и могущее иметь сегодня одну величину, а завтра другую. Обменивается ли центнер пшеницы на один грамм или на один килограмм золота, это ни в малейшей степени не зависит от условий, внутренне присущих этой пшенице или этому золоту, а зависит от совершенно чуждых им обоим обстоятельств. Ибо в ином случае эти условия должны были бы иметь значение и в обмене, господствовать над ним в общем и целом и иметь самостоятельное существование независимо от обмена, так что можно было бы говорить и о совокупной стоимости товаров. Но знаменитый Лориа утверждает, что это бессмыслица. В каком бы отношении ни обменивались два товара, это и есть их стоимость — вот и все. Следовательно, стоимость идентична

I.

Wertgesetz und Profitrate.

[illegible]

Первая страница рукописи Ф. Энгельса
«Закон стоимости и норма прибыли»

с ценой, и каждый товар имеет столько стоимостей, сколько он может иметь цен. Цена же определяется спросом и предложением, а кто еще продолжает задавать вопросы, ожидая ответа, — тот дурак.

Но тут имеется маленькая загвоздка. При нормальном состоянии спрос и предложение взаимно покрываются. Разделим все наличные товары мира на две половины — группу спроса и равную ей по величине группу предложения. Допустим, далее, что цена каждой группы = 1000 млрд. марок, франков, фунтов стерлингов или каких-нибудь других денежных единиц. Это даст в сумме по элементарному подсчету цену или стоимость в 2000 миллиардов. Бессмыслица, абсурд! — восклицает г-н Лориа. Обе группы вместе могут представлять цену в 2000 млрд., но со стоимостью дело обстоит иначе. Если мы говорим: цена, то 1000 + 1000 = 2000; но если мы говорим: стоимость, то 1000 + 1000 = 0. Так обстоит дело, по крайней мере в данном случае, где речь идет о совокупности всех товаров. Ибо здесь товар каждого из двух владельцев стоит 1000 млрд., потому что каждый из них хочет и может дать эту сумму за товар другого. Если же мы сосредоточим все товары обоих в руках третьего лица, то у первого не будет никакой стоимости, у второго тоже, а у третьего и подавно: в результате ни у кого не будет ничего. И мы снова восхищены превосходством нашего южного Калиостро, так расправившегося с понятием стоимости, что от него не осталось ни малейшего следа. Вот достойное завершение вульгарной политической экономии[1)].

[1)] Этот же «славой своей известный» господин (говоря словами Гейне) несколько позже был вынужден ответить на мое предисловие к третьему тому, а именно после того, как оно появилось на итальянском языке в первом номере «Rassegna» за 1895 год. Ответ напечатан в «Riforma Sociale»[117] от 25 февраля 1895 года. Осыпав меня сначала неизбежными у него и именно потому вдвойне отвратительными похвалами, он заявляет, что и не думал присваивать себе заслуг Маркса в области материалистического объяснения истории. Он-де признал их еще в 1885 г. — как-то мимоходом в журнальной статейке. Но зато тем упорнее он умалчивает об этом там, где об этом нужно говорить, а именно в своей книге на эту тему, где Маркс упоминается лишь на стр. 129, да и то по вопросу о мелкой земельной собственности во Франции. А теперь он отважно заявляет, что Маркс вовсе не является творцом этой теории; если она не была намечена в общих чертах еще Аристотелем, то несомненно, что Гаррингтон прокламировал ее уже в 1656 г., и она была вновь развита затем целой плеядой историков, политиков, юристов и экономистов задолго до Маркса. И чего только нельзя вычитать из французского издания сочинения Лориа! Короче говоря, Маркс — законченный плагиатор. После того как я помешал его дальнейшему хвастовству при помощи заимствований из Маркса, он смело заявляет, что и Маркс точно так же украшал себя чужими перьями, как и он. Из других моих возражений Лориа отвечает лишь на сказанное по поводу его утверждения, будто Маркс никогда и не думал писать второй, а тем более третий том «Капитала». «И теперь Энгельс отвечает мне, с триумфом указывая на второй и третий тома... Великолепно! А я так рад этим томам, которым я обязан столь громадным умственным наслаждением, что никогда еще мне не была так приятна победа, как приятно это поражение, если это действительно можно считать поражением. Но поражение ли это в самом деле? Действительно ли верно, что Маркс написал с целью опубликования эту массу не связанных между собой заметок, которые Энгельс собрал с таким благоговением? Можно ли действительно допустить, что

В брауновском «Archiv fur soziale Gesetzgebung und Statistik»[121] (Берлин, том VII, 1894 г.) Вернер Зомбарт дает в целом удачное изложение контуров системы Маркса. Это первый случай, когда немецкому университетскому профессору удается прочесть в сочинениях Маркса в общем и целом то, что Маркс действительно сказал, когда такой профессор заявляет, что критика системы Маркса должна заключаться не в опровержении ее, —

«этим пусть займутся политические карьеристы»,

— а лишь в дальнейшем ее развитии. Конечно, и Зомбарт занимается нашей темой. Он исследует вопрос, какое значение имеет стоимость в системе Маркса, и приходит к следующим выводам: стоимость не проявляется в меновом отношении капиталистически произведенных товаров; она не живет в сознании агентов капиталистического производства; стоимость — не эмпирический, а мысленный, логический факт; понятие стоимости в ее материальной определенности есть у Маркса не что иное, как экономическое выражение того факта, что общественная производительная сила труда есть основа хозяйственного бытия; при капиталистическом строе хозяйства закон стоимости господствует над экономическими явлениями в конечном счете и для этого хозяйственного строя в самом общем виде означает следующее: стоимость товаров есть специфически-историческая форма, в которой осуществляется определяющее действие производительной силы труда, в конечном счете господствующей над всеми экономическими явлениями. Так говорит Зомбарт; по поводу такого понимания значения закона стоимости для капиталистической формы производства нет оснований утверждать, что оно неверно. Но в то же время оно представляется мне взятым слишком

Маркс... предполагал этими страницами завершить свое сочинение и свою систему? Верно ли, что Маркс опубликовал бы эту главу о средней норме прибыли, где много лет тому назад обещанное решение сводится к безотрадной мистификации, к вульгарнейшей игре словами? По меньшей мере позволительно усомниться в этом... Это доказывает, как мне кажется, что Маркс после издания своей блестящей (splendido) книги не имел в виду дать ее продолжения или же хотел предоставить завершение этого колоссального труда своим преемникам, не неся за это личной ответственности».

Так написано на стр. 267. Самый презрительный отзыв Гейне о его немецкой филистерской публике заключается в словах: «Автор привыкает в конце концов к своей публике, точно она разумное существо»[118]. За кого же должен принимать свою публику знаменитый Лориа?

В заключение — новая порция похвал сыплется на мою несчастную голову. При этом наш Сганарель[119] уподобляется Валааму, который явился проклинать, по уста его против его воли расточают «слова благословения и любви»[120]. Как известно, Валаам отличался тем, что ездил на ослице, которая была умнее своего седока. На этот раз, очевидно, Валаам оставил свою ослицу дома.

обще, ему можно придать более определенную, более точную формулировку; оно, по моему мнению, ни в какой мере не исчерпывает всего значения закона стоимости на тех ступенях экономического развития общества, которые подчинены господству этого закона.

В брауновском «Sozialpolitisches Centralblatt»[122] от 25 февраля 1895 г., *№.* 22, напечатана также превосходная статья Конрада Шмидта о III томе «Капитала». В особенности следует отметить имеющийся здесь показ того, как выведением средней нормы прибыли из прибавочной стоимости Маркс впервые дает ответ на вопрос, который до сих пор даже не ставился экономистами: как определяется высота этой средней нормы прибыли и почему она достигает, скажем, 10% или 15%, а не 50% или 100%? С тех пор как мы знаем, что прибавочная стоимость, присвоенная прежде всего промышленными капиталистами, является единственным и исключительным источником, из которого проистекает прибыль и земельная рента, этот вопрос решается сам собой. Эта часть статьи Шмидта непосредственно написана для экономистов a la Лориа, если бы только не было напрасным трудом пытаться открыть глаза тем, кто не хочет видеть,

У Шмидта также есть формальные соображения по поводу закона стоимости. Он называет его научной *гипотезой,* выдвинутой для объяснения фактического процесса обмена, гипотезой, которая оправдала себя как необходимый теоретический исходный пункт, объясняющий даже явления конкурентных цен, как будто совершенно противоречащие ей; без закона стоимости, по его мнению, невозможно какое бы то ни было теоретическое понимание экономического механизма капиталистической действительности. А в одном частном письме, которое он мне разрешил цитировать, Шмидт прямо объявляет закон стоимости в рамках капиталистической формы производства фикцией, хотя и теоретически необходимой[123]. Но это понимание, по моему мнению, совершенно неверно. Закон стоимости и для капиталистического производства имеет гораздо большее и более определенное значение, чем значение простой гипотезы, не говоря уже о фикции, хотя бы и необходимой.

Как Зомбарт, так и Шмидт, — знаменитого Лориа я упоминаю при этом лишь мимоходом в качестве забавного экземпляра вульгарной политической экономии, — не обращают должного внимания на то, что здесь речь идет не только о чисто логическом процессе, но и об историческом процессе и объясняющем его отражении в мышлении, логическом прослеживании его внутренних связей.

Решающее место по этому поводу имеется у Маркса в «Капитале», кн. III, I, стр. 154*:

«Вся трудность происходит оттого, что товары обмениваются не просто как *товары,* но как *продукты капиталов,* которые претендуют на пропорциональное их величине или — при равенстве их величин — на равное участие в совокупной массе прибавочной стоимости».

Для иллюстрации этого различия предполагается сначала, что рабочие владеют средствами производства, работают в среднем одинаковое время и с одинаковой интенсивностью и непосредственно обменивают свои продукты между собой. При таких условиях двое рабочих присоединяли бы своим однодневным трудом к своему продукту одинаковое количество новой стоимости, но продукт каждого из них мог бы иметь различную стоимость в зависимости от количества труда, уже ранее воплощенного в средствах производства. Эта последняя часть стоимости представляла бы постоянный капитал капиталистическою хозяйства; часть вновь присоединенной стоимости, израсходованная на жизненные средства рабочих, соответствовала бы переменному капиталу, а остающаяся сверх того часть новой стоимости представляла бы прибавочную стоимость, которая в данном случае принадлежала бы самим рабочим. Следовательно, двое рабочих, за вычетом возмещения лишь авансированной ими «постоянной» части стоимости, получили бы равные по величине стоимости; однако отношение части, представляющей прибавочную стоимость, к стоимости средств производства, — что соответствовало бы капиталистической норме прибыли, — было бы у обоих различно. Но так как каждый из них при обмене получает возмещение стоимости его средств производства, то это было бы совершенно безразличным обстоятельством.

«Обмен товаров по их стоимостям или приблизительно по их стоимостям требует поэтому гораздо более низкой ступени, чем обмен по ценам производства, для которого необходима определенно высокая степень капиталистического развития... Таким образом, независимо от подчинения цен и их движения закону стоимости, будет совершенно правильно рассматривать стоимости товаров не только теоретически, но и исторически, как prius** цен производства. Это относится к таким общественным условиям, когда работнику принадлежат средства производства; таково положение, как в старом, так и в современном мире, крестьянина, живущего собственным трудом

* См. настоящий том, часть I, стр. 192. *Ред.*

** — предшествующее. *Ред.*

и владеющего землей, и ремесленника. Это согласуется и с тем высказанным нами ранее мнением, что развитие продуктов в товары возникает вследствие обмена между различными общинами, а не между членами одной и той же общины. Сказанное относится как к этому первобытному состоянию, так и к позднейшим общественным отношениям, основанным на рабстве и крепостничестве, а также к цеховой-организации ремесла, пока средства производства, закрепленные в каждой отрасли производства, лишь с трудом могут быть перенесены из одной сферы в другую, и потому разные сферы производства относятся друг к другу до известной степени так же, как разные страны или коммунистические общины» (Маркс. «Капитал», кн. III, I, стр. 155—156)*.

Если бы Марксу удалось еще раз переработать третий том, то он, несомненно, развил бы это место значительно подробнее. В своем же настоящем виде оно дает лишь набросок того, что следовало бы сказать по данному вопросу. Остановимся на нем поэтому несколько подробнее.

Все мы знаем, что на первых ступенях общественной жизни продукты потребляются самими производителями и что эти производители стихийно объединены в более или менее коммунистически организованные общины; что обмен избытками этих продуктов, с которого начинается превращение продуктов в товары, возникает позднее, причем сначала он происходит лишь между отдельными разноплеменными общинами и только потом возникает и внутри общин, существенно содействуя их разложению на большие или меньшие семейные группы. Но и после этого разложения обменивающиеся между собой главы семейств остаются трудящимися крестьянами, производящими почти все необходимое для удовлетворения всех своих потребностей в собственном хозяйстве при помощи своей семьи, и лишь незначительную часть необходимых предметов они выменивают на стороне на избыток продукта своего труда. Семья занимается не только земледелием и скотоводством, но и перерабатывает также их продукты в готовые предметы потребления, местами даже перемалывает еще зерно на ручной мельнице, печет хлеб, прядет, красит, изготовляет льняные и шерстяные ткани, дубит кожи, строит и ремонтирует деревянные здания, изготовляет инструменты и орудия труда, нередко выполняет столярные и кузнечные работы, так что такая семья или семейная группа в основном ведет натуральное хозяйство.

---

* См настоящий том, часть I, стр. 193, 194. *Ред.*

То немногое, что подобной семье приходится получать в обмен или покупать у других, даже вплоть до начала XIX столетия в Германии, состояло преимущественно из предметов ремесленного производства, то есть из таких вещей, способ изготовления которых был хорошо известен крестьянину, но которых он не производил сам или из-за трудности получения сырья, или же ввиду значительной дешевизны, или лучшего качества покупных изделий. Следовательно, средневековому крестьянину было довольно точно известно количество рабочего времени, необходимого для изготовления предметов, получаемых им в обмен. Сельский кузнец и тележник работали на его глазах, так же как и портной или сапожник, которые у нас на Рейне еще в дни моей юности ходили из одного крестьянского дома в другой и шили из самодельных тканей и кож одежду и обувь. Как крестьянин, так и те, у которых он покупал, были сами работниками: обмениваемые предметы были продуктами их личного труда. Что затрачивали они при изготовлении этих предметов? Труд — и только труд: на возмещение орудий труда, на производство сырья, на его обработку они затрачивали только свою собственную рабочую силу; могли ли они поэтому обменивать эти свои продукты на продукты других производителей иначе, чем пропорционально затраченному труду? Рабочее время, затраченное на эти продукты, было не только единственным подводящим мерилом у них для количественного определения подлежащих обмену величин, но всякое другое мерило было совершенно немыслимо. Можно ли предположить, что крестьяне и ремесленники были так глупы, чтобы обменивать продукт 10-часового труда одного на продукт часового труда другого? Для всего периода крестьянского натурального хозяйства возможен был только такой обмен, при котором обмениваемые количества товаров соизмерялись все больше и больше по количеству воплощенного в них труда. С момента проникновения денег в это хозяйство тенденция к соответствию с законом стоимости (nota bene* — в формулировке Маркса!) становится, с одной стороны, еще отчетливее, но с другой — она уже начинает нарушаться вследствие вмешательства ростовщического капитала и фискальной системы, и те периоды, за которые цены в среднем почти приближаются к стоимости, становятся уже более продолжительными.

То же самое относится к обмену продуктов крестьян на продукты городских ремесленников. Вначале обмен совершается

* — заметим хорошенько. *Ред.*

прямо, без посредничества купца, в базарные дни в городах, где крестьянин продает свои продукты и совершает покупки. И здесь точно так же крестьянину известны условия труда ремесленника, а последний знает условия крестьянского труда. Он сам еще до известной степени крестьянин, он имеет не только огород, но очень часто участок поля, одну-две коровы, свиней, домашнюю птицу и т. д. Таким образом, в средневековье люди были в состоянии довольно точно подсчитать друг у друга издержки производства в отношении сырья, вспомогательных материалов, рабочего времени — по крайней мере, поскольку дело касалось предметов повседневного обихода.

Но как же при этом обмене по количеству, затраченного труда определялось это количество, хотя бы косвенно и относительно, для продуктов, требующих затраты труда в течение продолжительного времени, с нерегулярными перерывами и неопределенным объемом продукции, например для хлеба и скота, и при этом людьми, не умеющими считать? Очевидно, лишь путей длительного процесса приближения зигзагами, часто в потемках, ощупью, причем, как и всегда, лишь горький опыт учил людей. Необходимость для каждого в общем и целом возместить свои издержки содействовала в каждом отдельном случае нахождению правильного пути, ограниченное же число видов предметов, поступавших в обмен наряду с неизменяющимся — нередко на протяжении многих столетий — характером их производства, облегчали эту задачу. Доказательством того, что для приблизительно точного установления относительной величины стоимости этих продуктов вовсе не требовалось слишком много времени, служит уже один тот факт, что такой товар, как скот, для которого, ввиду продолжительности времени производства отдельной его головы, это определение кажется наиболее затруднительным, был первым довольно общепризнанным денежным товаром. А для этого необходимо было, чтобы стоимость скота, его меновое отношение к целому ряду других товаров, достигла фиксации, относительно необычной и беспрекословно признаваемой на территории многочисленных племен. И люди того времени, как скотоводы, так и те, кто у них покупал, наверное были достаточно благоразумны для того, чтобы при обмене не отдавать без эквивалента затраченное ими рабочее время. Наоборот, чем ближе к первоначальному периоду товарного производства находится тот или другой народ, — например русские и восточные народы, — тем больше времени и до сих пор тратят они на то, чтобы путем долгого, упорного торга полностью оплатить рабочее время, употребленное на производство продукта.

Исходя из этого определения стоимости рабочим временем, все товарное производство, — а вместе с тем и многообразные отношения, в которых проявляются различные стороны закона стоимости, — развивается так, как это изложено в первом отделе первого тома «Капитала»; стало быть, в частности, развиваются и условия, при которых только труд и является созидателем стоимости. Притом эти условия прокладывают себе путь, не будучи осознанными людьми, и лишь путем трудных теоретических исследований они могут быть абстрагированы из повседневной практики; стало быть, эти условия действуют подобно законам природы, что неизбежно вытекает, как доказал Маркс, из природы товарного производства. Важнейшим и решающим шагом вперед был переход к металлическим деньгам, но в результате этого перехода и определение стоимости рабочим временем уже перестало видимым образом выступать на поверхности товарного обмена. С точки зрения практики решающим мерилом стоимости стали деньги, и это тем более, чем разнообразнее становились товары, служащие предметами торговли, чем в большей мере они притекали из отдаленных стран и, следовательно, чем меньше можно было учесть необходимое для изготовления этих товаров рабочее время. К тому же и сами деньги вначале большей частью притекали из чужих краев; но даже и в том случае, когда благородные металлы добывались в данной стране, крестьяне и ремесленники отчасти не были в состоянии даже приблизительно определить затраченный на их добывание труд, с другой же стороны, у них самих под влиянием привычки считать на деньги значительно затемнялось представление о свойстве труда как мерила стоимости; в народном сознании деньги начали служить представителем абсолютной стоимости.

Словом, закон стоимости Маркса имеет силу повсюду, — поскольку вообще имеют силу экономические «законы, — для всего периода простого товарного производства, следовательно, до того времени, когда последнее претерпевает модификацию вследствие возникновения капиталистической формы производства. До этого момента цены тяготеют к определенным, по закону Маркса, стоимостям и колеблются вокруг них так, что чем полнее развивается простое товарное производство, тем больше средние цены за продолжительные периоды, не прерываемые внешними насильственными нарушениями, совпадают со стоимостями с точностью до величины, которой можно пренебречь. Стало быть, закон стоимости Маркса имеет экономически всеобщую силу для периода, который длится с начала обмена, превратившего продукты в товары, и вплоть до XV сто-

летия нашего летосчисления. Начало же обмена товаров относится ко времени, которое предшествует какой бы то ни было писаной истории и уходит в глубь веков в Египте по меньшей мере за две с половиной, а может быть и за пять тысяч лет, в Вавилонии же за четыре-шесть тысяч лет до нашего летосчисления. Таким образом, закон стоимости господствовал в течение периода в пять-семь тысяч лет. И вот после этого полюбуйтесь глубокомыслием г-на Лориа, называющего стоимость, имевшую всеобщее и непосредственное значение в течение всего этого времени, стоимостью, по которой товары никогда не продавались и не могут продаваться и исследованием которой никогда не будет заниматься ни один экономист, имеющий хотя бы каплю здравого рассудка.

Пока мы не говорили о купце. Мы могли оставлять без внимания его вмешательство до сих пор, когда мы переходим к превращению простого товарного производства в капиталистическое товарное производство. Купец был революционизирующим элементом этого общества, где прежде все было неизменно, неизменно, так сказать, по наследству; где крестьянин не только свой надел, но и свое положение свободного собственника, свободного или зависимого оброчника или крепостного, а городской ремесленник свое ремесло и цеховые привилегии получали наследственно и почти неотчуждаемо; кроме того, каждый из них получал по наследству свою клиентуру, свой рынок сбыта, так же как и выработанное с юных лет мастерство в унаследованной профессии. И вот в этот мир вступил купец, который должен был стать исходным пунктом для этого переворота. Но он не действовал в качестве сознательного революционера, а, наоборот, как плоть от плоти, кость от кости этого мира. Купец средневековья отнюдь не был индивидуалистом, он был в сущности общинником, как и все его современники. В деревне господствовала выросшая на основе первобытного коммунизма община-марка. Каждый крестьянин имел первоначально надел одинаковой величины, с одинаковыми участками земли каждого для данной местности качества, и пользовался соответствующими одинаковыми правами в общине-марке. С тех пор как община-марка стала замкнутой и было прекращено предоставление новых наделов, наступило дробление наделов благодаря наследованию и т. д. и соответствующее дробление общинных прав, но единицей общинного землевладения по-прежнему оставался полный надел, так что были половины. четверти и восьмые доли надела с половинной, четвертой или восьмой долей участия в правах общины-марки. По образцу общины-марки строились все позднейшие промышленные

общины и прежде всего городские цехи, внутреннее устройство которых было не чем иным, как применением устройства общины-марки, но уже к привилегированному ремеслу, а не к определенной территории. Центральным пунктом всей организации было равное участие каждого ее члена в пользовании всеми обеспеченными за цехом привилегиями и доходами, как это красноречиво выражено в привилегии на «кормление от пряжи», данной жителям Эльберфельда и Бармена в 1527 г. (Thun. «Die Industrie am Niederrhein und ihre Arbeiter». Theil II, Leipzig, 1879, S. 164 und ff.). То же относится к горной промышленности, где каждый пай гарантировал также равное участие и так же, как надел общинника, был делим вместе с связанными с ним правами и обязанностями. И то же самое в не меньшей мере относится к купеческим товариществам, вызвавшим к жизни заморскую торговлю. Венецианцы и генуэзцы в гаванях Александрии или Константинополя, — каждая «нация» в своем собственном Fondaco*, состоящем из жилого помещения, трактира, склада, выставочного помещения и магазина с общей конторой, — составляли законченные торговые товарищества; они были ограждены от конкурентов и посторонних клиентов, продавали по ценам, установленным взаимным соглашением, их товары были определенного качества, гарантированного общественным контролем, а часто и наложением особого клейма, они совместно определяли цены, которые приходилось платить туземцам за их товары, и т. д. Точно так же вели свое дело ганзейцы на «Немецком мосту» (Tydske Bryggen) в норвежском Бергене, а также их голландские и английские конкуренты. Горе тому, кто продаст дешевле или купит дороже условленных цен! Бойкот, которому он подвергался, означал при тогдашних условиях неизбежное разорение, не говоря уже о прямых штрафах, налагаемых товариществом на виновника. Но, кроме того, основывались более тесные товарищества с определенными целями, вроде генуэзского общества Маона, владевшего в течение многих лет квасцовыми залежами Фокеи в Малой Азии и на острове Хиосе в XIV и XV столетиях, далее — большого Равенсбергского торгового общества, которое с конца XIV столетия вело торговые дела с Италией и Испанией и основывало там свои отделения, а также немецкого общества аугсбургских купцов — Фуггер, Вельзер, Фёлин, Хёхштеттер и т. д., нюрнбергских — Хиршфогель и других, которое. с капиталом в 66000 дукатов и тремя кораблями принимало участие в португальской экспедиции 1505—1506 гг. в Индию,

* — гостином дворе. *Ред.*

получив при этом 150%, а по другим источникам — 175% чистой прибыли (Heyd. «Geschichte des Levantehandels im Mittelalter». Bd. II, Stuttgart, 1879, S. 524), и целого ряда других обществ-«монополий», приводивших Лютера в такую ярость.

Здесь мы впервые сталкиваемся с прибылью и нормой прибыли. А именно — стремление купцов сознательно и преднамеренно направлено к тому, чтобы сделать эту норму прибыли равной для всех участников. Каждый венецианец в странах Леванта, каждый ганзеец в северных странах платил одинаковые со своими соседями цены за приобретаемые товары, они стоили ему одинаковых транспортных издержек, он получал за них одинаковые с другими цены и закупал обратный груз по тем же ценам, как и другие купцы его «нации». Таким образом, норма прибыли была одинакова для всех. В крупных торговых товариществах распределение прибыли пропорционально вложенной доле капитала было столь же само собой разумеющимся, как и пользование правами в марке пропорционально дающим эти права долям надела или как участие в прибыли горнорудных предприятий пропорционально размеру пая. Таким образом, равная норма прибыли, которая в своем полном развитии есть один из конечных результатов капиталистического производства, оказывается здесь в своей простейшей форме одним из исходных пунктов исторического развития капитала и даже прямым наследием общины-марки, которая, в свою очередь, есть прямое наследие первобытного коммунизма.

Эта первоначальная норма прибыли неизбежно была очень высока. Торговое дело было очень рискованным не только вследствие сильно распространенного морского разбоя, но и потому, что конкурирующие нации нередко позволяли себе при первом удобном случае всякого рода насилия; наконец, самый сбыт и условия этого сбыта основывались на данных чужеземными князьями привилегиях, которые довольно часто нарушались или совершенно отменялись. Прибыль, следовательно, должна была включать высокую страховую премию. Кроме того, оборот совершался медленно, выполнение сделок затягивалось, а в более благоприятные периоды, которые, впрочем, редко бывали продолжительны, торговые дела представляли собой монопольную торговлю с монопольной прибылью. О том, что средняя норма прибыли была очень высока, свидетельствуют также и обычные тогда очень высокие ставки процента, которые всегда должны быть в общем ниже обычного уровня торговой прибыли.

Но эта высокая и равная для всех участников норма прибыли, получаемая благодаря совместной деятельности

товариществ, имела силу лишь в пределах данных товариществ, то есть в данном случае — отдельных «наций». Венецианцы, генуэзцы, ганзейцы, голландцы — каждая нация для себя и, вероятно, вначале также для каждого отдельного рынка сбыта — имели особые нормы прибыли. Выравнивание этих различных норм прибыли отдельных товариществ осуществлялось противоположным путем — при помощи конкуренции. Прежде всего выравнивались нормы прибыли на различных рынках одной и той же нации. Если Александрия давала большую прибыль на венецианские товары, чем Кипр, Константинополь или Трапезунд, то венецианцы направляли больше капиталов в Александрию, изъяв часть их из обращения на других рынках. Далее должно было последовать постепенное выравнивание норм прибыли между отдельными нациями, вывозящими на одни и те же рынки одинаковые или сходные товары, причем очень часто некоторые из этих наций разорялись и исчезали со сцены. Процесс этот, однако, постоянно прерывался политическими событиями: так, например, вся торговля с Востоком прекратилась вследствие монгольских и турецких нашествий, а великие географическо-торговые открытия с 1492 г.[124] лишь ускорили и затем довершили ее закат.

Последовавшее затем внезапное расширение рынков сбыта и связанный с этим переворот в путях сообщения не вызвали на первых порах существенных изменений в способе ведения торговли. Торговля с Индией и Америкой также велась сперва преимущественно товариществами. Но теперь уже за этими товариществами стояли более или менее крупные нации. Место торговавших со странами Леванта каталонцев заняла в американской торговле вся объединенная Испания, а наряду с ней две такие большие страны, как Англия и Франция; даже такие маленькие страны, как Голландия и Португалия, были все же, во всяком случае, не меньше и не слабее Венеции — самой большой и сильной торговой нации предшествовавшего периода. Это давало странствующему купцу, merchant adventurer*, XVI и XVII столетий опору, которая все более и более делала товарищество, защищающее своих членов также и при помощи оружия, и связанные с его существованием расходы излишним бременем. Далее, теперь богатства накоплялись в руках отдельных лиц значительно быстрее, так что вскоре отдельные купцы могли тратить на торговые операции столько же средств, сколько раньше расходовало целое общество. Торговые общества, там, где они еще продолжали существовать, превра-

* — купцу-авантюристу. *Ред.*

щались по большей части в вооруженные корпорации, которые под защитой и протекторатом своих государств завоевывали и монопольно эксплуатировали целиком вновь открытые страны. Но чем в большем числе основывались, преимущественно государством, колонии в новых районах, тем больше торговые товарищества уступали место торговой деятельности отдельного купца, и вместе с тем выравнивание норм прибыли все больше и больше становилось исключительно делом конкуренции.

До сих пор мы знакомились лишь с нормой прибыли торгового капитала. Ибо до сих пор имелся только торговый и ростовщический капитал, поскольку промышленный капитал еще не получил развития. Производство еще было преимущественно в руках работников, которые владели своими собственными средствами производства и труд которых, следовательно, не приносил прибавочной стоимости капиталу. Если они и были вынуждены отдавать безвозмездно часть своего продукта третьему лицу, то лишь в виде дани феодальному владыке. Поэтому торговый капитал, по крайней мере вначале, мог получать свою прибыль лишь с иностранных покупателей продуктов внутреннего производства или с отечественных покупателей иностранных продуктов. Только в конце этого периода — для Италии, следовательно, с упадком торговли с Левантом — иностранная конкуренция и затруднения со сбытом могли вынуждать ремесленного производителя экспортных товаров уступать купцу-экспортеру товары ниже их стоимости. Таким образом, мы обнаруживаем здесь такое явление, что во внутреннем розничном обороте между отдельными производителями товары в среднем продаются по их стоимостям, а во внешней торговле, по указанным основаниям, общим правилом является продажа не по стоимостям. Полная противоположность современному положению, когда цены производства имеют силу во внешней и оптовой торговле, между тем как в розничной городской торговле ценообразование регулируется совершенно иными нормами прибыли, так что теперь, например, говядина претерпевает более значительную надбавку в цене по дороге от лондонского оптового торговца к лондонским потребителям, чем на пути от оптового торговца в Чикаго к лондонскому оптовому торговцу, включая сюда и транспортные расходы.

Орудием этого постепенного переворота в ценообразовании был промышленный капитал. Начало существованию промышленного капитала было положено уже в средние века, а именно в трех областях: судоходстве, горной промышленности и текстильной промышленности. Судоходство в тех размерах,

в которых оно велось итальянскими и ганзейскими приморскими республиками, невозможно было без матросов, то есть наемных рабочих (отношения найма последних могли маскироваться артельными формами с участием в прибылях), а галеры того времени немыслимы без гребцов — наемных рабочих или рабов. Предприятия по добыванию руды, которые первоначально велись объединенными в артели работниками, почти везде превращались в акционерные общества, которые вели производство силами наемных рабочих. В текстильной же промышленности купец начал прямо ставить мелких мастеров-ткачей себе на службу, обеспечивая их пряжей и заставляя их за его счет перерабатывать ее в ткань за определенную плату, — короче говоря, превращаясь из простого купца в так называемого *раздатчика.*

Здесь мы имеем перед собой первые зачатки образования капиталистической прибавочной стоимости. Горные промыслы ввиду их замкнутого монопольно-корпоративного характера мы можем оставить в стороне. Что же касается судоходства, то, очевидно, здесь прибыль должна была, во всяком случае, равняться обычной прибыли данной страны со специальной надбавкой на страхование, износ судов и т. д. Ну а как обстояло дело с раздатчиками в текстильной промышленности, которые впервые вынесли на рынок товары, произведенные непосредственно за счет капиталиста, создав этим конкуренцию товарам того же рода, произведенным за счет ремесленника?

Норма прибыли торгового капитала была уже заранее дана. Она уже была также, по крайней мере для данной местности, сведена к приблизительно средней норме. Что же могло побудить купца взять на себя дополнительную роль раздатчика? Лишь одно: перспектива большей прибыли при равной с другими продажной цене. И именно это он имел в виду. Заставив работать на себя мелких мастеров, он ломал традиционные границы производства, при которых производитель продавал свой готовый продукт и ничего другого. Торговый капиталист покупал рабочую силу работника, который покамест еще владел своими орудиями производства, но уже больше не владел сырьем. Обеспечивая, таким образом, ткачу регулярную работу, он мог вместе с тем настолько понижать его заработную плату, что часть затраченного рабочего времени оставалась неоплаченной. Таким образом раздатчик присваивал прибавочную стоимость сверх получаемой им до сих пор торговой прибыли. Правда, он должен был для этого применять добавочный капитал, чтобы закупать пряжу и т. д. и оставлять ее в руках ткача до окончательной выделки продукта, между тем как прежде

он выплачивал полную цену продукта только в момент покупки его. Но, во-первых, в большинстве случаев он и раньше уже делал дополнительные затраты капитала на ссуду ткачу, которого, как правило, только долговое рабство заставляло подчиняться новым условиям производства. И, во-вторых, даже независимо от этого расчет представляется в следующем виде.

Допустим, что наш купец вел свое экспортное дело с капиталом в 30000 дукатов, цехинов, фунтов стерлингов или каких-нибудь других денежных единиц. Положим, что 10000 из них затрачено на покупку товаров внутреннего производства, в то время как 20000 тратятся на заморских рынках. Пусть капитал оборачивается раз в два года, тогда годовой оборот равен 15000. Но допустим, что наш купец хочет заняться ткачеством за свой счет, сделаться раздатчиком. Какой капитал должен он для этого дополнительно затратить? Пусть время производства штуки ткани, которой он торгует, равняется в среднем двум месяцам (хотя это наверное слишком продолжительный срок), Допустим далее, что он за все должен платить наличными деньгами. В таком случае он должен будет дополнительно затратить такой капитал, чтобы его хватило для обеспечения ткачей пряжей на два месяца. Так как его годовой оборот — 15000, то в два месяца он закупает тканей на 2500. Пусть 2000 из них представляют стоимость пряжи, а 500 — заработную плату ткачей; тогда нашему купцу потребуется дополнительный капитал в 2000. Допустим, что прибавочная стоимость, которую он благодаря новому методу извлекает у ткача, составляет лишь 5% стоимости ткани, что дает безусловно весьма скромную норму прибавочной стоимости в 25% ($2000_c + 500_v + 125_m$; $m' = {}^{125}/_{500}$ =25%; $p' = {}^{125}/_{2500} = 5\%$).

При таких условиях наш купец с годовым оборотом 15000 получит 750 добавочной прибыли, а в $2^2/_3$ года вернет себе, следовательно, весь затраченный дополнительный капитал.

Но чтобы ускорить свой сбыт и вместе с тем свой оборот и благодаря этому получить ту же прибыль с прежнего капитала в более короткий период времени, — следовательно, чтобы получить в течение того же времени большую прибыль, — он подарит небольшую часть своей прибавочной стоимости покупателю, будет продавать дешевле своих конкурентов. Последние также превратятся постепенно в раздатчиков, и тогда добавочная прибыль сведется для них всех к обычной прибыли или даже к меньшей, причем она будет получаться на повысившийся у них всех капитал. Равенство нормы прибыли снова

восстановлено, хотя быть может уже на другом уровне, ввиду того что часть произведенной внутри страны прибавочной стоимости уступается иностранным покупателям.

Дальнейшим шагом по пути подчинения промышленности капиталу было введение мануфактуры. Последняя также давала возможность мануфактуристу, который в XVII и XVIII столетиях в большинстве случаев был и купцом-экспортером своих товаров, — в Германии так было до 1850 г. почти повсюду, а местами сохранилось и до сих пор, — производить дешевле его старомодных конкурентов-ремесленников. Повторяется тот же процесс: прибавочная стоимость, присваиваемая владельцем мануфактуры — капиталистом, позволяет ему или купцу-экспортеру, с которым он ее делит, продавать дешевле своих конкурентов, пока новый метод производства не станет всеобщим и снова произойдет выравнивание прибылей. Уже заранее данная норма торговой прибыли, если даже она выравнена в местном масштабе, остается прокрустовым ложем, на котором без всякого милосердия отсекается избыточная промышленная прибавочная стоимость.

Если мануфактура бурно развилась благодаря удешевлению продуктов, то в еще гораздо большей степени этому удешевлению обязана своим ростом крупная промышленность, которая путем непрерывного революционизирования производства все более и более понижает издержки производства товаров и беспощадно устраняет все прежние способы производства. Именно крупная промышленность таким путем окончательно завоевывает капиталу внутренний рынок, кладет конец мелкому производству и натуральному хозяйству крестьянской семьи, устраняет прямой обмен между мелкими производителями и ставит всю нацию на службу капиталу. Она также выравнивает нормы прибыли различных отраслей торговли и промышленности в одну общую норму прибыли и обеспечивает, наконец, промышленности подобающую ей господствующую роль при этом выравнивании, устраняя большую часть препятствий, до тех пор стоявших на пути перелива капитала из одной отрасли в другую. Вместе с этим для всего процесса обмена совершается превращение стоимостей в цены производства. Это превращение происходит, следовательно, в силу объективных законов, вне сознания или намерения участников. То обстоятельство, что конкуренция низводит до общего уровня прибыль, превышающую общую норму, и таким путем снова отнимает у первых присвоителей-промышленников прибавочную стоимость, превышающую средний уровень, не представляет собой в теоретическом отношении никаких трудностей. Но зато на практике

здесь больше трудностей, так как отрасли с избыточной прибавочной стоимостью, то есть с высоким переменным и низким постоянным капиталом или с низким строением капитала, по самой природе своей позже всего и меньше всего подчиняются капиталистическому производству; это относится прежде всего к земледелию. Что же касается, наоборот, повышения цен производства выше стоимости товаров, которое необходимо, чтобы поднять до уровня средней нормы прибыли недостаточную прибавочную стоимость, заключенную в продуктах отраслей с высоким строением капитала, то теоретически это выглядит весьма трудным, на практике же, как мы уже видели, совершается всего легче и быстрее. Ибо товары этого рода, когда они начинают производиться капиталистически и поступают в капиталистическую торговлю, вступают в конкуренцию с товарами того же рода, которые произведены докапиталистическими методами и которые, следовательно, стоят дороже. Следовательно, капиталистический производитель даже при отказе от части прибавочной стоимости все же может получать обычную для его местности норму прибыли, которая первоначально не имела прямого отношения к прибавочной стоимости, так как она возникала из функции торгового капитала задолго до того, как вообще начали капиталистически производить, то есть задолго до того, как стала возможна промышленная норма прибыли.

II

БИРЖА

1) Из третьего тома, пятого отдела, в особенности из главы [27] видно, какое положение биржа занимает в капиталистическом производстве вообще. Однако с 1865 г., когда книга была написана, наступило изменение, которое придает бирже значительно возросшую и все растущую роль и которое в своем дальнейшем развитии имеет тенденцию концентрировать в руках биржевиков все производство, как промышленное, так и сельскохозяйственное, и все обращение — как средства сообщения, так и функцию обмена; таким образом, биржа становится самой выдающейся представительницей капиталистического производства.

2) В 1865 г. биржа была еще *второстепенным* элементом в капиталистической системе. Основную массу биржевых ценностей представляли государственные ценные бумаги, но и их количество было относительно невелико. Наряду с этим акционерные банки, которые на континенте и в Америке занимали господствующее положение, в Англии же только собирались поглотить принадлежащие аристократам частные банки, в массе своей играли еще сравнительно незначительную роль. Железнодорожные акции были также еще относительно слабо распространены по сравнению с настоящим временем. Промышленных предприятий, так же как и банков, непосредственно в акционерной форме было еще немного, большей частью они создавались в *более бедных* странах, как Германия, Австрия, Америка и т. д.: — «глаз хозяина» был в то время еще не изжитым суеверием.

Следовательно, биржа тогда была еще местом, где капиталисты отнимали друг у друга накопленные ими капиталы и которое непосредственно интересовало рабочих лишь как новое доказательство всеобщего деморализующего влияния капиталистического хозяйства и как подтверждение кальви-

нистской догмы, что уже на этом свете божественное предопределение — alias*, случай — определяет благословение и проклятье, богатство, это значит роскошь и власть, и бедность, это значит лишения и рабство.

3) Теперь дело обстоит иначе. Со времени кризиса 1866 г. накопление происходило со все возрастающей быстротой и притом таким образом, что ни в одной промышленной стране, и всего менее в Англии, производство не поспевало за накоплением, и накопление отдельного капиталиста не могло найти полного применения в расширении его собственного предприятия; в английской хлопчатобумажной промышленности [это наблюдалось] уже в 1845 г., [далее] железнодорожные аферы. Вместе с этим накоплением возрастала и масса рантье, людей, которым надоело постоянное напряжение, связанное с ведением дел, и которые хотели только развлекаться или иметь лишь необременительные занятия в качестве директоров и членов наблюдательных советов компаний. И, в-третьих, чтобы облегчить приложение высвободившейся таким образом массы денежного капитала, ныне повсюду, где этого не было раньше, установлены новые законодательные формы для обществ с ограниченной ответственностью и уменьшены обязательства акционеров, прежде несших неограниченную ответственность (акционерные общества в Германии в 1890 г. — 40% подписки!).

4) Отсюда постепенное превращение промышленности в акционерные предприятия, одну отрасль за другой постигает эта судьба. Сначала железоделательная промышленность, где в настоящее время необходимы гигантские вложения (еще раньше горнорудная промышленность, если она еще не имела формы паевых предприятий). Затем химическая промышленность, ditto** машиностроительные заводы. На континенте также текстильная промышленность, а в Англии пока лишь в отдельных местностях — Ланкашир (прядильная фабрика в Олдем, ткацкая фабрика в Бернли и т. д., объединение швейных предприятий; но это лишь предварительная ступень, так как во время ближайшего кризиса эти объединения распадутся и предприятия снова окажутся в руках [отдельных] хозяев), пивоварни (несколько лет назад американские пивоварни были отданы в руки английского капитала, далее Guiness Bess, Allsopp***). Затем тресты, создающие гигантские предприятия с общим управлением (как United Alcali). Обыкновенная единоличная фирма все более и более становится только

* — иначе. *Ред.*
** — а также. *Ред.*
*** Название двух крупных английских пивоваренных фирм. *Ред.*

предварительной ступенью, подготовляющей предприятие к тому моменту, когда оно будет достаточно велико, чтобы на его основе «учредить» акционерное общество.

То же самое относительно торговли. Leafs, Parsons, Morleys, Morrison, Dillon — все эти фирмы превратились в акционерные общества. Точно такие же изменения претерпевают и розничные фирмы, и притом не только приобретают вид кооперации a la «Stores»*.

То же самое относительно банков и других кредитных учреждений также и в Англии. Масса новых — все в форме акционерных обществ с ограниченной ответственностью. Даже старые банки, как...** и т. д., преобразуются с 7 частными [акционерами] в акционерное общество.

5) В области земледелия то же самое. Неимоверно расширившиеся банки, особенно в Германии (под всевозможными бюрократическими наименованиями) — все больше и больше становятся ипотекодержателями; вместе с их акциями действительная верховная собственность на землю передается бирже, и это имеет место в еще большей степени, если имения попадают в руки кредиторов. Здесь революция в сельском хозяйстве, связанная с обработкой степных земель, оказывает огромное влияние; если так будет продолжаться, то можно предвидеть время, когда земля попадет в руки биржи также в Англии и во Франции.

6) Далее приложение капитала за границей — все в акциях. Если говорить только об Англии: американские железные дороги, северные и южные (справиться по биржевому бюллетеню), Гольдбергер и т. д.

7) Затем колонизация. Последняя ныне находится просто на службе биржи, в интересах которой европейские державы несколько лет назад поделили Африку, французы захватили Тунис и Тонкин. Африка прямо сдана в аренду компаниям (Нигерия, Южная Африка, Германская Юго-Западная и Восточная Африка). Машоналенд и Наталь захвачены для биржи Родсом.

* То есть по образцу универмагов. *Ред.*
** Слово неразборчиво *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *«The Daily News»* («Ежедневные новости») — английская либеральная газета, орган промышленной буржуазии; выходила под данным названием в Лондоне с 1846 по 1930 год. — *15.*

[2] См. настоящее издание, том 24, стр. 478—481. — *22.*

[3] См. настоящее издание, том 23, стр. 422. — *29.*

[4] *Консигнация* (consignatio, буквально — подпись, письменное подтверждение) — разновидность комиссионной продажи товаров за границу, при которой экспортер (консигнант) отправляет товар на склад иностранной фирмы (консигнатору) для продажи его на определенных условиях. — *35.*

[5] *«The Economist»* («Экономист») — английский еженедельный журнал по вопросам экономики и политики, выходит в Лондоне с 1843 года; орган крупной промышленной буржуазии. — *41.*

[6] *Ломбард-стрит* — улица в Сити (финансовом центре Лондона), на которой находится ряд крупных банков; синоним лондонского денежного рынка. — *41.*

[7] *Минсинг-лейн* — улица в Лондоне, центр оптовой торговли колониальными товарами. — *42.*

[8] См. настоящее издание, том 23, стр. 130—131, 150. — *68.*

[9] См. настоящее издание, том 23, стр. 151. — *69.*

[10] *Акт о банковской рестрикции* (Bank Restriction Act) — принятый в 1797 г. английским правительством специальный закон, который устанавливал принудительный курс банкнот и отменял обмен банкнот на золото. В 1819 г. был принят закон, восстанавливавший обмен банковых билетов на золото. Фактически обмен был полностью восстановлен к 1821 году. — *77.*

[11] См. настоящее издание, том 24, стр. 465—477. — *78.*

[12] Маркс имеет в виду судебное разбирательство по делу Дейвидсона и др., обвиненных в крупных мошенничествах с векселями. Это дело изложено в книге: Laing, S. A «New series of the great city frauds of Cole, Davidson, & Gordon, corrected and enlarged». Fifth edition. London [1869].

Ассизы — периодические выездные сессии судей Высшего суда Англии по уголовным и гражданским делам. — *82.*

[13] *Бирмингемская школа,* или *little shilling men* (сторонники малого шиллинга) — сложившаяся в первой половине XIX века особая школа в экономической науке. Ее сторонники пропагандировали теорию идеальной денежной единицы измерения и соответственно рассматривали деньги всего лишь как «счетные названия». Представители бирмингемской школы, братья Томас и Маттиас Атвуд, Спунер и другие, выдвигали проект снижения золотого содержания денежной единицы в Англии, известный под названием «проект малого шиллинга». Отсюда произошло и название самой этой школы. В то же время «сторонники малого шиллинга» выступали против мероприятий правительства, направленных к сокращению денежной массы в обращении. По их мнению, реализация установок школы способна была, вызвав искусственный рост цен, оживить промышленность и обеспечить общее процветание страны. В действительности, однако, предлагаемая девальвация валюты могла лишь создать условия для погашения государственного и частных долгов в обесцененных деньгах, то есть сулила известные выгоды казне и крупным предпринимателям, которые являлись основными получателями всевозможных кредитов. Об этой школе Маркс говорит в своей работе «К критике политической экономии» (см. настоящее издание, том 13, стр. 66—67). — *85.*

[14] *Ост-Индская компания* — английская торговая компания, существовавшая с 1600 по 1858 г. и являвшаяся орудием грабительской колониальной политики Англии в Индии, Китае и других странах Азии. С середины XVIII в. Компания, обладавшая армией и флотом, превратилась в крупную военную силу; под ее флагом английские колонизаторы осуществили завоевание Индии. Компании в течение длительного времени принадлежала монополия на торговлю с Индией и важнейшие функции управления этой страной. Национально-освободительное восстание 1857—1859 гг. в Индии вынудило англичан изменить формы своего колониального господства: Компания была ликвидирована, а Индия объявлена владением британской короны. — *86.*

[15] Цитата из сатирического стихотворения Гейне «Диспут» (цикл «Романсеро»), где изображается средневековый диспут между католическим монахом-капуцином и ученым еврейским раввином, который в ходе этого диспута ссылается на иудейскую религиозную книгу «Таусфес-Ионтеф». В ответ на это капуцин посылает «Таусфес-Ионтеф» к черту. Тогда возмущенный раввин в исступлении восклицает: ««Таусфес-Ионтеф» не годится? Что ж годится? Караул!». — *86.*

[16] Имеется в виду начавшееся в 1851 г. антифеодальное и националльно-освободительное движение в Китае. Известное под названием тайпинского восстания это движение послужило началом многолетней и упорной борьбы китайского народа против феодального строя и

иноземных захватчиков. Тайнинское восстание было подавлено вооруженными силами Англии, США и Франции, при поддержке войск китайских феодалов в 1864 году. — *99.*

[17] См. примечание 13. — *107.*

[18] См. настоящее издание, том 13, стр. 66. — *107.*

[19] См. настоящее издание, том 24, стр. 263—264. — *109.*

[20] См. настоящее издание, том 23, стр. 149. — *120.*

[21] Маркс перефразирует здесь выражение из библии. См. Библия, Евангелие от Марка, гл. 16, стих 16. — *141.*

[22] См. настоящее издание, том 23, стр. 141—145. — *142.*

[23] Согласно взглядам древнегреческого философа Эпикура, в общем материалиста и атеиста, имеется бесчисленное множество миров. Эти миры возникают и существуют по своим собственным, естественным законам. Боги же, хотя и существуют, но находятся вне миров, в пространствах между ними, и не оказывают никакого влияния ни на развитие вселенной, ни на жизнь человека. — *148.*

[24] *Monts-de-piete* (ломбарды) были созданы в XIV, XV и XVI столетиях в Италии и во Франции для борьбы против мелких ростовщиков. По замыслу их инициаторов, ломбарды должны были заниматься своего рода благотворительностью, предоставляя беднякам небольшой кредит под залог имущества. В действительности Monts-de-piete действовали в пользу ростовщиков. — *151.*

[25] Имеются в виду следующие работы: H. Chamberlayne. «A Proposal by Dr. Hugh Chamberlayne, in Essex Street, for a Bank of Secure Current Credit to be founded upon Land, in order to the General Good of Landed Men, to the great Increase of the Value of Land, and the no less Benefit of Trade and Commerce». [London] 1695; J. Briscoe. «A Discourse on the Late Funds of the Million-Act, Lottery-Act, and Bank of England. Shewing, that they are Injurious to the Nobility and Gentry, and Ruinous to the Trade of the Nation. Together with Proposals for the Supplying their Majesties with Money on easy Terms, Exempting the Nobility, Gentry &c from Taxes, Enlarging their Yearly Estates, and Enriching all the Subjects in the Kingdom, by a national Landbank». London. The third edition, 1696. — *151.*

[26] См. настоящее издание, том 23, стр. 734—736. — *151.*

[27] Маркс допускает неточность. Томас Манли не был автором анонимного трактата «Interest of Money Mistaken», вышедшего в Лондоне в 1668 году. — *152.*

[28] Намек на английского экономиста-финансиста Джона Ло, который, пытаясь осуществить на практике свою совершенно несостоятельную идею о том, будто государство посредством выпуска в обращение необеспеченных банкнот может увеличивать богатства страны, в 1716 г. основал во Франции частный банк, преобразованный в 1718 г. в госу-

дарственный банк. Одновременно с неограниченной эмиссией кредитных билетов банк Ло изымал из обращения звонкую монету. В результате получили неслыханное развитие биржевой ажиотаж и спекуляция, завершившиеся в 1720 г. полным банкротством государственного банка и самой «системы Ло». — *153.*

[29] Маркс цитирует памфлет «Bank Credit; or the Usefulness and Security of the Bank of Credit examined, in a Dialogue between a Country Gentleman and a London Merchant», приводимый в книге: J. Francis. «History of the Bank of England». Third ed., vol. I, London, 1848, p. 39—40. — *154.*

[30] Имеется в виду *«Societe generale du Credit Mobilier»* — крупное французское акционерное общество, созданное в 1852 г. братьями Перейр. Основной целью Credit Mobilier было посредничество в кредите и грюндерство (участие в учредительстве промышленных и других предприятий). Общество участвовало в железнодорожном строительстве во Франции, Австрии, Венгрии, Швейцарии, Испании и России. Главным источником его доходов была спекуляция на фондовой бирже. На средства, полученные от выпуска своих собственных акций, гарантируемых только имеющимися у него ценными бумагами других предприятий, Credit Mobilier скупал акции разных компаний, гарантируемые стоимостью их имущества. Таким образом, одна и та же реальная собственность вызывала к жизни фиктивный капитал в двойном размере. Credit Mobilier был тесно связан с правительством Наполеона III и пользовался его покровительством. В 1867 г. общество потерпело банкротство и в 1871 г. было ликвидировано. Появление в 50-х годах XIX в. Credit Mobilier как финансового предприятия нового типа было вызвано специфическими особенностями эпохи реакции, которая характеризовалась невероятным разгулом биржевого ажиотажа и спекуляции. По образцу французского Credit Mobilier аналогичные учреждения были созданы в ряде других стран Центральной Европы. Подлинную сущность Credit Mobilier Маркс раскрыл в ряде своих статей (см. настоящее издание, том 12, стр. 21—37, 203—217, 300—303 и др.). — *155.*

[31] Теорию дарового кредита Прудон развивал в работе: «Gratuite du Credit, Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon». Paris, 1850. — *157.*

[32] Имеется в виду заем в 100 гульденов с условием уплаты процентов в три срока на Лейпцигских ярмарках. В Лейпциге ежегодно устраивались три ярмарки: новогодняя, пасхальная (весенняя) и в Михайлов день (осенью). — *160.*

[33] A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». Vol. I, London, 1776, p. 182—202. Ср. также К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости». Часть II, М., 1957, стр. 355—357. — *164.*

[34] J. W. Johnston. «Notes on North America Agricultural Economical, and Social». Vol. I, Edinburgh and London, 1851. — *166.*

[35] J. Anderson. «A Calm Investigation of the Circumstances that have led to the Present Scarcity of Grain in Britain». London, 1801, p. 35—36, 38 (см. также К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости». Часть II, М., 1957, стр. 137—138); H. C. Carey. «The Past, the Present, and the

Future». Philadelphia, 1848, p. 129—131 (см. также К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости». Часть II, М., 1957, стр. 595). — *168.*

[36] *«Fruges consumere nati»* («рождены для вкушения плодов») — Гораций, «Послания», книга I, послание 2, 27. — *169.*

[37] О теории ренты Дж. Андерсона см. К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости». Часть II, М., 1957, стр. 107—109,114—118, 137—142. —*169.*

[38] *Уэст-Энд* — фешенебельный район Лондона, где сосредоточены особняки аристократии и крупной буржуазии. — *170.*

[39] *Темпл Бар* (Temple Bar) — исторический памятник Лондона, представляющий собой каменные ворота, расположенные между Стрэнд-стрит и Флит-стрит. Эти ворота соединяют район Сити и Вестминстера. — *170.*

[40] *Левиафан* — согласно библейским преданиям, огромное морское чудовище. — *170.*

[41] Имеется в виду речь Тьера 26 июля 1848 г. против предложений Прудона, внесенных в финансовую комиссию Национального собрания Франции. Речь опубликована в «Compte rendu des seances de l'Assemblee Nationale». Tome II, Paris, 1849, p. 666—671. Об этой речи Тьера см. также статью К. Маркса «О Прудоне» (см. настоящее издание, том 16, стр. 29). — *173.*

[42] Борьба между земельными собственниками и арендаторами закончилась принятием палатой общин в 1853 г. «Билля о правах, вытекающих из аренды», где имеется пункт, согласно которому по окончании срока аренды арендатор должен получить денежную компенсацию за произведенные им на земле улучшения. Подробно об этом см. статью К. Маркса «Индийский вопрос. — Ирландское арендное право» (см. настоящее издание, том 9, стр. 161—167). — *175.*

[43] *Хлебные законы,* направленные на ограничение или запрещение ввоза хлеба из-за границы, были введены в Англии в интересах крупных земельных собственников. Принятый в 1815 г. хлебный закон запрещал импорт хлеба до тех пор, пока цена на хлеб в самой Англии оставалась ниже 80 шилл. за квартер. В 1822 г. этот закон был несколько видоизменен, а в 1828 г. была введена скользящая шкала, согласно которой ввозные пошлины на хлеб повышались с понижением его цены на внутреннем рынке и, наоборот, — понижались с повышением этой цены, Промышленная буржуазия, боровшаяся против хлебных законов под лозунгом свободы торговли, добилась их отмены в 1846 году. — *176.*

[44] Речь идет о войнах, которые вела Англия с 1793 по 1815 г. против Французской республики и наполеоновской империи. — *176.*

[45] Имеется в виду книга: «The Three Prize Essays on Agriculture and the Corn Law». Published by the National Anti-Corn-Law League. Manchester—London, 1842, в которую включены три очерка, Дж. Хоупа, Р. Грега и А. Морзе, удостоенные премии Лиги против хлебных законов. — *176.*

[46] Речь идет о Синих книгах: «Report from the Select Committee on Petitions relating to the Corn Laws of this Kingdom: together with the Minutes, of Evidence, and an Appendix of Accounts». Ordered by The House of Commons, to be printed, 26 July 1814; «Reports respecting Grain, and the Corn Laws: viz: First and Second Reports from The Lords Committees, appointed to enquire into the State of the Growth, Commerce, and Consumption of Grain, and all Laws relating thereto». Ordered, by the House of Commons, to be Printed, 23 November 1814.

Синие книги (Blue Books) — общее название публикаций материалов английского парламента и дипломатических документов министерства иностранных дел. Синие книги, получившие свое название из-за синей обложки, издаются в Англии с XVII века и служат основным официальным источником для изучения экономической и дипломатической истории этой страны. — *177.*

[47] По *законам о бедных,* существовавшим в Англии с XVI века, в каждом приходе взимался особый налог в пользу бедных; те жители прихода, которые не могли обеспечить себя и свою семью, получали вспомоществование через кассу помощи бедным из фонда, образуемого за счет упомянутого налога. — *177.*

[48] См. настоящее издание, том 23, стр. 688—690. — *177.*

[49] Имеются в виду следственные комиссии палаты лордов по вопросу о высоте заработной платы, заседавшие в 1814—1815 годах. — *177.*

[50] *Общество искусств и ремесел* (Society of Arts) — буржуазно-просветительное и филантропическое общество, основанное в 1754 г. в Лондоне. Общество широковещательно объявляло своей целью «поощрение искусств, ремесел и торговли» и всех тех, кто способствует «предоставлению беднякам занятий, расширению торговли, обогащению страны» и т. п. Оно пыталось выступать в роли посредника между рабочими и предпринимателями. Это общество Маркс называл «Обществом искусств и надувательств». — *178.*

[51] Речь идет о конгрессе Национальной ассоциации поощрения социальных наук.

Национальная ассоциация поощрения социальных наук (National Association for the Promotion of Social Science) — буржуазно-просветительное филантропическое общество, основанное в 1857 году. В его составе было много членов парламента. Общество ставило своей целью способствовать развитию и практическому использованию социальных наук. — *178.*

[52] У Маркса неточность. Здесь цитируется работа Джона Локарта Мортона, тогда как выше упоминался Джон Чалмерс Мортон. — *179.*

[53] Имеется в виду Институт Франции — высшее научное учреждение, состоящее из нескольких отделений, или академий; существует с 1795 года. — *179.*

[54] Обогащение почвы после некоторых культур, например, бобовых, — теперь факт бесспорный, и объясняется оно деятельностью так называемых клубеньковых бактерий, развивающихся на корневой системе растений и фиксирующих азот воздуха. Особая роль этих бактерий была раскрыта наукой после Маркса. — *180.*

[55] См. настоящее издание, том 23, стр. 686—709. — *181.*

[56] *«The Morning Star»* («Утренняя звезда») — английская ежедневная газета, орган фритредеров, выходила в Лондоне с 1856 по 1869 год. — *181.*

[57] P. E. Dove. «The Elements of Political Science». Edinburgh, 1854, p. 264, 273. — *182.*

[58] P. E. Dove. «The Elements of Political Science». Edinburgh, 1854, p. 279. — *188.*

[59] См. настоящее издание, том 13, стр. 25—26; том 23, стр. 98. — *189.*

[60] Маркс употребляет здесь, а также в нескольких случаях и в дальнейшем, термин «Produktionskosten» в смысле цены производства. — *203.*

[61] См. примечание 43. — *209.*

[62] F. W. Newman. «Lectures on Political Economy». London, 1851, p. 158. — *209.*

[63] См. H. Storch. «Cours d'economie politique, ou Exposition des principes qui determinent la prosperite des nations». Tome II, St.-Petersbourg, 1815, p. 78—79 (об этом см. также К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости». Часть II, М., 1957, стр. 92 и 287). — *210.*

[64] Маркс имеет в виду следующие работы: [E. West.] «Essay on the Application of Capital to Land, with Observations shewing the Impolicy of any Great Restriction of the Importation of Corn». By a Fellow of University College of Oxford. London, 1815; Th. R. Malthus. «Principles of Political Economy considered with a view to their practical Application». 2nd edition with considerable additions from the author's own manuscript and an original memoir. London, 1836; Th. R. Malthus. «An Inquiry into the Nature and Progress of Rent, and the Principles by which it is regulated», London, 1815; D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition, London, 1821, chapter II. — *211.*

[65] Маркс имеет в виду работу: G. Opdyke. «A Treatise on Political Economy». New York, 1851. — *221.*

[66] Это положение высказывается в работе Мальтуса: «An Essay on the Principle of Population». London, 1798. — *224.*

[67] См. J. Liebig. «Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agricultur und Physiologie». 7. Auflage, Braunschweig, 1862. — *302.*

[68] D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition, London, 1821, chapter II. — *316.*

[69] Маркс имеет в виду, очевидно, один из выпусков осуществленного в Париже в 1824—1837 гг. многотомного издания: M. Dombasle. «Annales agricoles de Roville, ou Melanges d'agriculture, d'economie rurale et de legislation agricole». — *319.*

[70] R. Johnes. «An Essay on the Distribution of Wealth, and on the Sources of Taxation»: Part I: Rent. London, 1831, p. 227. Об этом см. также К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости». Часть III, М., 1961, стр. 377—390. — *219.*

[71] См. G. Ramsay. «An Essay on the Distribution of Wealth». Edinburgh, 1836, p. 278—279. — *328.*

[72] См. [E. G. Wakefield.] «England and America. A Comparison of the Social and Political State of both Nations». Vol. I, London, 1833, p. 214— 215. — *330.*

[73] H. Passy. «Rente du Sol». In: «Dictionnaire de l'economie politique». Tome II, Paris, 1854, p. 515. — *330.*

[74] О законах об огораживании см. настоящее издание, том 23, стр. 736— 739. — *330.*

[75] *Потоси* — город на юге Боливии, был основан испанскими конкистадорами в 1547 г. в местности, где в 1545 г. было открыто богатое месторождение серебряных руд. Эксплуатация этих рудников явилась одним из источников обогащения господствующих классов Испании. — *334.*

[76] Маркс имеет в виду следующие работы: S. Laing. «National Distress; its Causes and Remedies». London, 1844; F. W. Newman. «Lectures on Political Economy». London, 1851. — *334.*

[77] См. настоящее издание, том 24, стр. 263—264. — *335.*

[78] Имеется в виду работа: Rodbertus. «Sociale Briefe an von Kirchmann. Dritter Brief: Widerlegung der Ricardo'schen Lehre von der Grundrente und Begrundung einer neuen Rententheorie». Berlin, 1851. Обстоятельный критический анализ теории ренты Родбертуса Маркс дает в «Теориях прибавочной стоимости». Часть II, М., 1957, стр. 3—106, 142— 154. — *340.*

[79] Речь идет о работе К. Маркса «Теории прибавочной стоимости». — *340.*

[80] См. G. W. F. Hegel. «Encyclopadie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse». Erster Theil. Die Logik. Werke. Band VI. Berlin, 1840, S. 404. — *341.*

[81] Маркс имеет в виду помещенную без подписи в этом журнале рецензию на только что вышедшую тогда книгу Джонса «An Essay on the Distribution of Wealth». См. «Edinburgh Review». Том LIV, август — декабрь 1831, стр. 94—95.

«The Edinburgh Review, or Critical Journal» («Эдинбургское обозрение, или Критический журнал») — английский буржуазный литературно-политический журнал, выходил с 1802 по 1929 год. В 20—30-х годах XIX в. выпускался раз в 3 месяца и был органом партии вигов.

Сохо-сквер — фешенебельный квартал в лондонском районе Сохо. — *342.*

[82] H. Passy. «Rente du Sol». In: «Dictionnaire de l'economie politique». Tome II, Paris, 1854, p. 511. — *346.*

[83] О земельной ренте как нормальной форме прибавочной стоимости Петти высказывается в своей работе «A Treatise of Taxes & Contributions». London, 1667, p. 23—24. Подробно Маркс разбирает взгляды Петти в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, том 26, часть I, стр. 163—165, 356—366).

Подобные взгляды Кантильона содержатся в работе: «Essai sur la nature du commerce en general». In: «Discours politiques». Tome III, Amsterdam, 1756. — *346.*

[84] См. К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости. (IV том «Капитала»)» (настоящее издание, том 26, часть I, стр. 12—39, 305—346, 383— 385). — *346.*

[85] См. настоящее издание, том 13, стр. 139—140. — *347.*

[86] J. Steuart. «An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy». Vol. I, Dublin, 1770, p. 396. — *348.*

[87] E. Daire. «Introduction sur la doctrine des physiocrates». In: «Physiocrates. Avec une introduction et des commentaires par E. Daire». Premiere partie. Paris, 1846; H. Passy. «Rente du Sol». In: «Dictionnaire de l'economie politique». Tome II, Paris, 1854, p. 511. — *348.*

[88] См. A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». Vol. I, London, 1776, p. 64. — *349.*

[89] Маркс имеет в виду акты о коммутации десятины 1836—1860 гг. (Tithe Commutation Acts), по которым была отменена уплата церковной десятины натурой и введены периодические денежные платежи за землю. — *350.*

[90] K. Arnd. «Die naturgemasse Volkswirthschaft, gegenuber dem Monopoliengeiste und dem Communismus, mit einem Ruckblicke auf die einschlagende Literatur». Hanau, 1845, S. 461—462. — *352.*

[91] [N. Linguet.] «Theorie des loix civiles, ou Principes fondamentaux da la societe». Tomes I—II, Londres, 1767. Об этом см. также настоящее издание, том 26, часть I, стр. 347—352. — *353.*

[92] См. J. Moser. «Osnabruckische Geschichte». Theil I, Berlin und Stettin, 1780. — *353.*

[93] См. примечание 78. — *365.*

[94] E. Buret. «Cours d'economie politique». Bruxelles, 1842; A. Tocqueville. «L'ancien regime et la revolution». Paris, 1856; J. C. L. Simonde de Sismondi. «Nouveaux principes d'economie politique, ou De la richesse dans ses rapports avec la population». Seconde edition, tome I, Paris, 1827. — *367.*

[95] Th. Tooke, W. Newmarch. «A History of Prices, and of the State of the Circulation, during the nine years 1848—1856. In two volumes; forming the fifth and sixth volumes of the History of Prices from 1792 to the present time». Vol. VI, London, 1857, p. 29—30. — *372.*

[96] Маркс имеет в виду работы: L. Mounier. «De l'agriculture en France, d'apres les documents officiels avec des remarques par M. Rubichon». Paris, 1846; M. Rubichon. «Du mecanisme de la societe en France et en Angleterre». Nouvelle edition. Paris, 1837. — *373.*

[97] См. [J. Massie.] «An Essay on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest; wherein The Sentiments of Sir William Petty and Mr. Locke, on that Head, are considered». London, 1750, p. 23—24. — *376.*

[98] *Черные банды* (Bandes Noires) — общества спекулянтов, возникли во Франции в XIX веке; занимались покупкой крупных имений и распродажей их небольшими участками, поскольку спрос и цена на мелкие участки были значительно выше, чем при продаже земель крупными участками. — *376.*

[99] M. Rubichon. «Du mecanisme de la societe en France et en Angleterre». Nouvelle edition. Paris, 1837. — *376.*

[100] См. F. W. Newman. «Lectures on Political Economy». London, 1851, p. 180—181. — 376.

[101] См. L. Mounier. «De l'agriculture en France, d'apres les documents officiels avec des remarques par M. Rubichon». Paris, 1846. — *376.*

[102] См. J. Liebig. «Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agricultur und Physiologie». 7. Auflage, Braunschweig, 1862. — *378.*

[103] *«Rudis indigestaque moles»* («нестройная и грубая громада») — Овидий, «Метаморфозы», книга I, 7. — *381.*

[104] *«Третий в союзе»* — слова из баллады Шиллера «Порука»; их произносит тиран Дионисий, прося принять его в союз двух верных друзей. — *381.*

[105] См. настоящее издание, том 23, стр. 545—552. — *385.*

[106] См. W. Roscher. «System der Volkswirthschaft». Band I: «Die Grundlagen der Nationalokonomie». Dritte, vermehrte und verbesserte Auflage, Stuttgart und Augsburg, 1858. — *394.*

[107] A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». Vol. I, London, 1776, p. 63. Подробно взгляды Смита на заработную плату, прибыль и земельную ренту как на источники стоимости Маркс разбирает во II томе «Капитала» (см. настоящее издание, том 24, стр. 407—438) и в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, том 26, часть I, стр. 68—79). — *394.*

[108] См. настоящее издание, том 24, стр. 447. — *407.*

[109] J. B. Say. «Traite d'economie politique». Quatrieme edition, tome II, Paris, 1819. — *410.*

[110] См. Th. Tooke. «An Inquiry into the Currency Principle». 2nd ed., London, 1844, p. 36. — *412.*

[111] P. J. Proudhon. «Qu'est-ce que la propriete? ou Recherches sur le principe du droit et du gouvernement». Paris, 1841, p. 201—202. — *412.*

[112] См. A. Quetelet. «Sur l'homme et le devoloppement de ses facultes, ou Essai de pliysique sociale». Tomes I—II, Paris, 1835. — *431.*

[113] Очевидно, Маркс имеет в виду работу: «A Prize Essay on the Comparative Merits of Competition and Cooperation». London, 1834. — *456.*

[114] Настоящая работа была написана Энгельсом после выхода в свет III тома «Капитала» К. Маркса. В письме к Каутскому от 21 мая 1895 г. Энгельс сообщал о своем намерении напечатать в журнале «Neue Zeit» дополнения к III тому «Капитала» в виде двух статей. Первая статья «Закон стоимости и норма прибыли» была написана в связи с шумом, поднятым в буржуазной экономической литературе вокруг мнимого «противоречия» между I и III томами «Капитала». Она была опубликована вскоре после смерти Энгельса в органе Социал-демократической партии Германии «Neue Zeit». Для второй статьи был набросан план-конспект из 7 пунктов, соответственно важнейшим проблемам, которые Энгельс имел в виду рассмотреть в этой статье. Рукопись озаглавлена «Биржа. Дополнительные замечания к III тому «Капитала»».

«Die Neue Zeit» («Новое время») — политико-теоретический журнал германской социал-демократии, выходил в Штутгарте с 1883 по октябрь 1890 г. ежемесячно, с октября 1890 по осень 1923 г. — еженедельно. Редактором журнала с 1883 г. был К. Каутский, с октября 1917 г. до осени 1923 г. — Г. Кунов. В 1885—1894 гг. Энгельс опубликовал в журнале ряд статей, постоянно помогал своими советами редакции журнала и нередко критиковал ее за допускавшиеся в журнале отступления от марксизма. Со второй половины 90-х годов после смерти Энгельса в журнале стали систематически печататься статьи ревизионистов. В годы первой мировой войны журнал занимал центристскую позицию, фактически поддерживая социал-шовинистов. — *459.*

[115] *«Nuova Antologia di scienze, lettere ed arti»* («Новая антология науки, литературы и искусства») — итальянский литературно-художественный и публицистический журнал либерального направления, выходил с 1866 по 1878 г. один раз в месяц во Флоренции, с 1878 по 1943 г. — два раза в месяц в Риме. — *464.*

[116] *Дулькамара* — персонаж оперы Доницетти «Любовный напиток»; образ пройдохи и шарлатана. — *464.*

[117] «*La Rassegna»* («Обозрение») — итальянский двухнедельный журнал буржуазного направления, выходил с 1892 по 1895 г. в Неаполе.

«La Riforma Sociale» («Социальная реформа») — итальянский ежемесячный журнал буржуазно-либерального направления, выходит с 1894 г. в Турине и Риме. — *467.*

[118] Гейне. Послесловие к Романсеро. — *468.*

[119] *Сганарель* — персонаж комедии Мольера «Дон Жуан», слуга Дон Жуана; тип ловкого и трусливого пройдохи. — *468.*

[120] Энгельс имеет в виду библейскую легенду о волхве Валааме, который был приглашен моавитянским царем Валаком навести проклятие на

израильтян. Однако по внушению бога Валаам вместо проклятия произнес благословение. Энгельс иронически высмеивает беспринципность и двуличие Лориа. — *468.*

[121] *«Archiv fur soziale Gesetzgebung und Statistik»* («Архив по вопросам социального законодательства и статистики») — немецкий политико-экономический журнал, под этим названием выходил 4 раза в год с 1888 по 1903 г. в Тюбингене, затем в Берлине под редакцией социал-демократа Г. Брауна. — *468.*

[122] *«Sozialpolitisches Centralblatt»* («Социально-политический центральный листок») — немецкий еженедельный журнал социал-реформистского направления, под данным названием выходил в Берлине в 1892— 1895 гг. под редакцией социал-демократа Г. Брауна. — *469.*

[123] Энгельс имеет в виду письмо К. Шмидта от 1 марта 1895 года. Критический анализ этих положений дан Энгельсом также в ответном письме К. Шмидту от 12 марта 1895 года. — *469.*

[124] Имеется в виду открытие Кубы, Гаити и Багамских островов, материка Северной Америки, морского пути в Индию вокруг южной оконечности Африки и, наконец, материка Южной Америки. — *478.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

В

Г

Д

З

К

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

Ю

Я

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРУЕМОЙ И УПОМИНАЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Anderson, J. A Calm investigation of the circumstances that have led to the present scarcity of grain in Britain. London, 1801 *(Андерсон, Дж.* Беспристрастное исследование обстоятельств, приведших к нынешней дороговизне хлеба в Британии. Лондон, 1801). — 168.

Arnd, K. Die naturgemasse Volkswirthschaft, gegenuber dem Monopoliengeiste und dem Communismus, mit einem Ruckblicke auf die einschlagende Literatur. Hanau, 1845 *(Арнд, К.* Сообразная природе политическая экономия в противопоставлении духу монополий и коммунизму, с обзором относящейся сюда литературы. Ханау, 1845). — 352.

Augier, M. Du credit public et de son histoire depuis les temps anciens jusqu'a nos jours. Paris, 1842 *(Ожье, М.* Об общественном кредите и о его истории с древних времен до наших дней. Париж, 1842). — 142—143, 161.

Bank Credit; or the Usefulness and security of the bank of credit examined, in a dialogue between a country gentleman and a London merchant (Банковский кредит, или Исследование полезности и надежности банковского кредита, в форме диалога между сельским дворянином и лондонским купцом). — 154.

Bastiat, Fr. Gratuite du credit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon. Paris, 1850 *(Бастиа, Фр.* Безвозмездность кредита. Дискуссия между г-ном Фр. Бастиа и г-ном Прудоном. Париж, 1850). — 157.

Bell, G. M. The Philosophy of joint stock banking. London, 1840 *(Белл, Дж. М.* Философия акционерных банков. Лондон, 1840). — 92.

Briscoe, J. A Discourse on the late funds of the million-act, lottery-act, and Bank of England. Shewing, that they are injurious to the nobility and gentry, and ruinous to the trade of the nation. Together with proposals for the supplying their majesties with money on easy terms, exempting

* В тех случаях, когда не удалось установить с достоверностью, каким изданием той или иной работы пользовался Маркс, в данном указателе приводится ее первое издание. В квадратные скобки заключены выявленные имена авторов книг, вышедших анонимно. Звездочкой отмечены работы, переведенные на русский язык.

the nobility, gentry &c from taxes, enlarging their yearly estates, and enriching all the subjects in the Kingdom, by a national land-bank. The third edition. London, 1696 *(Бриско, Дж.* Очерк о последних фондах, полученных по актам о миллионе, лотерее и Английском банке, показывающий, что они несправедливы по отношению к аристократии и дворянству и разрушительны для торговли нации. А также предложения о том, как обеспечить с помощью национального земельного банка их величества деньгами на льготных условиях, освобождая при этом знать, мелкое дворянство и т. д. от налогов, увеличивая их годовые доходы и обогащая всех подданных королевства. Издание третье. Лондон, 1696). — 151.

Buret, E. Cours d'economie politique. Bruxelles, 1842 *(Бюре, Э.* Курс политической экономии. Брюссель, 1842). — 367.

Busch, J. G. Theoretisch-praktische Darstellung der Handlung in ihren mannichfaltigen Geschaften. Band II. 3. Ausgabe. Hamburg, 1808 *(Бюш, И. Г.* Теоретически-практическое описание торговли в ее разнообразных видах. Том II. 3 издание. Гамбург, 1808). — 162.

[Cantillon, R.] Essai sur la nature du commerce en general. In: Discours politiques. Tome III. Amsterdam, 1756 *([Кантильон, Р.]* Опыт о природе торговли вообще. В книге: Политические трактаты. Том III, Амстердам, 1756). — 346.

Carey, H. C. The Past, the present, and the future. Philadelphia, 1848 *(Кэри, Г. Ч.* Прошлое, настоящее и будущее. Филадельфия, 1848). — 168.

Chamberlayne, H. A Proposal by Dr. Hugh Chamberlayne, in Essex Street, for a bank of secure current credit to be founded upon land, in order to the general good of landed men, to the great increase of the value of land, and the no less benefit of trade and commerce. [London], 1695 *(Чемберлен, X.* Предложение д-ра Хью Чемберлена, из Эссекс-стрит, учредить банк гарантированного текущего кредита для сельского хозяйства, в целях достижения общего благосостояния землевладельцев, большого повышения стоимости земли и не меньшей выгоды для предпринимательства и торговли. [Лондон], 1695). — 151.

Child, J. Traites sur le commerce et sur les avantages qui resultent de la reduction de l'interest de l'argent. Avec un petit traite contre l'usure, par Thomas Culpeper. Traduits de l'Anglois. Amsterdam et Berlin, 1754 *(Чайлд, Дж.* Трактаты о торговле и о выгодах, проистекающих из снижения процента с денег. С маленьким трактатом против ростовщичества, написанным Томасом Калпепером. Перевод с английского. Амстердам и Берлин, 1754). — 152—153.

Comte, Ch. Traite de la propriete. Tomes I—II. Paris, 1834 *(Конт, Ш.* Трактат о собственности. Тома I—II. Париж, 1834). — 166.

The Currency theory reviewed; in a letter to the Scottish people. By a banker in England. Edinburgh, 1845 (Теория денежного обращения. Письмо английского банкира к шотландскому народу. Эдинбург, 1845). — 15, 66.

Daire, E. Introduction sur la doctrine des physiocrates. In: Physiocrates. Avec une introduction et des commentaires par E. Daire. Premiere partie. Paris, 1846 *(Дэр, Э.* Вступительная статья об учении физиократов. В книге: Физиократы. С вступительной статьей и комментариями Э. Дэра. Часть первая. Париж, 1846). — 348.

*Doctrine de Saint-Simon. Exposition. Premiere annee. 1828— 1829. Troisieme edition. Paris, 1831 (Учение Сен-Симона. Изложение. Первый год. 1828—1829.

Третье издание. Париж, 1831). — 1-55.

Dombasle, M. Annales agricoles de Roville, ou Melanges d'agriculture, d'economie rurale et de legislation agricole. Paris, 1824—1837 *(Домбаль, М.* Ровильский сельскохозяйственный ежегодник, или Различные материалы о сельском хозяйстве, о его экономике и об относящемся к нему законодательстве. Париж, 1824—1837). — 319.

Dove, P. E. The Elements of political science. Edinburgh, 1854 *(Дав, П. Э.* Основы политической науки. Эдинбург, 1854). — 182, 188.

[Enfantin, B. P.] Religion saint-simonienne. Economie politique et politique. Paris, 1831 *([Анфантен, Б. П.]* Религия сенсимонистов. Политическая экономия и политика. Париж, 1831). — 154, 157—158.

**Engels, F.* Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Nach eigner Anschauung und authentischen Quellen. Leipzig, 1845 *(Энгельс, Ф.* Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам. Лейпциг, 1845). — 335.

**Engels, F.* Editor's preface. In: *K. Marx.* Capital: a critical analysis of capitalist production. Vol. I. London, 1887 *(Энгельс, Ф,* Предисловие издателя. В книге: *К. Маркс.* Капитал. Критический анализ капиталистического производства. Том I, Лондон, 1887). — 32.

Forcade, E. La guerre du socialisme. II. L'economie politique revolutionnaire et sociale. In: «Revue des deux Mondes», nouvelle serie, tome XXIV. Paris, 1848 *(Форкад, Э.* Война социализма. II. Революционная и социальная политическая экономия. В журнале: «Revue des deux Mondes», новая серия, том XXIV. Париж, 1848). — 412—413.

Francis, J. History of the Bank of England, its times and traditions. Third edition. Vol. I. London, 1848 *(Фрэнсис, Дж.* История Английского банка, его эпоха и традиции. Издание третье. Том I. Лондон, 1848). — 151—153.

Gilbart, J. W. The History and principles of banking. London, 1834 *(Гилбарт, Дж. У.* История и принципы банковской системы. Лондон, 1834). — 160.

Gilbart, J. W. An Inquiry into the causes of the pressure on the money market during the year 1839. London, 1840 *(Гилбарт, Дж. У.* Исследование причин угнетенного состояния на денежном рынке в 1839 году. Лондон, 1840). — 86, 90—91.

Hardcastle, D. Banks and Bankers. Second edition. London, 1843 *(Хардкасл, Д.* Банки и банкиры. Издание второе. Лондон, 1843). — 91, 161.

**Hegel, G. W. F.* Encyclopadie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Theil I. Die Logik. Werke. Band VI. Berlin, 1840 *(Гегель, Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук в сжатом очерке. Часть I. Логика. Сочинения. Том VI. Берлин, 1840). — 341.

**Hegel, G. W. F.* Grundlinien der Philosophie des Rechts. Werke. Zweite Auflage. Band VIII. Berlin, 1840 *(Гегель,* Г. *В. Ф.* Основы философии права. Сочинения. Издание второе. Том VIII. Берлин, 1840). — 165.

Heyd, W. Geschichte des Levantehandels im Mittelalter. Band II. Stuttgart, 1879 *(Хейд, В.* История левантийской торговли средних веков. Том II. Штутгарт, 1879). — 476—477.

Hullmann, K. D. Stadtewesen des Mittelalters. Theil II, Bonn, 1827 *(Хюльман, К. Д.* Города средневековья. Часть II, Бонн, 1827). — 146—147.

An Inquiry into those principles, respecting the nature of demand and the necessity of consumption, lately advocated by Mr. Malthus,

from which it is concluded, that taxation and the maintenance of unproductive consumers can be conducive to the progress of wealth. London, 1821 (Исследование недавно защищавшихся г-ном Мальтусом принципов, которые касаются природы спроса и необходимости потребления и из которых делается вывод, что налоги и содержание непроизводительных потребителей могут способствовать росту богатства. Лондон, 1821). — 196.

Interest of money mistaken, or a Treatise, proving, that the abatement of interest is the effect and not the cause of the riches of a nation, and that six per cent is a proportionable interest to the present condition of this kingdom. London, 1668 (Ошибочное мнение о проценте с денег, или Трактат, доказывающий, что снижение процентной ставки является не причиной, а следствием богатства нации и что шесть процентов есть ставка, соответствующая нынешнему состоянию нашего королевства. Лондон, 1668). — 152.

**Johnes, R.* An Essay on the distribution of wealth, and on the sources of taxation. Part I: Rent. London, 1831 *(Джонс, Р.* Опыт о распределении богатства и об источниках налогов. Часть I: Рента. Лондон, 1831). — 319.

Johnston, J. F. W. Notes on North America agricultural, economical, and social. Vol. I. Edinburgh and London, 1851 *(Джонстон, Дж. Ф. У.* Заметки о Северной Америке по сельскохозяйственным, экономическим и социальным вопросам. Том I. Эдинбург и Лондон, 1851). — 166, 222—225.

Kinnear, J. G. The Crisis and the currency: with a comparison between the english and scotch systems of banking. London, 1847 *(Киннир, Дж. Г.* Кризис и денежное обращение: сравнение английской и шотландской банковских систем. Лондон, 1847). —72.

Laing, S. National distress; its causes and remedies. London, 1844 *(Ленг, С.* Национальное бедствие, его причины и средства к его устранению. Лондон, 1844). — 334.

Laing, S. A New series of the great city frauds of Cole, Davidson, & Gordon, corrected and enlarged. Fifth edition. London [1869] *(Ленг, С.* Новая серия крупных финансовых мошенничеств Коула, Дейвидсона и Гордона. Издание пятое, исправленное и дополненное. Лондон [1869]). — 82.

**Lavergne, L. de.* The Rural economy of England, Scotland, and Ireland. Translated from the French. Edinburgh and London, 1855 *(Лавернь, Л. де.* Сельское хозяйство Англии, Шотландии и Ирландии. Перевод с французского. Эдинбург и Лондон,1855). — 180.

**Liebig, J.* Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agricultur und Physiologie. In zwei Theilen. Siebente Auflage. Theil I: Der chemische Proces der Ernahrung der Vegetabilien. Braunschweig, 1862 *(Либих, Ю.* Химия в приложении к земледелию и физиологии. В двух частях. Издание седьмое. Часть I: Химический процесс питания растений. Брауншвейг, 1862). — 302, 378.

[Linguet, N.] Theorie des loix civiles, ou Principes fondamentaux de la societe. Tomes I—II. Londres, 1767 *([Ленге, Н.]* Теория гражданских законов, или Основные принципы общества. Тома I—II. Лондон, 1767). —353.

List, F. Die Ackerverfassung die Zwergwirthschaft und die Auswanderung. Stuttgart und Tubingen, 1842 *(Лист, Ф.* Земельное устройство, карликовое хозяйство и эмиграция. Штутгарт и Тюбинген, 1842). — 457.

Loria, A. L'opera postuma di Carlo Marx. In: «Nuova Antologia di scienze, lettere ed arti», terza serie, vol. LV, N 3, 1 Febbraio 1895 *(Лориа, А.* Посмертное произведение Карла Маркса.

В журнале: «Nuova Antologia di scienze, lettere ed arti», третья серия, том LV, № 3, 1 февраля 1895). — 463, 464.

Luther, M. An die Pfarrherrn wider den Wucher zu predigen. Vermanung. Wittemberg, 1540 *(Лютер, М.* Наказ приходским священникам выступать с проповедями против ростовщичества. Виттенберг, 1540). — 161.

Idem. In: Der sechste Teil der Bucher des ehrnwirdigen Herrn Doctoris Martini Lutheri. Wittembergk,. 1589 *(То же.* В книге: Шестая часть книг достопочтенного г-на доктора Мартина Лютера. Виттенберг, 1589). — 160—161.

**Macaulay, Th. B.* The History of England from the accession of James the Second. Vol. IV. London, 1855 *(Маколей, Т. Б.* История Англии со времени восшествия на престол Якова II. Том IV. Лондон, 1855). — 153.

**[Malthus, Th. R.]* An Essay on the principle of population. London, 1798 *([Мальтус, Т. Р.]* Опыт о законе народонаселения. Лондон,1798). — 224.

**Malthus, Th. R.* An Inquiry into the nature and progress of rent, and the principles by which it is regulated. London, 1815 *(Мальтус, Т. Р.* Исследование о природе и возрастании ренты, а также о принципах, ее регулирующих. Лондон, 1815). — 211.

Malthus, Th. R. Principles of political economy considered with a view to their practical application. 2nd edition with considerable additions from the author's own manuscript and an original memoir. London, 1836 *(Мальтус, Т. Р.* Начала политической экономии, рассмотренные в расчете на их практическое применение. Издание второе, со значительными добавлениями из собственной рукописи автора и с краткой биографией автора. Лондон, 1836). — 211.

Maron, H. Extensiv oder Intensiv? Ein Kapitel aus der landwirtschaftlichen Betriebslehre. Oppeln, 1859 *(Марон, Г.* Экстенсивно или интенсивно? Глава о сельскохозяйственном производстве. Оппельн, 1859). — 373.

**Marx, К.* Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Erster Band. Buch I: Der Produktionsprocess des Kapitals. Vierte, durchgesehene Auflage. Hamburg, 1890 *(Маркс, К.* Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга I: Процесс производства капитала. Издание четвертое, просмотренное. Гамбург, 1890). — 29, 68—70, 120, 142, 151, 165—166, 177, 181, 189, 315, 358, 384—385, 404, 421, 451, 474.

**Marx, К.* Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. Zweiter Band. Buch II: Der Cirkulationsprocess des Kapitals. Herausgegeben von F. Engels. Hamburg, 1885 *(Маркс, К.* Капитал. Критика политической экономии. Том второй. Книга II: Процесс обращения капитала. Издан под редакцией Ф. Энгельса. Гамбург, 1885). — 22, 77, 78, 109, 335, 395, 404, 407, 413.

**Marx, К.* Misere de la philosophie. Reponse a la philosophie de la misere de M. Proudhon. Paris— Bruxelles, 1847 *(Маркс, К.* Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона. Париж — Брюссель, 1847). — 157, 168.

**Marx, К.* Zur Kritik der politischen Oekonomie. Erstes Heft. Berlin, 1859 *(Маркс, К.* К критике политической экономии. Выпуск первый. Берлин, 1859). — 93—96, 107, 157, 189, 347.

[Massie, J.] An Essay on the governing causes of the natural rate of interest; wherein the sentiments of Sir William Petty and Mr Locke on that head, are considered. London, 1750 *([Масси, Дж.]* Опыт о причинах, определяющих естественную норму процента; где рассматриваются взгляды сэра Уильяма Петти и

г-на Локка по этому вопросу. Лондон, 1750). — 376.

Mill, J. St. Essays on some unsettled questions of political economy. London, 1844 *(Милль, Дж. Ст.* Очерки о некоторых нерешенных вопросах политической экономии. Лондон, 1844). — 450.

**Mommsen, Th.* Romische Geschichte. Zweite Auflage, Berlin, 1856 *(Моммзен, Т.* История Рима. Издание второе. Берлин, 1856). — 350.

Morton, J. Ch. On the forces used in agriculture. In: «The Journal of the Society of Arts». Vol. VII, December 9, 1859 *(Мортон, Дж. Ч.* О силах, используемых в земледелии. В журнале: «The Journal of the Society of Arts». Том VII, 9 декабря 1859 г.). — 178.

Morton, J. L. The Resources of estates: being a treatise on the agricultural improvement and general management of landed property. London, 1858 *(Мортон, Дж. Л.* Ресурсы имений: трактат об улучшениях в сельском хозяйстве и об общем управлении земельной собственностью. Лондон, 1858). — 179, 227.

Moser, J. Osnabruckische Geschichte. Theil I. Berlin und Stettin, 1780 *(Мёзер, Ю.* Оснабрюкская история. Часть I. Берлин и Штеттин, 1780). — 353.

Mounier, L. De l'agriculture en France, d'apres les documents officiels, avec des remarques par Rubichon. Tomes 1—2. Paris, 1846 *(Мунье, Л.* О сельском хозяйстве Франции, по официальным документам с замечаниями Рюбишона. Тома 1—2. Париж, 1846).— 373, 376.

Newman, F. W. Lectures on political economy. London, 1851 *(Ньюмен, Ф. У.* Лекции по политической экономии. Лондон, 1851). — 144, 209, 334, 376.

**[North, D.]* Discourses upon trade; principally directed to the cases of the interest, coynage, clipping, increase of money. London, 1691 *([Норс, Д.]* Очерки о торговле, главным образом по вопросам о проценте, о чеканке денег, о порче монеты, об увеличении количества денег. Лондон, 1691). —161.

Opdyke, G. A Treatise on political economy. New York, 1851 *(Опдайк, Дж.* Трактат по политической экономии. Нью-Йорк, 1851). — 221.

Passy, H. Rente du sol. In: Dictionnaire de l'economie politique. Tome II. Paris, 1854 *(Пасси, И.* Земельная рента. В книге: Словарь политической экономии. Том II. Париж, 1854). — 330, 346. 348.

Pecqueur, C. Theorie nouvelle d'economie sociale et politique, ou Etudes sur l'organisation des societes. Paris, 1842 *(Пеккёр, К.* Новая теория социальной и политической экономии, или Исследования об организации обществ. Париж, 1842). — 158.

**[Petty, W.]* A Treatise of taxes & contributions. London, 1667 *([Петти, У.]* Трактат о налогах и сборах. Лондон, 1667). — 346.

A Prize essay on the comparative merits of competition and cooperation. London, 1834 (Удостоенный премии опыт о сравнительных достоинствах конкуренции и кооперации. Лондон, 1834). — 456.

The Three Prize essays on agriculture and the corn law. Published by the National Anti-Corn-Law League. Manchester — London, 1842 (Три удостоенных премии очерка о сельском хозяйстве и хлебных законах. Опубликовано национальной Лигой против хлебных законов. Манчестер — Лондон, 1842). — 176.

Proudhon, P. J. Gratuite du credit — см. *Bastiat, Fr.* Gratuite du credit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon.

Proudhon, P. J. Qu'est-ce que la propriete? ou Recherches sur le principe du droit et du gouvernement. Paris, 1841 *(Прудон, П. Ж.* Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти. Париж, 1841). — 412.

***Quetelet, A.* Sur l'homme et le developpement de ses facultes, ou Essai de physique sociale. Tomes I—II. Paris, 1835 *(Кетле, А.* О человеке и развитии его способностей, или Опыт социальной физики. Тома I—II. Париж, 1835). — 431.

Ramsay, G. An Essay on the distribution of wealth. Edinburgh, 1836 *(Рамсей, Дж.* Опыт о распределении богатства. Эдинбург, 1836). — 328.

Reden, F. W. von. Vergleichende Kultur-Statistik der Gebiets- und Bevolkerungsverhaltnisse der Gros-Staaten Europa's. Berlin, 1848 *(Реден, Ф. В. фон.* Сравнительная статистика культуры, территории и народонаселения великих держав Европы. Берлин, 1848). — 8.

Religion saint-simonienne — см. *[Enfantin, B. P.]* Religion saint-simonienne; Economie politique et politique.

**Ricardo, D.* On the principles of political economy, and taxation. Third edition. London, 1821 *(Рикардо, Д.* О началах политической экономии и налогового обложения. Издание третье. Лондон, 1821). — 200, 201, 211, 316, 333, 381, 410, 423.

**Rodbertus, J. K.* Sociale Briefe an von Kirchmann. Dritter Brief: Widerlegung der Ricardo'schen Lehre von der Grundrente und Begrundung einer neuen Rententheorie. Berlin, 1851 *(Родбертус, И. К.* Социальные письма к фон Кирхману. Письмо третье: Опровержение учения Рикардо о земельной ренте и обоснование новой теории ренты. Берлин, 1851). — 340, 365.

**Roscher, W.* System der Volkswirthschaft. Band I: Die Grundlagen der Nationalokonomie. Dritte, vermehrte und verbesserte Auflage. Stuttgart und Augsburg, 1858 *(Рошер, В.* Система народного хозяйства. Том I: Основы политической экономии. Издание третье, дополненное и исправленное. Штутгарт и Аугсбург, 1858). — 394.

Rubichon, M. Du mecanisme de la societe en France et en Angleterre. Nouvelle edition. Paris, 1837 *(Рюбишон, М.* Об общественном механизме Франции и Англии. Новое издание. Париж, 1837). — 179, 373, 376.

**Saint-Simon, H.* Nouveau christianisme. Paris, 1825 *(Сен-Симон, А.* Новое христианство. Париж, 1825). — 154.

**Say, J. B.* Traite d'economie politique. Quatrieme edition. Tome II. Paris, 1819 *(Сэй, Ж. Б.* Трактат по политической экономии. Издание четвертое. Том II. Париж, 1819). — 410.

Schmidt, C. Der dritte Band des «Kapital». In: «Sozialpolitisches Centralblatt», 25. Februar 1895 *(Шмидт, К.* Третий том «Капитала». В журнале: «Sozialpolitisches Centralblatt», 25 февраля 1895 г.). — 469.

**Sismondi, J. C. L. Simonde de.* Nouveaux principes d'economie politique, ou De la richesse dans ses rapports avec la population. Seconde edition. Tomes I—II. Paris, 1827 *(Сисмонди, Ж. Ш. Л. Симонд де.* Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. Второе издание. Тома I—II. Париж, 1827). — 18—19, 367.

**Smith, A.* An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. Vol. I. London, 1776 *(Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. Том I. Лондон, 1776). —14, 164, 328, 334—336, 349, 394, 411.

Sombart, W. Zur Kritik der okonomischen Systems von Karl Marx. In: «Archiv fur soziale Gesetzgebung und Statistik». Band VII, 1894 *(Зомбарт, В.* К критике экономической системы Карла Маркса. В журнале: «Archiv fur soziale Gesetzgebung und Statistik». Том VII, 1894). — 468.

Steuart, J. An Inquiry into the principles of political oekonomy.

In three volumes. Vol. I. Dublin, 1770 *(Стюарт, Дж.* Исследование о началах политической экономии. В трех томах. Том I. Дублин, 1770). — 348.

Storch, H. Considerations sur la nature de revenu national. Paris, 1824 *(Шторх, Г.* Соображения о природе национального дохода. Париж, 1824). — 415—416, 421.

**Storch, H.* Cours d'economie politique, ou Exposition des principes qui determinent la prosperite des nations. Tomes I—II. St.-Petersbourg, 1815 *(Шторх, Г.* Курс политической экономии, или Изложение начал, определяющих благоденствие народов. Тома I—II. С.-Петербург, 1815). — 210, 394, 415.

Thiers, A. (Тьер, А.) Речь в Национальном собрании Франции 26 июля 1848 г. In: Compte rendu des seances de l'Assemblee Nationale. Tome II. Paris, 1849 (В книге: Протоколы заседаний Национального собрания. Том II. Париж, 1849). — 173.

Some Thoughts of the interest of England. By a lover of commerce. London, 1697 (Некоторые мысли о проценте в Англии. Написано доброжелателем торговли. Лондон, 1697). — 156.

Thun, A. Die Industrie am Niederrhein und ihre Arbeiter. Theil II. Leipzig, 1879 *(Тун, А.* Нижнерейнская промышленность и ее рабочие. Часть II. Лейпциг, 1879). — 476.

**Tocqueville, A.* L'ancien regime et la revolution. Paris, 1856 *(Токвиль, А.* Старый режим и революция. Париж, 1856). — 367.

Tooke, Th. An Inquiry into the currency principle; the connection of the currency with prices, and the expediency of a separation of issue from banking. Second edition. London, 1844 *(Тук, Т.* Исследование законов денежного обращения; связь денежного обращения с ценами и целесообразность отделения выпуска банкнот от банковского дела. Издание второе. Лондон, 1844). — 412.

Tooke, Th. A History of prices, and of the state of the circulation. Vol. I—VI. London, 1838—1857 *(Тук, Т.* История цен и состояние обращения. Тома I—VI. Лондон, 1838—1857). — 27.

Tooke, Th.; Newmarch, W. A History of prices, and of the state of the circulation, during the nine years 1848—1856. In two volumes; forming the fifth and sixth volumes of the History of prices from 1792 to the present time. Vol. VI. London, 1857 *(Тук, Т.; Ньюмарч, У.* История цен и состояние обращения за девять лет с 1848 по 1856 г. В двух томах, составляющих пятый и шестой тома труда об истории цен за период с 1792 г. по настоящее время. Том VI. Лондон, 1857). — 372.

Tuckett, J. D. A History of the past and present state of the labouring population, including the progress of agriculture, manufactures, and commerce. In two volumes. Vol. I. London, 1846 *(Таккет, Дж. Д.* История положения трудящегося населения в прошлом и настоящем, включая развитие сельского хозяйства, промышленности и торговли. В двух томах. Том I. Лондон, 1846). — 151.

Vincard, P. Histoire du travail et des travailleurs en France. Tomes I—II. Paris, 1845—1846 *(Венсар, П.* История труда и трудящихся во Франции. Тома I—II. Париж, 1845—1846). — 349.

[Wakefield, E. G.] England and America. A comparison of the social and political state of both nations. In two volumes. London, 1833 *([Уэйкфилд, Э. Г.]* Англия и Америка. Сравнение социального и политического положения обоих народов. В двух томах. Лондон, 1833). — 315, 330.

Walton, A. A. History of the landed tenures of Great Britain and Ireland, from the norman con-

quest to the present time, dedicated to the people of the United Kingdom. London, 1865 *(Уолтон, А. А.* История землевладения в Великобритании и Ирландии с норманского завоевания до настоящего времени. Посвящается народу Соединенного королевства. Лондон, 1865). — 169—170.

[*West*, *E.*] Essay on the application of capital to land, with observations shewing the impolicy of any great restriction of the importation of corn. By a fellow of University college of Oxford. London, 1815 *([Уэст, Э.]* Опыт о приложении капитала к земле, с замечаниями, показывающими неразумность всякого значительного ограничения ввоза хлеба. Сочинение члена университетского колледжа в Оксфорде. Лондон, 1815). — 211.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ОТЧЕТЫ И ДРУГИЕ ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

First Report from the secret committee on commercial distress; with the minutes of evidence. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 8 June 1848 (Первый отчет секретной комиссии по торговому кризису; с протоколами показаний. Опубликовано по распоряжению палаты общин, от 8 июня 1848 г.). — 11, 15, 28—30.

Report from the secret committee of the House of Lords appointed to inquire into the causes of the distress which has for some time prevailed among the commercial classes, and how far it has been affected by the Laws for regulating the issue of bank notes payable on demand. Together with the minutes of evidence, and an appendix. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 28 July 1848. Reprinted, 1857 (Отчет секретной комиссии палаты лордов по расследованию причин бедствия, постигшего торговые классы, и того влияния, которое было оказано на него законами о регулируемом выпуске банкнот. С протоколами показаний и приложением. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 28 июля 1848 г. Перепечатано в 1857 г.). — 56, 70—74,85—86, 90, 99—101, 104—107, 109—111, 116.

Report from the select committee on bank acts; together with the proceedings of the committee, minutes of evidence, appendix and index. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 30 July 1857 (Отчет особой комиссии по банковскому законодательству; труды комиссии, протоколы показаний, приложение и указатель. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 30 июля 1857 г.). — 27, 36, 39—40, 44, 46, 54—56, 64, 65. 67, 69, 70, 72—75, 78—86, 88—90, 96—99, 103—105, 107—109, 111, 113, 114, 117—121, 123, 124, 126—133, 335.

Report from the select committee on the bank acts; together with the proceedings of the committee, minutes of evidence, appendix and index. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 1 July 1858 (Отчет особой комиссии по банковскому законодательству; труды комиссии, протоколы показаний, приложение и указатель. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 1 июля 1858 г.). — 17, 27, 40—41, 43, 68—70, 112.

Report from the select committee on petitions relating to the corn laws of this Kingdom: together with minutes of evidence, and an appendix of accounts. Ordered by the House of Commons, to be printed, 26 July 1814 (Отчет особого комитета о петициях, касающихся хлебных законов королев-

ства, с протоколами показаний и приложением. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 26 июля 1814 г.). — 177.

Reports respecting grain, and the corn laws: viz: First and second reports from the Lords Committees, appointed to enquire into the state of the growth, commerce, and consumption of grain, and all laws relating thereto. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 23 November 1814 (Отчеты о зерне и хлебных законах: Первый и второй отчеты комиссии палаты лордов, уполномоченной изучить положение с производством, торговлей и потреблением зерна, а также все законы в этой области. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 23 ноября 1814 г.). — 177.

Reports of the inspectors of factories to Her Majesty's Principal Secretary of State for the Home Department (Отчеты фабричных инспекторов министру внутренних дел ее величества). — 175.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

«Archiv fur soziale Gesetzgebung und Statistik» («Архив социального законодательства и статистики»), Берлин, т. VII, 1894. — 468.

«The Daily Neuws» («Ежедневные новости»), Лондон, 15 декабря 1892 г. — 15—16.

— 18 января 1894 г. — 90. *«The Economist»* («Экономист»), Лондон, тт. II—V, 1844—1847 гг. — 96.

— т. V, 22 мая 1847 г. — 87, 133—137.

— т. V, 21 августа 1847 г. —137—138.

— т. V, 23 октября 1847 г. — 110.

— т. V,20ноября1847г. — 41—42.

— т. V, 11 декабря 1847 г. — 120.

— т. VIII, 30 ноября 1850 г. — 140.

— т. IX, 11 января 1851 г.—139.

«The Edinburgh Review, or Critical Journal» («Эдинбургское обозрение, или Критический журнал»), том LIV, август — декабрь 1831 г. — 342.

«The Journal of the Society of Arts» («Журнал общества искусств и ремесел»), Лондон, т. VII, 9 декабря 1859 г. — 178.

«The Morning Star» («Утренняя звезда»), Лондон, 14 декабря 1865 г.— 181.

«Die Neue Zeit» («Новое время»), Штутгарт, 1895—1896, Bd. I. № 1. — 459.

«Nuova antologia di scienze, lettere ed arti» («Новая антология науки, литературы и искусства»), Рим, третья серия, том LV, № 3, 1 февраля 1895 г. — 463, 464.

«La *Rassegna»* («Обозрение»), Неаполь, 1895, № 1. — 467.

«Revue des deux Mondes» («Обозрение Старого и Нового света»), Париж, 1848, новая серия, т. XXIV. — 412—413.

«La Riforma sociale» («Социальная реформа»), Турин и Рим, 25 февраля 1895 г. — 467, 468.

«Sozialpolitisches Centralblatt» («Социально-политическая центральная газета»), Берлин, 25 февраля 1895 г. — 469.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Гейне. Диспут (цикл «Романсеро»). — 86.

Гейне. Послесловие к Романсеро (цикл «Романсеро»). — 468.

Гораций. Послания. — 169.

Мольер. Дон Жуан. — 468.

Овидий. Метаморфозы. — 381.

Шиллер. Порука. — 381.

* * *

Библия. — 141, 468.

УКАЗАТЕЛЬ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ЦИТИРУЕМЫХ КНИГ*

Гегель. Энциклопедия философских наук. Часть I. Логика. Перевод Б. Столпнера. М.—Л., 1930 *(Гегель.* Сочинения. Том I). — 341 (336).

Гегель. Философия права. Перевод Б. Столпнера. М.—Л., 1934 *(Гегель.* Сочинения. Том VII). — 165 (71—72, 80).

Джонс, Р. Опыт о распределении богатства и об источниках налогов (в книге: *Р. Джонс.* Экономические сочинения. Соцэкгиз, 1937). — 319 (152).

Изложение учения Сен-Симона. Перевод с французского под редакцией и с комментариями Э. А. Желубовской. Вступительная статья В. П. Волгина. М., 1961. — 155 (288—289).

Кетле, А. Человек и развитие его способностей или Опыт общественной физики. Том I. Спб., 1865. — 431.

Лавернь, Г. Л. де. Сельское хозяйство в Англии, Шотландии и Ирландии. М., 1859. — 180 (31, 35, 36).

Либих, Ю. Химия в приложении к земледелию и физиологии. Комментарии и редакция перевода проф. А. Н. Лебедянцева. М.—Л., 1936 (перевод с сокращениями). — 302 (96—104), 378.

Либих, Ю. Химия в приложении к земледелию и физиологии растений. Перевод проф. Ильенкова. М., 1870. — 302 (94—109), 378.

Маколей. История Англии от восшествия на престол Иакова II. Часть VI. Спб., 1864 *(Маколей.* Полное собрание сочинении. Том XI. Том переведен Н. Г. Чернышевским). — 153 (361).

Мальтус, Т. Р. Опыт закона о народонаселении. Перевод И. А. Вернера. М., 1895 (перевод с сокращениями). — 224.

Мальтус, Т. Р. Опыт о законе народонаселения. Перевел П. А. Бибиков. Том I. Спб., 1868. — 224.

Мальтус, Т. Р. Исследование о природе и развитии ренты, а также о началах ее регулирующих. Перевод А. Миклашевского

* Настоящий указатель содержит только последние из имеющихся русских переводов цитируемых и упоминаемых Марксом книг. Однако для работ, которые последний раз были выпущены в сокращенном виде, сделано исключение. В этом случае приводится также и предыдущий, более полный перевод. В указателе проставлены страницы настоящего тома, на которых Маркс цитирует или упоминает данную работу, и рядом в круглых скобках — соответствующие страницы цитируемой книги.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ*

А

* Предметный указатель составлен ко всему 25 тому. Римская цифра I означает I часть, римская цифра II — II часть тома.

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

Я

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ТРЕТЬЯ
ПРОЦЕСС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА, ВЗЯТЫЙ В ЦЕЛОМ

Часть вторая

* Слова в скобках включены в оглавление Энгельсом. *Ред.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Том подготовлен к печати *И. Г. Казьминой*

Помощник подготовителя *Л. Р. Миськевич*

Техническую подготовку наборного экземпляра

осуществила *В. А. Архангельская*

Редактор *А. И. Малыш*

Технический редактор *Ц. Л. Бейлина*

Корректоры *В. П. Аносова* и *А. М. Холина*

*

Сдано в набор 4/IV 1962 г. Подписано к печати 10/VIII 1962 г. Формат $60 \times 92^{1}/_{16}$. *Физ. печ. л.* $34^{3}/_{4}$. *У слоен. печ. л. 34,75. Уч.-изд. л. 36,92. Тираж 119 тыс. экз.*

Заказ № 1445. Цена 1 руб.

*

Государственное издательство политической литературы. Москва, А-47, Миусская пл., 7.

*

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление целлюлозно-бумажной и полиграфической промышленности.

Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.